ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Балканы знакомые и незнакомые

СОБЫТИЯ, ЛИЧНОСТИ, НАРРАТИВЫ. XVIII–XXI ВВ.

МОСКВА
2022

УДК 94
ББК 63.3(4)
Б20

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
и Национального научного фонда Болгарии
в рамках работы над исследовательским проектом № 20-59-18004

АВТОРЫ:

А.С. Аникеев, М.В. Белов, Т.Г. Биткова, В. Божинов, Т.В. Волокитина, Т. Георгиева, Н.С. Гусев, Л.В. Ермишин, А. Животич, П.А. Искендеров, Ю. Константинова, Ю.В. Лобачёва, К.В. Мельчакова, А. Миланова, Т.В. Никитина, О.Е. Петрунина, Р. Прешленова, С. Симеонов, Н.Н. Станков, А.С. Стыкалин, Е. Троева-Григорова, М.М. Фролова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Т.В. Волокитина (отв. ред.), К.В. Мельчакова, М.М. Фролова

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

О.А. Дубовик, П.В. Мошечков

Балканы знакомые и незнакомые: события, личности, нарративы. XVIII–XXI вв. / под общ. ред. Т.В. Волокитиной (отв. ред.), К.В. Мельчаковой, М.М. Фроловой. — М.: Институт славяноведения РАН, 2022. — 604 с., 4 отд. л. цв. ил.

Б20

ISBN 978-5-7576-0477-0 DOI 10.31168/7576-0477-0

Коллективный труд подготовлен учеными Института славяноведения РАН и продолжает традицию изучения различных аспектов истории народов Балканского полуострова в Новое и Новейшее время. Внимание исследователей из России, Болгарии и Сербии сфокусировано на освещении некоторых тенденций и ключевых векторов исторического развития этого сложного региона. В работе затрагиваются следующие темы: формирование национальных идей, модернизационные процессы, внешнеполитические вызовы и внутриполитическое развитие в XVIII–XXI вв., историческая политика стран Балканского полуострова в настоящее время.

Книга будет интересна как специалистам по истории славянских и балканских народов, так и широкому кругу читателей.

УДК 94
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-7576-0477-0
DOI 10.31168/7576-0477-0

© Коллектив авторов, текст, 2022
© Институт славяноведения РАН, 2022
© Дизайн обложки, П.К. Донской, 2022

Содержание

К читателю *(**Волокитина Т.В.**)* 9

Глава 1

Национальные идеи и балканские «национализмы»

Петрунина О.Е.

Церковь и национальная идея в Греции в XIX — начале XX вв. 21

Прешленова Р.

Славянофильство болгарских купцов-экспатриантов, образование и национальные идеи в XIX в. 39

Искендеров П.А.

Великий Восточный кризис 1875–1878 гг. и национальные идеи у балканских народов 48

Глава 2

Внешнеполитические вызовы времени и балканский «ответ»

Симеонов С.

Служить нации, представлять империю: консулы России на Балканах (1774–1878 гг.) 73

Станков Н.Н.

К истории становления отношений между СССР и королевской Югославией в 1923–1928 гг. (по документам советских миссий в Праге) 82

Животич А.

СССР и правительство Королевства Югославия в изгнании: от разрыва дипломатических отношений до военного союза (май–август 1941 г.): историографические аспекты 123

Аникеев А.С.

У истоков движения неприсоединения: югославский фактор. 1953–1961 гг. 141

Стыкалин А.С.
Историческая политика режима Чаушеску: усиление националистических тенденций и реакция Москвы 202

Глава 3
Балканская внутриполитическая палитра: факты, действующие лица, мифы историографии и реалии

Миланова А.
Опера и формирование национального пантеона героев в Румынии в XIX в. 229

Фролова М.М.
Болгарские четы в Ловченском крае в 1877 г.: мифы историографии и реалии опубликованных источников 241

Гусев Н.С.
Записки русских путешественников о Македонии 1878–1913 гг. в оценках отечественной и зарубежной историографии 275

Константинова Ю.
Наследство Зафира Сароглу — личные, региональные, национальные и имперские аспекты 305

Ермишин Л.В.
«Оранжевая гвардия» БЗНС: абрис политического портрета 327

Георгиева Т.
Движение казаков-самостийников и их деятельность в Болгарии в 30-е годы XX в. 349

Глава 4
Модернизационные процессы на Балканах

Лобачёва Ю.В.
Женщина в Сербии во второй половине XIX — начале XX вв.: к историографии вопроса 369

Мельчакова К.В.
Реформы Османской империи
в области просвещения в Боснийском вилайете
в оценках российских дипломатов 395

Никитина Т.В.
Модернизация и национализм в Греции. 1910–1932 гг. . . . 418

Волокитина Т.В.
Советская модель в Болгарии
как социалистический модернизационный проект
(1950-е — 1960-е годы) 436

Глава 5
Балканы — день сегодняшний

Троева-Григорова Е.
Этногенез болгар: историографические траектории
и массовая культура 497

Биткова Т.Г.
Балканы ли Румыния? Мнения политиков,
экспертов, ученых и образы повседневной жизни 525

Белов М.В.
Историческая политика в странах бывшей Югославии:
некоторые итоги исследовательского проекта 550

Божинов В.
Имперские амбиции Реджепа Тайипа Эрдогана
на Балканах. Возможно ли появление
новой Османской Турции? 564

Вместо заключения (*Волокитина Т.В.*) 571

Аннотации 573

Abstracts 587

Сведения об авторах 601

The Balkans, familiar and unfamiliar:
events, personalities, narratives. The 18th–21st centuries 603

Contents

Preface (*Volokitina Tatiana V.*) 9

Chapter 1

National ideas and Balkan kinds of nationalism

Petrunina Olga E.
The Church and the national idea in Greece in the 19th — early 20th centuries 21

Preshlenova Rumiana I.
Slavophilism of Bulgarian expatriate merchants, education and national ideas in the 19th century 39

Iskenderov Petr A.
The Great Eastern Crisis of 1875–1878 and national ideas among the Balkan peoples 48

Chapter 2

Foreign policy challenges of the time and the Balkan "response"

Simeonov Simeon A.
To Serve the Nation, to Represent the Empire: Russian Consuls in the Balkans (1774–1878) 73

Stankov Nikolai N.
On the history of the formation of relations between the USSR and the Kingdom of Yugoslavia in 1923–1928 (according to the documents of the Soviet missions in Prague) 82

Zivotić Alexandr.
The USSR and the Government of the Kingdom of Yugoslavia in exile: from the break-off of diplomatic relations to the military Alliance (May–August 1941): historiographical highlights 123

Anikeev Anatoliy S.
At the onset of the Non-Aligned Movement: the Yugoslav factor. 1953–1961 141

Stykalin Alexandr S.
The politics of history of the Ceauşescu regime: strengthening of nationalist tendencies and Moscow's reaction 202

Chapter 3
The Balkan political palette: facts, actors, myths of historiography and realities

Milanova Alexandra D.
Opera and the creation of a national pantheon of heroes in nineteenth-century Romania 229

Frolova Marina M.
Bulgarian *Chets* (armed detachments) in the Lovech region in 1877: myths of historiography and the realities of published sources 241

Gusev Nikita S.
Notes of Russian travelers about Macedonia 1878–1913 assessed by Russian and foreign researchers 275

Konstantinova Yura T.
Zafir Saroglu's Legacy: Personal, Regional, National and Imperial Aspects 305

Ermishin Leonid V.
The Orange Guard of the Bulgarian Agrarian National Union, outline of a political portrait 327

Georgieva Tina N.
The Free Cossacks movement and its activity in Bulgaria in the 1930s 349

Chapter 4
Modernization processes in the Balkans

Lobacheva Yuliia V.
Woman in Serbia in the second half of the 19th — early 20th centuries: historiography on the issue 369

Melchakova Ksenia V.
Educational reforms in the Ottoman Empire in the Bosnian Vilayet in the assessments of Russian diplomats 395

Nikitina Tatiana V.
Modernization and Nationalism in Greece. 1910–1932 418

Volokitina Tatiana V.
Soviet model in Bulgaria as a socialist Modernization project (1950s–1960s) 436

Chapter 5
The Balkans today

Troeva-Grigorova Evgeniia P.
Ethnogenesis of Bulgarians: historiographic trajectories and popular culture 497

Bitkova Tatiana G.
Does Romania belong to the Balkans? Opinions of politicians, experts, scientists and images of everyday life 525

Belov Michael V.
Politics of history in the countries of the former Yugoslavia: some results of the research project 550

Bozhinov Vojn K.
Recep Tayyip Erdogan's imperial ambitions in the Balkans. Is the emergence of a new Ottoman Turkey possible? 564

Conclusion (*Volokitina Tatiana V.*) 571

Abstracts 573

About the Authors 601

The Balkans, familiar and unfamiliar: events, personalities, narratives. The 18th–21st centuries 603

DOI 10.31168/7576-0477-0.0.1

К читателю

Не впервые объектом научного исследования становятся Балканы — сложный регион Европы, на землях которого на протяжении многих столетий история перетасовывала различные племена и народы, языки и диалекты, конфессии и деноминации, культуры, традиции. Разным оказался и уровень экономического, общественного и культурного развития региональных государств и их населения. Почти постоянная политическая нестабильность и конфликтогенность региона закрепила за Балканами негативные характеристики — «пороховой погреб» или «пороховая бочка», «уязвимое подбрюшье» Европы. В XX веке этот перечень пополнило получившее широкое хождение определение «балканизация», отражающее не только споры и противостояние из-за границ и территорий, но и практически непрерывную атомизацию геополитического пространства региона.

Сложная и драматическая история Балкан всегда привлекала внимание отечественных исследователей. В советское время историографию обогатили труды Г.Л. Арша, В.Н. Виноградова, И.С. Достян, Ю.А. Писарева, С.А. Никитина, В.Г. Карасёва, А.А. Улуняна, В.И. Фрейдзона, В.П. Грачёва, И.И. Лещиловской, Н.И. Хитровой, И.В. Чуркиной и других историков, чьи публикации не утратили актуальности, несмотря на смену исследовательской парадигмы. «Архивная революция» конца 1990-х годов привела к формированию новой источниковой базы, открыла этап верификации многих устоявшихся выводов и оценок, переосмысления и нового прочтения прошлого. Этот процесс продолжается и ныне.

К настоящему времени ученые далеко продвинулись в изучении специфики региона, воплощенной в понятии *Балкан-*

ская модель мира, оперируют определениями *балканское пространство* и *балканское время*, признают *балканскую наднациональную и надрелигиозную идентичность**. Увязывая географические, климатические и природные условия Балкан с формировавшимся своим типом культуры, который передавался во времени как сугубо балканская институция, исследователи усматривают в «балканском пространстве» некую штампующую жизнь человека «матрицу традиционализма»**, распространяют её действие, и даже «диктат»***, на Новое и Новейшее время.

В 1990-е — начале 2000-х годов в соответствии с задачами антропологически ориентированной истории объектом особого исследовательского внимания стал *homo balkanicus* (человек балканский). Пришло понимание, что изучение таких важнейших вопросов, как мироощущение балканских народов, существовавших в пограничной зоне между Востоком и Западом, их ментальность, национальные идеалы, ценности, герои, региональная демографическая и конфессиональная обстановка в её динамике, особенности модернизационных процессов в «другой Европе», балканской, отношение титульных наций и национальных меньшинств и, наконец, Балканы как зона столкновения геостратегических интересов великих держав, невозможно без учета влияния «балканской матрицы», её, хотя и отложенного, воздействия на события более позднего времени.

Важной вехой в изучении указанной проблематики стало создание в Институте славяноведения РАН (ИСл РАН) серий-

---

* Подробнее см., например: *Цивьян Т.В.* Балканская модель мира // *Цивьян Т.В.* Модель мира и её лингвистические основы (изд. 3-е, исправл.). М., 2006. С. 67, 94–108; *Михайлов В.Т.* Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 2. С. 140–152.

** *Топоров В.Н.* Балканский макротекст и древнебалканская нео-энеолитическая цивилизация (общий взгляд) // Восток и Запад в общей картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова / редкол.: Т.Н. Свешникова, И.А. Седакова, Т.В. Цивьян. М., 2007. С. 15.

*** *Гришина Р.П.* Модернизация по-балкански: диктует матрица (конец XIX — середина XX века) // Славяноведение. 2004. № 3. С. 33–46.

ных трудов по истории Балкан. В 2004–2017 гг. в свет вышла четырехтомная «История Балкан в Новое время», в которой были последовательно изложены ключевые проблемы региона, начиная с рубежа XVII–XVIII вв. до начала Первой мировой войны — *История Балкан. Век восемнадцатый* (2004), *История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)* (2011), *История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.)* (2012) и, наконец, *История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.)* (2017). Под пером исследователей клубок исторических событий начал последовательно разматываться, начиная с XVIII в., когда Балканы избавились от отведенной им «Европой» трактовки единственно как части Османской империи и превратились в важную компоненту системы международных отношений. Представляя читателю особенности и итоги охвативших Балканы процессов, авторы внесли значительную лепту в изучение «долгого» в мировой истории XIX века. Однако для «европеизировавшихся» Балкан это столетие, по мнению исследователей, оказалось «коротким»: старт новой истории там был дан в 1878 г. после окончания русско-турецкой войны и подписания Берлинского трактата. Рассмотрение европейской и балканской панорамы событий, доведенных хронологически до начала Первой мировой войны, позволило авторскому коллективу издания — В.Н. Виноградов, Г.Л. Арш, Ю.П. Аншаков, Е.К. Вяземская, П.А. Искендеров, А.В. Карасёв, В.Б. Каширин, В.И. Косик, И.Ф. Макарова, Л.Е. Семёнова, О.В. Соколовская, Р.Р. Субаев, М.В. Фридман, В.Б. Хлебникова, А.Л. Шемякин — сложить пеструю мозаику общественной, политической, духовной и культурной жизни балканских народов.

Внимание к XIX — первой половине XX вв. отразила институтская серия трудов «Человек на Балканах». Вполне естественно исследования приобрели междисциплинарный характер, объединив историков, этнологов, демографов, социологов, культурологов, архивистов. В центре научных изысканий оказались сложнейшие вопросы «модернизации по-балкански», рассмотренные в книгах серии: *Синдром отягощенной наслед-*

ственности (последняя треть XIX — первая половина XX в. (2004); *Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.)* (2006); *Человек на Балканах глазами русских* (2011); *Социокультурные измерения модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX вв.)* (2012); *Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913)* (2012); *Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг.* (2016). Помимо российских авторов — Р.П. Гришиной, А.Л. Шемякина, Ю.П. Аншакова, М.В. Белова, Р.Н. Игнатьева, П.А. Искендерова, В.И. Косика, Л.В. Кузьмичёвой, Д.О. Лабаури, А.А. Силкина, Ар.А. Улуняна, В.Б. Хлебниковой, Ю.В. Шахина и др., результаты своей работы представили коллеги из Болгарии, Сербии, Румынии, Украины — М. Йованович, Л. Перович, А. Растович, А. Животич, С. Кович, А. Тимофеев, М. Куманов, С. Елдаров, Ф. Соломон, Д.В. Миколенко.

Балканские сюжеты неизменно присутствуют в повестках российских и международных гуманитарных конференций, семинаров, на заседаниях «круглых столов». Балканисты — всегда желанные участники традиционных Никитинских чтений, ежегодно проводимых в Институте славяноведения РАН на базе Отдела славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время; с ноября 2020 г. в ИСл РАН регулярно действует Балканский семинар (координаторы О.Е. Петрунина, А.К. Александрова), на заседаниях которого обсуждаются вопросы политического, экономического, социального и культурного развития балканских стран и народов в прошлом и на современном этапе. Аудитория семинара постоянно расширяется, интерес к нему проявляют ученые ближнего и дальнего зарубежья.

Нельзя не отметить реализуемые совместными усилиями российских и иностранных ученых научно-исследовательские проекты по балканской проблематике. В частности, в апреле 2013 г. в ходе реализации проекта Института славяноведения РАН и Института балканистики с Центром фракологии БАН (Болгария) в Москве была проведена международная кон-

ференция «Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.», в которой также приняли участие специалисты Сербской академии наук и искусств и Румынской академии. Годом позже вышел в свет сборник статей по материалам конференции*. В 2020 г. грантами РФФИ и Болгарского научного фонда был поддержан проект «Векторы исторического развития и национальные идеи на Балканах. XVIII–XXI вв.». По ходу работы в декабре 2021 г. в Москве была проведена международная конференция, материалы которой вошли и в настоящую публикацию.

Проведенные исследования показывают, что проблемно-хронологический диапазон событий балканской истории как объектов нового прочтения (болгарский историк Николай Поппетров удачно назвал этот процесс «реинтерпретацией»**) весьма широк: от национального Возрождения народов региона до социалистического прошлого и связанного с ним «советского фактора». Конкретно реинтерпретации подвергаются ключевые проблемы истории Балкан: формирование национальных программ и становление государственности у балканских народов, русско-турецкие войны и их геополитические итоги, освобождение Балкан от османского гнета, македонский и иные национальные вопросы, «исламский фактор», отношения власти и общества в разные исторические периоды, феномены русофобии (советофобии) и русофильства (советофильства), формирование исторической политики, политическая и социальная роль мифотворчества в прошлом и настоящем и пр.

Реинтерпретация как научное действо не имеет сегодня какой-либо серьезной альтернативы, однако предлагаемые новые интерпретационные схемы нередко выходят за рамки научных интересов и задач, обслуживают действующие властные структуры и решение задач политической страте-

---

* Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв. Сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина. М., 2014.

** *Поппетров Н.* За интерпретацията на българската история на новото и най-новото време // Историкии. Научно изследване в чест на доцент д-р Стоян Танев по случай на неговата 70-годишнина. Шумен, 2007. С. 815.

гии, становясь частью «битвы за прошлое», которую ведут новые партии и элиты. Этому же служат и наблюдаемые ныне непрерывные любительско-журналистские «набеги на историю», сопровождающиеся выбросами в информационное поле разного рода документальных «источников» и сенсационными «открытиями». Адекватный ответ на подобные явления — создание многомерного, основанного на репрезентативных источниках и их добросовестной интерпретации исторического полотна. Это тем более необходимо, что такой подход к истории балканских народов, обращение к глубинным истокам и корням их политического поведения в прошлом дают надежду ответить на некоторые актуальные вопросы дня сегодняшнего. В частности, о причинах жестоких конфликтов в регионе в конце XX столетия, следствием которых явилось заметное изменение политической карты, а также относительно спокойной и мирной адаптации «балканцев» к новым реалиям очередного этапа глобализации, в том числе и в контексте отношений Восток — Запад.

На решение указанной задачи и были направлены усилия авторского коллектива. Каждый автор был полностью свободен в выборе темы, исследовательского ракурса, изложении своих позиций и оценок. При этом, естественно, сохраняется гипотетичность трактовок истории прошлого, рассматриваемая как один из методов научного познания.

Представленные в настоящем труде исследования структурно объединены в несколько самостоятельных разделов, отражающих, по мнению авторов, ключевые проблемы истории Балкан в XVIII–XXI вв.

Первый раздел *Национальные идеи и балканские «национализмы»* (авторы — П.А. Искендеров, О.Е. Петрунина, Р. Прешленова) посвящен нематериальным факторам — идеям, мечтаниям, проектам и прожектам, во множестве наблюдавшимся на Балканах в разные периоды истории региона. Представлены новые материалы о благотворительной деятельности болгарских купцов-экспатриантов в Вене и Бухаресте на заключительном этапе формирования нации во второй половине

XIX в., показана их важная роль в обучении и профессиональной подготовке болгарских студентов — будущих служителей национальной идеи. В контексте Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. рассмотрены истоки и проявления молодого агрессивного национализма вставших на путь возрождения балканских народов, как и первые ростки интеграционных настроений, оформлявшихся в мечтах о будущей федерации. На основе новых документальных источников выявлена роль Православной церкви в формировании национальной идеи в Греции в XIX — начале XX вв. Планы создания «Великой Албании», «Великой Болгарии», «Великой Румынии», «Великой Сербии», «Мегали идеа» в Греции, не будучи реализованными, приобрели в национальной памяти символическое значение «национального идеала», как оказалось, весьма живучего, а ностальгия по фантомным границам отражается в исторической политике современных балканских государств.

Внешнеполитические вызовы времени и балканский «ответ» представлены во втором разделе (авторы — А.С. Аникеев, А. Животич, С. Симеонов, Н.Н. Станков, А.С. Стыкалин). В публикуемых материалах рассмотрены различные аспекты внешней политики балканских государств в широком хронологическом диапазоне — от деятельности российских консулов на Балканах в XIX в. до советско-румынских противоречий на фоне усиления националистических тенденций в исторической политике режима Чаушеску. Особое внимание уделено позиции великих держав, безусловно, учитывавших в своей политике в регионе приписываемое ещё Бисмарку суждение: «Кто владеет Балканами, тот владеет Европой». Предпринята попытка показать процессы налаживания дипломатических контактов с Югославией в межвоенный период с учетом положения в «треугольнике» Прага–Белград–Москва, проанализировать отношения СССР и правительства Королевства Югославия в изгнании весной-летом 1941 г., когда под воздействием ситуативного фактора они неоднократно проходили стадии взаимного притяжения и отторжения, затрагивается тема создания движения неприсоединения во второй поло-

вине XX столетия и роли отлученной от «социалистического лагеря» Югославии в этом процессе.

Третий раздел *Балканская внутриполитическая палитра: факты, действующие лица, мифы историографии и реалии* (авторы — Т. Георгиева, Н.С. Гусев, Л.В. Ермишин, Ю. Константинова, А. Миланова, М.М. Фролова) знакомит с малоизвестными до настоящего времени сюжетами, в частности с особенностями формирования пантеона героев в Румынии в XIX в. (на примере национальных оперных произведений), с историей наследства, оставленного турецким купцом Зафиром Сароглу и ставшего в 1880-е годы предметом спора между Болгарским государством и проживавшими в Греции наследниками; с деятельностью в Болгарии казаков-самостийников в 1930-е годы. Представлены некоторые итоги изучения формирования и организационного оформления парамилитарного военного формирования болгарской крестьянской партии в Болгарии — «оранжевой гвардии». Авторы отдали дань и историографическому аспекту исследований, обратившись к освещению истории болгарских вооруженных отрядов (чет) в Ловченском крае в 1877 г. в современной болгарской литературе и к особенностям использования русских травелогов о Македонии 1878–1913 гг. отечественными и зарубежными исследователями.

В четвертом разделе *Модернизационные процессы на Балканах* (авторы — Т.В. Волокитина, Ю.В. Лобачёва, К.В. Мельчакова, Т.В. Никитина) показаны некоторые аспекты модернизации «по-балкански», начавшейся в рамках «европеизации» региона и приобретшей в XIX в. формат имитирующей, догоняющей западноевропейский «идеал». На примере Боснийского вилайета подробно охарактеризованы предпринятые в Османской империи реформы в области просвещения и их оценки российскими консулами; проанализированы особенности модернизации в Греции, проводимой либеральной партией под знаком Мегали идеа; в контексте изучения процессов модернизации в Сербии в XIX–XX вв. дается обзор современных сербских исторических гендерных исследований.

Альтернативная догоняющая модернизация по советской модели развернулась в балканских странах, исключая Грецию, по окончании Второй мировой войны. В разделе представлена болгарская специфика реализации советского модернизационного проекта в 1950-е — 1960-е годы и её итоги. История, как известно, повторяется: после краха социалистического «эксперимента» Балканы в наши дни вновь развиваются в русле догоняющей имитирующей модернизации.

И наконец, материалы пятого раздела *Балканы — день сегодняшний* (авторы — М.В. Белов, Т.Г. Биткова, В. Божинов, Е. Троева-Григорова) обрисовывают некоторые важные аспекты процесса формирования «исторической политики» в Румынии, Болгарии и на постъюгославском пространстве. В частности представлены итоги проекта «Историческая политика в странах бывшей Югославии», который реализовывался в 2019–2021 гг. силами ученых Института славяноведения РАН, Нижегородского, Санкт-Петербургского, Белградского университетов и МГИМО (Университета) МИД РФ. К полемике приглашают материалы, посвященные современным оценкам румынскими политиками и экспертами, в том числе историками, принадлежности Румынии к Балканам и возможности возвращения на Балканы «Османской Турции» в свете анализа имперских взглядов нынешнего лидера Реджепа Тайипа Эрдогана.

Рассматривая настоящую коллективную работу как продолжение серийных трудов Института славяноведения РАН о Балканах, авторы надеются, что совместными усилиями им удастся содействовать убедительному и аргументированному освещению некоторых тенденций и ключевых векторов исторического развития этого сложного региона и приращению эмпирического знания. С этой надеждой мы и предлагаем заинтересованному читателю материал для размышления.

Т.В. Волокитина

Глава 1

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕИ И БАЛКАНСКИЕ «НАЦИОНАЛИЗМЫ»

DOI 10.31168/7576-0477-0.1.1

Ольга Евгениевна
ПЕТРУНИНА

Церковь и национальная идея в Греции в XIX — начале XX вв.[*]

Логика современных научных исследований национальных идеологий и движений, а также острый политический и мировоззренческий кризис, в котором находится современный мир, обусловливают неизменную актуальность изучения отдельных компонентов национальных идей, факторов и институций, оказавших влияние на их эволюцию. На Ближнем Востоке и Балканах таким одновременно компонентом и институцией стала Православная церковь.

Отсутствие единого административного и духовного центра, каковым у католиков традиционно была папская курия, снижало риск церковно-государственных конфликтов, подобных тем, которые Европа пережила в период Реформации или просвещенного абсолютизма. В то же время, Православная церковь становилась удобным инструментом конструирования национальных идеологий и национальных движений, а процесс создания национальных Церквей шел рука об руку с национально-государственным строительством. Как справедливо отмечал один из крупнейших православных богословов XX в. протопресвитер Александр Шмеман, церковная автокефалия стала «основой национальной и политической независимости, статусом-символом новой “христианской нации”»[1].

Поскольку в Новое время Константинопольский патриарх, по аналогии с римским первосвященником, претендовал на аб-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Проект № 20-59-18004 «Векторы исторического развития и национальные идеи на Балканах в XVIII–XXI вв.».

солютное первенство в православном мире, то все церковно-национальные выступления XIX — начала XX вв. были направлены против греков. А как обстояли дела в самом греческом мире? Как греческие Церкви сочетали в себе национальное и наднациональное начала?

В греческом обществе существует устойчивое, хотя и понемногу разрушающееся ныне представление о том, что православие и Церковь сыграли важную роль в подготовке национального освобождения греков и являются одним из ключевых критериев национальной самоидентификации. Действительно, оставшись единственным легитимным социальным институтом для христиан Османской империи, Церковь имела возможность сохранять национальную культуру и транслировать её как через религиозные институты и практики, так и через образование. На XVIII — начало XIX вв. приходится расцвет греческих школ в Империи, во многих из них учителями были священники и монахи. Уже тогда среди церковной иерархии и учителей появляются выпускники европейских университетов, вносившие в образование на родине новые подходы, методы, идеи, пропитанные духом Просвещения. Всё более популярной в греческом мире становится и светская литература. Новые идеи включали в себя концепции нации и народного суверенитета. Среди их адептов следует отметить Адамантиоса Кораиса, который был одним из идеологов преобразований в Церкви и одним из первых высказал мысль о создании независимой греческой Церкви в освобожденном государстве[2].

Новые идеи были подхвачены греческими элитами, нашли поддержку среди клириков. Такие представители духовенства, как митрополит Патрский Герман, опирались на них в своих сочинениях[3], а ставшие в 1821 г. боевыми командирами Папафлессас и Афанасиос Дьякос воплощали в жизнь с оружием в руках. Фигура митрополита Германа, принимающего клятву у повстанцев перед знаменем восстания, стала одним из символов национально-освободительной революции 1821 г.

Однако тогда же проявилась и дихотомия «национальное — вселенское». Восстание в столице Империи Константинополе

сорвалось, и патриархия, олицетворявшая собой центр вселенского православия, осталась под властью султана, как и другие Восточные церкви. Однако её статус в греческом мире принципиально изменился. В Османской империи на протяжении столетий Церковь обеспечивала грекам определенную автономию, но теперь у них появилось свое государство, в то время как патриархия оказалась в государстве враждебном, оставаясь при этом общей церковной властью для многих православных народов, всё еще находившихся под управлением султана.

Предоставление Греции независимости поставило на повестку дня вопрос об отделении её Церкви от Фанара. Переговоры об этом шли долго и трудно в годы правления Иоанна Каподистрии (1828–1831)[4], а в 1833 г. баварское регентство при малолетнем короле Оттоне, не дожидаясь санкции патриарха, в одностороннем порядке провозгласило автокефалию Элладской церкви[5]. Так греки стали первым из подвластных Османам православным народом, создавшим не только национальное государство, но и национальную Церковь. При этом Церковь в Греции не просто становилась независимой от патриарха, но и полностью подчинялась светской власти, превратившись в одно из государственных ведомств. Фактически она получила меньше прав и привилегий, чем имела в Османской империи.

Принятое регентством церковное законодательство, которое также предусматривало закрытие в стране большей части монастырей, вызвало недовольство в обществе и нашло деятельного политического противника в лице «русской партии». На протяжении последующих десяти лет эта группировка боролась за отмену церковной реформы 1833 г. Любопытно, что ратуя за воссоединение с Константинопольской Вселенской церковью, «русская партия» в то же время способствовала развитию представлений о православии как о греческой национальной вере: в 1838 г. правительство «русской партии» установило первый в стране государственный праздник — День независимости, который греки отмечают 25 марта, в праздно-

вание Благовещения Пресвятой Богородицы по григорианскому календарю[6]. Двойной праздник, как он и по сей день называется в Греции, стал символом единства греческой национальной и конфессиональной идентичности.

Апогеем борьбы по церковному вопросу стала дискуссия в Национальном учредительном собрании 1843–1844 гг., завершившаяся поражением «русской партии[7]. Конституция Греции 1844 г. начиналась статьей, признающей православие государственной религией страны. Вторая статья конституции закрепляла автокефалию Элладской православной церкви (ЭПЦ), одновременно подтверждая её догматическое единство с «великой Константинопольской и любой другой единоверной Христовой Церковью». Однако об административном единстве с патриархией речи не было. С этой точки зрения, как справедливо заметил американский историк Чарльз Фрэзи, конституция 1844 г. была победой греческого национализма[8]. В то же время Константинопольский патриарх оставался главой Церкви для большинства греков: в границах независимой Греции оказалась лишь четверть всех этнических греков, остальные три четверти всё еще были под властью султана. При этом патриархия продолжала восприниматься как Вселенская, то есть центр всего православного мира, высший авторитет и арбитр в спорных вопросах внутри и между другими Восточными церквами.

Разрыв отношений с Фанаром раскалывал греческий мир, что не шло на пользу греческой «Великой идее». Поэтому её автор и главный проводник Иоаннис Колеттис, ставший премьер-министром (1844–1847), предпринял попытку упорядочения церковного законодательства. Но она оказалась бесплодной и вызвала критику как со стороны приверженцев реформы 1833 г., обвинивших премьера в ревизии последней, так и со стороны её противников, усмотревших в инициативе Колеттиса консервацию новых церковно-государственных отношений[9].

Между тем, с течением времени становилось всё очевиднее, что церковное законодательство 1833 г. грозило оставить Гре-

цию без епископата. Налаживание отношений с Фанаром становилось не только выражением приверженности традициям, но и условием дальнейшего существования ЭПЦ. Греческое правительство решило воспользоваться удобным случаем: в декабре 1849 г. патриарх Анфим IV почтил своим присутствием церемонию отпевания скончавшегося в Константинополе посла Греции Иакова Ризоса Нерулоса, пользовавшегося большой популярностью в родном для него городе. Правительство Греции в благодарность за внимание к личности усопшего и его дипломатическому статусу наградило патриарха государственным орденом, приложив к нему письмо от председателя Синода ЭПЦ. Патриарх орден принял, а письмо вернул нераспечатанным. Тем не менее, начало переговоров о восстановлении отношений с Фанаром было положено[10].

Автокефалия Элладской церкви была провозглашена Патриаршим и Синодальным томосом (определением) Константинопольской церкви 29 июня 1850 г. Причем Томос не только признавал ЭПЦ автокефальной Церковью, но и делал ее независимой от государственной власти[11]. Последнее положение было неоднозначно воспринято в Греции: оно фактически аннулировало законодательство 1833 г. и открывало для патриархии возможность вмешиваться во внутренние дела Элладской церкви, как она вмешивалась в дела Восточных церквей. Такое положение не могло удовлетворить ни короля Оттона, ни его правительство, уже привыкших видеть Церковь объектом и инструментом государственной политики. Понадобилось еще два года для окончательного урегулирования отношений между Церковью и государством. В 1852 г. были приняты законы, во многом повторявшие установления 1833 г. и закрепившие подчинение ЭПЦ государству. Но теперь патриархия уже ничего не могла с этим поделать. Принятие Томоса и последующее молчаливое согласие патриархии на отступление Афин от одного из его важнейших положений свидетельствовали о возросшем авторитете молодого государства в греческом мире и готовности патриархии сотрудничать с ним.

В качестве компенсации за потерю епархий и, соответственно, уменьшение доходов патриархии греческое правительство стало выплачивать патриархам ежегодное пособие. В 1866 г. и в 1882 г. в связи с вхождением в состав Греции Ионических островов (1864) и Фессалии (1881) Константинопольская патриархия уступила ЭПЦ соответствующие епархии, что сказалось и на сумме пособия. Со временем, «так как некоторые из патриархов стали злоупотреблять этим доверием и неоднократно клали эти деньги себе в карман», Греция стала распределять бóльшую часть этого пособия между епархиальными архиереями по своему усмотрению, выдавая его самым бедным, а также митрополитам тех епархий, «которые были вынуждены вести ожесточенную борьбу с болгарами»[12]. Хорошо знавший ситуацию в патриархии Георгий Павлович Беглери, бывший фактически неофициальным агентом Св. Синода, приводит список митрополитов, получавших самые внушительные суммы, до 200 турецких лир ежегодно[13]. Большинство из них занимали кафедры в Болгарии, Македонии и Фракии. Таким образом, афинское правительство укрепляло связи с этими иерархами, минуя патриархию, и использовало их для решения собственных задач.

Влияние Греции в патриархии тоже постепенно росло. Проводниками его были как дипломатические представители Афин, так и их сторонники из числа местных греков, которые, как и митрополиты, не всегда действовали бескорыстно. Так, в начале 1890-х годов столичная грекоязычная газета *Νεολόγος* (греч. «Неологос», «Новое слово») получала от греческого правительства 10 тыс. франков ежегодно[14]. Деятельность афинских агентов временами становилась настолько беспардонной и назойливой, что вызывала раздражение патриархии. Жалуясь на них Г.П. Беглери, патриарх Неофит VII характеризовал их как скверных и нахальных, которые «кроме зла и унижений ничего другого нам не делали». Выведенный из себя, он даже выгнал из патриархии секретаря греческого посольства[15].

Между тем, Высокая Порта в это время всё активнее проводила курс на ликвидацию традиционных прав и привиле-

гий патриархии, стремясь ограничить её деятельность чисто религиозными функциями[16]. Это приводило к серьезным конфликтам между Портой и патриархией. В ходе одного из них Церковь прибегла к весьма радикальному средству — наложению интердикта. Богослужения и совершение большинства треб по всей Империи были запрещены. Несмотря на то, что сторонники столь радикального подхода призывали другие греческие Церкви присоединиться к нему, даже не все митрополиты Константинопольской патриархии согласились исполнить это решение. Как считал настоятель русской посольской церкви архимандрит Арсений, решение об интердикте было принято под влиянием афинского правительства[17]. Эти события свидетельствуют о всё более шатком положении Константинопольской церкви как в Османской империи, так и в греческом мире. Став объектом влияния и давления со стороны афинского правительства, патриархия оказалась между Сциллой и Харибдой: выживание Церкви в Империи требовало умеренности и осторожности, в то время как Афины всё откровеннее требовали от патриархов отстаивания своих интересов.

При этом патриархия ощущала себя наследницей Византии, центром греческого мира, Вселенской церковью и Великой Матерью других поместных Церквей одновременно. Попытка болгар оспорить этот статус была квалифицирована новоизобретенным термином «этнофилетизм». Примечательно, что под определением Константинопольского собора 1872 г., объявившего болгар схизматиками, подписались исключительно патриархи и митрополиты греческой национальности[18]. Только патриарх Иерусалимский Кирилл II не сделал этого, не желая ссориться с Россией, и покинул столицу Империи под благовидным предлогом. Но возмездие настигло его очень скоро: националистически настроенное большинство Святогробского братства, контролировавшего Иерусалимскую церковь, низвергло его с престола[19]. В ответ на действия греков Россия наложила секвестр на имущества Восточных церквей на своей территории (они располагались преимущественно в Бес-

сарабии)[20]. В последующем выдача доходов с этих имуществ была существенно уменьшена и производилась под бдительным контролем с российской стороны. Остававшиеся в России деньги шли на развитие местных школ и благотворительных учреждений, а также на резервный капитал, из которого выдавались чрезвычайные пособия восточным церковным учреждениям. Каждая такая выплата, а также увеличение доли доходов с имений, выплачиваемых ежегодно, происходили после тщательной проверки поступавших ходатайств[21].

Обвиняя другие православные народы в попытках использовать Церковь для решения национальных задач, греки сами вполне успешно двигались этим путем. Им благоприятствовало то обстоятельство, что другие Восточные патриархаты — Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, а также Кипрская архиепископия находились под контролем греческого духовенства. Все эти Церкви воспринимались греками как свои национальные организации, их духовенство было тесно связано между собой и легко перемещалось из одной Церкви в другую. Предстоятели этих Церквей рассматривались как «представители греческой нации»[22].

Воспользоваться этим преимуществом греки постарались, например, в Сирии, православное население которой состояло в подавляющем большинстве из арабов, когда там встал вопрос об избрании араба на Антиохийский патриарший престол, до этого почти двести лет занятый исключительно греками. Антиохийский вопрос открылся в начале 1898 г. с низложением патриарха — грека Спиридона, потерявшего доверие и паствы, и архиереев. Церковно-политическая борьба, в которой греческие Церкви во главе с Константинопольской солидарно выступили против арабского кандидата[23], растянулась на годы, поскольку греки отказались признавать законность избрания весной 1899 г. араба Мелетия Думани на патриарший престол. Только в 1909 г. Восточные церкви (за исключением Кипрской) признали патриархом второго араба на Антиохийском престоле Григория IV (Хаддада), и то под давлением обстоятельств: младотурецкая революция се-

рьезно ослабила позиции Константинопольской патриархии в Империи. Потеря Антиохийского престола была воспринята в греческом мире как «национальное поражение»[24].

В России было известно, что в борьбе за разрешение Антиохийского вопроса в пользу греков принимала активное участие дипломатия Греции. За разъяснениями по этому поводу временно управляющий российской миссией в Афинах первый секретарь миссии Алексей Александрович Смирнов обратился к премьер-министру страны Александру Заимису, подчеркнув при этом «благорасположение России к Греции», с одной стороны, и её «стремление отрешиться от племенных симпатий» в решении религиозных вопросов, с другой. Он получил вполне ожидаемый ответ: «Весьма естественно, что Греция становится на сторону родственного ей элемента, и было бы странно требовать, чтобы она поддерживала арабов». А греческие дипломаты действовали «согласно всегдашним традициям эллинских представителей, оказывая поддержку греческому духовенству и особенно столь видным его представителям, как патриархи Вселенский и Иерусалимский»[25]. Таким образом, греческий премьер-министр счел не просто оправданным, но и традиционным решение церковных вопросов в национальных интересах.

Интересно, что при всем своем влиянии на Константинопольскую патриархию и тесной связи с другими греческими Церквами Греция не сумела добиться полного перехода под юрисдикцию Элладской православной церкви епархий так называемых Новых земель — территорий, вошедших в состав Греции по итогам Балканских войн. Эти епархии остались в двойном подчинении, что впоследствии омрачало отношения между Афинами и Фанаром.

Еще не завершилась борьба за Антиохийский патриарший престол, как произошло событие, ставшее поводом для новой национальной мобилизации в греческом мире: в Египте скончался столетний Александрийский патриарх Софроний. За его почти 30-летнее управление Церковью (1870–1899 гг.) была забыта острая борьба за патриарший престол в 1860-е годы,

обнажившая противоречия между патриархией и богатыми греческими общинами Египта[26]. Образовавшаяся вакансия, как и в Сирии, стала предметом церковно-политической борьбы. Описание связанных с ней событий и хода выборов патриарха в черновике анонимной докладной записки, сохранившейся в архивном фонде российского посольства в Константинополе, изложено в довольно резкой форме и сопровождается радикальными выводами: «Греческие патриархии, являющиеся [...] фанатичными носительницами и защитницами идеи эллинизма, для коей они открыто поступаются интересами православия, действуют согласно прямым указаниям и mots d'ordre* греческого правительства, главенство коего над Восточной церковью беспрекословно, хоть и негласно, ими признается»[27]. Автор записки, как и другие российские источники[28], сообщает о том, что выборы были организованы и прошли под полным контролем дипломатического агента Греции в Египте Иоанниса Грипариса, получившего на это карт-бланш главы британской администрации Ивлина Бэринга (лорда Кромера). Цель Грипариса автор записки характеризует следующим образом: «Один из "четырех столпов эллинизма" — Антиохийский — рухнул; надо было позаботиться об укреплении другого столпа, Александрийского»[29].

Особенность ситуации в Египте заключалась в том, что подавляющее большинство церквей, а также православных благотворительных учреждений принадлежало не патриархии, а местным греческим общинам, состоявшим преимущественно из подданных Греции. Общины вели хозяйственные дела этих церквей, а также избирали себе духовенство из священнослужителей любого подданства и любой духовной юрисдикции. Патриарх только утверждал этот выбор[30]. Именно на них и опирался И. Грипарис, организуя выборы патриарха. Мнение греков — османских подданных, а также православных арабов было попросту проигнорировано. Как писал автор анонимной записки, единственным достоинством

* Приказам (франц.).

митрополита Назаретского Фотия, кандидатуру которого лоббировало греческое правительство, была его ненависть к России. В остальном же он был «личностью во всех отношениях недостойной», поэтому многие избиратели не хотели за него голосовать. Тогда И. Грипарис пустил в ход национально-патриотический аргумент: он убеждал своих соплеменников, что голосовать за Фотия приказало греческое правительство, а всякий нарушивший приказ будет считаться предателем. Даже Константинопольская патриархия относилась к афинскому кандидату с сомнением, но «не из брезгливости к его личности, а лишь вследствие дальновидного опасения, как бы русскому правительству не удалось подкупить этот не особенно устойчивый столп эллинизма»[31]. В целом, как заметил российский посланник в Афинах Михаил Константинович Ону, «египетские греки, составляющие громадное большинство избирателей, вместо того чтобы разбиться на партии и поддерживать различных кандидатов, сплотились на этот раз воедино, из опасения, чтобы партийными раздорами не воспользовался какой-либо кандидат заведомо не эллинского направления»[32].

Автор упомянутой выше анонимной записки прозорливо отметил, что греческие Церкви «со Вселенской патриархией во главе, являются в их руках весьма опасным против нас оружием, которым эллинское правительство несомненно сумеет в свое время воспользоваться»[33]. Современная история, увы, подтверждает это опасение, с той поправкой, что Константинопольская патриархия ныне является орудием в руках не Греции, а США.

Постепенное превращение руководимых греками Церквей в инструменты реализации греческой национальной идеи можно проследить на примере Халкинской богословской школы. Она была открыта в октябре 1844 г. по инициативе Константинопольского патриарха Германа IV для подготовки архиереев Константинопольской церкви и должна была стать первым православным богословским вузом в Османской империи. Средства на её создание и содержание патриарх со-

бирал не только со своих епархий и монастырей, но и по всему православному миру[34]. Щедро спонсировало школу и российское государство: ежегодно она получала от Св. Синода пособие в 2 тыс. руб.[35]. А после катастрофического землетрясения 1894 г., разрушившего почти все строения на острове Халки, Св. Синод дополнительно направил 3 тыс. руб. на восстановление здания школы[36]. В свою очередь, патриархия была готова принимать в школу представителей других православных народов. В 1847 г. в ней было введено обучение славянскому (не уточняется, какому именно) языку[37]. Эти факты говорят о том, что Халкинская школа задумывалась как центр подготовки не только греческого духовенства, но и епископата для других православных народов Балкан и Ближнего Востока. В разное время в ней обучались такие известные церковно-общественные деятели, как первый экзарх Болгарский Анфим (Чалыков), митрополит Досифей (Стойчев), епископ Емилиан (Пиперкович), митрополит Никифор (Перич), патриархи Антиохийские Александр III (Тахан) и Феодосий VI (Абурджели), причисленный к лику святых глава Сиро-арабской миссии в Америке епископ Рафаил (Хававини).

Однако со временем становилось всё очевиднее, что школа готовит не столько православных богословов, для которых «нет ни эллина, ни иудея», сколько преданных борцов за греческую национальную идею. Преподавание славянского языка в ней довольно быстро прекратилось, а возобладало, как уже в 1859 г. отмечал митрополит Московский Филарет (Дроздов), «греческое одностороннее направление»[38], то есть продвижение греческой национальной идеи и стремление эллинизировать студентов-негреков. Неслучайно многие выпускники школы, ставшие затем архиереями, выступали проводниками греческой «Великой идеи» в своих епархиях, действуя, таким образом, в интересах правительства Греции. Деятельность некоторых, к примеру, митрополита Касторийского Германа (Каравангелиса), выходила далеко за рамки полномочий священнослужителя: созданные при его активном участии греческие партизанские отряды в Македонии внесли значимый

вклад в подавление Илинденского восстания болгар (1903 г.), а самого митрополита обвиняли в шпионаже и организации заказных убийств[39].

Российское посольство в Константинополе наблюдало за работой Халкинской школы, тем более что патриархи при посредничестве послов часто обращались в Россию за финансовой помощью[40]. Патриархи даже приглашали послов присутствовать на выпускных экзаменах, которые проходили в торжественной обстановке в присутствии самого патриарха и членов Синода[41]. Эти обстоятельства ничуть не смущали греческий епископат и руководство школы, которые продолжали обучать студентов в духе греческой «Великой идеи», видевшей соперников эллинизма в лице не только соседних народов, но и России.

В начале XX в. узконациональная направленность Халкинской школы, не отвечавшая интересам мирового православия, уже ни для кого не была секретом. «Эллинофилы не заботятся о том, чтобы поставить эту школу на должную высоту в нравственном и учебном отношении», — писал в 1904 г. российский посол в Константинополе Иван Алексеевич Зиновьев в своем отзыве на очередную просьбу патриарха помочь Халкинской школе деньгами[42]. Дипломат с огромным опытом и глубоким знанием Востока И.А. Зиновьев полагал, что финансовая помощь школе впредь должна оказываться под более жестким контролем и предоставляться при условии постепенного превращения этого учебного заведения из рассадника греческого национализма в духовную академию высокого уровня для всех православных народов Османской империи. Для этого он считал необходимым наличие представителя российского посольства в хозяйственном комитете школы, принятие на обучение до 10 студентов по направлению российского посольства (всего на 1914 г. в школе было 80 студентов[43]), отправку двух лучших воспитанников для продолжения образования в российских духовных академиях[44]. По всей видимости, предложение И.А. Зиновьева в тот момент даже не обсуждалось в российских инстанциях, а патриарху ответили отказом[45].

Вновь вопрос об увеличении российской помощи Халкинской школе был поставлен через несколько лет, когда материальное положение Константинопольской патриархии, а, следовательно, и школы усугубилось. Это произошло вследствие ослабления положения патриархии в Османской империи после младотурецкой революции, и особенно после двух Балканских войн, по итогам которых более половины епархий патриархии (53 из 88) оказались на территории других государств. 7 марта 1913 г. российский посол в Константинополе Михаил Николаевич Гирс провел совещание по вопросу о том, как должны строиться отношения между посольством и патриархией в изменившейся обстановке. В совещании, помимо сотрудников посольства, принимал участие директор Русского археологического института в Константинополе академик Фёдор Иванович Успенский. Говоря о финансовой помощи патриархии со стороны России в новых условиях, М.Н. Гирс подчеркнул, что она «должна быть поставлена в зависимость от условий, могущих гарантировать нам в будущем некоторое отвлечение Константинопольской патриархии от присущих ей филэллинских идей, делавших из нее послушное орудие Афинского правительства и так мало соответствующих её наименованию Вселенской»[46]. Халкинская школа, которая оставалась единственным православным богословским вузом на Ближнем Востоке, по мнению Ф.И. Успенского, могла бы сыграть в этом важную роль. Для этого нужно было кратно (до 30 тыс. руб.) увеличить ежегодное пособие школе, поставить под российский контроль её учебную программу и до 40% от общего числа стипендий на обучение, а также хозяйственные дела школы[47]. Фактически это была расширенная программа, предложенная И.А. Зиновьевым в 1904 г.

Всем этим планам не суждено было сбыться. Первая мировая война привела к краху обеих Империй, а греко-турецкая война 1919–1922 гг. закончилась поражением греческой «Великой идеи» и поставила под угрозу само существование Константинопольской патриархии, которой пришлось срочно адаптироваться к новым реалиям.

* * *

Особое положение управлявшейся греками православной Церкви в Османской империи позволило ей стать хранительницей не только христианских, но и национальных греческих традиций. Со временем Церковь всё теснее связывалась именно с греческой культурой, а с появлением понятия нации стала частью национальной самоидентификации греков. Идеи национального государства и национальной Церкви, зародившиеся в среде греческих просветителей, находившихся под влиянием европейского Просвещения, были реализованы в создании независимой Греции и Элладской церкви. В движении по этому пути греки опережали другие балканские народы.

Важной вехой греческой истории XIX в. стало признание патриархией автокефалии Элладской церкви в 1850 г. Это позволило преодолеть созданный церковной реформой 1833 г. раскол между Афинами и Фанаром, который препятствовал реализации «Великой идеи». С этого времени наблюдается постепенный рост влияния греческого правительства на патриархию и отдельных митрополитов. В то же время традиционные тесные связи между духовенством всех Восточных патриархатов, которые греки считали своими, позволили этим Церквам не только проводить общую политику, но и совместно служить греческим национальным интересам.

Несмотря на желание Высокой Порты держать под контролем Константинопольскую патриархию, последняя всё больше попадала под влияние Афин, а к концу столетия, во многом разделяя греческую национальную идею, стала фактически агентом греческого правительства. Продолжавшийся натиск Порты на традиционные прерогативы патриархии, а также существенное её ослабление, вызванное потерей епархий по итогам Балканских войн, привели к готовности более тесно сотрудничать с Россией. Но идея такого сотрудничества была перечеркнута Первой мировой войной и её последствиями.

Примечания

[1] *Шмеман А.* Знаменательная буря. Несколько мыслей об автокефалии, церковном Предании и экклезиологии // *Шмеман А.* Собрание статей 1947–1983. М., 2009. С. 559.

[2] Подробнее см.: *Μεταλληνός Γ.Δ.* Παράδοση καὶ ἀλλοτρίωση. Ἀθήνα: Δόμος, 1986. Σ. 227–233.

[3] *Γερμανός Π.Π.* Ἀπομνημονεύματα. Ἀθήνα, χ.χ.

[4] Некоторые церковные историки полагают, что И. Каподистрия, напротив, стремился восстановить прерванные революцией 1821 г. канонические отношения с Фанаром. См., напр.: *Μεταλληνός Γ.Δ.* Παράδοση καὶ ἀλλοτρίωση… Σ. 237.

[5] Διακήρυξις περὶ τῆς Ἀνεξαρτησίας τῆς Ἑλληνικῆς Ἐκκλησίας. 23 Ἰουλίου/4 Αὐγούστου 1833. ΦΕΚ 23. 1/13 Αὐγούστου 1833.

[6] *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX в.: Очерки политического развития. М., 2010. С. 258.

[7] *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство … С. 361–362.

[8] *Frazee Ch.* The Orthodox Church and Independent Greece. Cambridge University Press, 1969. P. 164–165.

[9] *Παπαδόπουλος Χ.* Ἱστορία τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος. Τ. Α΄. Ἐν Αθήναις: Τυπ. Ἀ. Πετράκου, 1920. Σ. 342.

[10] *Παπαδόπουλος Χ.* Ἱστορία τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος… Σ. 351.

[11] Текст Томоса опубл. в: *Παπαδόπουλος Χ.* Ἱστορία τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἑλλάδος… Σ. 356–360.

[12] Письмо Г.П. Беглери к И.Е. Троицкому от 8 января 1890 г. // Россия и православный Восток: Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г.П. Беглери к проф. И.Е. Троицкому 1878–1898 гг. Подг. изд. Л.А. Герд. СПб., 2003. С. 178–179.

[13] Там же. С. 179.

[14] Письмо Г.П. Беглери к И.Е. Троицкому от 17 января 1892 г. // Россия и православный Восток… С. 211.

[15] Письмо Г.П. Беглери к И.Е. Троицкому от 17 января 1892 г. // Россия и православный Восток… С. 210–211.

[16] Подробнее см.: *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 200–224.

[17] *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург… С. 223.

[18] Текст определения опубл. в: *Γεδεών Μ.* Ἔγγραφα πατριαρχικὰ καὶ συνοδικὰ περὶ τοῦ Βουλγαρικοῦ ζητήματος (1852–1873). Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1908. Σ. 427–432.

[19] *Якушев М.И.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М., 2013. С. 178–180; [*Παπαδόπουλος Χ.*] Ἡ Ἐκκλησία τῶν Ἱεροσολύμων κατὰ τοὺς τέσσαρας τελευταίους αἰῶνας (1517–1900). Ἀθήνησιν, 1900. Σ. 104–105.

[20] *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург… С. 237–238.

[21] См., напр.: *Хитрово В.Н.* Записка о бессарабских имениях Святого гроба от 26 января 1881 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 1. Подг. изд. Н.Н. Лисового. М., 2015. С. 439–443; Письмо Александрийского патриарха Софрония IV российскому Св. Синоду от 3 февраля 1895 г. и документы о выплате Александрийской патриархии 70 тыс. руб., опубл. в: *Петрунина О.Е., Гердт Л.А., Вах К.А.* Александрийский патриархат и Россия в XIX веке: исследования и документы. М., 2020. С. 717–722. Ходатайство архиепископа Синайского Порфирия об увеличении ежегодных выплат Синайскому монастырю с приложением сметы доходов и расходов обители от 18 марта 1891 г. и решение российского МИД по этому вопросу. (Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 571. Л. 50–50 об., 67–70 об.).

[22] Подробнее см.: *Петрунина О.Е.* Афины — Фанар — Иерусалим: особенности взаимоотношений во второй половине XIX — начале XX веков // Государственное управление. Электронный вестник. Октябрь 2015 г. Выпуск № 52. (URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/52_2015petrunina.htm, http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2015/vipusk__52._oktjabr_2015_g._/globalnoe_upravlenie/petrunina.pdf. С. 46–47. (дата обращения: 08.07.2022)).

[23] *Петрунина О.Е.* Первые шаги национальной Церкви: патриаршие выборы в Антиохийской православной церкви в 1906 г. (по донесениям российских консулов) //Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2020. № 3. С. 106–108.

[24] *Στόϊκου Ε.* Όψεις του εθνοφυλετισμού των ορθοδόξων Αράβων από τα μέσα του 19ου αιώνα έως τον Α΄ Παγκόσμιο πόλεμο. Μεταπτυχιακή διπλωματική εργασία. Α.Π.Θ. Θεσσαλονίκη, 2008. Σ. 65.

[25] Перевод секретной депеши коллежского советника Смирнова из Афин № 50 от 9 августа 1898 г. (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 7204. Л. 57–58 об.).

[26] Подробнее см.: *Петрунина О.Е.* Российский дипломатический агент в Каире И.М. Лекс (1868–1883) и греки Египта // 1000 лет вместе: ключевые моменты истории России и Греции. М., 2018. С. 218–222.

[27] Записка для г[осподи]на посла. Б/д. (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 7204. Л. 31–31 об.).

[28] Опубликованные источники см.: *Петрунина О.Е., Гердт Л.А., Вах К.А.* Александрийский патриархат и Россия… С. 728–756.

[29] Записка… Л. 28–28 об.

[30] Приложение к донесению дипломатического агента в Египте А.И. Кояндера послу в Константинополе А.И. Нелидову № 125 от 17 августа 1895 г. (АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 571. Л. 25–26).

[31] Записка… Л. 30–30 об.

[32] Копия депеши посланника в Афинах М.К. Ону № 6 от 23 января 1900 г. // С. 742.

[33] Записка… Л. 32.

[34] *Соколов И.И.* Константинопольская церковь в XIX веке. Опыт исторического исследования. Т. 1. СПб., 1904. С. 559–561.

[35] Копия отношения Хозяйственного Управления при Святейшем Синоде от 14 марта 1912 г. № 9971 (АВПРИ. Оп. 517/2. Д. 3477. Л. 11).

[36] Благодарственное письмо Константинопольского патриарха Анфима VII российскому посланнику в Константинополе А.И. Нелидову № 1231 от 21 марта 1895 г. (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2932а. Л. 26–26а); *Τσιλένης Σ.* Το κτίριο της θεολογικής σχολής στη Χάλκη // Δώρημα στον καθηγητή Βασίλειο Ν. Αναγνωστόπουλο. Αθήνα: Εταιρεία Μελέτης της καθ' ημάς Ανατολής, 2007. Σ. 429.

[37] *Соколов И.И.* Константинопольская церковь… С. 638.

[38] Филарет (Дроздов). Отзыв митрополита Филарета о письмах настоятеля русской посольской церкви в Константинополе архимандрита Петра по вопросу о преобразованиях в восточной иерархии (1859 г., 5 марта — 10 сентября) // Филарет (Дроздов). Собрание мнений и отзывов по делам Православной церкви на Востоке. СПб., 1899. С. 155.

[39] *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство… С. 439–440.

[40] См., напр.: Письма Константинопольского патриарха Кирилла VII российскому посланнику в Константинополе А.П. Бутеневу от 27 марта и 3 апреля 1858 г. (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2896. Л. 23, 25); Письма Константинопольского патриарха Иоакима III российскому поверенному в делах в Константинополе М.К. Ону от 1 января и 19 февраля 1880 г. (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2917. Л. 98, 100–101 об.).

[41] Письмо Константинопольского патриарха Иоакима II российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву от 25 июня 1874 г. (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2911. Л. 19).

[42] Заключение И.А. Зиновьева по содержанию докладной записки представителя Константинопольского патриарха в Москве архимандрита Иакова от 24 июня 1904 г. (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3476. Л. 19 об.).

[43] Телеграмма посла в Константинополе М.Н. Гирса советнику МИД Б.Е. Бюцову № 279 от 4 мая 1914 г. (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3477. Л. 3).

[44] Заключение И.А. Зиновьева… Л. 20–20 об.

[45] Письмо обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева послу в Константинополе И.А. Зиновьеву № 2772 от 28 января 1905 г. (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3476. Л. 10–10 об.).

[46] Протокол совещания в российском посольстве в Константинополе 7 марта 1913 г. (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3476. Л. 4).

[47] Протокол совещания… (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3476. Л. 4–4 об.).

DOI 10.31168/7576-0477-0.1.2

Румяна Илиева
ПРЕШЛЕНОВА

Славянофильство болгарских купцов-экспатриантов, образование и национальные идеи в XIX в.[*]

Славянофильство — явление сложное. Его можно определить как политику, идеологию, философию или состояние ума. В настоящей работе оно рассматривается в контексте благотворительной деятельности болгарских купцов-эмигрантов в Вене и Бухаресте по оказанию поддержки молодым соотечественникам в получении высшего образования. Хронологически исследование охватывает вторую половину XIX в., или последний этап формирования болгарской нации. В отличие от болгарских купцов-эмигрантов в России[1] или Османской империи, две относительно небольшие болгарские колонии в Вене и Бухаресте были менее подвержены прямому иностранному влиянию или политическому воздействию, развивали свою деятельность по созданию нации более автономно и, прежде всего, в интересах своего, угнетаемого османами общества. В то же время они были представителями умеренно-консервативного направления болгарского национально-освободительного движения: в деле освобождения страны полагались на два важнейших фактора — на внешнюю помощь великих держав, в первую очередь России, с одной стороны, и на развитие национального образования, с другой. Поэтому венские и бухарестские колонии могут рассматриваться как специфичное репрезентативное явление, позволяющее изу-

* Исследование проведено при финансовой поддержке Болгарского фонда научных исследований по договору № КП-06-Русия/19 в рамках работы над совместным российско-болгарским проектом.

чать роль болгарских купцов-экспатриантов в процессе формирования болгарской нации.

Исследование основано на архивных источниках XIX в., а именно на частично сохранившихся документах двух болгарских благотворительных организаций за границей. История болгарского патриотического общества «Прогресс» (болг. *дружество Напредък*) в австро-венгерской столице в целом хорошо поддаётся изучению, несмотря на то, что в результате бомбардировок Вены во время Второй мировой войны бóльшая часть его архивов была уничтожена. Некоторые из документов Общества опубликованы, значительная часть корреспонденции находится в других архивных фондах[2], в том числе в коллекциях Архива Болгарской академии наук. Документы благотворительного общества в Бухаресте хранятся в Болгарском историческом архиве Национальной библиотеки Свв. Кирилла и Мефодия в Софии[3].

В 1864 г. 13 болгарских купцов создали в Вене неформальное объединение с целью оказания поддержки бедным и талантливым молодым болгарам, которые из-за отсутствия высших учебных заведений на родине стремились получить университетское образование за рубежом. При этом общество венских купцов намеревалось действовать постоянно, а не от случая к случаю, как это неоднократно бывало в прошлом. Каждый участник общества сделал денежный вклад с фиксированной процентной ставкой. Пять лет спустя, 26 ноября 1869 г., правительственным указом венское благотворительное культурно-просветительское общество «Прогресс» (далее — Дружество) было зарегистрировано официально. В соответствии с уставом его цель заключалась в поддержке молодых мужчин болгарской национальности из Болгарии, Фракии, Македонии и Румынии, желавших получить педагогическое образование[4]. Основателями стали болгарские купцы в столице Австро-Венгрии, внёсшие первоначальный капитал: Димитар Г. Анев, Никола С. Ковачев, Григор Д. Начович, Сава Паница, Стоян Пранчов и Саздо Шулев. Председателем был назначен Григор Начович, а казначеем — Сава Паница. Члены Дружества

лично обратились ко многим состоятельным болгарам с приглашением присоединиться к патриотической инициативе. Это обращение было опубликовано во всех болгарских газетах. Действительными членами Дружества сразу же стали митрополит Доростоло-Червенски Григорий (Русе), Панайот Н. Генишев (Вена) и Петар Н. Кермекчиев (Тырново). Ещё 25 болгар, прежде всего купцов в Ловече, Тырново, Габрово, Плевене, Свиштове, Разграде, Софии, Горна Оряховице, Пловдиве, сделавшие меньшие вклады, присоединились в качестве вспомогательных членов (кандидатов. — *ред.*). Вскоре ряды Дружества пополнили болгарские эмигранты Евлоги и Христо Георгиевы, д-р Пётр Берон и Маринчо Бенли (Бухарест), Никола Паница (Вена), Юрдан Вылков (Манчестер), Николай Тошков и Мина Пашов (Одесса), Ст. Стойкович (Галац), Болгарское литературное общество (болг. *Българско книжовно дружество*) (Браила). К обществу «Прогресс» присоединились проживавшие в Османской империи видные болгары Христо Г. Данов и Найден Геров (Пловдив), Петко Хр. Тыпчилештов (Константинополь), Андрей Георгов и Антон Дрындаров (Велес), Илия Петрушанов (Скопье). В первые годы существования Дружества среди жертвователей были также и иностранцы, например, боснийский митрополит Дионисий и деловые партнеры Альберт Бауер, Жанес Магяр, Виктор Унгер, Сабетай Самуел и Буки Сабетай. В 1875 г. Дружество насчитывало 29 действительных и 142 вспомогательных члена, а его капитал достиг 12 тыс. флоринов[5]. В результате общество «Прогресс» в Вене становится общенациональным институтом и крупнейшим болгарским источником стипендий для соотечественников вплоть до восстановления болгарского государства на Берлинском конгрессе в 1878 г. Оно сыграло важную роль в создании болгарской нации. Деятельность Дружества, согласно уставу, распространялась на населенные преимущественно болгарами территории ещё до создания Болгарского экзархата в 1870 г., фактически явившегося официальным признанием болгар отдельной нацией в границах Османской империи. Дружество сосредоточивало свои усилия на оказа-

нии поддержки формировавшейся болгарской элите в Османской империи и за её пределами.

Следует отметить, что состоять в Дружестве было делом небезопасным в Османской империи. Христо Г. Данов, владелец книжного магазина в Пловдиве, в 1876 г. именно из-за членства в «Прогрессе» был арестован и в течение 36 дней подвергался пыткам[6].

В мае 1875 г. были введены правила предоставления стипендий, опубликованные отдельной брошюрой и в двух болгарских газетах — *Знание* и *Век*. Стипендиатами по предложению общин могли быть молодые болгары (только мужчины) со средним образованием. Решения принимались Правлением (болг. *Управителен съвет*) Дружества. Стипендия полностью покрывала расходы на обучение и проживание. Размер стипендии не превышал 300–500 флоринов и устанавливался в зависимости от финансового положения кандидата. Дружество также предоставляло срочные займы по фиксированной процентной ставке (12%) для завершения обучения. Стипендии переводились непосредственно в учебное заведение, в котором проходили обучение стипендиаты. Последние должны были прилежно учиться, примерно вести себя и каждые три месяца отчитываться об успеваемости и состоянии здоровья. Право подать заявку на получение стипендии имели молодые люди, которые стремились сделать карьеру исключительно в сфере образования, то есть будущие учителя. Получатели финансовой помощи должны были отработать пять лет в должности, на которую назначались Дружеством. В противном случае они были обязаны возместить сумму помощи, полученной в виде стипендии[7]. Среди стипендиатов были Илия Георгов, Иван Шишманов, ставший позднее министром образования, Георги Кожухаров, Георги Атанасов, Георги К. Мишайков, Симеон Ив. Владимиров, Дончо К. Стрезов, Никола Кырджиев, Никола Тодоров.

Наиболее эффективно Дружество сотрудничало с болгарскими купцами в Румынии, одними из самых крупных благотворителей. Особенно активным был купец и банкир Евлоги

Георгиев, который собирал пожертвования и инвестировал часть капитала в прибыльные сделки.

В 1870-е годы болгарская колония в Бухаресте насчитывала около 10 тыс. человек. Изучение её плодотворной культурной и разносторонней национально-консолидирующей деятельности убедительно свидетельствует, что она являлась центром общенационального значения и сыграла неоспоримую роль в определении направлений и тенденций процесса национального обособления и самоутверждения, в духовной эмансипации и усвоении опыта других стран и народов. Став важным и полезным посредником идей, культурных ценностей, научных знаний и опыта более развитых стран и народов, она дала сильный и долгосрочный импульс развитию болгарской культурной жизни[8].

Особой активностью отличалась Болгарская благотворительная группа (болг. *Българска добродетелна дружина*) (далее — Добродетельная дружина), объединившая богатейших представителей коммерческой эмиграции в Румынии, и особенно её столп — Евлоги Георгиев, о котором упоминалось выше. Связанный с европейским рынком и крупными европейскими банками, Георгиев, по мнению румынского историка Александру Д. Ксенопола (1847–1920), был самым богатым человеком в Румынии. Как и другие известные болгарские филантропы в Бухаресте — Маринчо Бенли, Г. Тонкович, К. Лазаров и др., Георгиев внёс огромный вклад в подготовку учительских кадров из болгар. Болгарские купцы в Бухаресте регулярно переводили крупные денежные суммы, предназначенные на выплату стипендий, со своих счетов, открытых в конторе Евлоги Паницы в Вене. Венские болгары, в свою очередь, наведывались к болгарским стипендиатам в Таборе, Праге, Кёниггреце и Вене и следили за их поведением и успехами в учёбе.

Деятельность Добродетельной дружины в Бухаресте и Дружества в Вене схожи, с той лишь разницей, что стипендиатам первой разрешалось обучаться по непедагогическим дисциплинам, например, сельское хозяйство и право (на это выделя-

лась 1/3 стипендий). Однако стипендиаты были обязаны отработать учителями в течение времени, равного периоду получения стипендии, или же вернуть полученную сумму. Некоторые члены Добродетельной дружины, например, Маринчо Бенли, жертвовали средства не только как члены организации, но и индивидуально. Из 19 болгарских студентов и школьников, поддерживаемых Добродетельной дружиной в 1872–1881 гг., девять учились в Австро-Венгрии, шесть в России, двое в Болгарии, по одному в Париже и в Мюнхене[9]. До конца XIX в. помощь получили 38 стипендиатов, а некоторые из них учились также в Швейцарии.

Хотя стипендии болгарских купцов Вены и Бухареста не могли напрямую формировать основной поток студентов, отправлявшихся на учебу за границу, они, однако, давали возможность устанавливать полезные контакты, знакомиться с организацией и содержанием образовательных моделей, формировать культурные и нравственные ценности на десятилетия вперед. Устойчивая русофильская и консервативная ориентация некоторых «благотворителей болгарского образования», тем не менее, не помешала обозначить широкий культурный периметр, в рамках которого болгарское общество в определенной степени компенсировало свои исторически сложившиеся дефициты, особенно в области высшего образования. В этом отношении Австро-Венгрия занимает особое место. Главное внимание благотворители уделяли таким славянским образовательным центрам, как Прага, Кёниггрец, Табор и Загреб. Это обусловливалось не столько панславистскими идеями, сколько языковой подготовкой стипендиатов и более низким прожиточным минимумом в указанных городах. Благотворители высоко ценили образовательные центры в Центральной и Западной Европе, где новая болгарская элита получала образование в процессе подготовки государственного строительства. Фактически благотворители брали на себя функции отсутствующего государства и в какой-то степени противодействовали широкомасштабной деятельности России по привлечению молодых болгар на учебу в Россию и

превращению их в проводников своей имперской политики на Балканах[10].

Вместе с тем роль главного фактора в деле достижения политической независимости отводилась России как славянской и православной великой державе, имевшей четко выраженные государственные интересы на Балканах[11]. Убедительным подтверждением тому являются факты биографии руководителей этих двух организаций: Григор Начович во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был осведомителем (организатором группы разведчиков) русской армии[12], а Евлоги Георгиев финансировал поставки продовольствия для русской армии[13].

Благотворительные общества болгарских купцов в Вене и Бухаресте заложили основы политики болгарского государства по финансированию образования за рубежом в последующие годы. В 1881 г. первый устав Министерства просвещения Болгарии почти полностью скопировал их правила предоставления стипендий. Было добавлено лишь право на стипендии и частичные гранты для талантливых студентов с низким уровнем дохода во всех областях знания, а не только для будущих учителей[14]. Перечень учебных заведений, для обучения в которых выделялись стипендии, также в основном совпадал с прежними списками. В основном это были славянские образовательные центры в Австро-Венгрии, но к ним добавлены Швейцария, Бельгия и Франция.

Через **полтора десятилетия** после Освобождения «благотворители болгарского образования» осознали, что **государство взяло на себя их миссию**. Некоторые из них до конца XIX в. участвовали в управлении Болгарией. Григор Начович, например, неоднократно занимал министерские посты, в 1884 г. был избран действительным членом Болгарского литературного общества — предтечи Болгарской академии наук. Евлоги Георгиев до самой смерти (1897) жил в Бухаресте, но продолжал поддерживать образовательные учреждения в Болгарии, Румынии и Македонии. Среди его пожертвований, согласно завещанию, значились, помимо прочего, участок земли в центре Софии и 6 млн левов на создание Высшей

технической школы в Болгарии для преподавания «в основном наук с промышленным применением», а также 50 тыс. левов на Болгарскую женскую гимназию в Салониках[15].

В 1892 г. Дружество в Вене предоставило средства Болгарскому литературному обществу на издательские цели[16], а Болгарская добродетельная дружина в Бухаресте передала свои средства в стипендиальный и издательский фонды Министерства образования.

Богатые болгарские купцы-эмигранты в Вене и Бухаресте сыграли решающую роль в формировании национальной интеллигенции до Освобождения и в первое десятилетие после него. Для этого они задействовали свои деловые связи, а доверительные отношения, на которых они основывались, позволяли применять гибкий подход к оказанию поддержки студенческой молодежи.

Благотворительная деятельность болгарских купцов-эмигрантов имела ярко выраженный прагматический характер, будучи прозападной в плане образования и умеренно пророссийской в политическом аспекте. Об этом можно судить по их деятельности, поскольку в сохранившейся корреспонденции славянофильские взгляды явно не озвучены. Интересы собственной нации, безусловно, имели для купцов-экспатриантов первостепенное значение. Именно поэтому они с готовностью воспринимали самое полезное из этих двух миров — образование Центральной и Западной Европы и силу Российской империи.

Примечания

[1] Подробнее см.: *Генчев Н.* Одеското българско настоятелство // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. 1972. Т. 64. Ч. 1. С. 99–222.

[2] Народна библиотека «Свв. Кирил и Методий». Български исторически архив (далее — НБКМ — БИА). Ф. 14. Григор Начович; Научен архив на Българска академия на науките. Ф. 3к. Константин Иречек; Ф. 11к. Иван Шишманов; Ф. 34к. Евлоги и Христо Георгиеви.

[3] Българска Добродетелна дружина в Букурещ (НБКМ — БИА. Ф. II В 9289, II В 9291, II В 9297 (Ф. 185). Българска Добродетелна дружина в Букурещ).

[4] Устави на дружеството «Напредък» за поддържание на учителски кандидати от българска народност. Виена, 1869.

[5] *Прешленова Р.* По пътищата на европеизма. Висшето образование в Австро-Унгария и българите (1879–1918). София, 2008. С. 177–179; *Стателова Е.* Биография на българския дух (Родът Паница). София, 1997. С. 45–55.

[6] Документи за българската история. I. Архив на Найден Геров. 1857–1876. Ч. II. 1871–1876. / съст. Т. Панчев. Под ред. на М.Г. Попруженко. София, 1932. С. 232.

[7] Уредник на българското дружество «Напредък» във Виена, за приемание и поддържание въспитанници за учители в България. Виена, 1875.

[8] *Жечев Н.* Букурещ — културно средище на българите през Възраждането. София, 1991.

[9] НБКМ — БИА. Ф. II В 9291. Л. 134.

[10] *Генчев Н.* Българо-руски културни общувания през Възраждането. София, 2002.

[11] Подробнее см.: Балканите и Европа в Източната криза 1875–1881 г. / съст. и науч ред. Пламен Митев, Тина Георгиева. София, 2018.

[12] *Стателова Е.* Евлогий Георгиев и свободна България. София, 1987. С. 19. В рапорте от 10 августа 1877 г. о награждении Начовича орденом св. Анны 3-й степени за помощь в организации разведки в Болгарии говорилось, что благодаря его усилиям и помощи «удалось устроить постоянные разведки о неприятеле на пространстве между Рущуком, Варной, Бургасом, Сливно, Адрианополем, Филиппополем, Софией, Нишем, сербской гтраницей, Видином и Дунаем […] удалось удовлетворить потребности нашей армии в переводчиках, проводниках и лазутчиках» (Освобождение Болгарии от турецкого ига: в 3-х томах. Т. 2. М., 1964. С. 229–230) (прим. редколлегии).

[13] *Глушков Х.* Евлоги и Христо Георгиеви. Живот и дейност. София, 1982 (второе изд. — Карлово, 2014).

[14] *Зидарова Л.* Стипендиантството в културната политика на България (1878–1918) // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Център по културознание. Т. 82 (1989), 1992, С. 191–192; *Танчев И.* Българската държава и ученито на българи в чужбина (1879–1892). София, 1994. С. 16–27.

[15] *Стателова Е.* Евлогий Георгиев и свободна България. София, 1987.

[16] *Българско* дружество «Напредък» в Виена 1892. Виена, 1892.

DOI 10.31168/7576-0477-0.1.3

Пётр Ахмедович
ИСКЕНДЕРОВ

*Великий Восточный кризис 1875–1878 гг. и национальные идеи у балканских народов**

Великий Восточный кризис 1875–1878 гг. сыграл без преувеличения историческую роль в жизни балканских народов. Впервые великие державы оказались поставлены перед фактом наличия сформировавшихся в регионе национальных идей, требовавших, в свою очередь, от европейских столиц не только международно-правового признания, но и перестройки всей системы международных отношений на новой основе. Подобной основой уже спустя несколько лет стал отказ от существовавшего до этого принципа «концерта великих держав» и переход к формированию мощных военно-политических блоков, которые сразу же стали искать на Балканском полуострове новых союзников из числа уже получивших независимость либо вплотную подошедших к этому стран. Берлинский конгресс 1878 г. явился первым международным форумом, на котором балканские народы и их национальные программы получили свое признание как де-юре, так и де-факто, и одновременно на котором впервые был поставлен во-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Проект № 20-59-18004 «Векторы исторического развития и национальные идеи на Балканах в XVIII–XXI вв.» и основано на материалах автора, приведенных в его более ранних публикациях: *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013. 472 с.; *Он же.* Берлинский конгресс 1878 г. и его политические последствия для Балкан // Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: надежды — перипетии — уроки. Сб. науч. статей / отв. ред. С.И. Данченко, Ю.А. Созина. М., 2020. С. 75–106.

прос комплексного разрешения региональных проблем, в том числе территориального и межгосударственного характера. С другой стороны, сами балканские народы (не только болгары, что закономерно, но и сербы, черногорцы, греки, румыны и др.) рассматривали решения форума в Берлине не более как промежуточный этап на дальнейшем пути реализации национальных программ. При этом всё большее внимание уделялось замыслам перекройки балканских границ и максимально полной реализации великодержавных программ, предусматривавших формирование национальных государств в возможно (и невозможно) более широких этнических границах.

Не случайно по поводу исторической роли и значения Берлинского конгресса 1878 г. в историографии до сих пор существуют диаметрально противоположные оценки. Российский историк В.Н. Виноградов (1925–2017) считал, что именно в результате работы Берлинского конгресса и подписания 13 июля итогового трактата на Балканах «рухнула доктрина статус-кво, препятствовавшая развитию полуострова, подкреплявшая османскую власть в регионе»[1].

Британская исследовательница М. Виккерс подчеркивает и, очевидно, даже преувеличивает влияние решений Берлинского конгресса на пересмотр внешнеполитических приоритетов России. По её мнению, «Берлинский конгресс более или менее заглушил амбиции России на Балканах. И она была вынуждена с этого времени переключить свое внимание на восточное направление, где вскоре вступила в конфликт с молодой японской державой»[2].

Колин Шиндлер в своей статье на такую, казалось бы, весьма далекую от Берлинского конгресса и Балкан тему, как политическая история Израиля 1990-х годов, прямо призывает использовать опыт Берлинского конгресса для решения современной палестинской проблемы. «Почему великие державы, передавшие, согласно Берлинскому договору от 1878 г., Болгарию болгарам и Сербию сербам, не могут вернуть Палестину евреям?» — задается он спорным, но базирующимся на исторических аналогиях вопросом[3].

Хватает в историографии и противоположных оценок. Так, французский историк Альбер Мале полагал, что, «вернув Македонию под владычество султана, Европа по наущению Англии и Австрии вопиющим образом нарушила требования гуманности»[4]. Однако подобные констатации, насколько могут быть по-человечески понятными, настолько же и бессмысленны, когда речь идет о вопросах геополитики.

Более того, как справедливо подчеркивал американский исследователь в области международных отношений Сидни Фей, «почти все существенные вопросы были урегулированы до открытия конгресса, во время различных предварительных переговоров; таким образом, конгрессу оставалось только зарегистрировать решения, которых уже добился Бисмарк, чрезвычайно старавшийся удовлетворить интересы, как Австрии, так и России»[5].

Последняя мысль, правда, представляется не столь очевидной — учитывая характер принятых в итоге решений и наступивший затем кризис в российско-германских отношениях.

Впрочем, «сан-стефанская» Болгария, способная стать региональным тяжеловесом, не отвечала интересам не только Англии и Австро-Венгрии, но и балканских столиц. И в Афинах, и в Бухаресте, и в Белграде также негативно отнеслись к условиям Сан-Стефанского прелиминарного договора. А следовательно, настаивая на полной реализации Сан-Стефанского соглашения, Россия рисковала остаться с одним (пусть и мощным) союзником и одновременно обрести на Балканах враждебный блок в лице Сербии, Румынии и Греции. Тот же самый блок, который спустя 35 лет поставит ту же Болгарию на грань военной катастрофы в дни Второй Балканской войны 1913 г.

Берлинский конгресс явил собой международный форум, всего лишь засвидетельствовавший предварительно проделанную его участниками гигантскую подготовительную работу. Каждая из великих держав готовилась по-своему. Но все придавали одинаково большое значение предстоящим решениям, выходившим далеко за рамки собственно Балканского полуострова.

Что же касается «чистой дипломатии», то непосредственной предтечей Берлинского трактата можно считать особый русско-английский меморандум, подписанный в Лондоне 30 мая 1878 г. Именно данный документ формально закрепил пересмотр са́мого спорного положения Сан-Стефанского договора о расширенных границах Болгарского княжества. В обмен на это, а также на отказ от ряда территориальных завоеваний на Кавказском фронте Россия заручилась поддержкой со стороны Англии других положений Сан-Стефано. Конечным результатом сложной игры британской дипломатии стало приобретение Англией права занять стратегически важный остров Кипр — что предусматривалось тайным договором Лондона с Османской империей от 4 июня 1878 г. Данный документ содержал положение о британском содействии Порте в защите ее владений на Кавказе, но при этом признавал передачу России Батума, Ардагана и Карса. Подписанное же 6 июня Англией и Австро-Венгрией соглашение о совместной политической линии на предстоящем Берлинском конгрессе фактически стало завершающим документом, предопределившим решения, принятые в столице Германии. Обе державы договорились не допустить расширения болгарской территории к югу от Балканского хребта. Кроме того, Австро-Венгрия заручилась британской поддержкой своих планов оккупации Боснии и Герцеговины.

Не допустить появления на Балканах региональной сверхдержавы — именно этот принцип стал ключевым для подавляющего большинства участников Берлинского конгресса. И данную задачу конгресс выполнил. Более того, даже после Второй Балканской войны 1913 г. те же великие державы попытались умерить чрезмерные аппетиты победивших Болгарию балканских союзников, отдавая себе отчет в том, что миру и стабильности на Балканах противопоказаны как чрезмерно усилившиеся, так и униженные страны и народы. Последующая роль Болгарии в Первой мировой войне лишь подтвердила этот тезис.

Именно Берлинский договор, предусмотревший создание на Балканах целого ряда национальных независимых госу-

дарств, стал фактически первым документом во всемирной дипломатической истории, прописавшим международно-правовое обеспечение прав национальных меньшинств. По словам французского политолога Дэниэла Филпотта, защита меньшинств наконец стала нормальным условием, возложенным на новые государства[6]. В Болгарии, Восточной Румелии, Румынии, Сербии, Черногории, а также на всех территориях Османской империи провозглашалась полная свобода совести, всем гражданам независимо от вероисповедания предоставлялись гражданские и политические права. Таким образом, религиозное, гражданское и политическое равноправие впервые документально провозглашались универсальными ценностями для Балкан вне зависимости от государственной принадлежности тех или иных областей. А статья 44 Берлинского трактата, обязывавшая Румынию обеспечить равные права проживавшим на её территории евреям, прямо касалась пресловутого «еврейского вопроса», считавшегося особо актуальным для Балкан.

Следует также сказать, что и слабость, и противоречивость решений Берлинского конгресса, в свою очередь, явились следствием попыток установить на Балканах некий баланс — в том числе в вопросе о границах. Балканы — один из классических регионов мира, где границы, определяемые на основе этнического принципа, не могут разрешить межэтнические проблемы, а лишь закладывают новые «мины замедленного действия». Ведь сами эти этнические границы очень часто являются условными, не учитывают этническую «чересполосицу», сложный процесс многовекового этногенеза, а также объективно сформировавшиеся культурно-исторические особенности различных частей одного и того же этноса, разделенного государственными, религиозными, природными и прочими разграничительными линиями.

С этой точки зрения Берлинский конгресс стал примером своеобразной искусственной и сознательной «балканизации сверху», когда из одной Болгарии делалось две, их границы искусственно сужались за счет македонских земель, когда

на три части оказывался разделенным сербский этнос, когда не были учтены национально-государственные интеграционные устремления албанцев.

При этом, создав на Балканах мозаику независимых, автономных, оккупированных и прочих государств, территорий, провинций и областей, державы-«миротворцы» в лучших традициях геополитики позаботились о том, чтобы сохранить в неприкосновенности «святая святых» — транспортные пути. Главная водная артерия региона — Дунай — объявлялась нейтральной и свободной для судоходства. Проход военных кораблей через черноморские проливы по-прежнему запрещался, и даже передававшийся России порт Батум получал статус порто-франко (вольной торговой гавани) и должен был использоваться исключительно торговыми судами.

Теперь балканским странам предстояло употребить усилия на хозяйственное освоение приобретенных территорий, преодоление финансово-экономических последствий трехлетнего международного кризиса, решение накопившихся политических вопросов и новых межнациональных — то есть заняться тем, что с присущим им красноречием сербы назвали «консолидацией военных завоеваний». Эти задачи балканские народы и государства решили лишь отчасти.

Компромиссы, достигнутые между самими великими державами, с одной стороны, позволили урегулировать кровопролитный Великий Восточный кризис 1875–1878 гг., вместивший в себя несколько войн, но с другой, сохранили на беспокойной балканской земле старые узлы противоречий и завязали новые узлы — македонский, косовский, добруджанский, боснийский и целый ряд других. И одним из наиболее актуальных стал албанский вопрос. Именно события Великого Восточного кризиса стали важнейшим катализатором развития албанского национального движения, несмотря на то (а скорее именно поэтому), что в качестве отдельного вопроса албанские сюжеты не рассматривались великими державами.

Не случайно, что уже 10 июня 1878 г. — за три дня до открытия Берлинского конгресса — в косовском городе Призрен

состоялось первое заседание всеалбанского учредительного собрания Албанской лиги (получившей в связи с этим свое второе название — Призренская)[7]. Среди собравшихся в Призрене 80 делегатов преобладали крупные албанские феодалы, лидеры влиятельных местных кланов и представители мусульманского духовенства не только из Косово и Албании, но и Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии и Новопазарского санджака, а также турецкие чиновники. Они приняли программу, написанную на турецком языке и озаглавленную *Карарнаме* (тур. «Книга решений»)[8]. Этот документ имел достаточно умеренный характер и включал в себя такие основные положения, как «безоговорочная лояльность по отношению к турецкому султану», «борьба до последней капли крови против какой-либо аннексии албанских территорий», «объединение всех населенных албанцами территорий (Косовский, Битольский, Янинский и Скутарийский (Шкодринский) вилайеты. — *П. И.)* в одну провинцию, управляемую турецким генерал-губернатором», «придание албанскому языку официального статуса» и «введение национальной армии под командованием турецкого офицера»[9]. «Наша главная цель — сохранение царских прав неприкосновенного его величества султана, нашего господина, — говорилось в одном из пунктов программы. — Поэтому все те, кто этому противятся и мешают миру, те, кто стремятся ослабить авторитет власти, те, кто этому помогает, будут рассматриваться как враги нации и родины, и если не изменят свое мнение, и если они будут нападать на лояльных граждан царства, будут изгнаны из нашей страны»[10].

В программе подчеркивалось негативное отношение албанцев к планам территориальных приращений соседних албанских государств за их счет: «Имея перед глазами балканскую землю, мы не позволим ни за что, чтобы иностранные войска топтали нашу землю. Болгарскому правительству мы не признаем даже имя. Если Сербия мирным путем не уйдет с бесправно занятых территорий, то мы пошлем против нее башибузуков (хакинджилеров) и будем стараться до конца за-

нять те территории, и в том же ключе будем действовать против Черногории»[11]. Программа предусматривала и возможное территориальное расширение Лиги за пределы первоначально обозначенных районов: «Представители других краев (земель), которые хотят присоединиться к Лиге, будут охотно приняты, и мы их внесем в список Лиги как друзей власти и страны»[12]. Столицей объединенного албанского вилайета предполагалось сделать город Охрид в силу его центрального географического положения[13].

Одновременно делегаты направили специальный меморандум участникам Берлинского конгресса (открывавшегося 13 июня 1878 г.), а также турецкому правительству и дипломатическим представителям великих держав в Константинополе, в котором акцентировали внимание Европы на вышеуказанных положениях. В частности, в меморандуме, адресованном представлявшему на Берлинском конгрессе Великобританию премьер-министру Бенджамину Дизраэли, говорилось: «Мы не являемся и не хотим быть турками, но точно так же мы всей своей силой выступим против любого, кто захочет обратить нас в славян, или австрийцев, или греков; мы хотим быть албанцами»[14]. В Берлин отправилась полномочная делегация Албанской лиги во главе с Абдюлем Фрашери. Кроме того, в Лондоне, Париже и Берлине были распространены петиции с изложением требований Призренской лиги.

Однако деятелям албанского национального движения не удалось принять участие в работе европейского форума наравне с представителями их балканских соседей и даже добиться включения в повестку дня обсуждения в отдельном виде албанского вопроса. Великие державы отрицали сам факт существования албанской нации (категорическое утверждение — «албанская нация не существует» — принадлежало председательствовавшему на Конгрессе германскому канцлеру Отто Бисмарку[15]) и рассматривали территории с албанским населением лишь в качестве географического понятия.

И хотя решение Берлинского конгресса о сокращении территории Болгарии, предусмотренной Сан-Стефанским пре-

лиминарным договором, объективно было позитивным для Албании (тем самым район города Корча оставался в составе Османской империи), документы, подписанные в германской столице, предполагали передачу Черногории, помимо Бара и Подгорицы, двух городов со смешанным албано-славянским населением — Плава и Гусинье, а Греции — значительной части Эпира, в том числе и районов с преобладающим албанским населением. Афинский корреспондент лондонской газеты *Times* сообщал о том значении, которое греческое руководство придавало «албанскому направлению» своей внешней политики, рассматривая присоединение города Янина в качестве первого этапа постепенной «эллинизации» Албании[16]. Соответствующие географические карты широко распространялись как в самой Греции, так и в иных европейских странах[17]. Впрочем, аналогичные великодержавные программы разрабатывались и в других столицах региона. Более того, «концепция “великой страны”, занимавшая постепенно господствующее положение во внешнеполитических ориентирах балканских государств, уже была чревата межгосударственными конфликтами несмотря на то, что объективно молодые страны полуострова, обретшие или восстановившие свою государственность, являлись союзниками в борьбе с главным противником — Османской империей»[18].

2 июля 1878 г. состоялось второе общее собрание Албанской лиги, на котором в числе основных обсуждались вопросы организации защиты албанских земель от их передачи под чужеземное господство. На основании принятых на нем решений, в северных областях Албании создавались вооруженные албанские отряды, призванные оказать сопротивление передаче присужденных Черногории и другим балканским странам земель — в том числе в Плаве, Гусинье, Шкодере, Призрене, Превезе и Янине. Был принят Статут Лиги, которая приобрела официальное название «Албанская», и был избран новый состав Генерального совета. Во главе этого органа остался богатый феодал из Дибры (Дебара) — Ильяз-паша Дибра, однако в его составе усилилось влияние патриотических сил.

Одно из положений Статута подтверждало положение Албанской лиги о формировании вооруженных подразделений «для защиты албанских территорий», причем предусматривалось провести в этих целях в случае необходимости «мобилизацию всех мужчин, которые способны носить оружие»[19]. Именно принятие Статута считается обретением Албанской лигой юридической базы «для постепенного оформления в рамках османского государства албанской автономии», поскольку «у албанцев впервые появился орган защиты военным и дипломатическим путем их национальных прав»[20].

Правда, турецкие власти и на этом этапе деятельности Лиги видели в албанцах своих естественных союзников в борьбе против диктата великих держав и нарушения территориальной целостности Империи. Часть делегатов Призренской лиги во главе с представителем Тетово Шейхом Мустафой Рухи Эфенди призывали своих коллег открыто заявить о том, что они «во-первых и прежде всего оттоманы, а уже затем албанцы». Константинополь также снабжал албанцев оружием и боеприпасами. Следует признать правоту М. Виккерс, указавшей, что «одним из главнейших препятствий на пути культурного, национального и политического прогресса албанцев являлся продолжавшийся отказ оттоманской администрации признать, что албанцы — не турки, а особый народ с собственной отчетливой идентичностью. Обращение большого количества албанцев в ислам, а также предоставляемая им Портой безопасность против славян и греков окончательно способствовали тому, что они скорее отождествляли себя в целом с оттоманскими турками, нежели осознавали специфические албанские идеалы и цели. Таким образом, сама природа оттоманского правления отсрочила появление албанского национального самосознания и последующего национального движения, и привела к тому, что албанцы стали последней балканской нацией, обретшей свою независимость от Оттоманской империи»[21].

В конце сентября 1878 г. радикальное крыло Албанской лиги, по-прежнему группировавшееся вокруг Стамбульско-

го комитета, разработало и приняло новую программу этого общеалбанского объединения, имевшую более радикальный характер по сравнению с предшествовавшей[22]. Ее основные положения были опубликованы 27 сентября на страницах редактируемой одним из активистов албанского национального движения Сами Фрашери стамбульской газеты *Терджюман-и Шарк* (тур. «Рупор Востока») и включали в себя следующие пункты:

«1. Его Величество Султан должен защищать все права албанцев и не допустить, чтобы хоть одна частичка территории албанских областей была передана их соседям или другим народам, с которыми они граничат;

2. Все албанские области, в частности, Шкодринский и Янинский вилайеты, должны соединиться в единый вилайет, так называемый "Албанский вилайет"; в его собственной среде должен быть выбран и назначен честный, способный и ученый вали, знающий страну, положение, обычаи и менталитет данного народа;

3. Официальные лица административной и судебной сфер, которые находились бы на службе в данном вилайете, должны знать язык страны, понимать проблемы и требования, которые выдвигает народ; на официальную службу необходимо назначать тех, кто может говорить с местными жителями без переводчика;

4. Не принимая во внимание религиозные и имущественные различия, демократическим и равноправным образом необходимо провести выборы пленарных советов таким образом, чтобы население нахий выбирало бы пленарные советы нахий, пленарные советы нахий выбрали бы пленарные советы казы, пленарные советы казы выбирали бы пленарные советы Санджака, одновременно из состава этих советов избиралась бы Национальная ассамблея;

5. Каждый год Ассамблея проводила бы свои рабочие двухмесячные сессии в столице Вилайета. Из числа избранных членов создавался бы Совет, выполняющий национальные требования, рассматривал вопросы улучшения существующе-

го положения и выносил несправедливости и упущения, допущенные чиновниками, на рассмотрение Национальной ассамблеи и представителя правосудия, если речь идет о подсудном деле. В этом случае судебный процесс над подобными чиновниками осуществлялся бы в рамках Национальной ассамблеи, а принятое решение приводилось бы в исполнение Центральным правительством;

6. Вилайет поддерживал бы с Высокой Портой почтовую и телеграфную связь, а также вел переговоры на официальном османском языке, в то время как албанский язык использовался бы и применялся бы в суде, на встречах, заседаниях, в школах и гимназиях низшего уровня, которые уже существуют в областях Албании, и в тех, которые будут основаны позднее. Турецкий язык использовался бы лишь в некоторых областях знаний и наук, — там, где без этого нельзя обойтись. Почтовая службы, письменность и обучение будут осуществляться на албанском языке, а из доходов Вилайета, образующих прибыль, будет выделяться достаточно средств для развития науки и образования;

7. Вне зависимости от религиозных различий, все албанцы должны принять участие в организации и создании национальной армии, которая, несомненно, насчитывала бы свыше двухсот тысяч военнослужащих. Для этой элитной армии, которая будет создана, существовали бы особые военные правила, а к ее подготовке и обучению были бы привлечены офицеры из иностранного государства»[23].

Многие албанские историки (в частности, К. Фрашери) предпочитают в этой связи трактовать одно из ключевых требований Призренской лиги — о создании общего вилайета для албанцев — как исходившее из сохранения Европейской Турции и потому носившее «протурецкий» характер[24]. Однако многие турецкие исследователи — среди них С. Кюльдже — подчеркивают, что цели и деятельность Призренской лиги изначально «находились в противоречии с интересами и самим существованием Османской империи»[25]. Представляется, что более обоснованной и взвешенной является точка зре-

ния российского исследователя Г.Л. Арша, характеризовавшего рассматриваемый документ следующим образом: «Это первая в истории албанского национально-освободительного движения развернутая программа политической автономии Албании»[26]. Аналогичную оценку дала принятой программе российская газета *Голос*, подчеркнувшая, что Албанская лига «приняла в последнее время характер национальный, имеющий целью домогаться образования автономного Албанского княжества, которое бы находилось только под верховной властью султана»[27].

При этом не следует недооценивать не только конфессиональную и племенную, но и социально-экономическую разобщенность внутри албанского лагеря. Жители северных горных районов Албании традиционно пользовались большей степенью автономии в системе Османской империи, и потому «централизаторская политика Порты возмущала их больше, нежели южан»[28]. С другой стороны, тех и других объединяло стремление воспрепятствовать передаче их земель соседним государствам — Черногории и, возможно, Сербии на севере и северо-востоке, и Греции — на юге. Что же касается крупных землевладельцев Центральной Албании, то они менее всего были склонны поддерживать радикальные национальные требования Призренской лиги. Во-первых, они не опасались за свои земли, а во-вторых, имели более широкое «представительство» в высших структурах иерархии Османской империи. Как справедливо указывала в этой связи российский албанист Ю.В. Иванова, ислам расколол балканское общество «не по этническому признаку, а по религиозному, который в действительности был признаком социальным»[29].

Весной 1879 г. деятельность Призренской лиги первый раз сыграла активную международную роль. В городе Превеза 6 февраля 1879 г. начались греко-турецкие переговоры по вопросу территориального разграничения между двумя странами. Положение об их проведении было прописано в решениях Берлинского конгресса, предусматривавших передачу Греции Турцией Фессалии и значительной части Эпира,

включая населенную албанцами область Чамерия. Эти планы встретили противодействие со стороны Албанской лиги, которая в январе 1878 г. провела в Превезе свое заседание и постановила провести всеобщую мобилизацию и оказать вооруженное сопротивление в случае попыток реализации вышеупомянутого решения Берлинского конгресса.

Руководство Османской империи было хорошо осведомлено о позиции албанцев и использовало её в своих интересах. В марте греко-турецкие переговоры были прерваны по инициативе Константинополя, опасавшегося вооруженного выступления албанцев. Руководство Албанской лиги, со своей стороны, решило объяснить великим державам собственный подход к проблеме греко-турецкого разграничения и, в частности, отказ от передачи Эпира Греции. В конце марта 1879 г. Абдюль Фрашери вместе с другим видным деятелем албанского национального движения — Мехметом Али Вриони — посетили, помимо Константинополя, все ведущие европейские столицы, за исключением Санкт-Петербурга, — Рим, Париж, Лондон, Берлин и Вену. Они стремились ознакомить правительства и общественность великих держав (в своем подавляющем большинстве рассматривавших Албанскую лигу в качестве творения и политического инструмента турецких властей) с национальными интересами и требованиями албанцев*. Они в сжатом виде были изложены в меморандуме, переданном европейским правительствам. В документе, в частности, говорилось: «Албанцы сохранили свою родину, свой язык и свои нравы, отразив в варварские времена нападения римлян, византийцев и венецианцев. Как можно допустить, чтобы в век просвещения и цивилизации нация, столь храбрая и столь привязанная к своей земле, была принесена в жертву, отдана без каких-либо законных оснований алчному соседу?»[30]. Однако в своей аргументации и требованиях делегаты Албанской

* В ходе этой поездки албанские делегаты имели беседы, в частности, с видными политическими деятелями тогдашней Европы, министрами иностранных дел Англии и Франции Р. Солсбери и В. Ваддингтоном, а также главой итальянского кабинета А. Депретисом.

лиги пошли дальше и поставили вопрос о принадлежности Албании не только Чамерии, но и всего Эпира, включая города Превеза, Янина и Арта как важные экономические и военно-стратегические центры. К тому времени провинция Эпир включала в себя четыре санджака — Берат, Гирокастру, Янину и Превезу. А район, который албанцы называли «Чамерия» (или «Южная Албания»), греки именовали «Северным Эпиром». В качестве одного из аргументов авторы меморандума ссылались на понимаемое весьма «расширительно» историческое право: «Албанский народ более древний, чем греческий народ; известно, что в старину Эпир был одной из составных частей Албании, и никогда греки в какой-либо мере не владели этой страной»…[31] Впрочем, с географической точки зрения, эта концепция имела право на существование в той её части, что Эпир и Фессалия существовали обособленно: центр Эпира город Янина был отделен от Фессалийских пределов горным хребтом Пиндус. С этнической же точки зрения ситуация была намного сложнее. Как свидетельствовали посещавшие данные районы европейцы, «вся страна тосков (жители Южной Албании. — *П. И.*) находилась под сильным влиянием Греции, но ещё труднее сказать, является ли Эпир греческим — или же Северо-Западная Греция является албанской»[32].

Тем временем развитие албанского национального движения в рамках Призренской лиги шло по нарастающей. Дополнительным катализатором этого процесса стал обнародованный летом 1879 г. отказ султана пойти навстречу требованиям албанцев об образовании единого албанского автономного вилайета. Он сослался при этом на вышеуказанные положения Берлинского трактата, предусматривавшие проведение в Османской империи ограниченных административных реформ в рамках существовавшей территориально-государственной структуры Порты.

Данный шаг Константинополя ознаменовал собой фактический раскол между албанским национальным движением в рамках Призренской лиги и турецкими властями. В сложившейся ситуации отделения Лиги стали по собственной

инициативе организовывать на местах албанские административные и судебные органы, что привело во многих районах к фактическому двоевластию албанских и турецких структур. Албанское население отказывалось платить налоги Константинополю и вступало в национальные вооруженные отряды. К этому времени подчинявшиеся Призренской лиге вооруженные албанские формирования насчитывали не менее 16 000 человек. Особого накала противостояние комитетов Албанской лиги и турецких властей достигло в Призрене, Дебаре, Джяковице и Люме, где оно подчас принимало вооруженный характер. Как сообщал российский генеральный консул в Салониках М.К. Ульянов, албанские органы власти — в частности, в Дебаре — фактически осуществляли судебные и полицейские функции: «Здесь члены лиги строго преследуют разбойничество и убийства, приговаривая нередко преступников к смертной казни или сожжению домов и имущества их, тогда как турецкое правительство в своих провинциях никоим образом не может прекратить разбойничество и обеспечить жизнь мирных селян»[33].

23 июля 1880 г. в южноалбанском городе Гирокастра открылось очередное общее собрание Призренской лиги, на котором лидер радикального крыла албанского национального движения Абдюль Фрашери предложил на рассмотрение делегатов из всех албанских областей еще более радикальный программный документ. Он на деле означал, что Лига берет на себя функции временного правительства автономной Албании, построенной на принципах равенства и гражданских свобод и располагающей собственной регулярной армией. За султаном, который должен был взять на себя обязательство защищать Албанию от внешней агрессии, оставлялось право назначать правителя албанского государственного образования, собирать ежегодную дань, а также получать в военное время в свое распоряжение ограниченный албанский воинский контингент. Данная программа была в целом одобрена делегатами общеалбанского собрания, однако, под давлением более умеренной их части, её реализация была по-

ставлена в зависимость от возникновения ситуации, когда Османская империя подвергнется внешней агрессии и не сможет ей эффективно противостоять.

Тем временем отношение турецких властей к проблеме реализации решений Берлинского конгресса относительно территориального разграничения с соседними государствами претерпевало изменения. Испытывая всё возраставшее давление со стороны европейских держав и понимая нежизнеспособность Османской империи в условиях внешнеполитической изоляции и возможных военно-силовых акций, султанское правительство решило форсировать выполнение наложенных на него обязательств. Это вынуждало Константинополь идти на конфликт с Албанской лигой. В начале декабря 1879 г. в Призрен прибыла очередная турецкая военная миссия во главе с губернатором Битольского вилайета Ахмедом Мухтар-пашой с тем, чтобы обеспечить, наконец, передачу Черногории округа с городами Плав и Гусинье.

Однако решительные действия албанцев, заблокировавших продвижение турецких отрядов, в очередной раз сорвали планы «цивилизованной» Европы и Османской империи. Более того, подчинявшиеся Призренской лиге албанские вооруженные отряды нанесли 8–10 января 1880 г. в районе сел Велика и Пепич тяжелое поражение черногорским войскам, попытавшимся явочным порядком оккупировать присужденные ей Берлинским конгрессом области.

В этих условиях правительства и дипломаты великих держав признали необходимым внести коррективы в уже подписанные ими договоренности. 18 апреля 1880 г. посланники европейских государств в Константинополе по инициативе итальянской стороны договорились о передаче Черногории вместо Плава и Гусинье североалбанских горных округов Хот и Груда к северо-востоку от Шкодера, жители которых исповедовали католицизм. И вновь попытки перекроить политическую карту Балкан без учета исторических и национальных реалий натолкнулись на решительное противодействие «несуществующей» (по мнению Европы) нации, в очередной раз

получившей тайное содействие со стороны турецких властей, передавших албанским отрядам оружие и боеприпасы и позволивших им занять оборонительные позиции турецкой армии. Так произошло, в частности, в городе Тузи, расположенном в районе, подлежащем передаче Цетинье. Турецкие власти 22 апреля 1880 г. позволили албанским отрядам занять этот стратегически важный пункт до подхода черногорских войск, оставив им также оружие и боеприпасы, включая пушки. Организацию обороны Тузи взяли на себя Шкодринский комитет Призренской лиги, а также руководство племенного военно-политического союза Горной Малесии, в состав которого входили Хот и Груда. К маю общая численность оборонявших район Тузи албанских отрядов достигла 12 тыс. чел., включая отряды албанского племени мирдитов во главе с Пренком Биб Додой — будущим министром в правительстве князя Албании Вильгельма Вида «образца» 1914 года.

В сложившейся ситуации в июне 1880 г. Великобритания и Австро-Венгрия убедили своих коллег по «клубу великих держав» «окончательно» пересмотреть свое же предыдущее «окончательное» решение. Теперь разменной картой в большой европейской политике стал стратегически (населенный преимущественно албанскими мусульманами) важный портовый город Улцинь (Дульциньо) вместе с прилегающей к нему территорией, а исполнителями — турецкие войска под командованием Дервиш-паши. А чтобы турецкое руководство на сей раз не помышляло о «двойной игре», великие державы пригрозили ему оккупацией важнейшего порта Смирна (Измир).

В результате штурма Улциня, осуществленного значительно превосходящими по численности турецкими силами 22 ноября 1880 г., героическое сопротивление защищавшего город по распоряжению Шкодринского комитета Призренской лиги вооруженного албанского отряда под командованием Юсуф-аги Соколы было подавлено, 23 ноября в город вошли турецкие войска, а 26 ноября в него были беспрепятственно пропущены черногорские силы. Несмотря на такой исход, албанская историография традиционно трактует все события во взаимо-

отношениях Черногории и албанцев в 1878–1881 гг. как войну между Черногорией и Албанской лигой Призрена, вызванной «территориальными претензиями» Черногории в отношении Албании[34]. Действительно, за период 1878–1880 гг. — то есть уже после завершения работы Берлинского конгресса — черногорская территория увеличилась вдвое, были получены стратегически важные выходы на Адриатическое море через портовые города Бар и Улцинь, и в целом Черногория использовала к своей пользе ситуацию, возникшую «вследствие ослабления объятий Оттоманской империи на Балканах»[35].

Вошла в состав Черногории и современная столица — город Подгорица, хотя её население тогда было лишь на треть черногорским, а на две трети — албанским. Вот как описывал албано-черногорские коллизии британский исследователь Эдвард Найт, посетивший спорные районы летом 1879 г. и сетовавший на плохое знание европейскими политиками и дипломатами «подлинной» Албании: «У Албании — больное имя, данное ей теми, кто её не знает. Она — “козел отпущения” Адриатики, причина всех затруднений здесь, о которых только и говорят. Черногория, с другой стороны, пользуется высокой репутацией. Субсидируемая или подкупаемая державами, и являющаяся их же любимицей, она играет хорошую игру и содействует представлению, что она является более добродетельной и цивилизованной, чем её соседка, чью территорию она после этого страстно желает получить. У несчастного албанца нет своего князя Николы, его грабит так называемое правительство Турции в те моменты, когда оно достаточно сильно, чтобы любым путем навредить ему, у него нет друзей, но зато он окружен хитрыми врагами, голодными до его земель»[36]. Неудивительно, что Э. Найт весьма критически оценивал решение Берлинского конгресса о передаче Черногории албанонаселенных районов: «Представлялось подходящим делом передать ей округа и села, населенные наиболее фанатично настроенными мусульманами Албании. Результатом этого станут кровопролитие и будущие проблемы, которые мог бы предсказать любой, знающий эту стра-

ну»[37]. Впрочем, и сохранение турецкой власти британский автор оценивал весьма критически — по причине её фактического отсутствия: «Позиции правительства (Османской империи. — *П. И.*) здесь очень слабы, его не боятся и не уважают, а всего лишь терпят. Албания находится в состоянии "позитивной анархии", жандармерия бастует, солдаты отказываются отдавать честь своим офицерам, месяцами не получая жалования, в то время как местные жители открыто и беспрепятственно проводят мятежные собрания в мечетях в гарнизонных городах, во время которых бесстрашно выступают за восстание против Порты. Нигде больше условия для Порты не являются более отвратительными, а её абсолютная беспомощность — более заметной, чем здесь»…[38]

Убедившись на собственном опыте в решимости албанцев отстаивать свои интересы, правительство Османской империи еще до силового решения вопроса об Улцине заняло более жесткую позицию и в вопросе о греко-турецком разграничении. Оно отклонило коллективную ноту, подготовленную состоявшейся в июне 1880 г. в Берлине конференцией послов великих держав и включавшую подтверждение положения Берлинского трактата о передаче Греции Фессалии и Северного Эпира. Основными поборниками интересов Афин на данной конференции стали Великобритания и Франция, предложившие «провести новую греческую границу от горного массива Олимп на востоке до реки Каламас на западе с включением в состав её новых владений города Янина»[39]. В ответной ноте Константинополь указал 26 июля, что изменение государственной юрисдикции областей, населенных албанцами (в том числе Чамерии и Янины), неминуемо вызовет серьезные внутриполитические осложнения в Османской империи. Это привело к резкому обострению отношений между Турцией и Грецией, вновь оказавшихся на грани войны: греческая армия даже провела мобилизацию.

Тем не менее, хотя «Берлинская конференция оказалась для Греции более удачной, чем конгресс 1878 г.», греко-турецкое разграничение вновь застопорилось. Негативную роль

для Афин сыграло изменение внутриполитической ситуации во Франции и рост противоречий между Парижем и Лондоном[40]. Однако напуганная ростом албано-турецких противоречий и всё более активной деятельностью Призренской лиги Высокая Порта вскоре по своей инициативе согласилась на передачу Греции всей Фессалийской области, а не только её южных областей (что предполагалось ранее), в обмен на сохранение в своем составе большей части Эпира (исключая округ Арта). Соответствующее согласие было озвучено турецкой делегацией на состоявшейся в марте 1881 г. конференции послов великих держав в Константинополе, посвященной вопросам греко-турецкого разграничения. Как сообщал в Форин-офис британский посол в Османской империи Дж. Гошен, «турки согласились на уступку Фессалии (которую Греции ранее так и не удалось взять под военный контроль. — *П. И.*) с целью сохранить Эпир и покончить с албанским вопросом, который, как я неоднократно сообщал, беспокоит их больше, чем какое-либо давление со стороны шести держав»[41]. Правда, несмотря на все усилия британской дипломатии, ей не удалось заставить Османскую империю передать Греции Превезу.

В конечном итоге, греко-турецкая конвенция по территориальным вопросам была подписана сторонами в Константинополе 2 июля 1881 г., и у османского правительства оказались развязаны руки для того, чтобы военным путем разгромить становившуюся всё более опасной для Константинополя Призренскую лигу.

Однако ни албанский, ни греко-турецкий, ни другие балканские узлы национально-территориальных противоречий никуда не исчезли. Максимально амбициозные национальные программы вкупе с ограниченной площадью территорий для их возможной реализации задавали балканским правителям военный вектор в политике, который в конечном итоге стал ключевым фактором возникновения Балканских войн 1912–1913 гг.

Примечания

[1] *Виноградов В.Н.* Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 160.

[2] *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. London; New York, 1995. P. 33.

[3] *Shindler C.* Likud and the Christian Dispensationalists: A Symbolic Relationship // Israel Studies. Vol. 5. 2000. P. 158.

[4] История XIX века. Под ред. Лависса и Рамбо. Том 7. М., 1939. С. 448.

[5] *Фей С.* Происхождение мировой войны. Т. I. М., 1934. С. 55.

[6] См.: *Philpott D.* Sovereignty: An Introduction and Brief History // Journal of International Affairs. Vol. 48. 1995. P. 353–368.

[7] *Castellan G.* L'Albanie. Paris, 1980. P. 10.

[8] *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. Münich, 1982. S. 18.

[9] Ibidem.

[10] Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Т. 1. (1878–1997 гг.) / отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 2006. С. 40.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] *Vickers M.* The Albanians… P. 33.

[14] *Skendi S.* The Albanian National Awakening… P. 45.

[15] *Castellan G.* L'Albanie… P. 10.

[16] *Vickers M.* The Albanians… P. 38.

[17] *Peckham R.Sh.* Map Mania: Nationalism and the Politics of Place in Greece, 1870–1922 // Political Geography, 2002. Vol. 19. N. 1. P. 77–95.

[18] *Улунян Ар.А.* Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. — 90-е гг. XX в. М., 1998. С. 78.

[19] Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней // отв. ред. Г.Л. Арш. М., 1992. С. 176.

[20] Там же.

[21] *Vickers M.* The Albanians… P. 31.

[22] *Pollo S., Puto A.* The History of Alania. London, 1981. P. 125.

[23] *Hasani S.* Kosovo. Istine i zablude. Zagreb, 1986. S. 284–285.

[24] *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë, 1997. F. 115.

[25] *Külçe S.* Osmanli Tarihinde Arnavutlluk. Izmir, 1944. F. 250.

[26] Краткая история Албании… С. 179.

[27] Голос. 29.09.1878.

[28] *Vickers M.* The Albanians… P. 34.

[29] *Иванова Ю.В.* Албанцы и славяне: закономерно ли противостояние? // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 15–22 марта 1999 г. Санкт-Петербург. СПб., 1999. С. 24.

[30] Цит. по: Краткая история Албании. С. 181–182.

[31] Там же. С. 182.

[32] Подробнее см.: *Искендеров П.А.* Призренская лига 1878–1881 гг. // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 3–19.

[33] Краткая история Албании. С. 181–182, 184.

[34] *Frashëri K.* Lidhja Shqiptare e Prizrenit. F. 419.

[35] *Morrison K.* Montenegro. A Modern History. London — New York, 2009. P. 28.

[36] *Knight E.* Albania, A Narrative of Recent Travel. London, 1880. P. 84–85.

[37] Ibid. P. 68.

[38] Ibid. P. 117.

[39] *Улунян Ар.А.* Политическая история современной Греции… С. 78–79.

[40] Там же. С. 79.

[41] Цит. по: Краткая история Албании… С. 193.

Глава 2

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И БАЛКАНСКИЙ «ОТВЕТ»

DOI 10.31168/7576-0477-0.2.1

Симеон Андонов
СИМЕОНОВ

Служить нации, представлять империю: консулы России на Балканах (1774–1878 гг.)

Немногие книги могут соперничать по популярности и долголетию с монографией американского историка Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества», опубликованной в Лондоне в теперь уже далеком 1983 году[1]. В этой фундаментальной работе Андерсон определяет нации как «воображаемые политические сообщества» и объясняет национализм как функцию глобального капитализма. По мнению Андерсона, всё более свободный обмен товарами, услугами и идеями, который мы называем «глобализацией», бросает вызов старому режиму имперских монополий, торговых запретов и торговли титулами. Благодаря печатному станку капиталистическая буржуазия находит новый способ самоопределиться не только в материальном, но и в духовном и интеллектуальном смысле, создавая идею нации и «национального государства» как воображаемого сообщества и противопоставляя её идее династической империи[2].

Несмотря на недостатки модели Андерсона, одним из которых является исключение Юго-Восточной Европы из исторического анализа, она оказывается удивительно устойчивой именно в своём противопоставлении нации и империи как строительных блоков современного мироустройства[3]. Под влиянием идеи Андерсона большинство исследователей «долгого XIX века» продолжают рассматривать нацию и империю как два несовместимых или даже противоположных явления. История Венесуэлы, Колумбии, Сербии или Греции в XIX в.,

Чехословакии и Польши после Первой мировой войны свидетельствует: рождение нации определяло конец империи[4].

Рассказы о национальном пробуждении, направленном против иностранной имперской власти, известны большинству аналитиков балканских, европейских и глобальных политических процессов. Однако остается неизученной связь между этими процессами и тем, что можно назвать имперской геополитикой. Именно на эту связь обратила внимание новейшая историография, породив вопросы о том, как создание новых государств влияет на имперскую геополитику и подвергается ли оно обратному влиянию этой геополитики[5]. В контексте XIX века, именуемого Эриком Хобсбаумом «веком империй», мы можем уточнить этот вопрос следующим образом: «Как имперская геополитика взаимодействует с национализмом в условиях постоянно углубляющихся связей и зависимостей между центрами и периферией?».

Этот актуальный и важный вопрос о взаимоотношениях между нацией и империей с особой силой и постоянством вставал перед группой людей, чья деятельность продолжает привлекать внимание историков. Речь идет о выходцах с Балкан, принявших российское подданство и служащих консулами и вице-консулами, отстаивающими имперские интересы России на своей родине в конце XVIII — начале XIX вв.[6]. Цель настоящего очерка — представить некоторые наблюдения, касающиеся личностей консулов, которых автор считает основными структурными элементами международного порядка не только на Балканах, но и в Европе и на Ближнем Востоке, и проанализировать их деятельность[7]. Не будучи русскими по национальности, но, находясь на российской имперской службе, именно они, как бы неожиданно это ни звучало, являлись тем форпостом, на котором шли ежедневные и нередко успешные поиски баланса между национальными интересами и имперской геополитикой[8].

Консульская деятельность кажется не столь масштабной, чтобы придавать ей геополитическое значение. Так, например, болгарский исследователь Димитар Дишев считает, что

реакция Найдена Герова (1823–1900), первого вице-консула — болгарина на русской службе, на его новое назначение в османский Пловдив является показательной для большинства его коллег. Когда в 1853 г. мать Герова разрыдалась от счастья при известии о его назначении, полагая, что её сын стал «самым известным» болгарином, Геров спокойно заметил, что вице-консул — всего лишь низшая канцелярская должность в российском Министерстве иностранных дел[9].

Назначение Герова на должность российского вице-консула в Пловдиве будет иметь особое значение для освободительного движения Болгарии в знаковое двадцатилетие — период между Крымской и русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Переписка Герова с Министерством иностранных дел Российской империи, бережно хранящаяся в Болгарском историческом архиве Национальной библиотеки Свв. Кирилла и Мефодия в Софии, доступна исследователям и позволяет получить детальное представление о действиях дипломата, его политике и стратегии.

Изучив корреспонденцию Герова, болгарские историки Румяна Дамянова, Андриана Спасова, Антоанета Кирилова и др. характеризуют его как важную дипломатическую фигуру в истории Болгарии и Балкан накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг.[10]. Депеши вице-консула имеют особое значение для формирования российской внешней политики на Балканах, так как отражают намерение дипломата подробно ознакомить российские политические круги с проблемами Османской империи и привлечь их внимание к политическому процессу на Балканах[11]. Напоминая о постоянных жестокостях османских властей по отношению к местным христианам, указывая на общие славянские корни двух народов и поддерживая тесную переписку с российскими верхами, Геров сумел убедить многих представителей имперской элиты в неизбежности нового вооруженного конфликта с Османской империей[12].

Но Геров не был ни первым, ни последним «местным» консулом на службе Российской империи на Балканах, и, чтобы лучше представить его деятельность, целесообразно рассмо-

треть её в более широком имперском и национальном контексте. Как известно, Россия получила право назначать консулов в Османскую империю в результате подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г.[13]. В Османской империи Россия выступала как покровительница балканских православных христиан. Именно эта религиозная специфика, отсутствующая в других регионах консульского взаимодействия, окажется особенно важной для той ключевой роли, которую сыграли балканские консулы, как в формировании российской имперской политики, так и в национально-освободительных войнах на Балканах.

В годы после подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора российская дипломатия умело использовала особый статус «защитницы» православных, назначая местных жителей своими консулами[14]. И этот статус превращал консулов в фигуры стратегического значения для дипломатии на Балканах[15]. Ни в одном другом регионе имперской геополитики дипломаты местного происхождения не пользовались таким влиянием, как на Балканах, и нигде больше они не играли в геополитике такой важной, первостепенной роли.

Учитывая значение Балкан как ключевого объекта геополитических амбиций великих держав, мы предлагаем рассматривать этот регион как своего рода лабораторию российской геополитики. В подтверждение успешных экспериментов в этой сфере, помимо Герова, можно указать на деятельность консулов — греков по национальности Ангелоса Мустокидиса в Салониках, Иоанниса Папаригопулоса в Фессалии, Иоанниса Калогеракиса в Патрах и Иоанниса Власопулоса на Эгейском архипелаге в 1820-е годы[16]. Находясь на российской императорской службе, они сыграли важную роль в борьбе Греции за независимость. В их депешах отражались те же тактика действий и её побудительные мотивы, что и в корреспонденции Герова. Сообщая о зверствах османских властей в отношении православного населения, консулы ориентировали российскую геополитику на конфликт с Высокой Портой, в ходе которого они считали возможным реализовать греческие националь-

ные интересы, а именно добиться независимости от Османской империи[17].

Политика России в отношении «местных» консулов не всегда была последовательной и при этом во многом зависела также от их личных качеств и способностей. К сожалению, тенденция историков отдавать предпочтение источникам, отражающим намерения и действия центральной власти, отодвигает консулов на второй план, создаёт не совсем правильное представление, что они якобы являлись просто исполнителями поступавших от «верхов» директив[18].

А между тем рутинная работа консулов с их знанием языков и глубоким пониманием местных условий заслуживает самого пристального внимания и изучения. Зачастую Министерство иностранных дел России реагировало на деятельность консулов, а не направляло её. Последовательный и обдуманный план действий, именуемый сегодня «геостратегией», как правило, отсутствовал. Например, во время сербского династического кризиса 1830–1850-х годов МИД Российской империи, не имея собственной доктрины, рассчитывал на то, что консулы сами, на местах, будут определять стратегические интересы России[19]. После начала Крымской войны Министерству пришлось внести изменения в свою региональную стратегию, и генеральному консулу в Белграде, сербу из Баната Михаилу Рафаиловичу Милошевичу, была представлена следующая концепция регионального развития: «Политика, которой мы следовали в Турции... имела двоякую цель: с одной стороны, она стремилась поддержать колеблющееся положение турецкого правительства; с другой, снискать симпатию единоверных нам подданных её. Само собой разумеется, что достижение первого условия не могло произойти без явного ущерба [для] второго, и эти обстоятельства поставляли нас в затруднительные положения, особенно в отношении к местным жителям. Ныне все стремления наших агентов должны быть направлены к тому, чтобы сохранить и поддержать сочувствие к нам славянских племен и, по мере возможности, облегчить или улучшить их участь»[20].

В момент, когда отношения России с Сербией оказались нестабильными, российская дипломатия осознала возможность использования «местных» кадров для достижения геополитических целей. Неудивительно, что именно назначение Милошевича управляющим консульством стало решающей предпосылкой для определения российской геополитики с учётом сербских национальных интересов[21].

В то же время российское внешнеполитическое ведомство ориентировало «местных» консулов на преодоление своих сугубо узконациональных интересов, направляло их государственное мышление в геостратегическое русло. Это, в частности, относилось к Мустокидису, Милошевичу и Герову. В связи с этим следует отметить, что самостоятельной деятельности консулов предшествовал период их подготовки в имперской столице, где они получали практические знания о конкретной, технической, стороне их работы, а также и по идеологическим вопросам. Только после этого происходило назначение на должность[22]. В целом, обучение в Санкт-Петербурге превращало консулов в часть, хотя и отдалённую, российской имперской элиты.

Рутинная работа «местных» консулов была связана с проставлением штампов на официальных депешах, адресованных другим консулам, дипломатам и министерствам иностранных дел, с периодическими проверками грузов и их инвентаризацией и пр., но важное значение придавалось многолетнему сотрудничеству с местными религиозными организациями и участию в их филантропической деятельности[23].

Отличались ли эти «местные» балканские консулы от своих русских коллег в имперской администрации? И по уровню подготовки, и по своим титулам и местам назначения балканские консулы были полностью равны. Различие было в другом. Рискуя чрезмерно упростить сложные исторические реалии, мы всё же отметим следующий контраст: если российские консулы на Балканах были склонны рассматривать местный национализм как инструмент имперской геополитики, то для «местных» консулов на русской службе верно обратное — они

рассматривали имперскую геополитику как средство определения и достижения интересов той нации, к которой принадлежали[24].

Ввиду устойчивых связей и взаимодействий, возникающих в результате деятельности балканских консулов на российской имперской службе, следует подчеркнуть необходимость их интеграции в нарративы глобализации и национализма. В западной или западноцентричной интерпретации главное, что объединяет эти два повествования о возникновении современного мира, — это их антиимперская направленность. Будь то создание глобальных рынков или возникновение «воображаемых» национальных сообществ, оба процесса априори направлены против имперских амбиций и геополитики.

Деятельность консулов представляет собой кардинально противоположную картину. Не «антиимперскость», а преследующие стратегические цели переговоры с приверженцами «имперскости» сопровождали рождение балканских наций. Однако это далеко не периферийный балканский процесс, который присущ исключительно Юго-Восточной Европе: аналогичные процессы можно наблюдать и в США, где французские консулы вели переговоры о параметрах американского суверенитета, и на Гаити, и в Латинской Америке, и в самой Российской империи[25]. Исключительность Балкан заключается в интенсивности процессов и наличии огромного количества, казалось бы, несовместимых имперских интересов. Именно здесь сложилась модель стратегического взаимодействия между нацией и империей накануне обретения независимости.

Примечания

1 *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism, revised and extended. New York, 1991 (переиздание монографии 1983 г.).

2 Ibidem.

3 См.: *Anscombe F.F.* The Balkan Revolutionary Age // Journal of Modern History. 2012. T. 184. N 3. P. 572–606.

4 См., например: *Palmer R.R.* The Age of the Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760–1800. T. 1. Princeton, NJ, 1959; *Hobsbawm E.J.E.*

The Age of Revolution: Europe 1789–1848. London, 1962; *Wood G.S.* The Radicalism of the American Revolution. New York, 1991; *Langley L.D.* The Americas in the Age of Revolution, 1750–1850. New Haven, CT, 1996.

[5] См., например: *Blaufarb R.* The Western Question: The Geopolitics of Latin American Independence // American Historical Review. 2007. Т. 112. N 3. P. 742–763; *Adelman J.* An Age of Imperial Revolutions // American Historical Review. 2008. Т. 113. N 2. P. 319–340; *Hamnett B.R.* The End of Iberian Rule on the American Continent, 1770–1830. Cambridge, 2017; *Simon J.* The Ideology of Creole Revolution: Imperialism and Independence in American and Latin American Political Thought. Cambridge, 2017.

[6] О консулах на Балканах в XIX веке см.: *Case H.* The Quiet Revolution: Consuls and the International System in the Nineteenth Century // The Balkans as Europe / ed. Timothy Snyder and Katherine Younger. Rochester, NY, 2018. P. 110–138.

[7] См. также: de *Goey F.* Consuls and the institutions of global capitalism, 1783–1914. London, 2014; *Todd D.* Beneath Sovereignty: Extraterritoriality and Imperial Internationalism in Nineteenth-Century Egypt // Law and History Review. 2018. Т. 36. N 1. P. 105–137; *Marglin J.M.* Extraterritoriality and Legal Belonging in the Nineteenth-Century Mediterranean // Law and History Review. 2021. Т. 39. N 4. P. 679–706.

[8] Подробнее о развитии российского консульского корпуса см.: *Сафронова Е.В.* Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII — начале XX вв. дисс… канд. юрид. наук. М., 2002.

[9] *Дишев Д.* Бяла кост, черна кост: българинът Найден Геров — руският консул // Пламък. 2016. Т. 59. № 1. С. 163–178.

[10] См., например: *Стоянов М.* Дейността на Найден Геров като руски консул в Пловдив // Исторически преглед. 1949/1950. № 4–5. С. 589–595; *Кирилова А.* Откриване на руското консулско агентство в Пловдив през 1857 година // Исторически преглед. 2009. № 1–2. С. 48–76; *Eadem*. L'activité socio-politique de Najden Guérov (1853–1856) // Bulgarian Historical Review. 2009. N 1–2. P. 24–52; *Спасова А.* Неиздадените книги на Найден Геров: ръкописната тенденция в контекста на демократизирането на знанието // Дългият осемнадесети век. Т. 3. Книгите като събитие в Европа и Османската империя (XVII–XIX век) / съст. Надежда Александрова, Рая Заимова и Анна Алексиева. София, 2020. С. 285–301.

[11] *Кирилова А.* Откриване на руското консулско агентство… С. 48–76.

[12] См., например: Найден Геров Е.П. Ковалевскому, Пловдив, 16.01.1857 г. (Болгарский исторический архив Национальной библиотеки Свв. Кирилла и Мефодия (НБКМ — БИА). Ф. 22. Оп. 5. А.е. 132–135).

[13] *Case H.* The Quiet Revolution… P. 110–138; *Frary L.J.* Russia and the Making of Modern Greek Identity, 1821–1844. Oxford, 2015. P. 23–24; *Мельчакова К.В.* Первый русский консул в Боснии и Герцеговине А.Ф. Гильфердинг о проблемах славянского населения края // PER ASPERA… Сборник научных статей победителей конкурса студенческих работ исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Вып. 4. М., 2012. С. 133–143.

[14] *Frary L.J.* Russian Consuls and the Greek War of Independence (1821–1831) // Mediterranean Historical Review. 2013. Т. 28. N 1. P. 46–65.

[15] Ibid. P. 46–47; *Стоилова Т.* Русия и Дубровник през XVIII век // Проблемът Изток-Запад. България и Балканите: Статии, документални материали и дис-

кусия / съст. Тамара Стоилова, Виолина Атанасова, Петя Димитрова и Воля Аргирова. София, 2006. С. 48–75.

16 *Frary L.J.* Russian Consuls… P. 46–65.

17 Ibidem.

18 *Fuhrmann M.* Port Cities of the Eastern Mediterranean: Urban Culture in the Late Ottoman Empire. Cambridge, 2020. P. 34.

19 См.: *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина. М., 2015. С. 7–128. См. также: *Кудрявцева Е.П.* Россия и становление сербской государственности. 1812–1856. М., 2009. С. 4–44; *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М., 2019. С. 55–128.

20 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 239. 1856 г. Белград. Л. 15–16. Цит. по: *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина. С. 232.

21 Там же. С. 173–233.

22 *Frary L.J.* Russian Consuls… P. 47.

23 *Konstantinova Y.* Le rôle du consulat bulgare à Thessalonique dans la consolidation de la communauté bulgare de la ville // Études Balkaniques. 2017. T. 1. N 22. P. 231–249.

24 Это относится к периоду до обретения независимости и дипломатического признания, особенно до Берлинского конгресса 1878 г. О периоде после 1878 г. см.: *Гусев Н.С.* Македонский вопрос в освещении сербской и болгарской пропаганды в России в конце XIX — начале XX века // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Сб. науч. статей. Вып. 10 / под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб., 2020. С. 740–754.

25 *Simeonov S.A.* The Consular Caribbean: Consuls as Agents of Colonialism and Decolonisation in the Revolutionary Caribbean (1795–1848) // Memory, Migration and (De)Colonisation in the Caribbean and Beyond / ed. Jack Webb, Roderick Westmaas, Maria del Pilar Kaladeen and William Tantam. London, 2020. P. 117–132; *Idem.* Jacksonian Consular Reform and the Forging of America's First Global Bureaucracy // Journal of Policy History. 2021. T. 33. N 4. P. 401–428; *Rowe G.S., Knott A.W.* The Longchamps Affair (1784–86), the Law of Nations, and the Shaping of Early American Foreign Policy // Diplomatic History. 1986. T. 10. N 3. P. 199–220; *Zonova T.* The Consular Service in Russia: Past Problems, New Challenges // Consular Affairs and Diplomacy / ed. Jan Melissen and Ana Mar Fernández. Leiden, 2011. P. 173–198.

DOI 10.31168/7576-0477-0.2.2

Николай Николаевич
СТАНКОВ

К истории становления отношений между СССР и королевской Югославией в 1923–1928 гг. (по документам советских миссий в Праге)

В фондах Архива внешней политики Российской Федерации в делах по Чехословакии, начиная с 1923 г., содержится значительный объем информации о советско-югославских отношениях. В первую очередь речь идет о донесениях советских полномочных представителей Константина Константиновича Юренева (1888–1938), Сергея Сергеевича Александровского (1889–1945) и Владимира Александровича Антонова-Овсеенко (1883–1938) в Наркомат иностранных дел (НКИД) СССР о встречах с югославскими посланниками в Праге. Большой интерес представляют рабочие дневники полпредов и других сотрудников советской миссии, особенно заведующего отделом печати Романа Осиповича Якобсона (1896–1982), который имел чрезвычайно широкий круг знакомств среди политиков, дипломатов, журналистов, деятелей науки и культуры. В 1923 г. он установил постоянные контакты с атташе по делам печати югославского посольства в Праге Стево Клюичем[1].

Первая запись о беседе Якобсона с Клюичем содержится в письме Юренева в НКИД от 21 сентября 1923 г. Поскольку до этого времени советские представительства информацию о внутриполитическом положении в Королевстве получали лишь от случая к случаю, то Якобсон попросил Клюича под-

готовить обзор политических партий в Югославии с характеристикой лидеров, оценкой их влияния на принятие внешнеполитических решений, отношения к Советской России, с указанием главных партийных печатных органов, их тиража и т.п.[2] 10 октября 16-страничный «Обзор политических партий в Королевстве СХС» был отправлен в Москву[3].

Во время регулярных встреч с Клюичем Якобсон получал информацию о текущих политических событиях в Королевстве СХС, об отношениях Югославии с другими странами, прежде всего с союзниками по Малой Антанте — Чехословакией и Румынией, с соседней Болгарией, с великими державами — Францией, Великобританией, Германией, Италией. Последней уделялось особое внимание, поскольку после прихода Бенито Муссолини к власти внешняя политика Рима отличалась высокой активностью в Юго-Восточной Европе. В конце августа 1923 г. итальянские войска оккупировали остров Корфу, обострились отношения с Королевством СХС из-за Фиуме (Риеки). Во время одной из первых встреч с Якобсоном Клюич предложил, чтобы «Чичерин или кто-либо другой из видных советских деятелей в каком-нибудь интервью, хотя бы мимоходом подчеркнул справедливость югославянской позиции в вопросе об итало-греческом конфликте или же особенно в фиумском конфликте» (подчеркнуто в документе. — *Н. С.*). Клюич настойчиво подчеркивал, что это «сильно содействовало бы установлению» советско-югославских отношений[4].

Тогда же Клюич предложил, чтобы советское представительство в Праге ещё до обмена соответствующими миссиями между Москвой и Белградом приступило к репатриации: разрешило нескольким русским интеллигентам из Королевства СХС вернуться в Россию, а югославским гражданам, о которых Белград уже ходатайствовал, выехать в Югославию. По словам Клюича, «это произвело бы хорошее впечатление».

Югославский дипломат также отмечал важность пропаганды в пользу Советской России в югославской печати, чтобы «создать почву для восстановления нормальных русско-югославянских отношений». Он высказал пожелание, чтобы со-

ветское представительство в Праге снабжало югославскую печать позитивной информацией о жизни в СССР за последнее время, особенно в сфере культуры и экономики. Клюич предложил сам переводить эти статьи и сообщения и пересылать их в белградские газеты *Време* и *Трибуна*[5].

Юренев, сообщая 21 сентября 1923 г. в НКИД содержание беседы Якобсона с Клюичем, отмечал, что предложения последнего заслуживают внимания и их следовало бы принять, кроме «солидаризирования Сов[етского] прав[ительства] с Югославией — "особенно в Фиумском вопросе"», что, по мнению советского дипломата, должно «остаться гласом, вопиющего в пустыне»[6]. Москва не могла обременять свои отношения с Италией югославскими проблемами, так как в сентябре 1923 г. в Риме начались советско-итальянские переговоры о новом договоре, в ходе которых Москва добивалась признания СССР де-юре[7].

22 сентября 1923 г. Клюич посетил советское полпредство и встретился с Юреневым, который указал югославскому дипломату на «несколько несерьезную постановку сербской прессой вопроса о сношениях с Россией; на странную "периодичность" в дискуссиях прессы по этому вопросу». Клюич пояснил, что «подобная неровность в отношении России есть результат сильной групповой борьбы за кулисами югославского правительства»[8].

Очевидно, замечание советского полпреда стало причиной обсуждения Клюичем и Якобсоном вопроса о взаимной информации в печати, во время которого югославский дипломат между делом определил для каждой стороны приоритеты, подчеркнув, что советскую печать важно информировать «надлежащим образом о соотношении между Белградом и Радичем», т.е. поддержать короля и правительство в конфликте с лидером Хорватской республиканской крестьянской партии Степаном Радичем. Прессу же в Королевстве СХС, по мнению югославского дипломата, следовало информировать о внешней торговле и финансовом положении СССР, о культурной политике, состоянии школ и пр.[9]. В публикациях такого рода Клюич был

заинтересован лично, поскольку за каждую статью об СССР в югославской прессе получал от советского представительства в Праге 400 чешских крон (24 руб.)[10].

О своих беседах с советскими дипломатами Клюич информировал югославского посланника в ЧСР Бранко Лазаревича, уехавшего в то время в Белград, оставшегося вместо него в Праге временного поверенного в делах Берича и министра иностранных дел Момчило Нинчича. По словам Клюича, Нинчич и Лазаревич одобрили его шаги. Более того министр прислал Беричу подробную телеграмму, в которой «рекомендует продолжать и углублять сношения». Нинчич предложил Беричу немедленно войти «в непосредственный контакт с Юреневым и начать в Праге предварительные переговоры об установлении отношений [Королевства] СХС с Россией и о договоре»[11].

3 октября Берич встретился с Юреневым и имел с ним продолжительную беседу, которую просил хранить в строгой тайне не только от прессы, но и от дружественного чехословацкого правительства. В начале беседы он «очень основательно доказывал» Юреневу исконное русофильство югославян, уверяя, что они любят всех русских, независимо от того, кто они, большевики или врангелевцы. «Покровительство последним он истолковывал лишь как результат гуманности белградского правительства, — писал Юренев в НКИД 5 октября, — и, не моргнув глазом, уверял меня, что в случае, если бы (чего он, конечно, не желает) большевистская власть была бы низвергнута, то мы — большевики — нашли бы в Югославии такое же отношение к себе, как и ныне врангелевские офицеры и солдаты»[12].

Встречу с советским полпредом Берич просил расценивать как «приватную», но подчеркнул, что она одобрена его правительством. Он спросил Юренева, как советская сторона представляет себе отношения между Королевством СХС и СССР. Полпред «приватно» ответил Беричу, что, стремясь к мирному сожительству и сотрудничеству со всеми народами, советская сторона готова к установлению «вполне нормальных [двусто-

ронних] отношений». Рассчитывая на откровенность, югославский дипломат, однако, уклонился от встречного вопроса о том, как он себе представляет будущие отношения с СССР, но при этом дал понять, что эту тему можно будет обсудить, когда обе стороны получат от своих правительств полномочия на ведение переговоров. Из записи беседы следует, что Берича интересовал вопрос о взаимоотношениях Коминтерна и правительства СССР. Юренев заверил его, что «слухи, распространяемые нашими врагами о том, что правительство СССР — это агент Коминтерна, вздорны и провокационны и что, конечно, будущая миссия СССР в Югославии не представит никакой опасности для социального и политического режима этой последней»[13].

У Юренева сложилось впечатление, что в связи с намечавшимся курсом Королевства СХС на установление отношений с Москвой группа югославских дипломатов (Берич, Нешич и Лазаревич) из-за личных выгод и карьерных интересов начала в Белграде кампанию за то, чтобы переговоры между Югославией и СССР велись в Праге. Они торопились опередить посланника в Германии Живоина Балугджича, планировавшего югославо-советские переговоры в Берлине. «Нешич и Лазаревич, видимо, спешат и хотят закрепить свои позиции, — писал Юренев наркому иностранных дел Георгию Васильевичу Чичерину (1872–1936). — Для нас это совершенно всё равно, даже, пожалуй, Прага более предпочтительна, нежели Берлин. Поскольку переговоры будут вестись в Праге, то чем бы они ни закончились, неизбежно некое охлаждение между Чехословакией — Югославией, с одной стороны, и Румынией — Польшей, с другой»[14].

Как сообщил Клюич Якобсону 9 октября, на Берича разговор с Юреневым произвел благоприятное впечатление. Сразу же после встречи Клюич вместе с Беричем составили подробный доклад в Белград, подчеркивая, что «предпосылки для дальнейших переговоров налицо»[15].

Клюич смотрел на будущие советско-югославские переговоры с большим оптимизмом. Он уверял Якобсона, что «дело

пойдет гладко», и не сомневался, что пункты советско-югославского договора, касающиеся экономических отношений не вызовут никаких затруднений. Убытки, понесенные югославскими гражданами в России, сравнительно невелики. Они не превышают 5 млн франков, и, как предполагал Клюич, договориться о них будет нетрудно, тем более, что Югославия не наносила России того материального ущерба, какой нанесли ей, например, чешские легионеры. Он надеялся, что не вызовет затруднений и пункт о «невмешательстве советского правительства и его эвентуального представительства в Белграде во внутренние дела Югославии». Очень важным моментом югославский дипломат считал то обстоятельство, что Москва заняла определенно враждебную позицию по отношению к правительству Александра Цанкова, пришедшего к власти в Болгарии 9 июня 1923 г. в результате государственного переворота[16].

Успеху югославо-советских переговоров должно было способствовать и назначение Лазаревича главой политической секции Министерства иностранных дел Королевства СХС. Клюич предполагал, что, когда Лазаревич приедет в Прагу для передачи дел новому посланнику Любе Нешичу, он встретится с Юреневым, и таким образом советский полпред вступит непосредственно в официальный контакт с МИД Югославии[17]. В дальнейшем же переговоры будут вести Нешич и Берич. Клюич не исключал, что в скором времени советско-югославский договор может быть парафирован. Вопрос о том, где и кем будет подписан договор, югославский дипломат считал второстепенным, но надеялся, что его подпишет Нинчич в Белграде.

В первой половине ноября Клюич намеревался выехать в Белград и организовать там «сильную кампанию» в пользу сближения с СССР. Он считал крайне важным, чтобы при рассмотрении «русского вопроса» в скупщине было обеспечено полное единство [18].

30 октября Лазаревич и Нешич приехали в Прагу[19]. Но они не торопились встретиться с советским полпредом. Лазаревич,

передав дела новому посланнику, через несколько дней покинул Прагу. Информация, которой снабжал Якобсона Клюич, была крайне противоречива. 3 ноября он сообщил Якобсону, что, получив сообщение Берича о разговоре с Юреневым, Нинчич провел совещание с Лазаревичем и одним из видных деятелей Земледельческой партии Миланом Гавриловичем, на котором было решено, что «переговоры должны интенсивно вестись». Для того, чтобы договориться с Николой Пашичем, был привлечен один из его однопартийцев председатель скупщины Люба Йованович, который тоже высказался за переговоры и согласился обсудить этот вопрос с главой правительства. Но ответ Пашича на предложение о переговорах с СССР был категоричен: «Ещё не пришло время». В результате Лазаревич заявил Беричу и Клюичу: «Вести официальные переговоры в ближайшее время не будет возможности». Тем не менее, Клюич уверял Якобсона, что переговоры между югославскими и советскими представителями в Праге будут вестись, «должно быть достигнуто соглашение по вопросу о взаимном свободном предоставлении виз и т.д., может стоять вопрос о каком- либо секретном соглашении, но открытого договора пока быть не может»[20]. Однако уже через день, 5 ноября, Клюич сообщил Якобсону, что Пашич поручил Нешичу довести переговоры в Праге с советским представителем «до решительной фазы»: «Пашич хочет иметь договор, но хочет иметь его сам, и сам непосредственно через Нешича направлять ход переговоров»[21].

После этих обнадеживающих заверений с югославской стороны наступило затишье. Молчание было прервано 27 ноября. Клюич позвонил Якобсону и просил срочно встретиться, чтобы договориться о визите Якобсона к Нешичу. «Дело», по словам Клюича, приняло быстрый оборот — идет «галопом»[22].

Во время встречи Клюич сообщил Якобсону, что «русский вопрос в Белграде разом сильно продвинулся». Поскольку советские дипломаты постоянно подчеркивали, что серьезным препятствием для развития отношений с Королевством СХС была поддержка югославским правительством русской

эмиграции, Клюич во время беседы неоднократно обращался к данной теме, стараясь убедить Якобсона, что, в отличие от Чехословакии, Белград не заигрывает с эмиграцией, не поддерживает с ней столь тесные связи и не оказывает столь широкой поддержки, и что «Лазаревич начал хитрую и искусную кампанию в печати и в политических сферах против эмиграции, выдвинув против нее обвинение в нелояльности по отношению к Югославии и во вмешательстве во внутренние дела Югославии». Клюич уверял, что «сильно поколебалось» положение Василия Николаевича Штрандтмана, чрезвычайного посланника и полномочного министра России, назначенного в 1919 г. на этот пост адмиралом А.В. Колчаком и остававшегося в Белграде[23]. Нинчичу для восстановления своего положения, пошатнувшегося из-за ряда неудач последнего времени, необходим какой-либо успех во внешней политике, и он заинтересован в том, чтобы бóльшая часть партийных клубов скупщины приняла резолюцию в пользу сближения с СССР. Это создаст впечатление, будто большинство скупщины оказывало таким образом «давление» на Нинчича[24]. Клюич уверял Якобсона, что советско-югославский договор — дело недалекого будущего и что он «рассчитывал поехать в Москву в качестве сотрудника будущего представительства». По мнению Клюича, помимо представительства в Москве Югославии понадобятся пункты по репатриации в Киеве и Одессе[25].

28 ноября Якобсон посетил Нешича. Посланник начал разговор с обширной декларации, что, несмотря на то, что идеологически Югославия и СССР далеки друг от друга, Белград не вмешивается во внутренние дела России и считается «с реально существующим русским правительством». По его словам, в последнее время, особенно в последние дни, в отношении СССР в югославском правительстве и среди общественности произошли серьезные перемены. Настроения сильно изменились в пользу установления контактов с СССР. При этом речь идет не о торговых отношениях (поскольку большой торговли у Югославии с СССР быть не может), не о политике, а «о моральной необходимости для Сербии быть близкой с Россией».

«Предпосылкой отношений, — заявил Нешич, — является взаимное невмешательство во внутренние дела». Он подчеркнул, что Югославия не поддерживает и не будет поддерживать никакие эмигрантские организации, нацеленные на борьбу с нынешним режимом в России, но материальная помощь нуждающимся эмигрантам будет продолжена. Нинчич уполномочил Нешича перед отъездом в Прагу установить контакт с советским представителем, и он в ближайшее время с радостью это сделает[26].

3 декабря 1923 г. югославский посланник нанес долгожданный визит советскому полпреду. Он сразу же заявил Юреневу, что уполномочен министром Нинчичем вступить с ним в контакт и «поддерживать дружбу» и что эту миссию как «старый и большой друг России» он взял на себя «с большим наслаждением». В то же время Нешич вынужден был сообщить, что полномочий на ведение официальных переговоров у него нет. Он утверждал, что главной помехой на пути установления «договорных отношений» между Королевством СХС и СССР был «престарелый Пашич». Поэтому сторонникам сближения с СССР приходится это учитывать: «вести свою работу планомерно, без скачков и, по возможности, без резкого разрыва с Пашичем».

Юренев ответил, что соглашение между Королевством СХС и СССР отвечает интересам обоих государств, что советская сторона ни в коей мере не оказывает давление на югославское правительство, но в ускорении переговоров, очевидно, заинтересованы и сами югославы. Нешич фактически подтвердил слова советского коллеги. Сообщив в конце беседы о предстоящей в первые дни января поездке в Белград, он заверил, что при возвращении в Прагу во второй половине января привезет в кармане мандат на ведение официальных переговоров. Нешич надеялся, что на конференции «Бенеш и Нинчич совместными усилиями преодолеют старого царедворца Пашича»[27].

На следующий день, 4 декабря, Клюич встретился с Якобсоном и сообщил, что «Нешич вынес чрезвычайно благопри-

ятное впечатление от Юренева и о разговоре с ним немедленно написал официальный доклад в МИД и личное письмо Пашичу»[28]. Клюич уверял, что «и внутренние, и внешние условия в Югославии» складываются благоприятно для сближения с Советской Россией. Загвоздка только в противодействии короля, на которого «оказывает влияние окружающая его камарилья, находящаяся в тесном контакте с врангелевцами…». Но Клюич рассчитывал, что со второй половины декабря «в белградской печати начнется новая ожесточенная кампания в пользу сближения с Россией» и «король, в конце концов, вынужден будет уступить». Внешняя политика короля в последнее время потерпела ряд крупных провалов: неудачное вмешательство в греческие дела, невыгодное соглашение о границах с Румынией, сохранение Фиуме за Италией[29]. Через неделю Клюич сообщил Якобсону, что «возможности широкой информации в югославянской прессе о России теперь крайне велики». Сам он вызвался снабжать статьями и сообщениями о СССР пять газет: белградские *Трибуна*, *Време* и *Политика*, загребскую *Riječ* (хорв. «Слово») и люблянскую *Jutro* (словен. «Утро»)[30].

14 декабря Юренев нанес ответный визит Нешичу. Запись в дневнике предельно лаконична: «Сегодня был у Нешича. Принял он меня подчеркнуто дружески. Разговор не имел значительного политического интереса. Нешич по-прежнему уверен в том, что договорные отношения между СССР и [Королевством] СХС установятся очень скоро»[31].

Белградская конференция министров иностранных дел Малой Антанты, на которую югославские дипломаты в беседах с советскими представителями в Праге возлагали большие надежды, состоялась 11–12 января 1924 г., но в «русском вопросе» дело не продвинулось[32].

Впрочем, Нешич, посетив 27 февраля 1924 г. Юренева, уверял, что Белградская конференция всё же явилась шагом вперед: «Необходимость признания России была констатирована, и только не был установлен срок»[33]. Нешич убеждал полпреда, что ситуация в Югославии чрезвычайно благопри-

ятна для установления отношений с СССР: «Всё общественное мнение настроено в пользу признания СССР. Король не против признания. Нинчич всецело за. Пашич не имеет принципиальных возражений». По мнению Нешича, не существовало никаких вопросов, разделяющих Югославию и СССР. «Нет сложных экономических проблем, нет взаимных репарационных притязаний, и, можно сказать категорически, что в течение двух — самое позднее трех месяцев, русский вопрос будет разрешен для [Королевства] СХС и [Королевство] СХС будет иметь посла в Москве, — уверял югославский дипломат. — [Королевство] СХС не хочет никаких промежуточных стадий. Никаких признаний де-факто. Поскольку оно вступает в сношения, это будут нормальные дипломатические сношения, предполагающие признание де-юре». Нешич подчеркивал, что такова твердая позиция югославского правительства. В то же время он не скрывал, что «Пашич обнаружил некоторое колебание, особенно под влиянием двух-трех эмигрантских деятелей, оказывавших на него давление»[34].

В начале апреля 1924 г. Клюич сообщил Якобсону, что приблизительно через месяц ему предстоит официальная командировка в Москву с целью подготовки организации там представительства Королевства СХС и передачи Чичерину официального письма от Нинчича. Новый советский полпред в Праге С.С. Александровский с недоверием отнесся к этой информации. 9 апреля он записал в своем дневнике: «Это чрезвычайно мало похоже на правду. Вообще югославянское посольство не делает никаких серьезных шагов для сближения с нами, а положение внутри Югославии пока не позволяет серьезно рассчитывать на какое-нибудь изменение в отношении к нам. У меня довольно твердое впечатление, что югославянское посольство поддерживает связь с нами и иногда пытается афишировать её почти с исключительной целью шантажировать чехов, а теперь и румын “хорошими отношениями” с нами»[35].

Неизвестно, в каком направлении продолжалась бы дипломатическая игра Белграда, если бы все карты не спутала международная активность лидера Хорватской республикан-

ской крестьянской партии Радича. После неудачных переговоров в Лондоне, где ему не удалось добиться поддержки в решении хорватского вопроса, Радич прибыл в Москву и 27 июня 1924 г. заявил о вступлении ХРКП в Крестьянский Интернационал[36].

Решительные действия Радича побудили Нинчича в середине июля сделать целый ряд заявлений о югославо-советских отношениях. 14 июля, после завершения встречи министров иностранных дел Малой Антанты в Праге, в беседе с представителем советской печати Нинчич подчеркнул, что он сам лично является сторонником признания СССР де-юре: «За признание высказывается большинство в Югославии, но поскольку имеются противники признания, всё еще запуганные террористической деятельностью коммунистов и пропагандой Коминтерна, вопрос не следует форсировать, а предпочтительно выждать момент, когда он будет решен единогласно, не вызывая споров». Нинчич дважды во время беседы подчеркнул, что Югославия «не вмешивается во внутренние дела СССР», что она «корректно относится к Советскому Союзу и ждет от последнего не менее корректного отношения»[37]. 16 июля в интервью представителю венской печати югославский министр вновь повторил, что «он лично стоит за возобновление дружественных отношений с СССР, но мнения по этому вопросу в Югославии расходятся». В то же время Нинчич подчеркнул, что югославское правительство не потерпит большевистской пропаганды в Королевстве СХС. Министр сказал, что поездке Радича в Москву «не придает крупного значения», но в случае возвращения в Югославию тот будет арестован[38]. В беседе с корреспондентом РОСТА в Вене Нинчич заявил: «Я убежден, что признание состоится в недалеком будущем, так как даже те, которые еще сегодня высказываются против возобновления сношений с СССР, скоро изменят точку зрения»[39].

Перед НКИД возникла дилемма: продолжать переговоры с представителями Королевства СХС или делать ставку на Радича. Заместитель наркома Максим Максимович Литвинов

(1876–1951) в беседе с новым полпредом СССР в ЧСР В.А. Антоновым-Овсеенко отметил, что, по его мнению, «возня с Радичем» повредила, затруднив соглашение с Югославией. Нарком Г.В. Чичерин придерживался противоположной точки зрения, считая, что правительство Пашича, испугавшись наших связей с Радичем, сделалось более покладистым[40]. 28 июля Чичерин писал Антонову-Овсеенко в Прагу о «колоссальной исторической важности» вступления партии Радича в Крестинтерн. По мнению Чичерина, в лице Радича «мы приобрели колоссальный плюс не только для революционного движения, но и для нашей дипломатии на Балканах»[41]. Эту идею нарком развил в очередном письме Антонову-Овсеенко от 3 августа. Поводом для этого послужила отставка правительства Пашича и приход к власти 27 июля 1924 г. коалиционного кабинета Любомира Давидовича, в котором четыре портфеля получила партия Радича. «Происшедший в политике Югославии поворот имеет величайшее значение для развития балканских дел. Последствия приезда Радича в Москву превзошли все наши ожидания, — писал нарком в Прагу. — […] Радич открыто выставляет своим лозунгом балканскую федерацию и рабоче-крестьянское правительство. Его связи с другими элементами балканской политики таковы, что всё это будет иметь величайший резонанс во всем развитии политических событий на Балканах»[42]. В сентябре 1924 г. НКИД рассматривал вопрос о назначении резидента в Загреб. Дело тормозило отсутствие подходящего кандидата[43].

В то же время советское полпредство в Праге поддерживало постоянные контакты с югославским посольством. 4 октября Якобсон встретился с вернувшимся из Белграда Клюичем, который сообщил, что в правительственных кругах Югославии «царит полный хаос». Состояние государственной жизни Королевства СХС Клюич охарактеризовал как «борьбу между Радичем и королем». Переговоры с Радичем, которые по поручению Давидовича вел министр внутренних дел Настас Петрович, продвигались туго. Петрович признавался: «Я охотно вместо вежливых слов избил бы Радича: так раздражает меня

этот прохвост». По мнению Клюича, с Радичем договориться не удастся, и «правительство слетит»[44].

Единственным реальным и сильным политиком в кабинете Давидовича Клюич считал министра иностранных дел Воислава Маринковича, у которого во время пребывания в Белграде он был на приеме и имел продолжительный разговор по «русскому вопросу». Министр заявил Клюичу, что, войдя в правительство, он сделал значительный шаг навстречу СССР, и рассчитывал, что ответные шаги будут не менее дружественными. Вместо этого, сетовал Маринкович, последовала лондонская нота Христиана Раковского, в которой обращено внимание западных держав на непорядки в Югославии и предложено вмешательство во внутренние дела Королевства[45]. Клюич уверял Якобсона, что «именно эта нота Раковского ухудшила настроение Белграда по отношению к русскому вопросу». Тем не менее, югославский дипломат был убежден, что «надолго решение этого вопроса не может быть отсрочено». По его словам, в Белграде даже рассматривался вопрос о вероятном кандидате на пост югославского посла в Москве, наиболее «прочным кандидатом» считался Ж. Балугджич, который, как предполагали, и продолжит переговоры с СССР[46]. Маринкович просил Клюича прислать ему сербскую антологию, вышедшую в СССР, другие издания о Сербии, а также наиболее ценную информационную литературу о Советском Союзе[47].

6 ноября 1924 г. кабинет Давидовича пал. Новое правительство возглавил Пашич, и на начало 1925 г. были назначены парламентские выборы. Со сменой правительства изменились и заявления Клюича, тем более что Радикальная партия внесла его в кандидатский список от Далмации, и он собирался в Югославию, чтобы непосредственно включиться в предвыборную борьбу[48]. Если ещё полтора месяца назад Клюич восхвалял Маринковича и позволял критические замечания в адрес Нинковича, то теперь дело обстояло наоборот. По словам Клюича, «взоры Нинчича», вновь занявшего кресло министра иностранных дел, «устремлены в сторону России». «Позиция Маринковича по отношению к России

была двусмысленна, — говорил Клюич Якобсону 15 ноября. — Он, с одной стороны, хотел признать СССР, с другой стороны, боялся пропаганды Коминтерна и боялся, как бы радикалы не использовали признания, если таковое не пройдет гладко, для агитации против политики Маринковича». Поэтому Маринкович, признался югославский дипломат, дал распоряжение Нешичу не встречаться с советским полпредом в Праге Антоновым-Овсеенко. «Нинчич будет делать теперь определенно политику на признание», — подчеркнул Клюич. По его словам, новый министр уже дал соответствующие распоряжения Нешичу, и в самом близком будущем тот посетит Антонова-Овсеенко[49].

Действительно, в тот же день Нешич позвонил советскому полпреду и договорился о встрече, чтобы сделать «ответственные заявления». Беседу с Антоновым-Овсеенко 15 ноября Нешич начал с заверения, что ни одно югославское правительство «никогда не сделает ни одного шага, враждебного России». Он выразил надежду, что его «частные и личные» отношения между ним и советским представительством, которые он получил разрешение от Нинчича возобновить, «вскоре станут юридически оформленными». Его правительство надеется, что СССР «пойдет ему (югославскому правительству. — *Н. С.*) навстречу и признает интегральность Югославии и не будет ему производить никаких внутренних затруднений». Под «внутренними затруднениями» дипломат подразумевал «известную деятельность III Интернационала». Югославский посланник подчеркнул, что «хорваты — не особая нация», а «Радич сам не знает, чего хочет; это несерьезный человек». Нешич просил передать в Москву, что «Нинчич напоминает г. Чичерину уже сделанные заявления; он категорически заверяет, что ни на какие враждебные для России акты Югославия никогда не пойдет и что, со своей стороны, нынешнее правительство уверено, что Советы не будут создавать ему никаких внутренних затруднений и не поддержат тенденций к расчленению Югославии. Югославское правительство уже пошло бы по пути признания Советов, если бы не известные

заявления Раковского в Лондоне»[50]. Для получения «подлинно-объективной информации» Нешич предложил послать в Югославию Якобсона[51].

Через несколько дней югославское посольство повторило свое предложение направить Якобсона в Югославию, подчеркивая, что приглашение исходит от министра иностранных дел, и что Якобсон будет принят Пашичем, Нинчичем и другими видными политиками. В случае невозможности поездки Якобсона, предлагалось послать другое лицо с аналогичной целью[52].

О предложениях югославской стороны Антонов-Овсеенко проинформировал НКИД, подчеркивая, что вопрос об отношениях с СССР играет существенную роль во внутренней борьбе в Югославии: «"Признание" нам обещается как плата за отречение от Радича. Но за Радичем — крестьянство Хорватии (и не только Хорватии)»[53].

В ответном письме заместитель наркома Литвинов отметил: «Признание Югославии интересует нас не меньше, если не больше Чехословакии и других стран. Нам чрезвычайно хотелось бы стать твердой ногой на Балканах и завязать легальные отношения. […] Всё, что может ускорить и облегчить восстановление дипотношений, должно быть нами сделано». Но в то же время он подчеркивал: «Если Пашич думает ценой признания купить наш разрыв с Радичем, то он, вероятно, ошибается, ибо ни на какие условия признания мы не пойдем, следовательно, не будем также брать обязательств относительно наших будущих отношений с Радичем и его партией». Литвинов считал предварительные переговоры с Югославией в тот момент излишними и был против посылки в страну советского информатора, которого могли использовать либо с целью завязывания неофициальных переговоров, либо с целью «введения в заблуждение общественного мнения и внушения ему представления о смягченных отношениях с СССР»[54].

Правота Литвинова очевидна: Белград в то время не был готов к признанию СССР. Беседуя с германским посланником

в Югославии Францем Ольсхаузеном 10 ноября 1924 г., Нинчич откровенно заявил, что «вопрос о признании на практике следует пока отложить, поскольку из-за болтовни и заигрывания Радича с Москвой значительно усиливаются те элементы, которые противятся признанию». Ольсхаузен передал в Берлин: «Среди элементов, упомянутых Нинчичем, которые используют позицию Радича в качестве козыря против признания России, в первую очередь известен старый Пашич»[55].

Действительно, в конце 1924 г. последовали антисоветские выпады в югославской печати и отнюдь недружественное заявление правительства Пашича, которые Клюич поначалу пытался объяснить «исключительно соображениями внутренней политики и предвыборной агитации»: «Пашичу необходимо по возможности ослабить шансы Радича, и решение его кабинета имеет в виду компрометировать не СССР, а Радича в глазах избирателей»[56]. Но во время беседы с Якобсоном 17 декабря Клюич уже не скрывал, что в отношении Советского Союза в Югославии наступило «сильное ухудшение», что «Нинчич занял в последнее время резко агрессивную позицию в вопросе об СССР»[57]. Белград обвинял Москву во враждебной деятельности против Королевства СХС, в активной поддержке Косовского комитета в Албании, македонских и фракийских организаций, ведущих подрывную работу против Югославии[58].

Клюич возлагал вину за ухудшение отношений Королевства СХС и СССР на Чехословакию, выставляя её чуть ли не главной виновницей. Под «строгим секретом» Клюич сообщил Якобсону о «двусмысленной политике» чехословацкого министра иностранных дел Эдварда Бенеша, который говорил о своем желании улучшить отношения с СССР, и в то же время МИД ЧСР и начальник тайной полиции Ян Гайшман постоянно снабжали Нешича «без какой-либо просьбы с его стороны» секретной информацией об агрессивности Москвы, об опасности, грозящей со стороны Коминтерна и пр.[59].

К информации Клюича Антонов-Овсеенко отнесся весьма скептически. Разговоры об ухудшении отношения к СССР

он расценивал как предвыборный трюк Пашича, как оправдание репрессий, а усиленное подчеркивание, будто антисоветская информация поступает исключительно из чехословацких источников, полпред считал «неуклюжей» попыткой затруднить соглашение между СССР и ЧСР[60].

Тем временем на политической сцене Югославии произошли важные перемены. 23 декабря 1924 г. против вступившей в Крестинтерн ХРКП был применен Закон о защите государства; партия распускалась, Радич и его соратники подверглись аресту. Надежды советского правительства, возлагаемые на лидера ХРКП, не оправдались. В тюрьме Радич дал согласие на заявление от его имени о признании Видовданской конституции 1921 г. и королевской династии Карагеоргиевичей, пообещал выйти из Крестинтерна[61]. Его партия перестала называться республиканской и вскоре вошла в коалицию с Радикальной партией. 18 июля 1925 г. Пашич возглавил новое коалиционное правительство из радикалов и представителей Хорватской крестьянской партии[62].

Переговоры об установлении дипломатических отношений между Королевством СХС и СССР возобновились в Праге осенью 1925 г., и на этот раз их подталкивал Бенеш. Причиной тому стали Локарнские соглашения 1925 г., укрепившие позиции Германии в Европе и ослабившие позиции Франции и ее восточноевропейских союзников. 6 ноября 1925 г. в разговоре с Якобсоном Клюич отметил «интенсивную деятельность» Бенеша в пользу признания СССР, в частности, оказываемое им давление на Нинчича (в 1923 г., Бенеш, напротив, сильно тормозил развернувшееся в Королевстве СХС движение за признание СССР). Клюич сообщил также о прогнозе Бенеша, переданном Нинчичу, что «неизбежно вскоре “второе Локарно” — для СССР». К тому времени и ЧСР, и Королевство СХС были заинтересованы в урегулировании взаимоотношений с СССР[63]. По информации Клюича, Нинчич живо интересуется положением в СССР, требует предоставлять ему подробные материалы о чешско-советских политических и торговых отношениях, о настроениях отдельных чешских

групп в «русском вопросе», их отношении к русским эмигрантам и т.д. и явно не захочет в деле признания «отставать» от Чехословакии[64].

23 декабря 1925 г. Клюич сообщил Якобсону, что в Прагу из Белграда прибыл Нешич с «категорическим известием», что в январе или феврале 1926 г. Югославия признает СССР. Бенеш якобы заявил Нешичу, что Чехословакия признает СССР в январе и что этот вопрос со стороны ЧСР и Королевства СХС должен решиться до предстоящей в марте конференции Малой Антанты. Это поставит Румынию перед свершившимся фактом и, соответственно, упростит дело[65]. В тот же день, 23 декабря, Нешич нанес визит Антонову-Овсеенко и фактически подтвердил информацию Клюича, сославшись на беседу с Бенешем 22 декабря. Чехословацкий министр официально заявил, что «уже в январе будут установлены нормальные дипотношения с СССР». «Мы не на много отстанем от ЧСР», — добавил Нешич. По его мнению, югославский посланник в Берлине, очевидно, уже начал переговоры с советским полпредом. Представителем в Москву намечается Балугджич, но, возможно, поедет именно он, Нешич[66].

Информация о скором признании СССР Югославией поступала в НКИД также и от советских представителей в Берлине, Риме, Варшаве. Во время визита в Париж Чичерина премьер-министр и министр иностранных дел Аристид Бриан 14 декабря 1925 г. обещал повлиять на Прагу и Белград в пользу установления отношений с СССР и выражал уверенность, что это произойдет в ближайшее время[67].

В начале января 1926 г. Югославия обратилась к Турции с просьбой о посредничестве в деле урегулирования отношений с СССР[68]. Белград был готов немедленно заключить с Москвой договор «почти одинаковый с советско-турецким», который был подписан 17 декабря 1925 г. и предусматривал взаимные обязательства СССР и Турции соблюдать нейтралитет при нападении на одну из сторон, воздерживаться от всякого нападения друг на друга и не принимать участия ни в каком союзе или соглашении, направленном против другой сторо-

ны[69]. В случае согласия Москвы Югославия и СССР должны были передать Министерству иностранных дел Турции свои заявления «о взаимном неучастии во враждебных комбинациях и о сохранении дружественного положения»[70].

11 января Чичерин сообщил турецкому послу в Москве Зекяи-бею, что СССР согласен заключить с Югославией договор, аналогичный советско-турецкому, подписанный непосредственно представителями обеих сторон. Условием же начала переговоров, которые могли проходить на территории Турции, должно стать возобновление дипломатических отношений между СССР и Югославией «в максимально короткий срок» — в течение двух-трех недель. Кроме того, нарком сообщил послу, что во время переговоров Советский Союз потребует роспуска и разоружения белогвардейских организаций, ибо присутствие на югославской территории организованной вооруженной враждебной СССР армии «несовместимо с таким договором»[71].

Литвинов информировал Антонова-Овсеенко о попытке установления советско-югославских дипломатических отношений при посредничестве Турции. В частности, 29 января он писал полпреду в Прагу: «Югославия продолжает настаивать на ранее выдвинутой формуле обязательства о нейтралитете, заключавшейся не в обмене подписанными соглашениями, а в одновременном заявлении Югославией и СССР турецкому правительству о том, что они считают себя уже с момента начала переговоров связанными нейтралитетом и невступлением во враждебные комбинации»[72]. Однако дело до советско-югославских переговоров в то время так и не дошло.

30 января 1926 г. Чичерин писал председателю Исполкома Коминтерна Григорию Евсеевичу Зиновьеву (1883–1936): «Мы чрезвычайно близко подошли к восстановлению дипломатических сношений с Югославией. Как раз в этот момент произошло раскрытие заговора или мнимого заговора коммунистов в Белграде». По разным сведениям целью заговора было создание коммунистических ячеек на основе директивы Москвы, убийство королевской семьи и видных членов правительства. Отражавшая позицию придворных кругов бел-

градская газета *Политички гласник* (серб. «Политический вестник») в связи с раскрытием заговора писала, что вопрос о возобновлении дипломатических отношений с СССР снят с повестки дня на продолжительное время[73].

Тем не менее, 3 апреля 1926 г. Антонов-Овсеенко сообщил Литвинову: «Нешич получил указание из Белграда к сближению с нами; в Белграде — демонстрация за СССР, за “признание”»[74]. Более того, 12 апреля Клюич «по собственному почину» предложил устроить Антонову-Овсеенко встречу с королем Александром I и Пашичем в Карловых Варах, куда они должны были прибыть на лечение и отдых. Клюич убеждал советских дипломатов в том, что Пашич, не занимавший в то время никаких государственных постов, сохранял, тем не менее, решающее влияние на политические дела в стране, а председатель югославского правительства Никола Узунович — всего лишь его «подголосок», что «Пашич вовсе не непримирим к СССР, это — “легенда”»[75]. Клюич утверждал, что влияние русской эмиграции при дворе короля значительно ослабло, что эмигрантов начинают выживать из государственных учреждений, и в их среде «побеждает» идея возвращения на родину[76].

Доверительным отношениям между советскими и югославскими дипломатами в Праге способствовала и позиция последних к советско-германскому договору о нейтралитете, узнав о подготовке которого Бенеш, по словам Клюича, «поднял сильнейшую панику», немедленно информировал союзников и «обратился к державам Антанты с предложением давления на Германию в целях противодействия заключению договора»[77]. Клюич обратился в полпредство с просьбой предоставить «для югославской печати» материал о советско-германских отношениях. Ему немедленно было передано «сжатое резюме», в котором отмечалось, что изменения международной ситуации диктуют Москве и Берлину необходимость приспособить Рапалльский договор 1922 г. к новой обстановке, что «образцом» явился советско-турецкий договор. В документе особо подчеркивалось: «Советский Союз готов к заключению договоров аналогичного характера и с другими государствами,

поскольку политика этих государств не направлена против СССР и его интересов»[78].

Советско-германские отношения обсуждались на встречах Нешича с Антоновым-Овсеенко 22 и 23 апреля. По сообщению полпреда в НКИД, во время второй встречи югославский посланник официально заявил, что его правительство «вполне спокойно» относится к договору СССР с Германией[79]. Более того, Нешич «строго конфиденциально» заявил: «Югославия не вступила и никогда не вступит ни в какое соглашение, направленное против СССР; ни с одной страной она не свяжет своей политики так, чтобы это помешало необходимому и неизбежному в будущем её сближению с Россией. Она ведет политику лавирования и выжидания, чтобы дотянуть со свободными руками до той поры, когда Россия придет на Балканы. При этом дело России — иметь то или иное правительство»[80].

Когда югославские дипломаты узнали о том, что летом 1926 г. в курортный городок Марианске-Лазне приедет на отдых Литвинов, они настойчиво предлагали устроить ему «свидание» с Пашичем, который в то время находился в Карловых Варах. Причем, предложение делалось не «по собственному почину», а, как уверял Клюич, с согласия Пашича и Нинчича[81].

Однако Москва отрицательно отнеслась к этой инициативе, о чем 21 июня Чичерин сообщил Антонову-Овсеенко. Нарком считал, что в Радикальной партии «произошел глубокий раскол», и «Радичу удалось оторвать от Пашича оппозицию, которая сблизилась с различными национальными партиями». Чичерин предполагал, что оппозиция будет вести более гибкую политику, нежели «старый твердокаменный диктатор сербского радикализма». Между тем свидание с Литвиновым могло бы послужить укреплению «расшатанного положения Пашича»[82]. В результате встреча Литвинова с Пашичем не состоялась, чем последний, как сообщил Клюич, был рассержен, поскольку «успел ангажироваться в этом вопросе». Кроме того, Нешич и Нинчич говорили по этому вопросу с королем Александром, и тот после некоторых колебаний дал своё согласие. Пашич намерен был говорить с Литвиновым как

«будущий премьер, который может брать на себя известные обязательства»[83]. Югославские дипломаты в Праге заверяли Антонова-Овсеенко, что Пашич уже осенью возглавит правительство, в котором займет и пост министра иностранных дел. С их слов, Пашич чрезвычайно недоволен политикой Нинчича, как в отношении Италии и балканских государств, так и в отношении Польши, где напрямую затрагивались и советские интересы[84]. Так, 7 сентября 1926 г. Клюич сообщил Якобсону, что Нинчич намерен пойти на сближение с Варшавой, заключить с ней гарантийный договор, который среди прочего гарантировал бы восточную границу Польши. В случае войны Польши с СССР Нинчич «готов секретно обязаться перед Польшей относительно дипломатической интервенции Белграда в пользу Польши в Праге» и содействовать в поставках полякам военного снаряжения. Кроме того, Нинчич намерен признать лимитрофы — Литву, Латвию, Эстонию и поручить югославскому посланнику в Варшаве «сотрудничество с Польшей в дипломатической работе в лимитрофах». Клюич уверял, что Пашич — против политики признания лимитрофов. По его мнению, если Королевство СХС может не спешить с установлением дипотношений с Россией, то оно «не должно ангажироваться в таких политических вопросах, которые могут иметь противороссийское острие».

По мнению Пашича, подобно тому, как ЧСР ведет свою политику по отношению к Болгарии через Белград, так и Югославия должна вести свою политику по отношению к Польше через Прагу, а не напрямую, как это делает Нинчич. Нинчич, «учуяв оппозицию Пашича к его польской политике, захотел скомпрометировать участием в этой политике одного из ближайших Пашичу людей» и предложил пост посланника в Варшаве Нешичу. Тот запросил Пашича, принимать ли данное предложение. Пашич рекомендовал принять и, «по мере возможности, саботировать»[85].

18 сентября 1926 г. Нинчич в Женеве подписал договор с Польшей, правда, не гарантийный, а о дружбе, который предусматривал проведение консультаций по вопросам внешней

политики и благожелательный нейтралитет в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению[86].

Назначенный посланником в Варшаву Нешич 2 октября нанес прощальный визит Антонову-Овсеенко, уверял его в дружбе к России, расспрашивал о взаимоотношениях СССР с Польшей, просил помочь ему сблизиться с советским полпредом в Польше Петром Лазаревичем Войковым. Но в беседе Нешич «проговорился», что «из Варшавы будет работать над урегулированием отношений с лимитрофами». Антонов-Овсеенко заметил, что до сих пор Нешич давал понять, что до установления дипломатических отношений с СССР лимитрофы не будут признаны Югославией, и поинтересовался, чем вызвана перемена. Нешич уклонился от ответа. Нового югославского посланника в Праге Лазаревича он рекомендовал как «человека Нинчича» и сторонника сближения с Москвой[87]. Трудно сказать, следовал ли Нешич в своей практической деятельности в Варшаве совету Пашича. Во всяком случае, пост посланника в Польше он занимал менее полугода, до февраля 1927 г., когда получил новое назначение — в Софию[88].

О Пашиче советские дипломаты не забыли и после его кончины 10 декабря 1926 г. 13 декабря Антонов-Овсеенко писал Литвинову, что он с «особой досадой» вспоминает о неисполнившемся желании Пашича встретиться с Литвиновым: если бы свидание в свое время состоялось, то «положение было бы сейчас иное». «Пашич имел силу, чтобы переориентировать внешнюю политику Югославии. Его эпигоны такой силы не имеют. Неприятность с Италией укрепит в них тенденцию не на сближение с нами, а с Францией (Пашич не был против последнего, но искал, в посл[еднее] время, равновесия — в связи с уже сильной Россией)», — отмечал Антонов-Овсеенко. Он предлагал (в пределах, сопоставимых с отношениями СССР с Италией) продемонстрировать «некоторую дружественность к Югославии и, в частности, помянуть, в известной мере, добром Пашича, указав на его переориентировку последних дней». Антонов-Овсеенко считал, что демарши в пользу Югославии могли бы предпринять советские полпреды в Пари-

же, Берлине и Варшаве. Антонов-Овсеенко также предлагал опубликовать в чехословацкой печати «стороннее сообщение о попытке Пашича свидеться с Литвиновым», отметив, что только внезапное ухудшение здоровья Пашича помешало этому. Полпред считал такое сообщение важным, поскольку в местной прессе, особенно в печати Чехословацкой национально-демократической партии, много писали о Пашиче как заклятом враге СССР. Лидер партии Карел Крамарж призывал твердо следовать завету Пашича — «бороться с врагами русского народа, захватившими над ним власть»[89].

Литвинов не возражал против появления в чехословацкой печати сообщения о попытках Пашича встретиться с ним в Карловых Варах. Тем более что предполагалось сообщить об этом и в советской прессе. Что же касается предложения Антонова-Овсеенко дать специальные указания полпредам в Париже, Берлине и Варшаве о дружественных жестах в отношении Югославии, то Литвинов ответил: «У нас нет никаких средств воздействовать на югославское правительство, еще меньше этих средств у наших полпредов…»[90].

Знакомство Антонова-Овсеенко с новым югославским посланником в Праге состоялось 29 октября 1926 г. на приеме в турецком посольстве. Лазаревич сам подошел к полпреду и в завязавшейся беседе отметил, что существуют «только внешние препятствия к “признанию”», что во всех слоях югославского общества отмечается «большая тяга» к сближению, и «оно неотвратимо произойдет». На вопросы Антонова-Овсеенко, как сочетаются «эти дружеские чувства» с попустительством деятельности Врангеля и с договором с Польшей «о взаимной дипломатической поддержке в случае войны», Лазаревич ответил, что Врангель — частное лицо, а в югославо-польском договоре нет подобного обязательства, и Югославия никогда не подпишет «никакого антирусского соглашения». «Это несовместимо с чувством нашего народа и со всей нашей политикой», — заявил югославский посланник[91].

Тем временем изменение международной ситуации на Балканах в связи с активизацией итальянским правительством

Муссолини антиюгославской политики, подписание 27 ноября 1926 г. Италией с Албанией «пакта о дружбе и безопасности» (так называемого 1-го Тиранского пакта)[92] побудили Лазаревича установить более тесные контакты с советским полпредством. 7 декабря через Якобсона он предложил Антонову-Овсеенко встретиться, поскольку «момент сложился чрезвычайно благоприятный для постановки вопроса о сношениях с СССР». При этом Лазаревич не давал никаких авансов, сразу же оговорившись, что «мы — маленькое государство, и у нас в достаточной мере связаны руки». На попытки Якобсона более конкретно обсудить политику Королевства СХС по отношению к СССР Лазаревич отвечал уклончиво: «Мы — бюрократы (читай: чиновники. — *Н. С.*), а это вопрос, который делается в политических сферах».

В то же время Лазаревич не скрывал причину, которая заставила его искать встречи с советским полпредом: «Италия нас взяла за горло. Она поддерживает против нас все решительно интриги на Балканах и имеет успех в этой области. Она хочет балканских междоусобиц, чтобы держать в руках Балканы. […] Италия работает против [Королевства] СХС в Греции, Болгарии и Румынии». Политика Рима направлена на развал Малой Антанты и на вытеснение с Балкан Франции. Италия заключила с Югославией соглашение, обязывающее обе стороны не предпринимать активных шагов в Албании и несколько раз делала соответствующие заверения, и «вдруг она навязала Албании договор, означающий самый настоящий протекторат Италии над Албанией». Лазаревич заявил, что Белград будет самым решительным образом и всеми средствами противодействовать итальянской политике. Муссолини не удастся ни развалить Малую Антанту, ни вытеснить Францию с Балканского полуострова. Лазаревич был убежден, что, какими бы ни были частные успехи Муссолини, «в конечном счете, Италия не в состоянии бороться против Франции». По его убеждению, есть только два государства, которые могут стать в будущем «опорой [Королевству] СХС» — Франция и Россия. «Только с этими государствами возможны подлинно дружественные договоры».

Лазаревич сообщил Якобсону, будто во время встречи с Литвиновым в 1922 г. тот сказал ему: «СССР, по установлении добрых отношений с [Королевством] СХС, будет проводить на Балканах политику, соответствующую интересам [Королевства] СХС. В частности, и в отношении Италии»[93].

Встретившись с Антоновым-Овсеенко 22 декабря 1926 г., Лазаревич особенно настойчиво выдвигал идею тройственного соглашения СССР, Германии и Франции. Что же касается югославо-советских отношений, он ничего конкретно не предлагал. Дипломат говорил о необходимости «найти форму» отношений, на что Антонов-Овсеенко отметил, что СССР не устраивают столь неопределенные отношения, как они установились с ЧСР, что «теперь времена иные», и «Югославии надо бы искать отчетливых путей»[94].

15 января 1927 г. Лазаревич вновь встретился с Антоновым-Овсеенко и настойчиво расспрашивал его об отношениях СССР с Италией (нет ли у них договора по балканским вопросам). Антонов-Овсеенко ответил, что с Италией заключен лишь торговый договор, и существует обязательство Муссолини не ратифицировать протокол о Бессарабии, подписанный 28 октября 1920 г. в Париже Румынией с союзными державами — Францией, Великобританией, Италией и Японией и предусматривавший «суверенитет Румынии над территорией Бессарабии»[95]. Что же касается договора о дружбе между СССР и Италией, советский полпред ответил, что «если бы такой существовал, то он был бы опубликован». В свое время Муссолини ставил вопрос о таком договоре, но «дело ограничилось чисто предварительным и чрезвычайно общим обменом мнений». Рассчитывая воздействовать на югославского посланника, Антонов-Овсеенко тут же добавил: «Конечно, не исключено, что переговоры по этому вопросу вновь начнутся». Советский полпред заверил Лазаревича, что до сих пор СССР не обсуждал с Муссолини «никаких балканских вопросов» и ни в коем случае не пойдет «против интересов балканских народов». Советский Союз готов содействовать их взаимному свободному сближению, но предпочел бы вести переговоры о балканских делах

«с самими балканцами…». Лазаревич ответил, что ему известны соответствующие заявления советской стороны и вновь сослался на слова Литвинова о поддержке Югославии во время их встречи с ним в 1922 г. Лазаревич повторил, что он является «полным сторонником “признания”», но «правительство ещё не устоялось, и решения пока невозможны»[96].

На письма Антонова-Овсеенко Литвинов ответил, что не припоминает, встречался ли он когда-нибудь с Лазаревичем, но, в принципе, это не исключено. Литвинов не отрицал и возможные «приятные ему (Лазаревичу. — *Н. С.*) намеки на нашу возможную политику на Балканах», но однозначно высказался против приписываемой ему «определенной категорической формы» заявления[97].

По мнению Литвинова, Антонов-Овсеенко в беседе с югославским посланником о советско-итальянских отношениях не учел самого существенного. Не нужно было отрицать обсуждения с Муссолини балканских тем. Наоборот, следовало сообщить, что отказ СССР от координации действий с Италией на Балканах является причиной сдержанности Муссолини в вопросе о гарантийном пакте. Указав Лазаревичу, что СССР не намерен действовать против интересов балканских народов, следовало намекнуть, что «при неправильной политике Югославии нам открывается возможность сотрудничества с Италией». «Если внушить Югославии мысль, что наше нынешнее отношение к Балканам остается неизменной величиной при всех обстоятельствах, то у неё не будет стимула к изменению своей собственной политики в отношении СССР», — подчеркивал заместитель наркома[98].

В соответствии с инструкциями Литвинова Антонов-Овсеенко во время встреч с Клюичем 9 февраля и с Лазаревичем 10 февраля настраивал собеседников на более энергичное воздействие на белградское руководство — «время не терпит». Полпред намекал на возможное возобновление переговоров СССР с Муссолини о пакте, в ходе которых неизбежно речь зайдет и о Балканах. Он дал понять собеседникам, что Югославия «может потерять благоприятный момент» для урегулиро-

вания двусторонних отношений с Москвой[99]. В ответ на замечание Лазаревича, что Белграду чрезвычайно сложно сделать первые шаги навстречу СССР, Антонов-Овсеенко подчеркнул, что советское правительство первым предприняло бы «дружественный жест», получив подтверждение соответствующего отношения со стороны Югославии. Тем не менее, Лазаревич продолжал настаивать, что Югославия может признать СССР только после Чехословакии. Советский полпред указал на ряд спорных вопросов между СССР и ЧСР, препятствовавших признанию, в то время как с Югославией «почва чиста от каких бы то ни было препятствий». «А положение таково, что необходимо торопить события», — настаивал Антонов-Овсеенко. Лазаревич откровенно признался, что не решается проявить инициативу, и в связи с прибытием в Прагу представительной делегации югославской скупщины обещал познакомить полпреда с одним из депутатов, видным деятелем Радикальной партии Лазаром Марковичем[100].

Зная от Клюича о крайней осторожности Лазаревича, который вступил в контакт с советским полпредом в Праге только после указаний из Белграда и в своих докладах в МИД лишь излагал содержание бесед с советскими дипломатами, избегая высказывать свое мнение, Антонов-Овсеенко основную ставку в продвижении вопроса о признании делал на непосредственные контакты с югославскими депутатами — сторонниками признания СССР. Клюич обещал Антонову-Овсеенко познакомить его с видным деятелем Демократической партии Миланом Гролом. Он рассчитывал подготовить почву для бесед при встрече делегации в Праге, а также провести соответствующую работу, сопровождая делегацию на обратном пути из Праги в Белград[101].

Но Антонову-Овсеенко не удалось осуществить свои замыслы. Во-первых, 14 февраля 1927 г. с дипломатической службы был уволен Клюич[102]. В связи с этим Антонов-Овсеенко писал Литвинову: «Наша связь со здешним югославским представительством под серьезной угрозой»[103]. Во-вторых, не состоялись встречи полпреда с представителями югославской парламент-

ской делегации. Антонов-Овсеенко не был приглашен ни в югославское посольство, ни на прием в честь делегации, устроенный Бенешем 16 февраля. Интересно, что приглашение на прием получил только Якобсон. Лазаревич познакомил его с Гролом и видным деятелем Радикальной партии, бывшим министром финансов Миланом Стоядиновичем. Оба говорили о том, что вопрос признания СССР приобрел для Королевства СХС особую актуальность, но никаких реальных шагов за этой констатацией не последовало[104]. Впоследствии Лазаревич объяснял Антонову-Овсеенко, что Маркович не приехал, что большинство членов делегации скупщины выступают за признание СССР и что Грол предлагал встретиться с советским полпредом. Встреча не состоялась из-за решительной позиции одного из депутатов от Радикальной партии Янковича, заявившего: «Никакой контакт с полпредством недопустим. Необходимо прекратить личные сношения югославянских дипломатов с советскими представителями». «Лазаревич сильно встревожен демонстративным выступлением Янковича и увольнением Клюича, опасается, как бы ему не влетело за сношения с полпредством», — сообщал 28 февраля 1927 г. Антонов-Овсеенко Литвинову[105].

В связи с ограничением контактов с югославским посольством полпред предлагал НКИД «для политической разведки» и выполнения определенных поручений в Белграде использовать болгарского эмигранта Александра Оббова[106], чему воспротивился Литвинов. 12 апреля он писал Антонову-Овсеенко: «Я вообще не представляю себе таких мероприятий с нашей стороны, которые могли бы хоть на один день ускорить признание, если оно не входит в намерения самого югославского правительства»[107].

Тем временем «вернулся победителем в Прагу» Клюич[108]. Он утверждал, что главным участником интриги против него был чехословацкий посланник в Белграде Ян Шеба, за которым, по предположению Клюича, стояло Министерство иностранных дел. Шеба инсценировал слух о кампании Крамаржа против Клюича из-за активной деятельности последнего

в пользу сближения с СССР. В действительности оказалось, что Крамарж против Клюича не выступал, и тот, благодаря заступничеству влиятельного при дворе командующего королевской гвардией Петара Живковича[109], 15 марта 1927 г. был восстановлен на дипломатической службе[110].

5 апреля в беседе с Якобсоном Клюич сообщил, что в ближайшее время в Югославии ожидается смена правительства, Министерство иностранных дел возглавит Маринкович, что «международная обстановка вызвала сильный сдвиг в югославской общественности […] в пользу сближения с СССР», но «страх перед Англией задерживает переговоры». Тем не менее, ведется подготовка к установлению дипломатических отношений. «Имеется в виду провести обмен посольствами, по возможности, без шума, — говорил Клюич. — Дипломатическое сотрудничество должно носить глубоко закулисный характер». Кроме того, как сообщил Клюич, возник новый серьезный вопрос — «притязания югославских граждан, понесших значительные убытки в СССР». Многие из них якобы занимали видные влиятельные посты в государственных органах, в том числе и в МИД, и «с ними придется считаться»[111].

Выступая 13 апреля в пражском клубе «Современность» (чеш. *Přítomnost*) в присутствии представителей МИД ЧСР, иностранных миссий и прессы, Клюич заявил, что Югославии и СССР нет необходимости признавать друг друга, поскольку «мы де-юре не прерывали отношений», очевидно, имея ввиду российско-сербские отношения. «Весь вопрос в обмене посланниками, — подчеркнул Клюич. — В то время, как в ЧСР вопрос признания — это вопрос внутренней политики, у нас обмен посланниками есть лишь вопрос международной ситуации»[112].

17 апреля 1927 г. в Королевстве СХС произошла смена правительства. Новый кабинет возглавил Велимир Вукичевич, а пост министра иностранных дел занял Воислав Маринкович. 26 апреля во время приема в югославском посольстве в честь приехавшего в Прагу поэта Владимира Маяковского Клюич сообщил Антонову-Овсеенко о произошедших в Белграде переменах и о «благожелательных» Москве намерениях

нового министра. Лазаревич на приеме избегал политических вопросов и вел разговор «исключительно на литературные темы», проявив при этом, по признанию советского полпреда, «незаурядную эрудицию и развитый вкус»[113].

По ходу конференции министров иностранных дел Малой Антанты в Яхимове (13–15 мая 1927 г.) Якобсон пытался встретиться с Маринковичем. Но поступившее из Лондона сообщение об обыске 12 мая в советско-британском акционерном обществе АРКОС, как записал советский дипломат в рабочем дневнике, «произвело на югославскую делегацию, несомненно, сильное впечатление». Лазаревич заявил Якобсону, что свидание с Маринковичем невозможно «по недостатку времени». По мнению Якобсона, помимо сообщений из Лондона в отказе ему в свидании с югославским министром сыграли свою роль и «весьма пошатнувшееся положение Лазаревича, боявшегося поэтому сколько-нибудь ангажироваться», и «скверные отношения Клюича с Маринковичем», и, наконец, «страх перед неблагоприятным впечатлением, которое встреча с советскими [дипломатами] произвела бы на румын, если бы они об этом узнали»[114]. Несмотря на осложнившуюся ситуацию, Якобсон развернул в Яхимове активную работу среди югославских журналистов. Те, в свою очередь, рассказали дипломату о росте советофильских настроений в Королевстве СХС, особенно в Словении, в связи с итало-югославским конфликтом, и уверяли, что единственной причиной отсутствия дипломатических отношений с СССР является давление Великобритании на Белград[115].

После завершения конференции югославские журналисты 16 мая были приглашены в полпредство, где Антонов-Овсеенко подробно информировал их о внешней политике и торговле СССР, о советской политике на Балканах и, в частности, в отношении Королевства СХС. Сотрудники полпредства и торгпредства ответили на многочисленные вопросы югославских журналистов[116].

Летом 1927 г. советское полпредство содействовало поездке студентов из Югославии, обучавшихся в Праге, в СССР.

В письме Литвинову Антонов-Овсеенко отметил, что это была первая разрешенная белградскими властями поездка граждан Королевства СХС в СССР и что сами студенты расценивали данный факт, как изменение отношения в Югославии к советской стране[117]. В июле — августе 1927 г. они посетили Москву, Ленинград, Ростов-на-Дону, Украину, Закавказье[118].

Антонов-Овсеенко был доволен результатами поездки югославских студентов, о чем он сообщил Лазаревичу во время встречи 28 сентября, при этом выразив, однако, сожаление, что она не нашла достойного освещения в югославской прессе. В ходе беседы Лазаревич подчеркнул, что сближению с Югославией должно предшествовать сближение СССР с Францией. Он вновь развивал идею о тройственном соглашении Москвы, Берлина и Парижа, убеждая полпреда в том, что оно явится «барьером для Средней Европы и Балкан от известных врагов». Однако никаких конкретных вопросов, включая закупку в Югославии 1 000 лошадей, советский полпред решить с Лазаревичем не смог[119].

В последующие месяцы Лазаревич избегал встреч с Антоновым-Овсеенко. Контакты полпредства с югославским посольством почти прекратились после перевода Клюича в Софию в ноябре 1927 г.[120]. На политику Югославии в отношении СССР оказывали влияние изменения в международных отношениях в Европе, в частности, подписание 11 ноября 1927 г. франко-югославского договора о дружбе и 27 августа 1928 г. пакта Бриана-Келлога, ставшего важным шагом на пути создания системы международной безопасности в Европе. Всё это способствовало упрочению внешнеполитических позиций Королевства СХС[121]. Как писал Антонов-Овсеенко Литвинову 12 ноября 1928 г., «Югославия теперь менее заинтересована в “опоре” на нас»[122].

Затрудняло развитие югославо-советских отношений и решение конференции министров иностранных дел стран Малой Антанты в Бухаресте (20–22 июня 1928 г.), принятое под давлением румынской стороны. Согласно документу, вопрос о признании СССР де-юре предлагалось рассматривать в кон-

тексте урегулирования бессарабского вопроса. 3 и 24 августа Бенеш пытался вступить от имени Малой Антанты в переговоры с Антоновым-Овсеенко об установлении нормальных отношений с СССР, подчеркивая, что препятствием для этого является неразрешенный бессарабский вопрос[123]. Чехословацкий министр отмечал важные политические последствия урегулирования бессарабского вопроса — «не только формальное признание со стороны каждого из нас, но и серьезное политическое сотрудничество, прежде всего на Балканах и в Средней Европе» (подчеркнуто в документе. — *Н. С.*)[124].

Югославская дипломатия ориентировалась на результаты этих переговоров. 19 сентября 1928 г. Антонов-Овсеенко писал Литвинову: «Лазаревич прямо заявил, что Бенеш должен повести с нами переговоры от имени всей М[алой] Антанты в целом, о признании де-юре, и что после этих предварительных переговоров Югославия вступит с нами в непосредственный контакт» (подчеркнуто в документе. — *Н. С.*)[125].

В Москве крайне настороженно отнеслись к предложениям руководителей Малой Антанты. Реагируя на сообщение Антонова-Овсеенко о разговоре с Бенешем 3 августа, Литвинов предположил, что это «лишь пробный шар, чтобы вновь прощупать нас в бессарабском вопросе, и что все посулы Малой Антанты являются лишь подмасливанием зонда». Заместитель наркома считал, что «одно признание хотя бы и всей Малой Антанты вряд ли будет сочтено достаточной компенсацией за Бессарабию». «Мы теперь знаем по опыту, что признание может оказаться преходящим состоянием: сегодня признали, а завтра при помощи какого-нибудь полицейского трюка отношения вновь порваны, а тем временем Бессарабия будет закреплена за Румынией», — писал Литвинов[126]. Он сообщил Антонову-Овсеенко, что переданные им предложения Бенеша рассматриваются высшим руководством СССР, и до принятия решения рекомендовал проявлять крайнюю осторожность при разговорах на эти темы с чехословацким министром[127]. 31 октября 1928 г. Литвинов сообщил Антонову-Овсеенко решение Москвы. Полпред должен был заявить Бенешу, что советское

правительство разделяет «соображения Малой Антанты о том благотворном значении, которое имел бы факт установления нормальных отношений между странами Малой Антанты и СССР», что установление нормальных отношений между СССР, Чехословакией и Югославией имело бы «умиротворяющее значение» для всей Восточной и Юго-Восточной Европы и до разрешения бессарабского вопроса. Но вместе с тем, считали в Москве, взаимное признание и установление дипломатических отношений не означало решения спора о Бессарабии. Антонов-Овсеенко должен был также заявить, что если же Румыния действительно имеет желание вступить в переговоры с СССР для урегулирования всех существующих между ними проблем, то советское правительство готово вступить в «непосредственные переговоры с представителем румынского правительства и, выслушав его предложения, обсудить возможную базу последующих формальных переговоров». Литвинов рекомендовал Антонову-Овсеенко ограничиться этим заявлением и не вести с Бенешем никаких разговоров по существу бессарабского и других спорных вопросов с Румынией[128].

Рекомендация была учтена, и когда 18 ноября 1928 г. Лазаревич, встретившись с Антоновым-Овсеенко, начал расспрашивать его о переговорах с Бенешем относительно предложений Малой Антанты, в том числе по бессарабскому вопросу, полпред ответил, что никакие переговоры по существу не велись и не ведутся. Далее он констатировал, что, «судя по смыслу заявлений Бенеша, ЧСР и Югославия связали себя в “русском вопросе” подчинением интересам Румынии». Лазаревич выразил недоумение («…Как мы могли б подчинять этот вопрос интересам Румынии?») и уверял полпреда, что речь шла лишь «об общих политических интересах» Малой Антанты и СССР в Центральной Европе и на Балканах. Посланник утверждал, что «в Югославии сейчас сильнейшее движение в пользу “признания”», что «это почти общее настроение», и «Маринкович его разделяет». Следуя инструкциям из Москвы, Антонов-Овсеенко подчеркнул, что советская сторона всегда готова договориться с Югославией и ЧСР, не видя в этом

«особых затруднений». А в письме Литвинову, принимая во внимание слова Лазаревича о сильном движении в Югославии в пользу признания СССР, полпред советовал вступить в непосредственный контакт с «солидными представителями» Югославии в других странах, например, в Берлине[129]. В декабре 1928 г. Антонов-Овсеенко получил новое назначение и покинул Прагу, а Якобсон был уволен с дипломатической службы и остался в Чехословакии, посвятив себя всецело научной деятельности. После защиты в Немецком университете в Праге в 1930 г. диссертации «О поэтике сербско-хорватского народного эпоса» Якобсон начал преподавать в университете им. Т.Г. Масарика в Брно. В 1937 г. он стал гражданином Чехословакии[130].

Таким образом, при отсутствии между СССР и Королевством СХС дипломатических отношений контакты между советским полпредством и югославским посольством в Праге в 1923–1928 гг. имели большое значение. Во время регулярных встреч советские дипломаты получали сведения о внутриполитических событиях в Королевстве СХС, о его отношениях с другими странами (прежде всего — с союзниками по Малой Антанте, с соседями на Балканском полуострове, с великими державами), имели возможность передавать информацию о СССР для публикации в югославской печати в выгодном для советской стороны свете. Установив постоянные контакты с югославскими дипломатами, советские представители пытались повлиять на признание СССР Королевством СХС и установление дипломатических отношений между государствами. Успеху переговоров мешали непоследовательность как советской, так и югославской дипломатии, деятельность Коминтерна и заигрывание Москвы с сепаратистскими силами, с одной стороны, и влияние на официальный Белград антисоветских сил в Королевстве, с другой. В результате дипломатические отношения СССР и Югославии были установлены лишь 24 июня 1940 г.

Примечания

[1] Архив Југославије (далее — AJ). Ф. 334. Министарство иностраних послова Краљевине Југославије — персонални одсек. Оп. 484. Фасц. 161. Автор выражает глубокую благодарность кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику Института славяноведения РАН А.Б. Едемскому за предоставленную копию личного дела Стево Клюича из Архива Югославии.

[2] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53959. Л. 8.

[3] Там же. Д. 53955. Л. 40–56.

[4] Там же. Д. 53959. Л. 7.

[5] Там же. Л. 7–8.

[6] Там же. Л. 8.

[7] Подробнее см.: Москва — Рим: Политика и дипломатия Кремля, 1920–1939 / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2002. С. 77–98. Док. №№ 26–34.

[8] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53959. Л. 12.

[9] Там же. Д. 53955. Л. 17.

[10] Там же. Ф. 05. Оп. 6. П. 15. Д. 57. Л. 6.

[11] Там же. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53955. Л. 15.

[12] Там же. Л. 2.

[13] Там же. Л. 2–3.

[14] Там же. Л. 3.

[15] Там же. Д. 53959. Л. 46.

[16] Там же.

[17] Там же. Л. 47.

[18] Там же. Л. 47–48.

[19] Там же. Л. 94.

[20] Там же. Л. 100–101.

[21] Там же. Л. 103.

[22] Там же. Л. 148.

[23] Там же. Л. 149.

[24] Там же.

[25] Там же. Л. 150.

[26] Там же. Л. 151–152.

[27] Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. Документы и материалы. М., 1992. С. 152–153. Док. № 112.

[28] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 276. Д. 53959. Л. 161.

[29] Там же. Д. 53959. Л. 162.

[30] Там же. Л. 171.

[31] Там же. Л. 176.

[32] *Šeba J.* Paměti legionáře a diplomata. Praha, 2016. S. 191–192.

[33] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 278. Д. 53971. Л. 94.

[34] Там же. Л. 95.

[35] Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала-середины 1920-х годов). В 2-х ч. / под ред. Р.П. Гришиной. Ч. 1. М., 2000. Док. № 146. С. 253.

[36] Там же. Ч. 2. М., 2003. Док. № 17. С. 32–33.

[37] Известия ВЦИК. 1924. 16 июля.

[38] Там же. 18 июля.

[39] Там же. 19 июля.

[40] Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции… Ч. 2. Док. № 41. С. 90.

[41] Там же. Док. № 48. С. 104.

[42] Там же. Док. № 62. С. 120.

[43] Там же. Док. № 101. С. 181.

[44] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 12. Л. 2–3.

[45] 12 августа 1924 г. в Лондоне на последнем заседании англо-советской конференции глава советской делегации, поверенный в делах СССР в Великобритании Х.Г. Раковский огласил декларации советского правительства, в которых среди прочего говорилось, что неудовлетворенным остается «стремление народов к национальной независимости», что настоятельно требуют своего решения «вопросы, касающиеся Македонии, Фракии, Черногории, Хорватии, Словении, Венгрии и Добруджи», и что советское правительство «считает своим долгом использовать всё свое влияние с целью восстановления равновесия в Европе не на основе военных союзов, которые всегда приводили к войне, а на основе уважения к правам каждого народа на независимое существование». «По мнению советского правительства, одним из принципов, которые могут оградить интересы населения этих областей и государств и одновременно реорганизовать их в более мощные государственные организации, которые сами в себе заключали бы необходимые условия экономического и политического развития, является принцип федерации. Осуществление принципа федерации в Югославии с предоставлением автономии в пределах федерации Хорватии, Словении, Черногории, Македонии, Далмации и Сербии устранило бы кризис, который не прекращается с самого момента возникновения этого государства и который не может быть разрешен применением силы…», — подчеркивалось в декларации. (Документы внешней политики СССР. Т. 7 (1 января — 31 декабря 1924 г.). М., 1963. Док. № 201. С. 418–419).

[46] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 12. Л. 5.

[47] Там же. Л. 7.

[48] Там же. Л. 66.

[49] Там же. Л. 67.

[50] Там же. Л. 70–72.

[51] Там же. Л. 72.

[52] Там же. Л. 76–77.

[53] Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции… Ч. 2. Док. № 130. Прим. 1. С. 260.

[54] Там же.

[55] Цит. по: *Avramovski Ž.* Nemci o Kraljevini Jugoslaviji: izveštaji nemačkih diplomatskih predstavnika: 1920–1941. T. 1. 1920–1929. Beograd, 2020. S. 236.

[56] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 5. П. 103а. Д. 12. Л. 99.

[57] Там же. Л. 127.

[58] Там же. Л. 127–128.

[59] Там же. Л. 128

[60] Там же. Л. 129.

[61] Подробнее см.: *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 221–224.

[62] Подробнее см.: *Силкин А.А.* Король Югославии Александр Карагеоргиевич // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2009. С. 17–18; Югославия в XX в.: Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2011. С. 252.

[63] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 279. Д. 53986. Л. 32–33.

[64] Там же. Л. 33.

[65] Там же. Л. 114–115.

[66] Там же. Л. 120–121.

[67] Документы внешней политики СССР. Т. 8. 1 января — 31 декабря 1925 г. М., 1963. Док. № 415. С. 734.

[68] Подробнее см.: *Животић А.* Покушај успостављања дипломатских односа између Југославије и Совјетског Савеза // Русија/СССР и државност Србије/Југославије. Россия/СССР и государственность Сербии/Югославии / отв. ред. С. Рудич, К.В. Никифоров. Београд, 2018. С. 316–317.

[69] Документы внешней политики СССР. Т. 8. Док. № 418. С. 739–741.

[70] Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. … Док. № 140. С. 180–181.

[71] Там же. Док. № 141. С. 181–182.

[72] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 6. П. 15. Д. 57. Л. 45.

[73] Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции… Ч. 2. Док. № 283. С. 576–577.

[74] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 6. П. 15. Д. 55. Л. 385.

[75] Там же. Л. 330.

[76] Там же. Л. 331.

[77] Там же. Л. 300.

[78] Там же. Л. 320.

[79] Там же. Л. 292.

[80] Там же.

[81] Там же. Л. 188.

[82] Там же. Д. 57. Л. 25.

[83] Там же. Д. 55. Л. 184.

[84] Там же. Л. 184

[85] Там же. Л. 117–118.

[86] *Gulić M.* Odnosi između Kraljevine SHS/Jugoslavije i Republike Poljske (1919–1939). Pogled iz Beograda // Jugoslovensko-polski odnosi u XX veku / ur. M. Pavlović, A. Zaćminski, D. Bondžić. Beograd, 2015. S. 59–60.

[87] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 6. П. 15. Д. 55. Л. 73.

[88] Там же. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 116.

[89] Там же. Оп. 6. П. 15. Д. 55. Л. 65–66.

[90] Там же. Д. 57. Л. 5.

[91] Там же. Д. 56. Л. 171.

[92] Подробнее см.: *Магадеев И.Э.* В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021. С. 623–624, 630–631.

[93] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 6. П. 15. Д. 56. Л. 69–70.

[94] Там же. Л. 17–18.

[95] *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семёнова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. Док. № 53. С. 247.

[96] Подробнее см.: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 45–47, 57–58.

[97] Там же. Оп. 6. П. 15. Д. 57. Л. 6.

[98] Там же. Оп. 7. П. 28. Д. 44. Л. 6–7.

[99] Там же. Д. 42. Л. 126–128.

[100] Там же. Л. 128–129.

[101] Там же. Л. 126–127.

[102] AJ. Ф. 334. Оп. 484. Фасц. 161. Л. 526, 589.

[103] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 169.

[104] Там же. Л. 191.

[105] Там же. Л. 169.

[106] Там же. Л. 250.

[107] Там же. Д. 44. Л. 24.

[108] Там же. Д. 43. Л. 11.

[109] Там же. Л. 22.

[110] AJ. Ф. 334. Оп. 484. Фасц. 161. Л. 526, 589.

[111] См.: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 43. Л. 22–25.

[112] Там же. Л. 37.

[113] Там же. Л. 50.

[114] Там же. Л. 89.

[115] Там же. Л. 89–90.

[116] Там же. Л. 94.

[117] Там же. Л. 68–69.

[118] Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. … Док. № 167. С. 205–207.

[119] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 43. Л. 122–123.

[120] AJ. Ф. 334. Оп. 484. Фасц. 161. Л. 526, 580.

[121] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 8. П. 38. Д. 37. Л. 310; *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 176–177.

[122] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 8. П. 38. Д. 37. Л. 352.

[123] Там же. Л. 310–312, 327–329.

[124] Там же. Л. 311.

[125] Там же. Л. 331.

[126] Там же. Д. 38. Л. 42.

[127] Там же.

[128] Там же. Л. 51.

[129] Там же. Д. 37. Л. 363.

[130] *Малевич О.М.* Роман Якобсон по-чешски // Русская литература. 2007. № 1. С. 111; *Якобсон Р.* Формальная школа и современное русское литературоведение. М., 2011. С. 234.

DOI 10.31168/7576-0477-0.2.3

Александр
ЖИВОТИЧ

СССР и правительство Королевства Югославия в изгнании: от разрыва дипломатических отношений до военного союза (май–август 1941 г.): историографические акценты

Королевство Югославия и Советский Союз установили дипломатические отношения только летом 1940 г. Ранее предпринятые попытки наладить отношения между двумя странами сорвались по ряду причин: помешали идеологические столкновения и предрассудки, югославское гостеприимство, оказанное русским эмигрантам, советское покровительство Москвы югославским коммунистам, которые в течение многих лет действовали нелегально и пытались не только изменить общественный порядок, но и разрушить югославское государство. Начало Второй мировой войны коренным образом изменило характер отношений между двумя странами. В поисках новой внешнеполитической опоры, особенно после падения Франции, югославское правительство обратилось к Советскому Союзу, ожидая от него не только политической поддержки, но и мощной военной защиты. Эта инициатива Белграда обусловливалась усилением давления Германии и Италии на Балканы с осени 1940 г., неспособностью Великобритании успешно противостоять проникновению стран «оси» в регион, а также слабостью югославского государства и его вооруженных сил перед угрозой превращения Балкан в один из опорных пунктов вражеских союзников. Советское руковод-

ство, традиционно интересовавшееся событиями на Балканах, внимательно следило за действиями Германии, Италии и правительств Балканских стран, но существующие политические соглашения с Германией не позволяли ему оказывать более активное противодействие. Стремясь максимально отсрочить неизбежный конфликт с Германией, Москва рассчитывала превратить балканские проблемы в центральные на будущих советско-германских переговорах. С этой целью советское руководство опасалось каких-либо шагов, способных спровоцировать усиление немецкой наступательной активности на Балканах. После военного переворота в Югославии 27 марта 1941 г., сделавшего нападение Германии неизбежным, югославское правительство настаивало на подписании пакта с СССР, предоставлявшего гарантии независимости страны. В конце концов, Советский Союз согласился заключить договор о дружбе и ненападении, который после ускоренной процедуры согласований был подписан в ночь нападения на Югославию с 5 на 6 апреля 1941 г.[1].

После нападения Германии на Югославию советское руководство не выступило с официальным заявлением, которое ясно определило бы его позицию относительно действий немцев и их союзников в Югославии и расширения войны в Европе и на Балканах. Нехватка информации и четких инструкций вызвала замешательство в аппарате НКИД СССР и в «верхах» Коминтерна, которые, по признаниям их руководителей, не знали, как оценивать войну против Югославии. Аналогичными вопросами задавалось командование Красной Армии и руководящие партийные функционеры. Неясность привела к тому, что последние на частые вопросы о характере войны в Югославии отвечали: речь идет об империалистической войне как составной части Второй мировой, в которой союзниками Югославии являются Великобритания и Греция. А учитывая, что между Югославией и Советским Союзом существует пакт о дружбе и ненападении, то, по сути, Югославия ведет оборонительную войну. Высказывались и более смелые суждения: о справедливой для югославов войне, хотя и в рам-

ках войны империалистической[2]. Считать войну Югославии и Греции против немецкого агрессора справедливой предлагал, например, руководитель Коминтерна Георгий Димитров, с чем соглашался Сталин[3]. Советская сторона, хотя и считала нападение немцев актом агрессии, но столкновение рассматривала как империалистическое и участвовать в нем не хотела. Окончательная позиция Москвы сводилась к осуждению нападения, но с той оговоркой, что оно ещё сильнее обостряет уже начавшееся мировое столкновение. Отсутствие официального советского заявления вызвало жесткую реакцию Великобритании, осудившей сдержанность московских руководителей. 12 апреля британский посол в Москве Ричард Криппс от имени своего правительства призвал СССР вмешаться в войну на Балканах. Речь шла не только о намерении Великобритании помогать Югославии, привлекая усилия и средства других акторов, но и о расчете Лондона на прекращение фактического и формального союза СССР с Германией и вступление в военное столкновение, к которому советская сторона была ещё абсолютно не готова[4].

Заслушав заявление венгерского посланника Йозефа Криштофи о вводе войск на территорию Югославии, заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский 13 апреля 1941 г. от имени советского правительства осудил этот шаг венгерской стороны, подчеркнув, что нападение Германии последовало всего четыре месяца спустя после подписания немцами Пакта о вечной дружбе с Югославией. Советский дипломат напомнил венгерскому коллеге о том, что и в Венгрии существуют национальные меньшинства, и поинтересовался, как они бы себя чувствовали, окажись в таком же положении, в каком оказались югославы. Такая постановка вопроса была равнозначна официальному осуждению вооруженной агрессии против Югославии[5].

Даже после капитуляции югославской армии дипломатические и военные представители передавали своим советским коллегам информацию о подготовке немцев к нападению на Советский Союз, которой располагали. Так, посол королев-

ского правительства в Анкаре Илия Шуменкович в беседе с советским полпредом в Турции С.А. Виноградовым 23 апреля 1941 г. сообщил, что, завершив кампанию на Балканах, Германия возьмется за Советский Союз. Шуменкович сообщил об усилении немецких позиций на побережье Чёрного моря и о создавшейся вследствие этого угрозе с юга для Советского Союза. По сведениям Шуменковича, Германия направила к рубежам СССР около 150 дивизий, 80 из которых были развернуты на немецко-советской границе, 25 — в Польше и 10 — в Румынии, а остальные были переброшены с Балкан после завершения военных операций против Югославии и Греции. Виноградов отказался комментировать полученную информацию, но несколько раз повторил, что руководители Советского Союза способны предвидеть любой поворот событий и обеспечить полную готовность отразить агрессора. Подчеркнув миролюбивую политику СССР, Виноградов вместе с тем постарался убедить собеседника, что правительство защищает интересы советского народа и что на любое нападение Советский Союз ответит должным образом. Со своей стороны, Шуменкович выразил симпатию к Советскому Союзу, желание видеть его сильным и мощным, способным противостоять агрессии. При этом он продемонстрировал свои славянофильские убеждения и разочарование тем, что три славянские страны — Югославия, Чехословакия и Польша — оккупированы, а Болгария утратила свою независимость. Виноградов с оптимизмом констатировал: Советский Союз — не то, что другие славянские страны, он сумеет постоять за себя и отразить любую угрозу[6].

Советский полпред в Бухаресте А.И. Лаврентьев также получил подробную информацию о развитии событий на Балканах. Югославский посланник Александр Авакумович 1 мая 1941 г. сообщил о переброске немецкой артиллерии на советскую границу, строительстве подземного аэродрома в Молдавии и о сосредоточении немецких соединений на румынской территории (в Молдавии — 18 дивизий, в других районах страны — ещё пять). Эти конфиденциальные сведения, отметил Лаврентьев в рабочем дневнике, были получены Авакумовичем от «одного

из его информаторов». Как сообщил посланнику югославский военный атташе в Бухаресте полковник Франц Стропник, «в Германии имеется всего 24 бронетанковые дивизии», а в западной части бывшей Польши, в частности в Варшаве, «много сосредоточено продовольствия и военного материала». Авакумович обратил внимание советского дипломата на «упорные слухи» о готовящемся военном наступлении Германии на СССР и настойчиво советовал советской стороне «усиленно вооружаться», чтобы быть готовой к нападению. В отличие от Виноградова, Лаврентьев счел необходимым выразить недоверие к полученной информации. «…Мне лично кажется, — отметил полпред, — что эти слухи раздуты и вряд ли отражают действительное намерение немецких военных кругов, поскольку последние не могут не учитывать военную мощь Советского Союза и ту опасность, которая для них последует в результате военного нападения Германии на Советский Союз»[7].

Югославо-советский договор о дружбе и сотрудничестве, хотя фактически не вступил в силу и не помешал вторжению немецких частей в Югославию, повлиял, тем не менее, на состояние германо-советских отношений. Когда в беседе с послом Германии в Москве Ф. фон Шуленбургом советский полпред в Берлине В.Г. Деканозов затронул этот вопрос, то немецкий дипломат так передал реакцию Берлина на подписание договора: Советский Союз хотел помешать Германии реализовать её жизненные интересы и причинить ей вред в борьбе с Великобританией. Деканозов попытался разубедить собеседника, но безуспешно[8]. Шуленбург фактически дал понять, что следует ожидать ужесточения германской политики в отношении Советского Союза. По линии военной разведки в Москве были также получены сведения, что немцы и в дальнейшем будут использовать факт подписания договора с Югославией для пропаганды и подготовки войны против Советского Союза[9].

Столкнувшись с сильным немецким давлением и угрозами, советское руководство, не желавшее военного столкновения и прилагавшее все усилия, чтобы его избежать или отсрочить, решилось на радикальный шаг. На встрече с посланником

Миланом Гавриловичем 8 мая 1941 г. Вышинский от имени советского правительства официально заявил, что оно не видит никаких правовых оснований для дальнейшего пребывания югославской миссии в Советском Союзе. В течение длительного времени в Югославии нет советского посла, посольство в Белграде закрыто, и советское правительство не имеет никаких контактов с находящимся в изгнании в Палестине югославским правительством.

Сообщение о том, что югославский посланник больше не имеет правительственных полномочий и вместе с другими членами югославской миссии с настоящего момента считается частным лицом, Гаврилович выслушал подавленно. Явно расстроенный дипломат поинтересовался, должен ли он покинуть Советский Союз? Получил ответ, что этот вопрос советскими руководителями не поднимался. Вышинский заметил, что он *лично* сообщил Гавриловичу о прекращении работы югославских представителей в СССР, в то время как миссиям Бельгии и Норвегии по аналогичному поводу были вручены вербальные ноты. Возможно, тем самым советский дипломат хотел подчеркнуть особое отношение к Югославии, но, судя по записи беседы, держался Вышинский жестко, отвечал односложно. Гаврилович спросил, может ли он отбыть из столицы и оставить в Москве Симича, на что получил ответ, что это — не проблема. На пожелание Гавриловича ускорить переговоры о продаже югославских товаров, которые находились в Советском Союзе, Вышинский посоветовал обратиться в компетентные органы. На вопрос о реакции Москвы на возможное в ближайшие дни признание Румынией Независимого государства Хорватии последовал краткий ответ: в настоящий момент этот вопрос не рассматривается. Вышинский также сообщил об отказе советской стороны в перелете югославских летчиков на Ближний Восток*. В свойственной для

* Речь шла о 22-х югославских военных летчиках, перелетевших на советскую территорию с началом Апрельской войны, чтобы избежать германского плена. Советская сторона рассматривала вопрос об их финансовом содержании и возможности перелета в Палестину, где находилось югославское правительство в изгнании (прим. редколлегии).

него циничной манере заявил, что самолеты будут задержаны, а пилоты останутся на советской территории. Преподнесено это было как услуга югославской стороне.

Озабоченность Гавриловича реакцией югославов на закрытие миссии и неминуемым, по его мнению, использованием немцами этой акции в пропагандистских целях, чтобы подавить русофильские настроения в народе, не вызвала встречного отклика у Вышинского. С безразличием выслушал он и рассуждения Гавриловича о том, как лучше сообщить соотечественникам о фактическом разрыве дипломатических отношений[10].

Заявление советского правительства сотрудники миссии восприняли болезненно. Неожиданным оказался не только сам факт, перечеркивавший отношения с союзнической, братской славянской страной, с которой только месяц назад было подписано соглашение о дружбе, но и сама атмосфера беседы в Наркомате иностранных дел. На следующий день Гаврилович уведомил о принятом в Москве решении своё правительство, вкратце описав ход встречи с Вышинским и отметив главные её моменты. Он также уведомил правительство, что намерен как можно скорее вместе со всеми сотрудниками миссии покинуть Москву[11].

Однако, осознавая сложность создавшейся обстановки и важную роль Советского Союза в югославских делах, Гаврилович в тот же день направил в министерство иностранных дел телеграмму с рекомендацией воздерживаться от «любых более острых комментариев»[12]. Несмотря на возникшие трудности, дипломат не терял надежды на возможность изменить ситуацию в пользу Югославии, как будто предчувствовал, что не всё ещё потеряно.

Члены югославского правительства в изгнании тяжело восприняли разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом, на помощь которого рассчитывали[13]. В этом акте советской дипломатии они усмотрели согласие с позицией стран «оси», согласно которой Югославии как государства больше не существовало. Спустя несколько дней Гаврилович, гото-

вясь к отъезду, распорядился ликвидировать архив миссии. В присутствии посланника секретарь миссии Драгомир Богич и делопроизводитель д-р Вукадин Милетич сожгли все документы[14].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют изучить реакцию дипломатических кругов на закрытие югославской миссии в Москве. Так, например, Шуменкович сообщал из Анкары, что советский посол продолжает поддерживать с ним дружеские отношения, а в личной беседе заявил, что сожалеет о случившемся[15]. Советский военный атташе информировал своего югославского коллегу, что Гавриловичу было предложено остаться в Москве в частном порядке, от чего он, согласно сведениям, полученным от министра иностранных дел Турции Шюкрю Сараджоглу, отказался и якобы запросил у министра иностранных дел Момчило Нинчича, как себя вести[16]. Нинчич сообщал, что от Гавриловича был получен только текст заявления советского правительства о прекращении дипломатических отношений, и другой информации нет[17]. Югославское правительство на своем заседании 27 мая приняло решение, что Гаврилович должен выехать из Москвы, считая невозможным его пребывание в стране, по сути, прекратившей официальные дипломатические отношения с правительством в изгнании[18].

В дипломатических кругах разрыв отношений с Югославией сопровождался появлением разного рода предположений о его причинах и возможном повороте в советской политике. Сараджоглу считал, что Советы не изменят свою позицию, но готовы пойти на уступки Берлину, чтобы оттянуть начало военного столкновения. Разрыв дипломатических отношений с Югославским королевством турецкий дипломат оценивал как желание Москвы исправить «плохое впечатление», произведенное на Берлин прежними советскими действиями в югославских интересах[19]. С другой стороны, посланник Константин Фотич сообщил о полученной из американских официальных кругов информации, согласно которой немцы не ставили вопрос о разрыве отношений с Югославией, а рус-

ские сами приняли это решение. При этом американцы открыто сомневались в перспективе заключения нового советско-германского соглашения[20]. Различные интерпретации открывали простор для возникновения у югославов новых сомнений и опасений в советских намерениях относительно Балкан в целом и югославской территории в частности.

Примечательно, что и после разрыва дипломатических отношений югославская дипломатия продолжала по-прежнему сообщать советской стороне о подготовке немцев к нападению на СССР. Благодаря хорошим дипломатическим и военным связям с румынской стороной, особо информативными являлись сведения о военных приготовлениях на территории Румынии. Исключительно важной была информация о том, что румынская армия не будет непосредственно участвовать во вторжении и, вероятно, ограничится оккупацией Бессарабии. Предположительно нападение на СССР ожидалось в середине июня 1941 г.[21].

На определенные размышления наводит ещё одна встреча посла Шуленбурга с Деканозовым (9 мая 1941 г.), вновь касавшаяся договора СССР с Югославией. Очередная постановка вопроса о его причинах позволяет предположить, что немцы настойчиво искали повод для обострения отношений с Москвой как обоснование начала военных действий. До нападения на СССР оставалось полтора месяца. Деканозов, вновь указав на условия договора, подчеркнул, что он никоим образом не был направлен против Германии и её интересов на Балканах[22].

В конце мая в связи с эвакуацией югославской миссии вновь возник вопрос о югославских летчиках. Ранее советская сторона потребовала выплатить 30 тыс. долларов (150 тыс. рублей по тогдашнему курсу) на их содержание[23]. Министр армии и флота приказал военному атташе полковнику Жарко Поповичу отбыть в Иерусалим с персоналом военной делегации, всеми югославскими военнообязанными и военнослужащими, включая летчиков, находящимися на советской территории. В случае отказа русских отпустить югославский

авиационный персонал он распорядился отклонить советское предложение об оплате его содержания[24].

2 июня 1941 г. Гаврилович нанес Вышинскому прощальный визит. Дипломат тепло поблагодарил за всё, что Советский Союз сделал для Югославии, особенно при решении финансовых проблем. Он заявил, что рассчитывает на успешное решение вопроса о югославских летчиках, которым всё же разрешат выехать из СССР. Говоря о перспективах войны для малых стран, Гаврилович выразил надежду, что СССР, США и Великобритания не допустят их исчезновения с политической карты мира. Он сообщил Вышинскому, что отправляется в Палестину, чтобы подробно информировать правительственные круги об отношении Советского Союза к Югославии. Вышинский заверил, что чувства советских людей к Югославии остаются неизменными[25]. На следующий день Гаврилович в сопровождении 29 югославских дипломатических служащих и членов их семей выехал из Москвы и 10 июня прибыл в Анкару[26].

Ещё раз вопрос о югославско-советском договоре был затронут в беседе наркома иностранных дел В.М. Молотова и посла Шуленбурга 21 июня 1941 г., накануне нападения Германии на СССР. Шуленбург объяснил вторжение в Югославию прецедентом — организацией Советским Союзом через Коминтерн сопротивления на территориях стран, оккупированных Германией. Он сообщил, что после капитуляции Югославии этот факт подтвердился: в распоряжении германской стороны оказались документы о югославско-советских военных переговорах[27]. Молотов убеждал собеседника, что договор с Югославией не преследовал враждебные Германии цели, что он имел ограниченный характер и быстро потерял свою актуальность[28]. Спорный вопрос о целях и причинах договора явно заходил в тупик, но его закрыла начавшаяся на следующий день война…

Разрыв дипломатических отношений между Югославией и Советским Союзом длился недолго. Сразу после нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. югославское правительство в официальном заявлении присоединилось к Великобри-

тании, признавшей Советский Союз своим военным союзником[29]. В связи с этим на повестку дня выдвинулся вопрос об установлении отношений между Югославией и Советским Союзом на дипломатической или иной основе. Явный намёк на желательность такого шага прозвучал в обращении Молотова к советскому народу: нарком иностранных дел назвал в числе жертв фашистской агрессии сербский народ. Фактически эту констатацию можно считать первым со стороны СССР официальным осуждением агрессии в отношении югославского государства[30].

Стремясь воспрепятствовать независимым и несогласованным с югославской стороной советским действиям на Балканах, представитель югославского правительства на Ближнем и Среднем Востоке Йован Джонович в первые дни немецкого вторжения в СССР предложил премьер-министру Душану Симовичу срочно направить военную миссию в Москву с целью координировать действия Югославии и Советского Союза[31]. Уже 27 июня министр иностранных дел Нинчич дал распоряжение находившемуся в Анкаре посланнику Гавриловичу подготовиться к возможному спешному возвращению в Москву, если будет принято соответствующее решение. С этой целью предстояло собрать небольшую команду из нескольких югославских дипломатических служащих[32]. Гаврилович был убежден, что следовало срочно приступить к восстановлению дипломатических отношений с СССР, особенно если это было советской инициативой. В беседе с советским поверенным в делах в Анкаре у него сложилось впечатление, что в Москве такая перспектива рассматривалась с первых дней войны. Гаврилович предложил, не дожидаясь официального восстановлении дипломатических отношений, поручить временное руководство миссией секретарю Рафо Арнери, который оставался в Москве из-за болезни дочери. Гаврилович также считал необходимым спешно направить в советскую столицу одного военного представителя[33].

После заключения договора о взаимной военной помощи между Советским Союзом и Великобританией 12 июля 1941 г.

возникла совершенно новая политическая ситуация, открывшая возможность для югославо-советского сближения, — подписания договора о взаимной военной помощи между СССР, Чехословакией и Польшей и возобновления отношений с Югославией[34]. Из Анкары Гаврилович 14 июля сообщил Нинчичу, что готов немедленно отбыть в Москву, скорее всего, на самолете, как только решит этот вопрос с советским послом в Анкаре. В тот же день он сообщил министру, что решил взять с собой бывших сотрудников миссии — секретаря Богича и делопроизводителя д-ра Милетича[35]. Он считал, что «из-за возможностей, которые появляются», не следует дожидаться официального восстановления дипотношений[36]. Нинчич придерживался противоположного мнения: считал, что надо действовать на официальной основе[37]. В это время через югославского посланника в Лондоне Ивана Суботича поступило сообщение: посол СССР в Великобритании И.М. Майский передал по телефону, что посланник Гаврилович может вернуться в Москву, не дожидаясь подписания соглашения о возобновлении дипломатических отношений между двумя странами[38]. Гаврилович 18 июля уведомил правительство, что в возникшей ситуации нельзя терять время, и уже на следующий день вылетел в Москву[39].

19 июля Гаврилович со своими сотрудниками прилетел в советскую столицу. На аэродроме их встречали генеральный секретарь НКИД А.А. Соболев и посол Великобритании в Москве Ричард Криппс, что привлекло внимание мировых информационных агентств[40]. Возвращение югославского представителя в советскую столицу после драматического разрыва дипломатических отношений и их стремительного возобновления имело огромное значение для правительства в изгнании и расценивалось как крупная и значимая дипломатическая победа югославов.

Сразу после прибытия Гавриловича в советскую столицу Нинчич сообщил ему, что советское правительство через посла Майского довело до югославов официальное заявление о своей позиции по югославскому вопросу. Советское руковод-

ство еще 3 июля декларировало, что будет выступать за восстановление независимой Югославии, но что форма режима является её внутренним делом[41]. Сам Нинчич ожидал официальное обращение Москвы для подписания соответствующего соглашения о восстановлении дипотношений[42].

21 июля 1941 г. Гаврилович встретился с Вышинским. Но теперь атмосфера встречи была абсолютно иной. Вышинский приветствовал гостя, выразив твердую уверенность в победе и подчеркнув общий интерес славянских стран в борьбе против фашизма. Касаясь соглашения о восстановлении дипломатических отношений, Вышинский сказал, что не видит необходимости в таком соглашении, поскольку формально отношения даже не были прерваны, и разрыв не был отражен ни в одном официальном документе. Он отметил, что ситуация изменилась: советскую сторону больше ничто не вынуждает отказываться от отношений с Югославией, которые теперь могут быть восстановлены. Гаврилович выразил удовлетворение тем, что снова находится в Москве. Он сообщил также, что Шуленбург в Анкаре заявил о нападении на Советский Союз как величайшей ошибке Гитлера. Югославский дипломат согласился с Вышинским относительно документального подтверждения восстановления отношений между двумя странами: сам факт его возвращения в Москву означает, что отношения восстановлены[43].

Советскую позицию продублировал посол в Лондоне Майский. 23 июля, выполняя поручение наркома Молотова, он заявил своему югославскому коллеге Суботичу, что советское правительство твердо намерено использовать все средства для обеспечения полной независимости Югославии, при том, что вопрос о её устройстве рассматривается исключительно как внутреннее дело страны[44]. Кроме того, советское правительство было готово разрешить югославскому, польскому и чехословацкому народам сформировать национальные комитеты и национальные военные подразделения, чтобы «совместно с СССР бороться против немецкого фашизма». Советский Союз брал на себя обязательство оснастить и снабжать югославские

воинские части, которые будут сформированы на советской территории[45].

Позиция советского правительства с удовлетворением была воспринята в Великобритании. По мнению Майского, особенно сильное впечатление она произвела на министра иностранных дел Антони Идена. Публично отметив чрезвычайную важность сделанного заявления, он подчеркнул, что советский взгляд на будущее малых стран полностью соответствует британским представлениям, а позиция СССР в отношении Югославии найдет поддержку также и у правительства США[46].

Что касается соглашения о восстановлении дипотношений, то советская сторона, как отметил Майский, придавала первостепенное значение факту возвращения Гавриловича и югославских дипломатов в Москву, считала его фундаментальным восстановлением отношений, тогда как подписание соглашения оценивала лишь как констатацию реального состояния дел. Это объясняет намерение советской стороны отложить процедуру подписания на какое-то время «по особым причинам». Настоятельная просьба Суботича указать эти причины успеха не принесли. Майский только заметил, что подписание соглашения произойдет в течение нескольких недель, и о причинах задержки вскоре можно будет сказать открыто. Дипломат настаивал на формуле, согласно которой отношения были приостановлены, а не прерваны, и возвращение Гавриловича в Москву означает их полное восстановление. Упор при этом был сделан на отсутствии какого-либо официального документа, зафиксировавшего формальный разрыв дипломатических отношений. Советская сторона, подчеркнул Майский, считает дипломатические отношения между СССР и Королевством Югославия возобновленными в своей полной международной правоспособности[47].

Посол Майский повторил позицию своего правительства относительно возобновления дипломатических отношений с Югославией и на переговорах с министром иностранных дел Нинчичем 7 августа 1941 г., подчеркнув необходимость дальнейшего и долгосрочного сближения двух стран[48]. В то же

время был окончательно решен вопрос о статусе югославских летчиков, находившихся в Москве после Апрельской войны, и им было разрешено выехать из Советского Союза[49].

Таким образом, подытоживая сказанное, заметим, что, стремясь отсрочить неизбежное военное столкновение с Германией, советское правительство избегало каких-либо шагов, которые могли бы спровоцировать агрессию. По этой же причине советская дипломатия во время кратковременной Апрельской войны 1941 г. не выступила с официальным заявлением, осуждавшим нападение немцев на Югославию.

Устойчивое поддержание хороших отношений одновременно с Югославией и Германией стало невозможным после распада югославского королевства. Советскому руководству надо было определиться — с кем и против кого «дружить». Понимая временный характер такого неустойчивого состояния, советская сторона сделала свой выбор и в преддверии германского нападения решила прекратить дипломатические отношения с Югославией. При этом советская дипломатия стремилась придать акту разрыва дипломатических отношений значение меньшее, чем реальное, делала упор на формально-юридической стороне вопроса. Кратковременный разрыв продолжался до нападения Германии на СССР, после чего двусторонние дипломатические отношения были восстановлены в полном объеме.

Примечания

[1] О югославо-советских отношениях и советской политике на Балканах подробнее см.: *Животић А.* Југословенско-совјетски односи 1939–1941. Београд, 2016; *Цветковић С.* Југославија 1939–1941. Совјетска присутност у југословенском политичком животу на почетку Другог светског рата. Београд, 1999; *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2008; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939–1941. М., 2008; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. / отв. ред. В.К. Волков. М., 1999; *Бјелајац М.* Покушај стратешког ослонца Југославије на СССР 1939–1941 // Војноисторијски гласник. 2006. № 1–2. С. 41–66; *Cvetković S.* Jugoslovensko-sovjetski pregovori 1941. O zaključenju ugovora o prijateljstvu i nenapadanju // Vojnoistorijski glasnik. 1991. № 1. S. 11–26; *Гибианский Л.Я.* Югославия в советской политике на Балканах в начале Второй мировой войны //

Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08–03.09.2004) / отв. ред. В.К. Волков, А.Ю. Русаков. СПб., 2004. С. 66–90; *Он же.* Югославия в балканской и европейской политике в начале Второй мировой войны: попытка лавирования и её крах // Вестник МГИМО — Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны / гл. ред. А.В. Торкунов. М., 2009. С. 271–290; *Милошевић М.* Успостављање дипломатских односа између Краљевине Југославије и СССР-а 1940. године // Историјски записи. 2002. № 3–4. С. 99–124; *Петрановић Б.* Успостављање југословенско-совјетских односа 1940 // Зборник Матице српске за историју. 46. С. 87–100; *Vinaver V.* Prilog istoriji jugoslovensko-sovjetskog zbližen ja 1940–1941 // Istorijski glasnik. 1966. № 1. S. 3–59.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 73. Д. 99. Л. 23.

[3] Коминтерн и вторая мировая война / сост. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский. М., 1994. Ч. 1. С. 525–526.

[4] *Vinaver V.* Prilog istoriji jugoslovensko-sovjetskog zbližen ja… S. 53–54.

[5] Саопштење НКИД СССР о размени изјава између посланика Мађарске у СССР Ј. Криштофија и првог заменика народног комесара за иностране послове СССР А.Ј. Вишинског, 13. априла 1941, Група приређивача // Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945. Документи и материјали. Београд, 1996. С. 53.

[6] Из беседы полпреда СССР в Турецкой Республике С.А. Виноградова с послом Королевства Югославия в Турции И. Шуменковичем // 1941 год. Документы. В 2-х кн. Кн. 2 /сост. Л.Е. Решин и др. Под ред. В.П. Наумова. М., 1999. С. 107.

[7] Из дневника полномочного представителя СССР в Королевстве Румыния А.И. Лаврентьева. 1 мая 1941 г. // Там же. С. 149.

[8] Беседа полномочного представителя СССР в Германии В.Г. Деканозова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 5 мая 1941 г. // Документы внешней политики. В двух книгах Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. 2 марта 1941 г. — 22 июня 1941 г. М., 1998. С. 654–657.

[9] Сообщение Ещенко из Бухареста о позиции Румынии и России с германской точки зрения 14 апреля 1941 г. // Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии (январь 1939–июнь 1941). М., 2009. С. 583–584.

[10] Беседа первого заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с посланником Югославского королевства в СССР М. Гавриловичем 8 мая 1941 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 23. С. 661–662.

[11] Телеграм југословенског посланика у СССР М. Гавриловића у МИП југословенске владе у избеглиштву 9. мај 1941, Група приређивача, Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945… С. 58; M. Gavrilović — Ministarstvu vanjskih poslova, Moskva 9. V. 1941 // Jugoslavenske vlade u izbjeglištvu… S. 131; Телеграм Милана Гавриловића министру иностраних послова од 9. маја 1941. (Архив Југославије (далее — АЈ). Ф. 103 — Емигрантска влада Краљевине Југославије. Ф. 61. А.ј. 281. Телеграм Милана Гавриловића министру иностраних послова од 9. маја 1941).

[12] Телеграм Милана Гавриловића министру иностраних послова од 10. маја 1941 (Там же. Ф. 61. А.ј. 281).

[13] *Трифуновић М.* Емигрантске успомене. Београд, 1998. С. 76.

[14] Наређење Милана Гавриловића од 13. маја 1941. (АЈ. Ф. 859 — Лични фонд Милана Гавриловића. Ф. 31).

[15] Телеграм амбасадора у Анкари министру иностраних послова од 2. јуна 1941. (АЈ. Ф. 370 — Посланство Краљевине Југославије у Анкари. Ф. 34, 707).

[16] Телеграм амбасадора у Анкари министру иностраних послова од 20. маја 1941. (Там же. Ф. 34, 704).

[17] Телеграм министра иностраних послова амбасадору у Анкари од 21. маја 1941. (Там же. Ф. 34, 706).

[18] Zapisnik sjednice vlade, Jeruzalem (Tantura). 27. V 1941 // Jugoslavenske vlade u izbjeglištvu… S. 140.

[19] Телеграм амбасадора Илије Шуменковића министру иностраних послова од 15. маја 1941. (АЈ. Ф. 103 — Емигрантска влада Краљевине Југославије. Ф. 61. А.ј. 281).

[20] Телеграм амбасадора Константина Фотића министру иностраних послова од 12. маја 1941. (АЈ. Ф. 103 — Емигрантска влада Краљевине Југославије. Ф. 61. А.ј. 281).

[21] Донесение о военных приготовлениях Германии и Румынии // 1941 год… С. 223–224.

[22] Беседа полномочного представителя СССР в Германии В.Г. Деканозова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 9 мая 1941 г. // Документы внешней политики. Т. 23… С. 664–667.

[23] Zapisnik sjednice vlade, Jeruzalem (Tantura). 1. VI. 1941 // Jugoslavenske vlade u izbjeglištvu… S. 147.

[24] Допис пуковника Жарка Поповића Милану Гавриловићу од 29. маја 1941. (АЈ. Ф. 378 — Посланство у Москви. Ф. 2, 7).

[25] Беседа первого заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с посланником Югославского королевства в СССР М. Гавриловичем 2 июня 1941 г. // Документы внешней политики. Т. 23… С. 713–714.

[26] Телеграм амбасадора Илије Шуменковића министру иностраних послова од 10. јуна 1941. (АЈ. Ф. 103 — Емигрантска влада Краљевине Југославије. Ф. 61. А.ј. 281).

[27] Телеграмма министра иностранных дел Германии И. Риббентропа в СССР Ф. Шуленбургу // 1941 год… С. 417–418.

[28] Беседа народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 21 июня 1941 г. // Документы внешней политики. Т. 23…С. 751–753.

[29] Декларација председника југословенске владе у избеглиштву Д. Симовића, Група приређивача // Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945… С. 77.

[30] Изјава народног комесара за иностране послове СССР В.М. Молотова, Група приређивача // Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945… С. 60–61.

[31] Телеграм југословенског представника на Блиском и Средњем истоку Ј. Ђоновића председнику југословенске владе у избеглиштву Д. Симовићу, Група приређивача // Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945… С. 66.

[32] Телеграм министра иностраних послова амбасадору у Анкари од 27. јуна 1941. (АЈ. Ф. 370 — Посланство Краљевине Југославије у Анкари. Ф. 34, 708).

[33] Телеграм посланика Краљевине Југославије у Москви министру иностраних послова од 28. јуна 1941. (АЈ. Ф. 370 — Посланство Краљевине Југославије у Анкари. Ф. 34, 709).

[34] *Majski I.* Uspomene sovjetskog diplomate. Beograd, 1974. S. 212–221.

[35] I. Šumenković — Ministarstvu vanjskih poslova, Ankara. 14. VII. 1941 // Jugoslavenske vlade u izbjeglištvu… S. 163.

[36] Ibilem.

[37] Телеграм Момчила Нинчића Милану Гавриловићу од 15. јула 1941. (АЈ. Ф. 103 — Емигрантска влада Краљевине Југославије. Ф. 61. А.ј. 281).

[38] Телеграм Ивана Суботића министру иностраних послова од 18. јула 1941. (АЈ. Ф. 103 — Емигрантска влада Краљевине Југославије. Ф. 61. А.ј. 281).

[39] Телеграм Милана Гавриловића министру иностраних послова од 18. јула 1941. (АЈ. Ф. 103 — Емигрантска влада Краљевине Југославије. Ф. 61. А.ј. 281).

[40] Там же. Вест Reuters-a.

[41] Телеграм народног комесара за иностране послове СССР-а В.М. Молотова амбасадору СССР -а у Великој Британији И.М. Мајском // Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945… С. 74.

[42] Телеграм министра иностраних послова посланику у Москви од 21. јула 1941. (АЈ. Ф. 370 — Посланство Краљевине Југославије у Анкари. Ф. 34, 714).

[43] Из забелешке првог заменика комесара за иностране послове СССР А.Ј. Вишинског о разговору с југословенским послаником М. Гавриловићем 21. јула 1941 // Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945… С. 82–83.

[44] Телеграм народног комесара за иностране послове СССР-а В.М. Молотова амбасадору СССР -а у Великој Британији И.М. Мајском // Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945… С. 74.

[45] Телеграмма народного комиссариата иностранных дел СССР послу СССР в Великобритании И.М. Майскому 3 июля 1941 (Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 59. Оп. 1. П. 365. Д. 248. Л. 41.); *Popović N.B.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu (1941–1945). Beograd, 1988. S. 60–61.

[46] Телеграмма посла СССР в Великобритании И.М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 4 июля 1941 (АВП РФ. Ф. 59. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 408–411).

[47] Zabilješka I. Subotića, London 23. VII. 1941 // Jugoslavenske vlade u izbjeglištvu… S. 167.

[48] Из забелешке о разговору министра иностраних послова југословенске владе у избеглиштву М. Нинчића с амбасадором СССР у Великој Британији И.М. Мајским // Односи Југославије и Русије (СССР) 1941–1945… С. 92–94.

[49] *Поповић Ж.* Моја служба у Совјетском Савезу // *Ђорђевић Д.* На раскрсници. Прилози за српску историју Другог светског рата. Горњи Милановац, 1991. С. 161.

DOI 10.31168/7576-0477-0.2.4

Анатолий Семёнович
АНИКЕЕВ

У истоков движения неприсоединения: югославский фактор. 1953–1961 гг.[*]

Белград в поисках новой модели международных отношений. Формирование концепции «активного мирного сосуществования»

Разрыв Югославии с Москвой, ставший окончательным фактом в 1949 г., изменил международный статус балканской страны. Находившаяся после войны в тесных союзных связях с СССР и странами советского блока Югославия практически оказалась в изоляции. Отношения с Западом только начинали восстанавливаться, причем США, позиция которых формировалась в контексте «холодной войны», первыми смогли оценить советско-югославский конфликт как важное событие с точки зрения своих национальных интересов. В Вашингтоне попытались осторожно, но вместе с тем настойчиво использовать сложившуюся ситуацию для постепенного включения Югославии в систему своих союзов[1]. Идеологическая принадлежность заставляла Белград, с одной стороны, воздерживаться от тесного сближения с Западом, но с другой, экономическая блокада и военная угроза с Востока диктовали единственный выбор. Контакты с западными странами, вплоть до смерти Сталина в 1953 г., оставались

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Проект № 20-59-18004 «Векторы исторического развития и национальные идеи на Балканах в XVIII–XXI вв.».

для югославского руководства определяющим курсом внешней политики. Возникшая вскоре после смены руководства в Кремле перспектива постепенной нормализации советско-югославских отношений и намерение Москвы вернуть Югославию в советский блок подталкивали Белград к выработке новой внешнеполитической стратегии. Необходимо было расставить приоритеты и определить характер взаимодействия с каждой из сторон в двойственной для югославов ситуации. Отношения страны с Западом находились на подъеме, экономическая и военная помощь, оказывавшаяся Югославии, достигла апогея. Вместе с тем, в динамично менявшихся условиях требовали своего подтверждения идеологические императивы, остававшиеся серьезным фактором в отношениях с Востоком. Разработку новой внешнеполитической стратегии, названной позднее политикой «активного мирного сосуществования», югославское руководство и пропаганда рассматривали в контексте формировавшейся в начале 1950-х годов концепции «югославской модели социализма», постоянно критикуемой в Кремле. Постепенно пришло понимание, что альтернативой жесткой привязке к одному из блоков могло стать взаимодействие с афро-азиатскими странами третьего мира, с которыми югославы уже начали сотрудничать в ООН в конце 1949 г., после принятия третьей, ноябрьской, резолюции Информбюро, объявившей, что КПЮ находится «во власти убийц и шпионов»[2].

Первым главным объектом внимания югославов стала Индия — парламентская республика, одной из внешнеполитических целей которой в отношении азиатских стран была демонстрация преимуществ демократической политической системы. Поэтому отношение к авторитарному коммунистическому режиму Тито, дипломатия которого активно пыталась привлечь Дели к югославским проектам, было со стороны индийской правящей элиты осторожным и неоднозначным. Анализ позиции Индии в международных делах, предпринятый Белградом в тот период, подтверждал, что с учетом внешнеполитических характеристик — интенция к сотрудничеству

со странами региона, борьба с колониализмом, невмешательство в конфликты — эта страна будет в перспективе играть значительную роль в Азии. Основные принципы внешней политики Индии были сформулированы в резолюции 55-го съезда партии Индийский национальный конгресс 19 декабря 1948 г. В ней говорилось о необходимости укрепления мира во всем мире, о свободе и расовом равноправии всех народов, ликвидации империализма и колониализма[3]. Внимательное отношение Белграда к внешнеполитической программе индийского руководства обусловило назначение послами в Дели опытных югославских дипломатов. В 1950–1951 гг. этот пост занимал Иосип Джерджа, затем — Йоже Вильфан, проработавший послом до марта 1953 г., его сменил Гойко Николиш, остававшийся в Дели до августа 1954 г. Между тем Индия открыла свое посольство в Белграде только в начале 1952 г., а первый посол Р.Б. Сен, который по совместительству занимал этот пост в Италии, прибыл в Белград лишь в октябре. Большая часть контактов между двумя странами в начале 1950-х годов осуществлялась на уровне неправительственных организаций. В Дели в тот период относились к Югославии сдержанно, несмотря на готовность Белграда к активным политическим контактам. Это подтверждали визиты в Индию одного из ближайших соратников Тито Милована Джиласа и заместителя госсекретаря по иностранным делам Алеша Беблера. Индийские руководители рассматривали Югославию как бывшего сателлита СССР, им не во всём был понятен конфликт с Информбюро. Последующие тесные отношения Белграда с США и их союзниками в начале 1950-х годов и вступление страны в Балканский пакт не отвечали представлениям индийских «верхов» о независимом, внеблоковом государстве[4]. Между тем Югославия настойчиво продолжала линию на установление более близких отношений с Индией.

Летом 1950 г. разразилась война в Корее. Югославия как член Совета Безопасности ООН выступила с резолюцией о необходимости урегулировать «корейский кризис» мирным путем. В документе указывалось, что события в Корее явились

следствием усиления международной напряженности в мире в послевоенные годы, фактически приведшей к «холодной войне». Югославское руководство считало, что конфликт между блоками заставляет другие страны выбирать политику нейтрализма. Индия и Египет воздержались при голосовании за эту резолюцию, но индийская делегация солидаризировалась с югославами, поддержав требование вывода китайских войск с территории Южной Кореи. Впоследствии обе делегации консолидированно голосовали за принятие различных документов с призывами к скорейшему мирному завершению войны в Корее[5].

На заседании Политбюро ЦК КПЮ 28 июня 1950 г. в связи с началом конфликта в Корее Эдвард Кардель заявил, что отдельные признаки свидетельствуют о его предварительной подготовке «русскими», которым удалось нащупать наиболее слабое звено в американской политике. Отметив, что ситуация в мире серьезно обострилась и что нет четкого понимания вопроса о готовности «русских» «пойти» на мировую войну, Кардель рекомендовал проявлять крайнюю осторожность. Тито информировал коллег, что в беседе с американским послом Дж. Алленом, коснувшись возможности нападения на Югославию, он подчеркнул, что это была бы агрессия на независимую и нейтральную страну, но не на участницу какого-либо блока. «Мы рассчитываем на общественное мнение, поддерживаем все миролюбивые тенденции, и нас с этого пути не свернуть», — заявил Тито[6]. Кардель, развивая этот тезис, впервые поставил вопрос об оформлении «широкого движения в поддержку активного нейтрализма», которое, «размежевавшись от троцкизма и, возможно, от социалистов, следует оформить в Югославии»[7]. Он предложил возложить эту задачу на Внешнеполитическую комиссию ЦК КПЮ, реорганизовав её и создав секретариат для реализации принимаемых решений и специальные группы по отдельным странам. Тито, поддержав Карделя, предложил создать в ЦК группу в составе А. Ранковича, С. Вукмановича-Темпо и М. Джиласа для всестороннего изучения этого вопроса. Он подчеркнул,

что группе предстоит сформировать компетентную команду и привлечь её к «нашей пропагандистской активности». По ходу обсуждения Моше Пьяде и другие члены Политбюро высказались за создание аналогичной рабочей группы и при Народном фронте, что получило одобрение собравшихся[8]. Если признать стенограмму заседания Политбюро аутентичным, не отредактированным под влиянием позднейших идеологических требований, документом (сомнение вызывает тот факт, что стенограмма, в отличие от других материалов этого архивного дела, успевших пожелтеть, была перепечатана на белой бумаге), то можно считать состоявшееся обсуждение первым шагом на пути формирования югославской политики неприсоединения — определением её самых общих принципов и среднесрочной стратегии. При этом югославское руководство считало необходимым обеспечить возможность лавирования между двумя блоками, избегая институциональной зависимости от кого-либо из них. Расчет был на преодоление экономической изоляции и в то же время на сохранение идеологических основ авторитарного коммунистического режима.

Начало процесса нормализации советско-югославских отношений в 1953–1954 гг., готовность Москвы, после дискуссий в руководстве признать, что в Югославии продолжается строительство социализма, заставляли югославское руководство как можно скорее определить свою внешнеполитическую ориентацию, дав понять Кремлю, что возвращение страны на советскую орбиту невозможно. Как уже говорилось, югославы стремились перевести отношения, установившиеся к тому времени в рамках ООН с освободившимися от колониальной зависимости афро-азиатскими странами, на новый уровень и, по возможности, поставить вопрос об оформлении внеблокового движения с включением в него европейской коммунистической Югославии.

К 1954 г. динамика отношений Индии с Югославией стала меняться в положительную сторону. Как считает сербский историк Л. Димич, отношения Индии с главными на то время партнерами — Китаем и СССР переживали определенную

стагнацию, что повлияло на решение индийского руководства переоценить свою политику по отношению к Югославии[9]. Данное обстоятельство, как и настойчивое югославское «ухаживание», обусловили сближение сторон. Зримым проявлением начавшегося процесса стал визит в начале 1954 г. в Белград известного индийского политика и дипломата, сестры Джавахарлала Неру, Виджаи Л.Н. Пандит. Обмен мнениями с Тито и югославскими дипломатами о ситуации в мире, политике Китая, СССР, стран Азии, ситуации на Балканах выявил близость взглядов на международные проблемы. С индийской стороны было подчеркнуто, что взаимопонимание сторон предполагает «мобилизацию миролюбивых сил в мире». Эта констатация в известном смысле предшествовала будущим дискуссиям о необходимости оформления внеблокового движения. Тито 28 июня 1954 г. получил от Пандит официальное приглашение посетить Индию и в конце 1954 г. отправился с визитом в Индию и Бирму[10]. Индийское руководство и премьер-министр Неру тепло приняли югославского лидера, но его идеи о необходимости консолидации освободившихся от колониализма стран на платформе активного нейтралитета поначалу восприняли настороженно. Выступая в индийском парламенте 21 декабря, Тито указал на близость внешнеполитических позиций двух стран и подчеркнул необходимость координации политики Югославии с политикой освободившихся от колониализма стран Азии и Африки на мировой арене[11]. Индийская печать назвала визит важным событием, задачей которого является координация действий всех неприсоединившихся стран во имя общей цели, а Тито признала политиком, занимающим лидирующие позиции в европейских делах. Некоторые американские издания оценили визит как проявление значительного влияния Югославии в Азии, а также растущей привлекательности югославского эксперимента в странах региона[12]. В то же время реакция официальных кругов западных стран в целом была сдержанно-негативной, а с американской стороны она имела ещё и рекомендательный характер, отражавший пред-

ставление Вашингтона о положении в Азии. В памятной записке, переданной Тито перед отплытием в Индию американским послом в Белграде Дж. Ридллбергером, ответственность за напряженную ситуацию в Азии возлагалась на Китай и СССР, которые, как говорилось в документе, опираясь на военную силу, стремились установить контроль над азиатскими странами. Альтернативой этому давлению могла бы стать опора на помощь и поддержку США, так же, как это было в отношении Югославии после разрыва с Москвой в 1948 г.[13]. Предполагалось, что во время визита Тито доведет позицию американской стороны до национальных лидеров.

По ходу проходивших в Дели переговоров встал вопрос о югославском участии в Балканском пакте. Неру подчеркнул, что Индия не вступает ни в какие политические и военные союзы. Высокий гость объяснил членство Югославии в пакте необходимостью преодоления блокады и изоляции, а доминирование, по его словам, экономических и политических, а отнюдь не военных аспектов сотрудничества, способствовало снижению напряженности на Балканах. Тито настойчиво убеждал индийскую сторону в необходимости поддержки политики «активного сосуществования»[14]. Основные принципы югославской внешней политики были изложены Тито и в упомянутом выше выступлении в индийском парламенте 21 декабря. К их числу он отнес сохранение независимости, равноудаленность от блоков, непризнание разделения мира на сферы влияния и принцип активного мирного сосуществования. Как подчеркнул югославский лидер, стремление к независимости югославского народа укрепила борьба против оккупантов в годы Второй мировой войны, а советско-югославский конфликт стал отправной точкой в развитии страны по своему собственному пути[15]. Помимо призывов к «борьбе за мир и мирное сосуществование», большое внимание в переговорах Тито уделил созданию новой модели международных отношений — без доминирования сверхдержав, вопросам отношений с СССР, подготовке встречи на высшем уровне, объяснению причин установления Югославией контактов с Западом в годы конфликта

с Востоком, опровержению «пропагандистских» утверждений о том, что Югославия и Индия выступают за создание некоего третьего блока, противостоящего биполярной структуре мира. Отношения двух стран с Китаем заняли большое место в повестке переговоров. Югославская сторона, которая относилась к политике Китая критически вследствие попыток Пекина блокировать расширение влияния «ревизионистской» Югославии в афро-азиатском регионе[16], стремилась развеять излишний оптимизм индийцев. Переговоры завершились 22 декабря двусторонним заявлением, в котором подчеркивалась необходимость сохранения и укрепления мира как не имеющий альтернативы, абсолютный политический приоритет. Было заявлено, что проводимая двумя странами политика неучастия в блоках не означает нейтрализма, но, напротив, активную, конструктивную политику, направленную на коллективный мир, который только и может обеспечить коллективную безопасность[17].

Через три недели Тито прибыл в Бирму. В беседах с премьер-министром Бирманского Союза У Ну югославский лидер, как и в Индии, во главу угла поставил вопрос о взаимодействии Югославии с азиатскими странами, подчеркивал необходимость их объединения в противовес существующим блокам во избежание войны. Обе стороны отвергли разделение мира на два блока и идею создания какого-либо третьего блока. Политику пассивного нейтралитета они сочли неприемлемой, оценив её как уход со «сцены противоборства». Роль своих стран оба лидера, как было заявлено в совместном коммюнике от 17 января 1955 г., видели в продвижении «принципа сосуществования», основанного на постоянных и активных усилиях, направленных на решение открытых международных проблем, миролюбивом сотрудничестве без различий в политических и общественных системах, взаимном уважении независимости и суверенитета, отказе от агрессии и признании равноправия и невмешательства во внутренние дела других стран[18].

Представляется, что новыми пацифистскими формулировками Тито сумел привлечь на свою сторону ещё одну крупную

азиатскую страну, учитывая её ранее провозглашенные внешнеполитические принципы. При этом он стремился в своей политике опираться и на общие принципы и нормы, одобренные и существующие в документах ООН.

Визит в Индию и Бирму показал Тито, что объединение этих стран на основе настойчиво предлагаемой им концепции «активного мирного сосуществования», а не «пассивного нейтралитета» имеет перспективу. Переговоры в Индии были тщательно подготовлены югославской дипломатией, учитывавшей как традиции пацифизма в индийской политике, так и пять принципов мирного сосуществования («Панча шила»), сформулированных на переговорах Индии с КНР по проблеме Тибета в 1954 г. Эти принципы, в частично трансформированном виде, легли в основу будущей концепции движения неприсоединения. Но предстоял ещё долгий путь собирания сторонников этой идеи и в Азии, и в Африке, всестороннего её обсуждения, а затем и подготовки форума, на котором были бы приняты решения о создании своего рода коалиции стран, разделяющих основные положения движения.

На обратном пути в Югославию Тито встретился с президентом Египта Г.А. Насером. В переговорах на борту яхты *Галеб* (серб. «Чайка») Тито сообщил о проблемах, которые обсуждались в Дели и Рангуне. В совместном коммюнике, принятом по результатам каирской встречи, констатировалась высокая степень общности взглядов на международные проблемы и отражалось обоюдное желание сторон энергично развивать двустороннее сотрудничество[19].

В апреле 1955 г. в Бандунге (Индонезия) по инициативе Бирмы, Индии, Индонезии, Цейлона и Пакистана начала работу конференция 29 стран Азии и Африки, среди которых были Китай и Турция. Круг затрагиваемых проблем был близок к тем, которые Тито обсуждал с Неру и У Ну несколькими месяцами ранее: проблемы афро-азиатских стран в контексте мировой политики, необходимость продолжения деколонизации, отношения с блоковыми странами, борьба за мирное сосуществование[20]. По ходу конференции наметились две тенден-

ции, одну из которых, условно радикальную, выражали Китай и Египет, а другую, умеренную, — Индия. Принятая по итогам конференции резолюция включала в себя 10 принципов мирного сосуществования, соединившие «Панча шила», а также принципы Устава ООН. Обсуждение вопросов, поставленных на этой конференции, было продолжено на Конференции солидарности народов Азии и Африки в Каире в 1957 г., на которой движение было институционально оформлено. В 1958 г. прошли две конференции афро-азиатских стран в Гане, а в 1960 г. в Тунисе. Неизвестно, получила ли приглашение на Бандунгскую конференцию Югославия, но, скорее всего, именно этот форум заставил Тито удвоить усилия в направлении скорейшего оформления движения, но уже в рамках концепции «активного мирного сосуществования». Югославы попытались предложить её для обсуждения ведущим политикам, как в странах Запада, так и в странах третьего мира. Весной 1955 г. МИД Югославии поручил своим дипломатическим представительствам в западноевропейских странах, США, Канаде, Чили, Японии, Сирии, Бразилии, а также Индии и Бирме передать обращения к общественности этих стран и, особенно, к лидерам социалистических партий, а также другим известным политическим деятелям с предложением провести дискуссию по проблеме сосуществования, «коегзистенции». В начале мая посольство СФРЮ в Бразилии сообщило, что сенатор Д. Велласко, одобрив это предложение югославских дипломатов, подготовил для газеты *Última Hora* (порт. «Последний час»)* статью о поездке Тито в Индию и Бирму и обсуждении во время визитов идеи мирного сосуществования. В статью была включена информация и о дискуссии вокруг этой концепции на Бандунгской, конференции[21]. Замысел югославского лидера, а он играл центральную, организующую роль в этом процессе, заключался, как представляется, в создании своего рода параллельной структуры, которая объединила бы часть афро-азиатских стран, разделяю-

* Газета левой ориентации, основана в 1951 г. бразильским журналистом и писателем Сэмюэлем Вайнером (1910–1980).

щих основные положения югославской концепции активного нейтралитета. На реализацию этого амбициозного проекта была направлена политика югославского руководства и лично Тито на протяжении всех последующих лет до Белградской конференции 1961 года.

В начале апреля 1956 г. вопросы политики неприсоединения были рассмотрены на заседании Исполкома ЦК СКЮ. (В 1952 г. КПЮ переименована в Союз коммунистов Югославии, образован Исполком ЦК СКЮ, а Политбюро и пост Генерального секретаря упразднены.)

Заседание проходило вскоре после XX съезда КПСС, что объясняет некоторые подвижки в оценках югославами положения на международной арене. В свете новых оценок сталинского наследия, прозвучавших на съезде, югославское руководство, как считают историки Д. Бонджич и С. Селинич, воспользовалось открывшейся возможностью с нового ракурса критиковать советскую политику, ставить вопрос о её недостаточной активности на мировой арене, отмечая в то же время позитивы собственного курса в отношении афро-азиатских стран, в том числе открытое обсуждение проблем разоружения и сосуществования с государствами третьего мира[22]. Речь шла и об отношениях с США, о намерении Белграда перейти на получение военной помощи по кредитно-финансовой схеме, что позволило бы продемонстрировать странам третьего мира отрицательное отношение к так называемым классическим формам порабощения отсталых стран[23]. Кардель, говоря об отношениях с Москвой, подчеркнул, что югославская политика не будет означать включения в советский блок, её цель — взаимодействие с мировым социалистическим движением. Союзный секретарь иностранных дел (1953–1992 гг.) К. Попович подчеркнул, что престиж Югославии в мире в настоящее время стал намного весомее, чем раньше, и что она становится ведущей страной, инициирующей и формирующей новые отношения и изменения в мире.

Прозвучали и критические замечания. Тито в своей речи заявил, что Югославия недостаточно активна в проведении

политики, направленной на поддержку идеи разоружения, а отношения с Индией, Бирмой и Египтом мало используются для «борьбы за мир в обоюдных интересах». С. Вукманович-Темпо обратил внимание на слабые экономические связи с этими странами. Советская политика в отношении стран третьего мира отражала, как говорилось в одном из выступлений, скорее, «инструментальный» подход к ним как к своим потенциальным сателлитам.

Ориентация Югославии на третьи страны и стремление оформить консолидированное сообщество под флагом неприсоединения имели под собой и другие, не менее важные, основания, нежели политические. В феврале 1961 г. норвежский посол в Югославии Д. Брин, обсуждая с советским послом А.А. Епишевым состояние югославо-норвежских экономических отношений, подчеркивал, что низкое качество югославских товаров общеизвестно и что это создает проблемы для взаимного товарооборота. «Югославский рынок — это слаборазвитые государства Юго-Восточной Азии и Африки», — отмечал норвежский дипломат. В дипломатических кругах Белграда, по его словам, укрепилось мнение, что «югославы свою внешнюю политику строят из расчета, что расходы на её осуществление возьмут на себя западные государства». В качестве примера он привел факт, что, получив от США крупный заем, Югославия уже на следующий день подписала соглашение с ОАР о предоставлении ей кредита. Таким образом, Брин, как отмечал в своем рабочем дневнике Епишев, считал, что «югославы наживают себе авторитет среди слаборазвитых стран, расплачиваясь чужими деньгами». Епишев констатировал, что рассуждения норвежца подтверждали мнение советских наблюдателей: «югославы стремятся сидеть на двух стульях, в чём нет ничего нового»[24]. Этот факт объяснял и включение в повестку переговоров Тито со всеми лидерами афро-азиатских стран вопроса об установлении и расширении экономических отношений, увеличении товарооборота. Тито рассчитывал таким образом обеспечить дополнительную поддержку югославской внешнеполитической инициативы в своей команде и шире.

В конце июня 1955 г. в ходе турне по Европе Югославию посетил премьер-министр Индии Неру. 6 июля, после завершения визита, в летней резиденции Тито на о. Бриони было подписано совместное заявление, в котором констатировалось, что Югославия и Индия разрабатывают и проводят самостоятельную внешнюю политику, придерживаясь единых взглядов и принципов на ситуацию в мире[25]. Спустя год, в июле 1956 г., на Бриони состоялась новая встреча, теперь уже трех руководителей — Тито, Неру и Насера. Итогом явилось подписание совместного документа, позднее получившего название Брионской декларации. Этот документ оценивался исследователями как первое свидетельство начавшегося процесса формирования движения неприсоединения. Вместе с тем, югославский госсекретарь по иностранным делам К. Попович рассказал индийскому послу о сложностях подготовки декларации, поисках компромисса, в частности с Насером, согласовании представленных сторонами редакций. Интригой встречи, посвященной обсуждению международных проблем, в том числе и ситуации на Ближнем Востоке, стало то, что Насер не посвятил своих собеседников в планы готовящейся сразу после его возвращения из Югославии национализации Суэцкого канала. Правительство ОАР объявило об этом 26 июля. Югославское руководство расценило подобные действия египетского лидера как проявление неискренности[26]. Вместе с тем, Югославия, одна из немногих, поддержала Египет в Суэцком кризисе 1956 года и осудила тройственную агрессию Великобритании, Франции и Израиля, назвав их политику проявлением колониализма и империализма[27]. Столь резкая оценка событий привела к ухудшению отношений Югославии с этими странами.

Вторая половина 1950-х годов была отмечена установлением политических контактов с другими афро-азиатскими странами, с которыми Югославия позднее перешла к институциональному оформлению движения неприсоединения. Заметное место в ряду этих стран занимала Индонезия, которую Белград признал в 1950 г., вскоре после обретения страной независимо-

сти предложив обменяться дипломатическими представителями. Однако Джакарта, опасаясь, как полагали в югославском МИД, возможности ухудшения отношений с СССР, отказалась в тот момент от этого шага. Дипломатические отношения были установлены в ноябре 1954 г., когда определилась перспектива советско-югославской нормализации[28]. Летом 1956 г. дипломатические представительства двух стран были повышены до ранга посольств, и в сентябре 1956 г. Белград посетил президент Индонезии А. Сукарно. Ответный визит в Индонезию в 1957 г. нанес заместитель председателя правительства Вукманович-Темпо. На переговорах затрагивались ставшие уже традиционными вопросы, звучавшие на встречах Тито с Неру, У Ну и Насером. Политики говорили о своей приверженности принципам мирного сосуществования, осудили колониальную политику некоторых великих держав, выразили несогласие с их политикой в области ядерного оружия, гонку вооружений, подчеркнули роль ООН в решении международных споров[29].

В этот период получили развитие связи со странами Ближнего Востока, в частности с Сирией. В марте 1957 г. страну посетил Вукманович-Темпо, а в июле в Югославии находился сирийский министр иностранных дел Салах-ад-Дин Битар. Следующим важным шагом Югославии на пути создания ядра будущей группы неприсоединившихся стран стала трехмесячная поездка Тито по странам Азии и Африки зимой 1958 — весной 1959 гг. График был весьма напряженным:

- конец декабря 1948 г. — недельный визит в Индонезию (переговоры с президентом Сукарно); двухдневное пребывание в Бирме (переговоры с премьер-министром У Не Вином);
- январь 1959 г. — визит в Индию (переговоры с премьер-министром Неру); пребывание на Цейлоне (переговоры с премьер-министром Бандаранаике);
- февраль-март — пребывание в Эфиопии (переговоры с императором Хайле Селассие); в Судане (переговоры с премьер-министром Ибрагимом Абудом); в ОАР (переговоры с президентом Насером). Во время бесед основное внимание было уделено внутриполитическим вопросам, развитию двусторон-

них отношений, обсуждению актуальных международных проблем. С рядом стран дипломатические отношения были повышены до уровня посольств[30].

Переговоры в Индонезии велись в сложной обстановке, вызванной внутриполитической нестабильностью в стране, о чем Тито сообщил сам Сукарно. Были затронуты некоторые вопросы двусторонних экономических отношений, которые индонезийская сторона считала нужным скорректировать. Так, Югославия предоставляла кредиты с высокой процентной ставкой, в то время как советские и китайские банки делали это на льготной основе. Тито, пообещав урегулировать этот вопрос, вместе с тем подчеркнул, ссылаясь на опыт экономических отношений с Советским Союзом, что низкий процент обусловлен политическими причинами, а именно намерением СССР и Китая привязать афро-азиатские страны к своим социалистическим системам[31]. Оценки международной ситуации двумя лидерами в значительной степени сближались, что становилось примером для других неприсоединившихся стран в дальнейшем, при формировании общей позиции[32].

Не менее сложными были встречи в Бирме, где незадолго до приезда Тито произошла смена руководства: в конце октября 1958 г. У Ну сложил свои полномочия, и пост премьер-министра перешел к генералу У Не Вину, заявившему, что Бирма никогда не откажется от политики строгого нейтралитета[33]. В Белграде во время подготовки программы визита Тито в Юго-Восточную Азию вопрос о целесообразности встречи в Рангуне обсуждался неоднократно, однако в последний час было принято решение о заходе *Галеба* в Бирму. В повестке дня переговоров оказались, помимо других, и экономические вопросы. Тито на заседании югославского правительства в марте 1959 г., посвященном итогам трехмесячного визита, сообщил, что бирманцы были недовольны условиями предоставления кредитов, а также качеством югославских товаров, которые Бирма могла бы получать из других стран на более выгодных условиях. По его мнению, бирманцы проиллюстрировали тем самым возможные попытки демпинга со стороны

развитых стран, а также желание выдавить Югославию с рынков этих стран[34]. В заключительный день визита на личной встрече двух лидеров бирманский премьер-министр сообщил о постоянном давлении на Бирму Китая, а также о своём недоверии, как к Востоку, так и Западу, в чём его поддержал Тито. Что касается Югославии, то Не Вин выразил уважение к её готовности к искреннему сотрудничеству и независимой позиции в международных делах[35].

Визит в Индию югославская сторона назвала неофициальным, может быть, вследствие откровенного характера бесед Тито с Неру. В международных делах индийский руководитель не всегда и не во всём соглашался с югославским собеседником. Неру, например, негативно воспринял позитивную оценку политики Насера на Ближнем и Среднем Востоке, считая, что намерение египетского премьера объединиться с Ираком дестабилизирует ситуацию в регионе. Неру возражал также против безусловной поддержки Югославией советской позиции по германскому вопросу, против ультиматума Москвы по Западному Берлину*, несмотря на попытку Тито разъяснить суть установки Кремля в этом вопросе. По возвращении на родину Тито попытался объяснить такую позицию Неру нежеланием Индии выходить за рамки своей доктрины нейтралитета, пытаясь при этом провести аналогии с югославской внешней политикой, основной характеристикой которой была независимость[36].

Не поддержал Тито в его попытках пропаганды и поддержки советской позиции по Берлину и премьер-министр Цейлона Соломон Бандаранаике во время их встречи в Коломбо. Он заявил югославскому лидеру, что ультиматум СССР западным державам чреват серьезным и опасным кризисом. Бандаранаике был авторитетной политической фигурой, главным организатором Бандунгской конференции (апрель 1955 г.), и в тот момент планировал проведение на её базе экономического фо-

* Имеется в виду советское предложение о предоставлении Берлину статуса вольного города, направленное 27 ноября 1958 г. правительствам США, Великобритании и Франции.

рума. Изучивший архивные материалы ЦК СКЮ и личный архив Тито сербский историк Д. Богетич отмечает, что контакты с одним из лидеров бандунгского движения были чрезвычайно важными для югославского лидера, стремившегося к институциональному оформлению неприсоединения. Взгляды обоих политиков на роль афро-азиатских стран в мировой политике были очень близкими, что позволяло Тито надеяться, что союз с Бандаранаике позволит создать надежное ядро движения, в котором Цейлону будет отведено одно из центральных мест. В свою очередь, Бандаранаике в беседе с Тито говорил о необходимости создания в сложившихся условиях некоего интегрального механизма, в котором Югославия, по его мнению, как крупная «внеблоковая страна в Европе» найдет свое место[37]. После убийства Бандаранаике в сентябре 1959 г. политику Цейлона, ориентированную на неприсоединение, продолжила его вдова Сиримаво.

В беседах на международные темы подтвердилась близость взглядов Тито и императора Эфиопии Хайле Селассие. С этой страной у Югославии уже существовали развитые экономические связи, Белград оказывал помощь в строительстве промышленных объектов. Эфиопский лидер выразил недоверие политике СССР, США и Великобритании, его также беспокоили отношения с Египтом, спорные проблемы распределения вод Нила, использование мусульманского фактора против Эфиопии. Он просил Тито обсудить эти проблемы с египетским руководством и лично с Насером в ходе предстоящего визита в Египет. Тито обещал это сделать, а также заявил, что будет всячески поддерживать Эфиопию в ООН и во всех других общественно-политических организациях[38].

Горячий прием ожидал Тито в Хартуме, куда он прилетел из Эфиопии. Военные круги Судана, пришедшие к власти в результате переворота в ноябре 1958 г., подтвердили сделанное ими ранее приглашение посетить страну. Как считали в Белграде, это могло означать расчет на дополнительную легитимацию военного режима[39]. Глава Верховного военного совета генерал И. Абуд подробно описал внутриполитическую об-

становку в стране, указав на опасения египетской гегемонии и желание Хартума проводить нейтральную политику, независимую от США и Египта. Тито, заинтересованный в гармоничных отношениях между государствами будущей внеблоковой ориентации, предложил посредничество в споре Эфиопии, Судана и Египта о распределении вод Нила. При этом он сослался на опыт соседствующей с семью странами Югославии в решении проблем водных ресурсов путем заключения соответствующих договоров. Тито предположил, что, опираясь на европейский опыт, эти африканские государства смогут показать положительный пример и другим афро-азиатским странам. Гость не отказался от своей традиционной «проповеди» опасности экономической зависимости от великих держав, чреватой потерей независимости. С великими державами, сказал Тито, необходимо сотрудничать только в тех сегментах, которые незаменимы и жизненно важны для экономики страны. Абуд полностью согласился с мнением Тито, подчеркнув что «великие державы стали великими за счет малых стран»[40]. Как и руководство других стран, которые посетил югославский лидер, Абуд обратился к Тито с просьбой предоставить кредиты, оказать помощь в строительстве ряда промышленных предприятий, в продаже судов. Тито выразил готовность обсудить эти вопросы с экспертами после своего возвращения на родину[41].

Трехмесячное турне Тито по Юго-Восточной Азии и Восточной Африке завершилось визитом в Египет, события во внутриполитической жизни которого эхом откликались и в международных делах. Югославы оказались в них частично вовлеченными. Белград одним из первых поддержал объединение Египта и Сирии в феврале 1958 г. Однако вскоре египетские власти начали преследовать сирийских коммунистов, выступивших против этой акции. Между Насером и Тито возник конфликт, проявившийся в ходе визита. Руководство Ирака также оказалось вовлечено в ситуацию вокруг арабского объединения. Тито, заинтересованный в единстве всех внеблоковых стран, которые должны были составить ядро будуще-

го движения неприсоединения, стремился к их примирению, не забыв об обещании, данном Хайле Селассие, оказать содействие в контактах Эфиопии и Египта. Тито предпринял также попытки улучшить отношения ОАР с Суданом и Тунисом, понимая, что развеять опасения руководства этих стран относительно великодержавных установок Насера будет не просто[42]. Гегемонистская политика Насера, стремившегося сделать Египет центром объединения арабов, вызывала резкий отпор в арабском мире. Югославии предстояло искать оптимальный выход из этой непростой ситуации с учетом целей своей политики объединения всех внеблоковых стран.

Серьезной проблемой, вставшей в то время перед Тито, был конфликт Насера и президента Ирака, бригадного генерала А.К. Касема. Насер стремился включить Ирак в общеарабский союз, но антикоммунистическая политика египетского лидера не сопрягалась с позицией Касема, сотрудничавшего с национальными коммунистами, которые ориентировались на СССР. Эта сложная коллизия затрудняла реализацию плана Тито по объединению всех внеблоковых стран. В начале апреля 1959 г. в письме египетскому лидеру он рекомендовал отказаться от фронтальной критики коммунистической идеологии, на выразителей которой Насер возлагал ответственность за проблемы отношений в арабском мире. Он посоветовал сосредоточиться на внутренних проблемах страны и двигаться в социалистическом направлении. Насеру было предложено нормализовать отношения с Эфиопией и Суданом, а также расширить контакты с Югославией. Последние должны были противостоять усилившемуся вмешательству в ближневосточные дела СССР и лично Н.С. Хрущёва, который ещё в марте 1959 г. в письме Насеру призвал уменьшить свои антикоммунистические инвективы. Египетский посол в Югославии в беседе с министром иностранных дел Поповичем предложил, очевидно, транслируя настроения каирских властей, организовать консультации внеблоковых стран накануне очередной сессии ООН[43]. Насер в ответном письме Тито подтвердил ориентацию Египта на внеблоковую поли-

тику и приверженность принципам Бандунгской конференции и Брионской декларации[44]. Летом и осенью 1959 г. состоялись встречи Насера с Абудом и Хайле Селассие, завершившиеся подписанием договоров, прошли переговоры с лидером Марокко королем Мухаммедом V. Насер изменил свой курс в Арабской лиге, отказавшись от жесткого диктата в этой организации. В Белграде эти изменения были восприняты позитивно, поскольку от единства указанных стран зависел и успех югославской политики создания сообщества неприсоединившихся[45]. В целом воздействие югославской дипломатии на египетское руководство на том этапе можно было считать позитивным.

Весной 1959 г. после переписки с Тито Насер проявил заинтересованность в организации конференции внеблоковых государств. Чтобы обсудить возможность её проведения, он считал необходимой предварительную встречу руководителей Югославии, Египта, Индонезии, Индии. Согласие выразили лидеры всех стран, кроме Неру. Даже после обращения к нему югославского посла в Индии Д. Кведера индийский премьер-министр, сославшись на поручение своего правительства, отказался участвовать в переговорах, выразив сомнение в эффективности конференции. Югославская сторона аргументировала свою позицию обострением международной обстановки, возросшим противостоянием СССР и США, считая, что мнение внеблоковых стран будет иметь значение для смягчения ситуации. Белград не отказался от реализации своего плана, направив усилия на организацию манифестации в стенах ООН. Промежуточный результат был достигнут принятием «инициативы пятерки» — Индии, ОАР, Югославии, Индонезии и Ганы на внеочередной XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1960 г.

Первыми в Нью Йорк прибыли Тито и Насер, предложив организовать в ООН акцию внеблоковых афро-азиатских стран с целью призвать США и СССР к продолжению конференций по Берлинскому вопросу, которые проходили в два этапа весной-летом 1959 г., но завершились безрезультатно[46]. Тито предложил дождаться Неру, который считался лидером госу-

дарств внеблоковой ориентации в Азии. Прибывший на сессию Генеральной Ассамблеи индийский руководитель, считая, что такая акция будет неэффективной, предложил провести двусторонние переговоры каждой из внеблоковых стран-лидеров — Египта, Югославии, Индии и Ганы — с руководителями великих держав. В кулуарах ООН и в американской прессе в эти дни всё чаще говорили о намерении Тито и афро-азиатских «нейтралов» создать своего рода третий блок в ООН. Тито, и в ещё большей степени Неру, отрицали, что это является их целью. В то же время Тито и Насер всё же решили подготовить резолюцию и обратиться с призывом к Хрущёву и президенту Дуайту Эйзенхауэру о встрече. Это было поручено министрам иностранных дел Югославии и Египта К. Поповичу и М. Фавзи с тем, чтобы затем направить резолюцию на подпись Сукарно, Нкруме и Неру. 29 сентября инициатива пяти внеблоковых стран была представлена на рассмотрение Генассамблеи ООН, однако акция не получила поддержки, и инициаторы через несколько дней вынуждены были отозвать свое предложение[47]. Такой исход предрешило письмо Эйзенхауэра инициаторам резолюции, в котором американский президент сообщал, что в настоящее время встреча с Хрущёвым лишена смысла, поскольку советская сторона ведет себя высокомерно и нетерпимо[48].

Несмотря на неудачу продвижения «инициативы пятерки» в ООН, скоординированные действия этих стран можно было считать успешными с точки зрения формирования ядра движения неприсоединения. В беседах Тито с представителями ряда афро-азиатских стран в ООН были обсуждены проблемы разрядки напряженности в мире и роль в этом процессе стран третьего мира. На встрече Тито с Эйзенхауэром американский президент поддержал инициативы внеблоковых стран и их посреднические усилия, выразив надежду, что они смогут играть позитивную роль в международной политике. Состоялось несколько встреч Тито с Хрущёвым, который отнесся со вниманием к словам югославского лидера о желательности, в целях уменьшения международной напряженности, примириться с американцами, но, как отмечалось, вос-

принял сказанное скорее равнодушно, подчеркнув, что время для этого ещё не настало[49].

В центре внешнеполитических интересов Кремля в то время находилась германская проблема. Её решение Москва связывала с признанием двух германских государств и провозглашением Берлина вольным городом. С такими призывами Хрущёв обращался к Западу. Позднее в своих воспоминаниях он писал: *«…Грубо говоря, на ноге Соединенных Штатов в Европе имелась болезненная мозоль, на которую мы всегда могли наступить в зависимости от своих потребностей и оказать нажим: связь западных держав, наших бывших союзников, через территорию ГДР с Западным Берлином. Этой больной мозолью Сталин пользовался не раз. Объявив блокаду Западного Берлина, он потерпел, однако, крушение и вынужден был снять её»*[50] (здесь и далее курсив мой. — *А. А.*). США и их союзники не готовы были к решению проблемы на ультимативных условиях СССР, предлагая проведение поэтапных переговоров с привлечением Западной Германии. Хрущёв отвергал этот план, считая необходимым решать проблему срочно, полагая, что сумеет «дожать» Запад. Германская проблема, включавшая и вопрос о доступе в Западный Берлин, особенно беспокоивший западные державы в связи с непредсказуемостью поведения полностью подчиненной Москве ГДР, серьезно обостряла обстановку в Европе. Хрущёв, вопреки мнению международного сообщества и югославского руководства, не считал, как он выразился в беседе с К. Поповичем в июле 1961 г., нынешнее международное положение «предвоенным», полагая, что обстановка осложняется «искусственно». Советский руководитель говорил: «Я думаю, что западные державы будут вынуждены согласиться с таким решением вопроса (германского. — *А. А.*), как говорится, *съедят и языком закусят*»[51]. Советский подход к диалогу, который вел Хрущёв с США и их союзниками с начала 1960-х годов, стал включать и ядерный шантаж, что стало возможным благодаря разработкам в СССР крупнейшей термоядерной бомбы, прозванной специалистами-ядерщиками «кузькина мать»

(её испытание прошло 30 октября 1961 г. на Новой Земле). В упомянутой выше беседе с Поповичем Хрущёв подробно передал свой разговор с послом Великобритании в Москве Ф. Робертсом, подтвердивший склонность Хрущёва «поиграть мускулами». Советский руководитель сообщил послу о готовности СССР заключить сепаратный мирный договор с ГДР и стать защитником её суверенитета. Любое передвижение без разрешения по германской территории, на которой, «как известно», находится Берлин, будет считаться нарушением суверенитета республики. В связи с этим Хрущёв напомнил «забывчивому» дипломату, что на территории ГДР дислоцируются советские войска, призванные этот суверенитет защищать. Выслушав замечание Робертса, что Запад будет занимать твердую позицию в этом вопросе, Хрущёв поинтересовался количеством бомб, необходимых для уничтожения Англии. Робертс ответил, что, по подсчетам специалистов, требуется шесть бомб. Хрущёв заметил, что «*на это дело у нас имеется несколько десятков бомб*», но «лучше отказаться от подобных аргументов и начать вести подлинные переговоры о заключении мирного договора с Германией […], а не сядете [за стол переговоров] — мы подпишем парный договор с ГДР»[52]. Пикировка, на наш взгляд, показательна и не требует особых комментариев.

Общение Тито в ООН осенью 1960 г. с широким кругом представителей афро-азиатских стран, многие из которых поддержали его идеи о необходимости консолидации третьего мира в борьбе за разрядку напряженности, убедили его в том, что продолжение прямых контактов позволит институционально оформить внеблоковое объединение. Он сообщил об этом на заседании правительства 13 октября, после возвращения из Нью Йорка, и уже в феврале 1961 г. вновь отправился в многомесячное турне по странам Западной и Северной Африки. За три месяца он посетил Гану, Того, Либерию, Гвинею, Мали, Марокко, Тунис и ОАР. В состоявшихся беседах он пытался убедить национальных лидеров, что противостояние двух блоков блокирует работу ООН, снижает её эффективность, в то время как задача стран третьего мира

состоит в активизации своего участия в обсуждении всех мировых проблем. Параллельно Тито решал и свою основную задачу — создания в какой-либо форме института неприсоединившихся стран.

По сведениям Д. Богетича, впервые Тито заявил о необходимости проведения конференции внеблоковых государств во время беседы с королем Марокко Хасаном II в начале апреля 1961 г., на завершающем этапе своей поездки. Но, возможно, он ещё раньше озвучил эту идею в разговорах во время турне с лидерами других стран. Основным аргументом, предъявленным королю Хасану, была оценка ситуации в мире как напоминающей по своей непредсказуемости канун Второй мировой войны[53]. Вероятно, создаваемая Тито картина, в известной степени апокалиптическая, позволяла ему и в беседах с лидерами других стран убеждать их в необходимости принятия срочных и кардинальных решений. Он доказывал собеседникам, что в ООН обсуждение и решение всех вопросов находится практически в ведении стран, входивших в два противостоящих блока, тогда как странам третьего мира отведена роль наблюдателей. Король позитивно воспринял идею Тито о созыве конференции, также считая, что это даст возможность неприсоединившимся странам противостоять проникновению блоковых государств в страны Азии и Африки. Функционирование ООН, таким образом, согласно версии Тито, не отвечало целям и задачам, сформулированным при создании организации. Предлагаемая Тито идея созыва конференции внеблоковых стран ещё до XVI сессии ООН, намеченной на осень 1961 г., преследовала главную цель — обсудить работу этой международной организации и внести в неё коррективы, добиваясь трансформации биполярной структуры мирового порядка. Этот замысел, считал Тито, должен был найти отклик у лидеров афро-азиатских стран[54]. Однако отношение последних к югославской концепции «активного сосуществования» было неоднозначным. Многие получившие независимость страны сохраняли тесные экономические, а иногда и политические связи с бывшими метрополиями,

и призывы к консолидации в противостоянии блоковой политике встречали прохладный прием. Президент Туниса Х. Бургиба, которого Тито посетил после встречи с королем Хасаном II, согласился с необходимостью улучшения работы ООН, но выразил сомнение в политической зрелости внеблоковых стран и их готовности к проведению согласованной антиимпериалистической политики. Он считал, что для создания позитивных предпосылок потребуется время. Такая позиция лидера Туниса заставила Тито и Насера исключить эту страну из списка стран, готовых к проведению конференции. Однако военный конфликт Туниса с Францией из-за французской военно-морской базы в Бизерте в июле 1961 г., которую тунисцы потребовали закрыть, привел к активизации политики Туниса в вопросе о движении неприсоединения. Тунисская делегация, прибыв на конференцию в Белград, поддержала большую часть принятых на ней резолюций, среди которых была и осуждавшая позицию Франции[55].

Последней страной, которую Тито посетил в ходе своей поездки, вновь была ОАР. Исходя из итогов турне, Тито и Насер обсудили детали проведения предстоящей конференции, список вероятных участников. Одной из сложных проблем стала позиция Неру, предложившего отказаться от проведения конференции. Индийский лидер полагал, что она затруднит возможность великих держав разрешить международные вопросы и добиться уменьшения напряженности. В качестве альтернативы Неру рекомендовал Тито и Насеру выступить с заявлением о ситуации на Кубе, которое он обещал поддержать таким же заявлением от своего имени и Сукарно[56]. Тито и Насер, использовали кубинский кризис, чтобы подчеркнуть актуальность созыва конференции, и приняли документ, в котором на предварительное совещание в Каире приглашались руководители 21-й внеблоковой страны[57].

Совещание в египетской столице прошло с 5 по 12 июня 1961 г. На нём присутствовали министры иностранных дел, министры информации, послы приглашенных афро-азиатских стран. Среди них были представители Индии, Индо-

незии, Бирмы, Алжира, ОАР, Югославии, которые позднее составили ядро движения неприсоединения. Предстояло согласовать позиции по международным проблемам, выработав своего рода «минимум», и обсудить организационно-технические вопросы предстоящей конференции. Были обсуждены и приняты единые критерии для приглашаемых на конференцию участников: страна должна была проводить независимую политику, основанную на принципах мирного сосуществования, поддерживать движения за национальное освобождение, не иметь на своей территории иностранных военных баз, не быть членом военного союза или подписантом соглашения, заключенного с одним из блоков, а в случае её членства в каком-либо региональном военном союзе последний не должен иметь никакого отношения к конфликту с участием великих держав[58].

Развернулась интенсивная работа по подготовке конференции. Тито провел встречи на Бриони с лидерами Индонезии (А. Сукарно), Ганы (К. Нкрума), Мали (М. Кейт), Сенегала (М. Диа). Не менее важным было информировать о повестке предстоящей конференции и руководителей двух сверхдержав, не терявших надежд «правильно» ориентировать в собственных интересах страны третьего мира и привлечь их к реализации своих внешнеполитических инициатив. К рекомендациям и пожеланиям Москвы и Вашингтона югославы относились с большим вниманием. В середине июля в Москве находился министр иностранных дел Югославии Попович, а 30 июля Тито встретился с заместителем госсекретаря Ч. Боулсом[59]. Накануне открытия конференции Тито беседовал с советским послом Епишевым, который попросил обратиться к участникам с призывом срочно обсудить германскую проблему. Был затронут вопрос о возобновлении в СССР ядерных испытаний, о чём Хрущёв ранее сообщил югославскому послу Л. Мойсову. Епишев подчеркнул, что выступление Тито с поддержкой предстоящей советской акции по возобновлению ядерных испытаний и в целом политики СССР имело бы, с учетом его авторитета, большое значение[60].

Тито после поездки в Африку, как сообщал атташе советского посольства в Белграде Ю.К. Князев, считал главной целью предстоящей конференции объединение стран третьего мира для активного участия в решении всех международных вопросов. Заявляя о росте авторитета Югославии в международных делах, Тито, безусловно, рассчитывал на её руководящую положительную роль в создании движения неприсоединения. Отвечая на обвинения в стремлении к созданию третьего блока, он утверждал: Югославия стремится к тому, чтобы блоков вообще не было. В одном из выступлений особо подчеркнул, что в повестке дня конференции будут вопросы ликвидации колониализма и разоружения и что «нападок на блоки не будет, чтобы не подливать масла в огонь»[61].

Внеблоковая политика Югославии в оценках советской дипломатии

Особое внимание югославского руководства к лидерам афро-азиатского мира в период активного «собирания» ядра неприсоединившихся стран имело под собой определенную практическую и теоретическую основу. Ориентируясь на национальных патриотов, югославы исключали из их числа местные компартии, ориентированные на Китай и, возможно, на СССР, что, помимо прочих причин, вызывало в Кремле неприятие югославской внешнеполитической концепции. Критика югославским руководством компартий третьего мира должна была показать афро-азиатским лидерам, что Югославия является самостоятельной силой, а не солидарным с советской политикой на Ближнем Востоке, в Африке и Юго-Восточной Азии актором.

После конфликта 1948 г. отношение Москвы к внешней политике Югославии, как составной части югославской модели социализма, было отрицательным. Советское партийное руководство считало, что ориентация Белграда на активный нейтралитет и неприсоединение, означала, во-первых, отказ от скоординированной антиимпериалистической политики,

проводимой на мировой арене странами «социалистического лагеря», во-вторых, по этой же причине, она ослабляла усилия Москвы, единственно имевшей право на завоевание третьего мира, направленные на привлечение симпатий к истинным, а не «ревизионистским» идеям социализма на других континентах.

Оценка югославской внешней политики в Кремле, сформулированная в период конфликта 1948 г., практически не менялась и после смерти Сталина, во всяком случае, в советском внешнеполитическом ведомстве. Она обстоятельно излагалась в докладной записке под грифом «Сов. секретно» «О положении дел в Югославии и её внешней политике», направленной 27 мая 1953 г. заведующим IV Европейским отделом (IV ЕО) МИД СССР М.В. Зимяниным В.М. Молотову. В установочном, по сути, документе констатировалось, что югославская внешняя политика ориентируется, прежде всего, на США и Англию и использует их значительную экономическую помощь для развития «своих оборонных возможностей» и, таким образом, «основательно подчиняет всю экономику Югославии военным целям США». Автор отмечал, что заключенные между США и Югославией соглашения имели агрессивную направленность, поскольку в их основе лежал американский Закон о взаимном обеспечении безопасности. Всё это включало Югославию официально в «американо-английский агрессивный блок», завершая «окончательное подчинение югославских вооруженных сил контролю американской военщины», предоставив экономику Югославии в распоряжение США, а югославское правительство на службу политическим целям американского империализма. Все дальнейшие рассуждения Зимянина объединялись идеей о полной военно-политической зависимости Югославии от США и Великобритании. Дополнительным свидетельством этого явилось, по его мнению, создание «югославо-греко-турецкого блока, оформленного соглашением от 28 февраля 1953 года», вскоре ставшего известным как Балканский пакт. В записке образование блока прямо связывалось с политикой «англо-американцев», которые стремились

«создать и укрепить агрессивный антисоветский плацдарм на Балканах».

В записке рассматривались и оценки югославами политики СССР по отношению к Белграду после разрыва отношений. В югославской интерпретации она представала, подчеркивал Зимянин, как череда злонамеренных действий. А со своей стороны, югославское правительство делало всё возможное для ухудшения отношений с СССР, в частности, «развило бешеную антисоветскую пропаганду, выставляя СССР в роли империалистической агрессивной страны, пытавшейся, якобы, “проглотить” Югославию». Советский дипломат напоминал, что указанные особенности югославской политики ярко проявились в выступлениях Тито, Карделя, Джиласа, Пьяде по вопросам международной политики на VI съезде КПЮ в ноябре 1952 г. и югославских представителей в ООН. Для политики Югославии по отношению к странам народной демократии, как писал Зимянин, были характерны «методы провокации и шантажа», попытки создать «шпионскую агентуру, использовать контрреволюционные элементы всех мастей для борьбы против народно-демократического строя»[62].

Схожим образом югославская внешняя политика характеризовалась и позднее. В июле 1960 г. советник V ЕО МИД СССР В.А. Гусев в подробной справке о советско-югославских отношениях отметил, что, «прикрываясь своей так называемой “внеблоковой политикой” и не отказываясь извлекать для себя выгоды из расширения экономических отношений с Советским Союзом и социалистическими странами, югославское правительство в то же время идет на дальнейшее усиление своих связей с США и другими капиталистическими странами». В качестве примера такого сближения дипломат привел факт предоставления Западом больших кредитов для проведения югославским правительством в 1961 г. финансово-валютной реформы: США — 100 млн долларов; Великобритания, Франция, Италия, Австрия и ряд западногерманских банков — более 100 млн долларов; Международный валютный фонд — 75 млн долларов. Автор справки утверждал, что

значительная зависимость югославской внешней политики от характера её экономических связей с Западом, а также от военно-политических обязательств, вытекающих из членства в Балканском пакте и югославо-американских соглашений, создает при реальной перспективе дальнейшего сближения с Западом «угрозу потери революционных завоеваний, достигнутых героической борьбой югославского народа». Констатировалось, что проводимая югославским руководством политика «будет и впредь сказываться на состоянии наших отношений с Югославией»[63].

Спустя год, в конце марта 1961 г., в министерстве была составлена очередная записка о положении в Югославии и советско-югославских отношениях. Основная тема не менялась: продолжение сотрудничества Белграда с США и их союзниками во всех областях, получение кредитов для проведения финансово-валютной реформы. Вместе с тем, анализируя внешнюю политику страны, автор материала, заместитель заведующего V ЕО В.Ф. Николаев, отмечал, что Югославия «жизненно заинтересована в сохранении мира и развитии международного сотрудничества». При этом он подчеркнул совпадение позиций СССР и Югославии по ряду важнейших международных проблем: разоружение, запрещение ядерного оружия, заключение мирного договора с Германией, борьба против колониализма и др. Разумеется, мидовский чиновник не мог не следовать каноническим установкам о «ревизионистских взглядах [югославского руководства] в оценке международной обстановки», о «непоследовательной и противоречивой» внешней политике Югославии, об «отказе руководителей этой страны от принципов пролетарского интернационализма и классового подхода к оценке международных отношений». «Так называемая “внеблоковая политика”» рассматривалась как следствие отрыва страны от «социалистического лагеря» и приведения её к состоянию зависимости от «“помощи” США и их союзников». В этом Николаев усматривал главную причину, по которой югославское руководство «пытается нередко занимать какую-то “среднюю” линию между миролюбивой

политикой социалистических стран и агрессивной политикой империалистических государств, прибегая к тактике лавирования, рассчитанной на использование в своих интересах противоречий между социалистической и коммунистической системами». В справке констатировалось, что «югославское руководство, на словах называя себя коммунистами, проводит на деле политику участия в военных союзах с капиталистическими странами»[64]. Документ дублировал прежние, ставшие «традиционными», оценки югославской политики, заимствованные из аналитических обзоров внешней политики 1950-х годов. Фактически установочный характер имели утверждения о том, что Белград зачастую своими действиями прикрывает агрессивную политику США; стремится отождествить её с «миролюбивой политикой СССР», указывая на стремление великих держав, поделивших мир на сферы влияния, договориться за счет интересов малых стран. В свою очередь, США, подчеркивалось в справке, учитывая «подрывную роль югославского руководства в международном коммунистическом движении, стремятся использовать Югославию в своих интересах, предоставляя ей экономическую и военную помощь»[65]. Особые политические, экономические и военные отношения Югославии с США и дальнейшее сближение её с Западом не только определяли характер советско-югославских отношений, но и создавали, по мнению автора записки, *«угрозу потери революционных завоеваний, достигнутых борьбой югославского народа»*[66]. Последняя формулировка почти дословно повторяла фрагмент упомянутой выше справки советника Гусева годичной давности (июль 1960 г.): опущено было только одно слово — в первом тексте говорилось о «героической борьбе» югославского народа.

Приходится констатировать живучесть подобных оценок в советском партийно-государственном лексиконе, отражавших доминанту двусторонних отношений, прежде всего, в сфере идеологии, фактически на протяжении всего времени существования обеих стран. Несмотря на поступательное, в целом, развитие межгосударственных контактов, идеологические свя-

зи переживали «приливы» и «отливы», постоянно испытывая кризисное воздействие, развиваясь в зависимости от складывающихся обстоятельств: очередных съездов КПСС и СКЮ, высказываний тех или иных партийных функционеров и аппаратчиков, появления в Югославии неприемлемой с точки зрения Кремля «антисоветской» литературы, захода в югославские порты кораблей американского флота и т.д. Вместе с тем постоянным фактором являлось использование Москвой в своих интересах близких взглядов на проблемы разоружения, запрещение испытаний ядерного оружия, решение германской проблемы.

Белградская конференция неприсоединившихся стран 1961 г.: ожидания и реальность

Несмотря на ведущую роль югославского руководства в подготовке конференции, активную деятельность в отношении планируемого «большого собрания нейтралов» развило советское посольство во главе с послом А.А. Епишевым. До назначения в Белград он несколько лет проработал послом в Румынии. Но карьерным дипломатом Епишев не был: длительное время занимал номенклатурные партийные должности. Задачей посольского аппарата было не только отслеживать позиции всех участников предстоящей конференции, но и пытаться «дирижировать» в меру сил, «предлагая», а иногда просто навязывая дипломатам афро-азиатских стран и югославам советскую точку зрения в международных делах. Первостепенное значение для советской стороны в то время имела германская проблема, ставшая ключевой в отношениях СССР с США и их союзниками. Москва рассчитывала на то, что участники конференции воспримут советскую позицию и будут способствовать её продвижению в своих странах и на международной арене.

За год до конференции, летом 1960 г., некоторые трудности внутриполитического положения в странах Азии и Африки и

их причины рассматривались на встрече югославских функционеров во главе с Э. Карделем с советским послом в Белграде И.К. Замчевским (его скоро сменит Епишев). С югославской стороны присутствовали дипломаты Коча Попович, Владимир Попович, Л. Матес и секретарь компартии Хорватии В. Бакарич. Тон обсуждения задал Кардель: в его пространном монологе прозвучали жесткие обвинения компартий Индии, Индонезии, ОАР, Ирака, Кубы и Сирии, которые, якобы, действовали не в интересах национально-освободительного движения этих стран, и выпады против их лидеров Сукарно, Неру, Касема, Насера и Кастро. Всё это происходит, заявил Кардель, потому, что компартии «подходят догматически к марксистской теории и действуют сталинскими методами». Тем самым они отталкивают «прогрессивные слои национальной буржуазии, широкие круги либеральной интеллигенции, а также верующее крестьянство (преимущественно мусульманское)». Вследствие этого компартии лишаются массовой базы и «вместо демократических методов строительства социализма призывают к диктаторским методам». В широких народных массах это рождает опасения прихода к власти коммунистов, которые развернут в стране террор. В итоге авторитет компартий падает, а власти вынуждены принимать меры в защиту режима. Ответственность за это также несут, по выражению Карделя, и «советчики». На вопрос посла, кого он имеет в виду, Кардель ответил, что это — КПК, «но есть и другие»[67]. Попытки Замчевского парировать утверждения Карделя опирались на привычные идеологические штампы об особой роли компартий этих стран, их справедливой борьбе на передней линии фронта. Посол также подчеркнул, что во главе этих стран стоят «буржуазные деятели, к тому же националисты». Трудно ожидать, что «после завершения национально-освободительной революции они продолжат тесные связи с компартиями, которые стремятся к тому, чтобы эту революцию превратить в социалистическую», — прогнозировал дипломат[68]. В целом, как отмечал он в своем отчете, беседа имела «острый полемический характер, но проходила во вполне нормальной

обстановке». Остроту придала прозвучавшая со стороны югославов констатация, что Советский Союз не стремится к улучшению отношений с Югославией по партийной линии, о чём свидетельствует статья в *Коммунисте*, полная обвинений югославов и отражающая точку зрения советской партийной элиты*. Публикация в партийном теоретическом журнале подобного материала, по мнению югославов, показала, что время для улучшения отношений по партийной линии ещё не пришло. Интересна ответная оценка советским послом причин такой позиции югославов. Замчевский подчеркнул, что советская сторона относится к Югославии с «истинными намерениями» (так в тексте. — *А. А.*), у нас «душа чиста», но «вы, в первую очередь, не заинтересованы в хороших отношениях с нами и стараетесь держать их на определенном, выгодном для вас уровне»[69]. Этот вывод, недвусмысленно указывавший на стремление Белграда балансировать между двумя источниками силы в биполярном мире, становится для Москвы в этот период доминирующим. Отсюда и двойственное восприятие югославской внешней политики, недоверие к искренности целеполагания и его мотивации белградским руководством при реализации проекта под названием «неприсоединение».

Незадолго до конференции, весной 1961 г., Епишев встречался с послами афро-азиатских стран — Ганы, Судана, ОАР, Индонезии. Стремясь получить максимум информации, расспрашивал о целях и повестке предстоящего осенью форума, возможном составе участников, интересовался взаимными оценками взглядов участников на те или иные проблемы международной жизни. В свою очередь, отвечал на конкретные вопросы коллег. Посол Индонезии Р.А. Асмаун рассказал о ходе подготовки совещания и основных критериях отбора кандидатов: ориентация во внешней политике на борьбу против колониализма и империализма, а во внутренней — на строительство социализма. Он сообщил также о том, что

* Имелась в виду статья П.Н. Федосеева «В единстве и сплоченности марксистско-ленинских партий — залог дальнейших побед мировой социалистической системы» (Коммунист. 1958. № 6).

позиция Индии, находящейся под сильным влиянием Великобритании и выступающей за приглашение всех афро-азиатских стран независимо от их ориентации, «ставит под угрозу успешный исход конференции и может помешать ей занять последовательную антиколониальную и антиимпериалистическую линию». Индонезия, по его словам, выступает против позиции Индии[70]. Отвечая на вопрос индонезийского посла об отношении Югославии к колониализму, Епишев отметил, что оно в целом совпадает с позицией СССР, но югославы только бы выиграли, если бы не уклонялись от разоблачения основных носителей колониализма, поскольку общая его критика малоэффективна. Советский посол поинтересовался, почему среди инициаторов конференции не упоминается президент Сукарно, а югославская печать усиленно подчеркивает роль Тито и Насера. Случайно или нет, но дипломат нащупал болевую точку: Асмаун с явным неудовольствием, как записал в рабочем дневнике Епишев, заявил, что инициативу перехватили у Сукарно Тито и Насер и выдали её за свою. «Мы, индонезийцы, — сказал посол, — слишком глупы и доверчивы». Он рассказал о некоторых нюансах подготовки и публикации коммюнике о созыве конференции: Тито и Насер, якобы, намеревались включить в совместный документ тезис о том, что оба президента поддержали инициативу Сукарно, но в итоговом коммюнике этот фрагмент был опущен[71]. На вопрос Епишева о причине такого решения, индонезийский посол ответил, что, возможно, сказалось желание обоих лидеров поднять свой международный престиж[72]. Развивая эту тему, Асмаун сообщил, что индонезийская делегация предполагает включить в итоговое коммюнике конференции фразу о том, что их страна была инициатором её созыва. «Ход конференции покажет, насколько честными являются югославы и арабы», — добавил посол. Он также заверил Епишева, что Индонезия приложит «все свои усилия к тому, чтобы обеспечить объединение всех стран-участниц конференции внеблоковых государств на платформе последовательной и бескомпромиссной борьбы с колониализмом и империализмом»[73]. Выражен-

ная послом Асмауном позиция показательна: становилось понятно, что страны, в той или иной степени зависевшие в тот период от СССР, готовы были соответствовать основным кремлевским прогнозам и ожиданиям.

Не менее интересна и встреча Епишева с индийским послом Ю. Косла. Запись отразила, какой представлялась московскому руководству роль страны, входившей в ядро независимых государств, в продвижении советских идей в международное сообщество с опорой на различные форумы, в данном случае первую конференцию нейтральных государств. Выслушав индийского посла, Епишев отметил в записи его информацию о том, что Неру воспринял идею о созыве конференции без энтузиазма, считая, что её работа будет дублировать ООН. Чтобы она стала успешной, по мнению индийского правительства, необходимо привлечь широкий круг стран и провести встречу на высоком уровне. Ограничение числа приглашенных стран, оттолкнуло бы слаборазвитые от нейтралистских и сделало бы их политику более «жесткой». Приезд Неру на конференцию, как считал посол, будет способствовать её плодотворному характеру, а обмен мнениями между такими лидерами, как Насер, Сукарно, Неру, сделает её заметным событием и вызовет отклики международной общественности. Епишев задал послу несколько вопросов относительно индийского видения результатов конференции, перспективы постановки проблемы борьбы с колониализмом с прямым указанием на остающихся «главных колонизаторов». Он пытался привлечь внимание посла к принятой на XV сессии ООН по инициативе СССР Декларации о ликвидации колониализма и узнать, как конференция будет способствовать реализации этого документа. Индийский посол, отметил Епишев, фактически уклонился от ответа на вопрос, подчеркнув, что нейтральные страны для успешной работы конференции должны будут обсуждать не региональные вопросы, по которым между ними нет согласия, а те, которые их объединяют[74]. На встречный вопрос индийского посла об отношении Москвы к конференции, он ответил, что советское руководство надеется на суще-

ственный вклад этого форума в «дело ликвидации колониализма», в разрешение вопросов разоружения и европейской безопасности, германской проблемы. Советский посол вновь повторил, что в борьбе с колониализмом требуется конкретная постановка вопроса, поскольку «абстрактного колониализма, вне времени и пространства, не существует», и «выступать нужно против конкретных его носителей»[75]. Епишев продолжил свои рекомендации в том же направлении, и, как он писал, «разъяснил» индийскому послу, что «сейчас задача состоит не в том, чтобы затушевывать те или иные вопросы, отделываясь простыми пожеланиями, а принимать конкретные решения, разоблачая колонизаторов, иначе это всё равно, что бить по оглобле, а не по лошади»[76]. В заключение беседы Епишев «указал послу», что «недостаточно принять хорошую резолюцию и сидеть сложа руки». В качестве иллюстрации он привел Декларацию о ликвидации колониализма, которая, будучи одобренной в ООН, не повлияла на колонизаторскую политику западных стран в Конго, Алжире, Тунисе, Гоа, Анголе[77].

Отношения СССР и Индии в тот период носили, по официальным оценкам, «дружеский характер», в сентябре 1961 г. предстоял визит в Москву президента Неру. В советском сценарии отношений с национально-освободительными движениями, которые рассматривались как своего рода резерв мира социализма, Индия занимала ведущее место. СССР оказывал Индии политическую поддержку и серьезную экономическую помощь. Вероятно, этими обстоятельствами объяснялись «дидактический» характер разговора, избранный Епишевым, и полное согласие с его аргументами индийского посла. Советский дипломат, напомнив о предоставляемой Индии помощи, подчеркнул, что Москва выполняет свой интернациональный долг, не требует ничего взамен, но желает только дружеских отношений между двумя странами[78]. Исходя из ситуации, Епишев позволил себе давать советы и открыто «предлагать» индийской стороне советскую линию поведения на предстоящей конференции.

Незадолго до открытия конференции, в августе 1961 г., Епишев встречался с послом Камбоджи и отметил его полнейшее безразличие к вопросу созыва форума. Посол Н. Норнандет считал проведение конференции пустой затеей, полагая, что добиться согласованных решений будет сложно: «нейтральные страны не могут вставать на сторону того или иного блока». Согласие же короля Нородома Сианука приехать в Белград он объяснил дружбой с Тито и личными симпатиями к нему. По его мнению, наилучшей позицией для «нейтралов» является изоляционизм, а участие в подобных форумах таит в себе опасность нарушения этого принципа. Епишев возразил камбоджийцу, заявив, что нейтральные страны должны активно бороться с колониализмом и что их отрицательное отношение к системе колониализма, политике развязывания войны и т.д. «поможет, в какой-то мере, сдержать империалистические силы». Он предположил, что на конференции встанет «берлинский вопрос» и что нейтральным странам «придется занять [по нему] определенные позиции»[79]. Норнандет сообщил, что этот вопрос уже внесен в повестку дня конференции.

Значение для Москвы германской проблемы объясняет намерение Епишева довести советскую позицию до иностранных коллег. Так, 5 августа индийский посол Косла выслушал подробное разъяснение Епишева, который, помимо прочего, несколько раз повторил: «…Мы не собираемся воевать и не хотим войны, но если западные страны предпримут агрессию против ГДР, то мы окажем ей свою полную поддержку»[80]. Попытка транслировать точку зрения Кремля отразила расчет советской стороны на то, что обсуждение германской проблемы и возможная поддержка странами третьего мира её московской версии на предстоящей конференции послужат дополнительной верификацией и рекламой советской инициативы на мировой арене.

Следует отметить, что иностранных наблюдателей и представителей средств массовой информации крайне интересовал вопрос о советских ожиданиях от предстоящей конференции. Материалы посольства СССР в Белграде свидетельству-

ют, что советские дипломаты не только не избегали общения, но использовали любую возможность, чтобы донести советскую позицию по острым международным вопросам, в частности, относительно создания движения неприсоединения. При этом они, в первую очередь, посол Епишев, продолжали вербально тиражировать уже ставший шаблоном набор, состоящий из требований борьбы с колониализмом, призывов к разрядке международной напряженности, необходимости выступлений за всеобщее и полное разоружение, решение вопросов европейской безопасности, за мир во всем мире[81].

Эти ставшие традиционными, в значительной степени пропагандистские, установки Кремля звучали на фоне серьезного обострения обстановки в Европе и мире, вызванного советским требованием к западным державам о немедленном решении вопроса о Западном Берлине. 17 апреля 1961 г. Хрущёв вторично выдвинул ультиматум по берлинскому вопросу, объявив, что СССР ещё до конца года заключит мирный договор с ГДР и передаст ей всю полноту власти над восточной частью Берлина. В развитие этого заявления Политический Консультативный Комитет ОВД 5 августа 1961 г. призвал ГДР принять меры против «подрывной деятельности» Западного Берлина, и уже 13 августа восточногерманские власти приступили к возведению Берлинской стены, поначалу в виде заграждения из колючей проволоки. Незадолго до открытия Белградской конференции, 7 августа Хрущёв в беседе с послом Югославии Мойсовым говорил, что СССР силен и, несмотря на угрозы Запада обязательно подпишет до конца года мирный договор с ГДР, если западные державы откажутся сделать это[82].

Говоря об угрозах Запада, Хрущёв имел в виду намерение США увеличить военный бюджет и, возможно, перебросить в Европу определенный воинский контингент. На заседании Политбюро незадолго до намеченной на начало июня 1961 г. встречи с президентом Дж. Кеннеди Хрущёв изложил свою позицию по германской проблеме. Как отмечал в мемуарах А.Ф. Добрынин, советник советской делегации на советско-американских переговорах, присутствовавший на заседании

партийного руководства, Хрущёв «с самого начала исходил из ошибочной предпосылки, что молодого и малоопытного президента США можно, дескать, заставить уступить, в частности, в берлинском вопросе, опираясь при этом на мощную группировку советских войск в Европе». Сомнение в такой тактике выразил А.И. Микоян. Он считал целесообразным использовать приход молодого президента «не для наскоков и нажима, а для попытки завязать с ним разумный, конструктивный диалог», рассчитывая на позитивные подвижки в советско-американских отношениях. «Нажим может оказаться контрпродуктивным, если президент окажется с характером», — предупреждал опытный Микоян. Но большинство членов Политбюро поддержало вошедшего в раж Хрущёва, утверждавшего, что нельзя упускать благоприятный момент. А.А. Громыко от участия в споре уклонился[83].

В Вене Хрущёв действовал наступательно. Он фактически поставил американского коллегу перед выбором: или совместно подписать соглашение, признававшее существование двух Германий (ФРГ и ГДР), или он, Хрущёв, подпишет не позднее декабря сепаратный договор с Восточной Германией. Понятно, что это серьезно меняло бы режим существования Берлина: оккупационные права западных держав в Берлине и свободный доступ к городу сводились на нет, а коммуникации его западной части с внешним миром оказывались под контролем восточных немцев. Хотя по ходу дискуссии советский руководитель заявил о том, что попытки Запада вмешаться в осуществление намеченных мер чреваты военным столкновением, в советских верхах о подобной конфронтации никто не помышлял. Хрущёв опасался войны, и его нажим на американцев, по сути, был блефом[84]. Как впоследствии рассказывали Добрынину американские участники встречи, позиция Хрущёва встревожила Кеннеди. У него сложилось мнение, что германская проблема станет причиной длительного кризиса в его отношениях с Хрущёвым.

Намерение советского руководителя как можно быстрее решить германскую проблему на условиях Москвы объясняет

его желание привлечь к обсуждению (с расчетом на последующее одобрение) югославское руководство, которое в это время завершало подготовку к первому форуму неприсоединившихся стран. Хрущёв надеялся, что югославы смогут правильно транслировать его сценарий решения германской проблемы на предстоящей конференции в Белграде. Поэтому в июле 1961 г. на встрече с союзным секретарем по иностранным делам К. Поповичем он сосредоточился в основном на германской проблеме. Возлагая на Кеннеди вину за отказ американцев подписать договор (Хрущёв при этом заметил, что президент действовал «как упрямый старик»), он снова сослался на возможность силового варианта и сообщил Поповичу, что недавно утвердил дислокацию советских войск в Берлине: «Мы воевать не собираемся, но к войне готовы. Другого выхода нет, а то они и дальше будут пытаться демонстрировать нам свою силу»[85].

Попович сообщил об озабоченности югославского правительства складывавшейся обстановкой и расчете Белграда на мирный вариант решения германской проблемы — за столом переговоров. Но, как свидетельствует запись беседы, Хрущёв упрямо «прокачивал» силовой вариант. К нему свелись и его рассуждения о возможных санкциях Запада против СССР. «А что они могут нам сделать? — риторически вопрошал Хрущёв. — Прекратить торговлю с нами? Наш 7-летний план основывается на собственных ресурсах, а не на подачках Запада. Могут даже порвать дипломатические отношения с нами — этим нас тоже не запугаешь. Поживем-увидим, кто больше от этого потеряет»[86]. Советский руководитель явно стремился продемонстрировать югославской стороне решимость и готовность Москвы пойти при решении германской проблемы на крайние меры, включая применение ядерного оружия.

В Белграде адекватно оценивали остроту германской проблемы и её возможные последствия. Тито, выступая 7 июля 1961 г. в Титово Ужице на праздновании 20-й годовщины вооруженного восстания и народной революции в Югославии, сравнил современное положение с довоенным по многим па-

раметрам. Наибольшее напряжение в мире, по его словам, вызывали «германский вопрос и проблема статуса Западного Берлина»[87].

Свою позицию, изложенную на встрече с Поповичем, Хрущёв продублировал в беседе 8 августа 1961 г. с югославским послом в Москве Л. Мойсовым, но, пожалуй, ещё более настойчиво он говорил теперь о перспективе военного противостояния с США, причем, выходя за рамки германской проблемы. Война, заявил Хрущёв, если её начнет Кеннеди, будет «самой ужасной и кровопролитной», но она будет последней войной, начатой последним американским президентом. «…Прошло то время, когда американцы верховодили», «…старый, отживший мир не хочет примириться с мыслью о своём конце», «народы не станут больше терпеть у себя строй, который приносит им подобные ужасы, и навсегда покончат с капитализмом». Возвращаясь к германским делам, Хрущёв сравнил Берлин с «больным зубом, нарывом, который нужно ликвидировать, чтобы он не вызывал заражения», и заявил, что договор с ГДР будет подписан, и американцам «придется проглотить эту пилюлю»[88]. Показательно, что Хрущёв проинформировал Мойсова о решении советского руководства провести испытания водородного оружия и попросил сообщить об этом лично Тито, подчеркнув своё уважение к югославскому лидеру и надежду на то, что будет им правильно понят. Хрущёв выразил также уверенность, что Тито «правильно разъяснит нашу [советскую] позицию руководителям нейтральных стран, которые *в момент самого острого шока* будут находиться у вас [в Белграде], так как по времени это совпадает с Белградской конференцией. Неру, добавил Хрущёв, «мы сможем изложить нашу позицию сами, он будет в Москве 6 сентября»[89].

Германская проблема оказалась камнем преткновения и для организаторов конференции неприсоединившихся стран. Одна из главных её участниц — ОАР резко выступила против предложения обсуждать германскую проблему, считая что это вызовет серьезные разногласия среди делегаций и не будет способствовать успешному проведению форума. 8 августа

польский посол в Югославии Я. Гельбарт сообщил Епишеву, что полученный протест заставил югославов отказаться от включения германской проблемы в повестку дня конференции.

Германская проблема обсуждалась и во время беседы Епишева с послом Марокко Б. Уаззани 9 августа. Марокканца интересовало отношение Москвы к (не)включению германской проблемы в повестку дня конференции, поскольку, как заявил посол, делегация его страны, а возможно и другие, будут действовать на форуме с учетом советской позиции. Уаззани много говорил о симпатиях короля Хасана II к СССР. Стремясь выяснить готовность афро-азиатских делегаций поддержать советские предложения, Епишев нанес ответный визит Уаззани в конце августа, за три дня до начала конференции. Советский посол хотел знать предполагаемую реакцию марокканской делегации на возможное выступление Неру и его интерпретацию инициатив Москвы по германской проблеме. Уаззани ещё раз подтвердил готовность делегации поддержать советскую позицию, если Москву устроит вариант, предложенный на конференции Неру. Епишев сообщил, что из югославской прессы ему известна позиция индийского лидера о необходимости признания двух германских государств[90]. В целом советская сторона получила очередное подтверждение, что афро-азиатские страны, оказавшиеся, в той или иной степени, в орбите советского влияния, получавшие от СССР финансовую и экономическую помощь, были готовы идти навстречу советам и просьбам Москвы, соглашаться на их включение в контекст собственной внешней политики.

И без того непростую обстановку накануне конференции осложняли конкуренция и интриги между лидерами нейтральных стран. Неру, выступая против отдельной встречи участников так называемой Касабланкской группы африканских стран в Каире накануне встречи в Белграде, пригласил в Дели руководителей Бирмы, Камбоджи, Индонезии. Белградский корреспондент египетского информационного агентства МЕНА (MENA/Middle East News Agency) Дж. Кемел, настаи-

вая на достоверности полученной информации, сообщил Епишеву об отказе этих национальных лидеров от приглашения. Кемел также проинформировал посла, что Индия, Судан и Эфиопия наиболее активно выступили против включения в повестку конференции германской проблемы, что заставило и другие страны отказаться от этой идеи[91].

Тактика корректировки позиций делегаций, прибывающих на конференцию, в соответствии с советскими установками, была продолжена. Встречаясь с главой делегации Фронта национального освобождения Алжира М. Бухадумом, Епишев, как видно из документа, «*разъяснил*» ему, что «в таких вопросах, как ликвидация колониальной системы, разоружение и другие, не может быть нейтральных. Поэтому в интересах самого Алжира решительно ставить эти вопросы на конференции, *"заставляя"* других делегатов определять свои позиции. Это даст возможность алжирцам лучше разобраться — кто является их другом, а кто недругом»[92].

Трансляция советской позиции продолжалась и на последующих встречах с участниками конференции. Беседуя с временным поверенным в делах Боливии Й. Росалесом, Епишев вновь указал на основные советские внешнеполитические установки, подчеркнув особое значение германской проблемы. Боливийский дипломат заверил посла в поддержке «правильной и разумной» позиции Москвы, выразив мнение, что только в случае её одобрения конференция сможет принести пользу[93]. Касаясь вопроса об участии кубинской делегации, Росалес сообщил, что югославам не нравится внешнеполитический курс Кубы и что они опасаются приезда на конференцию Фиделя Кастро, пассионарность которого конкурирует с харизмой Тито, а непримиримая позиция по основным международным вопросам сможет затруднить выработку совместной резолюции. Боливийский дипломат информировал Епишева о беседе с послом США Дж. Кеннаном. Американец отметил, что предстоящая конференция окажется полезной и будет отвечать американским интересам, если, действительно, останется на нейтральных позициях. При этом он признал

внешнюю политику Югославии «умной»[94]. Вполне вероятно, что американцы сообщили югославам о своей позиции накануне конференции, пытаясь убедить их в необходимости выработки сбалансированной оценки ситуации в мире.

Еще одна встреча Епишева с индонезийским послом Асмауном 23 августа принесла советскому дипломату дополнительную информацию о роли Неру в подготовке конференции и восприятии его действий индонезийцами. Епишев записал в рабочем дневнике, что в Джакарте вызывает недовольство двойственная позиция Неру, стремление стать «арбитром» между СССР и США, поездки в Москву и Вашингтон, а также «попытки обеспечить себе руководящую роль среди стран Азии и Африки». «Когда-то, — признал индонезийский посол, — к голосу Неру прислушивались лидеры всех стран, а сейчас, когда он занимает неправильные позиции по ряду международных вопросов, многие считают, что он, “вероятно, стареет”»[95]. Поскольку в тот период Неру по популярности превосходил Сукарно, то уместно предположить, что авторитет индийского лидера вызывал ревность, которая прочитывалась в словах Асмауна.

Спустя несколько дней Асмаун вновь вернулся к любимой теме: во время встречи Сукарно в аэропорту в Белграде 29 августа он сообщил Епишеву, что индийский лидер, «считая себя экспертом по международным делам, стремится поучать других политических деятелей, при том, что испытывает сильное влияние извне». В качестве примера он привел факт продолжительной беседы Неру с американским послом в Дели, якобы после которой индийский премьер отказался от некоторых прежних политических заявлений[96].

Намерение поднять авторитет своей страны и её лидера отразилось и в выражении Асмауном солидарности с советской позицией по Германии. В упомянутой выше беседе с Епишевым 23 августа он подчеркнул необходимость «незамедлительного решения [германской проблемы], поскольку она представляет постоянный источник угрозы для мира». Асмаун не удержался и от противопоставления действий Запада

и СССР, причем, в агрессивной тональности: если, по его словам, Запад лишь «размахивает саблей», не выдвигая своих контрпредложений, то «Советский Союз […] может так размахнуть саблей, что в результате его удара будет уничтожена не только Германия»[97].

Известная доля истины в суждениях посла имелась: советское руководство приурочило к открытию конференции возобновление ядерных испытаний, о чем накануне сообщило в специальном правительственном Заявлении, указав точную дату начала испытаний — 1 сентября.

В день открытия Белградской конференции 1 сентября 1961 г. Епишев, «по поручению Центра», встретился с главой кубинской делегации президентом Кубы О. Дортикосом и вручил ему Послание тов. Н.С. Хрущёва по германскому вопросу. Президент отреагировал на документ, как на обязательный к исполнению, заявив, что кубинская делегация будет исходить из «факта наличия двух германских государств и будет настаивать на […] решении [германского вопроса] мирным путем»[98]. Проинформировав советского посла о беседах с руководителями делегаций ОАР, Мали, Гвинеи и Алжира, Дортикос сообщил, что по основным вопросам, а также в отношении направленности конференции они «займут достаточно ясные и правильные позиции, особенно по вопросу ликвидации колониализма». Вместе с тем он выразил опасение, что Заявление советского правительства о возобновлении ядерных испытаний с 1 сентября может быть использовано некоторыми делегациями, а также Неру, чтобы «потянуть конференцию вправо». Дортикос также сообщил о готовности поддержать возможное предложение конференции о вынесении «германского и берлинского вопросов» на рассмотрение ООН. Епишев сообщил о благожелательном отношении советского правительства к такой инициативе. В завершение беседы Дортикос пообещал советскому послу поддерживать постоянные контакты с посольством (лично или через сотрудников) в течение всей работы конференции «по всем вопросам, которые могут возникнуть и представлять определенный интерес»[99].

Епишев внимательно отслеживал комментарии относительно второго дня конференции, отмечал реакцию дипломатического корпуса и прессы. В центре внимания оказалась речь президента Индонезии Сукарно, которую характеризовали как полностью просоветскую. В дипломатических кругах отмечали, что она, по существу, является пропагандой идей Хрущёва (временный поверенный в делах Бельгии Жанно), что СССР может быть доволен его позицией по германскому вопросу (посол Японии Такахаши). Епишев отмечал в дневнике (в не совсем ясной для стороннего наблюдателя коннотации) «меткое выражение одного из дипломатов», обошедшее дипкорпус: «Конференция в Белграде помогает выяснить, к какому блоку принадлежит та или эта “внеблоковая страна”»[100]. Из цитируемого нами дневника Епишева понятно, что советский посол лично приложил немалые усилия для возникновения этой оппозиции.

Встреча Епишева 3 сентября с президентом Ганы Кваме Нкрума, одним из главных действующих лиц на конференции и близким к Кремлю африканским лидером, неоднократно заявлявшим о планах строительства социализма в своей стране, показала, что он правильно понял стратегические замыслы своих советских покровителей. Нкрума сообщил Епишеву, что появившееся накануне открытия конференции сообщение о возобновлении в СССР ядерных испытаний поставило перед делегатами в острой форме вопрос о запрещении таких испытаний и необходимости разоружения. Как рассказал Нкрума Епишеву, его речь и консультации с Сукарно, Насером и Неру, сопряженные с угрозой не поставить своей подписи под резолюцией, «которая не будет носить конкретный характер», оказали существенное влияние на работу форума, направив её «в конкретное русло»[101]. Интересно, что Нкрума, проинформировав о возможном решении конференции обратиться со спецпосланиями к Хрущёву и Кеннеди с призывом о встрече, сказал, что если оргкомитет конференции поручит ему передать спецпослание по адресу, то он сначала вылетит в Москву, а затем на отдых в Ялту. Тем самым он подтвер-

дил свою роль фактического участника советской операции по продвижению на конференции установок Кремля.

4 сентября с Епишевым встречался Дортикос. Речь зашла о завершающем этапе работы над резолюцией конференции. По информации кубинца, были согласованы все пункты, кроме германской проблемы (в записи беседы в дневнике посла эта фраза была подчеркнута зеленым карандашом). По этому вопросу позиции делегаций расходились: часть из них «особенно настаивает», чтобы в редакции этого положения было указано, что доступ к Западному Берлину будет осуществляться беспрепятственно. Дортикос поинтересовался возможным отношением советского правительства к такой постановке. Епишев ответил, что «доступ к Западному Берлину не должен нарушать суверенитета ГДР, которой после подписания мирного договора будут переданы все права, связанные с вопросом о подступах к Западному Берлину»[102]. Кубинский президент, исходя из обмена мнениями в редакционном комитете, пришел к заключению, что максимум, который возможен на конференции по германскому вопросу, — это «заявление о необходимости признания факта существования двух немецких государств на территории Германии». В то же время ряд делегаций настаивает на включении в резолюцию также пункта, признающего «право Запада на свободные подступы к Западному Берлину». Епишев записал в своем дневнике, что Дортикос заверил его в том, что «*кубинская делегация будет всеми силами противиться включению последнего положения в резолюцию конференции*»[103].

Послание Хрущёва по германскому вопросу было вручено Епишевым и главе афганской делегации премьер-министру М. Дауду, который, ознакомившись с посланием, поинтересовался у Епишева, предусматривает ли советское правительство, хотя бы в будущем, воссоединение Германии. Ответ Епишева возвращал Дауда к проблеме заключения мирного договора с двумя германскими государствами, которые, по словам посла, уже сами, суверенно, будут решать вопрос объединения, в который никто не может вмешиваться[104]. На вопрос Дауда,

как Москва видит обсуждение этого вопроса и заключение по нему в резолюции конференции, Епишев вновь, как и раньше, повторил: было бы желательно, чтобы форум нейтральных стран высказался за немедленное решение германского вопроса путем заключения мирного договора с двумя германскими государствами. При этом он отметил, что «нынешняя напряженность вокруг Германии, чреватая военным конфликтом, возникла как результат отказа западных стран от подписания мирного договора». Что касается Западного Берлина, то «советское правительство выступает за создание вольного города под любым международным контролем». Дауд высказал сомнение в возможности принятия подобной резолюции, сообщив, что конференция, скорее всего, ограничится призывом к СССР и США немедленно начать переговоры по этой проблеме. Епишев уточнил: «*…Такое воззвание не содержало бы той базы, на которой могли бы начаться переговоры, поэтому было бы желательно, чтобы конференция не только призвала к переговорам, но и четко указала на то, что это должны быть переговоры о заключении германского мирного договора на базе признания двух германских государств*». Это обращение не означало бы обязательного признания ГДР со стороны нейтральных стран, которые пока не хотят этого делать, «но […] это было бы желательно». Обращение конференции «обязывало бы правительство США идти на переговоры с СССР, делая при этом вид, что оно идет на переговоры не только потому, что их предлагает СССР, но также и нейтральные страны». Посол добавил, что в этом случае США могли оказать давление на канцлера ФРГ К. Аденауэра, с которым они связаны Парижскими соглашениями*. Касаясь опасений Дауда, что конференция не будет единодушна в этом вопросе, Епишев рекомендовал ему «переговорить» с Сукарно, Неру, другими главами делегаций и разъяснить им суть советских предложений, что могло бы сыграть положительную роль.

* Имелись в виду соглашения 1954 г. об отмене оккупационного режима в ФРГ и принятии её в НАТО. Были отвергнуты СССР и странами советского блока.

Расставаясь, он напомнил Дауду, что афганское правительство может рассчитывать на дружбу и понимание советского правительства[105].

После закрытия конференции, Епишев, в три часа ночи, как указано в его дневнике, встретился для краткой беседы с Дортикосом, сообщившим о некоторых итогах конференции, в частности о трактовке в заключительном документе германской проблемы. В дневниковой записи советский посол, наряду с положительными моментами, а именно предложением о необходимости признания двух германских государств, отметил и «целый ряд прозападных, отрицательных моментов, в том числе требование беспрепятственных подступов к Западному Берлину, признание права немецкого народа на самоопределение, необходимость объединения Германии, ввиду чего прийти к единодушному мнению не удалось». «В результате конференция ограничилась принятием расплывчатой формулировки, признающей, что германская проблема не является региональной и что необходимо избегать угрозы силой или её применения при решении этого вопроса»[106]. Этот пассаж в документе, очевидно важный с точки зрения руководства МИД СССР, был подчеркнут зеленым карандашом. Дортикос пытался оправдаться за невыполненное поручение, ссылаясь на позицию Неру, который, по его словам, по всем вопросам фактически саботировал решения конференции. Он выступил против внесения германской проблемы в резолюцию, в то время как кубинская делегация до последнего пыталась этого добиться, но «сопротивление было слишком большим, и она была вынуждена отступить». Епишев одобрил принципиальную позицию кубинской делегации, поздравил Дортикоса «с той большой работой, которую он проделал на конференции, и сообщил, что его приезд в Москву ожидается 11 сентября»[107].

Советская сторона проявила особую активность, пытаясь мобилизовать для решения своих задач, прежде всего германской проблемы, большинство афро-азиатских стран, находящихся в известной политико-экономической зависимости от Кремля. Послание Хрущёва было вручено и лидеру конголезской деле-

гации А. Гизенге, президенту Конго (Леопольдвиль) с 31 марта 1961 г., не признанному международным сообществом. Его полномочия оспаривались Ж. Касавубу[108].

Последняя беседа с президентом Дортикосом состоялась 6 сентября. Кубинец повторил свои оценки позиций разных делегаций на конференции. Он сообщил, что на закрытом заседании глав делегаций большинство участников выступили против признания двух Германий, несмотря на поддержку этого плана в ходе конференции со стороны Кубы, Индонезии, Югославии и Ганы. На заседании Неру выступил против включения положения о признании в резолюцию, а затем Тито, сославшись на то, что мнение Неру совпадает с мнением большинства, поддержал его[109]. Дортикос перечислил страны, которые, как он считал, занимали «открыто прозападную позицию по основным международным вопросам, либо склонялись к ней». К ним он отнес Индию, Сомали, Саудовскую Аравию, Камбоджу, Цейлон, Бирму, Йемен, Ливан, Судан, Тунис, Кипр и др. Особо Дортикос критиковал Индию и её лидера Неру, который не был заинтересован в успехе конференции, рассчитывал спровоцировать конфликт между участниками в целях её срыва, стремился занять доминирующее место среди стран третьего мира[110]. Политику Югославии Дортикос охарактеризовал как неустойчивую и колеблющуюся, но в то же время указал на стремление югославов сблизиться с кубинцами, рассчитывая выяснить их позицию по острым вопросам. К тому моменту таковым являлся вопрос об отмене СССР моратория на ядерные испытания. К этой акции советской стороны югославы относились отрицательно, и их интересовало возможное «поведение» других делегаций, если представится возможность выразить сожаление в связи с действиями Москвы[111].

Тито во время конференции, очевидно, пытаясь лавировать в условиях улучшения отношений с Москвой после кризиса 1958–1959 гг., выразил «понимание», принятого советским руководством решения. В руководстве ему противостоял К. Попович, известный как политик, ориентированный на западную

ценностную парадигму и скептически относившийся к идее Тито идеологизировать движение неприсоединения, превратить его в подобие «социалистического лагеря»[112]. В беседе с Кеннаном накануне открытия конференции Попович негативно отнесся к решению Кремля, назвав его «очень серьезным событием». Позднее он признавался, что позиция Тито стала для него неожиданностью[113]. Тито, в то же время, в беседе с Епишевым 30 августа указал послу, пытавшемуся уговорить его выступить в поддержку советской акции, на отрицательное отношение югославского руководства к решению Москвы, пояснив, что его выступление также вызовет и непонимание участников конференции[114].

7 сентября Епишев на встрече с послами Болгарии, Польши и Чехословакии обменялся впечатлениями о прошедшей конференции. Ему пришлось возразить болгарскому послу Г. Атанасову, возложившему на югославов вину за слабую формулировку резолюции по германской проблеме, с чем Епишев не согласился. По его мнению, главным виновником был Неру, в то время как позиция Югославии и Кубы по германской проблеме была «самой четкой и самой близкой к нашей». Он подчеркнул, что позиция югославов изменилась в самый последний момент и преследовала цель не допустить срыва конференции[115]. Посол Польши А. Малецкий поддержал Епишева, указав, что Неру намеревался превратить конференцию из антиколониальной и антиимпериалистической в пацифистскую, антивоенную, стремясь перевести её в плоскость общих рассуждений по вопросу о войне и мире, в то время как Тито был последовательным в отстаивании германского вопроса[116]. Польский посол процитировал одного американского журналиста, сообщившего, что речь Тито на приеме в американском посольстве вызвала раздражение Кеннана, причем особенно возмутил американца тот факт, что Тито умолчал о правах Запада на подступы к Западному Берлину. По словам журналиста, Кеннан якобы сказал, что Тито в этом вопросе оказался даже «левее» Хрущёва, который неоднократно заявлял, что западные связи со столицей ФРГ не будут наруше-

ны. О. Швестка, посол ЧССР, отметил, что «т.н. внеблоковая политика, политика пацифистского нейтрализма не является прочной базой для объединения нейтральных стран», и это ясно показала конференция. Коснувшись заявления Сукарно о возможном созыве 2-й Бандунгской конференции, Швестка поинтересовался мнением на этот счет Епишева. Советский посол отнесся к заявлению индонезийского президента с большим доверием, подчеркнув, что «конференция обязательно будет созвана, но не для принятия каких-то новых резолюций, *а для того, чтобы показать, что центр нейтрализма находится в Азии, а не в Белграде*»[117]. Озвучил ли Епишев позицию Кремля, не желавшего видеть Тито в неестественной для него, как могли считать в Москве, роли лидера афро-азиатского неприсоединения, остается не вполне ясным, хотя по отдельным скептическим и ироничным советским оценкам югославской внешней политики того периода такого рода оценки могли иметь место.

Документы свидетельствуют, что советская сторона настойчиво пыталась использовать конференцию афро-азиатских стран для продвижения своих взглядов по острейшей германской проблеме. В советских верхах, как показывают приведенные в настоящей работе документы, вопреки заявлениям о миролюбивой советской внешней политике, анализировали перспективы использования силового фактора. 26 сентября Епишев в беседе с послом Швеции С. Баклундом, коснувшись зашедшей в тупик германской проблемы, вину за это целиком возложил на Запад. Согласно советской официальной версии, СССР в вопросе о заключении мирного договора с Германией сделал ряд конкретных и ясных предложений, в ответ на которые западные державы, не выдвинув встречных предложений, «стали бряцать оружием, угрожая применить силу, в случае, если мы подпишем мирный договор (с ГДР. — *А. А.*). Советский Союз не испугался и, со своей стороны, заявил, что в случае, если западные державы попытаются применить силу, то агрессорам будет дан сокрушительный отпор». Свой ответ на замечание Баклунда, что в современной войне Совет-

ский Союз пострадает не меньше, чем США, и что для СССР эта война будет означать катастрофу, Епишев воспроизвел в своем дневнике: «*…Ответил Баклунду, что у нас другое мнение на этот счет. Мы не считаем, что термоядерная война может явиться для СССР катастрофой. Советский Союз располагает в настоящее время таким оружием, которое даст возможность уничтожить агрессию в её зародыше. Термоядерная война явится катастрофой не для СССР, а для тех, кто попытается развязать её*»[118]. «Молодечество» Епишева можно, видимо, объяснить реальными результатами атомной гонки. Слухи о разработке в Советском Союзе мощного термоядерного оружия не были тайной. Совсем скоро, в октябре 1961 г., СССР произведет на Новой Земле испытание термоядерной бомбы мощностью 56,6 мегатонны в тротиловом эквиваленте. Можно предположить, что через шведского посла Епишев попытался дополнительно транслировать предварительную информацию о предстоящем испытании. Кремль, скорее всего, был уверен, что это поможет реализовать советский план решения германской проблемы.

Баклунд прокомментировал готовность СССР и стран советского блока, в случае отказа Запада, признать ГДР до конца года в одностороннем порядке, заметив, что «идея неплохая, но они (западные державы. — *А. А.*) не могут верить Ульбрихту, который возьмет в свои руки контроль над подступами к Западному Берлину». Епишев в ответ попытался заверить посла в том, что статус будет подкреплен надежными международными гарантиями[119]. Любопытно резюме встречи с послом, сделанное Епишевым в характерной стилистике бывшего номенклатурного партработника, знакомого с «теоретическими» работами идеологов из ЦК: «Из беседы с Баклундом создается впечатление о нем, как о типичном западном социал-демократе, стоящем на позициях реформизма»[120].

В этой характеристике шведского посла был обозначен традиционный партийно-пропагандистский шаблон, закрывающий необходимость дальнейшего анализа высказываний этого «реформиста» по любым проблемам.

Некоторые нюансы позиции югославского руководства по германской проблеме были частично раскрыты на встрече Епишева с послом Кубы Х. Эрнандесом 26 сентября, который сообщил о беседе Дортикоса с Тито накануне отъезда президента из Белграда. Дортикос подчеркнул, что югославы будут готовы подписать договор с ГДР, но только если с ними «заранее посоветуются, а не предложат подписать мирный договор, поставив её (югославскую сторону. — *А. А.*) перед свершившимся фактом». Кубинский посол, который накануне встречался с руководством югославского МИД, рассказал Епишеву об особом внимании к нему, стремлении подчеркнуть близость двух стран к США, с одной стороны, и к СССР, с другой, которые оказывают на них давление, и необходимость в этой ситуации проводить «самостоятельную политику, упорно защищая свою независимость, чтобы не быть поглощенными каким-либо блоком»[121].

* * *

Белградская конференция завершилась принятием двух документов: Декларации глав государств и правительств внеблоковых стран и Заявлением об опасности войны и призыв к миру, которое было направлено руководителям СССР и США. Первый документ стратегического характера содержал выработанные в ходе форума развёрнутые положения о ликвидации всех форм колониализма, неоколониализма и империализма, подтверждал право всех народов на суверенитет, самоопределение и независимость[122].

Советская дипломатия к концу сентября 1961 г. завершила попытки выполнить полученное из «центра» задание — включить в повестку Белградской конференции советские предложения по германской проблеме и ряду других вопросов. Активным сторонником и защитником советской политики на конференции выступал Тито. Он поддерживал необходимость скорейшего возобновления переговоров СССР и США по Берлину, в то время как большинство участников считали, что конфликты между двумя блоками не должны становиться

предметом обсуждения на конференции. Были отвергнуты, в частности, и советские предложения, не упоминавшиеся в материалах бесед Епишева с участниками конференции: реорганизация ООН, отмена функций генерального секретаря и учреждение секретариата из представителей стран Запада, Востока и третьего мира. Вместо этого было предложено обеспечить равное представительство в основных органах ООН всех стран, в первую очередь, недавно освободившихся[123].

Белградская конференция состоялась в период серьезного обострения отношений между СССР и США, вызванного ультимативными требованиями советской стороны к Западу срочно приступить к решению германского вопроса на условиях Кремля. Посольство СССР в Белграде стало одним из центров, которому было поручено внести в повестку первой конференции неприсоединившихся стран основные вопросы текущей советской политики в расчете на её широкую международную репрезентацию и воздействие на США и их союзников. Посол Епишев предпринимал значительные усилия для выполнения поставленной задачи в соответствии с кремлевским сценарием, что, однако, имело ограниченный эффект: положительный отклик был получен, главным образом, от руководителей стран, связанных каким-то образом с СССР.

Окончательный выбор внешнеполитической ориентации на неприсоединение был сделан Тито и югославским руководством в период нормализации отношений с СССР. Тито рассчитывал, что это сможет стать аргументом для Москвы, которая оказывала всё возрастающее давление на Белград, пытаясь добиться возвращения Югославии на советскую орбиту. В этот период югославское руководство стремилось завоевать популярность в странах, которые, освобождаясь от колониальной зависимости, принимали политические программы, ориентированные на социализм и коммунизм, но, как правило, не советско-коминтерновского типа, а ревизионистского, с точки зрения Москвы (в частности, на «браудеризм»). Белград, являясь в соответствии с московской схемой одним из «ревизионистов», рассчитывал на понимание своих идеоло-

гических установок в третьих странах. СССР в эти годы также усилил проникновение в юго-восточный и африканский регионы. Возникало своего рода конкурентное соперничество Москвы и Белграда, в котором югославы, опираясь теперь и на лозунги неприсоединения, устанавливали контакты с руководством афро-азиатских стран. Задача была сложной, как это видно по масштабам и задачам многомесячных поездок и переговоров Тито в странах Азии и Африки. Тито, убеждая руководителей этих стран в необходимости смены нейтралистской парадигмы на активные действия в рамках концепции неприсоединения, стремился создать привлекательный имидж Югославии как страны вне блоков, не ориентированной на советскую или более радикальную китайскую модель социализма / коммунизма, свободной от внешних влияний, открытой к сотрудничеству с третьим миром. Новая внешнеполитическая ориентация должна была показать и западным союзникам, что прежние тесные военно-политические контакты периода жесткой конфронтации с СССР будут редуцированы, а Югославия в своей политике будет ориентироваться на страны третьего мира и на такой основе поддерживать сбалансированные отношения, как с Западом, так и с Востоком. Новая внешняя политика Белграда стала концептуальным решением её руководства, принятым в ситуации критического выбора и оправдавшим себя: на протяжении нескольких десятилетий югославский фактор занимал важное место в международных делах, способствуя поддержанию баланса на мировой арене и заслужив уважение стран третьего мира.

Примечания

[1] Подробнее об отношениях Югославии с США и их союзниками см.: *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия в политике СССР и США в начальный период холодной войны. 1945–1957 гг. М., 2002.

[2] О формировании движения неприсоединения и участии Югославии в этом процессе см.: *Bogetić D.* Koreni jugoslovenskog opredeljenja za nesvrstanost. Beograd, 1990; *Idem.* Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd, 2006; *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии. 1961–1968. М., 2015; *Rubin-*

stein A.Z. Yugoslavia and the Non-Aligned World. New Jersey, 1970; *Brands H.W.* The Specter of Neutralism. The United States and the Emergence of the Third World. 1947–1960. New York, 1989; *Bekić D.* Jugoslavija u hladnom ratu. Odnosi s velikim silama 1949–1955. Zagreb, 1988; Breaking Down Bipolarity. Yugoslavia's Foreign Relations during the Cold War. Rethinking the Cold War / ed. by Martin Previšić, De Gruyter Oldenbourg. Vol. 11. Berlin; Boston, 2021.

[3] *Dimić L.* Titovo putovanje u Indiju i Burmu 1954–1955. Prilog za istoriju hladnog rata // Токови историје. 2004. № 3–4. S. 44–45.

[4] Ibid. S. 36.

[5] Ibid. S. 33–34.

[6] Архив Југославије. F. 507. Sednice Politbiro CK SKJ od 28.06.1950. III/49. L. 50–51.

[7] Ibid. L. 52.

[8] Ibid. L. 52–53.

[9] *Dimić L.* Titovo putovanje u Indiju i Burmu… S. 37.

[10] Ibidem.

[11] *Bogetić D.* Titovo putovanje u Indiju i Burmu 1954–1955 i oblikovanje jugoslovenske politike nesvrstanosti // Istorija 20 veka. 2001. N. 2. S. 66.

[12] *Dimić L.* Titovo putovanje u Indiju i Burmu… S. 41.

[13] *Bogetić D.* Titovo putovanje… S. 71.

[14] *Dimić L.* Titovo putovanje u Indiju i Burmu… S. 46.

[15] Ibid. S. 48–49.

[16] *Čavoški J.* Shaping Afro-Asia and Non-Alignment: The Sino-Yugoslav Struggle for Leadership in the Third World during the 1950s and 1960s // Breaking down Bipolarity. Yugoslavia's Foreign Relations during the Cold War… P. 87–89.

[17] *Dimić L.* Titovo putovanje u Indiju i Burmu… S. 51.

[18] Ibid. S. 52.

[19] *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Yugoslavije… S. 165.

[20] *Bondzić D., Selinić S.* Pogled iz Beograda na Bandunšku konferenciju 1955 godine // Istorija 20. veka. 2008. Br. I. S. 74–75.

[21] Ibid. S. 79.

[22] Ibid. S. 79–80.

[23] Ibidem.

[24] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0144. Оп. 47. П. 192. Д. 4. Л. 39–40.

[25] *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Yugoslavije… S. 158.

[26] Ibid. S. 159–160.

[27] Ibid. S. 166.

[28] Ibidem.

[29] Ibid. S. 170.

[30] Ibid. S. 314, 315–342.

[31] Ibid. S. 318.

[32] Ibid. S. 315–317.

[33] *Васильев В.Ф.* История Мьянмы/Бирмы. М., 2009. С. 273–274.

[34] *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Yugoslavije… S. 320–322.

[35] Ibid. S. 322.

[36] Ibid. S. 323.

[37] Ibid. S. 324–325.

[38] Ibid. S. 326–327.

[39] Ibid. S. 329.

[40] Ibid. S. 331.

[41] Ibid. S. 332.

[42] Ibid. S. 335.

[43] Ibid. S. 338–339.

[44] Ibid. S. 340.

[45] Ibid. S. 341.

[46] *Филитов А.М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М., 2022. С. 225–227.

[47] *Димић Љ.* Ка Београдској конференцији. Југославија и почеци организованьа ванблоковског света // Прва конференција шефова држава или влада несврстаних земальа. Каталог изложбе. Београд, 1961. Београд, 2011. С. 15.

[48] *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Yugoslavije… S. 346–347.

[49] Ibid. S. 348.

[50] *Никита Хрущёв.* Время. Люди. Власть. Воспоминания. Часть IV. Отношения с Западом. Холодная война. Джон Кеннеди и Берлинская стена. М., 2016.

[51] Југославија — СССР. Сусрети и разговори на највишем нивоу руководилаца Југославије и СССР. 1946–1964. Том I. Београд, 2014. С. 415.

[52] Там же. С. 407–408.

[53] *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Yugoslavije… S. 355.

[54] Ibid. S. 356–357.

[55] Ibid. S. 360.

[56] Ibid. S. 361.

[57] Ibid. S. 362.

[58] Ibid. S. 363–364.

[59] Југославија — СССР. Сусрети и разговори на највишем нивоу… С. 365.

[60] Там же. С. 417–418.

[61] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 47. П. 194. Д. 24. Л. 43–44.

[62] Там же. Оп. 37. П. 153. Д. 40. Л. 13–15. Подробнее о восприятии в Кремле внешней политики Югославии в период советско-югославского конфликта см.: *Anikeev A.* Soviet Perceptions and Evaluations of Yugoslav Domestic and Foreign Policy

during the Years of Soviet-Yugoslav Conflict // Breaking down bipolarity. Yugoslavia's Foreign Relations during the Cold War… P. 17–47.

63 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 47. П. 194. Д. 24. Л. 57.

64 Там же. Л. 10.

65 Там же. Л. 11.

66 Там же. Л. 15–16.

67 Там же. Оп. 46. П. 188. Д. 4. Л. 16.

68 Там же. Л. 17.

69 Там же. Оп. 46. П. 188. Д. 4. Л. 18–20.

70 Там же. Ф. 0144. Оп. 47. П. 192. Д. 4. Л. 192, 194–197.

71 Там же. Л. 198.

72 Там же. Л. 199.

73 Там же. Л. 200.

74 Там же. Оп. 47. П. 192. Д. 5. Л. 24.

75 Там же. Л. 24–25.

76 Там же. Л. 25.

77 Там же.

78 Там же. Л. 26.

79 Там же. Л. 30–31.

80 Там же. Л. 33.

81 Подробнее см.: *Мазов С.В.* Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964. Неизвестные страницы холодной войны. М., 2008.

82 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 47. П. 193. Д. 10. Л. 12.

83 *Добрынин А.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США. 1962–1986 гг. М., 2016. С. 15.

84 Там же.

85 Југославија — СССР. Сусрети и разговори на највишем нивоу… С. 409.

86 Там же. С. 413.

87 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 47. П. 192. Д. 5. Л. 36.

88 Там же. П. 193. Д. 5. Л. 13, 16-17.

89 Там же. Л. 21.

90 Там же. Оп. 42. П. 192. Д. 5. Л. 44–46.

91 Там же. Л. 47–49.

92 Там же. Л. 52.

93 Там же. Л. 56.

94 Там же. Л. 57.

95 Там же. Л. 58.

96 Там же. Л. 74–75.

97 Там же. Л. 59.

[98] Там же. Л. 84–85.
[99] Там же. Л. 85.
[100] Там же. Л. 87.
[101] Там же. Л. 89.
[102] Там же. Л. 90.
[103] Там же. Л. 91.
[104] Там же. Л. 92.
[105] Там же. Л. 93–94.
[106] Там же. Л. 101.
[107] Там же. Л. 102.
[108] Там же. Л. 103.
[109] Там же. Л. 106.
[110] Там же. Л. 107.
[111] Там же. Л. 109.
[112] *Чкребић Д., Поповић К.* Дубока људска тајна. Београд, 2017. С. 215–217.
[113] *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Yugoslavije… S. 367. Автор ссылается: *Nenadović A.* Razgovori s Kočom. Zagreb, 1989. S. 29.
[114] Југославија — СССР. Сусрети и разговори на највишем нивоу… С. 418.
[115] АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 42. Д. 5. П. 192. Л. 111.
[116] Там же. Л. 112.
[117] Там же. Л. 113.
[118] Там же. Л. 125.
[119] Там же.
[120] Там же. Л. 126.
[121] Там же. Л. 127–128.
[122] *Димић Љ.* Ка Београдској конференцији. Југославија… С. 18.
[123] *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Yugoslavije… S. 369.

DOI 10.31168/7576-0477-0.2.5

Александр Сергеевич СТЫКАЛИН

Историческая политика режима Чаушеску: усиление националистических тенденций и реакция Москвы

Принадлежность СССР и восточноевропейских государств к единому блоку в условиях биполярной ялтинско-потсдамской системы международных отношений отнюдь не означала отсутствия территориальных проблем и споров между ними. Тлеющие угли старого национально-территориального противостояния отдельных стран могли разгореться с новой силой в определенных условиях, в частности, в моменты усиления между ними существенных разногласий по конкретным вопросам внутриблокового (в том числе экономического) сотрудничества. При всех попытках Москвы и её союзников по Совету экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора (ОВД) демонстрировать перед всем миром единство советского лагеря весьма напряженными на протяжении всей эпохи коммунизма оставались венгерско-румынские отношения, над которыми довлел тяжелый груз прежних исторических споров вокруг Трансильвании. Однако и Советский Союз, вопреки прочно утвердившемуся мнению кремлевской элиты об отсутствии территориальных проблем в его отношениях с соседними социалистическими государствами, в том числе с Румынией, не раз оказывался перед необходимостью обосновывать дополнительными аргументами, привлекая историков, свои исторические права на некоторые принадлежащие ему земли. Так, на протяжении четверти века советско-румынские отношения осложнял «бессарабский вопрос», по мнению румынской стороны, всё более открыто звучавший, несправедливо разрешенный в 1940 г.

В конце 1950-х годов Румыния воспринималась в Москве как надежный союзник, что находило отражение в дипломатических донесениях из Бухареста и в отчетах советских делегаций, выезжавших в эту страну. Один из характерных лейтмотивов, встречающихся в отчетах: в Румынии партийное руководство находится в твердых руках, и здесь невозможно ничего подобного венгерским событиям осени 1956 г.[1]. Однако прошло всего три года, и в 1962–1963 гг. ситуация меняется. Румыния стала вызывать у советских лидеров немало «головной боли»: ее руководство всё более последовательно выступало против планов экономической интеграции стран СЭВ, усмотрев в них попытку превратить богатую природными ресурсами страну в своего рода аграрно-сырьевой придаток более развитых социалистических государств. Румынская правящая элита особенно жестко оппонировала проектам создания разного рода надгосударственных плановых органов, которые обладали бы полномочиями диктовать отдельным странам, какую продукцию и в каком объёме производить[2]. Всё это приводит к конфликтам между Н.С. Хрущёвым и Г. Георгиу-Дежем — определенная напряженность проявилась сначала летом 1962 г. в ходе недельного посещения Хрущёвым Румынии, а затем в июне 1963 г., когда во время его внеочередного визита (в целях прояснения румынской позиции относительно перспектив экономического сотрудничества в рамках СЭВ) происходит бурная перепалка между лидерами двух стран[3]. Особый резонанс в Румынии вызвал так называемый план Валева. Речь шла о публикации весной 1964 г. в малотиражном советском научном издании статьи экономико-географа Э.Б. Валева, в которой прорабатывалась идея формирования нижнедунайского экономического региона, включающего в себя некоторые территории как двух союзных республик СССР (Украинской ССР и Молдавской ССР), так и Румынии и Болгарии. В Румынии этот проект дал повод для довольно шумной пропагандистской кампании[4]. В результате газета *Известия* для того, чтобы создать более благоприятную атмосферу предстоявшей советско-румынской встречи

на высоком уровне, не упоминая статьи Валева, выступила с критикой некоторых абстрактно-схоластических концепций советских ученых, не учитывающих всего комплекса проблем, с которыми приходится сталкиваться при выработке планов экономической интеграции стран-членов СЭВ[5].

Растущие советско-румынские разногласия не ограничивались экономикой. На апрельском пленуме ЦК Румынской рабочей партии 1964 г. принимается Декларация РРП по вопросам международного коммунистического и рабочего движения — программный документ с изложением базовых принципов румынской внешней политики: суверенитет, равноправие, гарантированное невмешательство во внутренние дела. Если в контексте углублявшегося советско-китайского спора Декларация прочитывалась как попытка занять нейтральную позицию, то в более широком плане она была воспринята (в частности, западными наблюдателями) как обоснование права на неподчинение блоковой дисциплине и давлению с позиций коммунистического глобализма, на отход от общей линии советского блока в случае её противоречия национально-государственным интересам. Соответственно в позиции румын, проявившейся еще до принятия Декларации, можно было увидеть знак усиления полицентризма в «социалистическом лагере» и мировом коммунистическом движении[6].

Уже начиная с 1963 г. Румыния, хотя и осторожно, но демонстрирует союзническую нелояльность. Так, 4 октября 1963 г. в Нью-Йорке, в дни работы очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел Корнелиу Мэнеску имел секретную встречу с госсекретарем США Дином Раском. Румынское правительство, говорил он, не было заранее информировано о планах размещения советских ракет на Кубе и соответственно не могло оказать никакого влияния на принятие этого пагубного решения. Поэтому Румыния, хотя и является союзником СССР, не может вместе с СССР нести ответственность за все последствия этого шага. Мэнеску от имени своего правительства призвал США в случае возникновения в будущем аналогичной ситуации, создающей угрозу войны,

рассматривать Румынию как нейтральное государство, не направляя против нее военного удара[7].

К 1964 г. советско-румынские разногласия приобретают и явно нежелательное для Москвы бессарабское «измерение». Так, начиная с посещения Пекина в марте 1964 г. делегацией во главе с премьер-министром Ионом Г. Маурером, на встречах румынских функционеров с Мао Цзэдуном затрагивается бессарабский вопрос*. Высказывания «великого кормчего» о том, что Советский Союз включил в свой состав территории, на которые он имеет меньше исторических прав, чем некоторые его соседи, не вызывали никаких возражений представителей румынской компартии, о чём были осведомлены в Москве[8]. В условиях, когда историческая наука была призвана обслуживать курс официального Бухареста на всё большее дистанцирование от Москвы, румынская сторона, отстаивая свое ви́дение прошлого двусторонних российско-румынских отношений, готова была взять в союзники самого Карла Маркса. В конце 1964 г. под эгидой Румынской академии и под редакцией академика А. Оцетя была опубликована редким для Румынии 20-тысячным тиражом антология «К. Маркс. Записки о румынах». В приведенных в ней выдержках из наследия Маркса содержалась резкая критика экспансионистской политики царской России на Балканах, что напрямую (в нарушение ранее существовавших табу) подводило читателя к мысли о несправедливости присоединения в 1812 г. Бессарабии к Российской империи, а, значит, и о сохраняющихся исторических правах Румынии на эти земли. Хотя эта публикация и не привела к открытой полемике с советской стороны, поскольку совпала с предпринятыми Москвой после отставки Хрущёва

* Под Бессарабией понимается междуречье Днестра и Прута, большая часть которого принадлежала Молдавскому княжеству. Оно вошло в состав Российской империи по итогам русско-турецкой войны 1806–1812 гг. в соответствии с Бухарестским мирным договором 1812 г. В скором времени эта земля лишилась всякой автономии, образовав Бессарабскую губернию с центром в Кишинёве. В 1918 г. аннексирована Румынией, в 1940 г. присоединена к СССР в соответствии с советско-германскими договоренностями о разделе сфер влияния. По итогам Второй мировой войны — вновь в составе СССР (двух союзных республик: Молдавской ССР и Украинской ССР).

попытками (впрочем, довольно неэффективными) улучшить двусторонние отношения, она предвосхитила советско-румынские «войны исторической памяти», которые развернулись десятилетием позже, в 1970-е годы. К тому времени Румыния уже была явным диссидентом в социалистическом содружестве, не поддержав ни позицию Москвы и большинства её союзников в связи с «шестидневной войной» 1967 г. на Ближнем Востоке, ни августовскую интервенцию 1968 г. в Чехословакии.

Чем далее, тем более при выстраивании отношений Советского Союза с Румынией следовало считаться с необходимостью то и дело возвращаться к обоснованию позитивной роли присоединения Бессарабии к России — это воспринималось в Москве серьезно, по сути как защита территориальной целостности СССР от несправедливых «посягательств» партийных идеологов и связанных с ними историков соседней социалистической страны. Задачи противодействия распространению в открытой румынской печати представлений, находившихся в слишком явном противоречии с официальными советскими трактовками спорных проблем общего прошлого в российско-румынских, украинско-румынских, советско-румынских отношениях, входили в круг обязанностей советских дипломатов, работавших в Бухаресте. Критическое изучение публикуемой в Румынии исторической литературы (научной, публицистической и даже художественной) занимало достаточно весомое место в их деятельности. В марте 1980 г. посол СССР в Румынии член ЦК КПСС В.И. Дрозденко (известный на Украине партийный функционер, в прежние годы занимавший посты первого секретаря Киевского горкома, обкома КПУ, секретаря ЦК КПУ, входивший в Политбюро ЦК КПУ) предельно откровенно заявил своему собеседнику, члену политисполкома ЦК румынской компартии В. Казаку, что вопрос об освещении румынскими историками тех или иных проблем общего прошлого «имеет не столько историческое, сколько политическое значение». «Речь идет не о различной трактовке некоторых исторических вопросов, а о материалах, в которых завуалированы территориальные претензии к Советскому Союзу и

предпринимаются попытки поставить под сомнение правомерность государственной принадлежности части территории МССР и Украины к Советскому Союзу», — подчеркнул посол[9].

Румынские функционеры отвечали на эти упреки дежурными заверениями в том, что речь никак не может идти о территориальных притязаниях с румынской стороны. Ведь, в конце концов, и Румыния подписала в 1975 г. заключительный акт Хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, включавший в себя положение о нерушимости существующих границ, а 2 июня 1976 г. Чаушеску в одном из публичных выступлений прямо заявил об отсутствии у официального Бухареста территориальных претензий к кому бы то ни было. Это заявление было весьма позитивно встречено в Москве, что создало благоприятную атмосферу для состоявшейся вскоре поездки Чаушеску в СССР, в ходе которой он в первый и последний раз посетил и Советскую Молдавию. Речь идет, как это постоянно подчеркивалось румынской стороной, только о восстановлении в научных трудах исторической правды, однако готовность румын отстаивать свою принципиальную позицию по бессарабскому вопросу говорила сама за себя: «Мы знаем, какова истина в этом вопросе!» — воскликнул Казаку в ходе беседы с советским послом. Не только широким румынским общественным мнением, но во всё большей мере и бухарестской партийной элитой Бессарабия воспринималась как неотъемлемая составная часть «spațiul românesc» (рум. «национального пространства»), утраченная в результате военных неудач и неблагоприятных для Румынии геополитических изменений.

Румынские собеседники советских дипломатов выдвигали ответные претензии. Особое недовольство выражалось в связи с характером освещения в советских публикациях проблем межвоенной истории. Почему у вас всё время «говорят о какой-то румынизации» применительно к населению Бессарабии тех лет, а «кого мы румынизировали — румын?» — иронически вопрошал Казаку советского посла. Румынская сторона была особенно последовательна именно в непризнании совет-

ского проекта искусственного конструирования в Молдавской ССР самостоятельной молдавской социалистической нации. Всё более критичным становилось отношение румынской историографии и к стратегии Коминтерна применительно к Румынии, особенно к его резолюциям 1920-х годов, в которых называлась незаконной румынская оккупация Бессарабии в 1918 г. и содержалось положение о национальной дискриминации в 1920–1930-е годы бессарабских молдаван. В исторической литературе, хотя и осторожно, получает развитие тезис о массовом присутствии в румынской компартии чуждой национальным интересам агентуры (в первую очередь, венгерской), нацеленной на развал Великой Румынии. После 1989 г. этот тезис становится общим местом румынской исторической науки посткоммунистической эпохи.

Попытки заявить о принадлежности Бессарабии к числу румынских исторических земель, иными словами, уже всё менее завуалированное стремление идеологов и пропагандистов режима Чаушеску напомнить лишний раз об исторических правах Румынии на обладание этой провинцией, вызывали в Москве раздражение. Тем более что они означали, по сути, ревизию отнюдь не только утвердившегося в советской историографии отношения к событиям начала XIX в. (в частности, присоединению этого края к Российской империи в 1812 г.), но и принятых, официальных оценок роли СССР на некоторых этапах Второй мировой войны: речь шла, в частности, о вхождении Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР летом 1940 г.[10]. Это воспринималось куда серьезнее, уже не просто как нарушение некоей джентльменской договоренности не ворошить прошлое в двусторонних отношениях, муссируя старые обиды, а как настоящее святотатство. В свою очередь в Бухаресте полагали, что в Советском Союзе были склонны принижать заслуги Румынии в победе над нацизмом после её разрыва с Германией в августе 1944 г.

Именно разногласия в оценке роли Красной Армии и СССР во Второй мировой войне поднялись в 1970-е годы до уровня фактора, реально способствовавшего ухудшению межгосудар-

ственных отношений. В силу серьезных расхождений, как в вопросе о молдавском советском «национальном проекте», так и в оценках некоторых ключевых событий истории XX в. Советский Союз в годы брежневского правления, по сути, оказывается на грани идеологической войны с одним из своих союзников по Варшавскому договору. В любой момент обстановка могла разрядиться крайне нежелательным для Москвы образом: вспыхнуть и выплеснуться на поверхность в виде ожесточенной полемики, как это произошло в отношениях между КПСС и КПК в начале 1960-х годов. Надо иметь в виду, что территориальных споров Советский Союз в то время не имел ни с одним государством, кроме Китая и Японии. Понятно, что выстраивание отношений с Румынией в рамках социалистического содружества относилось к числу очень непростых задач советской внешней политики, при этом требовавших активного применения исторической аргументации. Не удивительны постоянное обращение Л.И. Брежнева и Н. Чаушеску в ходе встреч к проблемам освещения в печати двух стран спорных моментов в истории их взаимоотношений, как и призывы советского лидера к румынам «раз и навсегда покончить с подобными публикациями» во избежание (к радости империалистов) публичной полемики между «братскими партиями»[11]. При этом с советской стороны в ходе переговоров пытались договориться о неких «правилах игры». Так, уже упомянутый Дрозденко говорил своему собеседнику Казаку в марте 1980 г.: ведь мы же не пишем в советских изданиях, что в Румынии живут молдаване, имея в виду жителей г. Яссы и всей запрутской Молдовы, потому что мы не хотим причинять трудностей Румынии, создавать у румынских друзей впечатление существующих территориальных споров, которых между двумя союзными социалистическими странами в действительности нет и быть не может. Вот и вы, призвал посол румынского функционера, не называйте наших молдаван румынами. Показательно, что Дрозденко не стал спорить с репликой Казаку о том, что молдаване в румынской Молдове являются румынами. Постановка вопроса о молдаванах

в Румынии, действительно, была табуирована в советской литературе. В Москве понимали, что, при всей общности исторических традиций, в Румынии, на территории, некогда принадлежавшей Молдавскому княжеству, реально отсутствует какая бы то ни было почва для молдавского сепаратизма, который мог бы послужить инструментом давления на бухарестские власти.

Состояние советско-румынских отношений неизбежно вело к пересмотру приоритетов в тематике исторических и историко-культурных исследований. В 1961 г. в Москве под грифом Академии наук была опубликована монография молодого, а впоследствии крупного историка В.Н. Виноградова «Россия и объединение румынских княжеств». Эта книга вполне вписывалась в общий тренд советской историографии, подчеркивавшей освободительную миссию России на Балканах. Вместе с тем, процесс объединения в конце 1850-х годов Дунайских княжеств (Молдовы и Валахии), поддержанный в то время и Россией, был показан в ней как естественный процесс создания национального государства в результате объединения ряда малых государственных образований и складывания на этой основе единой нации (как это происходило в те же десятилетия в Германии и Италии). Никакого противопоставления молдаван румынам, валахам, утвердившегося в более поздней исторической литературе, у Виноградова в 1961 г. не было, само Молдавское княжество рассматривалось, по сути, как феномен румынской национальной государственности[12]. О положительном влиянии идей национального единения на развитие румынской культуры, появление в ней шедевров, способных стать важнейшей частью культурного наследия не только румын, но и советских молдаван, не раз писал в те же годы московский литературовед и переводчик румынской литературы Ю.А. Кожевников[13]. Это вызывало возражения, в основном со стороны партийных пропагандистов МССР, призванных отстаивать концепцию строительства молдавской социалистической нации как части советской многонациональной общности, но до середины 1960-х годов, по большому счету, не меня-

ло общей ситуации с изучением в СССР румынской истории и культуры. Лишь после того, как выяснилось, что румынская партийно-государственная элита ностальгирует по Бессарабии, темы, связанные с изучением национального единства румын, признаются неактуальными и отходят на второй план. В новых условиях надо было делать акцент не на том, что объединяло румын (валахов) и молдаван, а на молдавской специфике и, в том числе, своеобразии молдавских государственных традиций. Конечно, особая ответственность в этом плане возлагалась на историческую науку Молдавской ССР. Именно историки и — шире — работники идеологического фронта этой республики оказываются на переднем крае в подспудных советско-румынских столкновениях исторической памяти, когда при отсутствии прямой полемики с обеих сторон излагались резко отличающиеся друг от друга, плохо совместимые, а подчас и абсолютно противоположные версии некоторых исторических событий и процессов. В их числе вхождение Бессарабии в состав Российской империи в 1812 г., её аннексия Румынией в 1918 г., политика королевской Румынии в отношении молдаван Бессарабии в межвоенный период, присоединение Советским Союзом Бессарабии и Северной Буковины в 1940 г., роль Румынии во Второй мировой войне.

Начиная с середины 1950-х годов, в условиях хрущёвской «оттепели» между Румынией и Советской Молдавией налаживаются довольно тесные культурные связи (включая широкую подписку в Кишинёве на румынские издания), и, несмотря на реальное усиление румынского культурного влияния на титульное молдавское население МССР[14], в индоктринации советских молдаван румынофильскими идеями поначалу не усматривали слишком серьезного внешнеполитического вызова. Ситуация изменилась к 1965 г. С одной стороны, в Москве всё больше проясняются реальные настроения бухарестской элиты в отношении Бессарабии. С другой стороны, в МССР к середине 1960-х годов активизируется румынофильское движение среди национальной творческой интеллигенции под лозунгами единства молдавской и румынской

культуры. Особенно проявилось это на съезде писателей Советской Молдавии осенью 1965 г.[15]. В этих условиях культурные и гуманитарно-научные связи МССР с Румынией поступательно ограничиваются, а советские молдавские историки получают задание всё более концентрироваться на темах, приобретающих острое политическое звучание в свете необходимости противопоставить версиям румынской историографии взгляды, обосновывающие безусловные исторические права России (а затем СССР) на обладание Бессарабией. Речь шла об изучении не только многогранного российского влияния на развитие Молдавии и её культуры на протяжении нескольких столетий, но и формирования под этим влиянием особой молдавской идентичности, отличной от румынской. При этом, как явствует из многих документов (и в частности, записок, адресованных в Москву в ЦК КПСС из партийных органов Молдавской ССР), идеологические работники Советской Молдавии чувствовали изначальную уязвимость своих установок перед лицом всё активнее пробуждавшегося интереса образованных молдаван к истории и культуре своих, говорящих на том же языке запрутских соплеменников. Вследствие этого они занимали, как правило, более наступательную в сравнении с центром, с Москвой, а в некоторых случаях и откровенно алармистскую позицию[16]. Так, в подготовленном в феврале 1980 г. в Институте языка и литературы АН Молдавии отзыве на монографию Ю.А. Кожевникова «Эпоха романтизма в румынской литературе» (М., 1979) говорилось о неприемлемости забвения того факта, что многие классики румынской литературы были и молдавскими писателями. Как отмечалось далее, московские исследователи, литераторы, издатели иногда в ложном свете трактуют вопросы молдавско-румынской культурной общности, выводя из общности языка общность национального самосознания румын и молдаван: «имеющаяся несогласованность оказывает плохую услугу культурному строительству в республике и может быть превратно истолкована недругами молдавского народа», а потому во всех научных центрах страны должен быть установ-

лен «единый подход к этому исключительно важному вопросу не только в культурном, но и в политическом аспекте»[17].

Разногласия в понимании этнической сущности бессарабских молдаван (можно ли их считать румынами?) оставались камнем преткновения при попытках наладить продуктивный советско-румынский диалог на разных уровнях. Как следует из документов, при всех шероховатостях в двусторонних отношениях контакты населения приграничных районов Румынии и СССР (в частности, Советской Молдавии) были на рубеже 1970-х — 1980-х годов достаточно интенсивными, имели место регулярные поездки делегаций местных партийных функционеров, хозяйственных работников, передовиков производства, а также спортсменов, самодеятельных коллективов и т.п. Как читаем в одном из отчетов, глава делегации румынских партработников, посетившей Советскую Молдавию в конце 1980 г., «в беседе неоднократно подчеркивал, что независимо от отношений между руководителями государств (т.е. СССР и СРР) в конечном итоге народ решает свою судьбу, поэтому мы должны крепить дружбу между нашими народами»[18]. В отчетах о посещении делегациями Молдавской ССР близлежащих румынских уездов, составители которых, как правило, реагировали на любые антисоветские проявления принимающей стороны и, особенно, на разногласия по вопросу о праве Румынии на Бессарабию, в 1980 г. доминировали отзывы о том, что советских гостей встречали дружественно и гостеприимно, что с румынской стороны высказывались пожелания об улучшении межгосударственных отношений, расширении и углублении взаимовыгодного экономического и культурного сотрудничества[19]. Вместе с тем принципиальные различия в историческом воспитании, в сформированных школой и СМИ представлениях об истории Румынии, роли Румынии во Второй мировой войне, о сути бессарабского вопроса, о культурно-языковых различиях румын и молдаван, о праве самостоятельной молдавской нации на существование порождали взаимонепонимание. Гостям из СССР, судя по многочисленным отчетам, хранящимся в Кишинёве

в фондах ЦК компартии Молдавской ССР, несколько резало ухо само слово «Бессарабия» применительно к Советской Молдавии, в музеях гг. Яссы и Ботошани бросались в глаза, вызывая соответствующую реакцию, карты Великой Румынии 1920–1930-х годов, включавшие междуречье Днестра и Прута. Вызывали возмущение трактовки перехода Бессарабии под румынскую юрисдикцию в 1918 г. как совершённого на плебисцитной основе «великого национального воссоединения» (тем большее, что они зачастую сопровождались ссылками на ленинские цитаты о праве народов на самоопределение), равно как и замалчивание освободительной миссии Красной Армии в 1944 г. Не нравилось, и когда румынские собеседники ставили под вопрос существование особого молдавского языка, подвергали сомнению право на формирование молдавской социалистической нации. В музее Михая Эминеску в Ботошани советские гости выражали недоумение, почему обходилась стороной принадлежность великого поэта к молдавскому народу (ведь этому их учили в школе). Случались и острые конфликты, когда музейные экскурсоводы в присутствии ветеранов войны (а таковых было достаточно и среди этнических молдаван) оправдывали, пусть даже осторожно и не в полный голос, нападение Румынии на СССР в июне 1941 г. необходимостью вернуть утраченные в 1940 г. исконные румынские земли.

Даже в моменты усиления напряженности в отношениях с Румынией, советская сторона долгое время всячески избегала открытой полемики. Так, в резолюции на вышеупомянутую записку 1972 г. «О тенденциозном освещении вопросов истории Второй мировой войны и истории Коминтерна в работах румынских историков» было сочтено целесообразным подготовить ряд новых публикаций по истории Коминтерна, о его роли в сплочении мирового коммунистического движения, подготовке кадров и т.д., с тем, «чтобы, не вступая в открытую полемику, раскрыть существо тех вопросов, которые встречают неверное толкование у румынских историков»[20]. Косвенная критика их позиции содержалась в статьях, анализирующих

западную историографию спорных проблем в истории советско-румынских отношений новейшего времени[21]. Кроме того, советской историографией неизменно уделялось первоочередное внимание освещению именно «светлых страниц» в истории двусторонних отношений, например, попыткам сближения СССР и Румынии в 1930-е годы и контактам министров иностранных дел двух государств, М.М. Литвинова и Н. Титулеску, в целях создания системы коллективной безопасности в Европе. Причем, и здесь советскими историками давались более критические оценки политики межвоенной Румынии, в целом расходившиеся с версиями их румынских коллег[22]. Как бы то ни было, это стремление уклониться от прямой полемики с румынами подлежало пересмотру, когда пришла информация об усиленной подготовке режима Чаушеску к очередному, XV Международному конгрессу исторических наук, который должен был пройти в Бухаресте в августе 1980 г. Ведь вполне ожидаемым было использование румынской стороной трибуны форума для донесения неприемлемых для советской науки исторических концепций и представлений до более широкого круга западных гуманитариев. Эта новая, наступательная тактика нашла отражение в рекомендациях советским историкам-участникам Международного конгресса. Как отмечалось в соответствующей записке, «советским участникам конгресса историков должна быть рекомендована активная линия поведения, позволяющая использовать наш потенциал для разоблачения несостоятельности румынского подхода»[23].

Ставя это событие в более широкий международный контекст, следует иметь в виду, что 1980 год относился к числу достаточно спокойных и бесконфликтных в развитии советско-румынских отношений. Переживаемые Румынией экономические трудности и стремление во имя сохранения общественного спокойствия не допустить слишком резкого, взрывоопасного падения жизненного уровня населения заставили румынское правительство летом 1980 г. обратиться к поискам новых займов (планировалось, в частности, получить у Международного банка реконструкции и развития заем в 325 млн

долларов). Это вызвало немало вопросов со стороны международных кредиторов: Международный валютный фонд запросил информацию о состоянии румынской экономики и финансов, возникли сомнения в кредитоспособности страны, в Бухаресте должны были дать отчет о ходе выполнения обязательств по погашению ранее взятых кредитов. На нежелание предоставлять новые кредиты повлиял и большой скандал, разыгравшийся в 1978 г. Бежавший на Запад генерал Секуритате И.М. Пачепа обнародовал конкретные факты о замышлявшихся спецслужбами Чаушеску провокациях против эмигрировавших на Запад румынских диссидентов. Откровения генерала особенно сильно ударили по имиджу румынского национал-коммунизма в глазах западных элит, оказывавших до этого покровительство режиму Чаушеску как проводившему довольно независимую от Москвы внешнюю политику (особенно наглядно это проявилось в августе 1968 г.) Хотя проблему с получением новых займов в основном удалось в то время решить, зависимость румынской экономики от конъюнктуры цен на нефть только усилилась. К концу 1980 г. внешний долг превысил сумму 10 млрд долларов, что отражало неблагополучие экономического положения в стране. Всё большая часть бюджета должна была идти на погашение внешних займов. В сложившихся условиях совсем не было смысла ссориться ни с Москвой, ни с другими партнерами по СЭВ и ОВД. Это подтвердило отсутствие публичного осуждения Румынией (диссидентом в социалистическом содружестве) советской военной акции в Афганистане, резко контрастировавшее с её позицией в августе 1968 г. в отношении Чехословакии. Усиление экономической зависимости от СССР сопровождалось и некоторым повышением интереса румынской стороны к внешнеторговому сотрудничеству в рамках СЭВ. Так что большого стремления педалировать разногласия с СССР у руководства румынской компартии в это время не было. Однако зная чувствительность общественного мнения в самой Румынии к бессарабскому вопросу, в Бухаресте сохраняли последовательность, ни в коем случае не желая публично признать за СССР

большее историческое право на Бессарабию, чем имеет на неё Румыния. Любые уступки здесь противоречили базовым идейным установкам румынского национал-коммунистического режима, в интересах сохранения общественной поддержки умело разыгрывавшего национальную карту. Абсолютно неприемлемыми с румынской точки зрения были и попытки формирования самостоятельной молдавской советской нации, которая позиционировала бы себя продолжательницей определенных традиций румынской национальной государственности и, в частности, такого её феномена, как Молдавское княжество.

Получив право на проведение в своей стране 10–17 августа 1980 г. важнейшего международного форума историков, проходящего каждые пять лет, режим Чаушеску воспринял подготовку конгресса и участие в нем румынских историков как важнейшую общегосударственную задачу — идеологическую, пропагандистскую, внешнеполитическую[24]. В соответствии с полученным сверху заданием румынские историки, выступая «единым фронтом» и пользуясь всеми возможностями хозяев конгресса, должны были в своих включенных в программу выступлениях, в ходе дискуссий и, не в последнюю очередь, в печатной продукции, распространяемой на конгрессе, донести до мирового исторического сообщества определенные взгляды на историю Восточной и Юго-Восточной Европы, её отдельных регионов, на сложные взаимоотношения румын с ближайшими соседями и, прежде всего, венграми, болгарами и украинцами. По свидетельству исследователей, все тексты румынских историков, представленные конгрессу, были заранее изучены в партийно-пропагандистских инстанциях, а залы заседаний конгресса заполнены сотрудниками госбезопасности в штатском.

Дело здесь отнюдь не ограничивалось изложением румынской официальной позиции по дискуссионным вопросам, связанным с переделом в разные эпохи межгосударственных границ, с историей таких полиэтничных исторических провинций, как Бессарабия, Буковина, Трансильвания, Добруджа (и соответственно обоснованием исторических прав Румынии на некоторые

земли соседних государств, в частности Бессарабию и Северную Буковину). В спорах с венгерскими историками предстояло отстаивать так называемую теорию континуитета, т.е. представления о непрерывности проживания восточнороманского населения в Карпатско-Дунайском регионе со времен Римской империи. Должное внимание предполагалось уделить выявлению не только римских, но и дакских корней румынской государственности и культуры. 1980 год был объявлен правительством Румынии годом 2050-летия основания дакского централизованного государства, и на проведенную по этому поводу в самый канун конгресса, 8–9 августа, большую конференцию, организованную Румынской академией, был приглашен ряд авторитетных западных ученых, знатоков античного мира, делегатов международного конгресса историков.

В советских дипломатических донесениях 1980 г. постоянно приводились свидетельства культа личности Чаушеску, приобретшего огромные масштабы. Так, в провинциальных музеях все стены были расписаны цитатами из его речей, растиражированы его фотографии времен революционной юности. В многочисленных публикациях лета 1980 г., посвященных 15-летию его избрания генеральным секретарем компартии, и на приуроченных к этой годовщине конференциях сама эта дата рассматривалась как одна из ключевых в истории страны, начало «золотого века». Согласно официальной версии, именно за прошедшие годы румынская национальная государственность и культура получили на основе социализма «новое самосознание», приобрели «второе дыхание», позволившие благодаря гению Чаушеску как теоретика-марксиста вывести Румынию на самые передовые мировые рубежи. При этом в юбилейных публикациях отмечалась знаковая преемственность: от национальных вождей и героев эпохи даков — Буребисты и Дечебала к лидеру сегодняшней Румынии, «гению Карпат». Воспевание заслуг Чаушеску объявлялось органической потребностью нации, со времен Буребисты и Дечебала, господарей Штефана Великого и Михая Храброго чествовавшей своих героев и вождей не в силу страха перед тиранами и

невежества масс, как это было присуще восточным народам, а совершенно осознанно[25].

Древняя Дакия, в немалой своей части располагавшаяся на территории современной Румынии, рассматривалась как третий, наряду с Древними Грецией и Римом, центр античной цивилизации и культуры, имевший международное значение. Отнесение истоков румынского этногенеза и национальной государственности на более чем 2000-летнюю глубину (на пленарном заседании конгресса в день его открытия с большим докладом о румынском этногенезе выступил председатель Национального комитета историков Румынии академик Ш. Пашку) создавало базу для утверждений идеологов и историков о превосходстве «культурной модели» и государственной традиции румын над традициями и культурными моделями славян и венгров. Более того, в периодике утверждалось, что именно румыны, их государственные образования становились в разные эпохи преградой для экспансии мадьяр и славян, способной создать угрозу для западной цивилизации. Как отмечалось, например, в одной из юбилейных публикаций, хотя «дако-римский корпус» румынской нации и не удалось уберечь от «славянского прорыва» VI — VIII вв. и обеспечить тем самым «чистоту расы», всё же сохранение унаследованного от Римской империи языка, на котором были выражены «самые высокие достижения человеческого гения своего времени», позволило румынам занять совершенно особое место в Восточной Европе[26]. Происхождение румын от древних даков подчеркивалось в обновленных экспозициях всех исторических музеев.

В записке посольства СССР в Бухаресте в связи с подготовкой конгресса историков содержались конкретные рекомендации для советских (в том числе из Украины и Молдавии) историков, членов делегации СССР на конгрессе. В посольстве считали целесообразным, чтобы все советские участники независимо от тем их докладов получили должную информацию о современной Румынии, её внутренней и внешней политике, особом курсе в рамках СЭВ и ОВД, о состоянии совет-

ско-румынских отношений. Это позволило бы им лучше подготовиться к тому, чтобы в необходимых случаях давать отпор неприемлемым концепциям румынских историков. В записке содержалось предложение, чтобы советские историки в споре с румынами координировали свои позиции с историками Венгрии и Болгарии, «учитывая известную антивенгерскую и антиболгарскую направленность некоторых концепций в современной исторической науке СРР»[27]. В то же время были признаны нецелесообразными любые действия, которые способствовали бы сближению румынских историков с западными.

Конгресс историков прошел, однако, без серьезных эксцессов, способных омрачить советско-румынские отношения. Можно предположить, что и румынские историки, призванные донести свою позицию до международной общественности, были вместе с тем проинструктированы соответствующим образом во избежание явных скандалов. Вообще внимание Чаушеску и его окружения в августе 1980 г. было всё более приковано не к конгрессу, предоставившему удобный случай для утверждения румынских взглядов на историю, а к событиям современным, происходившим в Польше, т.е. к забастовкам в Гданьске. Слишком велик был страх, что румынские рабочие последуют польскому примеру. Основания для опасений, безусловно, были — наметившаяся в конце 1970-х годов, особенно после разрушительного землетрясения в марте 1977 г., тенденция к снижению жизненного уровня была видна, что называется, невооруженным глазом: её отмечали члены делегаций, приезжавших в Румынию из СССР по межпартийному обмену. «По сравнению с 1974 и даже 1978 годом, когда руководитель нашей группы посетил Ботошанский уезд, наблюдаются острая нехватка некоторых продовольственных товаров (мясо, растительное масло, сахар), длинные очереди в продовольственных магазинах», — отмечалось в записке секретаря Фалештского райкома КПСС в ЦК КП Молдавской ССР (декабрь 1980 г.)[28]. Обращалось внимание на дефицит бензина, что вызывало удивление в стране с развитой нефтеперерабатывающей промышленностью. Однако для участников всемирного конгрес-

са историков гостеприимный Чаушеску закатил грандиозный банкет. Ломившиеся от изобилия угощений столы были призваны продемонстрировать интеллектуалам-гуманитариям со всего мира процветание социалистической Румынии*.

Впрочем, звучавшие на фоне гданьских забастовок фанфары не слишком адекватно отражали истинное настроение Чаушеску и его окружения. В руководстве партии отдавали себе отчет в том, что в стране имеются, пусть пока еще слабые, силы, которые явно не против перенесения в Румынию польского сценария и только ждут удобного случая для того, чтобы направить вектор развития страны в аналогичном направлении. А значит избрать забастовки инструментом давления на власть. Ключевая страна советской сферы влияния — Польша — переживала системный сбой, который мог негативно сказаться на функционировании других компонентов той же системы социализма. Определенные сигналы этого звучали и в Румынии, причем публичные проявления недовольства исходили уже не только от узкого круга диссидентствующей интеллигенции, но и от рабочего класса (забастовка шахтеров в Долине Жиу в августе 1977 г., попытка создать независимый профсоюз в 1979 г., завершившаяся арестом её инициаторов). А в ноябре 1979 г. прозвучавшая на съезде румынской компартии из уст ветерана этой партии К. Пырвулеску острая критика культа личности Чаушеску явилась первым симптомом появления трещины и в правящей элите.

После смерти в ноябре 1982 г. Л.И. Брежнева его преемник Ю.В. Андропов, и ранее занимавший более жесткую позицию в отношении политики Чаушеску, санкционирует дозированную критику в советской печати идеологических основ и политической практики румынского национал-коммунизма[29]. Это сказалось и на более острой реакции в связи с освещением в Румынии (не только в публицистике и в исторических исследованиях, но и в художественной литературе) проблем истории Второй мировой войны. Особенно жесткая публикация

* Свидетельство известного российского и молдавского историка В.Я. Гросула (1939–2022), участника конгресса.

появилась в мае 1983 г. в *Литературной газете* в связи с вышедшим в Румынии романом одного из виднейших идеологов режима Думитру Попеску (род. 1928) «Pumnul şi palma» (рум. «Кулак и ладонь»). Исповедь главного героя романа, описывающего жестокости «советских азиатов», рецензент сравнил с геббельсовской пропагандой, выразив также недоумение, почему автор книги ни разу не обмолвился о том, по какому такому праву румынские солдаты оказались под Сталинградом[30]. Показательно также, что, согласно отчетам молдавского Интуриста, хранящимся в кишинёвском социально-политическом архиве, при пересечении границы у румынских туристов в 1980 г. изымался (и возвращался только при отбытии из СССР) роман «Delirul» (рум. «Бред») крупного румынского писателя Марина Преды (1922–1980), в котором давалась отличная от советской версия участия Румынии во Второй мировой войне. Советские идеологи усмотрели в книге скрытое оправдание «восточного похода» Антонеску. Сам 58-летний Преда, чей последний, опубликованный в 1980 г. роман «Cel mai iubit dintre pământeni» (рум. «Самый любимый среди землян»), в котором содержалась критика коммунизма, изымался из библиотек и с прилавков книжных магазинов, скончался в мае того же года в доме отдыха писателей в состоянии тяжелой депрессии.

Приход к власти М.С. Горбачева и его команды застал Румынию в состоянии углубляющегося системного кризиса. В свое время, в августе 1968 г., интервенция в Чехословакии стала для Чаушеску хорошим поводом продемонстрировать как Западу, так и румынскому общественному мнению независимость перед Москвой. Тактика имела временный успех: благодаря осуждению акции ОВД румынский лидер заработал немалый политический капитал как во внутриполитическом (укрепил режим своей личной власти), так и во внешнеполитическом плане (в августе 1969 г. Бухарест посетил совсем недавно приступивший к своим обязанностям президент США Ричард Никсон[31]). Впоследствии этот капитал был полностью растрачен. Постепенное ужесточение внутренней по-

литики Румынии, усиление до грандиозных размеров культа личности, растущая неплатежеспособность по полученным кредитам, жесткие преследования вопреки Хельсинкской декларации оппозиционно настроенной интеллигенции — всё это нанесло в 1970-е годы сильный урон репутации Чаушеску.

Взятый курс на сокращение любой ценой внешнего долга был призван возыметь пропагандистский эффект, внушить населению уверенность в жизнеспособности румынской модели социализма, оптимальности избранного пути, а иностранных партнеров убедить в надежности внешнеторговых соглашений с Румынией. Вводятся строгие меры по экономии электроэнергии, налаживается контроль за потреблением, происходит отказ от финансирования ряда жизненно важных проектов, сокращение социальных программ. Пустеют полки магазинов, людям приходится туже затягивать пояса, но делать это на фоне строительной гигантомании, приобретшей поистине чудовищные формы. Сносятся целые районы исторической застройки Бухареста (сыграло на руку и землетрясение 1977 г.), а на их месте начинает возводиться множество гигантских зданий, призванных символизировать имперскую мощь новой социалистической Румынии, в своей идеологии открыто афиширующей преемственность государственных традиций даков и Древнего Рима. К концу 1980-х годов в стране сложилась ситуация, которую в марте 1989 г. с острым сарказмом прокомментировал в интервью французской газете *Libération* (франц. «Освобождение») известный румынский поэт Мирча Динеску (род. 1950): Румыния — уникальная страна, в которой даже желающий повеситься от безнадежности существования не может этого сделать, потому что в магазинах нет ни веревок, ни мыла.

Режим Чаушеску пал в конце 1989 г., как прекратил свое существование в 1991 г. и Советский Союз. Однако столкновения исторической памяти в связи с вопросами, которые были спорными в эпоху коммунизма, до сих продолжаются и даже обострились — ведь теперь уже не идет речь о соблюдении взаимных союзнических обязательств. Эти споры вовлекают в свою орбиту историков разных стран, включая Украину.

С российской стороны они активизируются, когда в Румынии предпринимаются новые попытки хотя бы частичного оправдания военного вторжения в СССР в июне 1941 г.

Примечания

[1] Так, в отчете советской писательской делегации во главе с Борисом Полевым, посетившей Румынию в августе 1959 г. в связи с юбилеем событий августа 1944 г., когда был отстранен диктатор Антонеску и страна порвала с нацистской Германией, приводится жалоба одного из румынских функционеров: наверно, ваши газеты так мало пишут о Румынии, потому что у нас всё спокойно, а если бы у нас случилось что-то подобное венгерским событиям, то на нас сразу обратили бы больше внимания (Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423).

[2] *Anton M.* Ieșirea din cerc. Politica externă a regimului Gheorghiu-Dej. București, 2007.

[3] Позже, в октябре 1964 г., при отстранении Хрущёва соратники припомнили ему этот эпизод как пример неумения вести нормальный уважительный диалог с руководителями социалистических стран (Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 865).

[4] В журнале *Viață economică* (рум. «Экономическая жизнь») 12 июня 1964 г. один из ведущих румынских экономистов К. Муржеску расценил публикацию статьи как провокацию тех сил, которые стремились к нарушению суверенитета и ущемлению территориальной целостности Румынии путем создания неких надгосударственных органов, пытающихся вмешиваться во внутренние дела страны вопреки её интересам. Главный пафос его выступления заключался в том, что нельзя позволять иностранным ученым при разработке своих далеких от реальности прожектов «черкать своим карандашом по карте нашей родины», думая лишь о том, чтобы, не спросив нас, присоединить наши территории к какому-либо экономическому региону, после чего будут диктовать нам, как эти регионы развивать. Интерпретация Муржеску конкретных предложений Валева была некорректной и довольно демагогической. (Подробнее см.: *Покивайлова Т.А.* От Г. Георгиу-Дежа к Н. Чаушеску. Румыно-советские отношения: смена вех // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е… Экономика, политика, культура / отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 2013. С. 177–206).

[5] Автором статьи был О.Т. Богомолов, в будущем академик и директор Института экономики мировой социалистической системы АН СССР, а в то время сотрудник аппарата ЦК КПСС. (См.: *Богомолов О.* Глубже разрабатывать проблемы сотрудничества стран социализма // Известия. 3 июля 1964 г.).

[6] *Brown J.F.* Rumania Steps Out of Line // Survey. A Journal of Soviet and East European Studies. N 49. October 1963.

[7] *Garthoff R.L.* When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact // Cold War International History Project Bulletin. Woodrow Wilson Washington, International Center for Scholars. Spring 1995. Issue 5.

[8] Вопрос этот нашел отражение в записях заседаний Президиума ЦК (Президиум ЦК КПСС. Т. 1. М., 2003. С. 859).

[9] Запись беседы опубл.: *Стыкалин А.С.* Полемика советского посла и румынского функционера (март 1980 года) об освещении прошлого двусторонних отношений // Славяноведение. 2017. № 1. С. 12–30.

[10] См. в этой связи подготовленную в 1972 г. для аппарата ЦК КПСС записку «О тенденциозном освещении вопросов истории Второй мировой войны и истории Коминтерна в работах румынских историков» (Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 64. Д. 110). По версии некоторых румынских историков, антинациональная линия Коминтерна относилась к числу факторов, подталкивавших королевскую Румынию в поисках союзников к сближению с нацистской Германией.

[11] *Buga V.* Pe muchie de cuţit. Relaţiile româno-sovietice. 1965–1989. Bucureşti, 2013. P. 326–339, 352–356.

[12] Уместно сослаться и на свидетельство известного молдавского историка И.Э. Левита: «Мы считали неправомерным обелять и прославлять реакционных молдавских бояр, не желавших объединения сугубо из боязни утратить свою политическую власть и выступавших против всяких прогрессивных реформ, и объявлять их истинными патриотами, а унионистов (многие из них являлись активными участниками революции 1848 г. в княжествах), сторонников преобразований — антипатриотами» (*Левит И.Э.* Воспоминания о молдавской Академии наук и её первом президенте Я.С. Гросуле. Тирасполь, 2014. С. 213).

[13] См., например: *Кожевников Ю.* Бережно относиться к классическому наследию // Вопросы литературы. 1962. № 1. С. 97–121.

[14] *Cojocaru Gh.E.* «Dezgheţul» lui N. Hruşciov şi problema Basarabiei. Târgovişte, 2014.

[15] См. донесение в Москву первого секретаря республиканской парторганизации Советской Молдавии И.И. Бодюла в ноябре 1965 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 189–195).

[16] *Negru E., Negru Gh.* «Cursul deosebit» al României şi supărarea Moscovei. Disputa sovieto-română şi campaniile propagandistice antiromânesti din RSSM (1965–1989). Studiu şi documente. Chişinău, 2013.

[17] Arhivă Organizaţiilor Social-Politice a Republicii Moldova (далее — AOSPRM). F. 51, in. 52, d. 73, f. 12–13. К реализации этого единого подхода, проецировавшего на многовековую историю представления об особости молдавского этноса, отличного от румын, были приобщены и украинские советские историки (Исторические корни связей и дружбы украинского и молдавского народов. Киев, 1980).

[18] AOSPRM. F. 51, in. 52, d. 106, f. 36.

[19] AOSRM. F. 51, in. 52, d. 106, f. 4, 14, 18.

[20] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64 Д. 110. Л. 152. См. в том же деле отклик историков В.Н. Виноградова и А.А. Языковой (1972) на книгу видного румынского историка академика К. Джуреску, в которой, по мнению советских специалистов, «целый ряд вопросов истории страны с древнейших времен до создания в 1918 г. так называемой Великой Румынии трактуется в духе румынской буржуазной историографии». Как полагали составители отклика, публиковать рецензии на эту книгу в советских исторических журналах нецелесообразно, поскольку это привело бы к полемике между историками двух стран. Отклик был подготовлен в связи с поступившим в аппарат ЦК КПСС запросом из ЦК КП Украины о том, насколько целесообразно реагировать на это издание.

[21] *Лебедев Н.И.* Некоторые вопросы внешнеполитической истории Румынии в освещении буржуазной историографии // Новая и новейшая история. 1967. № 3. С. 146–153.

[22] *Шевяков А.А.* Советско-румынские отношения и Николае Титулеску // Вопросы истории. 1982. № 5. С. 46–59.

[23] См. записку посольства СССР в Бухаресте (январь 1980 г.), подписанную первым секретарем посольства М. Мунтяном (впоследствии профессором МГИМО и Дипакадемии МИД РФ), «О некоторых новых тенденциях в румынской исторической науке в связи с подготовкой в СРР к 2050-летию первого дакского централизованного государства и подготовкой в Румынии всемирного конгресса историков» — экземпляр, направленный для ознакомления ЦК компартии Молдавской ССР (AOSPRM. F. 51, in. 54, d. 7, f. 13–19).

[24] См. выступление Чаушеску 27 мая на совещании в связи с подготовкой конгресса: *Roman Cr.* Directive politice privind tratarea istoriei României în vederea celui de al XV-lea Congres internaţional de istoriei, august 1980 // Arhivele totalitarismului, 2011. N 1–2. P. 203–214. См. также: *Filipescu I-M.* Între propagandă şi interes academic: Al XV-lea Congres internaţional de ştiinţe istorice // Arhivele totalitarismului. 2016. N 1– 2. P. 182–191.

[25] См. подготовленный в посольстве СССР в Бухаресте обзор румынской прессы за 1980 г. (AOSPRM. F. 51, in. 56, d. 1, f. 28–39).

[26] AOSPRM. F. 51, in. 56, d. 1, f. 28–39.

[27] AOSPRM. F. 51, in. 54, d. 7, f. 13–19.

[28] AOSPRM. F. 51, in. 54, d. 106, f. 35.

[29] См., например: *Баграмов Э.* Классовый подход или эклектическая теория факторов? // Новое время. 1983. № 16. С. 18–19.

[30] *Буянов Пимен.* С кулаками на историю. Заметки на полях романа румынского писателя Думитру Попеску. (Литературная газета. 1983. 4 мая. С. 8). Очевидно, что рецензия была опубликована под псевдонимом.

[31] А «тяжеловес» европейской политики генерал Шарль де Голль нашел время посетить Румынию в мае 1968 г., выразив солидарность с её руководством, подвергавшимся советскому давлению, и сделал это, несмотря на крайне неспокойную ситуацию в собственной стране, вызванную студенческими волнениями.

Глава 3

БАЛКАНСКАЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАЛИТРА: ФАКТЫ, ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА, МИФЫ ИСТОРИОГРАФИИ И РЕАЛИИ

DOI 10.31168/7576-0477-0.3.1

Александра Димитрова
МИЛАНОВА

Опера и формирование национального пантеона героев в Румынии в XIX в.[*]

В XIX в. опера пользовалась большой популярностью в Европе. Именно тогда этот вид искусства, прежде бывший развлечением в основном для знати, стал доступным широкой публике. История свидетельствует о том, что инициатива строительства оперных театров принадлежала королевским семьям или богатым аристократам, которые впоследствии брали на себя финансовое содержание здания, а также драматической и оперной трупп. В глазах простолюдинов театры олицетворяли собой богатство и аристократизм. Не удивительно, что прежде, чем штурмовать Бастилию в Париже 14 июля 1789 г., толпа ворвалась в оперный театр. «В то время парижане воспринимали [оперу] как развлечение для элиты, поэтому отмена всех спектаклей была формой возмездия», — отмечал американский историк Теодор Рабб[1]. Девять дней в Опере и Комической опере (*Opéra-Comique*) не светились огни рампы. Когда же театры вновь открылись, их программа значительно изменилась. Пьесы традиционного консервативного содержания, восхвалявшие аристократию и духовенство, уступили место произведениям о героических подвигах простого народа и его неравной борьбе против светской власти и духовенства.

XIX век закрепил начавшиеся изменения: были созданы первые общедоступные оперные театры. Поначалу, помимо дворян, в зале всё чаще можно было увидеть представителей

* Исследование проведено при финансовой поддержке Болгарского фонда научных исследований по договору № КП-06-Русия/19 в рамках работы над совместным российско-болгарским проектом.

буржуазных кругов и интеллигенции. Но постепенно оперные театры превратились в обитель «простого народа» и центр революционных идей. Свидетельством исключительного воздействия оперы на публику является опера «Немая из По́ртичи» (франц. *La muette de Portici*), также известная, как «Фенелла» или «Мазаньелло», французского композитора Даниэля Обера (1782–1871), основанная на либретто Жермена Делавиня (1790–1868) в адаптации Эжена Скриба (1791–1861). Сюжет навеян крестьянским восстанием под предводительством рыбака Мазаньелло в Неаполе в середине XVII в. против испанского владычества. Премьера состоялась в знаменитой Опера де Пари 29 февраля 1828 г. и считается предвестницей бельгийской революции 1830 г.

В 1840-х годах среди венгерского населения Австрийской империи вспыхнули публичные дебаты, известные как «оперная война». Между любителями оперы и «патриотами», предпочитающими традиционный театр, велись острые споры. «Патриоты» опасались, что развитие оперы как космополитического вида искусства приведет к упадку драматического театра и, как следствие, национального самосознания. Сторонники оперы по-прежнему преобладали, и до революции 1848–1849 гг. каждое представление на театральной сцене было либо оперой, либо мелодрамой. В революционные годы театральные постановки часто прерывались публикой, требовавшей от актеров исполнения патриотических песен. В то же время хоровые исполнения опер венгерского композитора Ференца Эркеля (1810–1893) воспринимались как патриотические гимны национального движения[2].

Как и почему опера приобрела такое значение в XIX в.? С одной стороны, в операх находят выражение общеполитические и социальные тенденции. В XIX в. главными действующими лицами больше не являются Боги и короли (как, например, в операх «Орфей» и «Коронация Поппеи» Клаудио Монтеверди (1567–1643)), или дворяне («Дон Жуан» Вольфганга Амадея Моцарта (1756–1791)). Произведения воссоздают жизнь простых людей, которые часто становятся жертвами притеснений

монарха, духовенства и аристократии (например, «Фиделио» Людвига ван Бетховена (1770–1827)) или восстают против тирании правителя («Вильгельм Телль» Джоаккино Россини (1782–1868), «Дон Карлос» и «Набукко» Джузеппе Верди (1813–1901) и др.). С другой стороны, потеснив традиционные итальянский, французский и, реже, немецкий языки, либреттисты создают свои произведения на венгерском, чешском, румынском, сербском, греческом, датском и шведском языках. Композиторы черпают вдохновение из фольклора и часто используют фрагменты народных песен и танцев. Общее впечатление от музыкально-драматического произведения дополнено художественным оформлением сцены, в том числе декорациями, воссоздающими быт простых людей, их нравы и развлечения. Всё это позволяет зрителю узнавать свою повседневную жизнь на сцене, где она представлена как «высокое искусство». Иными словами, органично соединенные либретто, музыка и сценография играют важную роль в популяризации оперы в Европе.

Но опера не просто отражает конкретную социально-политическую действительность. Она постепенно утверждается как активная сила, влияющая на социальные процессы. Цель настоящей работы — проанализировать взаимосвязь между оперой как культурной практикой и созданием национального пантеона героев в Румынии в XIX в. Предполагается исследовать значение оперы в процессе формирования румынского национального (само)сознания и, опираясь на наиболее значимые оперные произведения румынских авторов, наметить основные национальные стратегии и заложенные в них репрезентации.

До начала XIX в. музыкальная культура Дунайских княжеств ограничивалась народным творчеством. Действительно, до возникновения в 1859 г. государственного образования — Соединенных княжеств Молдавии и Валахии эти земли посещали различные итальянские и немецкие оперные труппы, которые исполняли в Темешваре (Тимишоаре), Германштадте (Сибиу), Клаузенбурге (Клуж-Напоке), Бухаресте и

Яссах популярные произведения из европейского музыкального репертуара. Однако концептуализация и институционализация румынской музыки начались только в 1830-е годы, когда всё больше представителей местной элиты, получивших образование за границей (в австрийских, итальянских или французских школах), возвращались на родину и начинали принимать активное участие в культурной жизни.

В 1833 г. выдающийся валашский интеллектуал Ион Элиаде Рэдулеску (1802–1872) основал Филармоническое общество в Бухаресте (рум. *Societatea filarmonică*), «чтобы вытеснить турецкую музыку из нашего общества»[3]. Эта амбициозная цель была полностью достигнута во второй половине века с формированием национального музыкального стиля. В 1835 г. при Филармоническом обществе была открыта специализированная музыкальная школа, где юноши и девушки всех возрастов имели возможность бесплатно изучать вокальную и инструментальную музыку. Первым директором школы стал австрийский композитор Иоганн Андреас Вахманн (1807–1863), который переехал в Бухарест пятью годами ранее. В румынских землях он стал известен как Ион Андрей Вахманн и, по-видимому, был прекрасным педагогом, потому что в очень короткое время его ученики начали с успехом публично исполнять оперы Россини[4]. В 1836 г. писатель Георге Асаки (1788–1869), один из выдающихся румынских интеллектуалов XIX в., получивший энциклопедическое образование во Львове, Вене, Риме и Париже, основал Высшую музыкальную школу в Яссах — Консерваторию музыки и драмы (рум. *Conservatorul filarmonic dramatic).* В учредительных документах школы указано, что ее основной целью является популяризация музыкально-театрального творчества, а также искоренение непрофессионализма в сценическом искусстве[5]. Первым директором Высшей музыкальной школы был румынский композитор, виолончелист и пианист Франц (Франциск) Серафим Кауделла (1812–1868), которому наследовал его сын — скрипач-виртуоз, дирижер, оперный композитор, педагог и музыкальный критик Эдуард Кауделла (1841–1924).

В 1838 г. студенты Ясской консерватории исполнили оперу «Норма» Винченцо Беллини (1801–1835). Спектакль вызвал большой интерес у местной публики и имел успех. Заслуга в этом принадлежит также Георге Асаки, который перевел либретто оперы на румынский язык[6].

После объединения Дунайских княжеств началось интенсивное строительство концертных залов и театров, в основном в Бухаресте и Яссах, где наряду с иностранными исполнителями всё чаще выступают и румынские певцы и музыканты. К концу века многие из них прославились на своих домашних сценах, стремительно росло и число их поклонников.

Основную часть местного репертуара составляли водевили — комедийные постановки с музыкальным сопровождением, основанные, как правило, на сюжетах национальной истории и культуры и повседневной жизни. Водевили включали популярные песни и танцы и неизменно завершались танцевальным выходом. По мнению ряда исследователей румынской городской музыкальной культуры, в этом регионе Европы водевиль можно считать предшественником оперы. Хотя её поклонники в Бухаресте, Яссах и других крупных городах Соединенных княжеств отдавали предпочтение в основном западноевропейской музыке (прежде всего, итальянским и французским операм), государственная культурная политика целенаправленно поддерживала композиторов в создании произведений в национальном стиле с использованием тем и мотивов румынского фольклора. Цель такой политики заключалась в том, чтобы через музыкальное искусство постепенно формировать национальное (само)сознание населения.

Постепенно новые произведения не просто меняют музыкальные предпочтения публики, но и помогают сформировать национальный пантеон героев. Центральное место в нем занимает фигура Михая Храброго (Витязула) (1558–1601) — князя, в 1599–1600 гг. правившего территориями, которые примерно через три столетия будут объединены в современную Румынию (Валахию, Молдову и Трансильванию). На время его правления пришлась Долгая война (1591/1593–1606),

также известная, как Тринадцатилетняя или Пятнадцатилетняя, между Габсбургской монархией и Османской империей в приграничных владениях двух стран. В то время Михай Витязул был одним из самых богатых и влиятельных валашских дворян. При поддержке султана осенью 1593 г. он стал воеводой Валахии, но годом позже перешел на сторону Священной лиги папы Климента VIII против османов. Осенью 1595 г. войска Михая Витязула ненадолго захватили несколько небольших крепостей, расположенных на Дунае, в том числе Джурджу, Флочи, Харшову и Силистру. 18 октября 1599 г. его армия одержала важную победу над кардиналом Андрашем Ба́тори, правившим в то время Трансильванией. В следующем году под предводительством Михая была завоевана Молдова, а молдавский воевода Иеремия Могила был вынужден покинуть свои владения. Таким образом, пусть и ненадолго, валашский князь установил свою власть над завоеванными землями. Победы Михая над османской армией и объединение Валахии, Молдовы и Трансильвании сделали его символом борьбы румын за независимость. Более того, в сознании румын фигура князя-объединителя стала даже более важной, чем основателей княжеств Валахии и Молдовы[7]. Именно в XIX в. Михай Витязул был провозглашен национальным героем под именем Михая Храброго. Ему были посвящены художественные, литературные и музыкальные произведения, в том числе несколько опер.

Так, в 1848 г. упомянутый ранее Ион Андрей Вахманн написал музыкальное сочинение для голоса и оркестра «Михай Храбрый накануне битвы при Кэлугэрени», которое в историографии принято считать первой «румынской» оперой. Либретто было написано Ионом Элиаде Рэдулеску. Произведение в трех действиях было вдохновлено одним из наиболее значительных событий в истории Валахии — битвой при Кэлугэрени 13 августа (ст. ст.) 1595 г. между румынскими войсками во главе с Михаем Храбрым и армией османского военачальника, «покорителя Йемена» и «покорителя Туниса» Коджи Синан-паши. Огромное численное превосходство османов позволило

им захватить Бухарест и Тырговиште. Но осенью 1595 г. отступающие войска Михая Храброго, объединившись с армией Сигизмунда Батори (князя Трансильвании в 1571–1598 гг.), отвоевали оба захваченных города, после чего нанесли сокрушительное поражение османским войскам у Джурджу 26 октября 1595 г.

Опера начиналась с монолога-арии валашского предводителя, перемежавшейся речитативами, о славном прошлом и мужестве его народа:

Румыния родная, дочь Рима!
Ты выдержала вековые битвы против вражеских орд,
Ты спасла Европу от зла, пришедшего с Востока […]
Твоя мученическая кровь пролита за честь Креста[8].

Во втором действии Михай Храбрый горячо молится Богу и просит его защитить страну от язычников. В разговоре с капитаном Бузеску Михай пытается поднять боевой дух солдат словами: «Язычники содрогнутся, потому что румыны положат конец их господству»[9]. Постановка заканчивается сценой, в которой Михай призывает солдат сражаться с турками, а собравшаяся вокруг него толпа отвечает восторженными криками: «Пусть кровью ненавистных врагов окрасятся реки»[10].

Первоначально музыка Вахманна имитировала стиль итальянских опер и не содержала ничего конкретно «румынского» или «национального». Но во втором варианте, исполненном в 1859 г., композитор включил в оркестровую часть народные мелодии с целью создания так называемого местного колорита (*couleur locale*[11]).

Хотя сочинение Вахманна нельзя сравнивать с операми, созданными и исполнявшимися в то время в Западной Европе, оно сыграло важную роль в развитии румынской музыки и в сценическом воспроизведении национального (само)сознания. В произведении наличествуют характерные признаки водевиля, связанные с исторической тематикой и акцентом на эмоциональные переживания персонажей. Вопреки истине Михай Храбрый предстает как «человек из народа». Буду-

чи, в действительности, одним из богатейших бояр Валахии, гордым, амбициозным и самодержавным правителем, князь в операх XIX в. изображен лишь с «героической» стороны — как икона национально-освободительного движения и символ единства румынского народа.

Материалы из личного архива Иона Вахманна свидетельствуют о том, что личность Михая вызывала у него большой интерес. По всей видимости, композитор задумывал создание цикла произведений. В сохранившихся рукописях содержится множество фрагментов и набросков под авторскими названиями: «Губернатор Крайовы» (рум. *Ban Crajovi*), «Тень Михая Витязула» (рум. *Umbra lui Mihai Viteazul*), «Смерть Михая Витязула» (рум. *Moartea lui Mihai Viteazul*) и др. Однако первая «румынская» опера «Михай Храбрый накануне битвы при Кэлугэрени» осталась единственным публично представленным произведением Иона Вахманна, посвященным валашскому князю[12].

К сожалению, отсутствие материалов, в частности, заметок, статей или обзоров в периодических изданиях, не дает возможности составить представление о том, как восприняла оперу румынская публика.

Михай Храбрый стал центральной фигурой ещё двух опер, которые очень быстро стали восприниматься как национальные. В 1866 г. Карл Теодор Вагнер (1801–?), композитор и дирижер Национального театра в Крайове, написал «Смерть Михая Витязула» (рум. *Moartea lui Mihai Viteazul*). Образ главного героя у Вагнера намного сложнее, чем созданный Вахманном: Михай предстает как безжалостный воин.

Румынский музыковед О.Л. Косма пишет, что правительство официально обратилось к писателю и поэту Йозефу Вулкану (1841–1907) с просьбой написать музыкальную драму на румынском языке для представления труппой итальянского театра в Бухаресте. Австрийский композитор Юлиус Зульцер (1830–1891) работал над музыкой в 1868–1869 гг., но сценического воплощения его произведение так и не получило. Официальная причина заключалась в том, что либретто оперы было написано на итальянском, а не на румынском языке.

Однако допустимо и иное объяснение, также связанное с либретто: Зульцер, желая написать «национальную румынскую оперу» (франц. *un opéra national Roumain*), обратился к ключевому событию истории Румынии — объединению Валахии, Молдовы и Трансильвании под властью Михая Храброго. Но главный персонаж представлен отнюдь не как герой и не воспринимается как таковой. Михай у Зульцера — жестокий и безжалостный правитель, воин, который огнем и мечом подчиняет Трансильванию. Даже его собственная дочь Флорика протестует против жестокости отца. Финал спектакля, впрочем, вполне благостный: Михай раскаивается в своих злодеяниях и просит у дочери прощения.

Смысловой центр оперы Зульцера — страдания венгерского населения Трансильвании. Трактовка автором личности и деяний Михая в таком контексте, несомненно, расходилась с представлениями официальных кругов, желавших видеть на румынской сцене музыкальную драму и привлекательного героя-объединителя. Концептуально произведение австрийского композитора противостояло национализму и осуждало его как нежелательную для человечества идеологию, ставящую одну нацию в привилегированное положение перед другой, опирающуюся на насилие и тем самым разжигающую вражду между народами. Позиция Зульцера в то время вряд ли могла быть хотя бы снисходительно воспринята властью, что и определило, в конечном счете, судьбу его произведения.

Обращаясь к знаковым в истории нации личностям, общество, как показывает жизнь, предпочитает опираться на их художественную трактовку и образное воплощение, а не особенно стремится оценить реальную картину и факты прошлого. Так обстоит дело и с личностью Михая Храброго, трансформацию в восприятии которой современными соотечественниками отметил Лучиан Бойя. Румынский историк утверждает, что это свидетельствует об идеологических изменениях в румынском коллективном сознании[13].

В источниках XVII–XVIII вв. о Михае Храбром говорится преимущественно как о храбром доблестном полководце, за-

щитившем свои владения от османской армии. Однако присутствуют и негативные оценки его личности и действий. Так, молдавский летописец и политический деятель Мирон Костин (1633–1691) писал о Михае как о завоевателе Трансильвании и Молдовы, «вызвавшем много страданий и кровопролития и поэтому ненавидимом соседями-влахами»[14]. Будучи молдавским патриотом, получившим образование в иезуитском колледже в г. Баре, Костин в своих хрониках отражал идею борьбы против османского ига в Молдове и во внешней политике ратовал за молдавско-польское сближение. Поэтому понятны его оценки Михая, завоевавшего Молдову и разгромившего в 1600 г. польскую армию.

Однако националистического пафоса лишены также и валашские источники. Вместо того, чтобы прославлять военные успехи Михая, анонимная хроника конца XVII в. «История валашских правителей» (рум. *Istoria domnilor Ţării Româneşti*), составленная на основе более ранних летописей, в том числе и Раду Попеску (ум. 1729), фактически дискредитировала его противников: «Михай завладел ими, потому что все они были глупыми, как ослы»[15]. Хронист подчеркивает, что император Священной Римской империи Рудольф II Габсбург (1576–1612), король Чехии и Венгрии, с похвалой отзывался о действиях валашского правителя в Трансильвании только потому, что «венгры всегда выступали против императора Священной Римской империи»[16].

На основе вышеизложенного можно утверждать, что образ Михая Храброго в «румынской» историографии вплоть до XIX в. сильно отличался от его художественного воплощения в литературных и музыкальных произведениях XIX и XX вв. Ни в трудах летописцев XVII в., ни в произведениях так называемой Трансильванской школы* валашский правитель

* Трансильванская школа — политическое и культурно-языковое движение румынской интеллигенции среди иезуитов и униатов на территории австро-венгерской Трансильвании. Возникло во второй половине XVIII — начале XIX вв. в Трансильвании, постепенно распространилось на территории Валашского княжества, а затем — Соединенных княжеств Валахии и Молдавии и независимой Румынии (прим. редколлегии).

не представлен как национальная икона или символ единства румынского народа. Наоборот, эти произведения обычно прославляют христианство и подчеркивают амбициозные планы Михая Храброго и его добрые отношения с императором Рудольфом II.

Однако к середине XIX в. оценки личности и деятельности валашского князя претерпели значительные изменения. Михая Храброго всё чаще изображали как объединителя румынского народа и символ национально-освободительной борьбы. Он стал национальным героем и главным действующим лицом первых румынских опер. Интеллигенция и деятели культуры преувеличивали его военные успехи и превратили их в национальный нарратив, инструмент идеологизации и манипулирования массами в интересах национальной правящей элиты. Не удивительно, что на протяжении всего XX в., по мере развития современного румынского государства, Михай Храбрый был постоянным персонажем в националистической риторике и стал любимым героем при режиме Чаушеску.

Примечания

1 *Rabb T.K.* Opera, Musicology, and History // Journal of Interdisciplinary History. 2006. N 36/3. P. 322.

2 The Musical Constructions of Nationalism. Essays on the History and Ideology of European Musical Culture 1800–1945 / eds. Harry White and Michael Murphy, Cork, 2001. P. 111. Особой популярностью пользовались мелодии и частично новые тексты оперы «Ласло Хуньяди» (1844 г.), ставшие массовыми песнями во время революции 1848–1849 гг. (прим. редколлегии).

3 *Breazul G.* Pagini din istoria muzicii româneşti. Vol. 1. Bucureşti, 1966. P. 101.

4 *Tulvan Gh.* Scurtă istorie comparată a muzicii maghiare şi româneşti în context istoric şi European. Bucureşti, 2007. P. 78.

5 Ibid. P. 84.

6 *Breazul G.* Pagini din istoria… P. 101.

7 *Boia L.* Istorie şi mit în conştiinţa Românească. Bucureşti, 2006. P. 189–214.

8 *Cosma V.* (ed.). Muzicieni Români. Lexicon. Bucureşti, 1970. P. 462.

9 Michaiu in ajunul bataliei de la Calugareni. Bucureşti, 1848. P. 3.

10 Ibid. P. 5.

11 *Cosma O.L.* Hronicul muzicii româneşti. Vol. III. Preromantismul 1823–1859. Bucureşti, 1975. P. 312–313.

[12] Ibid. P. 312.

[13] *Boia L.* Istorie şi mit în conştiinţa Românească. P. 72.

[14] *Costin M.* Opere. Vol. I / ed. P.P. Panaitescu. Bucureşti, 1965. P. 24.

[15] *Popescu R.* Istoriile domnilor Ţării Româneşti // Cronicile Medievale ale Romîniei IV, Istoriile Domnilor Ţării Româneşti / ed. Constantin Grecescu. Bucureşti, 1963. P. 80.

[16] Ibid. P. 326.

DOI 10.31168/7576-0477-0.3.2

Марина Михайловна
ФРОЛОВА

*Болгарские четы в Ловченском крае в 1877 г.: мифы историографии и реалии опубликованных источников**

Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., кардинально изменившей геополитическое пространство Балканского полуострова, посвящен, без преувеличения, огромный массив литературы. Каждая эпоха выдвигала свои приоритетные направления в исследовании: дореволюционная историография стремилась досконально выяснить военную составляющую проблемы; марксистская историческая наука повышенное внимание уделяла изучению участия в войне болгарского народа и рождения русско-болгарского боевого содружества; крах в Болгарии коммунистического режима положил начало пересмотру исторического прошлого в широком проблемно-хронологическом диапазоне, обусловленному кардинальными переменами общественных настроений и по-новому понимаемыми стратегическими интересами страны. Объектом «нового прочтения» истории стала и русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Длительное время установочным для исследователей являлось положение, сформулированное в 1948 г. видным деятелем болгарского и международного коммунистического движения Василом Коларовым, о двух основных факторах, которые обеспечили освобождение Болгарии: русское военное вмешательство и широкое болгарское национально-освободительное или революционное движение при решающей роли

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Проект № 20-59-18004 «Векторы исторического развития и национальные идеи на Балканах в XVIII–XXI вв.».

русской военной силы[1]. Данная концепция отражена в работах советских и болгарских ученых: В.Д. Конобеева, П.К. Фортунатова, А.А. Улуняна, В.И. Виноградова, В. Хаджиниколова, Хр. Христова, Ц. Генова, Ст. Дойнова, К. Косева и др. Она остается ключевой и в современной болгарской литературе[2]. Болгарские вооруженные отряды или четы, о которых также писали Г. Димитров, Г. Тодоров, П. Горанов, Л. Спасов и др., характеризуются как одна из высших форм национально-освободительной борьбы. Деятельность чет обычно героизировалась, подчеркивался их значительный вклад в действия русской армии по разгрому неприятеля[3]. В настоящее время, когда преодолеваются идеологизированные и политизированные подходы к изучению прошлого и исследователи имеют возможность работать в новой исследовательской парадигме, назрела необходимость вернуться к рассмотрению вопроса об участии чет в русско-турецкой войне. Основанием для этого явилось обращение автора настоящей работы к ранее опубликованным источникам — прежде всего, к многотомному «Сборнику материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» и воспоминаниям русских офицеров, участников войны, — и намерение представить их читателю по-новому, «без купюр», которые широко допускались в марксистской литературе и, к сожалению, до сих пор практикуются во многих трудах современных болгарских авторов.

В марксистской историографии был распространен тезис о том, что поначалу русское командование отрицательно или сдержанно относилось к поддержке развертывания массовой вооруженной борьбы болгарского народа и что заставили его прибегнуть к формированию чет неудачные действия под Плевной. В Ловченском крае это было поручено дипломатическому чиновнику при главнокомандующем Дунайской армией М.А. Хитрово. Болгарские историки Ст. Дойнов и К. Косев утверждали, что на самом деле власть в окрестностях Ловчи (совр. Ловеч), Тетевена, Трояна была сосредоточена в руках главного воеводы Ильо Маркова, а не Хитрово. При этом «размах вооруженной борьбы показывал ясно, что болгары рас-

полагают достаточными силами для проведения различных операций»[4].

Согласно официальным документам, после перехода частей русской армии через Дунай командование, действительно, отказалось вооружать болгарское население, но отнюдь не из-за опасений, что вооруженное выступление может перерасти в классовую борьбу[5], а потому, что болгары «показали готовность стать при первой возможности такими же притеснителями турок, какими последние были относительно их». Отметивший такую возможность командир 14-й пехотной дивизии генерал-майор М.И. Драгомиров приказал не раздавать болгарам оружие, отобранное в турецких селениях[6]. Русское командование, призывая турок оставаться в своих деревнях, жить мирно и исполнять все требования русского правительства, должно было позаботиться и об их безопасности. С этой целью приходилось «ставить» русских солдат по турецким селениям[7].

Подобные меры были обоснованными: на освобождаемых территориях, покинутых турецкой администрацией и местным мусульманским населением, нередко появлялись вооруженные отряды болгар или четы. Генерал-лейтенант Д.Г. Анучин, во время войны помощник князя В.А. Черкасского, заведующего гражданскими делами в Болгарии при главнокомандующем действующей армией, писал: «Начав действовать только против турок, угрожавших христианам, они скоро не отказывались захватывать в свою пользу всё попадавшееся им под руку, так как трудно было разобрать, что именно брошено мусульманами и что принадлежит христианам»[8]. В качестве примера Анучин, используя материалы дела из архива Главного военно-судного управления, рассказал о «похождениях» шайки, которой руководили священник Иордан Харизанов из Дряновского монастыря и дезертировавшие из Болгарского ополчения дружинники Иван Гицов и Стефан Стоянов. Оказалось, что за несколько дней (с 26 июня по 7 июля 1877 г.) шайка ограбила семь деревень, отобрала у жителей деньги (191 615 пиастров), много одежды и белья, ковров, оружия, посуды, мебели, 202 головы крупного и 1 045 голов мелкого скота.

Анучин описал один из способов обирания бандой населения. Отстав от своей дружины, шедшей в Передовом отряде генерал-лейтенанта И.В. Гурко, Гицов пришел в д. Яиджи и объявил её жителям, что они не имели права присваивать оставленное бежавшими турками имущество, которое (особенно скот) предназначено для нужд русской армии, и что он, Гицов, будто бы послан самим главнокомандующим собирать турецкий скот. Ему поверили и тотчас же выдали 11 возов ячменя и 100 голов овец. На другой день по пути в Тырново через Яиджи проезжал главнокомандующий. «Без сомнения, для того, чтобы еще более укрепить в жителях доверие к себе», — пишет Анучин, — Гицов собрал их для встречи великого князя, обучив, что́ при этом надо делать и какими возгласами встречать дорогого гостя. Проводив кортеж главнокомандующего, шайка продолжила свои преступные действия, нередко прибегая к насилию и жестокости[9].

Военный корреспондент В.В. Крестовский также описал варварство разбойников, но, вероятно, он опирался на устные свидетельства, поскольку во многих деталях его информация отличалась от сведений Анучина, изучавшего архивные документы. Однако в главном сообщения Анучина и Крестовского совпадали: болгары грабили и мусульман, и своих соплеменников, прикрывая преступные действия авторитетом русских войск[10]. В отличие от офицеров и князя Черкасского, не видевших особой разницы между четами и подобными бандами, болгарские историки В. Хаджиниколов, К. Косев, Ст. Дойнов и др. интерпретировали сведения о шайке Гицова, Стоянова и Харизанова, почерпнутые из книги Крестовского, как нечистоплотную коммерческую деятельность некоторых богатых или жадных до денег болгар. При этом авторы подчеркивали, что подобные «нечистые сделки» являлись исключением[11].

Казачьи разъезды, как писал К.К. Пеллегрини, адъютант командира IV армейского корпуса генерал-лейтенанта П.Д. Зотова, нередко встречали и били таких разбойников, к тому же «не пользующихся военными приемами осторожности: они кутят по деревням и, в виде развлечения, кого-нибудь убивают…».

23 июля 1877 г. в с. Пелишат были приведены пятеро задержанных всадников, «все они кровные болгары и, конечно, разбойники, пользующиеся смутным временем для своих делишек. Попав в руки русских, они надеются на спасительную религию и кладут крест...»[12]. С такими бандами успешно боролось и русское гражданское управление во главе с князем Черкасским.

В горах, где русских войск было меньше, чем в долинах, ликвидировать возникшую «анархию» и успокоить край было сложнее. Там действовали вооруженные болгарские четы, «грозящие общему спокойствию и вызывающие образование турецких шаек», которые появлялись со стороны Осман-Базара и Ловчи или из-за Балкан, отмечал Анучин. Князь Черкасский прекрасно понимал, что четы могли не подчиниться требованию гражданского управления в Болгарии — «разойтись», поэтому «поневоле пришлось не только признать их существование, но даже уполномочить некоторые из них на водворение порядка в строго определенных местностях. Этим путем, входя в сношения с большими четами, возможно было уничтожить меньшие из них, которые или расходились сами, или присоединялись к большим четам, получившим, так сказать, право официального существования»[13].

Советские историки В.Д. Конобеев и А.А. Улунян в архивных фондах выявили рапорт полковника Генерального штаба П.Д. Паренсова от 4 июня 1877 г., докладную записку полковника Генерального штаба Г.И. Бобрикова от 15 июля, рапорт полковника Генерального штаба Н.Д. Артамонова от 11 августа[14], сведения о записке М.А. Хитрово*. Во всех этих доку-

* Несмотря на многолетние поиски в архивах, ни Конобеев, ни Улунян не смогли отыскать докладную записку М.А. Хитрово начальнику полевого штаба А.А. Непокойчицкому в августе 1877 г. Но, как считали ученые, о её содержании можно было судить по письму корреспондента газеты *Северный вестник* Д.К. Гирса И.С. Аксакову от 14 сентября того же года (*Конобеев В.Д.* Русско-болгарское боевое содружество в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. М., 1953. С. 63; *Улунян А.А.* Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971. С. 54; *Он же.* О формировании болгарских чет в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1972. С. 244).

ментах обосновывалась возможность использовать болгарские четы при ведении военных действий, прежде всего, в развертывании партизанской войны[15].

Генерал-лейтенант Анучин утверждал, что Хитрово начал высказывать мысль о необходимости создавать четы еще задолго до перехода русской армии через Дунай[16]. Он опирался, прежде всего, на свой опыт работы в качестве первого русского консула в г. Битола (1861–1864 гг.), административном центре обширного Румелийского или Битольского эялета, куда входили, помимо македонских земель, некоторые территории Албании. Изученные нами консульские донесения Хитрово свидетельствуют, что в 1862 г., в разгар восстания в Герцеговине во главе с Лукой Вукаловичем, поддержанного выступившими против Османской империи черногорцами, русский дипломат пытался организовать какое-нибудь движение и в Румелийском эялете, чтобы хотя бы частично отвлечь турецкие силы от Черногории, но тщетно. При дальнейшем изучении этого региона Хитрово обратил внимание на повстанческий потенциал албанцев, а также жителей Велеса и его окрестностей. С тех пор он, надо полагать, поддерживал личное знакомство со многими македонскими воеводами[17].

Летом 1877 г. русское командование приняло решение об использовании чет. 30 июля Хитрово, снабженный полномочиями, выехал в Бухарест и Белград, где, как пояснял русский военный историк Н.Р. Овсяный, находились главные воеводы гайдуцких болгарских чет. Хитрово предложил им отправиться на театр военных действий для участия в охранительной и сторожевой службе на флангах и в авангарде русской армии[18]. «С помощью своих старых битольских знакомых» Хитрово задумал «устроить четы», — констатировал Н.П. Игнатьев, бывший посол в Константинополе[19]. 16 августа Хитрово вернулся из Сербии и докладывал за чаем у главнокомандующего великого князя, что «нашел начальников чет, причем уверял, что за охотниками дело не станет»[20]. Впоследствии Хитрово писал о своей деятельности во время войны, что она «была самого фантастического свойства. Я исполнял некоторые от-

дельные поручения, собирал болгарские четы»[21]. По свидетельству дипломата Ю.С. Карцова, во время войны Хитрово ходил в «фантастическом костюме» и набирал «шайку албанцев», а князь Черкасский называл его «атаманом разбойников»[22].

Эта характеристика не была случайной: князь с осторожностью относился к созданию чет. В письме от 21 августа 1877 г. начальнику полевого штаба Дунайской армии генерал-адъютанту А.А. Непокойчицкому он высказал свои опасения и предлагал меры контроля: «Не получая никакого жалованья или содержания и набираемые из людей неимущих», четы будут «жить исключительно грабежом». Чтобы оградить христианское население, Черкасский считал целесообразным располагать четы при передовых частях русских войск, а не в местностях, где уже введено гражданское управление. Более того, князь не соглашался с Хитрово, чтобы четы были «во всем предоставлены собственному произволу», и считал совершенно необходимым каждую чету «подчинить начальникам передовых частей» «с возложением на военное начальство непременной обязанности не дозволять четам возвращаться внутрь страны». Он требовал внимательно отнестись к назначению руководителей чет, а также обратить внимание на их состав. Четы, предупреждал Черкасский, будут набираться «отчасти из болгарских проходимцев в Румынии», многие из которых вступили в Болгарское ополчение, а после перехода через Дунай дезертировали. Дружины освободились от таких ополченцев, бывших для них лишь «бременем и позором»[23].

Непокойчицкий доложил главнокомандующему о письме Черкасского, однако великий князь не во всём соглашался с дипломатом. Тем не менее, он приказал сообщить о болгарских четах начальникам передовых отрядов. Он считал желательным располагать их перед регулярными войсками, что облегчило бы русским ведение разведки и, соответственно, создавало дополнительные трудности для лазутчиков противника. Великий князь полагал, что «вредная сторона деятельности чет уменьшится по возможности осмотрительностью в выборе

начальников и другими соответственными случаю мерами»[24]. К таким мерам, например, относилась выдача воеводам «свидетельств» за подписью начальника штаба действующей армии. Этот важный документ оформлял право воеводы на организацию четы и прописывал её цели и задачи: «защищать оружием свою родину от зверских грабительских нападений черкесов и башибузуков», собирать сведения о расположении, передвижении и числе турецких войск, самостоятельно действовать «впереди и на флангах русских императорских войск», «ни в коем случае не обращать своего оружия против мирных жителей, обезоруженных мусульман и христиан». Полностью «Свидетельство» было опубликовано А.А. Улуняном[25]. В болгарской историографии (Г. Димитров, Ст. Дойнов) выдача этих документов расценивалась как способ ограничить свободу и размах четнического движения, чтобы «держать под присмотром все действия болгарских юнаков». Развертывание широкой партизанской войны, по мнению этих авторов, было «не по вкусу» управлявшим консервативным кругам[26], которые, в соответствии с господствовавшими в историографии идеологическими стереотипами, должны были бояться самостоятельного народного движения.

Военный корреспондент газеты *Северный вестник* Д.К. Гирс, «побывав лично в Балканах и узнав тамошнее энергическое, горское население болгар», считал идею Хитрово, «идею этого войска — самой счастливой». Он был уверен, что «она разовьет во всем болгарском народе самозащиту и положит начало народной войны, в то время как до сей поры болгары во всем полагались на защиту русских сил и гибли от рук турок тысячами. Теперь им ничего не остается, как драться с бессердечным врагом не на живот, а на смерть»[27]. Гирс, горячо сочувствуя Хитрово, обратился к И.С. Аксакову в письме от 14 сентября с просьбой прислать через Славянский комитет несколько десятков или сотен револьверов, считая их самым подходящим оружием для «горной одиночной войны»[28]. Присылать револьверы и патроны к ним следовало на имя М.А. Хитрово.

В Ловче в сентябре 1877 г. Хитрово сформировал первые четыре вольные четы, воеводами в которых были: Илья Марков (он был привезен Хитрово из Белграда), Дмитрий Трифонов, Георгий Пулевский и Георгий Огненов с Иванчо Роби*. Затем в конце октября воевода Цеко Петков, получив 50 полуимпериалов на покрытие первых неизбежных расходов[29], организовал еще одну чету в Троянском монастыре. Причем чету Ильи Маркова и чету Хр. Иванова-Големия** городской совет Ловчи взял на свое содержание[30]. И тем не менее, в рапорте начальника Ловченского округа подполковника Е.С. Спокойского-Францевича от 7 сентября 1877 г. на имя тырновского губернатора генерал-майора М.А. Домонтовича сообщалось о жалобах горожан на проживавших в городе вооруженных болгар, которые уводили скот и лошадей у мирного турецкого и болгарского населения. Начальник округа призвал к себе воевод для проверки документов. Оказалось, что трое имели свидетельства, выданные генерал-адъютантом Непокойчицким, а еще одно подписал губернатор генерал-майор Домонтович[31]. Подполковник прочитал воеводам правила, согласно которым «забранное четами у неприятеля имущество должно было представляться в ближайшее окружное управление и скот употреблять на нужды болгар, ограбленных турками». Без разрешения окружного начальника это имущество (следовало ещё доказать, что оно захвачено у неприятеля) не могло быть продано частным лицам.

Вскоре, однако, Г. Огненов продал часть скота и лошадей и был вторично вызван в окружное управление. Воевода заявил, что сам он готов исполнять приказание, но «его чета не повинуется и полагает своим правом захватывать всё без предъяв-

---

* Илья Марков (1805–1898) — из Берово, Македония; Дмитрий Трифонов — родом из с. Лобушница, Македония; Георгий Пулевский и Георгий Огненов — родом из с. Галичник, Македония; Иванчо Роби (Иван Андреев Роби) (1850 — после 1916) — из Охрида; Цеко Петков — из с. Дылгошевци, Ломский край (*Чолов П.* Българските въоръжени чети и отряди през XIX век. София, 2003. С. 191–194, 196–197).

** Христо Иванов Големия (Кыкриненец) (1838–1896) из с. Кыкрина, Ловченский край, сподвижник В. Левского.

ления властям». Воевода другой четы Корфаногов* заявил, что «его чета бунтует, узнав о невозможности присваивать себе всего добытого в поисках», что, как отмечал Спокойский-Францевич, объясняло «задачу и цель их поступления в чету». Данные сведения, в совокупности с жалобами болгар, свидетельствовали о том, что ныне четы, вместо башибузуков, третируют мирное турецкое и болгарское население. Подполковник доложил обстановку командиру 3-й пехотной дивизии, начальнику Ловче-Сельвинского отряда генерал-лейтенанту П.П. Карцову и, получив его согласие, назначил на 8 сентября собрание всех «бездействующих в городе» чет «для объявления и внушения им правил, а равно и повиновения их начальникам». Спокойский-Францевич намеревался «ослушных» обезоружить, составить протокол дознания с последующим его предоставлением тырновскому губернатору генерал-майору Домонтовичу[32].

Серьезность данной проблемы выявляется и из опубликованных писем воеводы Хр. Иванова Спокойскому-Францевичу. 10 сентября чета Иванова, вступив в с. Лесидрен в 40 верстах от г. Ловчи, узнала от жителей, что турки, следуя через с. Лешница, напали на болгар. Авангард четы (20 всадников и 20 пеших) застал в горящем селении 25 вооруженных турок, которые, увидев четников, убежали в горы. В селении были обнаружены трое зарезанных жителей (молодой крестьянин, старушка и молодая женщина). Вечером сюда пришла чета из 30 (в другом письме из 25) человек под руководством Драгни Йакимова (Якимова), жителя с. Черни-Осым Троянского края.

Далее в письме воевода сообщил, что чета Якимова хорошо сражалась и охраняла сёла Голяма-Желязна и Лесидрен. Но так как она не имела «открытого листа», удостоверявшего, что может действовать самостоятельно (вероятно, имелось в виду свидетельство), Иванов предложил её членам войти в состав его четы, но все они решительно отказались. В с. Голяма-Желязна он обнаружил до 10 телег, груженных разным

* В имеющейся литературе не встречается воевода с такой фамилией.

турецким и болгарским имуществом, которое отряд Якимова захватил у убегавших турок и намеревался переправить в Троян. Иванов задержал обоз и выставил возле него охрану. Четники Якимова решили отобрать свою добычу и готовились к нападению. Посоветовавшись со своими четниками, Иванов разоружил людей Якимова[33].

В других опубликованных письмах Хр. Иванова (например, от 17 ноября и 5 декабря 1877 г.) сообщалось, что многие воеводы не гнушались добычей, а он давно отошел от этого занятия и из-за отсутствия денег до сих пор не переслал своей семье ни одной монеты. Вопрос о вознаграждении за услуги, оказываемые русской армии, как следует из переписки Иванова с Н.Г. Кабакчиевым*, был одним из наиболее болезненных и острых, а дружеские отношения между адресатами предполагали высокую степень доверия и откровенности[34].

Разумеется, одними приказами нельзя было остановить четы от грабежа мирного населения. В середине осени (17 октября) Хитрово предложил Непокойчицкому установить воеводам или четоводам определенную плату по числу людей в их четах: от 20 до 25 коп. в день на человека. Это жалованье, полагал Хитрово, давало бы право русским офицерам быть более требовательными к соблюдению четниками дисциплины и лучше контролировать их поведение. Опыт уже показал, что оплата была необходима, особенно в зимнее время, так как четники нуждались в теплой обуви, одежде, должны были покупать еду[35]. Предложение Хитрово было одобрено главнокомандующим. Непокойчицкий отдал 12 ноября распоряжение о выплате четоводам денег через военных начальников из расчета по 25 коп. в день каждому четнику. В ноябре, по его сведениям, четы действовали только в окрестностях Ловчи. Для них нужную сумму должен был получить и передать подполковник Генерального штаба В.А. Сухомлинов, временно прикомандированный к Ловче-Сельвинскому отряду[36].

* Кабакчиев Н.Г. (1847–1895), родом из Тырново, один из организаторов разведывательной сети в Болгарии под руководством полковника Н.Д. Артамонова, находился осенью в Ловче.

Из доклада Хитрово от 15 апреля 1878 г. следует, что состав чет не был постоянным, колеблясь от 30 до 60 и более человек. Это объяснялось тем, что местные жители вступали в чету лишь на время её действия на территории их проживания. Переход четы на другую территорию сопровождался изменением её состава: выбывали одни добровольцы, приходили новые. «Вообще болгаре из местности между Балканами и Дунаем не дали четам особенно полезного и надежного контингента, — сообщал Хитрово. — Во всё же время в четах оставались постоянно под оружием лишь четоводы и та горсть македонцев, из которых были составлены первоначальные кадры чет»[37].

Вероятно, столкнувшись с пассивностью населения Северной Болгарии, Хитрово начал набирать добровольцев в Румынии и Сербии. В начале ноября 1877 г. он просил Непокойчицкого оплатить расходы на перевозку их по железным дорогам Румынии, а также на содержание из расчета 15 полуимпериалов в месяц Ст. Везенкову, который осуществлял связь Хитрово с руководителями чет из числа македонцев[38]. Весной 1878 г. в своем донесении Хитрово признавал, что при неблагоприятных обстоятельствах, когда вербовка добровольцев уже сопровождалась значительными трудностями, удалось достигнуть относительно хороших результатов благодаря «исключительно неутомимой деятельности привезенных из Сербии и Румынии первых четоводов-македонян и, в особенности, усердию и распорядительности» Ст. Везенкова[39].

Помощник князя Черкасского генерал-лейтенант Анучин прокомментировал ситуацию следующим образом. Он писал, что поначалу «надежды на формирование чет были блестящие». В Тырново в распоряжении Хитрово из Систово (совр. Свиштов) отправили для вооружения чет 380 ружей и 75 700 патронов. Однако ожидания не оправдались: «дело формирования чет не спорилось, и их образовалось немного и при том весьма малосильных». Хитрово объяснял это тем, что за формирование чет взялись очень поздно и что осенью и зимой 1877 г. «спрос на рабочих в Болгарии и Румынии был весьма

велик, и заработная плата стояла высокая». Но Анучин «неудачу» приписывал тому, что с августа 1877 г. гражданские власти уже крепко держали край в своих руках и не допускали грабежей и самоуправства. «Работать в четах внутри занятого края было невозможно, а идти на передовые позиции и подвергаться опасности встреч не только с башибузуками, но и с регулярными турецкими войсками — не многим приходилось по вкусу»[40], — писал генерал. Кроме того, первые поражения Дунайской армии (под Плевной) и возникшие сомнения в успехе русского оружия также не способствовали притоку четников.

Генерал-лейтенант П.П. Карцов позднее вспоминал, что «молодое болгарское население балканских склонов, уцелевшее от турецких неистовств и имевшее возможность запастись каким-либо оружием, образовало несколько банд, гнездящихся возле наших постов». При этом четами он называл только те отряды, которые имели «какой-нибудь признак организации». Они держались у северных склонов Трояна и Розелита. Для установления в четах «порядка и некоторой системы действий» Карцов подчинил их предводителей сотенным командирам ближайших казачьих постов: войсковому старшине 30-го Донского казачьего полка Афанасьеву — в Острече, есаулу* того же полка Антонову — в Трояне и войсковому старшине 24-го Донского казачьего полка Тарасову — в Микре. Четники сопровождали этих офицеров при рекогносцировках, ходили с казаками в разведку и находились в передовых караулах на горных перевалах[41]. Из письма Хр. Иванова известно, что 20 октября Карцов созывал всех воевод[42], правда, не ясно по какому поводу.

Болгарские историки Ст. Дойнов и К. Косев, следуя традиционной исследовательской парадигме, утверждали, что формирование чет, как и другие проявления национально-освободительной борьбы, являлось делом революционной партии и ее руководящего органа — Болгарского центрального благо-

* Есаул 30-го Донского казачьего полка Антонов был вскоре повышен в звании: в октябре он уже имел чин войскового старшины.

творительного общества (далее — БЦБО), легальной формы Болгарского революционного центрального комитета[43]. Однако данное заключение основывается только на призывах к болгарскому народу, публиковавшихся в газетах (например, *Нова България* писала: «Как только русская пушка выстрелит у Дуная, — это будет знаком, чтобы всем восстать как один человек на всем пространстве нашего отечества…») и в воззвании БЦБО («Отечество нас призывает к оружию! При первом выстреле русской пушки мы должны быть готовы к этой священной борьбе»)[44].

Существующая литература полна утверждений о том, что четы развернули настоящую партизанскую войну против турок, защищали население от нападений башибузуков и черкесов, охраняли фланги русской армии, сражались наравне с русскими против турок и т.п. Но при этом в ней, как правило, не приводятся описания конкретных боевых подвигов чет[45]. Изучение опубликованных документов позволяет показать реальное участие чет в конкретных боевых операциях в Ловченском крае.

Готовясь к возможной длительной осаде Ловчи, генерал-лейтенант П.П. Карцов предпринимал меры для защиты подступов к городу: интенсивно возводились укрепления, создавался запас боеприпасов, фуража, медикаментов, продовольствия, изучалась местность. Казачьи разъезды и лазутчики вели сбор информации о противнике, причем, Карцов при назначении получил значительную денежную сумму, предназначавшуюся разведчикам из болгар.

Разведка из сотни казаков под руководством подполковника барона Ф.Н. Криденера вернулась 17 сентября, установив, что путь с Тетевенского перевала через Лесидрен, Турский извор (совр. Болгарский извор) и Торос являлся этапным* для турецких отрядов и команд, шедших из-за Балкан, от Казанлыка и Карлово к Плевне. Он был гораздо короче, чем через Софию. На этом маршруте у турок были устроены склады

* Этап — в системе военных сообщений пункт, где воинские команды и отдельные военнослужащие получают ночлег, продовольствие, фураж.

зерна и сена. Правда, дорога была так тяжела, что позволяла двигаться только легкой пехоте без повозок, «в один конь и то в поводу». Растянувшиеся по тропе турки продвигались медленно и постепенно сосредоточивались у Турского извора небольшими отрядами. В окрестностях этого населенного пункта проживало много принявших ислам болгар (помаков), которые, «ничем не отличаясь от мирных христиан, гораздо вреднее башибузуков». Свободно перемещаясь в местах расположения русской армии, помаки передавали туркам сведения о русских отрядах и безнаказанно служили неприятелю в качестве проводников и лазутчиков.

На основе данных разведки Карцов составил подробную записку, обосновав в ней необходимость блокировать пути сообщения с Плевной по правому берегу реки Вид[46]. Это стало главной задачей Ловченского отряда, и во второй половине сентября — первой половине октября были предприняты поиски и набеги казаков, благодаря которым была хорошо изучена местность к западу от Ловчи до р. Вид.

С 20 сентября 1877 г. от болгарских лазутчиков (агентов, как называл их Карцов) начали поступать сведения, что за Турским изворомом и по р. Вид у с. Тороса вновь стали появляться башибузуки и что в Тетевене турки возводят укрепления. Старший на посту у с. Добродан войсковой старшина 30-го Донского казачьего полка Антонов, наблюдавший за Троянским перевалом, доносил, что за ним сосредоточивались отряд черкесов и часть регулярного войска с намерением напасть на находившийся близ Трояна монастырь Успения Божией Матери. Карцов приказал войсковому старшине 24-го Донского казачьего полка Тарасову произвести рекогносцировку в направлении к Турскому извору, а войсковому старшине Антонову передислоцироваться в Троян и взять под свое начальство находившуюся там чету болгар (горных болгар*), усилить наблюдение за перевалом и попытаться проникнуть за Балканы[47].

* Горные болгары — так офицеры называли и жителей Балкан, и тех болгар, которые объединялись в отряды (четы) и действовали в горах.

К вечеру 21 сентября Тарасов, занимавший пост у Микре, с полутора сотнями казаков и с охотниками из болгар (20 чел.)[48] скрытно подошел к Турскому извору, которое было занято смешанными командами турок. Огонь казаков прогнал их из селения и заставил беспорядочно отступить в горы по направлению к Тетевену. Тарасов занял Извор, большое селение с двумя минаретами и лавками. «Сбежавшиеся на выстрелы из гор болгары, несмотря на увещевания войскового старшины Тарасова, зажгли Турский извор с разных сторон, причем сгорело много хлеба и склад сена, заготовленный для проходящих конных партий черкесов и башибузуков, но часть этого сена и хлеба еще осталась»[49], — сообщал Карцов. Любопытно, что в «Журнале военных действий 3-й пехотной дивизии за время русско-турецкой войны 1877–78 гг.» о горных болгарах не говорится, а в воспоминаниях Карцова, в отличие от приведенного выше рапорта, поджог селения приписывается сопровождавшим отряд болгарам[50]. На следующее утро казаки, идя по следу башибузуков, нагнали их у деревни Галата и вступили в бой. Турки потеряли 12 человек убитыми. У них было отбито до 15 ружей (большинство старой системы и частью кремниевые), 7 пистолетов, 5 подвод с двумя ящиками патронов и пороха и две вьючные лошади. Чтобы не обременять себя лишней ношей, Тарасов роздал оружие тем болгарам, которые были проводниками по ущельям и помогали казакам держать коней при спешивании[51]. Затем отряд вернулся на свой пост у Микре.

Карцов высоко оценил действия казаков Тарасова и 22 сентября в докладе Непокойчицкому о предпринятом «молодецком деле» ходатайствовал о награждении его участников.

22 сентября войсковой старшина Антонов выступил из Трояна к перевалу. Его проводниками были горные болгары. Проливные дожди и хлынувшие с гор потоки сделали невозможным дальнейший подъем, но и туркам не удалось пройти к монастырю. Казаки вернулись в Троян. Это была первая попытка разведки Троянского перевала, в результате которой стало ясно, что путь от Трояна через Балканы доступен только пе-

шим частям и одиночным всадникам. Дожди и разливавшиеся горные потоки делали тропы непроходимыми. Кроме того, согласно полученным сведениям, турки действительно намеревались «в числе 2 000 разного сброда при трех горных орудиях» напасть на Успенский монастырь, но узнав о том, что у Троян стоят казаки, а монахи монастыря вооружены, отказались от своего намерения и ушли к Тетевену[52]. Поступило сообщение, что 23 сентября болгары прогнали примерно 25 башибузуков, пытавшихся перейти Балканы через Троянский перевал. И Троянский, и Калоферский перевалы «крепко охраняются вооруженными жителями, которые о каждом движении турок сообщают войсковому старшине Антонову»[53], — докладывал Карцову генерал-майор В.Д. Дандевиль, командир 1-й бригады 3-й пехотной дивизии.

В конце сентября в Ловчу пришли 200 болгар из с. Торос. Депутация от них явилась к генерал-лейтенанту Карцову и сообщила, что на их селение со стороны софийского шоссе напали башибузуки, разграбили дома, выгнали из села всех мужчин, а женщин и детей заперли в сараях, морят их голодом, «производя над ними насилие и неистовства». Приказ начальника Ловченского отряда — произвести разведку к Торосу и, «буде окажется возможным, взять селение и вывести оттуда задержанные семьи», войсковой старшина Тарасов выполнил блестяще. 28 сентября он выступил из Микре с тремя взводами и по бездорожью, горами пошел напрямик к Торосу. Переправа вброд через ставшую глубокой после дождей р. Вид оказалась трудной и потребовала больше времени, что дало возможность туркам занять кукурузные полосы со стороны появления казаков. Но перед их напором неприятель не устоял: «следовавшие за казаками из горных ущелий болгары насчитали в кукурузе до 60 тел». Находившиеся в селе турки были заколоты или бежали в лес, но казаки не стали их преследовать, а занялись спасением болгарских семей. «Присутствие многих запертых в ханах (постоялых дворах) было обнаружено раздававшимися воплями. “Невозможно было равнодушно видеть, — доносил Тарасов, — как изнуренные голодом, изму-

ченные изнасилованиями женщины бросались в ноги казакам и целовали их руки"». Но турки вскоре «опомнились» и открыли огонь. Тарасов вместе с болгарскими семьями отошел за р. Вид и затем, окружив спасенных болгар цепью, в тот же день дошел до с. Угырчин. Переночевав там, 30 сентября он возвратился в Микре. Результаты поиска были следующими: убиты более 80 турок, в том числе и начальник отряда, в плен взяты шесть человек башибузуков, один «регулярный» солдат и одна женщина, стрелявшая в казаков, а также выведены «700 душ женщин и детей». На обратном пути казаки сумели также захватить 28 голов турецкого скота, более сотни баранов и 8 лошадей[54]. С тех пор бивак сотни Тарасова превратился в стан из нескольких сотен болгарских семей, поселившихся в шалашах возле своих спасителей[55]. По ходатайству начальника Ловченского отряда войсковой старшина Тарасов немедленно получил награду — орден св. Владимира 4-й степени с мечами, а также четыре ордена св. Георгия на свою сотню.

Кроме того, генерал Карцов, по представлению командира 24-го Донского казачьего полка, ходатайствовал о награждении уроженца Тороса Василия Неткова знáком отличия военного ордена. Нетков явился на пост Тарасова с просьбой жителей Тороса освободить их от варварства турок, а потом «с опасностью» возвратился назад, чтобы известить соплеменников о намерении русских выбить турок из селения. Затем до 22 октября Нетков «на собственном коне и с собственным оружием» следовал при войсковом старшине Тарасове, выполняя поручения в качестве проводника и разведчика, а при взятии д. Градежницы «в цепи вместе с казаками с пользой участвовал даже в бою». Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич был согласен с мнением Карцова[56]. Русское командование поощряло смелость болгар, понимая, что полученные награды могут стать хорошим примером для других.

Генерал Карцов считал необходимым занять Тетевен, в котором, по сообщениям разведки, находилось несколько рот регулярной пехоты. Город «деятельно охранялся передовыми

разъездами». Башибузуки сгоняли жителей окрестных деревень, включая женщин, на работу для возведения укреплений. Рекогносцировка, произведенная Антоновым 27 сентября, а также перехваченное одним из разъездов казаков письмо болгарина из Тетевена отцу, убежавшему в с. Шипково[57], подтверждали эти сведения. 28 сентября, несмотря на проливной дождь и малые силы (в строю находились всего 116 казаков), Антонов атаковал Тетевен с восточной стороны. Турки были выбиты из окопов, оставив на месте 12 убитых и 7 ружей. Выяснив, что турецкий гарнизон насчитывал не более 500 чел., казаки отступили, но сумели на обратном пути, в трех верстах от города отбить у турок 15 лошадей, 70 голов скота и 300 баранов[58].

Для осуществления полной блокады Плевны необходимо было перекрыть дорогу на Софию. Для этого войскам предстояло форсировать р. Вид, занять укрепленные турками населенные пункты Долний Дубняк (совр. Долни Дыбник) и Телиш. Карцов намеревался оказать содействие наступлению, выдвинув свой отряд к Ябланице. Но прежде требовалось овладеть Тетевеном, чтобы не оставлять этот укрепленный пункт на фланге и в тылу русской колонны, направляемой за р. Вид. 5 октября войсковому старшине Тарасову и ординарцу Карцова поручику Эрнроту с сотней казаков и охотниками из болгар было поручено провести разведку местности между Тетевеном и Видом, а также дороги по правому берегу р. Белый Вид. Во время поиска была установлена численность турецкого отряда в Тетевене. Полученные сведения подтвердили помаки, захваченные во время налета казаков на с. Градежницу, откуда башибузуки бежали, успев «зажечь последнюю хату в деревне»[59].

7 октября в Ловчу прибыл флигель-адъютант полковник Д.И. Орлов, начальник кавалерии и 1-й казачьей бригады, образованной из 24-го и 30-го Донских казачьих полков. Гвардия тем временем заняла Горный Дубняк (совр. Горни Дыбник), Телиш, Радомирцы. Карцов составил план захвата Тетевена и вверил Орлову командование сформированным отрядом, который 20 октября силами пехоты и кавалерии, на-

ступая с двух сторон, с малыми потерями взял семь больших и малых редутов и завладел г. Тетевен. Следует отметить, что в числе охотников от двух стрелковых рот 9-го пехотного Староингерманландского и 12-го пехотного Великолукского полков (40 чел.) находились несколько болгар[60]. Сильный туман позволил стрелкам подойти вплотную к туркам, а палатки, закрепленные поверх скатанных шинелей, настолько напитались влагой, что превратились в «упруго-скользкое полотно» и задерживали пули[61]. Потери отряда составили один убитый, четверо раненых и 17 контуженых. Некоторые солдаты, считавшиеся пропавшими без вести, впоследствии вернулись в строй. Так, рядового 1-й стрелковой роты Никанора Кузнецова, раненного в руку, на следующий день болгары доставили в расположение русских частей[62]. Потери противника были значительными. По рассказам жителей, турки, бежавшие за Белый Вид к Этрополю и Златице по горным тропам, увезли своих раненых на 100 подводах. Бросив скот, ящики с патронами и шанцевый инструмент, неприятель так спешил, что не успел «против своего обыкновения совершить ни малейшего зверства в городе», но зажег лежавшую на его пути деревню за рекой.

20 октября в 10 часов утра русский отряд под колокольный звон вступил в Тетевен. Очевидцы вспоминали: «Жители, имея духовенство впереди, бросились навстречу войскам». Несколько болгар, бывших в изгнании и заточении, вернулись в свои семьи. «В соборе был тотчас же отслужен молебен, и с тех пор, как существует Тетевен, в первый раз своды его православного храма огласились молитвами о благоденствии нашего монарха и даровании победы нашему войску»[63]. В захваченном городе оставались батальон и одна сотня под началом майора Великолукского полка Н.Э. Беатера. Полковник Орлов получил предписание Карцова обеспечить его отряд хлебом и мясом, возложив эту задачу на жителей Тетевена, которые ранее «содержали турок»[64].

Майор Беатер принял все меры предосторожности для охраны города. У горных проходов были расставлены караулы

из болгар, населенные пункты на пути к Турскому извору охранялись казачьими пикетами и разъездами. Жители Тетевена через своего старшину просили майора походатайствовать у начальника Ловче-Сельвинского отряда о выдаче им оружия и патронов, так как среди них имелось более 200 хороших стрелков[65].

В направлении к Трояну Карцов считал «вполне достаточным» выставить одну роту, мотивируя свое решение тем, что «всё, что там до сих пор появлялось, даже в числе 200 и более человек, разбегалось при появлении [нашей] полусотни». Так, 19 октября генерал сообщал Непокойчицкому о том, что «на днях две партии по 200 человек спускались [с гор] одновременно», одна — в направлении к монастырю Успения, а другая — к Трояну. 20 казаков с десятком монахов прогнали один турецкий отряд, а полусотня — рассеяла второй. В самом конце октября по убедительной просьбе настоятеля монастыря отца Макария генерал Дандевиль оставил в монастыре 3-ю роту Староингерманландского полка. 9 ноября подполковник Генерального штаба В.А. Сухомлинов, выполняя поручение главнокомандующего обследовать состояние балканских перевалов, побывал в Троянском монастыре и сообщил Карцову: 3-я рота «расположена прекрасно, ни одного больного. Муку достают из Сельви и пекут отличный хлеб»[66]. Ещё раз Сухомлинов посетил монастырь 17–18 ноября, где был радушно встречен настоятелем архимандритом Макарием. Офицер писал в донесении: «Небольшой, но зажиточный, этот приют иноков, видимо, благоденствовал. К монашескому укромному уголку, у подножья Балканского хребта, турки не добрались, и всё монастырское хозяйство было в полном порядке»[67].

24 октября жители д. Брусен прибежали на пост казаков в д. Черновицы на р. Чёрный Вид и «с плачем объявили, что башибузуки режут и жгут деревни». Урядник Текунов с тремя казаками отправились в Черновицы, где были встречены залпом башибузуков (около 30 конных и 10 пеших). Казаки спешились, передав своих коней болгарам. Завязалась перестрелка, во время которой подоспевшая болгарская дружина

из пяти человек также открыла стрельбу по туркам. Общими силами неприятеля обратили в бегство[68].

Генерал Карцов считал, что зимой Троянский перевал невозможно перейти без разработки маршрута для вьючного обоза[69]. Он также был уверен, что турки готовились к появлению русского отряда и были начеку. Войсковой старшина Афанасьев доносил о том, что «старший болгарский башибузук* по фамилии Стоян с пятью товарищами ходил за Балканы и видел турецкий лагерь у Калофера; отряд занимался постройкой укреплений против спусков с Мара-Гидюка и от монастыря и Трояна». Стоян насчитал в турецком лагере до 100 палаток, до двух тысяч пехоты и 50 человек конницы; артиллерии рассмотреть не смог[70].

12 декабря Карцов вместе с подполковником Сухомлиновым были вызваны в Главную квартиру в Богот. По замыслу главнокомандующего, отряду Карцова численностью около 6 тыс. чел. предстояло перейти Балканы, двигаясь от Трояна к с. Теке (совр. Христо Даново) и Кырнаре одновременно с наступлением войск генерала Гурко на западе (72 тыс. чел.) и генерала Радецкого с Шипки (48 тыс. чел.). Задача состояла в том, чтобы «одновременным ударом уничтожить Софийскую группировку Балканской армии Турции»[71].

Как сообщал в телеграмме в ставку Карцов, в тот же день, 12 декабря, за Балканы через перевалы к Калоферу, Карлово, Сопоту и Кырнаре «вместе с испытанными болгарами» направились переодетые охотники из казаков и стрелков[72]. 19 декабря главнокомандующий приказал Карцову попытаться преодолеть Троянский перевал. Понимая всю сложность этой задачи (перевал располагается на высоте 1 651 м и является самым высоким на Балканах), великий князь напутствовал генерала словами: «Удастся перейти — честь и хвала, а нет — демонстрируй**, но работай усердно»[73]. 20 декабря вышел при-

* Так в тексте. Следует читать: четник.

** Демонстрация — военная хитрость, целью которой является отвлечение сил и внимания противника от направления главного удара путем имитации удара на второстепенном направлении.

каз о переформировании Ловче-Сельвинского отряда в Троянский. К предстоящей операции Карцов решил привлечь болгарские четы — около 1 тыс. чел. 21 декабря в Троян поспешили представители Генерального штаба В.А. Сухомлинов и подполковник Ю.А. Сосновский, которые должны были «озаботиться сбором вьюков» (вьючных лошадей) и «воловьих подвод» для подъема на перевал разобранных орудий и о вызове из деревень болгар «для проложения пути и расчистки заносов». По воспоминаниям Сухомлинова, именно ему пришлось «распорядиться там сбором болгарских четников»[74].

Накануне операции, 22 декабря, генерал Карцов издал в Трояне «Приказ болгарским четам и добровольцам Троянского отряда». И хотя этот документ был включен в известный «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг.» (Вып. 40), но его никогда не цитировали в научных исследованиях. Приводимый ниже полный текст объясняет причину этого, не требующую, по нашему мнению, особых комментариев:

«Болгары Троянского окружия. С разрешения Августейшего Главнокомандующего я принимаю вас в состав моего отряда с следующими условиями: 1. Полное послушание вашим начальникам и старшинам. 2. Соблюдение порядка и строгое исполнение службы, для которой будете назначаемы. Знайте, что за всякий малейший грабеж и поджоги турецких домов и скирд хлеба или сена я поступлю по всей строгости военных законов, и что всякий, уличенный в этом, будет немедленно расстрелян. За отлучки без разрешения или неповиновение виновный будет отправлен в Ловчу, для предания суду. Если вы добровольно пошли защищать вместе с нами ваших братий, то докажите вашим врагам, что вы — истинные христиане, а не те же турки-грабители. Турок, мирно остающихся в своих домах и изъявляющих покорность, не смейте трогать. Имущество же бежавших, их хлеб и скот будут правильно распределяемы для ваших нужд и на продовольствие отряда. Подписал генерал-лейтенант Карцов»[75].

Забегая вперед, отметим, что надежды на действия чет в соответствии с приказом в целом не оправдались.

23 декабря первый эшелон Троянского отряда выступил в поход. О невероятно тяжелом подъеме отряда и двух пушек к перевалу оставили свои воспоминания многие офицеры: генерал-лейтенант Карцов, штабс-ротмистр военный корреспондент В.В. Крестовский, адъютант Карцова, полковник 30-го Донского казачьего полка М.И. Греков, два офицера 10-го стрелкового батальона — подпоручик, подписавший свои воспоминания инициалами П.П.Л., и прапорщик Н. Лешков, офицер 30-го Донского казачьего полка Г. Котлубей и др.

В подъеме на перевал двух орудий, разобранных на части и уложенных на 16 саней[76], участвовали около 300 болгар[77] вместе с ротой пехоты и сотней казаков. Русские пели «Дубинушку», «болгары тоже “гýкали” и подпевали что-то»[78]. Исследователям хорошо известны описания Крестовским и Грековым короткого отдыха в Княжевицких колибах (Кнеже, совр. Балканец), а затем в овчарне, в которой позже был размещен перевязочный пункт. Здесь они встречали настоятеля Троянского монастыря о. Макария, «симпатичного и достойнейшего человека»[79], «атамана» болгарской четы Цеко Петкова «по прозванию “Балканский Орёл”», в красивом «фантастическом костюме», увешанного богатым восточным оружием, и управителя Троянского округа Георгия (Попова) с Георгиевским крестом, получившего эту награду как бывший ратник Болгарского ополчения. Крестовский писал, что Георгий — «личность очень скромная, умная и энергически деятельная: он и болгар собрал в горы для разработки пути, он и фураж доставил в [Княжевицкие] Колибы, и вместе с Сухомлиновым снарядил четы болгарские, и продовольствие собрал»[80].

Первая атака во фронт сильного турецкого укрепления «Орлиное гнездо» (четыре редута с двухъярусной обороной), предпринятая стрелками поздно вечером 23 декабря, не принесла успеха. Укрепление защищали четыре табора низама, около 100 человек султанской гвардии, два табора мустахфизов*. Два

* В военной системе Османской империи в состав сухопутных сил входили постоянная армия, милиция, иррегулярные войска и вспомогательные войска вассалов. Постоянная армия делилась на действующую армию — низам и

дня потребовалось для сосредоточения всего Троянского отряда близ «Орлиного гнезда», установки двух орудий и поисков обходной тропы. Штурм позиций неприятеля 26 декабря «почти при отсутствии численного превосходства русских войск окончился удачей только благодаря умелому применению обходного движения», — отмечал военный историк генерал-майор Н.И. Беляев[81].

Выясняя вклад болгар в операцию Троянского отряда, приходится констатировать, что действия болгар-горцев нельзя оценить как полноценную помощь русской армии. Согласно заранее рассчитанному количеству перевозочных средств, необходимых для доставки продовольствия и патронов через Троянский перевал, требовалось не менее 150 вьючных животных ежедневно. В соответствии с достигнутой договоренностью, болгары обещали Сухомлинову предоставлять ежедневно 200 вьючных лошадей (вьюков). «Вместо этого, болгары только в первый день выставили 50, а затем, несмотря на щедрую плату, по 8 франков в сутки, при всех усилиях отца Макария, невозможно было достать и 30 вьюков», — свидетельствовал Карцов и продолжал: «То же самое следует сказать и о рабочих для расчистки дороги. Собранные архимандритом и Георгием [Поповым] подводы приходилось караулить, а рабочих окружать часовыми, без чего они разбегались. Вообще, готовность болгар помогать нам выражалась больше обещаниями, чем делом»[82].

На наш взгляд, для понимания сложившейся обстановки очень важны доводы о. Макария, приведенные им в беседе с Карцовым. 24 декабря генералу доложили, что едва удалось собрать 30 вьюков и то только потому, что Попов взял с собой казаков и пригрозил болгарам их вмешательством. Вечером того же дня Карцов попросил о. Макария объяснить причины такого поведения болгар. Архимандрит отвечал: «Как вы хотите, чтобы было иначе, когда 400 лет народ рождался, жил и умирал в рабстве, не зная, что значит закон и совесть, не зная

резервную — мустахфиз. Табор (табур) — эквивалент батальона (примерная численность 770 чел.).

другого побуждения, кроме кнута и палки». Карцов возразил: русские находятся среди вас полгода, и болгары могли бы убедиться в том, что русские пришли освобождать, а не угнетать их. «Да, но чтобы понять это, необходима уверенность, что ваши победы навсегда укрепят за нашим народом свободу; поверьте, всё зависит от боязни, что русские уйдут, и тогда настанет расправа со всеми, кто угождал им», — пояснил о. Макарий[83].

Приводя эти свидетельства, отметим, что в существующей литературе обещания болгар предоставлять ежедневно 200 вьюков и 400 рабочих из горцев для разработки пути, расчистки сугробов и заносов выдаются за реально оказанную помощь[84], но мемуары Карцова это опровергают.

Карцов вспоминал, что вслед за частями Троянского отряда, взбиравшимися на подъем «как бы крадучись», шла *«масса кое-как вооруженного народа»*[85] (Здесь и далее курсив мой. — *М. Ф.*). Болгарские историки Г. Георгиев и В. Топалов посчитали нужным «исправить» это свидетельство генерала, отметив, что русские части сопровождала «*масса хорошо вооруженных болгар*, некоторые из которых были организованы в четы со знаменами и предводителями»[86]. Справедливости ради укажем, что Карцов тоже заметил «несколько партий более или менее организованных, со знаменами и предводителями». «Но, — добавляет он, — во время боя никто не видел этих ополченцев, и если было человек 10–15 в цепи, они составляли исключение»[87]. Что касается вооружения четников, то, как следовало из отчета главнокомандующего императору об обстановке на театре военных действий за период с 19 по 27 декабря, сформированные генерал-лейтенантом Карцовым «из охотников» болгарские четы были «вооружены ружьями Шасспо», которые по его просьбе «были отданы в его распоряжении после перевооружения дружин болгарского ополчения ружьями Крынка»[88]. Другими сведениями мы, к сожалению, не располагаем.

Г. Котлубей, офицер 30-го Донского казачьего полка, свидетельствовал, что четники Цеко Петкова «пробовали идти с на-

шими стрелками в цепь, но при первом выстреле разбегались»[89]. Перед сражением офицер обратил внимание на то, что в составе Троянского отряда появилась чета в 400 чел., которая была образована недавно и вооружена ружьями, полученными от русского командования. При этом четники сами себя называли башибузуками. Воевода в разговоре с Котлубеем признал, что его чета «не составляла почти ничего целого», «его болгары не в состоянии в полном значении слова подчиниться какой бы то ни было власти, так как во всех подобных четах нет внутренней организации, да и притом мирный характер болгар не совпадает с требованиями военной дисциплины». «Они, бедные, — говорил Петков, — хотят и стараются быть полезными, но не могут»[90]. В историографии, однако, без каких-либо пояснений и оговорок утверждается, что чета Цеко Петкова приняла участие во всех сражениях Троянского отряда[91].

Некоторые детали, характеризующие участие болгар в действиях Троянского отряда, помогают уточнить воспоминания генерала Карцова. Во время сражения были устроены два перевязочных пункта. «Для того чтобы санитарам не приходилось носить раненых между пунктами и чтобы они могли быстрее возвращаться к цепи, начальник отряда приказал для переноски к дальнему пункту употребить болгар, которые собрались тут же, за склоном, выжидая конца боя. По первому обращению к толпе желающих не оказалось; по второму — начала было расходиться. Оставалось одно средство — обратиться к угрозе, и оно подействовало…»[92], — подчеркнул Карцов.

31 декабря 10-й пехотный Новоингерманландский полк пришел в с. Йени-Бейли, «загроможденное трупами женщин и детей, только уже не болгарских, а мусульман: болгарские четники после взятия Троянского перевала мстили за разорение своей родины», — сообщал подполковник А.И. Пирожников. Офицер пытался найти оправдание действиям болгар: «Они поступали со своими врагами не лучше турок. Но здесь виноваты сами турки, воспитавшие массы в слепом поклонении силе во всех её проявлениях: они собирали то, что посея-

ли, а болгары отвечали на их вызов». Вместе с тем русский офицер считал, что «не следовало мешать в резню женщин и детей», «и в этом случае не всё может быть извинительно»[93].

В рассказах штаб-ротмистра В.В. Крестовского, мы не встретим подобных фактов, о которых он как ординарец Карцова не мог не знать. Но как военный корреспондент, публиковавший свои репортажи в газете *Правительственный вестник* и очерки в журнале *Русский вестник*, он должен был формировать и всячески поддерживать в русском читателе притягательный образ единоплеменного и единоверного болгарского народа. Поэтому не случайно из сотен четников и местных жителей-болгар Крестовский выделил привлекательные фигуры: седого старца-священника в камилавке и с посохом, двух молодых дьяконов с винтовками за спиной и патронташами вокруг пояса и двух прелестных девушек, Марицу и Бойку, лет 17–19-ти, тоже вооруженных. Они бежали из-под Филиппополя (совр. Пловдив) и теперь вместе с русскими войсками возвращались домой. Крестовский отмечал, что лица «красивых и храбрых амазонок» и дьяконов «пылали увлечением, восторгом, вдохновением», что они громко кричали приветственное «ура» казакам и солдатам[94]. Болгарский историк Ц. Генов на основании этого рассказа сделал обобщающий вывод о том, что даже женщины-болгарки взяли в руки оружие и сражались на поле боя[95]. Однако мемуарная литература сохранила только эти дошедшие до нас женские имена — Марица и Бойка. Ими ограничился и Генов.

Карцов в воспоминаниях указал на двух болгар, оказавших русской армии «неоценимые услуги»: настоятеля Троянского Успенского монастыря архимандрита Макария и старшину Троянского окружия Георгия Попова. Русский офицер счел себя обязанным воздать им должное. Отец Макарий осенью 1877 г. руководил охраной северных балканских спусков горцами, сопровождал подполковника В.А. Сухомлинова во всех рекогносцировках и во время перехода через Троянский перевал не покидал отряд ни на минуту. Утром он провожал части в горы, руководил там расчисткой пути, вечером

являлся к начальнику отряда за приказаниями, ночью хлопотал в монастыре, заготавливая хлеб и ракию и отправляя их на вьюках к отряду; к рассвету, верхом на горной лошадке, отец Макарий уже опять был на перевале. Георгий Попов, взявший на себя в отсутствие какой-либо гражданской власти организацию местной полиции в Трояне, активно содействовал сбору вьюков, фуража и подвод под орудия[96].

Таким образом, подводя итоги, следует признать, что вооруженные болгарские отряды действительно возникли сразу и повсеместно на территории, которую спешно покидали турки, но действовали они преимущественно по принципу «грабь награбленное». Сражавшиеся с турецкими войсками, башибузуками, черкесами, охранявшие фланги русской армии болгарские четы существовали только в проектах Г.И. Бобрикова, Н.Д. Артамонова, М.А. Хитрово, а со второй половины XX в. перекочевали в литературу. Упоминающиеся в историографии четы в Придунайской Болгарии и Ловченском крае в большинстве своем не были результатом инициативы самих болгар, их формировало русское командование, доставив из Сербии и Румынии оплачиваемых воевод и некоторый контингент четников, преимущественно из македонцев. Местное население не вступало массово в четы, и причины тому доходчиво объяснил о. Макарий — не было уверенности в победе русских войск, но зато был страх перед местью турок, которые возвратятся после ухода русских. Утверждения многих авторов о значительном размахе четнического движения и возникновении партизанского движения не выдерживают проверки, в первую очередь, источниками личного происхождения. К тому же, человек, взявший в руки оружие, не становился воином автоматически, военное ремесло предстояло ещё постигать. Серьезной переоценки заслуживают выводы болгарских историков (Ст. Дойнов, К. Косев) о самостоятельности действий болгарских вооруженных отрядов. Опубликованные документы и воспоминания убедительно свидетельствуют, что в четы болгары шли, в первую очередь, за добычей. Из 1 тыс. четников, собранных для участия в военной

операции Троянского отряда, только единицы присоединились к цепям русских, штурмовавших турецкие укрепления «Орлиного гнезда». Остальные предпочитали не рисковать жизнью, выжидая исхода сражения на безопасном расстоянии. Источники свидетельствуют, что четники не уступали туркам в жестокости. Причина заключалась не только в желании отомстить туркам за сотни лет притеснений, но ещё и в том, что болгары не знали другой модели взаимоотношений.

Можно уверенно констатировать, что в марксистской историографии имело место значительное преувеличение деятельности чет в Ловченском крае. Впрочем, оно присуще и современной болгарской литературе.

Нельзя, однако, не отметить, что война рождала и героические личности, чья деятельность особенно резко контрастировала с массовыми проявлениями саботажа, нарушением местным населением договоренностей о содействии отряду генерала Карцова. Такие яркие фигуры, как архимандрит Троянского монастыря Макарий и управитель округа Георги Попов, энергично и самоотверженно содействовали победе русского оружия. Но были ещё и десятки болгар-проводников, которые в тяжелейших условиях вели русские отряды по заснеженным тропам суровых Балкан, или их соотечественники, которые вместе с русскими солдатами и казаками впрягались в постромки и поднимали пушки на крутые склоны Троянского перевала. Они честно, «без купюр», заслужили достойное место и в истории, и в оценках своих далеких потомков.

Примечания

[1] *Коларов В.* Двата фактора, които създадоха България като свободна и прогресивна държава // *Коларов В.* Избрани произведения. София, 1955. Т. 3. С. 387–400.

[2] *Косев К., Дойнов Ст.* От Шипка и Плевен до Сан Стефано и Берлин. София, 2007. С. 176–177; *Цветков Ж.* България — Русия. Заедно или разделени. София, 2015. С. 132–133.

[3] См., например: *Димитров Г.* Четите, милицията и въоръжените отряди през освободителната война (1877–1878 г.) // Военноисторически сборник (далее — ВИС). 1967. № 6. С. 98; *Горанов П., Спасов Л.* Въоръженото участие на българите в руско-турската освободителна война 1877–1878 година // ВИС. 1987. № 3. С. 48–49.

[4] *Косев К., Дойнов Ст.* От Шипка и Плевен… С. 211–212.

[5] *Улунян А.А.* О формировании болгарских чет в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 1972. С. 241; *Виноградов В.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 198, 204.

[6] Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее — СМ). Вып. 34. СПб., 1902. С. 8.

[7] *Анучин Д.Г.* Тырнов и Шипка в июле и августе 1877 г. Из походных воспоминаний // Вестник Европы. 1893. Кн. 10. С. 643.

[8] *Он же.* Князь В.А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии. 1877–1878 гг. // Русская старина (далее — РС). 1895. Т. 84. № 10. С. 6.

[9] Там же. С. 6–9.

[10] *Крестовский В.В.* Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878): в двух томах. СПб., 1879. Т. 2. С. 183–188.

[11] *Хаджиниколов В.* Икономическата помощ, оказана от българското население на руските войски през руско-турската война от 1877–1878 г. // Освобождението на България от турско иго. 1878–1958 София, 1958. С. 294; *Косев К., Дойнов Ст.* От Шипка и Плевен… С. 260.

[12] *Пеллегрини К.К.* Сто дней под Плевною (Записки адъютанта) // Колосья. 1884. № 2. С. 169.

[13] *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский… // РС. 1895. Т. 84. № 10. С. 12.

[14] Часть документов была опубл. в: Освобождение Болгарии от турецкого ига (далее — ОБ). М., 1964. Т. 2. С. 110, 230, 232–233.

[15] *Улунян А.А.* Болгарский народ… С. 51; *Он же.* О формировании болгарских чет… С. 242.

[16] *Анучин Д.Г.* Князь В.А. Черкасский… // РС. 1895. Т. 84. № 12. С. 34.

[17] Подробнее см.: *Фролова М.М.* Полузабытые имена: Буфский священник — воевода Кресненско-Разложского восстания // 110 години от Илинденско-Преображенското въстание и българската национална идея от Сан Стефано до Букурещ (1878–1913). София, 2014. С. 165–179; *Она же.* В поисках повстанческого потенциала: деятельность российского консула М.А. Хитрово в Битоле (1861–1862 гг.) // Историческая болгаристика. К 100-летию со дня рождения профессора Л.Б. Валева. М., 2016. С. 208–226.

[18] *Овсяный Н.Р.* Болгарское ополчение и земское войско. СПб., 1904. С. 56–57.

[19] *Игнатьев Н.П.* Походные письма 1877 года. Письма Е.А. Игнатьевой с балканского театра военных действий / подготовка текста, вступ. статья и комм. В.М. Хевролиной. М., 1999. С. 215.

[20] *Скалон Д.А.* Мои воспоминания 1877–1878 гг.: в двух томах. Т. 1. СПб., 1913. С. 276.

[21] Цит. по: *Улунян А.А.* Болгарский народ… С. 57.

[22] *Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С. 139.

[23] ОБ. Т. 2. С. 243–244.

[24] Там же. С. 248.

[25] *Улунян А.А*. Болгарский народ… С. 56; *Он же*. О формировании болгарских чет… С. 246–247.

[26] *Димитров Г*. Четите, милицията и въоръжените отряди… С. 97–98; *Дойнов С*. Българската общественост и руско-турската освободителна война (1877–1878). София, 1978. С. 103–104.

[27] ОБ. Т. 2. С. 273.

[28] Там же. С. 274.

[29] Там же. С. 299.

[30] Там же. С. 257–258.

[31] СМ. Вып. 40. СПб., 1905. С. 246.

[32] Там же.

[33] Руско-турската освободителна война 1877–1878. Документален сборник с подбрани материали от архивите и българския възрожденски печат 1876–1878. Кн. 1. София, 1979. С. 270–271.

[34] Там же. С. 329–330, 343–344.

[35] ОБ. Т. 2. С. 298–299.

[36] Там же. С. 325.

[37] *Овсяный Н.Р*. Болгарское ополчение… С. 157–158.

[38] ОБ. Т. 2. С. 325.

[39] *Овсяный Н.Р*. Болгарское ополчение… С. 161–162.

[40] *Анучин Д.Г*. Князь В.А. Черкасский… // РС. 1895. Т. 84. № 12. С. 37–38.

[41] *Карцов П.П*. Воспоминания участника минувшей войны // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг. (далее — СВР). Т. 5. СПб., 1879. С. 342.

[42] Руско-турската освободителна война 1877–1878. Документален сборник… С. 308.

[43] *Дойнов Ст*. Българската общественост… С. 101; *Косев К., Дойнов Ст*. От Шипка и Плевен… С. 209–210.

[44] *Дойнов Ст*. Българската общественост… С. 100–101.

[45] Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / отв. ред. И.И. Ростунов. М., 1977. С. 169–170; *Виноградов В.И*. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. … С. 199.

[46] СМ. Вып. 40. С. 51–52; *Карцов П.П.* Воспоминания участника… С. 328.

[47] СМ. Вып. 6. СПб., 1898. С. 19.

[48] Там же.

[49] СМ. Вып. 40. С. 38.

[50] СМ. Вып. 6. С. 19; *Карцов П.П.* Воспоминания участника… С. 331.

[51] СМ. Вып. 40. С. 43–44.

[52] *Карцов П.П.* Воспоминания участника… С. 331.

[53] СМ. Вып. 40. С. 42.

[54] Там же. С. 56– 57; Вып. 6. С. 23–24.

[55] Там же. Вып. 6. С. 24.

[56] ОБ. Т. 2. С. 370–371.

[57] См.: СМ. Вып. 40. С. 66.

[58] СМ. Вып. 40. С. 66–67; *Карцов П.П.* Воспоминания участника… С. 337.

[59] *Карцов П.П.* Воспоминания участника… С. 344–345.

[60] СМ. Вып. 40. С. 99.

[61] Там же. Вып. 6. С. 31.

[62] Там же. Вып. 40. С. 116.

[63] Там же. С. 99–100; *Карцов П.П.* Воспоминания участника… С. 351–352.

[64] СМ. Вып. 40. С. 89.

[65] Там же. С. 112–113.

[66] Там же. С. 257.

[67] *Сухомлинов В.А*. Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926. С. 37.

[68] Там же. С. 128.

[69] СМ. Вып. 6. С. 41–42.

[70] *Карцов П.П.* Воспоминания участника… С. 364.

[71] *Бей Е*. Взятие Троянского перевала: малоизвестные подробности русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Балканите и Европа в Източната криза 1875–1881 г. София, 2018. С. 100.

[72] СМ. Вып. 40. С. 187–188.

[73] Там же. С. 17.

[74] *Сухомлинов В.А*. Воспоминания Сухомлинова. С. 37–38.

[75] СМ. Вып. 40. С. 202.

[76] Там же. Вып. 6. С. 63.

[77] *П.К.* [*Карцов П.П.*]. Исследование и взятие с боя Троянского перевала на Балканах // Военный сборник. 1879. Т. 125. № 1. С. 22–23.

[78] *Крестовский В.В*. Двадцать месяцев… Т. 2. С. 406.

[79] *Греков М.И.* В долинах и на высях Болгарии. Воспоминания командира 30-го Донского полка. СПб., 1887. С. 56–57.

[80] *Крестовский В.В*. Двадцать месяцев… Т. 2. С. 403.

[81] *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 337.

[82] *П.К.* [*Карцов П.П.*]. Исследование и взятие с боя… С. 21.

[83] *Он же*. Из прошлого: Личные и служебные воспоминания П.П. Карцова. В двух частях. Ч. 2: 1876–1878 год. СПб., 1888. С. 718.

[84] *Дойнов Ст*. Българската общественост… С. 89.; *Улунян А.А.* Болгарский народ… С. 98; Русско-турецкая война 1877–1878 гг. / отв. ред. И.И. Ростунов. С. 184.

[85] *П.К.* [*Карцов П.П.*]. Исследование и взятие с боя… С. 21; *Он же*. Из прошлого… С. 710.

[86] *Георгиев Г., Топалов В.* Кратка история на Освободителната война 1877–1878 г. (Преглед на военните действия). София, 1958. С. 357.

[87] *П.К.* [*Карцов П.П.*]. Исследование и взятие с боя… С. 21; *Он же*. Из прошлого… С. 710.

[88] *Газенкампф М.А*. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. С. 303.

[89] *Котлубей Г.* Из дневника // СВР. СПб., 1879. Т. 3. С. 597.

[90] Там же.

[91] *Улунян А.А*. Болгарский народ… С. 97; *Маринов Н.М., Узунов Хр.С., Даков Т.С.* Руско-турската освободителна война. 1877–1878. София, 1977. С. 187.

[92] *П.К.* [*Карцов П.П.*]. Исследование и взятие с боя… С. 21–22.

[93] *Пирожников А.И.* История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. Тула, 1913. С. 359.

[94] *Крестовский В.В*. Двадцать месяцев… Т. 2. С. 440–441.

[95] *Генов Ц*. Освободителната война 1877–1878. София, 1978. С. 206.

[96] *П.К.* [*Карцов П.П.*]. Исследование и взятие с боя… С. 22.

DOI 10.31168/7576-0477-0.3.3

Никита Сергеевич
ГУСЕВ

Записки русских путешественников о Македонии 1878–1913 гг. в оценках отечественной и зарубежной историографии[*]

После Берлинского конгресса 1878 г. македонские земли остались в составе Османской империи, однако ни у кого из современников не вызывало сомнений, что это лишь временное решение: слишком очевидны были её упадок и усиление других балканских государств, не скрывавших своих планов по разделу остатков европейских владений султана. В то же время о сердцевине их — Македонии — в России знали довольно мало. До русско-турецкой войны 1877–1878 г. появились лишь путевые очерки В.И. Григоровича, М.А. Хитрово и М.Ф. Карловой, а также переводы с французского произведений А. Буэ, Г. Лежана, Ф. Каница. После Великого Восточного кризиса были изданы записи архимандрита Антонина (Капустина), путешествовавшего по Македонии в 1865 г. Таким образом, интерес к региону рос, а знаний о нём было явно недостаточно. К тому же для широкого читателя Македония представляла собой осколок экзотики Востока и сохраняла флёр неизведанных диковинных земель. Недаром в 1909 г. историк искусства Н.П. Кондаков написал, что до его экспедиции положение этих земель напоминало «близко положение России времен Олеария, Флетчера и Герберштейна»[1]. Перечисленные факторы обусловили взрывной рост корреспонден-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Проект № 20-59-18004 «Векторы исторического развития и национальные идеи на Балканах в XVIII–XXI вв.».

ции русских путешественников из оставшейся под властью турок части Балкан — появились труды А.В. Амфитеатрова, А.А. Башмакова, К.Д. Бербенко, В.В. Водовозова, Н.П. Кондакова, Н.Г. Кулябко-Корецкого, Н. Лендера, П.Н. Милюкова, П.А. Риттиха, А.А. Ростковского, А.А. Сиротинина, Н.Н. Сурина, Б.Л. Тагеева, В.А. Теплова, И.С. Ястребова. Данный список вряд ли является окончательным, но отметим, что и его никто из известных нам исследователей в своих работах полностью не использовал, что само по себе уже дает определенное представление о состоянии современной историографии вопроса.

Предварительно считаем необходимым оговорить, как в рамках настоящей работы понимается термин «записки русских путешественников о Македонии». Главным критерием является их предназначенность широкому читателю. Дополнительным — личное посещение этих земель автором, а не построение кабинетных умозаключений на основе чужих впечатлений. После 1878 г. усиливалось присутствие российской дипломатии в регионе: открывались новые консульства, сотрудники дипмиссий действовали всё активнее. Однако за редкими исключениями дипломаты свои сведения не разглашали и направляли их в Министерство иностранных дел по закрытым каналам. В итоге они фактически не влияли на информированность русского общества о Македонии, потому изучение этих источников выходит за рамки настоящего исследования. Необходимо указать и ещё на одно сделанное нами ограничение при отборе материала — географическое. Описываемые путешественниками македонские земли лежат в границах современной Республики Северная Македония. Это объясняет не только не утихающие споры о территориальных пределах исторической области, но и потребность выделить в отдельную категорию описания Салоник и Афона — мест более популярных, более известных, но не влияющих принципиально на формирование образа Македонии и македонского населения.

В то же время к описанию Македонии, наряду с другими источниками, авторы часто прибегают для иллюстрации тех или иных своих утверждений, нередко без критического ана-

лиза. Использованию данного типа источников в российской и зарубежной историографии и посвящена настоящая работа.

Отечественная македонистика — наука молодая, поскольку в советское время изучение македонского вопроса фактически находилось под запретом[2]. Потому почти всё её развитие пришлось на три последние десятилетия и имеет определенную специфику. Отечественные историки активно используют источники, созданные русскими дипломатами, учеными и путешественниками. Это, откровенно говоря, не сознательная исследовательская парадигма, а вынужденный путь движения, поскольку в условиях нынешней системы администрирования науки работа в заграничных архивах в течение времени, достаточного для выявления новых источников и их планомерного изучения, почти невозможна. Как следствие, фундаментом исследований становятся старые российские источники. Благо, российский МИД развивал активную деятельность на Балканах, и отечественная дипломатия, едва ли не лучше любой другой в мире, понимала ситуацию на полуострове в XIX в.

Потому для начала укажем на немногочисленные отечественные работы по македонистике более общего характера, в которых задействованы русские травелоги. Так, саратовская исследовательница Н.А. Учаева при подготовке диссертации, посвященной македонскому вопросу во время Балканских войн, использовала, помимо прочего, прессу. Однако упомянутые ею в работе русские корреспонденты В.Н. Дрейер, И.П. Табурно, Л.Д. Троцкий не воспринимали Македонию как самостоятельный регион, а корреспонденции В.В. Водовозова, к сожалению, не получили должной оценки исследовательницы. Указанный же среди источников труд А.В. Амфитеатрова был написан не по ходу пребывания в македонских землях, а спустя несколько лет после посещения им региона[3].

Через два года после появления работы Учаевой была защищена диссертация, а затем на её основе опубликована монография самарского историка А.Н. Сквозникова. Эти исследования, как и другие работы автора, в которых он частично продублировал прежние выводы, характеризуются более

широкими хронологическими рамками, а соответственно и более значительным кругом источников. Сквозников опирался на многочисленные донесения русских дипломатов, благодаря чему исследование сохраняет свою значимость. Однако что касается публицистики, то позиция историка рождает ряд вопросов. В историографическом обзоре Сквозников упомянул произведения современников событий, посетивших Македонию, — П.Н. Милюкова, Н.П. Кондакова, Н.Р. Овсяного, П.Д. Драганова, публициста Н.Н. Дурново и сторонника македонской независимости, выходца из региона Н. Димова. В перечне же источников указал травелоги А.А. Башмакова, А.В. Амфитеатрова и того же П.Н. Милюкова[4]. Правда, на самом деле, использовал лишь корреспонденцию В.А. Теплова и А.А. Сиротинина (причем, как достоверный источник информации, не давая ей собственных оценок), а также привел заключение А.В. Амфитеатрова, склонного считать жителей региона «самостоятельной ветвью славянства, промежуточною между болгарством и сербством»[5]. Свою позицию Сквозников четко сформулировал уже на первых страницах книги: «Таким образом, — пишет он, — А.Л. Погодин, *справедливо полагая, что основную массу населения Македонии составляют болгары,* признавал обоснованность территориальных притязаний Болгарии на македонские земли» (курсив мой. — *Н. Г.*)[6].

Свидетельства русских очевидцев использует в своей последней монографии и екатеринбургский историк Д.О. Лабаури[7]. В пространном перечне источников значатся труды А.В. Амфитеатрова, А.А. Башмакова, В.В. Водовозова, Н. Лендера, П.А. Риттиха, Б.Л. Тагеева. Однако их анализа или оценок автор не представил, ограничившись единственной ссылкой на А.В. Амфитеатрова и двукратной — на Б.Л. Тагеева.

Таким образом, рассматривая работы общего характера о Македонии на исходе Нового времени, можно констатировать: русские травелоги современным отечественным историкам известны, но используются ограниченно и без должного, что весьма важно при обращении к публицистике, внимательного и аккуратного подхода.

Обращаясь к работам по конкретным проблемам македонистики, приходится констатировать их немногочисленность, хотя негласный запрет на изучение региональной истории начал действовать только в начале 1960-х годов. Причиной явилась публикация в 1963 г. двухтомной «Истории Югославии»[8]. Помещенные в ней разделы о Македонии, прежде всего, написанные К.Л. Струковой о ситуации в регионе в XIX — начале XX вв., вызвали бурную реакцию в Болгарии, последовали ноты протеста, адресованные Москве. Возникшая напряженность в отношениях двух стран привела к формулированию официальной позиции советской науки по македонскому вопросу. Если прежде авторы могли выражать различные точки зрения на процесс формирования македонской нации[9], то отныне фактически устанавливалось табу на изучение этой части Балкан. В 1960 г. ещё было возможным появление двухтомного курса лекций казанского историка-антиковеда А.С. Шофмана «Очерки истории Македонии и македонского народа», хронологически охватывавшего самый острый, политически дискуссионный период до Первой мировой войны.

Следуя установочной марксистской парадигме, автор утверждал, что Болгарский экзархат создавался «против экономического и духовного рабства греческих эксплуататоров и царьградского патриаршества», но скоро переродился в «рупор реакционной части болгарской буржуазии, вставшей на пусть приспособления и примирения с турецкой властью»[10]. Речь не шла о конъюнктурных трактовках: подобных взглядов историк придерживался искренне, и его ученики вспоминали: «А.С. Шофман был ученым своего времени, марксистом по убеждению»[11]. С этих позиций он рассматривал и труды русских путешественников в своей статье, ставшей первым в отечественной историографии трудом, посвященным непосредственно интересующей нас проблематике. Статья также была опубликована в 1960 г. в *Известиях Всесоюзного географического общества* и носила нейтральное название — «Из истории русских путешествий в Македонию». Хронологически она охватывала и начало XIX в., опиралась в том числе на архив-

ные источники. Например, о путешествии В.В. Качановского рассказывалось на основе его писем Н.А. Попову, о раскопках Б.В. Фармаковского в Македонии в 1898 г. читатель узнавал из переписки ученого с матерью.

Из тех же авторов, кто в конце XIX — начале XX вв. по результатам поездки в регион опубликовали свои впечатления, внимания А.С. Шофмана удостоились лишь Н.П. Кондаков и А.А. Башмаков. Причем, всерьез были раскритикованы только взгляды последнего. И то не в связи с его общественной и политической биографией: «Делая ряд правильных наблюдений, Башмаков, тем не менее, приходил к совсем произвольному выводу о том, что "македонской народности нет на свете"»[12]. Для самого А.С. Шофмана существование последней не вызывало сомнений: он полагал, что в результате завоеваний Османской империи под власть турок попали «македонцы вместе с другими балканскими народами»[13], а в конце XIX в. «македонцы активно боролись за свое национальное *возрождение* (курсив мой. — *Н. Г.*) […] как с турками, так и с агрессивными притязаниями буржуазии балканских стран»[14]. Но формально, вследствие идеологической «зашоренности», историк обвинил русских путешественников, прежде всего, в отсутствии классового подхода к анализу ситуации в регионе, в чём, по его словам, «отразилась буржуазная ограниченность их мировоззрения»[15]. Статья А.С. Шофмана ценна как первопроходческий опыт в интересующей нас тематике: для нас важен, разумеется, не её идеологический компонент, а факт первого в советской историографии упоминания преданных забвению трудов российских публицистов и ввода в оборот архивных документов. Вместе с тем нельзя не признать и ограниченность круга использованных источников (даже с учетом заведомо известных автору). Возможно, тому была причина идеологическая. Например, личность лидера кадетов П.Н. Милюкова в принципе замалчивалась. Осторожные предположения А.В. Амфитеатрова и П.А. Риттиха о наличии отдельного македонского народа потребовали бы от А.С. Шофмана положительной оценки этих авторов, однако Амфитеатров являлся

активным деятелем русской эмиграции, а Риттих был репрессирован. Вряд ли согласие автора с их выводами могло встретить сочувствие у охранителей советской науки. Этим же обстоятельством, видимо, объясняется и пространная критика А.А. Башмакова как представителя «реакционных кругов». Впрочем, возможно и более простое объяснение — у историка попросту не было доступа к этим источникам в Казани, а в Москве и Ленинграде он не успел или не смог их изучить.

Следующего исследователя тема русских травелогов о Македонии прождала несколько десятилетий. Им стала харьковский историк В.А. Бурбыга. Формально её работы относятся к зарубежной историографии, поскольку созданы после распада СССР, а диссертация (1997 г.) написана на украинском языке. Но в силу инерции следования принципам некогда единой школы славистики, тесных связей с российской наукой и, что наиболее важно, беспристрастности во внутрибалканском споре, нам кажется целесообразным рассматривать эту работу в одном ряду с советской и российской историографией. В.А. Бурбыга не только представила обзор и критику травелогов, но и предложила ввести при анализе работ в качестве важнейшего критерия восприятие авторами этнического характера населения Македонии. Часть авторов (среди них П.Н. Милюков, А.А. Башмаков, Н.Р. Овсяный), как напоминает исследовательница, считали, что регион населен болгарами. Другие (А.А. Сиротинин, А.В. Амфитеатров, и опиравшиеся на работы предшественников П.А. Ровинский и В.П. Сватковский) заявляли об отсутствии четкой национальной идентичности у жителей Македонии[16]. В более поздней работе к этой группе авторов Бурбыга причислила также П.А. Риттиха[17] и привела мнение Н.П. Кондакова, согласно которому почти все спорные земли были заселены болгарами[18].

Интересующей нас теме посвящена статья М.Л. Ямбаева, но, к сожалению, материалы травелогов использованы в ней ограниченно. Упомянут А.А. Башмаков и признание им преобладания в Македонии болгарского элемента, выражено согласие с мнением А.В. Амфитеатрова, что самый искренний

ответ местного жителя на вопрос о национальности: «Я — христианин». Приведены фрагменты корреспонденций В.А. Теплова (местные славяне называют себя македонцами и «знать не хотят о Болгарии») и П.А. Риттиха (рассказ о священнике, сообщившем, что «он чистый македонец» и «говорит по-македонски»). Опираясь на эти материалы, М.Л. Ямбаев выразил согласие с заключением дипломата Г.Н. Трубецкого: население Македонии — аморфная масса, из которой можно вылепить и болгар, и сербов[19].

В 2021 г. вышла статья, посвященная путешествию А.А. Башмакова. Её автор историк М.М. Беклемишева ввела в научный оборот неопубликованные письма государственного деятеля, в первую очередь Н.П. Игнатьеву. Они содержат важную деталь: заявляя о необходимости не вмешиваться в сербо-болгарский спор, А.А. Башмаков призывал власти при принятии решений учитывать правоту болгарской позиции. Показательно признание Башмакова, что в прессе он не мог сообщить всех сведений в силу их щекотливости[20]. Однако позицию самого А.А. Башмакова Беклемишева охарактеризовала неточно, по всей вероятности, в силу незнания перипетий македонского вопроса на рубеже веков. «В книге А.А. Башмакова, — пишет исследовательница, — мы не найдем примеров какой-либо агитации — сербской, болгарской или греческой»[21]. В действительности, А.А. Башмаков являлся одним из главных сторонников присоединения Македонии к Болгарии, а приведенное в статье утверждение, что «поддержка же сербизма была не чем иным, как козырем в игре Австрии»[22], полностью соответствует парадигме болгарской и сербской пропаганды тех лет, согласно которой каждая из сторон приписывала симпатии Дунайской империи своим противникам. Потому нам кажется несколько поверхностным заключение: «Путешествие по Македонии позволило А.А. Башмакову прийти к выводу о том, что славянское население этой страны по характеру было преимущественно болгарским»[23]. На самом деле, этот деятель славянского движения задолго до поездки имел ясные представления об этническом характере региона. Идею

о том, что там не сложилось нации, он называл вредной, несправедливой, бесхарактерной, и невозможной для русского человека[24]. Главному сербскому пропагандистскому тексту — книге С. Гопчевича «Старая Сербия и Македония» — он посвятил несколько страниц, написанных в критическом и издевательском тоне, тогда как авторов болгарских произведений аналогичного характера В. Кынчова и А. Шопова назвал знатоками региона и серьезными исследователями[25]. Таким образом, статья М.М. Беклемишевой — пример попытки проанализировать травелог человеком, изучающим биографию автора текста, но далеким от македонских проблем, т.е. пример анализа текста вне контекста и целей его создания. И недостатки такого подхода, на наш взгляд, очевидны. Вместе с тем, нельзя не признать, что автор самым тщательным образом изучила эпистолярное наследие А.А. Башмакова, и вряд ли даже македонисты смогут добавить какие-либо новые важные подробности к истории его поездки.

Являются частью историографии вопроса и статьи автора настоящих строк. Предметом нашего внимания явилось отражение церковной борьбы в Македонии в русской прессе. Изучение свидетельств 12 русских очевидцев позволяет констатировать единодушие в негативном отношении к грекам, более осторожное отношение к болгаро-сербскому противостоянию, вышедшему на рубеже веков на передний план[26]. Автором также была предпринята попытка проанализировать описания путешественниками средневекового архитектурного наследия в регионе. Отмечен, в частности, значительно более узкий круг источников, поскольку вопросами архитектуры и церковного строительства в Македонии интересовались гораздо меньше, чем церковной борьбой[27].

Нельзя не упомянуть о деятельности Русского археологического института в Константинополе (РАИК), хотя эта тематика, исходя из задач настоящей работы, является периферийной. В более общем плане она рассмотрена в диссертации М.Г. Мироновой[28] и статье Л.П. Лаптевой[29]. Сотрудничество П.Н. Милюкова с РАИК в исследовании региона отмечено

в работе А.А. Формозова[30] и подробно рассмотрено в нескольких трудах П.А. Трибунского и А.В. Макушина[31], в которых представлены многочисленные архивные документы. Авторы, однако, акцентировали своё внимание на организационном или непосредственно археологическом аспектах вопроса, оставляя описания Македонии, что особенно важно для нас, в стороне.

Этим небольшим перечнем российская историография македонской проблемы фактически исчерпывается. Тем не менее, она позволяет выявить определенные тенденции. Во-первых, налицо рост интереса к проблематике, отмечаемый в последние десятилетия. Это обусловлено не только снятием запрета с македонской проблематики, но и открытием доступа к материалам публицистов, в советское время по идеологическим причинам преданных забвению, возможностью объективно изучать их наследие. Представляется, что в дальнейшем будет достигнут объективный предел по введению новых источников в научный оборот, усилится внимание исследователей к их систематическому и скрупулезному анализу. Последнего, по нашему мнению, часто не хватает авторам, когда они задействуют травелоги как кладези фактов для подтверждения той или иной точки зрения, не обращая должного внимания на условия появления текстов и цели их создания.

Вторая тенденция частично проистекает из первой и определяется нами как селективный подход исследователя к имеющемуся в его распоряжении материалу. Историки в пестрой палитре оценок македонского вопроса зачастую склонны подбирать те факты и характеристики, которые соответствуют их собственной точке зрения. Такая подгонка источника «под себя» в некоторой степени может обуславливаться и процессом становления ученого. Не секрет, что историков-македонистов в России не готовили и не готовят. Потому многое зависит от специализации научного руководителя и знания балканских языков: в первую очередь, именно эти факторы определяют набор трудов, на чтении которых вырастает будущий исследователь и, осознанно или нет, формирует собственную позицию. Характерный пример — диаметрально про-

тивоположные по подходам к источнику и выводам работы М.Л. Ямбаева и Д.О. Лабаури.

Болгарская историография данного вопроса также незначительна, хотя в 1970–1980-е годы велась активная работа по публикации путевых заметок иностранцев о Балканах в целом[32] и «болгарских землях»[33], в частности. Однако все они охватывали период вплоть до середины — третьей четверти XIX в. Не исключением стал и том, посвященный русским путевым очеркам, тексты которого хронологически были ограничены кануном русско-турецкой войны 1877–1878 гг.[34]. В связи с этим, несмотря на то, что в него включены описания территории современной Северной Македонии, он не является предметом рассмотрения в настоящей работе.

Главным же специалистом по данной теме является С. Германов, потомок эмигрантов из Охрида, с восстановлением в 1990 г. Македонского научного института в Софии ставший его активным сотрудником. Факты биографии ученого объясняют глубокий интерес к македонскому вопросу и, несомненно, отразились на его научных взглядах. Впрочем, в Болгарии многие историки занимаются изучением этого региона Балкан. С. Германов — крупнейший признанный специалист по русским путевым очеркам рубежа XIX–XX вв. Впервые он обратился к этой теме в конце 1980-х годов в двух статьях. Главным их достоинством является даже не свобода от идеологических догм, а всестороннее изучение документов из советских архивов, позволившее ученому отойти от простого пересказа текстов русских путешественников и обратиться к кропотливой исследовательской работе. Так, на архивных материалах Германову удалось реконструировать деятельность РАИК в Македонии, всесторонне осветить поездку П.Н. Милюкова в 1898 г. Уже сам факт подробного рассказа о лидере кадетов, предпринятого в конце 1980-х годов, делал работу новаторской, но еще более удивительным было признание правоты оценок Милюкова — яростного противника большевиков[35]. Напомним, что в статьях 1898–1899 гг. П.Н. Милюков безоговорочно признавал население Македонии болгарским.

Именно такой вывод явился для Германова главным критерием отбора публикуемого материала, вышедшего из-под пера русских путешественников. Он же стал для него мерилом оценок их исследовательского вклада в македонскую проблематику. Так, об А.А. Башмакове поведано пространно и в деталях, а А.В. Амфитеатров, сомневавшийся в наличии этнического самосознания у местного населения, лишь упомянут. Впрочем, некоторые его единомышленники не были удостоены и этого. Опираясь на отобранный таким образом круг источников, Германов закономерно пришел к выводу, что русские публицисты «верно определили национальный характер населения Македонии и Западной Фракии как болгарский»[36].

В дальнейшем С. Германов продолжил изучение темы. Последовали статьи об освещении русскими корреспондентами революционного движения в Македонии и Восточной Фракии и событий Ильинденского восстания, о связях П.Н. Милюкова с Болгарией[37], а затем монография об отношении русской общественности к революционному движению в Македонии и Западной Фракии в 1893–1908 гг.[38]. В 1993 г. ученый опубликовал обобщающую статью об описаниях Македонии русскими путешественниками, учеными и общественными деятелями на большом хронологическом отрезке — начиная с XVII в. и до Первой Балканской войны 1912 г. Согласно произведенным автором подсчетам, в первое десятилетие XX в. более 20 русских ученых-славистов писали о Македонии, а в периодических изданиях свыше 80 авторов опубликовали сотни статей[39]. В статье перечислены почти все известные источники интересующего нас характера, но при этом их количество явно не дотягивает до указанных цифр. Полагаем, что это дает основание считать «статистику» Германова несколько преувеличенной. Заслуживают быть отмеченными некоторые подвижки в оценках русских путешественников. В статье по какой-то причине сократились славословия в адрес П.Н. Милюкова, зато больше позитивного внимания уделено А.А. Башмакову. Германов подчеркивает его «солидные познания о положении в Македонии», раскрывающие перед читателем «яркую кар-

тину рабства и тяжелого положения болгарского населения в Македонии», и делает главный вывод: труды Башмакова — «серьезный вклад в прояснение македонского вопроса» в России[40]. Упомянул Германов и тех, кто, по его мнению, исказил реалии региона. П.А. Риттих, считает автор, испытал на себе «влияние, которое оказали на него некоторые славянофильские круги, близкие к царскому правительству»[41]. Более сдержанную оценку заслужил А.В. Амфитеатров: писатель воочию увидел реальность болгарского национального движения, но смотрел «трезво и не увлекался чрезмерными пропагандистскими заявлениями»[42]. Пространное описание различных публикаций и позиций их авторов Германов заключил следующим выводом: «Опираясь на этнографические, исторические и другие документы и доказательства, русская научная и культурная общественность на всех этапах своего знакомства с Македонией объективно воссоздавала историческую атмосферу. В то же время она выступала против искусственно созданного сербами и некоторыми русскими авторами македонского вопроса, а также против ненаучной печати, чуждой исторической истине и реальной действительности»[43].

А почти через 20 лет вышла новая монография С. Германова по интересующей нас теме. Задача автора сводилась к исследованию описаний Пиринского края, однако через него проехал практически каждый, путешествовавший по Македонии, потому в данной работе использованы почти все известные травелоги о македонских землях[44]. Справедливости ради, отметим, что монография представляет собой расширенное переиздание статьи 1993 г., о которой сказано выше. В неё включены иллюстрации, более пространным стал исторический очерк, автор уже преодолел былую скованность, критически высказываясь против тех, кто отрицал или отрицает болгарский характер населения[45]. Впрочем, в монографии заметно отсутствие не только (само)цензуры или политеса, но и качественной редактуры, что проявляется в многочисленных опечатках: досадное разночтение инициалов публицистов, ошибочная датировка экспедиции РАИК (1896 г.[46]), хотя в более

ранних работах дата указана верно — 1898 г. В целом, складывается впечатление, что набор книги, возможно, по рукописи, осуществлял не специалист, необходимая правка не проводилась, хотя указаны и научные рецензенты, и ответственный редактор, а предпечатная подготовка была поручена кандидату наук. Понятно, что качество издания раздражает и снижает впечатление от прочитанного.

Но более существенным недостатком является предложенная в монографии градация источников. Так, написанные в популярном жанре описания путешествий (газетные статьи П.Н. Милюкова и некоторые произведения А.А. Башмакова) включены в раздел «Российская академическая наука». Добавим, что эти авторы вновь удостоены похвал за свои взгляды[47], а оппоненты преданы забвению — А.В. Амфитеатров лишь дважды упомянут без развернутого описания его позиции, а П.А. Риттиху отведено место в сноске о деятельности русского консула.

Подытоживая, С. Германов констатировал, что отсутствие у официальной России твердой позиции по македонскому вопросу привело в итоге к разделу Македонии. Преобладающая часть русских публицистов и наблюдателей указывали на опасность такого исхода и возможность объединения соседей Болгарии против неё и болгарского элемента в регионе, однако голос русской общественности оказался слишком слабым, чтобы повлиять на власть[48].

По большому счету, болгарская историография освещаемой в настоящей статье проблематики исчерпывается работами С. Германова. Назовем лишь ещё одну книгу, по нашему мнению, несколько выходящую за рамки исторического исследования. Найти информацию о её авторе, И.Г. Йолове, к сожалению, не удалось. Труд посвящен отражению болгаро-сербского противостояния в Македонии в 1885–1917 гг. Представленная Йоловым библиография интересующей нас проблематики ограничена лишь изданиями, сохраняемыми в библиотеке Болгарской академии наук. Не полностью представлены даже работы Германова. Что касается описаний Македонии русскими

путешественниками, то Йолов привлек только ранние статьи А.А. Башмакова, собранные и изданные в книге 1903 г. При этом он отметил, что русский публицист был удивлен открывшейся ему истиной о положении дел в регионе. Проанализировав же тексты Башмакова, Йолов подтвердил общеизвестный вывод о его проболгарской позиции[49]. Нельзя не согласиться и с оценкой значения работ русского публициста: по мнению Йолова, выводы многих авторов, исследовавших впоследствии македонские проблемы, мало отличались от суждений А.А. Башмакова[50]. В целом работа Йолова оставляет впечатление труда, далекого от канонов научного исследования: случайный подбор научной литературы, случайное определение круга источников, случайное обращение к «русским авторам», описывающим Македонию… Удивительно, что при подобной ограниченности «фундамента» работы, несомненно, влияющей на её аналитический уровень, в заключении Йолов точно сформулировал присущую национальной историографии особенность: в Болгарии принято записывать в болгарофилы публицистов, утверждавших, что в Македонии живут болгары, а в сербофилы — заявлявших о равенстве прав болгар и сербов на эти земли[51].

Македонский вопрос в Болгарии до сих пор сохраняет остроту, как сохраняется в историографической традиции страны и вполне объяснимая субъективность оценок произведений русских путешественников и параметров отбора круга источников такого типа.

Зеркальным отражением подобной ситуации является македонская историография, родившаяся еще в рамках СФРЮ и продолжающая свое существование уже после обретения Македонией государственной независимости в 1991 г. Прежде чем обратиться к её анализу, отметим определенные слабости в работе фондохранителей, которые, безусловно, отражаются на исследовательском уровне работ. Например, в Государственном архиве Республики Северная Македония (ДАРСМ) хранится коллекция микрофильмированных копий документов из советских архивов, касающихся территории государ-

ства, в том числе пленка с рукописями из фондов Всесоюзного географического общества (ныне РГО). Один из документов лишен заголовка и подписи, шифр дела указан с ошибками[52]. Однако текст его узнаваем, и запрос в архив РГО с указанием предположительно правильного шифра подтвердил догадку — это рукопись статьи А.А. Бамшакова в *Известиях Императорского географического общества* об итогах его поездки в Македонию в 1899 г. Однако, несмотря на полученное уточнение, в ДАРСМ документ по-прежнему значится как произведение неизвестного автора.

Македонская историография интересующей нас проблемы берет начало с труда Цв. Станоевского — комментированного перевода ряда текстов русских путешественников[53]. С 1972 г. он работал постоянным корреспондентом издания *Нова Македония* в Москве[54]. Видимо, тогда им и был осуществлен сбор материала. Станоевский отметил в предисловии, что книга — «результат проводившихся на протяжении нескольких лет поисков в московских библиотеках и букинистических магазинах изданий, забытых русской и советской историей, до сих пор остающихся в стороне от македонской историографии»[55]. Однако, как справедливо указал С. Германов, Станоевский к поиску источников подошел субъективно и отобрал лишь те тексты, в которых говорится об отсутствии этнического самосознания у местного населения[56]. По-видимому, исходя из данного критерия, Станоевский включил в книгу выдержки из произведения генерала Н.Р. Овсяного «Македония». Признав, что Овсяный регион не посещал, Станоевский оправдал необходимость публикации его текстов в подборке тем, что автор «подолгу находился на Балканах, особенно в Сербии, и, хотя в Македонии не был, в то же время может считаться хорошим знатоком по странам, которые посетил»[57]. На самом деле, перевесило, по нашему мнению, то важное для Станоевского обстоятельство, что генерал, хотя и был сербофилом, но «держался сколь можно было нейтрально», а потому часто упоминал македонских славян, подвергшихся сербской или болгарской пропаганде[58].

В предисловии, однако, составитель в критическом ключе упомянул о П.Н. Милюкове, сравнив его позицию с выводами русского ученого В.И. Григоровича, побывавшего в Македонии в первой половине XIX в.: «Если последний объявил Македонию болгарской землей, то первый утвердил это мнение»[59]. При этом отмечено, что будущий лидер кадетов не сумел понять сути македонского вопроса, но поскольку Милюкова цитируют, то и македонским ученым необходимо изучать его тексты[60]. Обратившись к свидетельствам ещё двух очевидцев, Станоевский объяснил их расхождения с позицией Скопье заранее сформировавшимися предубеждениями. Он утверждает, что Н.П. Кондаков находился под влиянием работ В.И. Григоровича и европейских географов[61], а А.Н. Сиротинин — русских изданий, а также болгарских газет, которых начитался в Салониках накануне поездки в глубь полуострова[62].

Лучшим бытописателем Македонии Станоевский назвал А.В. Амфитеатрова, сумевшего приблизиться к истине, и охарактеризовал его как «одного из тех русских авторов, которые интересовались Македонией с минимальными предрассудками […] и по совести искреннего наблюдателя»[63]. Проанализировав работы писателя по балканской тематике, Станоевский признал, что, хотя в них и есть ошибки, «им сложно отказать в добросовестности». Понятно, что в центре внимания Станоевского оказались изучение Амфитеатровым «страны раздора» и его вывод о том, что описанные земли населяют не сербы и не болгары. «Редкий русский автор того времени с такой точностью высказывался о национальности македонцев и демонстрировал причины формального объявления их болгарами или сербами», — заключил Станоевский[64]. Отметил составитель и значение работ «любопытного, коммуникабельного, толерантного» П.А. Риттиха, писавшего о местных жителях, которые приняли болгарскую или сербскую сторону, но не стали болгарами и сербами[65].

В числе македонских авторов следует упомянуть первого посла Республики Македония в Российской Федерации, «поэта и исследователя македонского культурно-национального

прошлого», как его охарактеризовал один из коллег[66], Г. Тодоровского. В книге «Страницы македонофильства», вышедшей уже в независимом государстве, русской печати дипломат посвятил отдельный раздел. Однако он, скорее, являет собой простое перечисление авторов публикаций, нежели исследование, причем описания, оставленные русскими путешественниками, представлены весьма незначительно и неравномерно. Так, если личность А.А. Башмакова не замалчивается, то сведения об А.В. Амфитеатрове заняли одну строку[67]; информация о побывавшем в регионе П.А. Риттихе отсутствует, зато рассказывается о его отце А.Ф. Риттихе, несколько раз в своих работах упомянувшем «македонских славян»[68]. Большое внимание Тодоровский уделил П.Н. Милюкову, в публицистике которого подчеркнул эволюцию. Ранее, по словам автора книги, российский политик занимал болгарскую сторону, но во время Балканских войн воочию увидел ситуацию «в сердце Балкан» и изменил свои взгляды. В результате в начале 1913 г. в *Речи* появилась статья «Македонская точка зрения». Тодоровский подчеркнул, что П.Н. Милюков стал первым иностранцем, изложившим не промакедонскую, а македонскую точку зрения, признав существование отдельного народа, а его позиция суть «модификация “македонского взгляда” К. Мисиркова»[69], видного деятеля национального движения. Впрочем, в силу ряда причин, представляется, что желаемое Тодоровский выдает за действительное: лидер кадетов своих суждений не менял[70].

Через несколько лет Г. Тодоровский в одной из публикаций повторил свои основные тезисы: причислил к «македонофилам» тех, кто утверждал, что местные жители не болгары и не сербы. В истории же освещения македонского вопроса в России он выделил несколько этапов. На первом этапе авторы (В.И. Григорович, А.Ф. Гильфердинг, архимандрит Антонин (Капустин)) утверждали, что в Македонии проживают славяне восточно-православного вероисповедания; для второго этапа характерны представления о населении региона как об отдельном народе (П.Д. Драганов, А.А. Ростковский, В.И. Ламанский,

И.С. Ястребов и др.). Третий этап связан с трансляцией македонской точки зрения и представлен П.Н. Милюковым. Наконец, на четвертом этапе произошло признание Коминтерном существования отдельной македонской нации и её отдельного языка[71]. Примечательно, что свою статью Тодоровский сопроводил неким подобием историографического обзора, уделив особое внимание точке зрения директора Института славяноведения РАН В.К. Волкова. В сборнике, посвященном 50-летию Института, российский балканист упомянул о «печальном случае исторической тяжбы, вызванной македонскими историками после Второй мировой войны»[72], в чём Тодоровский усмотрел доказательство того, что «российская государственная машина по горизонтали и вертикали главным образом защищает интересы Болгарии». Мнение В.К. Волкова он объяснил тем, что на протяжении 50 лет в Институте никто не занимался македонистикой. В МГУ имени М.В. Ломоносова автор насчитал целый ряд македонистов, в том числе Г.Д. Шкундина, А.В. Карасёва, А.Г. Шешкен[73], которые, как известно нам, но не Тодоровскому, были тесно связаны с Институтом славяноведения РАН, а некоторые из них в те годы являлись его сотрудниками.

Станоевский и Тодоровский не являются профессиональными историками, и подбор ими материала, качество его обработки и обоснованность заключений вполне заслуживают большей снисходительности. Однако и академическая наука Республики Македония демонстрирует примерно такой же уровень. В первую очередь, это относится к выбору объекта исследования. В документальном сборнике Университета им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье, посвященном македонскому вопросу на рубеже XIX–XX вв.[74], русские очевидцы представлены только отрывками из двух произведений А.В. Амфитеатрова, причем взяты они из вышеупомянутого издания Цв. Станоевского. Среди массы публикаций, собранных со всего мира, русским путешественникам отведено более чем скромное место, и даже при подготовке издания этого сборника на русском языке составители не сочли нужным об-

ратиться к оригиналу, а попросту перевели тексты Амфитеатрова с македонского языка[75].

К юбилею русского лингвиста и этнографа П.Д. Драганова (1858–1928) известный македонский историк, филолог и политический деятель Б. Ристовский подготовил сборник своих статей о Драганове, выходивших с 1969 г. в разных изданиях. Причина столь почтительного отношения очевидна: Драганов неоднократно бывал в Македонии и в своих публикациях доказывал, что по культуре и языку население этих земель отличалось как от сербов, так и от болгар. Эти выводы обусловили повышенное внимание к русскому ученому и высокие оценки его деятельности: Ристовский считал Драганова «основоположником македонистики в России, единомышленником и учителем Мисиркова и Чуповского»[76] — выходцев из македонских земель, активно пропагандировавших в России идею самобытности своей нации. Сами К. Мисирков, Д. Чуповский, Н. Димов и другие представители македонской колонии в Петербурге тоже неоднократно становились объектами монографических исследований, как Б. Ристовского, так и других македонских ученых, а созданное ими в Петербурге Македонское научно-литературное общество сравнивается с корнем, из которого «выросла» Македонская академия наук и искусств[77]. Это объясняет и наблюдаемую в исследованиях диспропорцию: об издававшейся в столице Российской империи в течение краткого времени газете *Македонский голос* ученые из Республики Македония писали не единожды, а другие российские издания конца XIX — начала XX вв. в научных трудах представлены слабо. Причина ясна: как правило, в них указывалось на болгарский характер населения, иногда на права сербов на македонские земли, и крайне редко признавалась отдельная македонская нация.

Однако есть исключения, подтверждающие правило. Публикации Драганова — в их числе. Они имели всё же случайный характер. Это подтверждает статья дочери Б. Ристовского Б. Ристовской-Иосифовской о публикациях журнала *Искры* (иллюстрированного приложения к газете *Русское слово*) пе-

риода Балканских войн. Хотя автор и объяснила свой интерес возможностью, используя фотографии, проанализировать «русский взгляд на события и ситуацию» в Македонии, тем не менее, по какой-то причине выбрала с этой целью далеко не самое популярное издание[78]. Как нетрудно было предположить, высоко оценив значение для науки размещенных фотографий, историк раскритиковала редакцию *Искр* за характеристику населения региона как «болгар» или «македонских болгар» и пришла к выводу, что «русское общество было ограниченно знакомо с подлинной обстановкой в Македонии и её проблемами»[79].

Примыкает к этому исключению еще одно — подготовленный историком М. Пандевским сборник «Македония и Балканы на страницах петербургского “Современника” (1912–1913)»[80]. В него включены две статьи Горцева (Ш.Я. Натадзе) и пять — В. Водовозова. Все публикации выходили во время Балканских войн, обличали, в первую очередь, их захватнические цели, что соответствовало социалистическому характеру *Современника*. Вместе с тем обращалось внимание на освободительные задачи и фактически постулировалось право населения Македонии на независимое от соседей государство. Именно по этой причине указанным статьям уделено такое внимание, а вовсе не потому, что, по оценке М. Пандевского, оба журналиста были «и очевидцами, и исследователями, и правдолюбами, а не кабинетными схоластиками или безответственными публицистами»[81]. Следует подчеркнуть, что сборнику присущи те же слабости и недостатки подготовки, что и указанным выше работам непрофессиональных историков. М. Пандевский не сумел выяснить, кто скрывается под псевдонимом «Горцев», ограничившись разъяснением читателю значения слова «горец»[82]. Ознакомившись с номерами *Современника* в библиотеке Варшавского университета, он, видимо, не придал прочитанному особого значения, а копии журнальных статей ему прислала спустя несколько лет коллега из Варшавы[83]. Уместно предположить, что обращение к запискам путешественников явилось делом случая.

И, наконец, нельзя не упомянуть серийное издание «Македония в произведениях иностранных путешественников», начатое академиком А. Матковским (1922–1992). После его кончины собранный материал с предисловиями коллег и супруги издавался вплоть до 2012 г.[84]. Свет увидело издание, ставшее итогом скрупулезного, самоотверженного труда, напоминающего, скорее, подвижническую работу археографа. Автор придает значение любой мелкой детали как ориентиру для будущих исследователей в поиске источников и литературы. Так, Матковский сообщает, что книгу И.С. Ястребова обнаружил в Библиотеке Конгресса США[85]. Хранящиеся в ДАРСМ материалы драгомана русского консульства в Битоле и вице-консула в Призрене Е.М. Тимаева, опубликованные в одном из томов, сопровождены пояснением, что поскольку автор «не отмечен ни в одной советской энциклопедии», сведения о нем почерпнуты из текста травелога[86]. Перевод донесений консула М.А. Хитрово дан по советскому изданию «Славянский архив»[87], причем составитель указывает, что нашел сборник в библиотеке Института национальной истории в Скопье, и даже сообщает его библиотечный шифр[88]. Такие особенности 13-томного издания свидетельствуют о высокой издательской культуре составителя, его профессионализме и уважительном внимании к читателю, что не часто можно встретить в современных исследованиях[89].

Однако девятый том серии с материалами за 1894–1902 гг. заставляет вспомнить о ложке дёгтя. В это время в периодике уже появились публикации П.Н. Милюкова, А.А. Башмакова, А.В. Амфитеатрова, П.А. Риттиха, вызвавшие интерес и ставшие предметом обсуждения, в том числе и в ученом мире. Однако они не включены ни в этот том, ни в последующие, куда могли бы быть отнесены по времени издания книжных собраний травелогов. Сомнительно, что они не были известны А. Матковскому. В пользу этого говорят наличие в томе за 1903 г. анонимных статей из «Иностранного обозрения» журнала *Вестник Европы*[90], или публикация среди текстов 1903–1904 гг. статьи Н. Лендера, правда, с неверно переданной на-

стоящей фамилией автора — «Рейнхелит» вместо «Рейхельт»[91]. Мы хотим тем самым ещё раз подчеркнуть тщательность, с которой составитель подходил к своему труду: вряд ли он мог пропустить записки русских очевидцев, о которых ранее писал Цв. Станоевский. Предположим, что причина заключается в отсутствии в этих работах признания существования отдельной македонской нации. Но ведь это не помешало Матковскому опубликовать записки европейских путешественников с «уточняющими» комментариями типа: «В Македонии никогда не было болгар. Везде речь идет о македонском славянском населении», «Речь идет о македонских крестьянах, поскольку в Македонии тогда не было болгар», «В Македонии никогда не было болгар, везде в тексте, где упоминаются болгары, имеются в виду македонцы»[92]. Остается только гадать, по идейным ли соображениям в издание не включены определенные русские тексты, отвергнуты ли они в связи с приоритетом европейских травелогов или же попросту Матковскому не удалось получить оригиналы произведений? С учетом указанной выше специфики македонской историографии, высокого профессионального уровня составителя последняя версия кажется нам наиболее вероятной.

Важно отметить, что в Македонии к изданию документов внешнеполитического характера из советских / российских архивов подходили более серьезно и основательно, нежели к публикации травелогов.

Видимо, описание положения в этих землях русскими очевидцами было и остается в науке маргинализированной темой, отражая, в первую очередь, романтические настроения поэтов, ностальгию патриотов или случайный интерес. Об этом можно лишь сожалеть, учитывая значительный содержательный потенциал материалов русских путешественников и заманчивые перспективы, которые открывает их изучение.

В сербской науке путевые записки русских очевидцев о Македонии не входят в круг исследовательских интересов ученых. Объясняется это тем, что часть современной Северной Македонии — скопско-тетовский район — воспринимается как

историческая территория, входившая в состав Старой Сербии. В этих границах в интересующий нас период её изучали и изучают сербские истории У. Шешум, М. Ягодич, С. Терзич. Их пристальное внимание привлекают этноконфессиональная обстановка в регионе, церковная, просветительская и вооруженная борьба сербов и болгар; при этом ученые используют и сербские, и болгарские источники, но не обращаются к русским травелогам или прессе[93]. Между тем в электронном каталоге Народной библиотеки в Белграде значатся записки П.А. Риттиха, А.А. Башмакова. В связи с этим нельзя не согласиться с замечанием отечественного историка А.Л. Шемякина (1960–2018): в Сербии изданы солидные антологии французских и британских источников о стране, но русские путевые заметки, несмотря на все их преимущества, используются слабо[94]. К аналогичному заключению пришел и автор настоящей работы, изучая сербскую историографию, освещающую отношение русского общества к Балканским войнам 1912–1913 гг.[95]. И это общее правило распространяется на частности — описания Скопье и его окрестностей.

Подобное положение отражает и словенская историография. Изучая описания Балкан европейскими путешественниками, Б. Езерник упомянул и русские травелоги, но отвел им совсем скромное место — менее 1% в перечне источников. В разделе о Македонии он в незначительной степени привлек работы В.В. Водовозова и А.В. Амфитеатрова. К сожалению, невнимание автора к биографиям русских очевидцев привело к досадным неточностям: Амфитеатров, например, как сообщает Езерник, провел в Македонии три года[96], хотя на самом деле, журналист там побывал в ходе нескольких поездок.

Подытоживая, отметим следующее. Тема настоящего исследования довольно узкая. Работ о русской прессе, освещавшей македонский вопрос, значительно больше. Но мы постарались выделить и охарактеризовать только их определенный пласт — мнения очевидцев, а не кабинетных аналитиков. А такая информация часто шла вразрез с господствующими в публичном пространстве оценками. Возможно, автору не уда-

лось избежать пропусков, и русские травелоги использовались в каких-либо еще работах: потому на исчерпывающий характер данный обзор не претендует. Однако, как представляется, удалось выделить следующие общие тенденции.

Во-первых, русские описания Македонии как тему самостоятельного исследования вряд ли можно считать всесторонне изученными. Информация, содержащаяся в записках, ещё ждет вдумчивого исследователя и, возможно, высветит новые грани македонской проблемы. *Во-вторых*, авторами эти источники часто используются вне контекста их создания, включающего биографию очевидца, общественно-политическую обстановку, влиявшую на путешественников, и конкретные условия, в которых делались записи. *В-третьих*, имеет место выборочное использование суждений очевидцев для подтверждения той или иной точки зрения на этнический характер населения Македонии. При этом в болгарской и македонской историографиях подобная селективная, конъюнктурная тенденция превращается в жёсткое правило, при котором выразители неугодного мнения исключаются из историографического пространства, а их работы препарируются под актуальный социальный заказ. Но если первые две из отмеченных тенденций в перспективе могут быть устранены, то третья подобного оптимизма не внушает. Историческая наука не существует вне общественной атмосферы, и до тех пор, пока на Балканах не будут преодолены разногласия по македонскому вопросу, сохранится и субъективный подход к изучению русских описаний этой части полуострова.

Примечания

[1] *Кондаков Н.П.* Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909. С. 4.

[2] Подробнее см.: *Едемский А.Б., Карасёв А.В., Цехмистренко С.П.* К истории Македонского вопроса // Славяноведение. 1993. № 1; *Валева Е.Л., Исаева О.Н.* Македонистика в СССР: к истории политических табу // Россия (СССР) и Македония: История, политика, культура: 1944–1991 гг. / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2013.

[3] *Учаева Н.А.* Македонский вопрос в период Балканских войн 1912–1913 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 16–17.

[4] *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX — начале XX века — яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010. С. 4–5, 22–23.

[5] Там же. С. 141.

[6] Там же. С. 5–6.

[7] *Лабаури Д.О.* Евангелие и револьвер: Социальные и психологические основы болгарской национальной революции в Македонии и Фракии в конце XIX — начале XX в. СПб., 2018.

[8] История Югославии. Т. 1–2 / под ред. Ю.В. Бромлея, И.С. Достян, В.Г. Карасёва, С.А. Никитина. М., 1963.

[9] Автор выражает признательность российскому историку Л.Я. Гибианскому за важную информацию о появлении запрета македонистики как науки.

[10] *Шофман А.С.* Очерки по истории Македонии и македонского народа. (С древнейших времен до Первой мировой войны). Казань, 1960. Т. 1. С. 287–288.

[11] *Жигунин В.Д.* А.С. Шофман — ученый, учитель, человек // Античность: события и исследователи / ред. колл.: Жигунин В.Д., Чиглинцев Е.А., Габелко О.Л. Казань, 1998. С. 7.

[12] *Шофман А.* Из истории русских путешествий в Македонию // Известия Всесоюзного географического общества. 1960. Т. 92. С. 61.

[13] Там же. С. 53.

[14] Там же. С. 61.

[15] Там же.

[16] *Бурбига В.А.* Македонське питання в російському слов'янознавстві та публіцистиці (1893–1912 рр.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Харків, 1997. С. 14.

[17] *Бурбыга В.А.* Российская печать о путях решения македонской проблемы накануне Балканских войн. 1908–1912 гг. // Македония: проблемы истории и культуры / ред. колл.: В.К. Волков, Г.Г. Литаврин, И.И. Калиганов, Г.П. Клепикова. М., 1999. С. 138.

[18] Там же. С. 134.

[19] *Ямбаев М.Л.* Российские наблюдатели об этнической принадлежности населения Македонии в конце XIX — начале XX вв. // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2011. С. 167–168.

[20] *Беклемишева М.М.* Русский публицист А.А. Башмаков о македонском вопросе в письмах и публицистике (1899 г.) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 41.

[21] Там же. С. 40.

[22] Там же. С. 46–47.

[23] Там же. С. 49.

[24] *Башмаков А.А.* Болгария и Македония. СПб., 1903. С. 121.

[25] Там же. С. 124–131.

[26] *Гусев Н.С.* Борбата на християнските религиозни институции в Македония през погледа на руски очевидци (края на XIX–началото на XX век) // Религиозни институции и национална идентичност на Балканите (XIX–XX век) / съст. З. Първанова. София, 2021.

[27] *Гусев Н.С.* Средневековые памятники архитектуры в Македонии в описаниях русских путешественников (середина XIX — начало XX вв.) // Вестник славянских культур [в печати].

[28] *Миронова М.Г.* Изучение истории Болгарии русским археологическим институтом в Константинополе: дисс. … канд. ист. наук. М., 1998.

[29] *Лаптева Л.П.* Изучение балканских славян в трудах русского археологического института в Константинополе // Вопросы истории славян. Воронеж, 1996.

[30] *Формозов А.А.* П.Н. Милюков и Археология // Российская археология. 1995. № 2.

[31] *Макушин А.В., Трибунский П.А.* П.Н. Милюков и русская академическая экспедиция в Македонию 1900 г. // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. Вып. 1. Брянск, 2000; *Трибунский П.А.* П.Н. Милюков и археологическое изучение Болгарии, Македонии и Турции // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. Вып. 3. Брянск, 2001.

[32] Чужди пътеписи за Балканите. Т. 1–7. София, 1975–1987. В серии были изданы два тома французских, два тома немецких и австрийских и однотомники венгерских, армянских и английских очерков путешествий по Балканам в XV — XIX вв.

[33] Румънски пътеписи от XIX век за българските земи / съст. М. Младенова, Н. Жечев. София, 1982.

[34] Руски пътеписи за българските земи XVII–XIX век / съст., предг., комент. и бел. М. Кожухарова. София, 1986.

[35] *Германов С.* Македония и Одринска Тракия в пътните бележки на руски учени и кореспонденти // Исторически преглед. 1988. № 4. С. 69–73.

[36] Там же. С. 81.

[37] *Германов С.* Революционното движение в Македония и Одринска Тракия през погледа на руската общественост в края на XIX и началото на XX век // България след Освобождението (1878) / гл. ред. П. Зарев. София, 1988; *Он же.* Руски кореспонденти доброволци в Илинденско-Преображенското въстание 1903 г. // Военноисторически сборник. 1989. № 3; *Он же.* П.Н. Милюков и България // Векове. 1990. Кн. 4.

[38] *Германов С.* Руската общественост и революционното движение в Македония и Одринско 1893–1908. София, 1992.

[39] *Он же.* Руски пътешественици, учени и общественици за Македония от XVII до 1912 г. // Изследвания по македонския въпрос. Кн. 1 / съст. Д. Мичев. София, 1993. С. 238.

[40] Там же. С. 253.

[41] Там же. С. 255.

[42] Там же. С. 257.

[43] Там же. С. 269.

[44] *Германов С.* Пиринска Македония в руската наука и култура (от средата на XVII в. до 1912 г.). София, 2021.

[45] В статье 1993 г. указывалось, что российские историки В.И. Косик и А.В. Карасёв «пытались искусственно создать историческое прошлое современной македонской нации, некритично воспринимая постулаты македонизма, сфор-

мулированные в Скопье». О.Н. Исаева «освещает Македонию и македонский вопрос на гораздо более поздних и почти не известных этапах развития, не соответствующих времени и положению болгар в Македонии». Но некоторые российские ученые удостоились похвалы Германова: «На этом фоне заслуживают внимания такие авторы, как Д. Лабаури, Г. Шкундин, В. Бурбыга и др., которые объективно анализируют действительность и вносят вклад в изучение явлений и процессов в Македонии» (*Германов С.* Пиринска Македония в руската наука и култура… С. 10).

[46] *Германов С.* Пиринска Македония в руската наука и култура… С. 90.

[47] Вот некоторые примеры оценок Германова: подготовка П.Н. Милюкова к поездке — «сочетание научной осведомленности и необыкновенного трудолюбия (Там же. С. 93), своими письмами в *Русских ведомостях* за 1898–1899 гг. Милюков «в значительной степени рассеял царившую в русском обществе тьму» относительно ситуации в Македонии (С. 95). (Это — дословное повторение характеристики П.Н. Милюкова в упомянутой статье Германова 1988 г.) По словам историка, А.А. Башмаков «принес пользу своим соотечественникам и всем тем, кто стремился узнать истину об этнографических, исторических и экономических проблемах в Македонии», а его произведения можно сравнить с публикациями американского журналиста Я. Мак-Гахана, раскрывшего Европе глаза на зверства турок при подавлении Апрельского восстания 1876 г. (Там же. С. 107).

[48] Там же. С. 196.

[49] *Йолов И.Г.* Руски автори за България и Сърбия в македонски конфликт. 1885–1917 г. София, 1999. С. 44–49.

[50] Там же. С. 69.

[51] Там же. С. 86.

[52] Државен архив на Република Северна Македонија (далее — ДАРСМ). Зак. 2541. Шифр 85. Оп. 1. Н. 27.

[53] *Станоевски Ц.* Како ја видоа Македонија. Руски публикации за Македонија 1828–1913. Скопје, 1978.

[54] Почина познатиот македонски новинар и публицист // sitel. 17.02.2017 (URL: https://sitel.com.mk/pochina-poznatiot-makedonski-novinar-i-publicist (дата обращения: 12.04.2022)).

[55] *Станоевски Ц.* Како ја видоа Македонија… С. 5.

[56] *Германов С.* Руски пътешественици, учении и общественици за Македония от XVII до 1912 г. … С. 238.

[57] *Станоевски Ц.* Како ја видоа Македонија… С. 51.

[58] Там же. С. 48–49.

[59] Там же. С. 26.

[60] Там же.

[61] Там же. С. 30.

[62] Там же. С. 141.

[63] Там же. С. 151.

[64] Там же. С. 158.

[65] Там же. С. 71

[66] *Ристовски Б.* Македонистот Петар Драганов. Скопје, 2007. С. 8.

[67] *Тодоровски Г.* Страници за македонофилството. Скопје, 1994. С. 46.

[68] Там же. С. 43.

[69] Там же. С. 85.

[70] П.Н. Милюков в указанной статье выступил за неделимость Македонии, официальные болгарские власти обвинил в предательстве этой идеи. При этом указал, что сербы и греки проводили политику денационализации в регионе, и явно считал население региона тяготеющим к Болгарии: «Больше всего идея цельной автономной Македонии кроме македонцев привилась у болгар, так как именно с болгарами македонцы в целом чувствовали наибольшую национальную близость и болгарская национальная церковь, “экзархия”, явилась самым ранним и самым могучим средством македонского национального возрождения» (*Милюков П.Н.* Македонская точка зрения // Речь. 27 января 1913 г.).

[71] *Тодоровски Г.* Влогот на Русија во сестраното расветлување на македонското прашање во XIX–XX век (факти и коментари) // Македонија. Прашања од историјата културата / уред. Б. Ристовски. Скопје, 1999. С. 75–76.

[72] *Волков В.К.* Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра (К 50-летию Института славяноведения и балканистики РАН) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 30.

[73] *Тодоровски Г.* Влогот на Русија во сестраното расветлување на македонското прашање… С. 86.

[74] Документи за борбата на македонскиот народ за самостојност и за национална држава / ур. Хр. Андонов-Пољански. Скопје, 1981.

[75] Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство / ред. Хр. Андонов-Полянски. Скопје, 1985. Т. 1. От поселения славян в Македонии до конца Первой мировой войны. С. 414–417, 574–576.

[76] *Ристовски Б.* Македонистот Петар Драганов… С. 73.

[77] См., например: Македонското научно-литературно другарство и неговиот континуитет до основањето на Македонската академија на науките и уметностите / ур. одбор Б. Ристовски, П.Х. Илиевски, Г. Старделов. Скопје, 1997.

[78] *Ристовска-Јосифовска Б.* Македонија во Балканските војни низ илустрациите на руското списание «Искри» // Сто години од Балканските војни: прилози од научниот собир одржан на 3–4 декември 2012 / ур. одбор В. Камбовски, Б. Ристовски, Д. Ѓоргиев. Скопје, 2013. С. 387. Отметим при этом, что, судя по дефектам на опубликованных в статье фотографиях, Б. Ристовская-Иосифовская не руководствовалась доступностью копий «Искр» в сети «Интернет». Сравни фотографии 15, 16 и копию на портале «Один-факт» (URL: http://www.odin-fakt.ru/iskry/ivan_bunin__42_1912/ (дата обращения: 12.04.2022)).

[79] *Ристовска-Јосифовска Б.* Македонија во Балканските војни… С. 406.

[80] Македонија и Балканот во петроградското списание «Современник» (1912–1913) / Превод, предговор и коментари М. Пандевски. Скопје, 1995.

[81] Там же. С. 20.

[82] Там же. С. 17.

[83] Там же. С. 20.

[84] Последний том: Македонија во делата на странските патописци: 1905–1908 / подг. А. Матковски. Скопје, 2012.

[85] Македонија во делата на странските патописци: 1879–1888 / подг. А. Матковски. Скопје, 2002. С. 9.

[86] Македонија во делата на странските патописци: 1864–1874 / подг. А. Матковски. Скопје, 2000. С. 23.

[87] *Сенкевич И.Г.* Новые материалы по истории южных славян (Из рукописного наследства М.А. Хитрово) // Славянский архив: сборник статей и материалов / отв. ред. С.А. Никитин. М., 1963. С. 237–251.

[88] Македонија во делата на странските патописци: 1864–1874… С. 3.

[89] Отметим, что по ходу издания менялось оформление серии. К разряду курьёзов отнесем следующий факт: в библиотеке Македонской академии наук и искусств автор настоящей работы ознакомился с томом материалов за 1864–1874 гг., изданным в виде сброшюрованной пластиковыми кольцами ксерокопии.

[90] Македонија во делата на странските патописци: 1903 / подг. А. Матковски. Скопје, 2007.

[91] Македонија во делата на странските патописци: 1903–1904 / подг. А. Матковски. Скопје, 2008. С. 124.

[92] Македонија во делата на странските патописци: 1903… С. 40, 88, 113.

[93] Фактически единичным исключением является статья сербского историка русского происхождения А.Л. Тимофеева, обратившегося к публикациям газеты *Новое время* о Старой Сербии в интересующий нас период и упомянувшего о поездках русских путешественников (*Тимофејев А.* Стара Србија у руском јавном мњењу XIX века // Годишњак за друштвену историју. 1999. Св. 2. С. 128–129).

[94] *Шемякин А.Л.* Введение // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост. А.Л. Шемякин. СПб., 2006. С. 10–11.

[95] *Гусев Н.С.* Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М., 2020. С. 81.

[96] *Езерник Б.* Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М., 2017. С. 210.

DOI 10.31168/7576-0477-0.3.4

Юра Тотева
КОНСТАНТИНОВА

Наследство Зафира Сароглу — личные, региональные, национальные и имперские аспекты[*]

Данный текст посвящен завещанию Зафира Сароглу, которое в 1880-х годах стало предметом судебного спора между болгарским государством и наследниками богатого купца, проживавшими в Греции. Судебное дело и общественное внимание к нему отчетливо продемонстрировали болгаро-греческую национальную конфронтацию. Однако последняя воля Зафира Сароглу также позволяет нам иначе посмотреть на значение России для народов Балканского региона. Купец Сароглу нажил свое состояние в Российской империи, и его история показывает, как переплетение различных политических событий, экономических интересов и идеологических конструкций влияло на мышление и поведение жителей Балкан в XIX веке.

К настоящему времени делу о последней воле и завещании Зафира Сароглу посвящена всего одна статья[1], основанная, преимущественно, на книге Марко Балабанова «Завещание Сароглу в афинских судах», опубликованной в 1893 г.[2]. Эта книга, несомненно, является превосходным, а зачастую и единственным источником при изучении судебного разбирательства. В рецензии, опубликованной в журнале Болгарского литературного общества (болг. *Българско книжовно дружество*), она названа «единственным произведением такого

* Исследование проведено при финансовой поддержке Болгарского фонда научных исследований по договору № КП-06-Русия/19 в рамках работы над совместным российско-болгарским проектом.

рода в нашей молодой юридической литературе»[3]. Помимо книги Балабанова настоящая работа опирается на документы, выявленные в основном в личных архивах лиц, причастных к этому делу[4], а также на историческую литературу по затронутым в исследовании сюжетам.

Семьи Хаджиоглу и Сароглу

Род Зафира Сароглу происходит из Русе (Рущук), города в северо-восточной Болгарии на правом берегу Дуная, что предопределило его роль как торгового центра. В 1388 г. город был захвачен султаном Мурадом I (1362–1389) и оставался в составе Османской империи до образования Княжества Болгария в 1878 г. В XVII–XVIII вв. Русе становится центром активной импортно-экспортной торговли, привлекая к себе христианское население из окрестных деревень. Однако во второй половине XVIII в. город превратился в арену столкновения между Российской и Османской империями, что, помимо прочего, привело к демографическим изменениям. После русско-турецкой войны 1768–1774 гг. многие христиане покинули город и осели на противоположном берегу Дуная, а их место заняли мусульмане, евреи и армяне[5]. Источники, подтверждающие, что в Русе селились греки или что греческая община существовала в городе до второй половины XIX в., отсутствуют[6].

Русско-турецкая война 1806–1812 гг. привела к серьезному демографическому и экономическому упадку Русе. В конце войны вместе с отступающей русской армией город покинули около 3 600 чел., то есть почти половина населения. Среди тех, кто встал на путь изгнания, были семьи Хаджиоглу и Сароглу. Из книги М. Балабанова мы узнаём, что Зафир Сароглу родился в 1795 г. в Русе в семье Петра и Марии и имел двух братьев, Христо (Христофора) и Александра. Его мать Мария была единственной дочерью купца из Русе Николы Хаджиоглу. Кроме неё, в семье подрастали пятеро сыновей — Андрей, Георгий, Ангел, Никола и Гавриил. После отъезда из Русе обе семьи сначала поселились в Бухаресте, а затем переехали

в разные города Молдовы и Украины. Своим благосостоянием семья Сароглу была обязана дяде Зафира Сароглу — купцу Ангелу Николаевичу Хаджиоглу (1786–1856), по инициативе которого выделялись крупные средства на благотворительные цели[7].

После временного проживания в различных городах Дунайских княжеств и Российской империи семьи Хаджиоглу и Сароглу переехали в Нежин. Расположенный к северо-востоку от Киева город являлся центром посреднической торговли между Москвой и Киевом, а также перекрестком торговых путей между Россией и Европой. В конце XVIII в. Нежин был самым известным торговым городом в регионе, торговля которого полностью находилась в руках «нежинских греков». Они импортировали в основном промышленные товары и вино, а также хлопок, шелковые и шерстяные ткани, табак, фарфор и пр., которыми торговали не только в Нежине и на местных рынках, но и по всей Российской империи. Греческая колония в Нежине существовала с середины XVII в., и её возникновение часто связывают с грамотой Богдана Хмельницкого 1657 г., которая освобождала «нежинских греков» от подчинения местным властям и предоставляла им право свободной торговли при уплате фиксированного налога в казну[8]. Эти привилегии, вероятно, явились результатом отъезда польских и еврейских купцов после отделения этого региона от Польши и были призваны привлечь на их место других купцов. После включения города в границы Российской империи привилегии «нежинских греков» были подтверждены сначала Петром I (1705 г.), а затем Елизаветой Петровной (1742 г.), Екатериной II (1797 г.), Павлом I (1797 г.) и Александром I (1801 г.). «Нежинские греки» могли торговать во внутренних районах России и пользоваться правами, которые Таможенный устав предоставлял российским купцам; в частности, они освобождались от различных городских налогов, военной службы и т.д.[9].

Правительственные декреты 1822–1826 гг., в том числе новый торговый тариф, уравняли «греков Нежина» с купцами

II гильдии и упростили процедуру вступления в купеческое сословие[10]. Этой возможностью воспользовался Ангел Хаджиоглу, который до своей смерти в 1856 г. жил в Москве, являлся почетным гражданином города и временным членом II гильдии. В своем завещании он назвал себя, своего брата Николая Николаевича Хаджиоглу и своего племянника Христофора Петрова Сароглу «нежинскими греками», а другого своего племянника Зафира Сароглу — «молдавским греком»[11]. Эту запись не следует считать национальной характеристикой семей Хаджиоглу и Сароглу: она свидетельствовала об их принадлежности к привилегированному купеческому сословию Российской империи. Известно, что с XVII в. термином «греческие купцы» в Российской империи обозначались как этнические греки, так и другие православные купцы из Османской империи — молдаване, влахи, сербы и болгары[12]. Именно об этом свидетельствуют документы Нежинского греческого магистрата, существовавшего в период 1785–1866 гг. Уже на его торжественном открытии 4 ноября 1785 г. было заявлено, что «влахи, болгары и другие народы должны почитаться как истинные греки»[13]. О неоднородном этническом характере «нежинских греков» свидетельствуют и данные об их колонии за 1769 г., где записано, что 78 греков, 12 влахов, 4 болгарина и 8 других лиц имели собственные дома, а 37 греков, 13 влахов, 5 болгар и 4 других жили в арендованных домах[14].

Бесспорное преобладание купцов греческого этнического происхождения, а также османская государственная система, разделявшая население по вероисповеданию, а не по национальности, являются основными причинами того, что купеческие общины православных колонистов, прибывших из Османской империи, считались греческими, причем не только в России[15]. В XVII–XVIII вв. приехавшие с Балкан за границу православные купцы обычно находили приют в таких «греческих» колониях, торговали через «греческие» компании и использовали документы на греческом языке, так как имели греческое образование[16]. Хотя завещание Ангела Хаджиоглу и было написано на русском языке, вся переписка по вопро-

сам наследства между членами семей Хаджиоглу и Сароглу, болгарской общиной в Русе и болгарскими купцами, проживавшими в России, велась на греческом языке. На греческом языке написаны также письма известного болгарского купца и дарителя Ивана Денкоглу из села Балша в окрестностях Софии, который был вовлечен в дело с завещанием Ангела Хаджиоглу. Он также сколотил свое состояние на торговле в Нежине, а позже переехал в Москву и жертвовал крупные суммы на содержание болгарских учеников и студентов, на строительство церквей и школ, в основном в Софии, но также и в других болгарских городах. Некоторые исследования Юрия Венелина о болгарах были опубликованы на его средства[17].

И Иван Денкоглу, и Ангел Хаджиоглу начали жертвовать средства на образовательные цели еще с 1840-х годов. В 1844 г., благодаря финансовой поддержке Ангела Хаджиоглу, был издан «Болгарский букварь». Его автором был Георгий Бусилин (1824–1845) — студент Московского университета, которого опекал Ангел Хаджиоглу. Книга была отпечатана в типографии Московского университета в количестве 2 470 экземпляров, 350 из которых были отправлены в Русе, а остальные — в другие болгарские города. В 1846 г. Ангел Хаджиоглу финансировал издание учебника «Чистописание на болгарском языке», который он подарил «бедным детям в Русчуке». 2 470 экземпляров этого учебника были также бесплатно розданы ученикам в школах других болгарских городов[18].

Однако самое крупное пожертвование Ангела Хаджиоглу было сделано по его завещанию: он оставил своей «родине — городу Русе под властью турок» 20 тыс. рублей серебром. Даритель распорядился потратить эти деньги на строительство мужской и женской школ в городе. Ангел Хаджиоглу завещал также 3 тыс. рублей для «бедных греков» в Москве, переданные через Николаевский греческий монастырь, 3 тыс. рублей для «бедных греков» в Нежине, переданные через Нежинский греческий монастырь, 3 тыс. рублей на ремонт и украшение церкви в Русе и 1 тыс. рублей для бедных девушек, которые, выходя замуж, должны были получить по 200 рублей на свадь-

бу (ст. 5–6). Значительные суммы он оставил родственникам, а более мелкие пожертвовал своим слугам, а также церквям и монастырям на молитвы о спасении души. Самую большую сумму в 25 тыс. рублей, а также всё свое движимое имущество он завещал племяннику Зафиру Сароглу, которого назначил своим душеприказчиком[19].

Зафиру Сароглу предстояло следить за тем, чтобы завещанные его дядей городу Русе суммы дошли по назначению. Однако поскольку он был в Русе чужаком, городской муниципалитет решил предоставить полномочия для осуществления перевода денег Ивану Денкоглу. Это решение городских старейшин вызвало недовольство Зафира Сароглу и стало причиной задержки в передаче средств. Но, в конце концов, проблемы были решены: деньги были переданы и использованы по назначению[20].

Сам Зафир Сароглу в то время жил в Москве. Его знали в городских кругах как банкира и купца, обладавшего монополией на торговлю икрой и пшеницей в Европе. В 1860-х годах по состоянию здоровья он переехал в Афины, где женился на Анне, от которой у него родились трое детей — Петр, Мария и Ольга. Осенью 1880 г. Зафир Сароглу впервые посетил Русе, а затем приезжал в город еще несколько раз. Там он познакомился с митрополитом Доростоло-Червенским (Русенским) Григорием, и эта встреча, несомненно, повлияла на дальнейшую жизнь Зафира Сароглу. С 1880 г. и до смерти последнего они состояли в постоянной переписке, обсуждали вопросы, связанные с пожертвованиями и благотворительной деятельностью. В письмах также отразились некоторые стороны личной жизни Зафира Сароглу[21].

Следует вспомнить, что митрополит Григорий (Григорий Григорьевич Немцов) также являлся незаурядной личностью, был тесно связан с Российской империей. Он родился в 1828 г. в Бессарабии, в селе Сороки, и в 1846 г. принял монашеский сан в Хилендарском монастыре. Там он попал под идейное влияние Илариона Макариопольского и Неофита Бозвели, отбывавших ссылку в монастыре. Молодой священник полу-

чил хорошее образование в городке Карея — административном центре Афона, в Константинополе и в известной в православном мире богословской школе на о. Халки (Халькия), что позволило ему в 1872 г. занять митрополичью кафедру, стать митрополитом Доростоло-Червенским. Участвуя в создании организационной структуры Болгарской православной церкви, митрополит Григорий был заметной фигурой и в общественной жизни Болгарии: после освобождения Болгарии являлся заместителем председателя Учредительного собрания, депутатом Первого Великого Народного собрания, а также Обыкновенного Народного собрания первого и второго созывов[22]. Будучи горячим поборником развития образования, митрополит крупные денежные средства завещал на стипендии для обучения болгарской молодежи. Так что благотворительные замыслы болгарского церковного деятеля и греческого купца во многом совпадали.

Во время своего первого приезда в Русе Зафир Сароглу пожертвовал 2 тыс. левов на содержание бедных детей в школах Русе и 40 тыс. левов на роспись церкви Св. Троицы, а также на возведение двух часовен при церкви[23]. Митрополит Григорий приложил значительные усилия, чтобы исполнить волю дарителя. В письме председателю окружного совета Русе от 21 апреля 1881 г. он сообщал, что «великодушный и щедрый господин Зафир Сароглу, наш соотечественник», следуя примеру своего дяди Ангела Хаджиоглу, пожертвовал сумму в 10 457 франков на роспись соборной церкви Св. Троицы. Митрополит Григорий инициировал создание комиссии, состоявшей из попечителей церкви и представителя городского совета, для учета пожертвованных средств, а также лично заботился об их экономном расходовании и обеспечении быстроты и качества строительных работ[24]. Благодаря отличной организации, в 1884 г. была освящена часовня во имя великого князя Александра Невского, а в 1886 г. — вторая часовня во имя Святых братьев Кирилла и Мефодия[25].

При посредничестве митрополита Григория Зафир Сароглу вступил в переписку с директором Болгарского народного банка

Иваном Гешовым, намереваясь приобрести акции БНБ. В 1884 г. они трижды встречались в Афинах и обсуждали необходимость и перспективы создания Сельскохозяйственного банка в Болгарии. На этих встречах Зафир Сароглу заявил, что составляет завещание, по которому намерен передать своё имущество на благо болгарского народа[26].

Завещание

В Русенской митрополии хранятся несколько завещаний Зафира Сароглу. Уже в начальном варианте, составленном 1 мая 1880 г., то есть до первого своего приезда в город, он пожертвовал значительную сумму «Русе, Болгарии, родине моих родителей» на строительство больницы и церкви. По этому документу часть средств предназначалась также на благотворительные дела в Афинах[27]. В сентябре 1881 г. и в мае 1882 г. Зафир Сароглу составил новые завещания, копии которых также хранились у митрополита Григория и свидетельствуют о намерении Зафира Сароглу завещать львиную долю своего имущества Болгарии. Однако особенно важно последнее завещание, датированное 12 мая 1885 г. и отправленное купцом митрополиту Григорию, поскольку выражает последнюю волю наследодателя. Оно, как и предыдущие, написано на греческом языке. Позднее митрополит перевел его на болгарский язык и, адресуя текст Гешову, заметил, что «перевод не очень точен и не мог быть точным, потому что автор завещания проявил полное презрение к грамматике греческого языка»[28].

Независимо от точности перевода и его грамматических особенностей, пожелания Зафира Сароглу вполне понятны. По первому (личному) разделу завещания треть всего имущества переходила к жене и детям Петру и Ольге (Мария к тому времени умерла), и часть средств передавалась также на благотворительные дела в Афинах.

В преамбуле к личному разделу завещания купец объяснял, что выделяет часть наследства, нажитую на основе денег, которые «дал мне мой дядя в Москве, с обещанием, с моей стороны, что всё, что я заработаю, я посвящу нашему болгарско-

му народу. И я, умножив эту сумму в течение многих лет, теперь исполняю своё обещание верно и точно»[29].

Следуя своему решению, Зафир Сароглу во втором разделе завещания распорядился передать остальную часть состояния, т.е. две трети, на благотворительные дела в Болгарии. Речь шла об активах в ценных бумагах, вложенных в различные российские компании и Национальный банк Греции, на сумму 677 тыс. рублей серебром, и о 82 акциях Национального банка Греции. В 1-й статье завещания выражалось пожелание, чтобы болгарский народ стал наследником ценных бумаг. В преамбуле ко второму разделу завещания Зафир Сароглу вновь обосновал принятое решение любовью к родине своих родителей, родившихся в Болгарии, которой он хотел помочь деньгами, заработанными собственным трудом. Купец добавляет, что часть средств была в своё время получена им от покойного дяди, которому он обещал посвятить их Богу. Поэтому он также отказывает своим наследникам в праве вмешиваться в его решение и предупреждает, что в случае нарушения его воли он лишает их всего, что оставляет им в своем личном завещании (ст. 2).

Первой заботой Сароглу стало обеспечение полным облачением всех священников в церкви и часовне Св. Троицы в Русе. Он прямо указывает, что церковные одежды должны быть приобретены в Москве, и не забывает упомянуть, что митрополит Григорий также должен получить соответствующее облачение. Уже в преамбуле завещания говорилось о строительстве духовного училища при церкви Св. Троицы, отремонтированной на средства Сароглу. В завещании также предусматривалось выделение средств на расширение и реконструкцию церкви Св. Троицы и посвящение её Св. Духу (ст. 9). Суммой в 5 тыс. франков наследодатель пожелал поддержать учеников в школах Русе. Данные пожертвования подтверждали намерение Зафира Сароглу исполнить свой долг по отношению к родному городу родителей.

В завещании также отражено ещё одно намерение Сароглу, подробно обсуждавшееся во время встреч в 1884 г. с Ив. Гешо-

вым, а именно создание в Софии Сельскохозяйственного или Имущественного банка для предоставления кредитов лицам, занимающимся сельским хозяйством в Болгарии (ст. 3). Сароглу планировал объединить этот банк с Болгарским народным банком для совместной деятельности по содействию развитию сельского хозяйства в стране (ст. 7). О том, какое огромное значение придавал этому купец, свидетельствует его письмо митрополиту Григорию, в котором он ещё в 1881 г. сделал расчеты ожидавшихся финансовых результатов на 100 лет вперед — до 1980 года[30]. Выраженная в завещании воля наследодателя не оставляет сомнений в его горячей любви к Болгарии. Он поощрял своих наследников вернуться в Болгарию, гарантируя им руководящие должности в будущем Сельскохозяйственном банке (ст. 3, ст. 8). Такую же привилегию получили наследники митрополита Григория — «помощника и советника в благодеяниях» (ст. 8). В конце завещания (ст. 15) вновь указано желание о переселении его детей, Петра и Ольги, в Болгарию в последующие десять лет, для чего им будут выделены 100 тыс. франков с набежавшими процентами.

Россия и русские люди также не были обойдены заботливым вниманием Зафира Сароглу. Он помнил, что и он, и его дядя сделали свое состояние «на их родине». В ст. 13 Сароглу счел нужным завещать определенные средства для помощи бедным и обездоленным русским, преследуемым по политическим мотивам. А восхищение Российской империей и её политикой купец выразил в ст. 10 завещания: предусмотрел строительство «великолепного храма в болгарской столице, посвященного имени Всех Святых и названного “Храмом Освободителя”». В последующие 500 лет, «столько же, сколько Болгария была в рабстве», в нём ежегодно должна была проводиться панихида по душам воинов, сражавшихся и погибших на полях сражений в Болгарии. Вокруг храма, под открытым небом, Сароглу мечтал установить статуи из металла, увековечивающие «всех, кто участвовал в войне за освобождение Болгарии». Согласно воле наследодателя, металл должен был быть доставлен из России.

В связи с очевидной невозможностью увековечивания в скульптуре памяти всех участников войны, Сароглу поименно называет тех, кто, по его мнению, имеет наибольшие заслуги и/или не должен быть забыт. Это императоры Александр II и Александр III со своими «царицами», а также болгарский князь Фердинанд. Перед этой скульптурной группой предполагалось установить на пьедестале конную статую императора Николая II. По замыслу Сароглу, статуя должна была напоминать памятник Петру Великому в Санкт-Петербурге, «с той лишь разницей, что император Николай должен попирать ногами различных зверей, таких как змеи, львы и т.д.».

Не забыты были и другие члены императорской семьи и российские генералы, сражавшиеся за освобождение Болгарии: великий князь Николай Николаевич (старший), сын императора Александра II великий князь Владимир, князь Александр Горчаков, граф Николай Игнатьев, генерал Иосиф Гурко, князь Александр Дондуков-Корсаков, генерал Аркадий Столыпин и др. У наследодателя были особые требования к статуям некоторых личностей: граф Игнатьев, например, должен был держать в руках Сан-Стефанский договор, генерал Леонид Соболев — иметь крылья, а скульптура получившего под Рущуком смертельное пулевое ранение в голову князя Сергея Лейхтенбергского должна была отразить момент его кончины. Единственным иностранцем в этом списке русских князей и генералов был британский премьер-министр Уильям Гладстон, вероятно, благодаря поддержке болгарского народа после Апрельского восстания 1876 г.

Желание Зафира Сароглу построить в Софии храм в память о павших за освобождение Болгарии соответствовало решению, принятому Учредительным собранием в 1879 г., и совпало по времени (1885 г.) с началом строительства такого храма на Шипке. Заметим, что сформулированная Сароглу в завещании идея поставить памятники наиболее известным государственным деятелям и участникам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. значительно опередило время. Инициатива установки памятника в честь императора Александра II при-

надлежала видному болгарскому общественному деятелю Стояну Заимову (1853–1932), после чего эту идею поддержал Поборническо-ополченский корпус, объединявший участников освобождения Болгарии. В конце 1898 г. было решено создать Комитет для сбора средств для этой цели, первое заседание которого состоялось год спустя, а сам памятник был открыт только в 1907 г.[31]. Ещё более новаторским было желание Сароглу увековечить борьбу болгар за самостоятельную церковь. По замыслу наследодателя, кавалькада императоров и принцев и скульптуры генералов на входе в храм и по обе стороны от него заканчивались на восточной стороне металлическими статуями священнослужителей, преследуемых Константинопольским синодом и духовенством в ходе церковной борьбы. Среди них особого упоминания удостоились экзарх Антим, экзарх Иосиф и митрополит Русенский Григорий.

Только после выполнения перечисленных задач, которые, по всей вероятности, Сароглу счел первостепенными, завещатель перешел к другим благотворительным делам — строительству и содержанию больниц, ремесленных училищ, приютов, женских и мужских школ, гимназий, духовных училищ, школ для бедных и обездоленных. Помимо заботы о богоугодности своих дел, Сароглу думал и о том, чтобы его имя потомки вспоминали добрым словом: распорядился, чтобы все здания, возведенные на его деньги, носили имя его семьи (ст. 12), и даже выразил надежду, что его портрету найдется место на западном фасаде церкви в Русе, которую он отремонтировал на свои деньги (ст. 9).

Душеприказчиками Зафир Сароглу назначил митрополита Доростоло-Червенского Григория, директора БНБ Ив. Гешова и болгарского князя. Им, по завещанию, следовало учредить пятичленную эпитропию (попечительский совет) из «честных и известных лиц» под председательством митрополита Григория. На Ив. Гешова как заместителя председателя завещатель возложил заботу о финансовом обеспечении своей воли, хотя и не преминул дать банкиру соответствующие указания. По-видимому, Зафир Сароглу желал обеспечить реализацию своих

идей с помощью авторитетных в духовной, финансовой и политической жизни Болгарии лиц. Однако для большей гарантии он настаивал на том, чтобы его завещание было опубликовано и передано болгарскому правительству, которое должно было действовать в соответствии с волей наследодателя.

Купец предусмотрительно оставил за собой право изменять и дополнять свое завещание, что он и сделал три месяца спустя, 15 августа 1885 г. В дополнение предыдущего варианта он завещал будущей семинарии в Русе все акции Греческого национального банка, зарегистрированные на его имя, а также ценные российские бумаги в количестве 171 единицы. Выпускники семинарии в обязательном порядке становились учителями, а затем рукополагались в священники или дьяконы. В беседах с митрополитом Григорием в сентябре 1886 г. и в более позднем письме к нему Сароглу сообщил, что рассматривает возможность увеличить средства, предназначенные духовной семинарии в Русе[32].

Очень интересно решение купца изменить ст. 10 завещания, вызванное началом строительства в Софии храма в честь Александра Невского. Сароглу не отказался от идеи завещать средства тем, кто внес вклад в освобождение Болгарии, но лишь изменил форму своей благодарности: вместо возведения храма он распорядился построить и организовать музей и при нём церковь. Несомненно, неожиданным и самым впечатляющим явился его замысел увенчать церковь вместо купола статуей Юрия Венелина, держащего в руках болгарский герб[33].

Показательны другие дополнения к завещанию. Так, купец увеличил число членов попечительского совета (эпитропов) с пяти до восьми, подчеркивая, что никто не может вмешиваться в их решения, и уточняя, что при равенстве голосов решающим будет мнение митрополита Григория. Усиливается роль болгарского правительства: эпитропия обязывалась предоставлять ежегодные отчеты в Министерство вероисповеданий[34]. Всё это свидетельствовало о желании Сароглу не оставить ни малейшей возможности использования завещанных им средств не по назначению.

Судебное дело

Узнав о смерти Зафира Сароглу в Афинах, в ночь с 10 на 11 марта 1887 г., митрополит Григорий, имевший на руках копии завещания от 12 марта 1885 г. и дополнения от 15 августа 1885 г., немедленно принял меры по исполнению его последней воли. Митрополит информировал болгарское правительство и экзарха Иосифа I о намерениях наследодателя оставить Болгарии крупные суммы денег, став, таким образом, «одним из первых благодетелей болгарского народа». Он просит кабинет министров содействовать выполнению завещания, в том числе предпринять необходимые шаги перед российской стороной, так как большая часть завещанных средств находится в российских ценных бумагах. На себя митрополит взял обязательство оплатить за свой счет содержание семи бедных детей в русенских школах (как это делал Зафир Сароглу), чтобы они могли успешно закончить учебный год[35].

Однако нотариус Иоаннис Пеппас предъявил суду завещание, датированное 30 мая 1884 г., согласно которому всё имущество покойного доставалось его детям и жене. Афинский адвокат Мильтиадис Раллис немедленно сообщил об этом митрополиту Григорию, высказав мнение, что представленное суду завещание имеет все признаки подделки[36].

Благодаря быстрой реакции болгарского государства удалось арестовать счета покойного и возбудить уголовное дело против Пеппаса, жены покойного Анны и её домоправителя Харриса Пулиота за подделку завещания. Адвокатом болгарской стороны был Димитриос Раллис (1844–1921), выходец из известной семьи фанариотов, который впоследствии пять раз становился премьер-министром Греции. Чуть позже в качестве его помощника был направлен Марко Балабанов (1837–1921), выпускник богословской школы в Халки, изучавший право в Афинах и Париже. Адвокатом жены и нотариусом был другой будущий премьер-министр Греции Афанасиос Эфтаксиас (1849–1931)[37].

Болгарская сторона заявила, что почерк завещания, предъявленного суду, отличается от почерка двух предыдущих завещаний, первое из которых (от 1880 г.) также было передано в суд, но нотариусом Афенакисом[38]. Другие аргументы болгарской стороны заключались в том, что конверт с завещанием имел явные следы вскрытия и что, согласно этой версии завещания, часть суммы доставалась Марии, дочери покойного, которая, однако, умерла за девять месяцев до даты составления завещания[39]. Митрополит Григорий отправил Ив. Гешову письма, доказывающие подлинность сохранившегося у него завещания и свидетельствующие о том, что Сароглу, опасаясь за свою жизнь, просил сохранить в тайне свою последнюю волю, а также то, что он был в плохих отношениях с женой и до последних дней жизни думал о возвращении в Болгарию[40].

Судебное дело рассматривалось в Афинах, поскольку Зафир Сароглу был гражданином Греции. Суд первой инстанции постановил, что болгарский народ не является юридическим лицом и поэтому не может быть наследником завещания. А так как деньги не были завещаны государству, то оно не может претендовать на то, что является представителем своего народа. Поэтому суд объявил недействительным завещание, на котором основан иск болгарского государства, и прекратил процесс по этому иску[41].

Болгарская сторона обжаловала это решение в Апелляционном суде, который постановил, что болгарское государство является представителем болгарского народа, признал существование двух завещаний и поручил их экспертизу трем профессорам Афинского университета. Эксперты признали подлинность завещания, представленного родственниками Сароглу, и, как следствие, отсутствие состава преступления. Это дало суду основание тремя голосами «за» и двумя голосами «против» признать действительным завещание в пользу наследников Сароглу и, соответственно, недействительным завещание, представленное болгарской стороной. Болгарское государство обжаловало это решение в Верховном суде, ко-

торый отправил дело на повторное рассмотрение, но в итоге оставил в силе решение Апелляционного суда[42].

В деле о наследстве обнаруживается интересный нюанс: в августе 1888 г., то есть за два месяца до вынесения решения Апелляционного суда в Афинах, болгарское правительство приняло решение, в случае успешного исхода судебного дела для Болгарии, передать греческому правительству принадлежавшие Сароглу 94 акции[43]. Речь шла о сумме в 400 тыс. франков, которые министр иностранных дел Георгий Странский предложил полномочному министру Греции в Болгарии Клеону Рангавису на строительство Судебной палаты или другие общественные цели. Помимо попыток подкупить греческую сторону, Странский также прибегнул к шантажу, заявив, что отношение болгарского правительства к греческим интересам в Болгарии будет зависеть от поведения Афин в деле Сароглу. Действия министра иностранных дел явились следствием заявления адвоката Раллиса о том, что афинский суд находится под давлением правительства и прессы и не относится к вопросу о наследстве Сароглу серьезно и что болгарская сторона, скорее всего, проиграет дело. Предложение болгарской стороны с негодованием отверг премьер-министр и министр экономики Греции Харилаос Трикупис. Он заявил, что не может вмешиваться в работу суда и не допустит, чтобы интересы греков в Болгарии оказались под угрозой[44].

В Болгарии считали, что дело отягощено политическими соображениями и что решения суда продиктованы национальной ненавистью греков к болгарам[45]. Наиболее эмоционально высказывался на этот счет митрополит Григорий. В письме к премьер-министру Стефану Стамболову от 7 декабря 1892 г. он просил напечатать книгу М. Балабанова с целью «заткнуть рты эллинским патриотам», проживающим в Болгарии, и озвучить «беззаконный акт греческих судов». Свою просьбу он аргументировал тем, что «греки живут здесь, делают здесь деньги, могут спокойно тратить здесь свои деньги и смеются над нами, когда речь идет о воле Сароглу». Митрополит с возмущением пишет: «Вы знаете, как нагло обошлись с завещанием покойного Сароглу греческие суды и как бесцеремон-

но Трикупис обошелся с нашим правительством. Как только гражданин Греции решил завещать деньги своей болгарской родине, греки сразу же пустили в ход фальшивки и заставили судей отвергнуть рукописное завещание покойного. Таким образом, греческое правительство доказало, что оно не позволит даже болгарским деньгам покинуть греческую землю»[46].

Аналогичное мнение высказал 17 мая 1887 г. в зале суда адвокат болгарской стороны Раллис. Наблюдая неблагоприятный ход дела, он констатировал: «Многие из великих благодетелей эллинского народа приобрели свои богатства за границей и завещали их отечеству; и при всём том, что они жили и умерли в полуварварских странах, нельзя указать ни одного примера такого бесстыдного осквернения их последней воли»[47]. Только Марко Балабанов, который лично следил за судебным процессом в Афинах, пытался преодолеть категоричность подобных оценок. Он утверждал, что пресса в греческой столице в целом находилась на стороне болгар, так как в афинском обществе широко известно, что Сароглу плохо жил со своей женой, и, по слухам, Анна отравила собственного мужа. Балабанов в заключении своей книги о завещании Сароглу резюмировал: ни греческое правительство, ни греческий народ не извлекли пользы из этого процесса, и ответственность за решение по делу полностью лежит на афинских судьях[48].

Независимо от того, было ли решение афинских судей результатом националистических настроений, подкупа или искренней убежденности, факт остается фактом: наследство Зафира Сароглу, в конечном итоге, было использовано во вред болгарскому народу. Его сын, капитан Петрос Сароглу (1865–1920), на которого, вероятно, также эмоционально повлияло судебное дело, стал ярым сторонником антиболгарской борьбы греков за господство в османской провинции Македония. Он поддерживал её различными способами, в том числе финансировал деятельность Македонского комитета в Афинах[49]. В конце жизни Сароглу завещал свое состояние Клубу офицеров армии и флота; на часть полученных средств был построен Сароглион — великолепное здание Дома офицеров в Афинах.

* * *

Судебное разбирательство между болгарским государством и наследниками Зафира Сароглу не вызвало ни дипломатических проблем между Княжеством Болгария и Королевством Греции, ни репрессивных мер против греческого населения Болгарии[50]. Болгарское государство не пошло на конфронтацию, поскольку дело не имело политической окраски. Речь, скорее, шла о личной выгоде вдовы и детей покойного, которые использовали патриотические чувства своих соотечественников в мошеннических целях в отношении завещания. Принимая во внимание этот факт, а также и относительно небольшой финансовый интерес (около 2,5 млн франков), болгарское государство согласилось с неблагоприятным для себя решением и не стало дальше усложнять дело.

Тем не менее, случай с завещанием Сароглу, несомненно, показывает, как национальная идея постепенно брала верх над другими идеологическими конструкциями, волновавшими православное балканское население в XIX в. По всей видимости, местная идентичность была ведущей для Ангела Хаджиоглу, поскольку он считал «родиной» место своего рождения, то есть город Русе. Именно как идентификацию с местным сообществом следует рассматривать его пожертвования «бедным грекам» в Москве и Нежине. В отличие от своего дяди, Зафир Сароглу провел последние годы жизни в столице национального греческого государства и тесно общался с митрополитом Григорием, который лично участвовал в борьбе за независимую болгарскую церковь и развитие национального болгарского государства. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что в своем завещании Сароглу говорит о болгарском народе и о Болгарии как об «отечестве своих родителей».

В то же время у Зафира Сароглу, как кажется, были две идентичности: с одной стороны, он — законопослушный гражданин Греции и примерный семьянин, а с другой — патриот и борец за процветание Болгарии и её народа. Ни в одном из вариантов своих завещаний Сароглу не называет Болгарию

родиной: свое намерение оставить Болгарии нажитое трудом богатство он оправдывает обещанием, данным дяде, и долгом перед родителями. Одним из возможных объяснений подобного поведения является опасение, что утверждение болгарской идентичности может стать причиной опротестования его завещания в Афинах. Этим можно объяснить как параноическую отправку копий завещаний митрополиту Григорию, сопровождаемую просьбами о соблюдении полной секретности, так и помыслы Сароглу об отъезде из греческой столицы в связи с опасениями за свою жизнь[51]. В то же время Сароглу упорно настаивал на переселении его наследников в Болгарию, стимулируя их с этой целью морально и материально.

Независимо от мотивов, завещание Сароглу характеризует его как практичного человека, с большим энтузиазмом относившегося к реализации своих проектов на благо болгарского народа и одновременно с этим вдохновленного Россией. Возможно, некоторые из его идей принадлежали его «помощнику и советнику в благодеяниях» митрополиту Григорию, особенно в том, что касалось возведения памятников болгарским священнослужителям — участникам борьбы за независимую болгарскую церковь. С другой стороны, практичная идея создания Сельскохозяйственного банка, вероятно, принадлежала самому купцу. Не подлежит сомнению и искреннее восхищение Сароглу российской императорской семьей, генералитетом, интеллигенцией и, в целом, могуществом России. Если бы воля, выраженная в его завещании, была исполнена, то это, несомненно, способствовало бы укреплению влияния России в Болгарии, которое зиждилось, в первую очередь, на людях, накопивших свои капиталы в России. Судя по желанию Зафира Сароглу позаботиться о гражданах, преследуемых по политическим мотивам, он отнюдь не идеализировал внутреннее состояние Империи. Но болгары, накопившие деньги в России, были благодарны за те возможности, которые им предоставила эта страна. Именно эту благодарность, а также понимание совсем иного масштаба мышления и действий в России Зафир Сароглу стремился завещать болгарам.

Примечания

[1] *Джурова Г.* Завещанието на русенеца Зафир Сароглу // Алманах за историята на Русе. Т. IX. Русе, 2009. С. 153–165.

[2] *Балабанов М.* Завещанието на Сароглу през Атинските съдилища. София, 1893.

[3] Завещанието на Сароглу през Атинските съдилища // Периодическо списание на Българското книжовно дружество. 1893. № 41/42. С. 1031–1032.

[4] Особенно полезными были документы из фонда Ивана Ев. Гешова (Болгарский исторический архив Национальной библиотеки Свв. Кирилла и Мефодия (далее — НБКМ-БИА. Ф. 272), из архива Доростоло-Червенской митрополии, переписанные по распоряжению патриарха Кирилла и хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Болгария (далее — ЦДА. Ф. 1318К) в Софии, а также в архиве Стефаноса Драгумиса, хранящиеся в библиотеке «Генадион» в Афинах (Αρχείο Στέφανου Ν. Δραγούμη, Γεννάδειος βιβλιοθήκη, Αθήνα).

[5] *Керен Ц.* Еврейската общност в Русчук. От периферията на Османската империя до столица на Дунавския вилает 1788–1878. София, 2009.

[6] *Сиромахова Ж.* Русе през Възраждането. Икономика, просветен и културен живот, църковно-национални борби, революционно-освободително движение. Русе, 1997. С. 41–51; *Бакърджиева Т.* Русе. Градът и хората (от края на XIV до 70-те години на XIX век). София, 2012. С. 45–49. На печати греческой общины города Русе указан 1872 г. Выражаю благодарность проф. Наде Дановой за эту информацию из Государственного архива г. Русе (далее — ДА-Русе. Ф. 43К. Оп. 1. А.е. 1. Л. 53).

[7] Подробнее см.: *Марков И.* Ангел Хаджиоглу — непознатият и отдавна забравен дарител на русенските училища // Алманах за историята на Русе. Т. XVI. Русе, 2016. С. 158–182.

[8] Жизнь замечательных греков Украины. Сердца, отданные Элладе. Памяти греческих патриотов, меценатов и просветителей братьев Зосимов / отв. ред. Л. Милосова-Приплавко. Нежин, 2009. С. 14–15.

[9] Подробнее см.: *Харалампович К.* Грецька колонія в Ніжині в ii минулому (XVII–XVIII ст.) // Греки в Ніжині. Збірник статей і матеріалів. Випуск II. Ніжин, 2001. С. 17–49; *Шахова Д.* Нежинские греки в Москве в первой половине XIX в. // Россия и христианский Восток. Вып. IV–V. М., 2014. С. 539.

[10] *Чернухин Е.* Греки Нежина и торговое мореходство: постановка проблемы и источники // Грецьке підприемництво і торгівля у північному причорномор'ї XVIII–XIX століття. Збірник наукових статей. Київ, 2012. С. 254.

[11] *Балабанов М.* Завещанието на Сароглу… С. 9–10.

[12] *Chesnikova N.* Greek merchants in Russia in the middle of the 17th century // Ρωσία και Μεσόγειος. Πρακτικά Α' Διεθνούς Συνεδρίου (Αθήνα, 19–22 Μάϊου 2005). Τ. Α'. Εθνικό και Καποδιστριακό Πανεπιστήμιο Αθηνών, 2011. Σ. 320.

[13] *Харалампович К.* Нариси з історії грецької колонії в Ніжині (XVII–XVIII ст.) // Греки в Ніжині. Збірник статей і матеріалів. Випуск II. Ніжин, 2001. С. 51.

[14] *Он же.* Грецька колонія в Ніжині в ii минулому (XVII–XVIII ст.) // Там же. С. 29.

[15] *Αναγνωστοπούλου Σ.* Μικρά Ασία, 19-ος αί-1919: οι ελληνορθόδοξες κοινότητες. Από το μιλλέτ των Ρωμιών στο Ελληνικό Έθνος. Αθήνα, 1998. Σ. 22–47; *Anagnostopoulou S.* L' historicite des termes: Les Grecs et la domination ottomane XVIe — XIXe siècles // The Passage from the Ottoman Empire to the Nation-States. A long and difficult process: the Greek case. Istanbul, 2004. P. 21–36.

[16] *Иванова С.* Преди да се роди българският милет // Държава и църква — църква и държава в българската история. София, 2006. С. 163–164. Подробнее о роли греческого языка на Балканах см.: *Данова Н.Х.* Константин Георгиев Фотинов в културното и политическото развитие на Балканите през XIX век. София, 1994; *Алексиева А.* Книжовното наследство на българите на гръцки език през XIX век. Т. 1. Оригинали. София, 2010; *Konstantinova Y.T.* Myths and pragmatism in the political ideology of Dr. Ivan Seliminski // Greek-Bulgarian Relations in the Age of National Identity Formation / ed. P. Kitromilides, A. Tabaki. Athens, 2010. P. 163–180; *Детрез Р.* Не търсят гърци, а ромеи да бъдат. Православната културна общност в Османската империя. XV–XIX в. София, 2015. С. 184–230.

[17] Подробно о И. Денкоглу см.: Енциклопедия Дарителството. Дарителски фондове и фондации в България 1878–1951. Т. 1 / съст. В. Николова и Р. Стоянова. София, 2011. С. 352–354.

[18] Подробнее см.: *Марков И.* Ангел Хаджиоглу… С. 158–182.

[19] *Балабанов М.* Завещанието на Сароглу… С. 11–14.

[20] *Марков И.* Ангел Хаджиоглу… С. 158–182.

[21] Переписка хранится в архиве Русенской митрополии. Марко Балабанов пользовался ею при написании своей книги. Часть писем хранится в упоминавшемся выше фонде Ивана Ев. Гешова (НБКМ-БИА), так как были посланы Гешову митрополитом Григорием в связи с судебным разбирательством.

[22] Подробно о нём см.: Енциклопедия Дарителството… С. 184–186; *Златев Л., Стоянова Р.* Русенските парламентаристи 1878–1946, Русе, 2011. С. 15–16.

[23] НБКМ-БИА. Ф. 272. А.е. 4504. Л. 8.

[24] ЦДА. Ф. 1318К. Оп. 1. А.е. 4896. Л. 1–4.

[25] Там же. Л. 17.

[26] НБКМ-БИА. Ф. 272. А.е. 4504. Л. 4.

[27] *Балабанов М.* Завещанието на Сароглу… С. 25–35.

[28] НБКМ-БИА. Ф. 272. А.е. 4504. Л. 10.

[29] *Балабанов М.* Завещанието на Сароглу… С. 49.

[30] ДА-Русе. Ф. 43. Оп. 1. А.е. 119. Л. 3. Выражаю благодарность проф. Наде Дановой за эту информацию.

[31] *Георгиева Т.Н.* Памятник Александру II в Софии — история создания // Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достян / отв. ред. С.И. Данченко. М., 2021. С. 283–298.

[32] НБКМ-БИА. Ф. 272. А.е. 4504. Л. 8.

[33] *Балабанов М.* Завещанието на Сароглу… С. 73.

[34] ЦДА. Ф. 1318К. Оп. 1. А.е. 4896. Л. 8.

[35] Там же. Л. 18.

[36] НБКМ-БИА. Ф. 272. А.е. 4504. Л. 12.

[37] *Καράβας Σ.* «Μακάριοι οι κατέχοντες την γην». Γαιοκτητικοί σχεδιασμοί προς απαλλοτρίωση συνειδήσεων στη Μακεδονία (1880–1909). Αθήνα, 2010. Σ. 36–72.

[38] *Балабанов М.* Завещанието на Сароглу… С. 77.

[39] НБКМ-БИА. Ф. 272. А.е. 4504. Л. 3–4.

[40] Там же. Л. 18–44.

[41] *Балабанов М.* Завещанието на Сароглу… С. 164–171.

[42] Подробно о ходе дела, аргументах сторон и суда см.: *Балабанов М.* Завещанието на Сароглу… С. 198–251.

[43] НБКМ-БИА. Ф. 272. А.е. 4504. Л. 71.

[44] Αρχείο Στ. Δραγούμη. Φ. 8.5. Σ. 318–322.

[45] Ibid. Σ. 320. Это мнение в историографии выражает *Σφέτας Σ.* Έλληνο-βουλγαρικές αναταράξεις 1880–1908. Θεσσαλονίκη, 2008. Σ. 159–160.

[46] ЦДА. Ф. 1318К. Оп. 1. А.е. 4896. Л. 22.

[47] *Балабанов М.* Завещанието на Сароглу… С. 102.

[48] Там же. С. 104–105, 253–256.

[49] О борьбе Греции за Македонию и значении Македонского комитета в Афинах подробнее см.: *Константинова Ю.Т.* Българи и гърци в борба за османското наследство. София, 2014. С. 124–132, а также цитируемую в монографии литературу.

[50] Аналогичные дела между Грецией и Румынией в этот период развивались совершенно другим образом из-за гораздо больших экономических и политических интересов. Об этом см., например: *Constantin V.* Les relations roumano-greques la période 1879–1911 // Revue des etudes Sud-Est Europeennes. 1969. N 3. P. 509–542; *Konstantinova Y.T.* The Greek Diaspora in the Balkans in the Light of the Greek Kingdom's Policy at the End of 19th and the Beginning of 20th Century // Etudes Balkaniques. 2007. N 3. P. 33–54; *Petrescu Ş.* Οι Έλληνες ως «Άλλοι» στην Ρουμανία. Η εσωτερική πολιτική του ρουμανικού έθνους-κράτους κατά τον δέκατο ένατο αιώνα και οι Έλληνε. Αθήνα, 2014.

[51] НБКМ-БИА. Ф. 272. А.е. 4504. Л. 34.

DOI 10.31168/7576-0477-0.3.5

Леонид Валерьевич
ЕРМИШИН

«Оранжевая гвардия» БЗНС: абрис политического портрета

Феномен «оранжевой гвардии» в истории межвоенного периода третьего Болгарского царства уже рассматривался нами в соавторстве с кандидатом исторических наук, доцентом кафедры истории южных и западных славян МГУ имени М.В. Ломоносова Ольгой Анатольевной Дубовик[1]. Однако тема далеко не исчерпана, что и было основным мотивом продолжить её в настоящей работе с позиций более развернутого представления исторических фактов, их анализа и введения в научный оборот новых документов.

В конце Второй мировой войны в качестве военного трофея в распоряжение командования Красной Армии попали документы из архива Межсоюзнической военной контрольной комиссии в Болгарии (МВКК). Комиссия действовала в стране с 1920 по 1927 гг. В её состав входили представители Великобритании, Франции, Италии и Японии, выполнявшие надзорные функции за соблюдением болгарской стороной постановлений военного раздела Нёйиского мирного договора 1919 г. Комиссия обладала полномочиями по проведению инспекций воинских частей и контролю за правовым регулированием внутриполитической жизни страны. Финансовое обеспечение её деятельности было возложено на болгарскую сторону[2]. В феврале 1922 г. Комиссия была преобразована в ликвидационный орган (МВКК-ЛО). В настоящее время рассекреченные документы Комиссии в количестве 397 единиц хранения находятся в Российском государственном военном архиве. Один из документов, сохраняемый в фонде МВКК-ЛО под названием «Незаконные орды дружбашей»[3], имеет непосредственное отношение к так называемой «оран-

жевой гвардии» — военизированному формированию находившейся в 1920–1923 гг. у власти крестьянской партии Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС).

Кратко характеризуя однопартийное правление БЗНС, отметим, что это была попытка реализовать в послевоенных условиях в преимущественно аграрной стране идею создания крестьянского государства. Возникший в 1899 г. как профессионально-просветительская организация сельских тружеников Союз в 1908 г. превратился в сословную политическую партию, выражающую интересы мелких и средних землевладельцев, собственным трудом добывающих хлеб насущный. Главное отличие БЗНС от традиционных партий политической системы, сложившейся в период правления царя Фердинанда I (1908–1918 гг.), заключалось в стремлении его лидеров и идеологов защитить деревню от её извечного врага — города и подчинить интересы городского меньшинства (рабочих, ремесленников, чиновничества, интеллигенции, буржуазных слоев) интересам большинства, то есть составлявшего более 80% населения крестьянского сословия[4]. Возглавив крестьянское движение в обстановке глубокого политического кризиса в Болгарии после её поражения в Первой мировой войне, БЗНС вступил в борьбу за радикальное преобразование политической системы в стране под лозунгом замены конституционно-парламентской монархии крестьянской республикой[5].

Источники, характеризующие создание, основы организации и функционирования и роль «оранжевой гвардии» в политической жизни Болгарии, единичны, поэтому указанный документ привлек наше внимание. Сразу возникает вопрос о причинах, по которым партия власти прибегла к созданию собственной вооруженной структуры, несмотря на то, что внутриполитическая борьба в мирных условиях не подразумевает применение военной силы. Их выяснению и посвящена настоящая работа.

Задача реформирования болгарского общества и государства в интересах крестьянского сословия была провозглашена как политическая программа БЗНС на XV съезде в апреле

1919 г. Один из лидеров и идеолог партии Александр Стамболийский (1879–1923) сформулировал задачи и основополагающие принципы построения и деятельности Союза. Согласно третьему принципу, БЗНС должен был стать «боевой, политико-экономической общественной организацией»[6], что отражало готовность руководителей «земледельцев» к противоборству с политическими партиями буржуазно-монархического блока, одной из опор которого в Болгарии была царская армия. Столкновение с ними становилось неизбежным, особенно после того, как в августе 1919 г. впервые в истории независимой Болгарии левоориентированный БЗНС одержал победу на парламентских выборах.

Стамболийский не имел прочных позиций в армии. Этому способствовала его активная деятельность против участия Болгарии в войне, за что он подвергся аресту и тюремному заключению. Ещё большему испытанию подвергся авторитет крестьянского лидера после подписания им Нёйиского мирного договора (1919 г.), предусматривавшего сокращение армии, жандармерии и пограничной стражи до 33 тыс. чел., причем число офицеров не могло превышать 1 650 чел., а унтер-офицеров — 2 200 чел. Комплектование армии по призыву отменялось, определялся и срок службы по контракту — не менее 12 лет. Статьи договора не только превращали вооруженные силы в замкнутую профессиональную организацию, но и серьезно принижали социальный статус офицерского корпуса. Это обусловило рост недовольства и настроений в пользу пересмотра условий мирного договора, стимулировало развитие конфликта между политической властью и болгарским офицерством, считавшим, что часть постановлений Нёйиского договора можно игнорировать.

Как отмечают болгарские военные историки, БЗНС пытался укрепить свое влияние в офицерских кругах[7]. Однако предпринятые с этой целью шаги не дали ожидаемого результата, конфликт с офицерством усилился, а контроль правительства над армией имел скорее формальный характер и не отвечал принципу единоначалия[8].

В сложившихся условиях кабинет Стамболийского принял решение сформировать собственную силовую опору режима — «оранжевую гвардию»*. При этом намерение крестьянских руководителей вступало в противоречие как с действующей Тырновской конституцией (существование военизированного формирования, не подчинявшегося царю и не входившего в состав полиции, жандармерии или болгарской армии, не допускалось, а, согласно ст. 11, царь провозглашался «верховным главнокомандующим всеми военными силами в Царстве, как в мирное, так и в военное время»[9]), так и со ст. 69 Нёйиского договора, запрещавшей «содержание или формирование любой другой группы войск, а также любой другой организации, связанной с военным командованием или подготовкой к войне»[10].

Принимая решение о создании новой военизированной структуры, руководители БЗНС учитывали, что за шесть лет войн (две Балканские 1912–1913 гг. и Первая мировая) крестьяне получили определенный военный опыт. В первую очередь, имелось в виду его применение при охране проводимых БЗНС массовых мероприятий и подавлении оппозиционных выступлений[11].

В конце 1919 г. послевоенный политико-экономический кризис и рост напряженности в стране привел к угрозе общенациональной забастовки. Главным протагонистом масштабной антиправительственной акции являлась БКП — Болгарская коммунистическая партия (так стала именоваться БРСДП (тесных социалистов) после XXII съезда в мае 1919 г.). Уже к 24 декабря, несмотря на введенное правительством военное положение, вся страна была охвачена протестными выступлениями. Именно тогда власти приняли решение, помимо армии и полиции, применить для восстановления порядка «мобилизованных земледельцев». В Софию прибыли вооруженные жители окрестных сел, но гарнизонные власти воспрепятствовали их участию в разгоне демонстрантов[12].

* Цвет партийного флага БЗНС — оранжевый.

В сентябре 1922 г. «оранжевая гвардия» отметилась в событиях в Тырново, когда крестьяне разогнали слет сторонников Конституционного блока[13]. Выступая в парламенте 11 октября 1922 г., министр внутренних дел Райко Даскалов в ответ на запрос народного представителя Георги Йотова сообщил о наличии у участников антиправительственных выступлений оружия и об организованном оппозицией патрулировании улиц в Тырново, Горной Оряховице, Арбанаси, Мездре и Ресене. Даскалов не посчитал нужным назвать участников подавления этих акций, хотя можно было ожидать, что как официальное лицо, возглавляющее ключевую силовую структуру в стране, он укажет на полицию и/или жандармерию. Весьма показательна, на наш взгляд, заключительная часть выступления. «…Мы должны, — заявил министр, — предупредить всех тех, кто в настоящие трудные времена, пытаются нелегальными средствами вести борьбу против законно установленной власти, что они встретят её *организованную силу*» (здесь и далее курсив мой. — *Л. Е.*). Он пообещал также принять *«ещё более серьезные меры»* против любой попытки оппозиции отстранить БЗНС от власти с помощью *«тайных организаций»*[14]. Тырновские события в историографии прямо увязываются с фигурой Даскалова и оцениваются как победа аграриев. При этом меры, с помощью которых она была достигнута, считаются жесткими и имевшими негативные для БЗНС последствия[15]. Но эта оценка в историографии вплоть до настоящего времени не связывается с вопросом о главных исполнителях, в частности, об «оранжевой гвардии», хотя основания для этого, по нашему мнению, имеются.

Участие «оранжевой гвардии» во внутриполитической жизни Болгарии подтверждают и события в Кюстендиле. Этот город, находящийся в 80 километрах от Софии, 4 декабря 1922 г. был захвачен четниками из отрядов Панчо Михайлова и Ивана Бырлева, относившихся к автономистскому крылу Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). При невмешательстве местных властей, жандармерии и воинской части, дислоцированной в Кюстендиле, четники учинили

физическую расправу над своими противниками из федералистского крыла ВМРО. Михайлов, поддерживаемый местным населением, неоднократно беспрепятственно выступал на стихийных митингах и даже отправил в Софию своего посланника с ультиматумом, содержавшим внутри- и внешнеполитические требования к действующей власти и лично к Стамболийскому. В случае невыполнения ультиматума Михайлов угрожал двинуть четы (около 2 тыс. бойцов) на Софию. Напряженная обстановка явно напоминала «поход на Рим», организованный 27–30 октября 1922 г. национальной фашистской партией Италии и приведший в результате к формированию нового правительства во главе с Бенито Муссолини.

По решению Совета министров в Кюстендил во главе отряда численностью около 350 чел. был направлен военный министр Константин Томов. Не вступая в захваченный четниками город, он начал с ними переговоры. В то же время в Софию якобы стихийно начали прибывать вооруженные крестьяне. Однако болгарский историк Веселин Янчев утверждает, что министр внутренних дел Даскалов, замещавший в то время отсутствовавшего в стране Стамболийского, через высший коллегиальный руководящий орган БЗНС — Постоянное присутствие организовал прибытие бойцов «оранжевой гвардии» в столицу. Для этого были выделены специальные вагоны. По пути «гвардейцы» грабили торговые заведения на железнодорожных станциях[16], а в Софии в ночь с 5 на 6 декабря приступили к погромам клубов, типографий и редакций газет политических противников БЗНС. Выступления перед вооруженной толпой Даскалова и директора политического отдела Министерства иностранных дел Петко Петкова 6 декабря помогли несколько разрядить обстановку[17]. Впоследствии действия Томова были оценены как «малодушные», а сами кюстендильские события как безусловный провал БЗНС во внутренней политике.

Вследствие ограниченности имеющегося в распоряжении исследователей материала приведенные выше факты дают возможность лишь наметить абрис феномена «оранжевой гвар-

дии», гипотетически представить её цели и задачи, структуру, внутренние правила, организацию оповещения и сбора бойцов, вооруженность и пр. Но сведений явно недостаточно для установления связей с другими явлениями внутриполитической жизни Болгарии в 20-е годы XX в.

Упомянутый в начале статьи документ «Незаконные орды дружбашей» отложился в «Досье оранжевой гвардии», насчитывающем несколько десятков листов[18], и содержит информацию о проекте устава (далее — Устав) этой организации. Обнаруженный в личных бумагах не установленного члена БЗНС документ представляет собой перевод статьи болгарской ежедневной газеты *Епоха* (болг. «Эпоха») на французский язык. Двухстраничный, без оборотов, материал не подписан, имеется помета: «Epoka» от 20 июня 1923 года, № 269»[19].

В прессе того времени появлялись и другие публикации об «оранжевой гвардии»[20], но внимание иностранных наблюдателей привлекла именно эта статья. Она была переведена с болгарского (анонимный переводчик, скорее всего, судя по тому, что название газеты в помете на документе дано латиницей, был французом по национальности), отложилась в архиве МВКК-ЛО и, что особенно интересно, вызвала оживленную переписку между Комиссией и болгарским правительством[21]. Делегаты Комиссии многократно выражали свою озабоченность существованием организованного вооруженного формирования. Степень их тревоги возрастала от одного обращения к другому. Однако болгарская сторона отрицала любые предположения о действиях в стране парамилитарной структуры. Это, по нашему мнению, выдает озабоченность западных наблюдателей возможностью организационного оформления «оранжевой гвардии» как парамилитарной структуры, подчиняющейся исключительно высшему руководству БЗНС.

Статья «Незаконные орды дружбашей» появилась в печати вскоре после государственного переворота 9 июня 1923 г. Стамболийский был убит, а Даскалов после вынужденной отставки в январе 1923 г. находился в «почетной ссылке» в Праге. Новым властям было необходимо представить убедительную версию

июньских событий, способную удовлетворить население страны и международную общественность. Представляется, что газета *Эпоха* — неофициальный печатный орган Болгарской социал-демократической партии (объединенной) — оказалась подходящим для этой цели изданием. Ещё до переворота по распоряжению Совета министров издание *Эпохи* с 8 мая 1923 г. было прекращено. Власти посчитали, что в условиях обострившихся противоречий с македонскими организациями газета раздувала ненужные страсти и поддерживала преступные действия македонистов[22]. *Эпоха* выступала против БЗНС и БКП. Главный редактор Григор Чешмеджиев (1879–1945), член ЦК Болгарской рабочей социал-демократической партии с 1919 г. и депутат Народного собрания в 1919–1934 гг., поддержал в июне 1923 г. государственный переворот, и уже на второй день после переворота, 11 июня 1923 г., свежие номера газеты появились в продаже. Согласно действовавшему с 12 декабря 1921 г. Закону о печати, автор публикации и редактор или издатель несли в рамках уголовного права коллективную ответственность за помещенный материал[23]. Это обстоятельство, конечно, не исключает появления на страницах *Эпохи* намеренной фальсификации или непроверенных сведений, но вкупе с журналистским профессионализмом и гражданским авторитетом Чешмеджиева существенно ограничивает, на наш взгляд, подобную возможность.

Документ из архива МВКК-ЛО совпадает с текстом газетной статьи. Изъятий и дополнений нет, разночтения могут быть объяснены особенностями стилистики и двойного перевода с болгарского на французский и с французского на русский. Анализ текста свидетельствует, что её автор не владел профессиональной военной терминологией, не имел военного образования, но мог проходить военную службу. Переводчик же, вероятнее всего, был кадровым офицером, что следует из адаптации терминологии. Так, автор статьи использует термин «конный взвод» вместо более точного «эскадрон». Ещё один пример, подтверждающий нашу мысль. В газете читаем: «Начальники околийских отрядов в околии, окружных —

в округе должны знать где, сколько и какие есть противники, а также сильные и слабые пункты на местности, в смысле знать в целом топографическое положение своего района»[24]. В переводе это положение сформулировано лаконично и точнее с военной точки зрения: «Начальники отрядов в округах и околиях должны знать своего противника, а также топографию своего района»[25].

Время создания Устава с большой долей вероятности можно установить, обратившись к рассмотрению административно-территориального деления Болгарии. В статье и её переводе упомянуты руководители отрядов «оранжевой гвардии» в 15 округах. Такое их количество существовало с 1919 г. с окружными центрами София, Кюстендил, Пловдив, Стара Загора, Бургас, Варна, Шумен, Русе, Тырново, Плевен, Враца, Видин, Петрич, Пашмакли (совр. Смолян) и Мастанли (совр. Момчилград). В 1922 г. был образован 16-й округ с центром в Хасково, что позволяет уточнить датировку подготовки проекта устава — ранее 1922 г.

Из публикации в *Эпохе* и, соответственно, её перевода следовало, что «незаконная» военная организация — «оранжевая гвардия» — уже существовала ко времени написания статьи. При этом разъяснялось, что должности начальника отрядов в стране, его помощника, секретаря и 15 инструкторов[26] заняты конкретными лицами, «сведущими в военном деле». Таким образом, осведомленность в военном деле являлась обязательным требованием к кандидату на включение в кадровый состав «оранжевой гвардии», но по каким-то причинам это понятие не конкретизировалось. По всей вероятности, оно предполагало наличие либо специального военного образования, либо опыта, полученного на командных должностях в военное время.

В тексте Устава просматривался вектор дальнейшего развития структуры «оранжевой гвардии». В частности, намечалось создание политического отделения, возможно, по примеру института комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Заметим, что в руководстве «земледельцев»

большой интерес к опыту большевиков проявлял радикально настроенный Райко Даскалов (1886–1923). Отдельные положения Устава отражают готовность использовать опыт Гражданской войны в России, живыми носителями которого были находившиеся в Болгарии с начала 1920 г. части армии Деникина — Врангеля (полностью эвакуированы из России в ноябре 1920 г.). Предполагалось, например, создать радиотелеграфное отделение в целях лучшего управления частями при подготовке и ведении боевых действий и обеспечения режима секретности в быстро меняющейся обстановке. Планировалось создание авиационного и танкового отделений, причем, в нарушение военных статей Нёйиского мирного договора, по которым Болгарии запрещалось иметь военные летательные аппараты, военно-морской флот и большинство видов тяжелого вооружения. По уровню оснащенности вооружением и военной техникой «оранжевая гвардия» должна была превосходить регулярную болгарскую армию. Допустимо предположить, что последняя рассматривалась как потенциальный противник «оранжевой гвардии» в ходе гражданской войны в стране. Косвенным подтверждением тому является отсутствие в Уставе положения о создании военно-морского отделения, нацеленного, главным образом, на решение *внешних* наступательных задач.

Обращает на себя внимание, что задача обеспечения внутренней дисциплины рассматривалась в Уставе также применительно к чрезвычайной обстановке. С этой целью предусматривалось создание особого правового органа. Соответствующее положение гласило: «В случае мятежа в каждом окружном отряде учреждается, по мере необходимости, товарищеский суд с неограниченными правами»[27]. По-видимому, у авторов Устава ещё свежи были воспоминания о недавнем Владайском восстании в сентябре 1918 г.*. Предоставление

* 15 сентября 1918 г. сербско-французские части прорвали болгарский фронт в районе Добро поле в Македонии. Дезорганизованные части болгарской армии отступили в старые пределы Болгарии. Часть солдат, взбунтовавшись, решила идти на Софию с целью свергнуть правительство и наказать винов-

«товарищескому» органу неограниченных прав, включая, расстрел на месте, предусматривало возможность возникновения ситуации, требовавшей жестких мер по подавлению вооруженной стихии. Среди руководителей БЗНС таким опытом обладал, в большей мере, Даскалов.

На один из ключевых вопросов — о численности «оранжевой гвардии» — у историков нет однозначного ответа. Д. Петрова и Г. Марков оценивают её примерно в 300 тыс. чел.[28], С. Райчевский — в 70–100 тыс.[29]. Как видим, разброс существенный. Возможно, он объясняется тем, что одни авторы исходят из общей численности активных сторонников БЗНС, а другие — из статистики вооруженных подразделений «оранжевой гвардии». Предположительно вооруженные подразделения были двух типов — постоянной боевой готовности и мобилизационного резерва. В постоянной готовности находились небольшие по численности отряды, полностью экипированные и наиболее боеспособные. Мобилизационный резерв, видимо, состоял из политически активных, имевших боевой опыт крестьян, которые по условному сигналу должны были сосредоточиться в указанном месте, получить оружие и организованно выступить в нужном направлении.

Согласно Уставу, основной тактической единицей был околийский отряд из 180 чел. Учитывая, что по закону 1901 г. об административном делении Болгарии в стране имелась 71 околия, общая численность околийских отрядов с постоянным командным составом насчитывала, как минимум, 12 798 чел. В каждом околийском отряде имелось стрелковое оружие, два пулемета и два полевых орудия. Хранение оружия являлось делом секретным и возлагалось на «наиболее преданных делу БЗНС под страхом смерти».

Каждая «дружба», по Уставу, должна была выделить в окружной отряд по месту формирования не менее пяти предан-

---

ников войны. По ходу событий руководители БЗНС, используя возникшую ситуацию, объявили в г. Радомире о свержении монархии и установлении республиканской формы правления. Президентом так называемой Радомирской республики был провозглашен А. Стамболийский, главнокомандующим — Р. Даскалов (прим. редколлегии).

ных делу БЗНС бойцов. Данные Д. Петровой, согласно которым осенью 1922 г. в стране насчитывалось 3 339 «дружб»[30], позволяют определить численность мобилизационного резерва «оранжевой гвардии»: по максимуму она составила 16 695 чел., то есть чуть больше половины всех вооруженных сил Болгарии по условиям Нёйиского мирного договора. Мобилизационный резерв обеспечивался оружием, выведенным из-под контроля МВКК-ЛО и политической оппозиции.

Примечательно, что 9 июня 1923 г. коммунисты — организаторы вооруженного сопротивления в с. Килифарево действовали в точном соответствии с требованиями Устава по формированию боевых взводов «оранжевой гвардии». На это указал военный следователь в справке о ходе восстания в селах Килифарево, Дебелец и Дряново, представленной 30 июня в окружной суд в Тырново[31].

Устав закреплял статус руководителя «оранжевой гвардии». Начальник отрядов в стране подчинялся непосредственно правительству и Постоянному присутствию БЗНС. «В случае беспорядков, — говорилось в Уставе, — [они] заседают вместе и составляют *единый исполнительный комитет*»[32]. Начальник отрядов должен был обладать достаточной компетенцией в военном деле. Не установлено, рассматривалась ли возможность командования объединенными отрядами «оранжевой гвардии» одним из министров, что могло усилить эффективность действий исполкома в чрезвычайной ситуации. Но кандидатуры, соответствовавшие требованиям Устава, имелись. В период однопартийного правления БЗНС семеро министров (Александр Стамболийский, Константин Томов, Стоян Омарчевский, Марко Турлаков, Александр Радолов, Александр Оббов и Цанко Церковски) военного опыта не имели. Трое (Пётр Янев, Христо Манолов и Райко Даскалов) таким опытом обладали, причем, Даскалов непосредственно возглавил Владайское восстание на его заключительной стадии и готовил марш на Софию.

Министр железных дорог, почтовых и телеграфных сообщений Манолов входил в «пятерку» членов кабинета, придер-

живавшихся правой ориентации[33], перешедшую в конце марта 1922 г. в открытую оппозицию Стамболийскому и «левым» министрам[34]. Более того, Манолов заявил Стамболийскому, что против него готовится «новый фронт»[35]. Вследствие этого кандидатура Манолова на пост начальника отрядов «оранжевой гвардии» в стране представляется сомнительной.

Министр правосудия Янев входил в группу «левой» ориентации в болгарском кабинете вместе с Даскаловым, Оббовым, Церковским и самим Стамболийским.

В РГВА хранится письмо Янева от 8 декабря 1922 г. руководителю Ликвидационного органа полковнику Д'Амарзи с кратким разъяснением, что́ представляла собой «оранжевая гвардия». Из переписки следовало, что Ликвидационный орган особо интересовали структура «гвардии» и наличие оружия, а поводом запроса послужили события в Кюстендиле несколькими днями ранее, о чем говорилось выше. «*Имею честь довести до вашего сведения […],* — писал Янев, — *что это не обычная или настоящая армия: нет личного состава, нет униформы, нет оружия, нет военной техники, нет военной дисциплины. Особой организации нет. Есть молодые члены сельскохозяйственных кооперативов, сельскохозяйственных профсоюзов, "дружб", которых руководящий комитет партии в трудные кризисные моменты призывает на демонстрации, напоминающие призыв к порядку, или на подмену бастующих рабочих в случае необходимости, как это было сделано правительством во Франции, Англии и Италии**. *[…] Часть этих крестьян прибывает из деревни со своими лошадьми, на них нет формы, только простая оранжевая повязка на руке*»[36]. Заметим, что ранее, 11 октября 1922 г., в Народном собрании о событиях во Франции говорил и Даскалов[37], а о «специальных знаках» опознавания (по всей видимости, речь шла об оранжевых полосках или повязках), ко-

* Здесь П. Янев, вероятно, имеет ввиду действия правительств Франции 1919–1920 гг. в период «великих стачек», Великобритании в 1920 г. и «красного двухлетия» 1919–1920 гг. в Италии, когда в сходной ситуации бастующие рабочие заменялись так называемыми штрейкбрехерами.

торые используются бойцами «только во время учебной или действительной мобилизации “оранжевой гвардии”», упоминалось и в многократно цитируемой нами статье газеты *Эпоха*[38].

Кюстендильские события не только обострили интерес иностранных наблюдателей к «оранжевой гвардии», но и усилили настороженное отношение. Д. Петрова сообщает, что французский посланник Ж. Пико «язвительно высказался перед министром Яневым по поводу земледельческих “банд”, вызванных в Софию[39]». Тема «оранжевой гвардии», по всей видимости, становится для руководства Союза весьма неудобной из-за позиции представителей стран Антанты. Возможно, этим объясняется тот факт, что переписку с Ликвидационным органом относительно «оранжевой гвардии» вел министр правосудия Янев, а не министр внутренних дел Даскалов, в чьем непосредственном ведении должен был находиться данный вопрос. Вместе с тем вовлеченность Янева в дела «оранжевой гвардии» дает основание (с учетом его компетенции в военных вопросах) считать, что именно они, Даскалов и Янев, приняли на себя обязанности начальника отрядов «оранжевой гвардии» и его помощника.

Задача защиты от действий заговорщиков и попыток вооруженного переворота актуализировалась для партии власти, начиная со второй половины 1922 г. Воодушевленное тырновскими событиями руководство БЗНС 31 октября направило во все «дружбы» распоряжение о создании «земледельческой народной гвардии» или мобильных подразделений (в документе они именовались «быстроходными летучими отрядами»). В самых общих чертах были определены внутренняя структура гвардии и порядок действия. Вопрос обеспечения оружием не ставился. Главнокомандующим был официально назначен Райко Даскалов. Формирование гвардии намечалось закончить к 14 февраля 1923 г.[40].

Однако в январе-феврале 1923 г. в болгарском правительстве разразился давно назревавший кризис, который привел к отстранению министров из числа «правой пятерки» — Турлакова, Томова и Манолова. Неожиданно лишился своего поста и

Райко Даскалов. Мнение исследователей о причинах отставки одного из самых активных деятелей БЗНС неоднозначно. Так, В. Янчев пишет о недовольстве Стамболийского действиями своего министра во время кюстендильских событий[41]. Д. Петрова склонна объяснять эту «загадку» внешним фактором — на отставке Даскалова, как наиболее радикального деятеля и приверженца «революционных методов», настаивала МВКК-ЛО. Кроме того, Стамболийский испытывал нажим западной дипломатии в Лозанне и прямое давление французского посланника Пико, недовольного радикальными методами разрешения противостояния в Тырново и Кюстендиле. Свой вклад в судьбу министра внесла и пресса Конституционного блока, представлявшая Даскалова честолюбцем и предсказывавшая, что под его руководством «оранжевая гвардия» заявит о себе как о гвардии преторианцев, обострит обстановку в стране и ухудшит положение самого Стамболийского[42].

В историографии отмечено, что после отставки Даскалов совершил поездку по стране, в ходе которой встречался со своими единомышленниками. Оппозиционная печать бездоказательно поспешила обвинить Даскалова в подготовке переворота при опоре на «оранжевую гвардию»[43]. В марте 1923 г., возможно, реагируя на подобные заявления, новый министр внутренних дел Христо Стоянов на встрече с управляющими округов и околий обсуждал вопрос об организации и задачах народной гвардии. Общее руководство предполагалось осуществлять через министерство внутренних дел[44], хотя свидетельств, что Даскалов, отправляясь послом в Прагу, передал кому-либо пост главнокомандующего «оранжевой гвардией», до сих пор не обнаружено.

Ещё один документ из истории формирования «оранжевой гвардии» был подготовлен, как утверждают Д. Петрова и В. Янчев, самим Стамболийским, и разослан 9 мая 1923 г. по партийным каналам во все «дружбы» БЗНС с грифом «Секретно, строго конфиденциально». Распоряжение (болг.: Окръжно) № 14 обязывало все сельские и городские «дружбы» сформировать боевые ядра численностью от 5 до 20 чел., если это ещё не было

сделано. В документе раскрывалась структура «оранжевой гвардии»: боевые ядра составляли боевые пункты численностью от 50 до 100 чел., из которых формировались околийские боевые группы. Бойцы в обязательном порядке принимали присягу верности идеям БЗНС[45].

Приведенные нами свидетельства и документы частично дублируют основные положения Устава о структуре «оранжевой гвардии», руководстве со стороны Министерства внутренних дел, численности бойцов, выделяемых от каждой «дружбы», приведении к присяге. Однако имеются и расхождения: так, численность *околийской боевой группы* (в майском Распоряжении — Окръжно № 14 — она указана как фактическая основная структурная единица) колебалась, но, вероятно, составляла примерно 100 чел., а согласно Уставу, основной единицей «гвардии» был *околийский отряд* с четко определенным числом бойцов — 180 чел.

На основе проведенного исследования можно выделить следующие периоды создания «оранжевой гвардии» как парамилитарного формирования.

Первый этап связан с деятельностью Райко Даскалова. Это время отмечено Владайским (Солдатским) восстанием 1918 г. и событиями в Тырново 1922 г. Характерным признаком этапа являлось стремление руководства БЗНС обуздать в интересах партии стихию трудно управляемой вооруженной массы крестьян. Нижняя граница этапа — распоряжение Постоянного присутствия БЗНС от 31 октября 1922 г. о создании «народной (читай: «оранжевой») гвардии» и назначение Даскалова её командующим.

На втором этапе Даскалов приступает к активному формированию отрядов «оранжевой гвардии», но в связи с его отставкой зимой 1923 г. эта функция переходит к преемнику Даскалова на посту министра внутренних дел Стоянову. В это время, вероятно, и появляется Устав. Характерный признак второго этапа — использование административного ресурса, привлечение окружной и околийской администрации к формированию «оранжевой гвардии». Охарактеризовать резуль-

тативность этой деятельности трудно из-за отсутствия свидетельств о практической организации и состоянии боевой подготовки «оранжевой гвардии» и/или деятельности её инструкторского состава.

На третьем этапе, в обстановке обострения македонского вопроса в мае 1923 г., к организации и функционированию «оранжевой гвардии» подключился Александр Стамболийский. 13 мая 1923 г. он вместе с Главнокомандующим вооруженными силами страны — царем Борисом III принимал совместный парад частей регулярной армии и «оранжевой гвардии»[46]. Стамболийскому приписывается также авторство упомянутого выше распоряжения от 9 мая 1923 г. о формировании околийских боевых групп[47].

Изучение имеющихся в нашем распоряжении документов и материалов о создании «оранжевой гвардии» не дает исчерпывающего ответа на главный вопрос — какова дальнейшая судьба проекта устава? Обсуждался ли он в руководстве БЗНС, был ли утвержден, превратившись в основополагающий документ «оранжевой гвардии» или дело ограничилось подготовкой проекта? На сегодняшний день официальный документ — Устав «оранжевой гвардии» в научном обороте отсутствует.

Возвращаясь к вопросу о публикации проекта устава «оранжевой гвардии» в газете *Эпоха,* можно, на наш взгляд, допустить несколько вариантов.

Во-первых, предположить, что появление проекта явилось вбросом информации со стороны МВКК. В таком случае появление статьи в лояльном печатном издании предстает как мистификация, предпринятая Комиссией на основании донесений своих нештатных сотрудников. Полученная устная информация о существовании в Болгарии, вопреки запретительным статьям Нёйиского мирного договора, организованного вооруженного формирования вполне могла породить замысел воздействовать на правительство Болгарии с целью усилить его деятельность по разоружению населения. А кюстендильские события подогрели соответствующие настроения. В таком случае текст проекта мог быть создан аппара-

том Межсоюзнической комиссии или при его участии, чтобы подчеркнуть серьезность факта нарушения статей договора болгарской стороной.

Появление подобного документа было выгодно и внутренним политическим силам, пришедшим к власти в результате государственного переворота. Цель — представить международному сообществу «земледельческое» правительство с негативной стороны, оправдать захват власти. «Оранжевая гвардия» становилась монстром, которым пытались запугать европейское и болгарское общественное мнение.

Но «оранжевая гвардия» реально существовала на болгарской политической сцене. Сомнений на этот счет у современников не было. Она могла быть использована как инструмент для вывода из-под контроля и хранения оружия, становилась своеобразным оружейным депозитарием, доступным ограниченному кругу политических сил и деятелей в собственных целях. В литературе указывается на контакты одного из руководителей болгарских «тесняков»* Васила Коларова с министром Райко Даскаловым и обсуждение ими возможности вооружить рабочие отряды, чтобы сорвать заговор фашиствующей буржуазии. Характерен ответ Даскалова: «*При необходимости оружие можно будет раздать* за 24 часа до переворота»[48]. Нельзя, по нашему мнению, исключать и информационный вброс с другой стороны — БРСДП(о) и БКП, имевших давние связи. Цель — попытаться дестабилизировать обстановку, сложившуюся после переворота, обратить её к своей пользе, создать напряженность в правящих кругах.

Публиковать устав в период правления БЗНС руководству Союза было абсолютно не выгодно, а у оппозиции не было

* «Тесняки» — члены БРСДП (т.с.) — Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) [болг. «тесни» значит узкие], стоявшей на позициях марксизма, революционного социализма и интернационализма. Идейно-политическими оппонентами «тесняков» были «широканцы» («широкие) — члены реформистской БРСДП (широких социалистов) — БРСДП (ш.с.). После присоединения к «широканцам» части «тесняков» возникла БРСДП (объединенная) — БРСДП(о), действовавшая в 1908–1931 гг. В июне 1945 г. наименование БРСДП(о) взяло вышедшее в оппозицию правое крыло БРСДП, выступавшее против советизации Болгарии. Возглавил БРСДП(о) Г. Чешмеджиев *(прим. редколлегии)*.

возможности. Поэтому публикация столь важного документа после государственного переворота свидетельствует в пользу существования оригинала.

Мы полагаем, что оригинал устава «оранжевой гвардии» существовал, и одним из его авторов являлся Даскалов. В этом случае приоткрываются причины его отставки в январе 1923 г. Опыт Владайского восстания, накалявшаяся обстановка в стране, успех в подавлении антиправительственных выступлений в Тырново могли сформировать у Даскалова замысел создания «оранжевой гвардии» как боевого отряда партии, а принципы формирования гвардии и её функционирования были прописаны в созданном в октябре-ноябре 1922 г. уставе. Негативное отношение иностранных наблюдателей к событиям в Кюстендиле и внешнее давление, оказанное на находившегося в то время в Лозанне Стамболийского, о чем уже упоминалось, вынудили и ранее колебавшегося в принятии политических решений крестьянского лидера[49] занять отстраненную позицию. Обстановку разрядили отставка Даскалова и его отъезд в Прагу.

Таким образом, муссирование темы «оранжевой гвардии» сыграло пропагандистскую роль, в чем были заинтересованы все игроки, действовавшие на внутриполитической сцене. Пропаганда в интересах БЗНС заключалась в демонстрации силы, сдерживании политических оппонентов и привлечении на свою сторону сомневающихся или колеблющихся соотечественников. Политическая оппозиция использовала жупел «оранжевой гвардии» для дискредитации деятельности БЗНС, угрожавшей государству и обществу. Межсоюзническая комиссия связывала с «оранжевой гвардией» возможность оказывать давление на болгарское правительство в интересах разоружения населения по условиям Нёйиского мирного договора и не ослаблять свое влияние на внутреннюю политику побежденной страны.

Трагическая развязка событий в июне 1923 г. решила судьбу «оранжевой гвардии». Реализовать её военный потенциал в ходе развернувшейся после переворота вооруженной борь-

бы в полной мере не удалось: сопротивление было подавлено регулярными армейскими частями, а войсковые операции по изъятию оружия у населения продолжались как минимум до середины октября 1923 г.[50].

Примечания

[1] *Дубовик О.А., Ермишин Л.В.* К вопросу о роли оранжевой гвардии во внутренней политике БЗНС 1920–1923 // Славянский альманах 2022. № 1–2. М., 2022. С. 28–49.

[2] *Маковецкая Т.Ф.* Режим БЗНС и Тырновская конституция (1920–1923 гг.). Проблема сосуществования // Болгария в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003. С. 141.

[3] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 274. Л. 13–14. Дружба́ши, «земледельцы» — распространенное в политическом лексиконе наименование членов партии Болгарский земледельческий народный союз, первичные организации которого назывались «дружбами».

[4] История на българите 1874–1944 в документи. Т. 1. Ч. 1. 1878–1912 / съст. В. Георгиев, С. Трифонов. София, 1994. С. 343–370; *Матвеев Г.Ф.* Из истории разработки А. Стамболийским идеологии Болгарского земледельческого народного союза // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию Константина Владимировича Никифорова. М., 2016. С. 194–209.

[5] *Стамболийский А.* Избранные произведения. Политико-общественные основы земледельческих организаций. София, 1981. С. 21.

[6] Там же. С. 42.

[7] *Станчев С., Николов Р.* История на сухопътните войски на България (1918–1945). Том втори. Българската пехота (1918–1945). София, 2017. С. 34.

[8] Там же. С. 34–36.

[9] Текст Тырновской конституции 1879 г. с изменениями 1893 и 1911 гг. (URL: http://www.hadjinikolov.pro/wp-content/uploads/2010/02 (дата обращения: 17.06.2021)).

[10] Текст Нёйиского мирного договора от 27 ноября 1919 г. (URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Neuilly (дата обращения: 17.06.2021)).

[11] *Маковецкая Т.Ф.* Режим БЗНС и Тырновская конституция… С. 150.

[12] *Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС 1920–1923. София, 1988. С. 60.

[13] Конституционный блок — коалиция в составе Демократической, Объединенной народно-прогрессивной и Радикальной партий, выступавшая за буржуазно-парламентское устройство страны на основе Тырновской конституции (*Георгиев В.* Народният сговор 1921–1923. София, 1989. С. 118).

[14] *Даскалов Р.* Избрани произведения: в 2 тома / съст. Светла Даскалова, Димитър Тишев. Т. 2. София, 1986. С. 216, 220.

[15] *Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС… С. 287–302.

[16] *Янчев В.* Армия, обществен ред и вътрешна сигурност между войните и след тях (1913–1915, 1918–1923). София, 2014. С. 313.

[17] Там же. С. 327–334.

[18] РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1 Д. 274.

[19] Ежедневная газета *Епоха* издавалась в Софии в период с 25 июня 1922 г. по 29 декабря 1925 г. Номер 269 вышел 20 июня 1923 г. // Български периодичен печат 1844–1944. Том I: А–М. София, 1962. С. 280.

[20] По сведениям болгарской исследовательницы Д. Петровой, материалы об «оранжевой гвардии» поместили газеты: *Слово* (№ 229 от 17 января, № 231 от 19 января, № 240 от 2 февраля, № 243 от 5 февраля 1923 г.), *Демократия* (№ 5 от 10 января, № 6 от 25 января 1923 г.) (*Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС… С. 360).

[21] РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 274. Л. 1, 2–3, 4, 7, 8–9, 20–21.

[22] *Райчевский С.* Българите в световните хроники 1920–1925. София, 2012. С. 197.

[23] *Катаев Н.А.* Политика, власть и право в воззрениях Александра Стамболийского: дисс. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 349.

[24] Епоха. 1923 г. 20 юни.

[25] РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 274. Л. 13.

[26] Инструктор — не типичная в болгарской административной практике должность. Наличие инструкторов предусматривалось в инструкции от 2 июня 1920 г. о применении Закона 1887 г. о ликвидации разбойничества, подготовленной в Министерстве внутренних дел. В обязанности инструктора входила подготовка полицейских подразделений и управление специальными командами («потерями»), организуемыми в принудительном порядке из местного населения для преследования разбойников в случае, если местная администрация окажется к этому не готова (*Янчев В*. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност… С. 349).

[27] Епоха. 1923 г. 20 юни.

[28] *Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС… С. 391; *Марков Г.* Парола «Сабя». Заговорите и превратите на Военния съюз. 1919–1936. София, 1992. С. 46.

[29] *Райчевски С.* Българите в световните хроники… С. 183.

[30] *Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС… С. 272.

[31] Окръжен държавен архив — Търново. Ф. 60к. Оп. 1. А. е. 39. Л. 16-18. ((URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/159241#mode/inspect/page/3/zoom/4 (дата обращения: 26.01.2022)).

[32] Епоха. 1923 г. 20 юни.

[33] *Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС… С. 249.

[34] *Геновски М*. Александър Стамболийски — отблизо и отдалеко. Документирани спомени. София, 1982. С. 53.

[35] *Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС… С. 250.

[36] Переписка по разоружению оранжевой гвардии, гражданского населения и армии Врангеля (РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 339. Л. 145).

[37] *Райко Даскалов.* Избрани произведения… С. 212–220.

[38] Епоха. 1923 г. 20 юни.

[39] *Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС… С. 334.

[40] *Янчев В.* Армия, обществен ред и вътрешна сигурност… С. 319–320.

[41] Там же. С. 370.

[42] *Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС… С. 344.

[43] Там же. С 343.

[44] Там же. С. 370–371.

[45] *Янчев В.* Армия, обществен ред и вътрешна сигурност… С. 387.

[46] *Петрова Д.* Самостоятелното управление на БЗНС… С. 383.

[47] *Янчев В.* Армия, обществен ред и вътрешна сигурност… С. 387.

[48] История болгарской коммунистической партии. С. 247.

[49] Даскалов убеждал Стамболийского взять на себя формальное командование Владайским восстанием. Впоследствии Стамболийский не раз менял собственную трактовку этих событий (Подробнее см.: *Янчев В.* Армия, обществен ред и вътрешна сигурност… С. 79–120.

[50] Хронология установлена на основании сводки кабинета министров от 22 ноября 1923 г. за № 2748 об изъятии оружия у населения в ходе подавления сентябрьского восстания. В документе указано, что 14 октября 1923 г. личным составом 9 пехотной дружины изъято 15 винтовок у жителей села Братигово (так в тексте. Правильно: Брацигово) (РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 339. Л. 61). Более поздних сведений об изъятии оружия в сводке нет.

DOI 10.31168/7576-0477-0.3.6

Тина Николаева
ГЕОРГИЕВА

*Движение казаков-самостийников и их деятельность в Болгарии в 30-е годы XX в.**

Всплеск интереса научного сообщества к русской эмиграции, наметившийся в начале 1990-х годов, привел к появлению впечатляющего количества исследований, посвященных общественно-политическому, экономическому и культурному развитию этой «второй России», а также её выдающимся представителям. Результатом этого процесса было повышенное внимание и к многочисленной казачьей эмиграции, оказавшейся за пределами Российской империи после окончания Гражданской войны. Движение самостийничества, которое сформировалось среди казаков-эмигрантов, тоже попало в поле зрения ученых[1], при том, что чаще всего внимание исследователей привлекают печатные издания вольных казаков[2]. Отсутствие целостного труда о самостийном движении и его идеологии, вероятно, связано не столько с ощущением его маргинальности в смысле ограниченного влияния и присутствия в жизни казачьей эмиграции, сколько с разбросанностью архивных материалов, имеющих отношение к указанной проблеме.

Цель настоящего исследования — представить движение казаков-самостийников в Болгарии в 30-е годы XX века, используя доступные архивные материалы[3]. Автор не претендует на освещение всех сторон жизни и деятельности казаков-на-

* Исследование проведено при финансовой поддержке Болгарского фонда научных исследований по договору № КП-06-Русия/19 в рамках работы над совместным российско-болгарским проектом.

ционалистов на болгарской земле, но надеется, что вводимые в научный оборот сведения будут способствовать дальнейшему изучению истории самостийничества.

Казаками-националистами, вольными казаками или самостийниками обычно называли ту часть казачьей эмиграции, которая сформулировала и руководствовалась тезисом о существовании особой казачьей нации. Представители самостийничества заявляли, что стремятся к сохранению собственной культуры, обычаев и национального самосознания. Свою основную цель они видели в освобождении казачьих земель «от ига оккупантов» и возрождении независимого государства под названием «Казакия», якобы существовавшего в древности.

Как и большинство русских эмигрантов, казаки-националисты враждебно относились к большевикам. Но в их идеологии отрицание советской власти сочеталось с негативным отношением к России: они считали её своим главным врагом, уничтожившим независимость казаков и в интересах российского государства пытавшимся превратить их в особое сословие. Советский Союз они считали продолжением Российской империи.

Идеи самостийников начали формироваться в начале 1920-х годов. Предшественником организации вольных казаков являлся Союз возрождения казачества, который был создан еще в 1921 г. в Константинополе. В последующие годы центром самостийного движения становится Чехословакия. В 1926 г. Союз возрождения казачества распался на несколько соперничавших организаций. Наиболее влиятельным был Союз вольного казачества, сформированный в 1927–1928 гг. У его истоков стояла инициативная группа — генералы И.Ф. Быкадоров и Т.М. Стариков, а также И.А. Билый, М.Ф. Фролов, С.А. Фёдоров и И.И. Колесов. Они и явились основателями «вольно-казачьего движения». Идеологом и вдохновителем «вольных казаков» считался генерал Быкадоров, одним из первых заявивший о существовании самостоятельного казачьего народа[4]. Популярность движения заметно возросла в конце 1920-х — начале 1930-х годов[5]. Союз вольного казачества из-

давал журнал *Вольное казачество*, который в 1927–1934 гг. выходил в Праге, а затем, в 1934–1939 гг., — в Париже. Редактором журнала стал Игнат Билый.

Выделившись в самостоятельную организацию, самостийники приступили к созданию её филиалов, и в начале 1930-х годов «окружные правления вольных казаков» уже существовали во Франции, Чехословакии, Польше, Югославии и Болгарии.

Руководителем вольных казаков в Болгарии стал Павел Назарович Кудинов, один из активных участников движения с самого начала его возникновения[6]. Кудинов был членом центрального руководства (Малого круга) и атаманом окружного правления Вольно-казачьей организации в Болгарии. Кроме того, он активно сотрудничал с журналом *Вольное казачество*: публиковал там статьи и стихи, а в 1931 г. в нескольких номерах поместил исторический очерк «Восстание верхнедонцов в 1919 году», посвященный первому казачьему организованному выступлению против большевистской власти[7].

Со временем влияние самостийничества среди казаков в Болгарии начинает расти; об этом можно судить по участию болгарских казаков в печатном органе движения — журнале *Вольное казачество*. Если до конца 1933 г. П. Кудинов и Н. Егоров (г. Лом) были единственными представителями этого издания в Болгарии, то постепенно журнал расширил штат сотрудников, и к весне 1934 г. в нём числились уже представители семи разных казачьих групп и станиц[8].

В начале 1930-х годов противоречия внутри организации вольных казаков обострились настолько, что превратились в бескомпромиссную борьбу, в результате которой движение раскололось. Оппозицию возглавили чешские казаки-националисты. Часть сотрудников журнала *Вольное казачество*, недовольная главным редактором И. Билым, приступила к созданию своего вольно-казачьего центра[9]. Новой организации, по замыслу инициаторов, предстояло объединить всех казаков-самостийников и, таким образом, возглавить «казачье национальное движение».

Рудоводитель болгарских самостийников Кудинов примкнул к группе, оспаривавшей лидерство Игната Билого. Еще в 1930 г. Кудинова пригласили в создававшийся Совет вольного донского казачества. Лидеры чешских казаков, по-видимому, надеялись, что он сможет объединить болгарских казаков вокруг руководимой им организации, которая стала бы частью нового вольно-казачьего центра[10]. Более того, в конце 1933 г. представители внутренней оппозиции обратились к Кудинову как члену Малого круга с просьбой подписать общий протест против Билого и прислать его редактору *Вольного казачества*[11]. Через несколько дней, 25 декабря, Кудинов как член центрального руководства Вольно-казачьей организации обратился к Билому с протестом по поводу роспуска им Малого круга: он назвал его действия незаконными и заявил о своем решении принять меры к созданию нового центра вольно-казачьего движения[12].

1 февраля 1934 г. в Чехословакии недовольные политикой Билого вольные казаки сформировали второй, параллельный руководящий орган — Временное центральное правление вольного казачества. Они приняли решение об издании собственного журнала *Казакия*, который должен был выходить в Братиславе. Ведущую роль в новой организации играли чешские самостийники: в руководство Временного Центрального Правления Вольного Казачества вошли И. Безуглов (председатель), И. Бойко и инж. И. Колесов (заместители) и С. Балыков (секретарь).

Сам Кудинов не сразу разорвал связь с парижским центром самостийников: он остался атаманом Болгарского вольно-казачьего округа и ещё некоторое время продолжал свое сотрудничество с журналом И. Билого. Раскол среди казаков-националистов, однако, привел к ухудшению контактов между Билым и болгарскими самостийниками. Когда в июне 1934 г. издание журнала «Вольное казачество» было перенесено в Париж, в редколлегию уже не вошли его прежние сотрудники из Болгарии, и болгарские авторы перестали публиковаться на его страницах.

Роль Кудинова в движении самостийников резко изменилась в 1935 г. В начале года возглавлявшийся им болгарский округ вольного казачества перешел в новый оппозиционный центр, руководимый центральным правлением в Братиславе; особым постановлением сотрудничество с И. Билым было прекращено[13]. А в августе того же года в Праге состоялся съезд второго центра казачье-национального движения, который выбрал лидера болгарских казаков-самостийников председателем руководства Центрального правления вольного казачества — верховного органа казачьего национального движения[14]. Одновременно было принято решение о том, что официальное издание движения — журнал *Казакия* — будет выходить в столице Болгарии.

Выбор Кудинова председателем Центрального правления казаков-самостийников, как и перенос издательства журнала в Софию, были заранее подготовлены чешскими лидерами движения. Еще перед съездом организации секретарь вольно-казачьего центра Санжа Балыков писал Кудинову об избрании его председателем как о деле решенном. «Избрание Вас Председателем Центрального Правления с очень хорошими полномочиями обеспечено. На Вас все мы […] сошлись, и вокруг Вас возможно объединение сил Вольного Казачества. Все Вас поддержат и помогут», — пишет Балыков 10 августа 1935 г.[15] Более того, руководители чешского вольно-казачьего центра постарались подготовить и казаков к избранию нового лидера[16].

Трудно однозначно ответить, почему выбор пал на Павла Кудинова, человека не самого авторитетното и влиятельного среди представителей самостийников. Но предположительно назвать причины, думается, можно. Во-первых, если верить письмам, которые адресовали Кудинову чешские руководители движения, они хотели, чтобы во главе руководства стоял человек, популярный среди казаков. Балыков неоднократно писал, что им нужен для этой цели не представитель казачьей интелигенции, а «человек из народа», которого казаки знают и которому верят. Во-вторых, заявляли они, Кудинов

не принимал активного участия в противостоянии двух центров самостийничества, а болгарские казаки-националисты не сталкивались близко с Билым и потому не имели личных мотивов для продолжения конфликта. Не втягиваясь в дальнейшее противостояние, они смогли бы полностью обратить свое внимание и энергию «на основную [...] цель: борьбу за освобождение казачества от гнета оккупантов, на фоне которой личные взаимоотношения с Билым и борьба с ним — незначительная деталь»[17].

Наконец, имелись финансовые аргументы, и, на наш взгляд, с ними и была связана основная причина избрания Кудинова председателем движения. Чешские руководители самостийников надеялись, что лидер болгарских казаков-националистов заручится поддержкой влиятельных людей и с их помощью сумеет изыскать средства для издания журнала *Казакия*, которому отводилась ключевая роль в популяризации идеологии и привлечении казаков в организацию[18].

Нужда в деньгах стала причиной переноса издательства журнала *Казакия* в Софию. При этом обсуждалось четыре возможных варианта: Париж, Прага, Братислава и София. Но первые три города по финансовым соображениям были не просто невыгодными, а разорительными для издания печатной продукции. Валюта Болгарии была гораздо дешевле по сравнению с чехословацкой и французской, и на издание журнала требовались более скромные средства. Кроме того, деньги, вырученные от подписки на журнал, и средства, поступавшие из западных стран — Франции, Германии и Польши, при выгодном для болгарского лева обменном курсе обеспечивали бы руководству журнала спокойную и бесперебойную работу[19].

Сохранившиеся письма показывают, что Кудинов оправдал ожидания: он добыл деньги на издание журнала. Но пока остается неясным, откуда были получены субсидии и в каком размере, так как сам Кудинов эту информацию не разглашал[20].

Избрание Кудинова председателем самостийного движения, однако, не означало, что в его руках сосредоточилась вся

власть. Перед сьездом в августе 1935 г. чешские лидеры движения обсуждали не только выбор Кудинова руководителем, но и возможность переноса всего центрального руководства движения в болгарскую столицу. Переезд, однако, не состоялся. Остальные члены Центрального правления вольного казачества (И. Безуглов, С. Балыков, С. Фёдоров, П. Головянский) остались в Чехословакии и, таким образом, сохранили за собой руководящие позиции в организации.

В таком же особом положении находилось и печатное издание самостийников. Хотя с ноября 1935 г. журнал *Казакия* начал выходить в Софии, но редакция осталась в Братиславе, и большинство статей поступало в болгарскую столицу из Чехословакии, что создавало определенное неудобство. Положительным моментом было то, что в редакционную коллегию журнала, вместе с С. Балыковым и Г. Ерёменко, вошел один из выдающихся представителей вольного казачества в Болгарии Фёдор Оболенский[21]. Болгарские самостийники Я.И. Лопух, К.М. Киреев, И.И. Томаревский, А.В. Лаврухин активно печатались в *Казакии*; на страницах журнала болгарское вольно-казачье движение, жизнь и деятельность казаков-националистов отныне отражались более полно. Находилось место и для творческих проявлений, причем особый отклик у казаков вызывали идейные установки, доходчиво облеченные в поэтическую форму. Один их характерных примеров вольно-казачьей поэзии — стихи Ивана Томаревского:

«Нужно быть нам казаками, а не чем-нибудь другим,
Уж никак не москалями, и не быть в служеньи им.
Казак вольный от рожденья, должен до смерти им быть
И во всём всегда примерно лишь казачеству служить.
Вот тогда и Казакия будет вольная страна,
Без ярма, цепей России, Государством Казака»[22].

Трудно оценить, насколько активным было участие самого Кудинова в издании *Казакии*. За время своего председательства он опубликовал всего несколько коротких статей, в основном комментариев в адрес своего оппонента Игната

Билого. Зато каждый номер журнала начинал с передовой, под которой подписывалась вся редколлегия.

Учитывая ограниченное количество материалов о развитии самостийничества в Болгарии, журнальные материалы являются ценным источником информации для исследователей.

Издание самостийников и в новых для себя условиях сохранило как свой вид, так и свою идеологическую направленность. В журнальных публикациях регулярно популяризировался тезис о существовании отдельного казачьего народа и его праве на самостоятельную жизнь и государственность. Ведущим «идеологом» являлся д-р С.А. Фёдоров. Он опубликовал серию статей, в которых подробно прослеживал процесс формирования особой казачей нации[23]. Систематически печатались материалы, авторы которых клеймили большевиков и советскую власть, причем преобладали воспоминания о Гражданской войне и о репрессивной политике «красных» в отношении казаков. Всё чаще, однако, стали появляться статьи, посвященные современным проблемам и формировавшие взгляды самостийников на происходившие в мире события[24].

Значительное место в журнале отводилось внутренним проблемам движения. Хотя в первом номере софийской *Казакии* редколлегия заявила о прекращении междуусобицы с Билым, в действительности, этого так и не произошло[25]. На страницах журнала активно велась борьба с лидером другого центра самостийничества и его изданием *Вольное казачество*. В целом ведущими в *Казакии* остались националистические, антисоветские и антироссийские (как подчеркивали авторы статей, враждебные власти, но не русскому народу) идеи.

Сохранившиеся в архиве документы показывают, что с самого начала между Кудиновым и чешскими лидерами существовала определенная напряженность. Смена места издательства не разрядила обстановку. Уже в первом софийском номере *Казакии*, вышедшем в конце 1935 г., Кудинов обратился к одному из редакторов С. Балыкову с просьбой прекратить нападки на журнал[26].

Учитывая географическую отдаленность председателя Кудинова от остальных членов Центрального правления, вряд ли он оказывал существенное влияние на общую политику этого центра вольно-казачьего движения. Тем не менее, бесспорно, что выбор Кудинова лидером самостийников и софийский период издания *Казакии* привели к возрастанию интереса болгарских казаков к идеологии самостийничества и к их более активному включению в деятельность казаков-националистов. Возросший авторитет Кудинова привлек новых членов в руководимую им организацию. С середины 1930-х годов среди казаков, проживавших в Болгарии, намечается тенденция к вхождению уже существующих станиц в Союз казаков-националистов[27]. Возникают всё новые вольно-казачьи группы, разбросанные по всей территории Болгарии. К началу 1935 г. в Болгарии существовало девять вольно-казачьих организаций[28]. А полтора года спустя, в июне 1936 г., в 3-м окружном съезде казаков-националистов в Болгарии приняли участие представители уже 22 казачьих станиц и групп. В том же 1936 г., по опубликованным в журнале данным, станицы казаков-националистов существовали в более чем 25 городах и населенных пунктах, в том числе в Софии, Видине, Варне, Тырново, Сливене, Ломе[29]. Возросшее влияние болгарского Союза казаков-националистов дало основание его руководителям обратиться к болгарскому правительству с просьбой выделить независимым казачьим организациям часть средств, которые отпускались российским эмигрантам[30].

К сожалению, в болгарских архивах не удалось найти данные о численности болгарских самостийников. Руководители чешского центра, стремясь зарегистрировать всю вольно-казачью эмиграцию, предприняли попытку собрать подробные сведения о вольных казаках. Кудинову как лидеру Союза болгарских казаков-националистов было поручено предоставить информацию, указав место прежней воинской службы членов Союза, их чины и звания, место проживания, образование, семейное положение и политические взгляды. К сожалению, материалами на этот счет автор не располагает. Известно,

что в середине 1930-х годов в Чехословакию никакие сведения из Болгарии всё ещё не поступали[31]. Лишь через 10 лет, во время допросов в контрразведке СМЕРШ в ноябре 1944 г., Кудинов укажет, что в Союзе числились 700 чел., а в апреле 1945 г. назовет другую цифру — 300 чел.[32].

Раскол в верхах казаков-националистов повлиял и на состояние болгарских самостийников: так, некоторые из казачьих станиц тоже оказались охваченными внутренними распрями[33]. Противостояние продолжалось и на страницах журналов *Казакия* и *Вольное казачество*. Так, осенью 1936 г. секретарь Окружного правления казаков-националистов в Болгарии А. Лаврухин был снят со своего поста и исключен из Союза националистов. Его обвинили в попытке внести смуту и разложение в ряды вольных казаков, а причиной тому стала его статья, опубликованная в *Вольном казачестве*, которую сочли оскорбительной и провокативной[34].

Кудинов оставался руководителем казаков-самостийников до конца 1936 г. 25 декабря члены Центрального правления движения, без согласия председателя, созвали в Братиславе очередной сьезд организации, на котором действующий председатель не был переизбран. Кудинов назвал съезд подтасовкой, объявив его незаконным, а Центральное правление — распущенным. Разрыв ознаменовал не только конец сотрудничества лидера болгарских самостийников с организацией в Чехословакии, но и возвращение издательства журнала *Казакия* обратно в Братиславу. Последний номер софийского издания вышел в январе 1937 г. В нем Кудинов официально заявил, что прекращает свое участие в организации чешских казаков-самостийников и сотрудничество с её членами[35].

Официально Кудинов оставался лидером болгарских самостийников, но его Союз казаков-националистов в Болгарии существовал уже как независимая организация и, по словам самого Кудинова, превратился в «самостоятельную единицу освободительного движения казаков-националистов»[36].

Лишенному печатного издания лидеру болгарских самостийников было трудно пропагандировать свои взгляды. Же-

лая обеспечить себе доступ к умам и сердцам казаков, осенью 1937 г. Павел Кудинов начал издавать в Болгарии журнал *Вольный Дон*. На этот раз он был не только издателем, но и главным редактором. Журнал, однако, не сумел подняться выше местного уровня, да и вряд ли смог завоевать популярность среди болгарских казаков. Ему недоставало сотрудников: лишь небольшая часть прежних авторов, которые ранее публиковались в *Казакии*, такие как П. Крюков (Париж) и А. Алимов (Прага), продолжили участие и в новом издании Кудинова. В журнале преобладали местные представители казачества*. *Вольный Дон* просуществовал лишь несколько месяцев (вышло всего три номера) и в мае 1938 г. журнал закрылся.

Вольный Дон продолжил самые непривлекательные традиции прежних изданий самостийников, а именно: претензии на роль рупора истинных казачьих интересов, обвинения всех других в искажении «казачьей правды». Призывая со страниц журнала к объединению всего вольного казачества, Кудинов объявлял сотрудничество с остальными центрами самостийного движения невозможным[37]. Большая часть статей была посвящена выяснению отношений между различными вольноказачьими организациями и пестрела обвинениями в адрес бывших единомышленников.

Что касается идеологической направленности журнала, то здесь наметились любопытные изменения. В отличие от *Казакии* и *Вольного казачества*, в *Вольном Доне* антисоветская и антироссийская риторика почти отсутствовала, а в тех немногих случаях, когда она проявлялась, звучала приглушенно. Зато в новом журнале отчетливо доминировали антиукраинские декларации. Кудинов и объединившиеся вокруг него казаки-националисты обвиняли своих оппонентов — парижскую организацию вольных казаков во главе с И. Билым и

* Издания казаков-националистов обычно выходили на русском языке. В журнале *Вольное казачество / Вільне козацтво* иногда публиковались статьи на украинском. В *Вольном Доне* впервые были опубликованы материалы на болгарском языке.

чешских самостийников — в попытках украинизировать казачество и служить украинскому, а не казачьему делу. Если русские казаки считали руководителя *Вольного казачества* Билого большевистским агентом, то *Вольный Дон* называл его ставленником «украинцев-петлюровцев и их покровителей», намекая, таким образом, на финансовую помощь со стороны Польши[38]. На С.А. Фёдорова, которого всего за год до указанных событий считали авторитетом в выработке национальной казачьей идеологии, *Вольный Дон* наклеил ярлык «украинствующего историка Казачества»[39]. Лидеры вольно-казачьих центров в Париже и Праге призывали к сотрудничеству с украинскими национальными организациями и с горцами Кавказа, поскольку видели в них союзников в борьбе против советской власти. Болгарское издание, напротив, отличалось нападками на украинское национальное движение и движение горцев[40].

Не подлежит сомнению, что позиция, представленная на страницах *Вольного Дона*, явилась результатом перемены во взглядах лидера болгарских самостийников. Эти перемены найдут свое выражение в будущих действиях Кудинова, который примет активное участие в борьбе за избрание нового донского атамана. В 1938 г. истекал срок полномочий атамана Донского войска графа Михаила Николаевича Граббе, и его противники увидели в этом возможность поставить на этот пост своего кандидата. В связи с этим оппоненты действующего атамана (среди которых был и выдающийся представитель самостийников генерал И.Ф. Быкадоров) сформировали Президиум Донского войскового круга. Они объявили себя единственными законными представителями казаков и заявили, что Президиум принимает на себя организацию выборов донского атамана. Павел Кудинов стал членом одной из комиссий по проведению выборов.

Считая себя представителями особой нации и стремясь к созданию независимого государства, самостийники всех течений обычно сторонились русских казаков и их проблем. Из-за этого донские казаки-националисты отказывались являться

на выборы донского атамана. В предвыборной борьбе Кудинов использовал свой журнал и со страниц *Вольного Дона* призывал казаков на сей раз принять активное участие в выборах, проголосовав за оппозиционного кандидата — генерала Петра Харитоновича Попова[41].

План оппозиционеров не сработал, и граф Граббе сохранил за собой атаманский пост на следующие три года. Но участие Кудинова привело к тому, что как руководство донского казачества, так и казачьи организации в Болгарии резко выступили против самостийников. Большое совещание донского казачества, состоявшееся в сентябре 1938 г. в Париже, обвинило Кудинова в попытке внести раскол в ряды казачества. На лидера болгарских самостийников обрушилось и окружное казачье собрание в Праге, которое, хотя и не указывая конкретных имен, осудило «арестованных иностранной полицией господ, находящихся на платной службе у большевиков в качестве их тайных агентов»[42]. Намёк на Кудинова был очевидным. В том же 1938 г. атаман Граббе побывал в Болгарии, объездив все казачьи хутора и станицы. В конце поездки он раскритиковал деятельность самостийников, а Павла Кудинова причислил к агентам большевиков, «уличенным в своей предательской работе местными правительственными органами». Более того, он призвал болгарских казаков «сказать свое веское слово в отношении лиц, продолжающих вести подрывную работу»[43].

Реакция казачества не замедлила себя ждать: в декабре 1938 г. состоявшийся в Софии съезд представителей проживающих в Болгарии донских казаков строго осудил действия сепаратистов «всех направлений» и призвал казаков к единению в службе Дону и России. Съезд также обратился к атаману Граббе с просьбой лишить Кудинова права называться донским казаком, что должно было послужить примером и удержать желающих воспринять идеи самостийников и примкнуть к их организации от такого шага[44]. Кроме того, в феврале 1939 г. казачьи организации в Болгарии обратились в Министерство внутренних дел с просьбой не утверждать уставы кудиновского Союза и упоминавшейся выше Разинской ка-

зачьей станицы во главе с отцом и сыном Лаврухиными[45] (последние представляли в Болгарии парижскую организацию вольных казаков и также пропагандировали идеи самостийничества).

Во всех процитированных выше документах лидеры самостийного движения характеризовались как подставные лица, стремящиеся к расколу русской эмиграции и финансируемые извне. Кудинов и Лаврухины были объявлены большевистскими агентами, получающими средства из Советской России для осуществления своей предательской деятельности. На них был навешен ярлык «врагов и изменников России и русского народа»[46].

Располагало ли болгарское правительство сведениями, уличавшими Кудинова в контактах с московским режимом, не известно. Но в августе 1938 г. лидер болгарских казаков-националистов был арестован полицейскими властями в Софии. Его обвинили в шпионаже в пользу Советского Союза и в 1939 г. выслали в Румынию.

Обвинения, исходившие из казачьих кругов, не подтверждались фактами, но некоторые из них позднее признавал сам Кудинов после ареста его советскими военными властями в 1945 г. На допросах он заявил, что вольно-казачье движение финансово поддерживалось польскими разведслужбами и что его Союз казаков-националистов с апреля 1935 г. по декабрь 1936 г. получал от полпредства Польши в Софии 10 тыс. левов ежемесячно на издание журнала *Казакия*. Тогда же он заявил, что журнал *Вольный Дон* издавался на деньги советского посольства в болгарской столице[47]. О своих контактах с советскими представителями в Софии Кудинов писал и в просьбе о помиловании, которую он направил в Президиум Верховного Совета СССР в 1954 г.[48].

Арест Кудинова положил конец движению самостийников в Болгарии. Казачьи станицы, присоединившиеся в середине 1930-х годов к Союзу казаков-националистов в Болгарии, в 1939 г. начали восстанавливать свое членство в тех общеказачьих организациях, которые считали себя неотъемлемой

частью русского народа. В съезде донских казаков в Болгарии, который состоялся в декабре 1938 г., участвовали представители 40 хуторов и казачьих групп, что ясно указывает на отношение основной массы болгарского казачества к националистам и их лидеру Павлу Кудинову.

Даже в период своего апогея вольно-казачье движение не обрело массовую популярность среди казаков в Болгарии. Большинство из них относились к самостийникам настороженно. Им не нравились журнальная брань и постоянные склоки между людьми, претендовавшими на роль политических лидеров казачества, отпугивали намеки и слухи о связях вольно-казачьего движения с большевиками. Но, в первую очередь, они не воспринимали идеологию вольного казачества. Несмотря на отрицательное отношение к советской власти, они считали себя неотъемлемой частью русского народа и оставались глубоко связанными с русской культурой, языком, верой и территорией. Идею существования казачьей нации и создания казачьего государства они считали предательством по отношению к своей русской родине.

Несмотря на ограниченное влияние, вольно-казачье движение и его идеология заслуживают более пристального исследовательского внимания. Развитие самостийничества отражает попытки создать новые исторические субъекты, позволяет выявить внешне- и внутриполитические факторы, активно влиявшие на конструирование национальной истории и формирование национального сознания.

Примечания

[1] О движении казаков-самостийников см.: *Крикунов П.Н.* Казаки между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. М., 2005; *Борисёнок Е.Ю.* Формирование политической программы русского казачества в условиях эмиграции в Чехословакии (1920–е — начало 1930-х годов) // Славяноведение. 1996. № 5. С. 18–29; *Она же.* «Казакия — наша цель»: эмигрантские споры о казачьей государственности // Родина. 2004. № 5. С. 100–104; *Кириенко Ю.К.* Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.) // Вопросы истории. 1996. № 10; *Ратушняк О.В.* Вольно-казачье движение за рубежом (1920–1930-е гг.) // Клио. Журнал для ученых. СПб., 1999. № 2 (8). С. 212–217.

[2] *Горлова И.И., Чумаченко В.К.* Казачье литературное зарубежье // Наследие веков. 2015. № 2. С. 116–122; *Гареева Д.М.* История возникновения журнала «Вольное казачество» // Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых. Традиции и новаторство. Т. VII. Уфа, 2016. С. 179–186.

[3] Возможно, что из-за нехватки архивных материалов этот вопрос всё ещё остается вне поля зрения болгарских исследователей российской эмиграции. О казачьей эмиграции в Болгарии см.: *Даскалов Д.А*. Бялата емиграция в България. София, 1997; Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция, София, 23 и 24 септември 1999 г. / ред. проф. Г.М. Марков. София, 2001; *Кьосева Ц.Л.* България и руската емиграция 20–50-те години на XX век. София, 2002.

[4] После того, как в организации произошел раскол, руководители второго центра вольно-казачьего движения начали замалчивать роль Быкадорова и основоположником движения называли Михаила Фёдоровича Фролова.

[5] *Крикунов П.Н*. Казаки между Гитлером и Сталиным… С. 48–49.

[6] Подробнее о П.Н. Кудинове см.: *Вълчев Г.Г.* Бялата емиграция във Видинска област. Видин, 2007; *Илчева Р.В.* После «Тихого Дона»: герои М.А. Шолохова в Болгарии // Болгария и Россия (XVIII–XXI вв.). Стереотипы: возникновение, бытование, разрушение / под ред. И.И. Калиганова, Р. Дамяновой. М., 2019. С. 237–265; *Кузнецов Ф.Ф*. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. М., 2005 (URL: http://feb-web.ru/feb/sholokh/critics/ksp/ksp-001b.htm- (дата обращения: 26.01.2022)).

[7] *Вольное казачество — Вільне козацтво.* Прага, 1931. №№ 77–84/85 (март–июль) (URL: https://vtoraya-literatura.com/publ_1602.html (дата обращения: 03.02.2022)).

[8] Кроме Кудинова и Егорова, в журнале трудились Ф. Бабкин (София), И. Кузнецов (Ески Джумая), С. Поляков (Варна), С.А. Гринкин (Велико Тырново) и Д.Ф. Князев (Сливен). — *Вольное казачество — Вільне козацтво.* Прага, 1934. № 150 (URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/volnoe_kazachestvo_150_1934__ocr.pdf (дата обращения: 03.03.2022)). Больше сотрудников, чем в Болгарии, журнал имел только во Франции.

[9] *Крикунов П.Н.* Казаки между Гитлером и Сталиным… С. 53.

[10] Письма Т. Старикова П. Кудинову, 2, 8, 12 июня 1930 г. (Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 1307К. Оп. 1. А.е. 7. Л. 2–6).

[11] Письмо С. Балыкова П. Кудинову, 12.12. 1933 г. (ЦДА. Ф. 1307К. Оп. 1. А.е. 7. Л. 43).

[12] Письмо члена Малого Круга П. Кудинова И. Билому, 25 декабря 1933 г. (ЦДА. Ф. 1307К. Оп. 1. А.е. 9. Л. 1).

[13] *Вольное казачество — Вільне козацтво.* Париж, 1935 (25 апреля). № 173. С. 18 (URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/volnoe_kazachestvo_173_1935__ocr.pdf (дата обращения: 07.02.2022)).

[14] ЦДА. Ф. 1307К. Оп. 1. А.е. 7. Л. 67.

[15] Там же. Л. 45.

[16] В архиве сохранилась интересная статья инж. Даниила Ерёменко, брата одного из руководителей чешских самостийников, под заглавием «В ответственный час». В ней автор заявляет о необходимости выбрать главой организации человека, который не принадлежит ни к одному из двух центров вольных казаков,

и выдвигает кандидатуру Павла Кудинова: «Его не забыло ещё рядовое Казачество, казачий народ […] это лицо могло бы разрешить безболезненно наш внутренний кризис и объединить нас. Его имя безусловно могло бы внести перелом в отношении к Вольному Казачеству многих и многих рядовых казаков, ещё не примкнувших к нам…» (ЦДА. Ф. 1307К. Оп. 1. А.е. 13. Л. 19).

17 ЦДА. Ф. 1307К. Оп. 1, А.е. 7. Л. 37 об.

18 Накануне выборов Балыков писал Кудинову: «Постарайтесь увидеть[ся] и поговорить с дядей и определенно узнайте […] — будет ли с его стороны определенное содействие в смысле укрепления материальной базы для жизни и работ» (ЦДА. Ф. 1307К. Оп. 1. А.е. 7. Л. 45). Кого имел ввиду Балыков, установить не удалось. Скорее всего, этот псевдоним обозначал спонсора / спонсоров движения.

19 «Братиславская группа работников “Казакии” в течение полутора лет работы довольно сильно истощилась и в финансовом отношении, да и слишком утомлена, работники в Праге довольно заняты, из-за чего не могут проявить максимум энергии. Люди в Париже совершенно не обеспечены материально, и на том основании от них невозможно ждать проявления должной энергии в работе», — писали Кудинову из Чехословакии (ЦДА. Ф. 1307К. Оп. 1. А.е. 7. Л. 37–38).

20 Один из руководителей самостийников Г. Ерёменко писал Кудинову: «Ваше сообщение, что ежемесячный выход журнала обеспечен, здесь рассматривается как получение субсидий от дяди». (ЦДА. Ф. 1307К. Оп. 1. А.е. 7. Л. 48).

21 В 1930 г. Ф. Оболенский участвовал в создании культурно-просветительного благотворительного братства «Софийская казачья станица», в уставе которого было записано, что оно прочно сохраняет политическую независимость. Несколько лет спустя, в 1936 г., он был избран атаманом Софийской национально-казачьей станицы, которая являлась частью Союза казаков-националистов в Болгарии (Казакия. Октябрь 1936. № 10 (16). С. 4).

22 Казакия. Февраль-март 1936. № 3–4 (9–10). С. 24.

23 Статьи С.А. Фёдорова под общим названием «Казачья нация» выходили в каждом номере. Редакция придавала им особое значение, и они всегда публиковались сразу после передовой статьи журнала.

24 С 1936 г. в журнале заметно возросло количество материалов, в которых выражалось сочувствие Германии, Японии и в целом антисоветскому лагерю, который лидеры самостийничества считали естественным союзником казаков в их борьбе за свои национальные права.

25 Казакия. Ноябрь 1935. № 1 (7). С. 1.

26 ЦДА. Ф. 1707К. Оп. 1. А.е. 7. Л. 48.

27 Так, казачья станица г. Бургаса, созданная ещё в 1922 г., в середине 1930-х годов вошла в Союз казаков-националистов П. Кудинова. Но когда Кудинова арестовали и влияние вольных казаков в Болгарии пошло на убыль, казаки Бургаса открестились от него и вошли в Союз казаков в Болгарии, который относился отрицательно к идеям самостийничества (ЦДА. Ф. 264К. Оп. 2. А.е. 8298. Л. 32, 12).

28 *Вольное казачество — Вільне козацтво.* Париж, 1935 (25 апреля). № 173. С. 19 (URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/volnoe_kazachestvo_173_1935__ocr.pdf (дата обращения: 07.02.2022)).

[29] Казакия. Август 1936. № 8 (14). С. 24. В 1936 г. членами союза стали пять новых станиц: в Стара Загоре, Бургасе, Горна Оряховице, Казанлыке, Кюстендиле.

[30] Казакия. Октябрь 1936. № 10 (16). С. 22–23.

[31] ЦДА. Ф. 1307К. Оп. 1. А.е. 7. Л. 51.

[32] *Кузнецов Ф.Ф.* «Тихий Дон»: судьба и правда… С. 226 (URL: http://feb-web.ru/feb/sholokh/critics/ksp/ksp-001b.htm- (дата обращения: 03.02. 2022)).

[33] О возникших двух лагерях в казачьей станице в г. Тырговиште см.: Казакия. Январь 1936. № 2 (8). С. 36.

[34] Казакия. Октябрь 1936. № 10 (16). С. 24. После этих мер А. Лаврухин вместе со своим сыном сформировали новую казачью станицу — Разинскую, которая признала И. Билого лидером вольно-казачьего движения.

[35] Распоряжение председателя Центрального правления П. Кудинова, 22 декабря 1936 (Казакия. Декабрь 1936 — январь 1937. № 11–12 (17–18). С. 34).

[36] Вольный Дон. Ноябрь 1937. № 2. С. 1.

[37] Декларация Окружного правления Союза казаков-националистов (Вольный Дон. Ноябрь 1937. № 1. С. 12).

[38] Вольный Дон. Май 1938. № 3. С. 1.

[39] Там же. Январь-февраль 1938. № 2. С. 4.

[40] Там же. Ноябрь 1937. № 1. С. 12.

[41] Там же. Май 1938. № 3. С. 10.

[42] ЦДА. Ф. 264К. Оп. 2. А.е. 8328. Л. 78.

[43] [Обращение] «От Донского атамана», 10 ноября 1938 г. (ЦДА. Ф. 264К. Оп. 2. А.е. 8328. Л. 73). Обвиняя Кудинова в пособничестве советской власти, Граббе заявил, что «всё это факты, лично мною проверенные при свидании с возглавителями Правительственных учреждений на местах» (Там же).

[44] Резолюция сьезда представителей донских казаков в Болгарии, 4 декабря 1938 г. (ЦДА. Ф. 264К. Оп. 2. А.е. 8328. Л. 76).

[45] Заявление КПББ (Культурно-просветительское благотворительное братство) «Софийская казачья станица» Министерству внутренних дел и общественного здравоохранения, 10 февраля 1939 г. (ЦДА. Ф. 264К. Оп. 2. А.е. 8328. Л. 30).

[46] Там же. Л. 30, 76.

[47] *Кузнецов Ф.Ф.* «Тихий Дон»: судьба и правда… С. 225–227.

[48] Там же. С. 229.

Глава 4

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА БАЛКАНАХ

DOI 10.31168/7576-0477-0.4.1

Юлия Владимировна
ЛОБАЧЁВА

Женщина в Сербии во второй половине XIX — начале XX вв.: к историографии вопроса

Прежде всего, следует отметить многообразие работ сербских авторов о женщинах в Сербии в XIX–XX вв. Отечественная, российская, литература гораздо скромнее. В целом, поскольку жизнь женщины не проходила и не проходит изолированно, вне жизни сербского государства и социума, то и её освещение в историографии переплетается с рассмотрением центральных проблем и вопросов национальной истории.

Ранее мы уже обращались к современной (начиная с 1990-х годов) сербской литературе, пытаясь прояснить вопрос о том, как авторы подходят к изучению интересующей нас тематики, в связи с какими событиями, проблемами и вопросами сербской истории 1878–1918 гг. исследуется «бытие и быт» сербских женщин. Результатом этого стало краткое рассмотрение некоторых работ по следующим направлениям: историография женского вопроса; биографические труды; изучение положения женщины в контексте модернизации Сербии в XIX–XX вв.; «женская проблематика» в рамках исследований по истории детства, частной жизни и семьи; восприятие сербской женщины и создание её образа «другими»[1]. Тогда же, в 2018 г., увидела свет статья Веры Гудац-Додич, посвященная развитию направления *история женщин* в Сербии. В ней, в частности, проанализирован ряд исследований о сербских женщинах в XIX–XX вв. (в основном монографий и некоторых сборников — в том числе двух по модернизации (1998, 2006), о которых ниже пойдет речь). Сербская коллега упоминает также отдельные труды иностранных авторов[2]. Но, насколько нам

известно, работы российских исследователей ещё не нашли отражения в историографических обзорах.

Основная задача настоящей работы — проанализировать современные сербские и российские исторические исследования, в которых положение и жизнь женщины в Сербии во второй половине XIX — начале XX вв. рассматриваются в контексте модернизационных процессов в стране.

Исследование сербскими учеными процессов национальной модернизации начинается в последней четверти XX в.[3]. Крупный проект по этой проблеме был инициирован в Институте новейшей истории Сербии в 1992 г.

В 1994 г. при участии исследователей из других научных учреждений была проведена конференция «Сербия в модернизационных процессах XX века»[4]. В основе её замысла лежало, в частности, намерение «совместно с другими учеными попытаться определить характерные черты модернизации в Сербии в XX в. и подвести её итог, представить пребывающему в плену мифа обществу и источники развития, и факторы застоя и драматичных провалов. И в то же время призвать историческую науку встретиться лицом к лицу с собственным консерватизмом и ограниченностью собственной стратегии»[5]. А также способствовать преодолению негативных последствий войны в Югославии для сербского общества, ибо «попытка хотя бы обозначить главные характеристики модернизационных процессов в Сербии XX в. — лучший способ эти процессы продолжить там, где они были прерваны, и разорванные нити связать по-новому, обогатившись достаточно убедительными знаниями и о других, и о себе, прежде всего»[6].

К конференции был подготовлен и издан объемистый сборник материалов под редакцией Латинки Перович, Марии Обрадович и Дубравки Стоянович[7]. В нём процессы модернизации сербского общества представлены в междисциплинарном ключе, что отражает и характер самого феномена модернизации. В коллективе из 37 авторов — 26 историков, три юриста, один социолог, два политолога, два экономиста, один философ и один этнолог[8].

При этом, как указывалось во вступительном слове, научная конференция задумывалась как начало планомерного изучения модернизационных процессов, витальных для сербского общества. «Многое еще предстоит в разработке теоретических вопросов модернизации и моделей её исследования. Авторы материалов в этой книге и сами не имеют ясного представления о модернизации. Но большинство под модернизацией понимают развитие целого или сегмента общества, технический и моральный (духовный) прогресс. [...] Модернизация суть драматичный процесс, конечная цель которого — осуществление прав человека, достижение более высокого качества жизни отдельного человека, который общественному и государственному объединению дает силу выдержать конкуренцию с другими объединениями и обществами и сохранить свою узнаваемость среди них. Во всяком случае, ясно, что модернизация означает движение от патриархального, закрытого общества к современному, открытому обществу»[9].

Некоторые авторы (их было меньшинство) попытались через призму модернизации проследить всю эпоху — от создания югославянского государства до его распада. Большая же часть работ была посвящена изучению отдельных сюжетов, которые, взятые вместе, создавали представление о целом. В их числе: аграрная структура, развитие индустрии, политика в сфере науки и культуры, социальное законодательство и учреждения, политические партии, армия, элита, церковь, положение женщины, этнические отношения, внешнеполитические рамки и ориентации[10].

В указанной книге две работы имеют прямое отношение к теме нашего исследования. Первая — это статья Любинки Трговчевич «Образование как фактор модернизации Сербии в XIX веке (Попытка анализа)», в которой рассматриваются основные вехи развития образования (в том числе очень пунктирно и женского), роль в этом процессе государства и отклик общества[11].

Вторая, о ней мы скажем подробнее, — работа Бранки Прпа-Йованович «Процессы модернизации и положение женщины

в Сербии в XIX — первой половине XX века»[12]. В ней автор попыталась в целом обрисовать положение женщин в сербском обществе в контексте модернизационных процессов. При этом проблема реконструируется через краткое рассмотрение отдельных её «показателей» на «фактографической прямой» (положение в семье и обществе, правовой статус, образование, женский вопрос и женское движение), а попытка воссоздать «социально-психологический портрет» предпринята на основе изучения сербских реалий XIX — начала XX вв.

Исследовательница, в частности, отмечает, что результатами развития сербского общества в XIX в. стали «строительство национального государства, учреждение демократических институтов, развитие экономики и ускоренный процесс урбанизации». В то же время — и в начале XX в., в 1905 г., крестьянство составляло 87,31 % от всего населения, и село при этом было неразвито, «оставалось закрытым в своей самодостаточности, без внутренних и внешних побуждений к модернизации», а элита, «способная к восприятию современных европейских идей», как выяснилось, «с трудом искореняла ту систему ценностей, на которой основывалось патриархальное сознание. Не только потому, что в своих просветительских усилиях должна была столкнуться с 77 % неграмотного населения, но и потому, что пыталась сохранить некоторые основные ценности патриархального общества»[13].

Подобная раздвоенность, по мнению автора, приводила к созданию «модернизационных суррогатов во многих сегментах общественной жизни», соответственно к невозможности трансформации общества в его «нуклеусе». «Самый характерный пример этого можно найти в сфере семейных отношений, особенно в социальном, экономическом и правовом положении женщины. И если иметь в виду тот факт, что модель семьи строится в соответствии с системой общества в целом, тогда эта сфера становится одним из наиболее важных показателей глубины модернизационного проникновения в общественную ткань»[14].

Развивая эту мысль, Прпа-Йованович указывает, что модернизационная трансформация, как показал опыт индустри-

альных обществ, «невозможна без преобразования семейной организации». При этом патриархальной форме семьи противопоставлялся эгалитарный тип семейной организации, подразумевавший, в частности, и упразднение мужского доминирования в семье и обществе, и изменение положения женщины, которая обретает «право на самореализацию и социализацию».

И далее, продолжает автор, «если мы возьмем эти основные предпосылки модернизационного преобразования общества в качестве показателя степени трансформации сербского общества в XIX и первой половине XX в., то получим плохие результаты. […] Сербия XIX в. в самом своем фундаменте глубоко патриархальна». Положение женщины — прямое тому доказательство[15]. Причем её «общественная некомпетентность» и неравноправие определялись и Гражданским кодексом, действовавшим на территории Сербии в 1844–1941 гг. Особенно дискриминированы были замужние женщины. Политических прав (активное и пассивное избирательное право) женщина была также лишена. «Сербское законодательство институциализировало социальную маргинальность женщины, сделав ее объектом, а не субъектом общества»[16].

Переходя к вопросу об отношении общественности к сложившейся ситуации, автор отметила, что существовавшая патриархальная система ценностей вызывала в сербском обществе и критику, прежде всего, со стороны «левых». За полное равноправие женщин выступали сербские социалисты, в частности, Светозар Маркович (1846–1875), который ставил этот вопрос в статьях в 1871–1872 гг.[17]. Однако борьба за равноправие женщин развернулась уже в XX в., когда возникло женское движение (оно получило размах после создания Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г.[18]). На протяжении XIX в. в Сербии не существовало женского движения, которое бы «на общественном уровне подняло проблему положения женщины». Вместе с тем, как указывает автор, первой женщиной-борцом за женские права можно считать поэтессу и актрису Драгу Димитриевич-Деянович (1840–1871)[19]. Немногочисленные обра-

зованные сербки свою общественную деятельность направляли на создание организаций гуманитарного характера (к примеру, «Женского общества» (1875 г.), «Круга сербских сестер» (1903 г.)). В 1903 г. было основано первое женское рабочее общество — «Сознание», артикулировавшее женский вопрос в рамках женского рабочего движения; в 1910 г. организацию акции в пользу эмансипации женщин начали «левые», основав Секретариат женщин социал-демократок[20].

Приводя эти факты из статьи, свидетельствовавшие, помимо прочего, и о начале некоторых социальных изменений в Сербии, заметим, что и вне упомянутого выше проекта Института новейшей истории Сербии исследователи будут обращаться к истокам женского вопроса в сербском обществе (в частности, к деятельности в этом направлении Омладины — Объединенной сербской молодежи[21] и взглядам Д. Деянович и С. Марковича[22]), а различные аспекты истории женских организаций, деятельности женщин и женского движения в Сербии станут объектами ряда работ[23].

Возвращаясь к статье Бранки Прпа-Йованович, отметим еще три примечательных тезиса, касающихся положения женщин в Сербии и их эмансипации. Первый: «Неспешность, с которой в сербском обществе решалась проблема положения женщины, в то же самое время не означала задержки процесса её эмансипации». «Если бы я попыталась в истории женского вопроса определить ключевой момент, открывший женщине двери для общественного роста, это непременно был бы её доступ к образованию. Систематическое обучение не только научило женщину грамоте и сделало для нее возможной социальную коммуникацию, но, прежде всего, позволило освоить самостоятельные профессии, которые проложили дорогу ее экономической независимости», — пишет автор[24].

Второй тезис отражает попытку реконструировать социально-психологический портрет сербской женщины. При этом автор замечает, что «без исторических источников его вообще тяжело разглядеть», но, тем не менее, следует иметь в виду следующее: «Сербское общество в XIX — начале XX вв. харак-

теризуют очень краткие промежутки мира. Это период, когда Сербия завершает свой национальный проект и из крестьянина создает воина. Изнутри её сотрясают восстания, политическая борьба и насильственные смены династий. В таких условиях было мало простора для того, чтобы социальные отношения строились по образцам гражданского мира Европы ("gradjanski svijet Evrope")». И, заключает Прпа-Йованович, «поэтому сербскую женщину в социально-психологическом смысле формируют войны и жесткие патриархальные нормы. Она, впрочем, и не имеет другой альтернативы, кроме как принять доминирование мужчины и общественное устройство по его мерке. Как субъект общества в таких обстоятельствах она функционирует на уровне персоны, о которой кто-то заботится, или, точнее, она принадлежит к массе той части населения, которая ничего не решает»[25].

Данное рассуждение подводит и к третьему тезису — резюмирующей мысли о взаимосвязи и взаимовлиянии развития общества (его модернизации) и отдельной личности (женщины и её эмансипации): «Индивидуализация и социализация женщины разворачиваются через процесс её собственного самоосознания и пробуждения сознания общества в целом. Оба процесса взаимозависимы, и начало одного предполагает существование другого. Если одним из ключевых требований современных обществ ("moderno društvo") была свобода мужчины, тогда это предполагало и свободу для женщины. Как выяснилось, невозможно развивать общество, если женщина не эмансипируется в социальном, экономическом и культурном смысле. Этот урок сербское общество постигало медленно, но в конце его, как и все остальные, было вынуждено выучить»[26].

Мы довольно подробно рассмотрели статью Бранки Прпа-Йованович, поскольку считаем её интересной и значимой для изучения и понимания вопроса о положении женщины в Сербии, являющегося частью более широкой проблемы особенностей развития и модернизации сербского общества в XIX–XX вв. Помимо некоторых очевидных сторон или «по-

казателей» этого положения (и связанного с ним вопроса об отношении к нему в обществе), отмеченных автором, которые, как мы увидим, будут более детально исследованы, интересен и представленный менее явный его аспект — социально-психологический. Здесь возникает и подмеченный автором вопрос об источниковой базе, который, добавим от себя, может возникнуть и при изучении других сторон интересующей нас проблемы[27]. Не менее важно исследовать, как видят и воспринимают сербскую женщину «со стороны» и как она сама себя видит и / или осознает[28].

Данную работу Прпа-Йованович, вероятно, можно считать точкой отсчета в исследовании положения женщины в контексте изучения модернизации в Сербии в XIX–XX вв.; в ней обозначен или намечен тот ракурс исследования модернизации в Сербии — положение женщины как критерий этого процесса, который будет применен далее в проекте[29].

В ходе изучения модернизации в 1998 г. был опубликован сборник материалов «Сербия в модернизационных процессах XIX и XX веков. 2. Положение женщины как критерий модернизации» (под редакцией Л. Перович[30]) и проведена вторая конференция. На сей раз внимание исследователей целиком концентрировалось на положении женщин, изучение которого давало возможность глубже исследовать жизнь сербского общества в целом[31]. Хотя речь шла «о группе, которая, по определению, была всегда дискриминирована», авторы, на наш взгляд, считали необходимым верифицировать это заключение, сосредоточившись на освещении положения женщин в разных сферах.

Тематическое содержание книги составили следующие группы вопросов: законодательство; образование; институты государства и общества (двор, церковь, армия); государственные женские учреждения; национальные движения и организации; село и город: мир труда и семьи; профессиональные права и профессиональные организации, творчество и творцы; политика и политическая жизнь; война; общественное мнение, пресса о женщине и женская пресса; представления

о женщине и женском вопросе; личности; представительницы других национальностей; женщины в истории и история женщин (методологические подходы к изучению). Каждой из этих групп, по замечанию Л. Перович, «могли бы быть посвящены отдельные научные конференции, сборники трудов, авторские и коллективные монографии». «Наш замысел, — отметила Перович, — обозначить проблемы и поставить вопросы, на этот раз мы удовлетворены их частичным исследованием, а где-то и только намеченными эскизами и информацией»[32]. По всей видимости, начальная стадия исследования проблематики объясняла отсутствие (как и в первой книге) общего заключения о положении женщины и процессах модернизации.

Помимо конкретизации тематики, временны́е границы исследования были расширены, распространившись на XIX в., чему давалось следующее объяснение: «В XX в. сербский народ живет в югославянском государстве, и очень трудно выделить характеристики модернизационных процессов, через которые проходит только он. В XIX в. сербский народ обретает государственную независимость, создает собственное законодательство и организовывает собственные учреждения. В то же время это — начало эмансипации женщины, её образования и выхода за границы дома и семьи. Следовательно, и с глобальной, и с частной точек зрения было бы неоправданным ограничиваться только XX веком»[33].

Междисциплинарность как общий основной подход исследования сохранялась: среди 47 авторов 29 историков, четыре юриста, три социолога, два педагога, три историка-литературоведа, четыре политолога, один психолог и один театральный режиссер.

По содержанию книгу можно разделить на следующие проблемно-тематические блоки, позволяющие охарактеризовать положение женщин в Сербии в XIX — начале XX вв.:

1) правовое положение женщин рассматривается в статьях «Правовое положение женщины согласно Сербскому гражданскому кодексу (1844–1946)» (авторы — Мария Драшкович, Ольга Попович-Обрадович) и «Уголовно-правовая защита

женщин в XIX и XX вв.» (Весна Николич-Ристанович)[34], а также затронуто, в частности, в статье Д. Стоянович «Женщины “в понимании нашего народа”. Женщины-профессионалы в Сербии. 1903–1912»[35]);

2) история женского образования представлена четырьмя статьями: «Индифферентное отношение к обучению девочек в Сербии XIX в.» (Неделько Трнавац)[36], «Обучение женской молодежи в Сербии до 1914 г.» (Мая Николова)[37], «О студентках из Сербии в зарубежных университетах до 1914 г.» (Л. Трговчевич)[38], «Современность и патриархальность сквозь призму государственных женских институтов: Высшая женская школа (1863–1913)» (Л. Перович)[39];

3) положение женщин в сербском обществе также привлекли внимание нескольких авторов. Ана Столич рассматривает историю сербского королевского Двора в 1880–1903 гг. и некоторые стороны жизни женщин, тем или иным образом с ним связанных[40]; Миле Белаяц сосредоточился на положении жен офицеров[41], Мирослав Перишич — на жизни женщин в сербском провинциальном городе[42]. В сборнике нет отдельной работы о сербской женщине-крестьянке в XIX — начале XX вв., однако некоторое представление о том, какими были её положение и будни, дают исследование Момчило Исича «Женщина в сельской семье в межвоенной Сербии»[43] и отчасти Н. Трнавца в упомянутой выше статье «Индифферентное отношение к обучению девочек в Сербии XIX в.»[44].

Дополняют общее представление статьи о сербках, проживавших за пределами Сербии изучаемого периода, и женщинах других национальностей. Эти сюжеты рассмотрены Милутином Фоличем («Общественное положение женщины в Южной Сербии во второй половине XIX и в начале XX вв.», где речь идет о сербских и албанских женщинах в Косово и Метохии[45]), Горданой Трипкович («Материнство и модернизация в сербской семье в Воеводине»[46]) и Йованкой Веселинович («Женщина-еврейка в Белграде со второй половины XIX в. до Второй мировой войны»)[47]. Два исследования посвящены судьбам выдающихся женщин того времени: София Божич представила

работу «Милица Томич*: стремление к современному»[48], а Аня Суша — статью «Мага Магазинович** и круг занятий современной женщины»[49];

4) Роль женщины в социальной, общественной и культурной жизни Сербии привлекла внимание Милоша Неманьича (статья «Сербские женщины как часть творческой интеллигенции: от начала создания независимого государства до 1920 г.»)[50] и Ве́сны Матович «Женская литература и сербский модернизм — консенсусы и конфликты»[51]. Эта тема затронута также и в упомянутых выше статьях С. Божич и А. Суши.

Добавим, что в отдельных работах упоминается или кратко рассматриваются общественная деятельность женщин, их участие в жизни социума (и самих женщин), в том числе в образовательных организациях (к примеру, в Высшей женской школе в Белграде и др.)[52] и различных женских обществах (благотворительных, рабочем и др.) и прессе[53];

5) Положение женщины в сербском обществе как проблема (реакция общества, женский вопрос, женское движение) более или менее подробно представлено в статьях Витомира Вулетича «Объединенная сербская молодежь и общественное положение женщины»[54], Драгана Суботича «Гражданские и социалистические представления о женском вопросе в Сербии (XIX–XX вв.)»[55], Славолюба Цветковича «Борьба за равноправие и равенство женщин как часть классового и модернизационного процесса в Сербии»[56], Д. Стоянович «Женщины “в понимании нашего народа”. Женщины-профессионалы в Сербии. 1903–1912»[57], а также в статьях С. Божич и А. Суши[58].

Отметим, что представленные в данном сборнике исследования расширяют и углубляют представления о положении

---

* Томич Милица (1859–1944) — родилась в Нови-Саде; занималась политикой, журналистикой, публицистикой; видная сербская феминистка, выступала за просвещение и эмансипацию женщин, основательница и редактор журнала и календаря *Жена* (серб. «Женщина») (Нови-Сад, 1911–1921 гг.).

** Магазинович Мага (1882–1968) — родилась в Ужице; первая женщина-журналист в Сербии, выступала за эмансипацию и права женщин, преподавала в Первой женской гимназии, основала танцевальную школу в Белграде в 1910 г., развивала балетное искусство (современный танец).

женщин, а соответственно, и о сербском обществе в целом, в XIX — начале XX вв. В части работ (например, Л. Перович, Д. Стоянович, М. Перишича, С. Божич, А. Столич) в той или иной степени отражено столкновение модернизационных и модерных (современных) тенденций и традиционных (патриархальных) ценностей и представлений, существовавших в сербском социуме и проявлявшихся также и в положении и жизни женщин.

Статьи (это отмечено и во вступлении) различаются по широте охвата и глубине изучения того или иного вопроса. Авторами более или менее подробно рассмотрены различные аспекты положения женщин в Сербии и за её пределами, что позволяет объемнее представить жизнь сербских женщин в целом. Некоторым сюжетам уделено, однако, гораздо меньше внимания: к примеру, положению и жизни женщины на селе в XIX — начале XX вв. или в сербской столице. Фрагментарно представлены, в частности, взгляды общества и самих женщин на женский вопрос, а также профессиональная и общественная деятельность женщин. Отдельные сюжеты, возможно, явятся предметом будущих исследований.

Подготовка третьего сборника, посвященного роли элит в процессах модернизации — «Сербия в модернизационных процессах XIX–XX вв. 3. Роль элит», велась исследователями уже вне Института новейшей истории Сербии, а его публикации в 2003 г. способствовало Министерство иностранных дел Франции[59]. В нем, за одним исключением*, непосредственно не затрагивается положение сербских женщин во второй половине XIX — начале XX вв., однако читатель получает представление о широком политическом, социальном и культурном фоне, на котором протекали их жизнь и деятельность.

* В исследовании Весны Матович «Литература сербского модернизма и патриархальное и фольклорное наследие» затронуты взгляды и работы художницы Надежды Петрович (1873–1915) и писательницы Исидоры Секулич (1877–1958) (См.: *Matović V.* Književnost srpskog modernizma i patrijarhalno i folklorno nasleđe // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 3. Uloga elita / [ur. L. Perović]. Beograd, 2003. S. 217–259).

Решению этой задачи способствуют и некоторые исследования из четвертого сборника «Сербия в модернизационных процессах XIX и XX вв. 4. Женщины и дети», опубликованного Хельсинским комитетом по правам человека в Сербии в 2006 г.[60], а именно: Л. Перович «Сербия в модернизационных процессах XIX и XX вв.»[61], Оливеры Милосавлевич «Отец — гений — любимец: Культ правителя — самая устойчивая модель воспитания детей»[62], Александры Вулетич «Отцы и сыновья: попытка сравнения поколений в Сербии XIX века»[63] и Андрея Леонидовича Шемякина «"Мир детства" сербов в путевых записках П.А. Ровинского»[64]. Заметим, что в последних двух статьях затрагивается тема образования в Сербии в XIX в., а в работах Л. Перович и А.Л. Шемякина вопрос воспитания детей.

К освещаемому нами сюжету в данном тематическом сборнике непосредственно относится статья Д. Стоянович «В тени "большого нарратива": здоровье женщин и детей в Сербии в начале XX в.»[65]. Автор указала, что процесс модернизации предполагал принципиальную смену приоритетов: «от коллективной и империалистической системы ценностей к новому идеалу, в центре которого — человек, отдельная личность».

Как указывается далее, на рубеже XIX–XX вв. сербская политическая элита большую часть своих возможностей вложила в «политическую модернизацию и постоянные попытки завершить процесс, как тогда говорили, национального освобождения и объединения». Вопросы развития общества были оттеснены: приоритетное значение придавалось политическому прогрессу. При этом, по замечанию Стоянович, «имеются доказательства того, что элита в неразвитости общества усматривала гарантию успешного осуществления его национальных целей». В итоге — в сербском обществе в десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне, существенные перемены не наблюдались. В то время представители руководящей элиты не рассматривали здоровье женщин и детей как важную проблему, хотя специалисты, врачи, регулярно констатировали его плохое состояние в своих периодических изданиях, а многие болезни обретали масштабы эпидемий[66].

Подытоживая изложенное, обратимся к выводам авторитетной Латинки Перович. Характеризуя изучение модернизационных процессов в Сербии в XIX и XX вв. в рамках проекта, исследовательница отметила его фрагментарность — и с точки зрения хронологии, и в плане охваченности всех аспектов исследуемых проблем. В частности, работы, представленные в книгах 1998 и 2006 гг., не дают целостного представления о положении женщины, его изменениях на протяжении двух веков и всех характеристиках этого процесса[67].

Касаясь вовлеченности зарубежных историков в проблематику сербской модернизации, Перович указывает, что ни в иностранной, ни в национальной историографии нет обзора работ российских историков среднего и более молодого поколения (Л.В. Кузьмичёвой, К.В. Никифорова, Я.В. Вишнякова и особенно А.Л. Шемякина). А между тем их исследования (Перович особо отмечает проект Института славяноведения РАН «Русские о Сербии и сербах»[68]: к моменту написания ею статьи был опубликован первый том антологии) «создают основу для компаративной историографии», «для сравнения *русского взгляда* с *западноевропейским взглядом* (Е. Лавеле, Ф. Каниц) на модернизацию Сербии»[69]. Сама Перович в цитируемой работе неоднократно обращается к первому тому труда «Русские о Сербии и сербах» и к российской историографии.

Соглашаясь с приведенным мнением Л. Перович о степени изученности положения женщины, необходимо, тем не менее, подчеркнуть, что и уже полученные в процессе изучения модернизации и положения женщин в Сербии результаты, несомненно, весьма существенны для расширения нашего представления о жизни женщин в XIX — начале XX вв., их месте и роли в сербском социуме, как и о нем самом, а также о возможных направлениях дальнейших исследований проблемы.

Изучение разных аспектов «бытия и быта» женщин было продолжено за рамками проекта по модернизации. Наряду с отмеченными ранее работами[70], рассматривались, в частности, женское движение и история появления и деятельность

различных женских организаций[71]; в последние годы появились исследования об отдельных представительницах женского мира, тяготеющие к жанру исторической биографии[72].

* * *

В России исследование процессов модернизации в Сербии происходило, в частности, в рамках крупного научного проекта Института славяноведения РАН «Человек на Балканах» (начало 2000-х — 2016 г.), горячими протагонистами и руководителями которого были Ритта Петровна Гришина и Андрей Леонидович Шемякин. Проект был, в частности, нацелен на изучение модернизационных преобразований в балканских странах, что давало возможность компаративного рассмотрения. Подробное описание проекта было представлено его руководителями в статьях, опубликованных в 2014, 2016 и 2017 гг.[73]; упоминался или рассматривался проект и другими учеными[74]. В ходе реализации проекта были изданы семь сборников статей, где освещались, в частности, политические, экономические и социокультурные «измерения» модернизации[75], коллективная монография[76], индивидуальная монография Р.П. Гришиной о модернизации в Болгарии[77]. К сожалению, преждевременный уход из жизни А.Л. Шемякина в 2018 г. не позволил реализоваться его намерению подготовить монографию «Человек на Балканах. Очерки истории модернизации независимой Сербии (1878–1914)»[78].

В работах о Сербии, опубликованных в рамках проекта, вопрос о положении и жизни сербских женщин специально не рассматривался, но отдельные его аспекты затрагивались. Так, в исследовании Людмилы Васильевны Кузьмичёвой «Балканские принцессы в семье европейских монархов (К вопросу о признании равнородности черногорской и сербской династий)», основанном на документах Государственного архива Российской Федерации, речь, в частности, шла о судьбе сербской принцессы Елены Петровны Карагеоргиевич (1884–1962), ставшей в 1911 г. супругой князя Иоанна Константиновича Романова (1886–1918)[79].

В статье Ярослава Валериановича Вишнякова «Последние Обреновичи в Сербии глазами русских наблюдателей», источниками для которой явились, помимо прочих, свидетельства, в том числе и неопубликованные, российских дипломатических, полицейских и военных агентов, очевидцев событий в Белграде и Сербии в конце XIX — начале XX вв., рассматриваются некоторые обстоятельства правления и жизни последних представителей сербской династии Обреновичей — Милана и Александра, супругами которых были Наталия и Драга*. Исследованы обстоятельства и последствия убийства (в результате заговора) королевской четы, Александра и Драги, 29 мая 1903 г.[80]. Заметим, что правление и судьбы последних Обреновичей ранее уже освещались в отечественной историографии в исследовании Светланы Ивановны Данченко о становлении независимого сербского государства в 1878–1903 гг.[81].

Некоторым аспектам образования и воспитания детей в Сербии уделено внимание в работах А.Л. Шемякина, опиравшегося, в частности, на свидетельства русских очевидцев и современников. Так, рассматривая развитие системы начального образования в статье «Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность», он затронул вопрос и об отношении общества к образованию, в том числе, вскользь, женскому[82]. Сюжет о воспитании («героическом», патриотическом) детей представлен и в других его работах[83].

Как видим, в рассмотренных публикациях серии «Человек на Балканах» жизнь женщин в Сербии во второй половине XIX — начале XX вв. предметно представлена следующим образом: судьбы представительниц сербских династий, воспитание и образование детей в Сербии.

---

* Обренович Милан (1854–1901) — князь (1868–1882) и король (1882–1889) Сербии; Обренович Александр (1876–1903) — король Сербии (1889–1903); Обренович Наталия (1859–1941) — урожденная Кешко, сербская княгиня (1875–1882) и королева (1882–1888); мать Александра Обреновича; Обренович Драга (1866–1903) — урожденная Луневица, в первом браке Машин, королева Сербии (1900–1903).

На изучение положения женщин нацеливалось и новое поколение исследователей в Институте славяноведения. В 2000 г. А.Л. Шемякин стал научным руководителем аспирантки Ангелины Анатольевны Румянцевой. Была утверждена тема кандидатской диссертации — «Женский вопрос как критерий модернизации Сербии. Середина 1860-х — 1914 гг.». В 2003 г. вышла статья Румянцевой «Положение сербских женщин в 1860-е годы (по свидетельству П.А. Ровинского)» — первое, насколько нам известно, российское исследование положения женщин в Сербии в контексте модернизации сербского общества и как её критерия[84].

Разделяя точку зрения об «абсолютном преобладании ценностей традиционного характера» в сербском обществе указанного периода[85], автор сформулировала задачу исследовать положение сербских женщин как «один из важнейших признаков принадлежности общества к тому или иному типу». На основе трудов П.А. Ровинского*, содержащих ценный материал по социальной истории Сербии второй половины XIX в., Румянцева попыталась рассмотреть роль женщины, её представления о своем месте в семье и обществе, правовой статус, уровень образования и профессиональную деятельность[86].

Автор привлекла и другие свидетельства русских современников о Сербии и сербских женщинах, проанализировала работы сербских и российских ученых и представила на этой основе довольно объемную картину жизни сербских женщин на селе и пунктирно в Белграде. Уделено было внимание положению и роли женщины в отдельной семье и задруге (большой патриархальной семье / семейной общине), а также в обществе в целом, затронут вопрос о правовом статусе (в семье и задруге). Румянцева, в частности, констатировала, что «в Сербии не только по обычаю, но и законодательно было установлено главенствующее положение мужчины в браке». При этом «положение женщины в семье решающим образом определяло её статус в обществе в целом. Обычаям и традициям здесь также

* Ровинский Павел Аполлонович (1831–1916) — видный русский ученый-славист, публицист, путешественник. Находился в Сербии в 1868–1869 гг. и в 1878 г.

принадлежала немаловажная роль. В основе сербского общества был заложен приоритет мужских ценностей над женскими. Поэтому и вне семьи взаимоотношения сербов строились на безоговорочном признании превосходства мужчин над женщинами», что выражалось в некоторых нормах, «выглядевших как подчеркнутые знаки уважения ко всем мужчинам со стороны женщин»[87].

Опираясь в основном на свидетельства внешних наблюдателей, Румянцева коснулась также темы «внутреннего мира», «особенностей осознания собственного места в семье и обществе» сербскими женщинами[88]. (Отметим, что подобные свидетельства требуют крайне аккуратного подхода, поскольку, по своей сути отражают, прежде всего, субъективные представления о том, что могла думать или чувствовать сербская женщина, и не всегда тождественны реальности.) Были затронуты вопросы женского образования и жизни женщин в столице. Рассматривая отношение самого слависта к положению сербской женщины, автор подчеркнула его вывод о «негативных последствиях сложившегося в социальной сфере отношения к женщинам. […] Ровинский был убежден, что крайне тяжелое положение женщин приносило вред не только им самим, но и всему сербскому обществу»[89].

По мнению Румянцевой, «ценные объективные наблюдения» Ровинского позволяют «на основе анализа социального статуса сербской женщины как одного из существенных критериев модернизации оценить степень модернизации сербского общества, охарактеризовать его в рассматриваемый период как общество традиционное. Уровень общественной модернизации в Сербии в 1860-е годы был крайне низок, несмотря на значительное политическое развитие страны, что составляло один из главных феноменов развития сербской государственности в последней четверти XIX в.»[90]. К сожалению, кандидатская диссертация Румянцевой подготовлена не была.

В 2013 г. появилась статья кемеровского историка Романа Сергеевича Селезенева «Положение сербской женщины в условиях догоняющей модернизации (вестернизации) глазами

русских наблюдателей (вторая половина XIX в.)», опиравшегося преимущественно на материалы первого тома «Русские о Сербии и сербах» и российские исследования, в частности, работы А.А. Румянцевой и А.Л. Шемякина[91]. В ней положение женщины определялось как «важнейший критерий» сербской модернизации, а главное внимание автор уделил жизни и положению женщин на селе (в семье и задруге) и в городе (Белграде); не обошел он и вопрос о женском образовании. При этом Селезенев с особым интересом отнесся к документальной базе, попытался выявить «специфику источников», критически оценивая свидетельства наблюдателей. В заключение автор пришел к выводу, «что даже к исходу XIX столетия процессы модернизации принципиально не изменили положение сербской женщины, особенно если речь идет о деревне. Да и в городе, при всей заметности тенденций к некоторой эмансипации, традиция лишь видоизменилась, сохранив многие традиционные поведенческие стереотипы, свойственные женщинам патриархального общества»[92]. В 2019 г. Селезенев продолжил прежнюю тему — опубликовал в соавторстве с Юлией Владимировной Ковтуновой новую статью о положении женщин в Сербии во второй половине XIX — начале XX вв.[93]. Однако, к сожалению, авторам не удалось избежать ошибок и неточностей*.

Как видим, российских работ о положении женщины в Сербии в свете проблемы её модернизации в XIX — начале XX вв. крайне мало. В связи с этим отметим, что целесообразно было бы провести более основательное и критическое исследование свидетельств и представлений русских очевидцев и современников о положении и жизни женщин в Сербии. Это могло бы

* Приведем лишь один пример. По сербской конституции 1888 г., пишут авторы, «вводилось всеобщее избирательное право, позволяющее женщине участвовать в политической жизни государства» (*Селезенев Р.С., Ковтунова Ю.В.* Положение женщины в Сербии во второй половине XIX — начале XIX в. и проявление тенденции к эмансипации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441.С. 190). В действительности же это было не так. Согласно конституции 1888 г., «право голоса получали граждане мужского пола, достигшие 21 года и платившие не менее 15 дин[аров] прямого налога в год (ст. 85), а депутатом мог быть избран тот, кто платил не менее 30 дин[аров] (ст. 96)» (*Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия 1878–1903 гг. М., 1996. С. 236).

способствовать расширению и уточнению научных представлений не только о самих русских наблюдателях, но и о сербской женщине и сербском обществе в целом, а, следовательно, и об особенностях модернизационных процессов в Сербии в XIX–XX вв.

Что касается российских исследований «женской» темы во второй половине XIX — начале XX вв., не связанных с проблемой модернизации Сербии, то их, по всей видимости, не так много, чаще они касаются представлений о сербских женщинах[94].

В заключение следует сказать, что данный обзор сербской и российской историографии не претендует на всеохватность и детальный, критический анализ работ — большая часть исследований практически только названа, хотя и требовала бы более пристального внимания и разбора, какие-то работы пока находятся вне нашего поля зрения. Отчасти поэтому оставляем на будущее подведение итогов исследований о сербской женщине в эпоху модернизации, контуры и некоторые особенности широкого поля которых мы попытались представить.

Примечания

1 Подробнее см.: *Лобачёва Ю.В.* Женщины в истории независимой Сербии (1878–1918 гг.) в освещении современной сербской историографии. Обзор // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 3–4. С. 62–75.

2 *Гудац Додић В.* Још једном о развоју историје жена у Србији // Годишњак за друштвену историју. 2018. № 2. С. 63–82.

3 Точкой отсчета сербская исследовательница Л. Перович с основанием считает статью Д. Джорджевича, опубликованную в 1985 г.: *Đorđević D.* Srpsko društvo 1903–1914 // Marksistička misao. 1985. Br. 4. (*Perović L.* Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka. 4, Žene i deca. Beograd, 2006. S. 9). В нашей ранней статье в качестве начала исследований ошибочно указаны 1990-е годы (*Лобачёва Ю.В.* Женщины в истории… С. 64).

4 Вопросы, связанные с модернизацией Сербии, освещались, в частности, и на страницах журнала Института «Токови историје».

5 Reč redaktora // Srbija u modernizacijskim procesima XX. veka: (naučni skup) = Serbia in the Modernization Processes of the 20th Century: (conference) / ured. odb. L. Perović, M. Obradović, D. Stojanović. Beograd, 1994. S. 11.

6 Ibid. S. 12.

7 Srbija u modernizacijskim procesima XX. veka…

[8] Reč redaktora // Srbija u modernizacijskim procesima XX. veka… S. 11.

[9] Ibid. S. 11–12.

[10] Ibid. S. 12.

[11] *Trgovčević L.* Obrazovanje kao činilac modernizacije Srbije u XIX veku (Analitička skica) // Srbija u modernizacijskim procesima XX. veka… S. 217–232.

[12] *Prpa-Jovanović B.* Procesi modernizacije i položaj žene u Srbiji tokom XIX i prve polovine XX vijeka // Srbija u modernizacijskim procesima XX. veka… S. 361–366.

[13] Ibid. S. 361.

[14] Ibidem.

[15] Ibid. S. 361–362.

[16] Ibid. S. 362–363.

[17] Уместно заметить, что С. Маркович обращался к этому вопросу и раньше, например, в работе «Способна ли женщина быть равноправной с мужчиной?» (1870 г.) (*Perović L.* Kako žena vidi sebe u vreme otvaranja «ženskog pitanja» u srpskom društvu // Tokovi istorije. Beograd, 2000. № 1–2. S. 11). Статья Марковича «Освобождение женщин» (1871 г.) была опубликована на английском в 1869 г., а в 1870 г. переведена на польский, французский и немецкий языки (*Božinović N.* Žensko pitanje u Srbiji u XIX i XX veku. Beograd, 1996. S. 39).

[18] О положении женщины после 1918 г., на котором мы здесь не останавливаемся, см.: *Prpa-Jovanović B.* Procesi modernizacije… S. 363–365.

[19] В нашей работе 2018 г. допущена неточность в написании её фамилии. Правильно: Драга Деянович (Draga Dejanović) // *Лобачёва Ю.В.* Женщины в истории… С. 69.

[20] *Prpa-Jovanović B.* Procesi modernizacije… S. 363. Добавим попутно, что вопросы о праве голоса для женщин и их положении возникали и в ходе деятельности Сербского национального женского союза, объединившего в 1906 г. несколько женских гуманитарных организаций, в их числе указанные автором «Женское общество» и «Круг сербских сестер». Подробнее о союзе см., например: *Božinović N.* Žensko pitanje… S. 73–77; *Столић А.* Сестре Српкиње: појава покрета за еманципацију жена и феминизма у Краљевини Србији. Београд, 2015. С. 165–175; *Она же.* Правила Српског народног женског савеза из 1909. године // Мешовита грађа = Miscellanea. 2019. Књ. XL. С. 157–169.

[21] Объединенная сербская молодежь (серб. Ujedinjena omladina srpska) — национальная культурно-просветительская организация с центром в Нови-Саде, действовала в 1866–1872 гг.

[22] *Božinović N.* Žensko pitanje… S. 30–50; *Perović L.* Kako žena vidi sebe… S. 9–18.

[23] См., например: *Mišković N.* «…mit dem Patriotismus der serbischen Dame hat die Welt noch zu rechnen!». Der serbische Frauenverein zwishen Patriotismus und bürgerlicher Wohltätigkeit (1875–1914) // Годишњак за друштвену историју. 1995. Год. II. Свеска 1. С. 64–74; *Božinović N.* Žensko pitanje…; *Савић Ј.* Коло српских сестара — одговор елите на женско питање // Гласник Етнографског музеја. 2009. № 73. С. 115–132; *Станков Љ.* Катарина Миловук (1844–1913) и женскиј покрет у Србији. Београд, 2011; *Милановић Ј.* «Војска милосрђа» // Књиженство: часопис за студије књижевности, рода и културе. 2015. Vol. 5. № 5; *Milanović J.* Odbor gospođa «Kneginja Ljubica» 1899–1942 // Istorija 20. veka.

2015. God. XXXIII. N 1. S. 23–33; *Пековић С.* Часописи по мери достојанственог женскиња: женски часописи у Србији на почетку 20. века. Нови Сад; Београд, 2015; *Столић А.* Сестре Српкиње…; *Стефановић С.* Жене у служби нације и војске (1875–1918) // Књиженство: часопис за студије књижевности, рода и културе. 2016. Vol. 6. N 6; *Milanović J.* Materinsko udruženje — humani i socijalni aspekti delovanja 1904–1941 // Istorija 20. veka. 2018. God. 36. N 2. S. 37–54, и др.

[24] *Prpa-Jovanović B.* Procesi modernizacije… S. 364.

[25] Ibid. S. 365.

[26] Ibidem.

[27] Интересно отметить, что среди источников, к которым в статье обращается автор, есть и два свидетельства иностранных путешественников: одно о Сербии — британского автора Герберта Вивиана (1865–1940), а другое — польского, Романа Заморского (1822–1867) — об общественной жизни Белграда (Ibid. S. 361–362).

[28] О самоосознании сербских женщин, их отношении к собственному положению и связи этого с их эмансипацией будет, в частности, размышлять Л. Перович (*Perović L.* Kako žena vidi sebe…).

[29] Хотя прямые ссылки на эту работу Б. Прпа-Йованович в коллективных трудах проекта единичны (*Trnavac N.* Indiferentnost prema školovanju ženske dece u Srbiji 19. veka // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 2, Položaj žene kao merilo modernizacije: naučni skup = Serbia in the Modernization Processes of the 19th and 20th Century. 2, Women's Position as the Measure of Modernization: conference / Gl. i odg. ur. L. Perović. Beograd, 1998. S. 64; *Stojanović D.* Žene «u smislu razumevanja našeg naroda». Slučaj žena stručnjaka u Srbiji 1903–1912 // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 241; *Gudac-Dodić V.* Položaj žene u Srbiji (1945–2000) // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka. 4. Žene i deca… S. 36).

[30] Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka…
Заметим, что в статье Л. Перович 2006 г. в ссылке № 2 в названии этого сборника (случайно или нет) вместо слова «критерий» стоит слово «зеркало», которое, на наш взгляд, тоже вполне уместно: «Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka: 2. Položaj žene kao ogledalo modernizacije» (*Perović L.* Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka… S. 8).

[31] Napomene urednika // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 9.

[32] Ibidem.

[33] Ibid. S. 9–10.

[34] *Drašković M., Popović-Obradović O.* Pravni položaj žene prema Srpskom građanskom zakoniku (1844–1946) // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 11–25; *Nikolić-Ristanović V.* Krivičnopravna zaštita žena u Srbiji 19. i 20. veka // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 26–35.

[35] *Stojanović D.* Žene «u smislu razumevanja našeg naroda». Slučaj žena stručnjaka u Srbiji 1903–1912 // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 239–251.

[36] *Trnavac N.* Indiferentnost prema školovanju… S. 55–72.

[37] *Nikolova M.* Školovanje ženske mladeži u Srbiji do 1914 // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 73–82.

[38] *Trgovčević L.* O studentkinjama iz Srbije na stranim univerzitetama do 1914. godine // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 83–100. Добавим, что данная и упомянутая выше статьи Л. Трговчевич станут частью её монографии, отдельная глава которой посвящена развитию женского образования (См.: *Трговчевић Љ.* Жене, пут до елите // *Трговчевић Љ.* Планирана елита: о студентима из Србије на европским универзитетима у 19. веку. Београд, 2003. С. 185–209).

[39] *Perović L.* Modernost i patrijarhalnost kroz prizmu državnih ženskih institucija: Viša ženska škola (1863–1913) // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 141–161.

[40] *Stolić A.* Dvor u Beogradu (1880–1903) između tradicionalnog i modernog // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 101–112.

[41] *Bjelajac M.* Oficirska žena u Srbiji i Jugoslaviji 1862–1946 // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 126–139.

[42] *Perišić M.* Žena u društvenom životu u Srbiji krajem 19. veka // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 211–217.

[43] *Isić M.* Žena u seoskoj porodici u Srbiji između dva rata // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 183–200.

[44] *Trnavac N.* Indiferentnost prema školovanju… S. 64–68.

[45] *Folić M.* Društveni položaj žene u Južnoj Srbiji u drugoj polovini 19. i na početku 20. veka // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 201–210.

[46] *Tripković G.* Materinstvo i modernizacija u Srpskoj vojvođanskoj porodici // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 233–238.

[47] *Veselinović J.* Jevrejska žena u Beogradu od druge polovine 19. veka do drugog svetskog rata // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 485–495.

[48] *Božić S.* Milica Tomić: stremljenje ka modernom // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 451–469.

[49] *Suša A.* Maga Magazinović i modernost angažmana žene // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 470–483.

[50] *Nemanjić M.* Žene Srbije kao deo stvaralačke inteligencije od početka stvaranja samostalne države do 1920. godine // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 263–277.

[51] *Matović V.* Ženska književnost i srpski modernizam — saglasja i raskoli // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 263–277.

[52] *Perović L.* Modernost i patrijarhalnost…; *Nikolova M.* Školovanje ženske mladeži…; *Trnavac N.* Indiferentnost prema školovanju…

[53] *Veselinović J.* Jevrejska žena u Beogradu… S. 488–492; *Nikolova M.* Školovanje ženske mladeži… S. 81–82; *Folić M.* Društveni položaj žene… S. 209; *Cvetković S.* Borba za ravnopravnost i jednakost žena kao deo klasnog i modernizacijskoga procesa u Srbiji // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 311–312; *Subotić D.* Građanske i socijalističke ideje o ženskom pitanju u Srbiji (19. i 20. vek) // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 445–446; *Božić S.* Milica Tomić… S. 463–468.

[54] *Vuletić V.* Ujedinjena omladina srpska i društveni položaj žene // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 163–173.

[55] *Subotić D.* Građanske i socijalističke ideje… S. 443–450.

[56] *Cvetković S.* Borba za ravnopravnost i jednakost žena kao deo klasnog i modernizacijskog procesa u Srbiji // Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka… S. 309–316.

[57] *Stojanović D.* Žene «u smislu razumevanja našeg naroda»…

[58] *Božić S.* Milica Tomić…; *Suša A.* Maga Magazinović…

[59] Srbija u modernizacijskim procesima 19. i 20. veka. 3, Uloga elita / [ur. L. Perović]. Beograd, 2003.

[60] Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka. 4, Žene i deca…

[61] *Perović L.* Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka… S. 7–32. Добавим, что данная работа в сокращенном автором варианте опубликована и на русском языке в одном из сборников российского проекта: *Перович Л.* Сербия в модернизационных процессах XIX–XX веков // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.): Сб. ст. / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2007. С. 16–40.

[62] *Milosavljević O.* Otac — genije — ljubimac: Kult vladara — najtrajniji obrazac vaspitavanja dece // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka. 4. Žene i deca… S. 188–291.

[63] *Vuletić A.* Očevi i sinovi: Skica za poređenje generacija u Srbiji XIX veka // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka. 4. Žene i deca… S. 338–349.

[64] *Šemjakin A.L.* «Svet detinjstva» u Srba u putnim beleškama P.A. Rovinskog // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka. 4. Žene i deca… S. 292–313. Ранее она была опубликована на русском: *Шемякин А.Л.* «Мир детства» сербов в путевых записках П.А. Ровинского // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 72–93.

[65] *Stojanović D.* U senci «velikog narativa»: Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka. 4. Žene i deca… S. 160–175.

[66] Ibid. S. 160–161, 174.

[67] *Perović L.* Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka… S. 8.

[68] Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / сост., вступ ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб., 2006. К настоящему времени вышли в свет 2-й и 3-й тома антологии (Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства) / сост. А.Л. Шемякин; комм. А.Л. Шемякин, А.А. Силкин. М., 2014; Русские о Сербии и сербах. Т. III (сербские сочинения П.А. Ровинского). СПб.; М., 2019).

[69] *Perović L.* Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka… S. 9.

[70] См.: *Лобачёва Ю.В.* Женщины в истории… С. 62–75. Добавим не названную еще в числе имагологических исследований монографию Милены Рокаи — *Rokai M.* The British and Balkan Woman: British Perceptions of Balkan Women and their Femininity in the Long Nineteenth Century (1789–1914). Beograd, 2017.

[71] Работы указаны в ссылке № 23.

[72] Наряду с названными в нашей работе 2018 г., см., например: *Хаџић З.П.* Жена у Балканском рату: дневничке белешке сликарке Наталије Цветковић // Први балкански рат 1912/1913. године: друштвени и цивилизацијски смисао. Књ. 2 / прир. А. Растовић. Ниш, 2013. С. 177–183; *Milanović J.* Mabel Grujić i Delfa Ivanić dobročiniteljke srpskog naroda // Istorija 20. veka. 2014. God. XXXII. N 1.

Р. 9–26; *Милановић Ј.* Јелена Димитријевић и женска друштва // Књиженство: часопис за студије књижевности, рода и културе. 2017. Vol. 7. № 7 и др.

[73] *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Научный проект Института славяноведения «Модернизация по-балкански» // Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре / отв. ред. Е.С. Узенёва. М., 2014. С. 322–333; *Шемякин А.Л.* Post scriptum // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. Коллективная монография / отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2016. С. 393–407; *Он же.* «Человек на Балканах». Научный проект Института славяноведения РАН // Балканские тетради — Балканске свеске. 2017. Ежегодник по истории и культурной географии Балкан. Нижний Новгород; Нови Сад, 2017. С. 149–160. (URL: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/Balkan_Notebooks_2017.pdf (дата обращения: 20.09.2022))

[74] См., например: К юбилею Ритты Петровны Гришиной // Славяноведение. 2015. № 3. С. 125; *Белов М.В.* «Русские о Сербии и сербах»: между первым и вторым томом // Русија и Србија на прелому векова: српске теме Андреја Шемјакина / ур. Алексеј Ј. Тимофејев. Београд; Москва, 2020. С. 21–30; *Никифоров К.В., Силкин А.А.* Андрей Шемякин о Сербии и сербах // Русија и Србија на прелому векова… С. 81–82.

[75] Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века / Научное издание / отв. ред.: Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб., 2002; Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.): Сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2004; Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX — начало XX в.): Сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2006; Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации…; Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.): Сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб., 2009; Человек на Балканах глазами русских: сборник статей / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. СПб., 2011; Модернизация vs. Война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913): сборник статей / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012.

[76] Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности…

[77] *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX веков (бег трусцой по пересеченной местности). Серия «Человек на Балканах». М., 2008.

[78] *Шемякин А.Л.* Post scriptum… С. 393.

[79] *Кузьмичёва Л.В.* Балканские принцессы в семье европейских монархов (К вопросу о признании равнородности черногорской и сербской династий) // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации… С. 342–373. Также см.: *Кузьмичёва Л.В.* Правящие династии Сербии и Черногории в восприятии представителей Дома Романовых в конце XIX — начале XX в. // Человек на Балканах: Власть и общество… С. 189–201.

[80] *Вишняков Я.В.* Последние Обреновичи в Сербии глазами русских наблюдателей // Человек на Балканах глазами русских… С. 169–188.

[81] *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия 1878–1903 гг. М., 1996.

[82] *Шемякин А.Л.* Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации… С. 90–102. Ранее автор уже рассматривал развитие «школьного дела» (*Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX — начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации… С. 41–46.) и еще обратится к нему и «к вопросу о грамотности» (*Шемякин А.Л.* Сербия и сербы накануне Балканских войн глазами русских (к дискуссии о «современном» государстве) // Модернизация vs. Война… С. 130–139).

[83] *Он же.* Традиционное общество и вызовы… С. 46–49; *Он же.* Сербия и сербы… С. 146–151.

[84] *Румянцева А.А.* Положение сербских женщин в 1860-е годы (по свидетельству П.А. Ровинского) // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых / отв. ред. Б.В. Носов. М., 2003. Вып. I. С. 27–37.

[85] Там же. С. 27.

[86] Там же. С. 27–28.

[87] Там же. С. 31.

[88] Там же. С. 32–33.

[89] Там же. С. 35.

[90] Там же. С. 35–36.

[91] *Селезенев Р.С.* Положение сербской женщины в условиях догоняющей модернизации (вестернизации) глазами русских наблюдателей (вторая половина XIX в.) // Сербские научные исследования 2012. Сборник научных статей. М., 2013. С. 286–294.

[92] Там же. С. 293.

[93] *Селезенев Р.С., Ковтунова Ю.В.* Положение женщины в Сербии во второй половине XIX — начале XIX в. и проявление тенденции к эмансипации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 189–195.

[94] *Петровская О.В.* Менталитет южнославянской женщины второй половины XIX — начала XX века // Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. Вып. 1. / под ред. И.Р. Чикаловой. Минск, 2001. С. 132–142; *Лескинен М.* Характерология славян в русской интерпретации: способы изображения гендерных типов «этнического другого» во второй половине XIX в. // Токови историје. Београд, 2014. № 3. С. 11–50; *Лобачёва Ю.В.* Сербские женщины в путевых очерках П.А. Ровинского // Человек на Балканах. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018) / под общ. ред. А.А. Силкина, Е.П. Серапионовой, Ю.В. Лобачёвой, А.Ю. Тимофеева. М.; СПб., 2020, и др. Исследуют или затрагивают тему женщины в Сербии и филологи. См., например: *Чепелевская Т.И.* «Женский» взгляд на Балканы (очерки и корреспонденции второй половины XIX — начала XX вв.) // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2010. С. 353–368; *Шешкен А.Г.* «Женская поэзия» в Сербии 1920–1930-х гг. Лирика Десанки Максимович // Гендер и литература в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И.Е. Адельгейм. М., 2013. С. 121–130; *Бодрова А.Г.* «Что нас толкает в путь?» (интенции путешествий в югославских женских травелогах первой половины XX в.) // Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 278–294, и др.

DOI 10.31168/7576-0477-0.4.2

Ксения Валерьевна
МЕЛЬЧАКОВА

*Реформы Османской империи в области просвещения в Боснийском вилайете в оценках российских дипломатов**

Последние 20 лет османского управления Боснией и Герцеговиной прошли под знаком модернизационных преобразований — танзимата. Если первый этап реформ практически не затронул Боснию, то после провозглашения в 1856 г. султанского рескрипта — хатт-и хумаюна в крае произошли крупные экономические и общественные перемены, знаменуя собой начало модернизации традиционного общества[1]. Преобразования затронули и сферу просвещения, что не могло не привлечь внимания национальных и отечественных ученых. Их интерес к данной проблеме особенно возрастает во второй половине XX в. Боснийские историки В. Богичевич и М. Папич на основе материалов боснийских архивов исследовали историю создания и деятельности школ для православного населения края[2]. В.Н. Кондратьева одной из первых в отечественной историографии обратилась к донесениям российских консулов о состоянии просвещения в Боснии и Герцеговине и опубликовала ряд интересных и информативных документов из фондов Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ)[3]. Знаковым с точки зрения изучения четвертьвековой истории борьбы народов Боснии и Герцеговины против османского владычества и роли в ней «российского

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Проект № 20-59-18004 «Векторы исторического развития и национальные идеи на Балканах в XVIII–XXI вв.».

фактора» стал выход в свет во второй половине 1980-х годов двухтомника документов «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия»[4]. Труд явился результатом совместных усилий советских и югославских ученых, которые не только выявили и ввели в научный оборот документы из архивов СССР и СФРЮ, но и приступили к активной исследовательской работе. Её итогом стало появление в историографическом поле ряда научных статей по проблеме просвещения в Боснии[5], а в 1988 г. свет увидела написанная на новых источниках монография ответственного секретаря двухтомника документов боснийского историка И. Тепича, в которой автор не обошел вниманием и указанную тематику[6].

В отечественных архивах, в первую очередь в фондах АВПРИ (Главный архив [Ф. 161] и Посольство в Константинополе [Ф. 180]), сохраняются документы, характеризующие школьный вопрос в Боснии и Герцеговине в 1857–1875 гг. Они вышли из-под пера российских консулов в Сараеве и Мостаре, регулярно сообщавших в своих донесениях в Петербург, в Министерство иностранных дел, и в российское посольство в Константинополе о состоянии просвещения в крае. В указанных фондах документы систематизированы по годам, что облегчает работу с источником. Только небольшая часть этих материалов была опубликована в упомянутом выше документальном двухтомнике[7]. Копии не вошедших в публикацию документов (так называемый отсев) сохраняются в рабочем архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. Среди них встречаются и материалы о просветительской политике Османской империи в Боснии и Герцеговине. Они позволяют проследить динамику роста численности школ в вилайете в последнее 20-летие пребывания Боснии в составе Османской империи, составить представление о реакции местного населения на нововведения правительства в области просвещения. Документы были сверены автором настоящей работы с архивными оригиналами и используются со ссылками на актуальные в настоящий момент шифры.

Дипломатические представительства России в османских провинциях Боснии и Герцеговине появились в середине XIX столетия: в 1857 г. открылось консульство в Сараеве, в 1859 г. — в Мостаре (в 1868 г. преобразовано в вице-консульство). К тому времени информация о положении дел в этих краях, поступавшая в Россию, была достаточно скудной, в силу чего первостепенной задачей, поставленной перед дипломатами, было изучение места пребывания. Этим и занялся первый управляющий консульством в Сараеве Александр Фёдорович Гильфердинг (1857–1858 гг.). Вопрос о просвещении населения сразу попал в поле его зрения. В одном из донесений Гильфердинг отметил, что основным препятствием для продвижения интересов России в крае является низкий уровень или полное отсутствие образования у местного населения. При этом консул указывал на безразличие местных османских властей к данной проблеме. Отчасти это было связано с особенностями функционирования Османской империи, власти которой практически не вмешивались в просвещение немусульманского населения, отдав это дело на откуп различным религиозным общинам. В Боснии и Герцеговине просвещение католического населения было прерогативой францисканцев[8]. Православные приходы пошли иным путем, организовав церковно-школьные комитеты (общины), которые заботились о содержании школ, закупали для них учебники, нанимали учителей и оплачивали их работу. До середины XIX в. обучение в таких школах в основном было делом родителей учеников. В 1851 г. сараевская православная община основала специальный школьный фонд, расходовавшийся на обучение детей из бедных семей и содержание учебных заведений. Подобная практика применялась также в Мостаре, Травнике, Ливно и других городах[9]. В целом она не противоречила официальным установкам власти, в частности, статье X хатт-и хумайюна 1856 г., гласившей: «Каждой общине разрешается учреждать самой школы наук, искусств и промышленности, но способ преподавания и выбор учителей для этого разряда школ будут подлежать контролю особого смешанного совета народного просвещения,

члены коего будут назначаемы высочайшей властью»[10]. Несмотря на четко прописанное в хатт-и хумаюне право общин учреждать школы, российские консулы в Боснии и Герцеговине неоднократно сообщали о препятствиях, чинимых османской властью открытию и нормальной работе негосударственных школ. Не случайно во время народных волнений в 1858 и 1862 гг. звучали требования свободного открытия новых учебных заведений[11]. Средств и возможностей для развития системы образования не хватало. Так как внимание России было сосредоточено на судьбе православного населения края, то с подачи Гильфердинга Босния и Герцеговина начали получать систематическую помощь на нужды просвещения. Она включала открытие новых школ, снабжение их учебными материалами и пособиями, подбор учителей, организацию отправки на учебу в Россию и Сербию местных юношей[12]. Подобная деятельность способствовала положительным переменам. В 1860-е годы отмечены рост числа школ в крае и создание учебных заведений для девочек. Вместе с тем школы и отдельные учителя всё чаще фигурируют в делах, связанных с повстанческим движением и деятельностью Омладины*. Это вынудило османские власти ужесточить свои действия.

По мнению профессора мичиганского университета Эмин Эверед, изучившей огромный массив документов в турецких архивах, активизация османских властей в вопросе просвещения была вызвана желанием установить общественный и политический контроль над провинциями[13]. Одним из первых крупных шагов в этом направлении стал новый, принятый в 1869 г. Органический закон о просвещении, регламентировавший просветительскую деятельность. Калькой для него служило французское законодательство. В Империи вводилось всеобщее обязательное образование и определялись все его ступени: начальное (*сыбьян и рюштие (руждие)***), среднее (*идадие и*

* Омладина (серб. — молодежь) — сербская культурно-просветительская и общественно-политическая организация, созданная в 1866 г. и имевшая тесные связи с местными организациями в Боснии и Герцеговине.

** Написание «руждие» встречается в донесениях российских консулов и отечественной литературе.

султание) и высшее (*алие*). Впервые на официальном уровне разграничивались государственные школы и частные школы, основанные различными обществами, частными лицами, религиозными корпорациями[14]. Государственные школы полностью контролировались властями[15]. Частные школы находились под надзором правительства, но их организация, содержание и управление были обязанностью учредителей. Наибольшее внимание в законе уделялось обустройству государственных школ, большая часть которых, в соответствии с реформаторским духом османизма*, отныне становилась доступной всем жителям Империи независимо от пола и вероисповедания. В первую очередь это касалось начальной ступени образования — школ сыбьян и рюштие. Срок обучения в начальных школах сыбьян составлял четыре года. В них принимались девочки 6–10 лет и мальчики 7–11 лет. Обучение было раздельным, но если в округе было мало детей, то допускалось создание смешанных классов. Занимаясь по программе сыбьян, ученики изучали религиозные дисциплины, должны были читать и писать на турецком языке, знать простые арифметические действия, усвоить краткий курс истории и географии[16]. Освоившие ступень сыбьян переходили в рюштие, куда принимали девочек 11–15 лет и мальчиков 12–16 лет. Обучение также было раздельным и продолжалось четыре года. Программа рюштие включала изучение религии, грамматики, орфографии и стилистики турецкого языка, арабской и персидской грамматики, основ геометрии и черчения, всеобщей и османской истории, ведения торговых книг и гимнастику[17]. По закону 1869 г. разрешалось создание государственных рюштие для немусульман. Классы в обязательном порядке были моноконфессиональными по составу, так как религиозное воспитание оставалось основой обучения. Христианские и еврейские общины также предпочитали иметь собственные начальные школы на правах автономии.

* Османизм — концепция государственного устройства Османской империи, сформулированная участниками реформаторского конституционалистского движения «новых османов» во второй половине XIX в. На османизм сильное влияние оказали идеи французских просветителей Монтескьё и Руссо и опыт Великой французской революции.

Частные школы в Османской империи разрешалось открывать как её гражданам, так и представителям иностранных государств. В основном эти учебные заведения находились под патронатом России, Сербии, Австро-Венгрии, а также отдельных католических миссионеров и протестантских организаций. Вследствие этого в законе 1869 г. всего две статьи (129 и 130) определяли порядок их организации. Учителя должны были получить от министерства просвещения или местного комитета просвещения официальное разрешение заниматься преподаванием. Содержание уроков «не должно было противоречить благовоспитанности и официальному политическому курсу»[18]. В Боснии программа занятий рассматривалась вилайетским комитетом просвещения и только после его одобрения могла вступать в действие.

Данные нововведения не ограничились законом 1869 г. С 1870 г., при генерал-губернаторе (вали) Сафвет-паше, во всех учебных заведениях Боснийского вилайета было введено обязательное обучение турецкому языку. В одном из донесений в МИД российский консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев (1868–1877 гг.) процитировал выступление вали на экзамене в мужской православной школе: «Каждый народ, прежде всего, должен изучать свой родной язык. А потому учитесь хорошо боснийскому языку. Затем надобно знать язык, говоримый правительством, ибо только тогда вы можете вступать на службу и быть полезными членами и слугами государства. Вы не должны думать, что ваша будущность сосредоточена в одной торговле и что вам достаточно считать червонцы, гульдены и пиастры. Нет, наш государь желает, чтобы все его подданные вступали на службу, а потому я надеюсь, что вы с радостью начнете учиться турецкому языку и что на будущий год на вашем экзамене вместе с немецким и итальянским языками я услышу и турецкий язык»[19]. Христиане негативно отнеслись к этому нововведению и не спешили следовать ему. Так, в учебной программе на 1874 г. сараевской школы для девочек мисс Аделины Паулины Ирби уроки турецкого языка не предусматривались[20].

В историографии встречается утверждение, что упразднение автономии церковно-школьных общин произошло в период австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины (1878–1908 гг.), однако такой опыт был и у османских властей.

В конце 1872 г. в Боснии с согласия владыки Паисия при сараевской митрополии была учреждена епархиальная скупщина. Её задача состояла в установлении контроля и правильных хозяйственных отношений церквей, монастырей, школ и подборе людей, работающих на благо народного образования. С юридической точки зрения члены православной общины действовали на основе хатт-и хумаюна. Заседания епархиальной общины продолжались с 16 февраля по 1 марта 1873 г. В ходе работы депутаты неоднократно указывали на недопустимость вмешательства османских властей в деятельность православных народных школ и предложили проект введения особого налога в Боснии, сборы которого осуществлялись бы епархиальной скупщиной и шли на обустройство школ. Такая постановка вопроса, естественно, спровоцировала реакцию местных властей. Генерал-губернатор Мустафа Ассим-паша, явившись на последнее заседание скупщины, объявил, что не признает за ней права вводить реформы в деле народного образования и определять налоги на содержание и строительство школ. Вместе с тем, вали не отрицал права общин на увеличение налога на народное образование и строительство школ с согласия правительства. Кандидатуры же новых учителей отныне должны были утверждаться местными властями[21]. Эти требования соответствовали закону, но прежде в Боснии длительное время общины при назначении учительских кадров были свободны от излишнего внимания со стороны правительства. По мнению Кудрявцева, христиане сами дали повод для ужесточения контроля. И, действительно, помимо неосторожных заявлений на заседаниях епархиальной общины, о чем говорилось выше, местным властям, как сообщил консул, стало известно о звучавших в учительской среде призывах к свержению османской власти. Так, учитель Г. Петранович в присутствии учеников предложил тост за здоровье того, «кто первый сломит турецкую силу и выживет её из Боснии», а его коллега

Црнчевич публично назвал своего товарища из Тешани предводителем будущего движения[22]. Интересно, что в газете воеводинских сербов *Застава* (серб. «Знамя») (№ 34 от 21 марта (2 апреля) 1873 г.) информация о выступлении Ассима-паши в скупщине исказила его слова: вали, якобы, заявил, что более не признаёт за православными общинами в Боснии и Герцеговине никаких прав, а места учителей в сербских школах займут люди, присланные из Константинополя[23].

Тем не менее, сообщение *Заставы* оказалось пророческим. Решающую роль в этом сыграло нашумевшее дело христиан из боснийского города Градишка[24]. Они обратились к султану с просьбой назначить особую комиссию для расследования многочисленных актов притеснений со стороны властей. Порта поручила провести инспекцию генерал-губернатору. Ассим-паша счел жалобы необоснованными и преувеличенными. В отношении недовольных было начато следствие. Такая мера подвигла некоторых христиан на побег в Австро-Венгрию. Местные чиновники решили использовать это событие себе во благо и представить все предыдущие жалобы христиан как злонамеренную провокацию, организованную австрийцами. Следы «заговора» были найдены и в Баня-Луке, что дало повод османским властям дополнительно усилить контроль за иноверными. Христианским общинам было предъявлено обвинение в причастности к деятельности обществ, провоцирующих волнения и беспорядки. Все христианские школы были признаны подозрительными очагами распространения пропаганды. В начале ноября 1873 г. Кудрявцев докладывал в российское посольство в Константинополе, что Ассим-паша сообщил о необходимости ликвидации общин и полном переходе школьного дела под контроль османских властей. Порта вводила в Боснии комплекс мер, включавший в себя замену общин специальными советами (вуджуди-меджлисами*) и создание комиссии по делам народного образования[25].

* Вуджуди-меджлис — государственная структура, контролирующая школьное дело и общественную жизнь христианского населения, взявшая на себя эти функции православных общин.

Не ясно, в какой мере в 1873 г. были воплощены в жизнь проекты, ограничивающие свободу христиан в деле просвещения своего народа. Например, М. Папич полагает, что османские законы никак не повлияли на православные школы[26]. Однако в годовом отчете, направленном в МИД, консул Кудрявцев сообщал, что городские училища, основанные на средства общин, были переданы в ведение турецкого министерства народного просвещения, а за общинами сохранили лишь право управления сельскими школами[27].

После череды разбирательств по делу о событиях в Градишке Порта принесла извинения австро-венгерским дипломатам, Ассим-паша был удален из Боснии, а беглецам обещана амнистия. Однако власти не отказались от планов установления контроля над христианскими школами. В начале 1874 г. при новом вали Мехмеде Акиф-паше было принято решение об изъятии школьного дела из сферы ответственности православных общин. На это событие сразу же откликнулись российские дипломаты. Консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев и вице-консул в Мостаре Я.П. Славолюбов (1872–1875 гг.) направили в МИД подробные донесения[28]. Циркуляр о школах и особое предписание в конце января — начале февраля 1874 г. были опубликованы в официальной и единственной на тот момент газете Боснийского вилайета *Босна* («Босния»). В настоящей работе эти документы изложены в переводе Я.П. Славолюбова, имеющемся в материалах посольства в Константинополе[29]. Центральные власти предписывали: повсеместно учредить начальные школы наподобие рюштие; установить контроль над учителями, получающими жалование от общин; организовать ихтияр-меджлисы*; считать христианские церковно-школьные комитеты нелегитимными.

В 27 статьях циркуляра подробно излагалась организация школьного дела. Особый упор был сделан на делопроизводственные и финансовые вопросы. Подбор, назначение и контроль за учителями, учет учащихся, обязанности родителей и/или опекунов и пр. соответствовали Органическому закону

* Ихтияр-меджлис — совет старейшин.

о народном образовании 1869 г. и отсылали к его статьям. Большое внимание уделялось учебным дисциплинам, набор которых должен был в обязательном порядке соответствовать закону, а также контролю за учебными материалами и усвоению школьного курса учениками. Приводимые ниже положения циркуляра отражают попытку властей сочетать реформаторские тенденции с особенностями развития общества и конкретными условиями, в которых предстояло реализовывать намеченное.

В документе указывалось:

1. В главном городе каждого санджака* организуется по одной комиссии, в ведении которой находятся начальные и рюштийские школы. Комиссии должны состоять из христиан и мусульман.
2. В составе комиссии должно быть от 6 до 10 человек: половина мусульман, половина христиан. Комиссии избираются идаре-меджлисом** из среды местных жителей.
3. Во главе комиссии должен стоять мутешериф санджака*** или местный образованный чиновник (в случае, если мутешериф не имеет возможности исполнять эти обязанности).
4. После избрания комиссий и заместителей председателя об этом незамедлительно должны быть оповещены вилайетские власти.
5. В санджаках, где жители состоят из разных народностей, немусульманские члены комиссии должны быть избраны из этих народностей.
6. В отдаленных кадилуках допускается учреждение отделений комиссий из четырех человек с согласия вилайетских властей.
7. Делопроизводство комиссий возлагается на тахрират-мудиров санджака****, письмоводителем комиссии назнача-

* Административно-территориальная система Османской империи включала в себя по убывающей: эялеты — с 1866 г. вилайеты (провинции), состоявшие из нескольких санджаков (округов), которые, в свою очередь, делились на кадиллыки (в тексте — кадилуки) — уезды.

** Идаре-меджлис — административный совет санджака.

*** Мутешериф санджака (санджак-бей) — правитель санджака.

**** Тахрират-мудир санджака — управляющий делами санджака, секретарь.

ется писарь санджака с жалованием не более 100 пиастров в месяц и ассигнованием по 50 пиастров на канцелярские расходы.

8. Делопроизводством комиссий в кадилуке поручается заведовать кадилукскому писарю с платой по 50 пиастров на канцелярские расходы.
9. Для наблюдения за делами школ вилайета в главном городе может быть составлена главная училищная комиссия под председательством вали, не превышающая числом 20 членов и состоящая из мусульман и немусульман.
10. Делопроизводство вилайетской комиссии поручено письмоводителю вилайетского идаре-меджлиса с прикомандированием к нему лица (с содержанием не более 200 пиастров). На канцелярские расходы вилайетской комиссии и кадилукских комиссий центрального санджака выделяется по 80 пиастров в год.
11. Комиссии санджака должны произвести в санджаках учет школ, учеников и составить списки учителей. Эти сведения должны передаваться вилайетскому начальству.
12. Комиссия не обязана иметь поименный список учеников, а только их число. Знать имена учеников — обязанность учителей. Комиссия «должна поименовать учителей, училищных служителей и других чиновников и определить их направление и место рождения».
13. Комиссия должна наблюдать за тем, соответствуют ли предметы, преподающиеся в рюштие, училищному уставу*, и если замечено будет какое-либо уклонение, доводить о том до сведения вилайетского начальства.
14. Должен быть составлен и представлен вилайетскому начальству список предметов и учебников, по которым их изучают в мусульманских и немусульманских школах. Все книги, служащие для преподавания в школах, должны быть одобрены училищной комиссией, «учителя же, если окажется, что они преподают по неодобренным книгам, будут подлежать строгой ответственности перед правительством»[30].

* Так в донесениях российские консулы именовали Органический закон о народном образовании 1869 г.

15. Школы должны делиться на два разряда. В первом кроме предметов, обозначенных в § 6 училищного устава[31] должны преподаваться еще арифметика, история и география, но не иначе как по заключению училищных комиссий и с одобрения начальства вилайета. Школы второго разряда работают по § 6 училищного устава.
16. Неспособный учитель или не удовлетворяющий программе IV главы училищного устава[32], немедленно должен быть уволен или замещен другим. Если же не окажется учителя на месте, его дозволяется выписать со стороны. Если необходимо перевести учителя с одного на другое место, то об этом необходимо известить начальство вилайета.
17. Жалование учителей увеличивается. Взимание средств на это будет осуществлено ихтияр-меджлисом с общин, согласно указанию училищного устава. В случае сопротивления общин ихтияр-меджлис будет взимать деньги посредством власти.
18. Расходы на исправление или устройство новых начальных школ производятся за счет народа, для чего должна быть составлена и одобрена комиссией санджака соответствующая смета. Если какая-либо местность будет не в состоянии производить такие расходы, то ей будет выделено пособие из государственной казны.
19. Если не оказалось на месте книг, по которым должно производиться учение в рюштиях и начальных школах первого и второго разряда, то вилайетская комиссия должна их напечатать или выписать. Издержки оплачиваются общиной. Если община не в состоянии оплатить счета, то по требованию пособие выделяется из государственного казначейства.
20. Должен быть составлен утвержденный училищной комиссией перечень всех расходов. Налогом облагается народ. Если налог будет собираться без полномочий, то правонарушитель подвергается взысканию и наказанию согласно § 23 и 108 статьи уголовного закона*.
21. «Все обязаны посылать своих детей в школу»[33]. В случае отказа отца или опекуна отправлять ребенка на учебу, на-

* Имеется в виду закон по уголовным делам 1858 г.

лагается денежный штраф. При повторном отказе штраф взыскивается в двойном размере (§ 12 училищного устава[34]).

22. Деньги, отпускаемые из казначейства, будут вноситься в особые реестры, ежемесячно передаваться в кассу санджака и расходоваться на нужды местных учебных заведений. Всякий, кто берет в казначействе средства, обязан оставить расписку.
23. «От обязанности посылать в школу детей никто не изъят, кроме тех, кто подходит под § 13 училищного устава»[35]. В обязанности комиссии входит устройство школ в тех местностях, где их нет[36].
24. Дети, находящиеся в услужении у земледельцев или торговцев и достигшие 11-летнего возраста, должны посещать школы с утра до полудня или с полудня до вечера и слушать там один урок. Дети, которые не достигли одиннадцатилетнего возраста, должны посещать все занятия в школе.
25. Учителя обязаны каждые три месяца отчитываться перед комиссией санджака об усвоении учебной программы, количестве постоянных и приходящих учеников.
26. Вилайетская комиссия каждые три месяца должна представлять министру народного просвещения список с обозначением количества мусульманских и немусульманских школ в вилайете, указанием численности в них учеников и перечнем преподаваемых предметов.
27. Годичные экзамены будут производиться по § 154 училищного устава[37]. Списки предметов и учеников, перешедших из низшего класса в высший и завершивших обучение, должны предоставляться из кадилуков в комиссию санджака. Главная училищная комиссия вилайета должна предоставлять ежегодные отчеты министерству народного просвещения.

Таким образом, в 1874 г. в Боснийском вилайете вновь вводилось обязательное всеобщее образование. «Императорским правительством прилагаются все усилия к тому, чтобы дети мужского и женского пола подданных султана, как мусульманских, так и христианских, вышли из мрака невежества и восприняли свет науки», — говорилось в предписании[38]. Следует, однако, заметить, что этот замечательный во всех отно-

шениях принцип по-прежнему оставался на бумаге. Имевшиеся в законе оговорки позволяли обойти его статьи и избежать обязательного обучения ребенка в школе[39].

Несмотря на заявленные благие намерения, данный комплекс нововведений вызвал шквал критики, как со стороны местного населения, так и российских дипломатов. Главный упрек заключался в отсутствии четких разъяснений, каким образом предстояло реализовать задуманное.

Истинные причины проведения реформы имели политический характер. Консул Кудрявцев полагал, что боснийский вали Ассим-паша в свое время воспользовался упомянутым выше градишским делом, чтобы убедить правительство в необходимости уничтожить христианские общины в вилайете и лишить христиан права самостоятельно заниматься воспитанием своего народа. Кроме того, церковно-школьным комитетам было предъявлено обвинение в незаконных налоговых поборах (поводом стала разрешенная правительством организация сбора средств в помощь семинарии в Баня-Луке). Деятельность общин была приравнена к деятельности тайных обществ.

Мнение Кудрявцева разделял и вице-консул в Мостаре Славолюбов, докладывая начальству: «Новая училищная реформа клонится не к улучшению, а к искоренению образования»[40].

Консул Кудрявцев задавался вопросом: откуда османское правительство возьмет учителей, если большая часть из них неспособны или неблагонадежны; Славолюбов докладывал, что из четырех имевшихся в православной мостарской школе преподавателей трое уже носят клеймо «шпионов», так как учились в России (Георгий Филипович и Иван Лепов*) и Сербии (Ристо Лазаревич)[41].

Что касается преподавателей турецких школ, то их компетентность вызывала у российских дипломатов большие сомнения. Так, по сообщению Кудрявцева, присутствуя на од-

* Также известен как Йован Лепава.

ном занятии, он наблюдал, как главный начальник турецких рюштие, профессор турецкого языка и арабской грамматики, указывая на карте на Африку, говорил детям, что это Европа[42]. Славолюбов, в свою очередь, сообщил, что слышал от одного образованного турка следующую трактовку исторических событий: «Султан Мурад не от руки Милоша Кобыловича пал*, а умер от радости, выиграв сражение на Косовом поле»[43].

Все учебники должны были пройти тщательную ревизию. За использование не одобренной комиссией литературы учитель подвергался «строгой ответственности». У российских дипломатов возникали опасения по поводу качества преподавания некоторых предметов. Славолюбов писал по этому поводу следующее: «Что же касается до географии и истории древней Сербии, то можно опасаться, что первая будет сокращена или даже искажена, в особенности, когда речь коснется определения границ, политического значения и пр. Сербии, Черногории и других славянских земель; вторая же будет совсем запрещена. Ибо на экзамене в 1872 году, на котором присутствовал, между прочим, бывший мутесариф (мутешериф. — *К. М.*), приказано было митрополитом по предмету географии распространяться больше о Турции, не упоминая о Сербии и Черногории; из истории же древней Сербии запрещено было даже спрашивать учителям о Св. Савве, сербском просветителе, не говоря уже о Косовом поле, о Неманичах и пр.»[44].

До введения циркуляра о школах большая часть учебников для православных школ поступала из Сербии. Зачастую закупки производились при финансовой помощи извне, в чем активную роль играла и Россия[45]. В 1865 г. в Боснийском вилайете заработала типография[46]. Одной из её задач было издание учебной литературы. В 1867 г. появился «Букварь для начальных школ», за основу которого был взят «Первый сербский букварь» Вука Караджича (1827 г.). В 1868 г. в свет вышли краткая мировая история и книга для чтения для началь-

* Существует легенда о том, что Милош Кобылович (Милош Обилич) — воевода князя Сербии Лазаря Хребеляновича (1329–1389) 15 июня 1389 г. проник под видом перебежчика в лагерь султана Мурада I и убил его.

ных школ Милоша Мандича. Им же был опубликован первый боснийско-сербский календарь на 1867 год. В 1869–1871 гг. был издан ряд учебников для католических школ[47]. Однако типография не смогла полностью обеспечить учебными пособиями все школы вилайета. Учебники продолжали закупать за его пределами. Новый же циркуляр не только усиливал надзор за используемой учебной литературой, но и запрещал принимать помощь от иностранных государств. Вопрос о том, где взять средства на печатание учебной литературы в местной типографии, также оставался открытым.

Хоть власти и брали на себя руководство обучением и содержание школьных зданий, введение всеобщего обязательного образования предусматривало взимание дополнительных поборов с населения, которое и без того было задавлено налоговым гнетом.

Наиболее болезненно народ воспринял упразднение церковно-школьной автономии общин, на протяжении четырех столетий самостоятельно управлявших своими учебными заведениями. Пришедшие им на смену ихтияр-меджлисы составлялись из боснийских бегов* и христианских торговцев.

«Таким образом, отнимая права народа, дарованные султанскими фирманами, и простирая тяжелую руку на учителей, правительство взамен того ничего не дает, а налагает новую тягость на народ требованием содержания школ и учителей на его же счет, без предвидящейся пользы для школ», — заключал Славолюбов[48].

Если, по сообщению Кудрявцева, сараевцы поначалу безразлично отреагировали на нововведение, так как «малодушие и деморализация привели их к молчанию»[49], то реакция православной общины Мостара была совсем иной. Двое учителей мостарской православной школы сразу же заявили, что намерены отказаться от должности, но Славолюбов уговорил их остаться.

В училищную комиссию Герцеговины предполагалось включить по два члена от православных и католиков и четырех му-

* Бег — землевладелец.

сульман. Герцеговинский митрополит Прокопий настаивал на скорейшем выдвижении членов новой комиссии от мостарской православной общины. Последняя заявила, что по вопросу новой реформы будет следовать решению общины сараевской, которая этот вопрос ещё не обсуждала. Патеры также ответили отказом на приглашение вступить в комиссию, сославшись на то, что этот вопрос необходимо согласовать с епископом. Главой мусульман был избран известный своим религиозным фанатизмом директор медресе Кайтаз.

К сожалению, мы не располагаем конкретными сведениями о том, как данная реформа проходила в Боснии. Опираясь на косвенные источники, можно лишь предполагать, что она так и не была реализована на практике, так как в вилайете не было необходимых условий. Несмотря на запрет получения учебной литературы от иностранных держав, встречаются расписки о передаче таковой сараевской мужской православной школой из России от 25 октября 1874 г.[50], а также сообщения об отправке из Австро-Венгрии в вилайет хорватских учебников для католических школ от 12 марта 1875 г.[51].

Имеющиеся статистические данные носят разрозненный и зачастую хаотичный характер, они не позволяют в точности проследить динамику роста числа учебных заведений в Боснийском вилайете. Имея в виду это обстоятельство, представляем сводную таблицу о количестве христианских школ в Боснии и Герцеговине. Данные о школах для православных за 1859 г. собраны консулом в Сараеве Е.Р. Щулепниковым (1858–1868 гг.)[52]. В статистическом очерке Боснии за 1866 г., подготовленном консулом в Мостаре Н.А. Иларионовым (1866–1872 гг.), также имеются сведения о количестве учебных заведений для православных и католиков[53]. В фонде сараевского консульства за 1874 г. среди статистических таблиц по боснийским общественным зданиям есть данные о количестве христианских и мусульманских школ[54]. Рукописные таблицы составлены А.Н. Кудрявцевым. Датировка документа отсутствует, но с большой долей вероятности сведения относятся к 1874 г.

Сведения о количестве христианских школ в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е годы

санджак	**год**			
	1859	**1866**		**1874**
	школы для православных	**школы для православных**	**школы для католиков**	**христианские школы**
Сараевский	3	4	5	18
Травникский	5	8	6	13
Зворникский	13 (также 2 разрушены)	23	3	24
Банялукский	8	8	1	10
Бихачский	1	8	1	10
Новипазарский	3	нет сведений	нет сведений	20
Герцеговинский	нет сведений	нет сведений	нет сведений	18
Всего	**33**	**51**	**16**	**113**
		67		

По данным австро-венгерского консульства в Сараеве, в 1874 г. в Боснии и Герцеговине было 56 начальных школ для православных. Исследователь В. Богичевич насчитал 45 городских и 48 сельских школ для этой категории населения[55].

Несмотря на отмеченные расхождения и неполноту статистических сведений, представленные данные наглядно демонстрируют значительный рост числа учебных заведений для христианского населения с конца 1850-х годов. Большая часть этих школ была открыта при поддержке со стороны России, Сербии, монархии Габсбургов и католических миссионеров. Реформа же 1874 г. исключала вмешательство извне.

Славолюбов полагал, что целесообразней было бы отменить реформу и издать новый закон, не отменяющий общины, а предусматривающий создание смешанных училищных советов.

Как уже говорилось выше, пока без ответа остается вопрос о реализации заявленных в правительственных указах нововведений. Возможно, осуществлялись отдельные мероприятия, в особенности, касающиеся борьбы с «неблагонадежными учителями». Спустя год после опубликования предписания в итоговом отчете, представленном в МИД, А.Н. Кудрявцев сообщал: «К сожалению, правительство, стараясь проводить принцип обязательного обучения в Боснии и Герцеговине, не обращает внимания на отсутствие условий, необходимых для применения его, между которыми главное место занимают учителя; правительство же, требуя удаления из школ неспособных и ненадежных, по его мнению, учителей, не заботится о замещении их новыми»[56]. Такое положение дел не было чем-то исключительным, присущим лишь Боснии, а наблюдалось во всех частях Империи. Бóльшая часть статей Органического закона о просвещении 1869 г., как и многие другие нововведения в Османской империи, оставались лишь строками на бумаге. Интересно, что в Боснии местные власти пытались использовать закон 1869 г. для политической борьбы с церковно-школьными комитетами, роль которых значительно укрепилась в общественной жизни вилайета. Предписание и циркуляр 1874 г. рушили веками существующий порядок в Империи. Наступали времена знаковых событий и потрясений, череда которых привела к оккупации Боснии и Герцеговины монархией Габсбургов, где уже в рамках новой реальности деятели православных общин продолжили борьбу за церковно-школьную автономию[57].

Примечания

[1] Подробнее о реформах см.: *Aličić S.M.* Uređenje Bosanskog ejaleta od 1789. do 1878. godine. Sarajevo, 1983; *Олюнин С.В.* Боснийский эялет в конце XVIII — 70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М., 2006.

[2] См., например: *Bogićević V.* Istorija razvitka osnovnih škola u Bosni i Hercegovini u doba turske i austrougarske uprave (1463–1918). Sarajevo, 1965; *Папић М.* Историја српских школа у Босни и Херцеговини. Сарајево, 1978.

[3] *Кондратьева В.Н.* Русская помощь Боснии и Герцеговине в деле народного образования в 50–70-е годы XIX в. // Культура народов Балкан в Новое время. Балканские исследования. Вып. 6. М., 1980. С. 231–249.

[4] Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы. М., 1988.

[5] См., например: *Хевролина В.М.* Документы архивов СССР по истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 50–70-х гг. XIX в. // Međunarodni naučni skup Problemi istorije Bosne i Hercegovine 1850–1875. (Sarajevo, 13–15 maja 1986). Sarajevo, 1987. S. 97–112; *Маджар В.* Турецкие реформы и развитие некоторых культурных институтов в Боснии и Герцеговине в 1850–1870 гг. // Босния, Герцеговина и Россия в 1850–1875 годах: народы и дипломатия. Балканские исследования. Вып. 13. М., 1991. С. 160–175; *Перазич С.* Начальные школы сербско-православных общин в Боснии и Герцеговине (1850–1875) // Там же. С. 176–184.

[6] *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988.

[7] См.,например: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864… С. 54–55, 83–84, 91–92, 97–98, 118–119, 134–135, 201, 218–219, 222–223, 255–256, 355–356; Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875… С. 11, 14–15, 17–18, 37, 48–49, 69, 81–82, 157–158, 172–180, 185–189, 200–202, 209–215, 221–223, 231, 238–239, 253–255, 277–278, 282, 334–335, 342–343, 356–358, 378–390, 393–395, 401.

[8] *Маджар В.* Турецкие реформы и развитие некоторых культурных институтов в Боснии и Герцеговине… С. 165–170.

[9] *Перазич С.* Начальные школы сербско-православных общин в Боснии и Герцеговине… С. 178.

[10] *Убичини А., де- Куртейль П.* Современное состояние Оттоманской империи. Статистика, правление, администрация, финансы, армия, общины немусульманские и пр. По официальному ежегоднику на 1875–[18]76 г. (салнаме на 1293 г. хиджры) и по другим новейшим документам. СПб., 1877. № 6. С. 210.

[11] *Хевролина В.М.* Документы архивов СССР по истории школьного дела в Боснии и Герцеговине… S. 99.

[12] *Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима… С. 494–542; *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М., 2019. С. 129–171, 265–294.

[13] *Evered E.Ö.* Empire and Education under the Ottomans: Politics, Reform, and Resistance from the Tanzimat to the Young Turks. London and New York, 2012.

[14] *Желтяков А.Д., Петросян Ю.А.* История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX века). М., 1965. С. 38–39.

[15] По некоторым данным, до оккупации в Боснии было открыто около 30 таких учебных заведений. Среди них была школа по подготовке учителей для мектебов — начальных мусульманских школ, где обучали чтению, письму, грамматике и исламу. Российские консулы оценивали уровень подготовки выпускников этой школы как очень низкий. Открылись также ремесленная школа и учебное заведение для подготовки чиновников. Все эти школы финансировало государ-

ство. Высшее образование боснийские мусульмане получали в Константинополе или других центрах Империи // Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. С. 200–202; *Bojić M.* Historija Bosne i Bošnjaka: (VII–XX vijek). Sarajevo, 2001. S. 114.

16 *Желтяков А.Д., Петросян Ю.А.* История просвещения в Турции… С. 41.

17 Там же. С. 43–44.

18 Об Органическом законе о народном образовании 1869 г. см.: *Желтяков А.Д., Петросян Ю.А.* История просвещения в Турции… С. 163–164.

19 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875… С. 187.

20 *Папић М.* Историја српских школа у Босни и Херцеговини… С. 9.

21 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875… С. 336–338.

22 Там же. С. 337.

23 «Застава» о Босни и Херцеговини. 1871–1873. Друга књига. Сарајево, 1953. С. 178–179.

24 Подробнее о событиях в Градишке см.: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875… С. 343–347, 349–352, 358–362.

25 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875… С. 337.

26 *Папић М.* Историја српских школа у Босни и Херцеговини. С. 16.

27 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875… С. 360.

28 Архив внешней политики Российский империи (далее — АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2336. Сараево. 1874 г. Л. 7–9 об.; Там же. Д. 748. Мостар. 1874 г. Л. 31–36 об. (Копия с донесения Я.П. Славолюбова из другого фонда опубл. в: *Кондратьева В.Н.* Русская помощь Боснии и Герцеговине в деле народного образования… С. 245–249).

29 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 748. Мостар. 1874 г. Предписание и циркуляр, изданные властью по школьному делу для Боснии и Герцеговины. Л. 37–40 об.

30 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 748. Мостар. 1874 г. Л. 39.

31 Имелась в виду статья 6 Органического закона о народном образовании 1869 г. Её основные положения сводились к следующему: срок обучения в школах сыбьян четыре года. «В соответствии с новой системой в школе преподаются следующие дисциплины: азбука, Коран и его чтение, рисале (популярное изложение. — *Ред*.) по этике (для детей немусульман — основы их религии; преподавание этих религиозных основ производится с ведома и по определению духовных наставников), учение о религиозных обязанностях мусульманина, письмо, основы арифметики, основы османской истории, основы географии, рисале, заключающие полезные сведения (эти курсы для детей немусульман читаются на их родном языке)» (Цит. по: *Желтяков А.Д., Петросян Ю.А.* История просвещения в Турции… С. 155).

[32] См.: Органический закон о народном образовании 1869 г. (*Желтяков А.Д., Петросян Ю.А.* История просвещения в Турции… С. 167; Education Act of 1869 // *Evered E.Ö.* Empire and Education under the Ottomans: Politics, Reform, and Resistance from the Tanzimat to the Young Turks. P. 242–244).

[33] АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 748. Мостар. 1874 г. Л. 40.

[34] Органический закон о народном образовании 1869 г. Статья 12 гласила: «Если после трех предупреждений, сделанных родителям или родственникам, ребенок в течение месяца не будет послан в школу без достаточных оснований, предусмотренных ст. 13, то в соответствии со специальной инструкцией, взимается денежный штраф от пяти до ста курушей, в зависимости от их положения и состояния. Штраф сдается в казну Комитета просвещения. Если денежный штраф не окажет должного воздействия, то местные власти направляют ребенка в школу в принудительном порядке» (Цит. по: *Желтяков А.Д., Петросян Ю.А.* История просвещения в Турции… С. 155).

[35] Органический закон о народном образовании 1869 г. Статья 13: «Первым достаточным основанием, исключающим применение принудительных мер для детей школьного возраста, являются телесные и душевные заболевания, признанные препятствующими учебе на осмотре, проведенном с ведома местных властей; второе основание — доказательство необходимости использовать ребенка, являющегося сыном бедняка, на работе; третье основание — занятость ребенка в читфлике во время сева и уборки урожая; четвертое основание — расположение школы более чем в получасе ходьбы от места жительства; пятое основание — отсутствие школы в том квартале, где живет ребенок, или недостаток мест в школе; шестое основание — умение ребенка читать и писать, приобретенное дома или в других специальных учреждениях» (Цит. по: *Желтяков А.Д., Петросян Ю.А.* История просвещения в Турции… С. 155).

[36] АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 748. Мостар. 1874 г. Л. 40.

[37] См.: Education Act of 1869… P. 236–237.

[38] АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 748. Мостар. 1874 г. Л. 37.

[39] Education Act of 1869… P. 236–237.

[40] АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 748. Мостар. 1874 г. Л. 31.

[41] Там же. Л. 33.

[42] Там же. Д. 2336. Сараево. 1874 г. Л. 9.

[43] Там же. Д. 748. Мостар. 1874 г. Л. 32 об.

[44] Там же. Л. 32–32 об.

[45] В середине 1850-х годов учебная литература поступала напрямую из России, но данный вид помощи оказался недейственным, после этого было принято решение закупать учебники в Сербии (подробнее см.: *Мельчакова К.В.* Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России… С. 137–140).

[46] Подробнее см.: *Бабић Б., Јанић Ј.* Сопронова печатња. Бања Лука, 2016.

[47] Там же. С. 54–55.

[48] АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 748. Мостар. 1874 г. Л. 33 об.

[49] Там же. Д. 2336. Сараево. 1874 г. Л. 8 об.

[50] Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875… С. 390.

[51] Там же. С. 401.

[52] АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2323. Сараево. 1859 г. Л. 155–160.

[53] Там же. Ф. 161/1. Главный архив. Оп. 181/2. Д. 619. Мостар. 1866 г. Л. 102–109.

[54] Там же. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2336. Сараево. 1874 г. Л. 75–76 об. Документ частично опубликован И. Тепичем (*Тепић И.* Босна и Херцеговина у руским изворима… С. 520–521).

[55] *Перазич С.* Начальные школы сербско-православных общин в Боснии и Герцеговине (1850–1875). С. 184.

[56] Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875… С. 394.

[57] Вопрос о восстановлении церковно-школьной автономии остро стоял и во времена австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины. Подробнее см.: *Пахомова Л.Ю.* Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М., 2021. С. 191–209.

DOI 10.31168/7576-0477-0.4.3

Татьяна Васильевна
НИКИТИНА

Модернизация и национализм в Греции. 1910–1932 гг.

Обращение к данной теме вызвано тем, что в настоящее время многие страны, избрав западную модель развития, приступили к модернизации, которая привела к проявлению в них крайнего национализма. Термин «модернизация» подразумевает изменения общества в целом, включая экономическую, социальную, политическую и культурную сферы. По сути — это «процесс развития» государства, в данном случае Греции, от аграрного к индустриальному. Одним из необходимых условий модернизации является формирование национального государства с эффективным централизованным управлением. В силу конфликтности национального вопроса на Балканах целесообразно рассмотреть на примере Греции взаимовлияние процесса модернизации и национализма.

Принадлежащая к западноевропейскому региону Греция в течение четырех столетий находилась в составе Османской империи и испытала сильное влияние восточного традиционализма. Греки — народ мореходов и купцов — активно участвовали в мировой торговле, выполняя посредническую роль между Востоком и Западом. В свои земли они привозили не только товары: благодаря им соотечественники познакомились с европейскими идеями и ценностями. Не случайно, обретя в 1830 г. независимость, они приступили к строительству своего государства по примеру европейских стран. В конце XIX в. греческий политик Харилаос Трикупис (1832–1896), вошедший в историю как «отец» греческой буржуазии, начал проводить реформы с целью модернизации страны, но они не были завершены. К началу XX в. под влиянием внешнего и внутреннего факторов в Греции назревали перемены. Они

обусловливались усилением экономического проникновения великих держав на Балканы и Ближний Восток, возросшим национальным движением в этом регионе, реакцией греческого общества на поражение в греко-турецкой войне 1897 г. При этом страну характеризовали слабая экономика, тяжелое положение крестьянства, ничтожное количество промышленных предприятий, общественная нестабильность и, как следствие, недовольство населения политикой властей на фоне его недостаточной политической зрелости. В таких условиях либеральные правительства Греции во главе с одним из известных политиков — Элефтериосом Венизелосом (1864–1936) приступили к модернизации страны под главным программным лозунгом создания «Великой Греции». Именно в первой трети XX в. изменения в социально-экономической и политической жизни страны были особенно динамичными.

Находясь у власти в 1910–1915 гг., 1917–1920 гг., 1928–1932 гг., либералы настойчиво шли к намеченной цели. Реализация «Великой идеи» означала, с одной стороны, укрепление государства путем реформ, а с другой, — его расширение за счет территорий, на которых проживали греки, будучи под властью Османской империи. Зародившись ещё в период господства османов, «Великая идея» оказалась чрезвычайно эффективной в деле объединения общества, помогла грекам добиться национального освобождения; «стремление к политической независимости сделало греков нацией»[1]. Представляя собой один из элементов традиционализма, «Великая идея» стала идеологией в период перехода от традиционного к современному обществу, определяя всю национальную политику либералов. Венизелос провозглашал: «Наша страна должна стать первой… Душа нации окрылена надеждой на достойное прошлого будущее Греции»[2]. Программа возрождения включала в себя политическую, военную, аграрную, налоговую, образовательную реформы, индустриализацию страны, принятие рабочего законодательства. Причем, финансовой основой реформ являлись иностранные займы европейских держав, а также капиталы зажиточных слоев греческой диаспоры.

В первую очередь, правительство Венизелоса приступило к политической реформе, осуществив ревизию Конституции 1864 г. В 1911 г. были пересмотрены некоторые статьи Основного закона. Греческое государство оставалось конституционной монархией, династия Глюксбургов сохранялась, однако функции короля, парламента и правительства были уточнены на основе разделения полномочий законодательной, исполнительной и судебной властей. Права и «обязанности» парламента расширялись и конкретизировались. Он превратился в высший, постоянно действующий орган государственной власти, без его предварительного обсуждения и голосования не мог быть принят ни один закон. Парламент утверждал государственный бюджет и принимал законы о налогах. Укреплению государственного аппарата способствовало восстановление арбитражного совета судей — Ареопага. Для повышения эффективности государственного аппарата вводился экзамен для кандидатов на занятие должности[3]. Все эти изменения создавали условия для развития политической системы и укрепления парламентаризма. Созданию сильного государства способствовало провозглашение политических свобод, прав граждан, соблюдения законности.

Изменения коснулись и партий как важнейшей составляющей политической системы. Традиционно они представляли собой личностные политические группировки, основанные на клановых принципах. Клиентелизм был одной из главных особенностей греческой действительности. Существовали и во многом характеризовали политическую атмосферу «традиционные элиты»[4] — члены различных политических группировок, представлявшие «местные» частные интересы. В стране процветали фаворитизм, коррупция, фальсификации при проведении выборов. Первой партией, соответствовавшей европейским стандартам, стала основанная Э. Венизелосом в 1910 г. Либеральная партия. Она представляла интересы торгово-промышленной буржуазии, банковского и судовладельческого капитала, а также части крупных земельных собственников, переходивших к новым методам хозяйствова-

ния. Либералы руководствовались в своей деятельности уже не клановыми и местническими интересами, а политической программой. По существу, это означало, что в развитии политической системы начался переходный этап — от клана к партии. Греческий либерализм вышел из европейского либерализма, но преобразовал его идеи применительно к национальным особенностям. Большую роль в деятельности партии либералов играла харизма её лидера Венизелоса.

Решению национального вопроса была подчинена военная реформа либералов. Для реорганизации военно-морского флота и сухопутных войск были приглашены иностранные военная и морская миссии. На переоснащение армии направлялся полученный от Англии и Франции заем в 110 млн драхм. В результате модернизации уже к 1912 г. Греция получила боеспособную армию и флот европейского образца, готовые к борьбе с Османской империей. Как считал наследный греческий принц Николай, после проведения военной реформы Греция могла «предъявить свои национальные требования соседям»[5]. Венизелос же полагал, что для модернизации Греции потребуются примерно ещё восемь лет мирной жизни, и оценивал вступление в Первую Балканскую войну с Турцией в 1912 г. как смелый поступок[6]. Тем не менее, после победоносных Балканских войн 1912–1913 гг. Греция вдвое увеличила свою территорию и численность населения, объединив в одном государстве бóльшую часть проживавших за его пределами греков.

Однако не весь политический истеблишмент в Греции поддерживал политику либералов. В годы Первой мировой войны произошло его разделение на сторонников Венизелоса — европеизаторов и их противников — роялистов-традиционалистов, поддерживавших короля Константина[7]. Программа либералов, нацеленная, по словам Венизелоса, на «создание подлинно европейского государства», стала активно претворяться в жизнь уже в 1917 г., в связи с присоединением новых территорий с пестрым по национальному составу населением[8]. Именно в это время наиболее ярко прослеживались вза-

имодействие национальной политики либералов и процесса модернизации, связь последней с национализмом. Либералы считали, что реформы укрепят Грецию в военном и дипломатическом отношении и дадут возможность в годы Первой мировой войны полностью осуществить «Великую идею» — создать Грецию с единой национальной культурой, со сплоченным обществом, сбалансированной развитой экономикой и рациональной прогрессивной ментальностью населения[9]. После Балканских войн в Греции появились турецкое, еврейское, болгарское меньшинства. Кроме того, в стране проживали так называемые греки Македонии. Официально они были греками, так как являлись паствой Константинопольского Патриарха. Некоторые из них пользовались официальным греческим языком — кафаре́вуса, но большинство говорили либо на македонском, либо на болгарском диалектах[10]. Их национальное самосознание зачастую было неопределенным. Власти опасались, что в условиях военного времени представители меньшинств либо откажутся от призыва в армию, либо не будут лояльными к властям солдатами. Опасения подтвердились: в 1916–1917 гг. многие македонские крестьяне противились мобилизации в армию. Чтобы решить вопрос об их греческой идентичности, правительство Венизелоса провело две важные реформы — аграрную, по которой македонские крестьяне получили в собственность землю, и образовательную, согласно которой обучение в школах велось на димо́тике — упрощенном, по сравнению с кафаревусой, разговорном греческом языке. Помимо интегрирования македонских крестьян в греческое государство, каждая реформа давала дополнительный эффект.

Еще в 1911 г., впервые после 1821 г., в стране был проведен полный учет сельскохозяйственных угодий. Большую часть земли составляла крупная земельная собственность — чифтлик (поместье), владельцами которой были как греки, так и турки. При пересмотре Конституции были внесены поправки, допускающие экспроприацию частной собственности, если этого требует «общественная польза», но только при условии ком-

пенсации, и продажу земли мелкими участками. Тем самым была заложена юридическая основа развития Греции по фермерскому пути. Реализуя конституционный принцип, кабинет Венизелоса разработал программу экспроприации крупной земельной собственности и наделения крестьян землей. Её реализация началась в 1917 г. Венизелос отмечал, что, лишь став собственниками, безземельные крестьяне будут уважать собственность других и даже станут её защитниками[11]. Крестьяне получали в собственность надел за назначенную сумму, срок выплаты которой был установлен в 30 лет. Были ликвидированы десятина, натуральная рента и другие феодальные повинности. Аграрная реформа закрепляла возможность частичной экспроприации чифтликов в Македонии. Земля передавалась нуждавшимся, а владельцы чифтликов получали за неё компенсацию. Главный архитектор этой реформы Андреас Михалокопулос писал в своих заметках, что аграрная реформа была вызвана не только социальными и экономическими проблемами, но и «национальной необходимостью»: сотни тысяч турок и болгар «на чифтликах» должны быть «завоеваны» правительством Венизелоса[12]. Венизелос подтвердил эту цель реформы в письме Михалокопулосу в июне 1917 г., после одобрения закона, что «не только экономическое будущее зависит от аграрной реформы, но также и прочная национальная ассимиляция Македонии»[13]. Однако претворение в жизнь агарной реформы затянулось на десятилетия. К началу 1930-х годов общая площадь чифтликов составляла 15 млн стремм (стремма — 0,1 га); крестьянам было роздано около 10 млн стремм (1 млн га). Причем беженцы получили больше земли (600 тыс. га), чем коренные жители (400 тыс. га)[14], что вызвало определенную напряженность среди сельского населения и стало миной замедленного действия: впоследствии проблема беженцев превратилась в главное средство разжигания националистических настроений в массах. В целом итогом аграрной реформы явилось превращение малого семейного сельскохозяйственного надела в основную форму частной земельной собственности в греческом селе.

Значительной остротой характеризовалась языковая проблема в стране, тормозившая реформу образования. Неотъемлемый компонент традиционализма, средневековый язык кафаревуса, на котором велось обучение, затруднял восприятие греками западной культуры. В связи с этим правительство Венизелоса заявило, что учебники для начальной школы должны быть написаны на общедоступном разговорном языке (димотика), свободном от всех архаизмов или идиом. Направленные в Македонию учителя жаловались, что не могут обучить крестьян грамоте, используя древнегреческий язык или кафаревусу[15]. В конце 1917 г. школы получили новые учебники для начальных классов, написанные на димотике. Принципиально отличались они и по содержанию: мифология уступила место сюжетам об индустриальном развитии, частной инициативе. В апреле 1919 г. был издан закон, предписывавший министерству образования посылать учителей из Старой Греции в Новую Грецию на годичное обучение. В качестве временной меры правительство решило использовать офицеров расквартированной в Македонии армии для обучения греческому языку так называемых славофонов — иноязычных православных (например, болгарское меньшинство в Западной Македонии). Первостепенное значение придавалось властями реорганизации школ в иноязычных районах Македонии. Там, как указывалось в правительственных кругах, «защита национальных интересов и престижа незамедлительно требовали понимания страны»[16]. Македонский «приоритет» обусловливался политическими соображениями, хотя в центральных районах Греции состояние государственных школ было ничуть не лучше и оценивалось как весьма плачевное.

Кабинет Венизелоса надеялся привить греческое самосознание православным крестьянам, не говорящим по-гречески. Но иначе обстояло дело с турецкой частью населения. Религиозные барьеры делали ассимиляцию этого меньшинства невозможной. В выступлении на Парижской мирной конференции в январе 1919 г. Венизелос заявил о решении правительства высылать турок на историческую родину[17]. Таким

образом, либералы остались верны идее создания мононационального греческого государства. Православные меньшинства предполагалось привлечь на свою сторону путем предоставления земельных наделов, а на школы возлагалась задача их эллинизации. Что касается мусульман, то перемещение их в Турцию в обмен на греков произошло после поражения Греции в греко-турецкой войне 1919–1922 гг., печально известной «малоазийской катастрофы», в результате которой в Греции оказались 1,5 млн беженцев из Малой Азии. Прибывшие расселились в Македонии, Эпире и на Крите. С притоком беженцев начала активно претворяться в жизнь аграрная реформа.

Модернизационные процессы актуализировали проблему подготовки квалифицированных кадров; с этой целью в стране создавались профессиональные училища. В дополнение к реформе образования в стране стала распространяться английская культура. Из Англии выписывались гувернантки, в Афинах открылся Британский колледж, а в столичном университете был сформирован профессорский состав для преподавания английского языка. Так создавалась «новая Греция», ориентированная на Запад. Таким образом, реформа образования имела важные социальные и идеологические последствия для всей Греции, так же как аграрная реформа имела социальное и экономическое значение для всей страны.

Национальной консолидации государства способствовала чрезвычайно важная налоговая реформа. Уже в годы Великой войны был введен налог на военную прибыль, которую обеспечивали в основном морские торговые перевозки. Введение налога либералы объяснили необходимостью переложить налоговое бремя с экономически слабых слоев на сильных[18]. Налоговая реформа была оформлена тремя законами. Первый устанавливал налог на наследство, второй — налог с прибыли на капитал, третий отменял множество косвенных налогов и заменял их единым национальным налогом на чистую прибыль, подоходным налогом. После Балканских войн в Греции действовали восемь различных налоговых

систем (каждый регион имел свою собственную). Например, подушный налог варьировался от 4,5 драхм на Митилене до 15 драхм на Крите. Либералы унифицировали налоговую систему, введя единый подоходный налог. Обосновывали они эту меру принципом социальной справедливости и необходимостью национального объединения[19]. Налоговые нововведения наносили ощутимый удар по местничеству. Обеспечивая быстрый рост государственных доходов, реформа объединяла и укрепляла страну экономически.

Партия либералов вновь победила на выборах в 1928 г. В знаменитой предвыборной речи в Салониках Венизелос дал обещание снова сделать Грецию «великой» и представил рассчитанную на четыре года программу модернизации[20]. Основное условие для решения этой задачи Венизелос кратко сформулировал в призыве установить дружеские отношения со всеми соседями, и великими европейскими державами, улаживать возникающие недоразумения, вести борьбу за мир. Предполагалось, что это «даст возможность Греции хозяйственно окрепнуть и вернуться к славным временам прошлого»[21]. В новых условиях либералы внесли коррективы в содержание «Великой идеи»: она в большей степени ориентировалась на развитие национальной экономики. Предусматривались меры по защите отечественной промышленности и сельского хозяйства от иностранной конкуренции, наступление на концессионный капитал. Предполагалось развернуть железнодорожное и дорожное строительство. Новому кабинету Венизелоса оппоненты отводили не более трех месяцев существования из-за наметившегося разлада в рядах «венизелистов»[22]. Однако прогноз не подтвердился: правительство действовало до 1932 г., что по греческим меркам было довольно длительным сроком. После выборов ситуация в Греции стабилизировалась. Наблюдатели отмечали постепенное освобождение национальной экономики и финансов из-под кабальной опеки иностранного капитала путем «организации» конкуренции и взаимного противопоставления его представителей[23].

Модернизационные усилия правительства либералов активно проявились в разных сферах жизнедеятельности общества. Большое внимание привлекали вопросы укрепления обороноспособности страны. На флоте появились миноносцы и подводные лодки, на современном уровне оборудовались военно-морские базы, причем в масштабах, превышавших потребности греческого флота. Была проведена национализация железных дорог, закон о которой предусматривал представительство двух рабочих в управлении и распределении прибыли[24]. Цели рабочей политики правительства Венизелос формулировал открыто, подчеркивая, что удовлетворение требований рабочих через реформирование возможно в определенных пределах — пока это не опасно для капитала[25]. Действительно, ещё в 1911–1912 гг. были приняты два важных социальных закона — закон 3934/1911 об охране здоровья и безопасности рабочих на производстве и сокращении рабочего дня и закон 429/1912, регламентирующий труд женщин и детей. Разрешалось создавать профсоюзы.

Внимание греческих либералов к социальным реформам отвечало доминировавшим в европейском образе мышления начала XX в. идеям о роли общественного фактора. Но если в развитых странах власти стремились, главным образом, снизить уровень опасности, блокируя массовое движение низов, то в Греции на первый план выдвинулась необходимость единения нации. По замыслу либералов, консолидацию страны могли обеспечить как воздействующая на менталитет греков национальная идея, так и преобразования, учитывающие интересы практически всех социальных слоев. Но власти действовали в этом плане осмотрительно: в 1920-е годы в рабочее законодательство была внесена статья, согласно которой профсоюзы не могли ставить перед собой политические цели[26]. В итоге, разрешив деятельность профсоюзов, правительство закрепило за собой право регулировать их деятельность.

Государственные инициативы открывали путь промышленному развитию страны. Тому способствовал ряд законодательных мер: упразднение свободной конвертируемости драхмы

в золото, количественные ограничения на импорт, двусторонние формы обмена по клирингу, не требующие платежей в иностранной валюте. Государство содействовало перенацеливанию ресурсов из сельскохозяйственного сектора в промышленный. В условиях мирового экономического кризиса снизился уровень международной торговли в рамках греческого рынка. Это обстоятельство также придало импульс экономической активности Греции. Она была единственной страной западного мира, чье промышленное производство в 1931 г. превысило уровень 1929 г., после чего пошло на спад. Развитие греческой промышленности основывалось, в первую очередь, на эксплуатации внутреннего рынка. Ориентируя на него индустрию, администрация Венизелоса обеспечила интенсивное развитие отраслей легкой промышленности, что было выгодно непосредственно потребителю. Если в 1928 г. на долю местной промышленности приходилось 58,61% всей национальной совокупной промышленной продукции, то в 1933 г. — уже 76,14%[27]. Одним из препятствий на пути индустриализации Греции был недостаток капиталов и отсутствие сырья. Кроме того, мощный торговый капитал предпочитал получать дивиденды от финансовых спекуляций, а не в результате инвестиций в промышленное производство. Половина акционерных обществ принадлежала иностранным владельцам и в основном действовала в горнодобывающей отрасли, остальные занимались морскими грузоперевозками. Оппоненты считали деятельность Венизелоса «бумажной» (декреты принимались один за другим), многие сомневались в реальности перемен и предсказывали главе кабинета большие трудности уже в ближайшее время. Действительно, на пути осуществления намеченной программы правительство испытывало серьезные преграды финансового характера. Иностранный, преимущественно английский, капитал, навязывал Греции кабальные условия. Англичане были недовольны чрезмерно «независимой» политикой греческого кабинета, взявшего курс на «либерализм», и появлением в стране конкурента — американского капитала, хотя его первые значительные попытки внедрить-

ся в греческую экономику не дали ещё настолько ощутимых результатов, чтобы говорить о возможности высвобождения страны в ближайшем будущем из тисков английского капитала[28]. Выразителями недовольства англичан являлись лондонский Хамбро-банк и Национальный банк в Афинах[29]. Греция была тесно связана с Англией ещё и потому, что являлась морской базой и плацдармом для операций британского флота в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Вся программа морского строительства Греции была рассчитана на сложение её легких боевых единиц флота и морской авиации с крупными боевыми единицами британского флота[30]. Английские консервативные деловые круги, недовольные политикой Венизелоса, начали оказывать нажим на его правительство: задержали намечавшееся кредитование для закупки продовольствия и усиления флота, поддержали роялистские группировки, выступавшие против Венизелоса, в результате чего его сторонники потерпели поражение на муниципальных выборах в крупнейших городах Греции и в столице[31]. Напряженность в стране усилилась в 1929 г., когда на фоне мирового экономического кризиса возросло недовольство народных масс и мелкой буржуазии агрессивными действиями иностранных (преимущественно английских) концессионеров. Упоминавшийся выше зависимый от англичан Национальный банк Греции, сосредоточивший в своих руках 65% наличного банковского капитала, следовал германскому примеру сращивания нескольких банков. Неконтролируемая деятельность иностранных кампаний в табачной промышленности, в морских перевозках, в обеспечении городского населения электроэнергией и транспортными услугами (особую активность развила английская кампания Пауэр) всё чаще вызывала всеобщее возмущение и организованные протесты в разных слоях общества — рабочих, служащих, ремесленников и крестьян. Правительство не препятствовало проведению протестных кампаний в печати, организации митингов и пр., хотя оказалось неспособным преодолеть такие негативы, как застой в коммерции, участившиеся банкротства, де-

нежный голод, рост дороговизны, ухудшение условий труда и падение заработной платы, В отдельных случаях недовольные брались за оружие. Так, в Агринионе рабочие табачных фабрик вышли на баррикады и в течение нескольких часов удерживали город в своих руках[32].

В сложившихся условиях всё чаще критиковалась внутренняя политика Венизелоса и на страницах печатных изданий. Журналисты делали акцент на бесхозяйственности администрации, росте дороговизны, проявлениях общего недовольства, усилении рабочего движения. Ответом венизелистского правительства стало ужесточение политического курса, в том числе попытки заручиться поддержкой армейских верхов. Было, в частности, увеличено жалованье старших офицеров. В то же время ограничивалась роль парламента: была сокращена продолжительность парламентских сессий, в промежутках между которыми правительство пользовалось широкими полномочиями[33]. Всё более зримой становилась растущая дифференциация между стремительно обогащающейся верхушкой общества и катастрофически беднеющими низами — рабочими и мелкой буржуазией. Усилились репрессивные действия властей против рабочих и компартии. В 1929 г. правительство приняло чрезвычайный закон против коммунистов под названием «Идионимо»[34]. Ограничивая основные личные свободы граждан, закон допускал принятие жестких мер со стороны власти против пропаганды идей, подрывающих социальный порядок. Ограничение демократии превращалось в устойчивую тенденцию внутриполитического развития. Достаточно сказать, что «Идионимо» действовал до 1974 г.

Забастовочное движение в Афинах и Пирее стало более организованным; участники действовали под боевыми лозунгами компартии. Бунтарские настроения зрели и в деревне: толпы голодных крестьян по 200–500 чел. направлялись в города — Каламату, Триккали, требуя от властей принятия срочных мер. Ответом правительства стала «филантропическая помощь» безработным и голодающим. Так, на средства муниципальных органов Афин, Пирея, Салоник было откры-

то несколько бесплатных столовых для бедноты. Однако переломить ситуацию и значительно облегчить положение народа не удалось, в результате чего правительство Венизелоса всё больше теряло опору в массах[35].

Обстановка в стране толкала Венизелоса, по его признанию, к усилению диктаторских тенденций, хотя он считал себя «диктатором на парламентской основе»[36].

Начало 1930-х годов знаменовалось ухудшением положения в стране. Греция вступила в полосу чрезвычайно острого хозяйственного кризиса. Промышленность, лишенная собственных топливных ресурсов, зависела от импортеров угля и нефти. Использование водной энергии требовало огромных затрат, то есть новых займов иностранного капитала, и без того державшего Грецию в кабальной зависимости. В сельском хозяйстве также наблюдалось засилье иностранцев, которые ориентировали отрасль на производство интенсивных культур — табака и винограда, обеспечивая импорт зерна из Америки и Канады. Аграрная реформа, проведенная на основе законов 1917 и 1926 гг., не решила вопроса о наделении крестьян землей: было отчуждено чуть более половины (55%) крупных поместий[37]. Кроме того, как отмечалось выше, правительство отдавало приоритет в наделении землей беженцам, пытаясь завоевать их доверие и привлечь на свою сторону[38].

Трудное экономическое положение Греции отмечалось в докладе Финансового комитета Лиги Наций, представленном в Совет Лиги. Выводы были пессимистическими: отмечались заметное сокращение золотого запаса страны, резкое падение доходов, поступавших от морских торговых перевозок, туризма, валютных операций греческих граждан, переводивших средства из-за границы, а также невозможность выполнить обязательства по внешнему долгу Греции. В свою очередь, греческое правительство обратилось в Финансовый комитет Лиги с просьбой объявить пятилетний мораторий на погашение внешнего долга, а также предоставить новый заем в 10 млн фунтов, выплачиваемый траншами на протяжении пяти лет. Однако ходатайство греческого правительства не бы-

ло поддержано. Финансовый комитет высказался за немедленное обследование убыточного железнодорожного хозяйства Греции специальным ревизором Лиги Наций с учетом возможности создания смешанного управления государственными и частными железными дорогами. Было также предложено повысить почтовые тарифы и налоги в стране. Дело дошло до того, что один из членов Финансового комитета пренебрежительно рекомендовал грекам ликвидировать школы, поскольку нищей стране не следует думать о народном образовании[39].

Заключения Финансового комитета нанесли тяжелый удар правительству Венизелоса, постоянно заверявшему общество, что финансовую помощь Греции со стороны держав-покровительниц можно считать вполне обеспеченной. Антивенизелистская пресса вместе с оппозицией в парламенте открыто стали требовать отставки правительства. На выборах 1932 г. Либеральная партия и её лидер потерпели поражение.

* * *

Оценивая модернизационный процесс в Греции в первой трети XX в., следует признать, что реформы администрации Венизелоса дали мощный толчок развитию страны. Была осуществлена аграрная реформа, начата индустриализация, принято рабочее законодательство, созданы профсоюзы, на политической сцене появилась рабочая партия. В результате образовательной реформы возросла грамотность населения. Изменилась социальная структура общества — один из главных показателей модернизационного процесса. В Греции появились крестьяне-фермеры, наемные рабочие, мелкие и средние предприниматели, крупные финансисты, торговцы, промышленники. Тем не менее, модернизация не была завершена, и государство не смогло избежать кризиса. Главной причиной незавершенности реформ являлось отсутствие соответствующего социально-экономического и культурно-политического контекста для преобразований. Хроническая нехватка капитала обусловила постоянное обращение правительства

к великим державам за финансовой помощью. Зависимость от иностранных займов усиливала привязанность Греции к внешним акторам, для которых страна была объектом большой геополитической «игры».

Модернизационные процессы развивались в Греции при сильном влиянии традиционализма. Традиции в стране преобладали над европеизмом. Так, не был до конца преодолен клиентелизм; на протяжении всего межвоенного периода наблюдалась борьба традиционных политических элит с «европеизаторами». Из-за слабости политических партий возросла активная роль армии, о чем свидетельствовали частые военные перевороты. Кредо либералов — свобода — было перечеркнуто законом «Идионимо», что привело к существенному сужению социальной базы партии Венизелоса и свело на нет многие предыдущие реформы. Рабочие отныне становились объектом повышенного внимания левых партий.

Элефтериос Венизелос вошел в историю Греции как западник и националист. Ему удалось увеличить территорию и население страны в два раза. Он начал процесс превращения Греции в современное, прогрессивное, экономически растущее государство, взяв за образец развитые западноевропейские страны. При этом политическая модернизация обгоняла социально-экономическую: было создано национальное централизованное государство, что являлось необходимым условием для дальнейших реформ. Деятельность Венизелоса, его роль в формировании современной Греции подтверждает важное значение лидера в политической жизни страны. Проводя реформы под лозунгом «Великой Греции», Венизелос сумел добиться консолидации греческого общества в процессе модернизации, укрепить страну, кардинально изменить её облик. Присоединение территорий, населенных греками, перемещение населения, а также эллинизация «славофонов» — вот средства осуществления его политики. Греческий опыт показывает, что модернизация страны вела к усилению национализма, логичным финалом которого явилась «малоазийская катастрофа» 1922 года.

Политика греческих либералов дает пример формирования особого типа национализма на Балканах, обеспечивающего преодоление отсталости в буржуазном развитии. В ходе модернизационного процесса роль национализма оказалась двойственной; с одной стороны, учитывая отчасти национально-государственные интересы, он способствовал самоорганизации нации, т.е. успеху модернизации, с другой стороны, — тормозил демократические процессы[40]. Подтверждением тому явился последний период правления либералов.

Примечания

1 Национализм: теория и практика. М., 1994. С. 16.

2 Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. Политархив. Оп. 1. Д. 330. Л. 24–27.

3 *Никитина Т.В.* Э. Венизелос — идеолог и практик греческого либерализма. 1864–1936 // Новая и Новейшая история. 1995. № 2. С. 140.

4 *Seferiadis S.* Politico-institutional modernization and contemporary voluntarist fixations: Some thoughts from the hyper-politicization of the political in the study of Greek state formation (1872–1934) // Ο Ελληνικός Κόσμος ανάμεσα στην Ανατολή και τη Δύση 1453–1981. Τ.Β. Αθήνα, 1999. Σ. 93.

5 Nicholas, Prince of Greece. My Fifty Years. London, 1926. P. 229.

6 Αρχείο της Π.Σ. Δέλτα. Τ.Α. Αθήνα, 1983. Σ. 56.

7 Подробнее см.: *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. М., 1990.

8 *Βενιζέλος Ε.* Τα Κείμενα. Τ.Α. Αθήνα,1981. Σ. 464.

9 *Gibbons H.A*. Venizelos. London, 1921. P. 187.

10 *Αργυρόπουλος Π.* Απομνιμονεύματα. Αθήνα, 1970. Σ. 241.

11 Ιστορία του ελληνικού έθνους. Τ. ΙΕ. 1978. Σ. 297.

12 *Γατόπουλος Δ.* Ανδρέας Μιχαλοκόπουλος. 1875–1938. Αθήνα, 1947. Σ. 95–96.

13 Στο ίδιο. Σ. 89.

14 *Βεργόπουλος Κ.* Το αγροτικό ζήτημα στην Ελλάδα. Αθήνα, 1975. Σ. 154.

15 *Φρανγουδάκης Α*. Ο εκπαιδευτικός δημοτικισμός και ο γλωσσικός συμβιβασμός 1911. Ιωάννινα, 1977. Σ. 68–69.

16 Εφημερίς της Κυβερνήσεως. 30(13).05.1919.

17 *Βενιζέλος Ε.* Τα Κείμενα. Τ.Α. Αθήνα, 1981. Σ. 505.

18 «Αθήναι». 4(17).10.1917.

19 Εφημερίς των συζητήσεων της Βουλής. 1(14).12.1918. Αθήνα,1931. Σ. 570–573.

20 АВП РФ. Ф. 084. Оп. 8. П. 113. Д. 4. Л. 131.

[21] Там же. Л. 129.
[22] Там же. Л. 57.
[23] Там же. Л. 119.
[24] *Βενιζέλος Ε.* Τα Κείμενα. Τ.Γ.Αθήνα.1981. Σ. 99–100.
[25] Στο ίδιο. Σ. 101.
[26] *Βενιζέλος Ε.* Τα Κείμενα. Τ.Β. Αθήνα, 1981. Σ. 694.
[27] Ανώτατον Οικονομικό Συμβούλιο. Η Ελληνική κατά το 1935. Αθήνα, 1936. Σ. 54.
[28] АВП РФ. Ф. 084. Оп. 9. П. 115. Д. 5. Л. 121.
[29] Там же. Д. 2. Л. 12.
[30] Там же. Л. 16.
[31] Там же. Л. 15.
[32] Там же. Л. 37.
[33] Там же. Л. 36.
[34] Там же. Л. 15.
[35] Там же. Оп. 12. П. 119. Д. 1. Л. 14.
[36] Там же. Оп. 9. П. 115. Д. 2. Л. 36.
[37] Там же. Оп. 10. П. 117. Д. 1. Л. 103.
[38] Там же. Л. 167.
[39] Там же. Оп. 12. П. 119. Д. 1. Л. 92.
[40] *Лапина И.М.* «Великая идея» на Балканах (вторая половина XIX — начало XX вв.). Материалы школы молодых славистов и балканистов. Звенигород, 1988. С. 112.

DOI 10.31168/7576-0477-0.4.4

Татьяна Викторовна
ВОЛОКИТИНА

Советская модель в Болгарии как социалистический модернизационный проект (1950-е — 1960-е годы)[*]

«Болгарский социализм» представлял собой модернизационный проект, реализованный на практике и, следовательно, имевший конкретные итоги. Крах коммунистического режима в Болгарии в конце 1980-х годов позволяет исследовать, что важно, уже завершенный процесс, хотя не спадающая высокая волна критики социалистического прошлого придает большинству вопросов остроту и дискуссионный характер.

Во второй половине XX в. болгарскому руководству была известна не только базовая советская, но также и отражавшие поиски оптимальных вариантов модернизации социализма югославская, китайская и чехословацкая модели. Признается в литературе и наличие региональной «балканской социалистической модели», адаптация которой к советской «матрице» оказалась более простой, нежели в Центральной Европе. В целом же, несмотря на национальные различия, в странах «социалистического лагеря» реальностью стала, по признанию политологов, лайтовая (от англ. *light* — облегченная, или смягченная) версия социализма[1], что впоследствии обусловило не столь болезненный разрыв с советской моделью, как на её родине — в СССР.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Проект № 20-59-18004 «Векторы исторического развития и национальные идеи на Балканах в XVIII–XXI вв.».

К историографии проблемы

Обращаясь к реалиям середины XX в., исследователи подчас нередко недооценивают тот факт, что советское руководство восприняло более спокойно доктрину Трумэна (март 1947 г.), зафиксировавшую политический поворот США от политики соперничества-партнерства с СССР к противостоянию с ним, нежели план Маршалла (июнь 1947 г.), чреватый угрозой отрыва Восточной Европы от советской экономической сферы влияния[2]. Оказавшись за «красными флажками» «маршаллизованной» Европы, Советский Союз был вынужден утверждаться в своей сфере ответственности, не только используя «железный занавес», но и интернационализируя собственную действующую модель. Механизмы советского проникновения в регион оказались, несмотря на определенную специфику стран и разный уровень их развития, практически идентичными[3]. Формирование в конце 1940-х годов социалистического международного разделения труда означало появление новой международной экономической системы, в которой СССР играл ведущую роль. Всё вышесказанное, на наш взгляд, ограничивает процесс внедрения советской модели определенными хронологическими рамками, отсрочивает «советизацию» региона и выводит её за временно́й периметр народно-демократического этапа (1944–1948 гг.). А между тем в современной болгарской историографии старт советской модели в Болгарии чаще всего связывается с государственным переворотом 9 сентября 1944 г., который трактуется как очередная, третья по счету, «национальная катастрофа» и начало коммунистического тоталитаризма, приравниваемые к «перелому позвоночника» болгарской истории[4]. Вхождение Болгарии в советскую «сферу ответственности» нередко рассматривается с позиций предопределенности, безальтернативности развития, «навязанности» советской модели стране, не имевшей на то никаких реальных политических и экономических предпосылок. Но правомерна ли такая категоричность? Вряд ли случайно авторитетная болгарская исследовательница проф. *Илияна*

Марчева (здесь и далее курсив мой. — *Т. В.*) охарактеризовала этот тезис как «вечную дилемму в болгарской истории»[5]. В нашем случае суждение о безальтернативности подразумевает, что исходивший из Москвы волюнтаристский импульс, намеренно, в гегемонистских целях советского руководства, лишал болгарского «младшего брата» субъектности. Но как быть в таком случае с доводами признанных в гуманитарном сообществе исследователей, отвергавших идею предопределенности исторических событий? Напомню, что ещё в 1938 г. выдающийся французский философ и социолог *Раймон Арон* (1905–1983) настаивал: *«История свободна, ибо она заранее не написана и не детерминирована, как природа или фатальность; она непредсказуема, как человек для самого себя»*. Считая, что предопределенность следует *доказывать*, а не утверждать голословно, Арон в качестве её антипода указывал на различные альтернативы будущего, которые, в свою очередь, способны меняться в результате деятельности, как групп людей, так и отдельных личностей[6]. Альтернативность исторического процесса признала в перестроечный период и немалая часть российских исследователей, и, более того, за новым подходом закрепилась в отечественной историографии оценка «самого серьезного приобретения» национальной исторической науки конца минувшего столетия[7].

Уже в начальный период болгарской перестройки в конце 1980-х годов в национальной историографии обозначилась проблема преемственности «болгарского социализма». Она слабо коррелирует с тезисом о «навязанности» советской модели. Его сторонники (среди них активно исследующие экономические проблемы известные историки *Димитр Луджев* и *Мартин Иванов*) утверждают, например, что если бы не Красная Армия, то развитие Болгарии пошло по «естественному» пути «демократического этатизма», социальной политики в духе кейнсианства, а «уродливый коммунистический проект» не был воплощен в жизнь[8]. При бесспорно точной оценке болгарской модернизации как ускорителя экономического развития негативная версия модернизации — подчеркивание «агрессивной»

роли внешнего фактора («навязанность» советской модели) оставляет в тени встречное явление — *готовность* болгарской стороны применить чужую модель, опираясь на исторический прецедент. Осенью 1944 г. экономическая политика государства началась вовсе не «с чистого листа», зафиксировав переломную точку, с которой ведется отсчет «болгарского социализма», а демонстрировала известную преемственность. К такому выводу подводит читателя исследование экономиста и историка *Румена Аврамова*, изучившего феномены этатизма и кооперативизма и, что важно, их укорененность в болгарском обществе.

Подчеркнув, в частности, масштабы распространения кооперативистских установок, Аврамов пишет о них как о *«доступной и желанной альтернативе»,* своего рода образе жизни болгарина. *«Очевидно,* — заключает автор, — *люди, жившие в подобной среде и создававшие в её рамках стандарты своего экономического мышления, в общих чертах были подготовлены к социализму»*[9]. Отмечу, что российский историк *Р.П. Гришина,* высоко оценивавшая исследование болгарского коллеги, констатировала, что это наблюдение Аврамова «очень важно для понимания *всего* экономического XX века Болгарии»[10]. Но, полагаю, резонно задаться вопросом, о каком «социализме» шла речь? И не повторялся ли в Болгарии в определенной мере исторический опыт России, где в начале XX столетия народные массы, по определению политического и государственного деятеля, консерватора и умеренного монархиста П.Н. Дурново, воспринимали принципы *«бессознательного социализма»*, способного, тем не менее, «поднять и сгруппировать широкие слои населения»?[11] Возможно, это может стать предметом дополнительного изучения.

Феномен «болгарского социализма» Аврамов трактует не как аберрацию предыдущего развития и/или «радикальный исторический перелом», подчеркивая, что для объяснения возникновения указанного феномена исключительно важен подход с позиций континуитета, то есть непрерывности и преемственности. К знаковому 1944 г., в Болгарии, по мнению исследовате-

ля, существовал полуразвитый «коммунальный капитализм», преимущественно государственного, кейнсианского типа, а экономически и интеллектуально страна была «беременна коммунизмом». Вывод Аврамова стал объектом дискуссии, в ходе которой М. Иванов выдвинул контргипотезу «эволюционного перехода» от полутрадиционного к традиционному обществу при низкой «себестоимости» этого процесса для общества[12]. Несмотря на различия позиций, оба автора признают, что коммунистический (советский) вариант модернизации был иррациональной моделью, при которой ускоренный переход к социализму осуществлялся грубыми, негуманными методами.

Вопрос о «почве» «болгарского социализма» не обошла вниманием и известная болгарская исследовательница проф. *Искра Баева*, отметившая, что ещё во время Второй мировой войны сравнительно широкие круги болгарского общества сделали свой выбор в пользу социализма советского образца. Это, по её мнению, подтверждается созданием в стране центров и сети сопротивления с преобладанием коммунистов, их доминированием в партизанском движении, боевых группах, организациях Отечественного фронта (ОФ)[13]. Доказанным фактом является и наличие советских каналов помощи и прямого содействия болгарским коммунистам. Попытки западных союзников по антигитлеровской коалиции создать под своим контролем центры Сопротивления не удались.

В начале 1940-х годов в болгарских «верхах» осознавалась необходимость модернизации, в частности, индустриализации и покровительства государства развитию промышленных отраслей. В двух мобилизационных планах на 1942/1943 и 1943/1944 гг. предусматривалось наращивание имевшихся мощностей производства чугуна и железа и освоение новых, связанных с получением серной и соляной кислот, кальцинированной соды, медного купороса, синтетического каучука. Ещё до войны были спроектированы железная дорога Перник–Волуя́к, водохранилища «Копри́нка» и «Александр Стамболийский», перевал Республики (бывш. Хаимбоа́з) и др. объекты. Решение этих задач пришлось на вторую половину

1940-х годов и на время первой пятилетки (1949–1953 гг.), то есть уже при народной власти. Болгарским хозяйственным деятелям был, несомненно, известен и международный опыт масштабной модернизации, а именно участие английского, французского, бельгийского и иных капиталов в превращении США в индустриальную державу и в создании промышленных районов в Российской империи (Донбасс, Баку и пр.). На основании этих и подобных сведений И. Марчева констатирует, что в основных своих чертах «советский рецепт модернизации был знаком болгарской экономике»[14]. В болгарских хозяйственных кругах никогда не скрывали расчет на внешний, в том числе и советский, фактор, считая его важным элементом экономического развития. В первые годы народной власти оптимальное решение экономических задач (импорт сырья и некоторых видов промышленной продукции) связывалось с возможностью использовать дружественные отношения с СССР, причем высказывались за это не только коммунисты[15]. Объем советских инвестиций в болгарскую экономику достаточно хорошо освещен в исторических работах, так же как и статистика прямых поставок сырья и оборудования, помощи специалистами и пр., хотя в наши дни прежние выводы о положительном вкладе советского союзника нередко безапелляционно вытесняются мифами о «грабительской» политике Москвы[16].

С точки зрения ориентации на ту или иную общественную модель развития большое значение имели качественные характеристики болгарского общества и, прежде всего, рабочего класса — выходца из сельских и добуржуазных городских слоев, не утратившего связей с прежней социальной средой. Обнищание и люмпенизация в военное время не могли не сказаться на его социальных ориентирах, отмеченных влиянием психологии маргиналов: тягой к социальной нивелировке, радикальному элементарному переделу собственности. Не случайно социологи и политологи подметили, что в странах с крестьянской спецификой, отягощенной к тому же докапиталистическими структурами, в период перехода к инду-

стриальной цивилизации рабочий класс выступает субъектом перехода не к посткапиталистическому, а к альтернативному по отношению к капитализму индустриальному обществу[17]. Это дает основание рассматривать переходную общественную модель народной демократии как некапиталистический строй с первоначальными социалистическими элементами и неизжитыми прежними укладами[18].

В целом вопрос о подготовленной к социализму болгарской «почве» остается в числе дискуссионных.

Изучение западными, прежде всего, американскими, историками, социологами, экономистами особенностей модернизации малых периферийных государств с сильной внешней обусловленностью внутриполитического развития, что было свойственно Балканам в целом и Болгарии в частности, привлекло внимание известного болгарского философа проф. *Васила Проданова.* Проанализировав труды Р. Брауна, С. Липсета, С. Хантингтона[19], Проданов присоединился к их выводу о том, что для преодоления неизбежно возникающей при «догоняющей» модернизации нестабильности общества (не путать с результатом процесса — модернизационностью, напротив, означающей, по Хантингтону, стабильность!) насилие, независимо от характера применяемой модели, является единственным «универсальным» средством, хотя и вступающим в противоречие с благородными и конструктивными замыслами любого рода реформ — социальных, экономических, политических. При этом, как выход из нестабильности, насилие находит отклик в широких кругах общества (среди сельского населения и рабочих). С точки зрения исследуемой нами проблемы крайне важны выводы известного американского экономиста *А. Гершенкрона,* специально изучившего в философско-социологическом ракурсе стартовые позиции «догоняющей» модернизации в Болгарии. «Основной ценностью» болгарского опыта ученый считает «упущенные возможности», причем, в первую очередь, в политической сфере. К 1944 г. действовавшая в стране политическая система оказалась неспособной мобилизовать необходимые предпосылки «догоняющего» развития

и эффективной индустриализации, но в то же время создала основания для возникновения различных форм насилия[20]. Этот вывод крайне важен при рассмотрении эндогенной составляющей процесса реализации в стране советской модели.

В свете вышесказанного особенно интересны заключения И. Марчевой. Прослеживая в своих известных работах по экономической истории судьбу советской модели в Болгарии, она акцентировала внимание на правомерности использования двух близких по звучанию болгарских терминов — «нала́гане» (болг. «навязывание») и «прила́гане» (болг. «внедрение»). Марчева считает, что эти термины характеризуют синхронные проявления, соответственно, внешнего и внутреннего факторов, пытается выяснить, как воспринималось и оценивалось болгарским обществом внешнее воздействие — как осознанная необходимость, дань «моде» или что-то иное. Автор справедливо указывает, что если внешний фактор преследует политические и стратегические цели, то внутренний — помимо естественного политического интереса — обращен и на достижение определенных экономических выгод для страны[21].

Признавая важность модернизационных процессов во всех основных сферах жизни общества — политической, социальной, культурной, демографической, социокультурной, следует отметить, что гораздо чаще авторы сосредоточивают свое внимание на дихотомии: модернизация — индустриализация и сопутствующих ей явлениях. Индустриализация суть обязательное условие модернизации любой страны. Отсюда большой интерес исследователей к этой проблеме. Это касается и «эталонной» советской индустриализации, некоторые итоги изучения которой обобщены в историографических исследованиях советских / российских авторов[22].

В социалистический период истории Болгарии многие авторы сосредоточивались на изучении экономической составляющей «болгарского социализма». Предпринимались попытки сравнения Болгарии с развитым Западом, указывалось на намерение догнать его и перегнать, пройти за считаные годы путь, требовавший усилий нескольких поколений, констати-

ровались реальные успехи социалистического строительства. На этапе строительства «развитого социализма», начавшегося в соответствии с решением X съезда Болгарской коммунистической партии (БКП) в апреле 1971 г., рассматривались критерии развитости общества, соотношение болгарского варианта модернизации с иными теориями и пр. В новых условиях социально-экономической трансформации, развернувшейся после «нежной революции» в конце 1989 г., проблематика социализма и связанного с ним «советского фактора» стала едва ли не главным объектом начавшейся в болгарской науке «реинтерпретации», то есть нового прочтения истории. Этот процесс привлек внимание работающего в широком проблемно-хронологическом диапазоне болгарского историка *Николая Поппетрова*, особо подчеркнувшего, что в наши дни «реинтерпретация» остается актуальной исследовательской парадигмой и, более того, не имеет сколько-нибудь серьезной альтернативы[23].

Советская модель «догоняющей» модернизации

Анализируя советскую модель, исследователи определяют её сущность как «неорганическую» или «догоняющую» модернизацию, цель которой сводилась к преодолению в кратчайшие сроки отставания от передовых государств. Суть процессов «догоняющей» модернизации составляют индустриализация и создание индустриальной культуры, производство «масс» — особой неструктурированной и неоднородной общности, вступающей в историю вместо автономного индивида[24]. В отличие от классической «органической» модернизации, характерной для стран «старого капитализма» с развитыми демократическими традициями и наличием институтов гражданского общества[25], модернизация «догоняющего» типа, как правило, осуществляется «сверху», при ведущей роли государства, жесткими методами[26].

В начале XX в. аграрно-промышленная Россия находилась на развилке — между реформами и революцией. К тому времени магистральным путем мирового прогресса считалось

развитие тяжелой промышленности. Поэтому, размышляя о перспективах построения социализма, большевики предусматривали создание индустриального общества с типичными для него крупными формами производства и концентрацией городского пролетариата. В условиях враждебного окружения советской страны её продвижение по пути индустриализации и кооперирования сельского хозяйства и, как следствие, достижение полной экономической независимости от международного разделения труда задумывалось осуществить быстрыми темпами. Ориентируясь при этом на «передовые страны» Запада, Ленин ещё в сентябре 1917 г. сформулировал задачу догнать и перегнать их *экономически*[27].

Хозяйственная разруха и гражданская война обусловили переход к политике «военного коммунизма», предполагавшей мобилизацию всех сил и ресурсов на оборону страны. Её характерными чертами были крайняя централизация управления экономикой, национализация крупной, средней и даже (частично) мелкой промышленности, государственная монополия на многие продукты сельского хозяйства, продразверстка, запрет частной торговли, свертывание товарно-денежных отношений, уравнивание в распределении материальных благ, использование армии и милиции в народном хозяйстве. Такая политика основывалась на коммунистической идеологии, в соответствии с которой идеал планового хозяйства виделся в превращении страны в единую «фабрику», головная «контора» которой непосредственно управляет всеми хозяйственными процессами[28]. Идея немедленного построения бестоварного социализма путем замены торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов обрела статус партийной установки на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г.

В социальной сфере политика «военного коммунизма» опиралась на принцип «Кто не работает, тот не ест». Была введена трудовая повинность для представителей бывших эксплуататорских классов, а в 1920 г. — всеобщая трудовая повинность. Принудительная мобилизация трудовых ресурсов осуществля-

лась с помощью трудовых армий, направляемых на восстановление транспорта, строительные работы и пр. Натурализация оплаты труда обеспечивала предоставление бесплатного жилья, коммунальных, транспортных, почтовых и телеграфных услуг.

В политической сфере установилась безраздельная диктатура РКП(б). Партия большевиков перестала быть чисто политической организацией, её аппарат постепенно срастался с государственными структурами. Она определяла политическую, идеологическую, экономическую и культурную ситуацию в стране, даже личную жизнь граждан.

В духовной сфере марксизм становился господствующей идеологией, утверждалась мораль, оправдывающая любые действия в интересах революции, формировалась вера во всемогущество насилия.

В результате проведения политики «военного коммунизма» были созданы социально-экономические условия для победы Советской республики над интервентами и белогвардейцами. Однако для экономики страны «военный коммунизм» имел тяжелые последствия. Нарушение рыночных отношений вызвало дезорганизацию финансов, сокращение производства в промышленности и сельском хозяйстве. Острый политический и экономический кризис подтолкнул советское руководство, по словам Ленина, к пересмотру «всей [...] точки зрения на социализм»[29]. После широкой партийной дискуссии на рубеже 1920–1921 гг. началась постепенная отмена политики «военного коммунизма». Реальностью становилась новая экономическая политика. Ленин сравнивал связь между «военным коммунизмом» и НЭПом с «верёвкой», которую следовало немного «отпустить», ослабить, но не разрывать. При этом сохранялся жесткий контроль партийно-государственных структур над экономикой страны.

НЭП предполагал денационализацию мелкой и части средней промышленности и управления хозяйством, развитие сельскохозяйственной кооперации, отмену всеобщей трудовой повинности, использование наемного труда и допущение сво-

боды торговли в ограниченных пределах. Однако если вначале новую экономическую политику Ленин считал временным «тактическим отступлением», то к концу 1921 г. НЭП как модель плюралистской экономической демократии стала рассматриваться в качестве необходимого и длительного этапа капиталистической «выучки», повышения «культурности» всего населения, этапа, вводимого «всерьез и надолго», хотя и не навсегда. Основная цель заключалась в создании экономически регулируемого рынка. Соответствующие мероприятия Ленин определял как возврат к государственному капитализму, как «посредствующему звену между мелким производством и социализмом, как средству, пути, приему, способу повышения производительных сил»[30]. В Политическом отчете ЦК РКП(б) на XI съезде партии (март 1922 г.) разъяснялось: «Государственный капитализм — это тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот госкапитализм связан с государством, а государство — это рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы» (т.е. партия большевиков. — *Т. В.*)[31]. Государственный капитализм становился симбиозом, отражавшим одновременно соперничество и сотрудничество двух укладов.

Вопреки ленинскому прогнозу антикризисная «нэповская» модель просуществовала недолго. После смерти советского лидера расчет был сделан на резкий рывок в развитии страны. В этих условиях состоялся переход к новой модели — социализму «по Сталину». Для стратегии рывка нужна четкая и убедительная мотивация, поскольку, как считают исследователи, каждый рывок есть отклонение от естественного развития и может вызвать негативные последствия. Советское руководство в целом умело обосновывало свои действия международной обстановкой: ожиданием грядущей войны, враждебным окружением СССР. Нельзя не заметить, что и «пришпоривание» (определение акад. Мито Исусова) революционного процесса в Восточной Европе, в том числе и в Болгарии[32], в конце 1940-х годов со всеми вытекавшими из этого экономическими последствиями тоже было продиктовано международными ус-

ловиями — ухудшением отношений между вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции и быстро набиравшей темпы «холодной войной».

Ориентированная изначально по своим целям на западноевропейскую модернизацию с приоритетным развитием промышленности за счет развитого сельского хозяйства и легкой промышленности, советская модель формировалась в условиях тотальной экономической власти и мощи «партии-государства», обеспечивавшего централизованное, директивное, плановое, командно-административное управление экономическими процессами. Это обусловило её принципиальные отличия от западного прототипа. Впоследствии советская модель будет меняться: переживет смену хозяйственных приоритетов, децентрализацию управления, попытки сочетать «план» и «рынок». Но постоянной величиной в ней останутся огосударствленная экономика и руководящая роль монопольно правящей коммунистической партии.

1948–1953 гг. По сталинскому рецепту: советская модель в Болгарии

После государственного переворота в сентябре 1944 г. и установления в стране коалиционной власти ОФ болгарские коммунисты, безусловно, воспринимали перспективу утверждения в стране советской модели. Рассчитывая на социальный эффект индустриализации и кооперирования сельского хозяйства (устранение аграрной безработицы, укрепление опоры новой власти), они верили и в эффект экономический: внедряя советскую модель, вывести собственную страну на европейские рубежи развития, преодолеть отсталость и, развивая промышленность, занять свою нишу среди малых европейских государств, обладавших машинной индустрией. Реальным ориентиром считались Швейцария, Швеция, Норвегия, Бельгия и некоторые другие страны. Ещё осенью 1945 г. об этом говорил один из коммунистических функционеров Васил Коларов, выступая перед руководителями партий ОФ[33].

Лидер компартии Георгий Димитров, проведший длительное время в СССР, был искренним сторонником народно-демократической модели, хорошо понимал, что она не только не состыковывалась с советской моделью, но и оправдывала себя в болгарских условиях как политически, так и экономически. Данная модель предполагала наличие парламентской формы управления и многопартийность, плюрализм форм собственности (государственной, кооперативной, общинной, мелкотоварной, частнокапиталистической), ставку на «патриотически настроенных» промышленников и торговцев, готовых подключиться к решению общенациональных задач[34].

Однако в новых геополитических условиях, после установления в 1948 г. в стране властной монополии БКП официальный установочный характер обрела ориентация на советскую «матрицу». Страна готовилась повторить советский опыт ускоренного промышленного развития 1930-х годов. Понимая и приветствуя это, Москва разными способами, политическими и экономическими, содействовала внедрению и укоренению советской модели. Но, руководствуясь прагматическими соображениями, советское руководство неоднократно серьезно корректировало ход указанного процесса, мало заботясь о том, чего стоили те или иные зигзаги болгарской стороне. Так, по «совету» Сталина, разработчики первого пятилетнего плана (1949–1953 гг.) предусматривали превращение Болгарии в промышленно-аграрную страну путем ускоренной «нерыночной» индустриализации, электрификации и кооперирования сельского хозяйства, что в условиях закрытости экономики означало создание автаркической модели. Само по себе это означало повторение советского опыта. Озвученная на съезде Г. Димитровым задача «достичь за 15–20 лет того уровня развития, на что другим странам в других условиях потребовалось целое столетие» прямо восходила к сталинскому призыву 1930-х годов — ликвидировать отставание России от передовых стран на 50–100 лет, для чего следовало «пробежать это расстояние в 10 лет». Сталин предупреждал: «Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[35].

Болгарский лидер указал на необходимость рассчитывать, в первую очередь, на собственные силы и ресурсы — «на свой труд, бережливость и экономное и рациональное использование своих средств и возможностей»[36]. Но создание в январе 1949 г. Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), перспективы формирования в рамках «социалистического лагеря» системы международного разделения труда неминуемо касались судьбы автаркической модели, что хорошо понимали и в Софии, и в Москве. Возникавшая перспектива перемен отвечала состоянию и реальным потребностям болгарской экономики, позволяла внести некоторые коррективы в болезненный вопрос об источниках индустриализации, учесть настроения городского и сельского населения. Не случайно на встречах болгарских руководителей со Сталиным в Москве в середине апреля и, особенно, в конце мая 1949 г. остро был поставлен вопрос об изменении отношения к середняку. Исходя из советского опыта, Сталин одобрил намерение болгарских коммунистов «поправить» политику в деревне с целью укрепления союза рабочих и крестьян. «Совет» Сталина заключался в необходимости предоставить деревне «передышку», в том числе, и путем установления пропорций изъятия товарной продукции деревни по твердым ценам. Советский руководитель предложил ввести следующую схему: у кулаков изымать до 80% товарной продукции, у середняков — до 40% и у бедняков — до 10%, предупредив, однако, что определить реальный объем товарной части продукции очень трудно, особенно у бедняков[37].

Подробно изучивший преобразования в сельском хозяйстве Владимир Мигев убедительно увязал сталинский «совет» с намерением не допустить обострения обстановки в стране в условиях, когда усиление атаки советского блока против Югославии было чревато общим ухудшением положения дел на Балканах[38].

В соответствии с советской позицией решения июньского (1949 г.) пленума ЦК БКП нацеливали на «существенную коррекцию» политики в сельском хозяйстве[39]. В докладе пар-

тийного лидера Вылко Червенкова, согласованном с находившимся в Москве на лечении Г. Димитровым, отмечалось, что коммунисты слишком «закрутили гайки» в деревне, действовали фактически методами «военного коммунизма», от которых теперь следовало отказаться. Червенков привел слова Димитрова, что в болгарских условиях намечавшийся поворот следует рассматривать как «своего рода НЭП»[40]. Речь шла об увеличении товарных излишков, которые производитель мог бы продавать по свободным ценам, о прогрессивном распределении обязательных поставок сельхозпродукции государству, введении твердых и низких цен при государственных закупках продовольствия, особенно зерна, повышении материальной заинтересованности крестьянства. Характерно, что сталинская «схема», устанавливавшая объемы обязательных поставок, не была применена. Возможно, по причине особенностей болгарского кулачества. Сельская буржуазия представляла собой малый слой деревенских собственников (в конце 1930-х годов — всего 3,3% сельских хозяев), и её земельные наделы не всегда отличались от середняцких. По сравнению с другими странами болгарский сельский буржуа гораздо менее широко использовал наемный труд, сам постоянно бывал занят в сельскохозяйственных работах. Быт его не сильно отличался от остальных крестьян, не говоря уже о традициях и культуре. Капиталистическое накопление он осуществлял в основном посредничеством между крупным торговым, банковским и промышленным капиталом и остальными слоями сельского населения. Значительная часть средств вкладывалась в содержание мельниц, сельхозинвентаря, шерстечесальных машин, деревенских корчм и бакалейных лавок. Остальное сельское население эксплуатировалось, прежде всего, по этим каналам. Иными словами, болгарский кулак не вписывался в традиционные представления, характерные для российской деревни. Тем не менее, вследствие идеологической зашоренности болгарских руководителей они охотно использовали определение «кулак», явно отдавая ему предпочтение перед обобщенной дефиницией «капиталистические элементы в деревне».

Различия в конкретно-исторических условиях СССР и Болгарии не помешали Червенкову выстроить свой доклад на основе установок советского лидера по крестьянскому вопросу, сформулированных на протяжении 1929–1930 гг., в том числе использовать вывод «о неправильном подходе к середняку». Он был заимствован из статьи Сталина «Ответы товарищам колхозникам», опубликованной в «Правде» 8 апреля 1930 г.[41].

Убедившись, по всей вероятности, в нацеленности болгарских руководителей на серьезную корректировку политики в деревне и, как следствие, на укрепление союза рабочего класса и крестьянства, Сталин в конце июля 1949 г., убеждал прибывшую в Москву для информации по «делу» Трайчо Костова* болгарскую делегацию в необходимости форсировать индустриализацию. В качестве главной мотивации советский руководитель сформулировал цель — полностью обеспечить национальную независимость: *«Вы должны сами производить всю основную промышленную продукцию* […] *Только тогда вы сможете стоять на собственных ногах»*[42]. В целом подтверждая ориентацию на автаркическую модель, Сталин при этом обещал болгарам значительную и разнообразную помощь: поставку 200 тыс. тонн зерна, проведение разведки и освоения полезных ископаемых (уголь, нефть), строительство электростанций, металлургических заводов, развитие транспортного машиностроения[43]. Само по себе это означало определенное размывание автаркической модели, подтверждало, что в абсолютном виде она существовать не может. И. Марчева считает, что сталинская позиция отразила намерение советского руководителя парировать настроения той части болгарского населения, которая считала, что расправа с Костовым явилась попыткой Кремля усилить экономическую зависимость страны от СССР[44].

* Трайчо Костов (1897–1949) — болгарский коммунистический и государственный деятель, убежденный сталинист. В ходе кампании против «титоистов» обвинен в антисоветской деятельности, в частности сокрытии экономической информации от советских представителей в стране, тайных связях с Тито, шпионаже в пользу английской разведки. Приговорен к смерти и казнен. Реабилитирован юридически (1956) и политически (1989).

Установка на индустриализацию не означала, что в Москве «забыли» о болгарской деревне. Именно тесная увязка этих двух компонент экономической политики объясняет, почему на рубеже 1950–1951 гг. Сталин продублировал свои прежние «советы» болгарам — отказаться от копирования советского опыта коллективизации, развертывания острой классовой борьбы в деревне в ходе наступления на болгарского «кулака», снизить темпы кооперирования[45].

Рекомендации Москвы болгарской стороне предстояло реализовывать с учетом назревавших серьезных перемен. Советское руководство начинало ощущать необходимость корректировки социально-экономического курса в сторону его либерализации, поскольку восстановительный период закончился и предстояло определить задачи хозяйственной политики в новых условиях. Наступавшие изменения отразил XIX съезд партии (октябрь 1952 г.), отдельные «загадки» которого некоторые отечественные историки толкуют как свидетельства готовившихся принципиальных перемен в экономике, политике, партийной и общественной жизни[46]. Основания для этого имеются. Так, именно на этапе «позднего сталинизма» по спущенной «сверху» инициативе прошел ряд научно-идеологических дискуссий по проблемам философии, биологии, физиологии, языкознания, химии, политической экономии, направленных против монополизма в науке и отразивших начало внедрения в общественную практику широких обсуждений научных проблем вместо диктата научного начальства[47]. Во внешнеполитической сфере наблюдались фактическое свертывание деятельности Коминформа, взятый с середины 1951 г. явный курс на ослабление напряженности в отношениях с капиталистическими странами, в частности в вопросе о мирном урегулировании в Корее, смягчение формулировок в средствах массовой информации при освещении положения на Западе. В апреле 1952 г. на вопрос американских журналистов: «На какой основе возможно сосуществование капитализма и коммунизма?» (вопрос был задан от имени 50 редакторов провинциальных газет),

Сталин дал лаконичный ответ: «*Мирное сосуществование капитализма и коммунизма* вполне возможно при наличии обоюдного желания сотрудничать, при готовности исполнять взятые на себя обязательства, при соблюдении принципа равенства и невмешательства во внутренние дела других государств»[48]. Сказано это было за четыре года до XX съезда КПСС, с которым обычно связывается появление в советском партийно-государственном лексиконе дефиниции «мирное сосуществование», и свидетельствовало о намечавшемся новом подходе СССР к международным делам. Важные изменения предстояли и на экономическом фронте. Лишь один пример: весной 1953 г. советские аграрники начали прорабатывать вопросы об изменении налоговой политики в сельском хозяйстве, а летом началась подготовка реформы[49] с целью превращения аграрного сектора в рентабельную отрасль экономики.

Для болгар «советы» Москвы сразу становились императивом. Выступая на XIX съезде ВКП(б)/КПСС, Червенков от имени болгарских коммунистов обещал *«учиться на всемирно-историческом опыте партии Ленина — Сталина, следовать и впредь её примеру». «В этом коммунистическая партия Болгарии видит главное условие и гарантию своего правильного развития как руководящей силы в стране, гарантию всех своих успехов»,* — подчеркнул лидер[50].

События «жарких» весны-лета 1953 г. (стачка болгарских табачников в Пловдиве, берлинский кризис, забастовки и антиправительственные выступления в Чехословакии в связи с денежной реформой), в ходе которых экономические требования рабочих переросли в политические выступления против власти и везде были подавлены силой, вынудили советское руководство задуматься о корректировке экономической политики и в странах «социалистического лагеря». Масла в огонь подлило неожиданно возникшее «дело» Берии, раньше других осознавшего необходимость серьезных изменений в экономической политике народно-демократических стран и организационной перестройки СЭВ и сообщавшего об этом

соратникам*. В Москве было принято решение рекомендовать странам восточного блока сменить акценты в экономике, отказаться от форсированной индустриализации, сосредоточиться на развитии легкой промышленности и подъеме материального благосостояния народа.

1953–1956 гг. Первая волна десталинизации в Болгарии и советская модель

Соответствовавший «инструктаж» руководителей стран «социалистического лагеря» был приурочен к их пребыванию в Москве, куда 7 июля 1953 г. они были вызваны для разъяснения решений только что закончившегося пленума ЦК КПСС по «делу» Берии. В беседах национальных лидеров с советскими руководителями были обсуждены и экономические вопросы, о чем Червенков проинформировал участников пленума ЦК БКП, созванного 11 июля. Он остановился на критических замечаниях «хозяев» в адрес венгров и румын, поскольку по приглашению советских руководителей присутствовал на встречах с венгерской и румынской делегациями (Матьяш Ракоши, Имре Надь, Эрнё Герё, Георге Георгиу-Деж, Георге Апостол, Александру Могиорош, Мирон Константинеску и ещё двое, чьих имен Червенков не знал). Речь шла о необходимости исправить допущенные ошибки в экономической политике, но, по рекомендации Г.М. Маленкова, возглавившего после смерти Сталина Совет министров СССР, «сделать это без шума, не давая козыря в руки вражеских элементов, не говоря о смене курса»[51]. Особо подробно Червенков информировал о замечаниях советской стороны в адрес румын.

* В сопроводительном письме Г.М. Маленкову к информации о беспорядках в Праге и Пльзени от 1–2 июня 1953 г. Л.П. Берия, в частности, писал: «Советы, даваемые нашим друзьям, являются эпизодическими, бессистемными, в ряде случае не увязанными с хозяйственно-политическими задачами стран народной демократии и Советского Союза. Более того, надо прямо сказать, что наши советы не всегда были удачными. […] Совет экономической взаимопомощи работает из рук вон плохо и никакой положительной роли в координации экономики стран народной демократии эта организация не играет» (Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953: в 2-х тт. / отв. ред. Г.П. Мурашко. Том II. 1949–1953. М.; Новосибирск, 1998. С. 918).

«Это присутствие было очень полезно для нас, — подчеркнул Червенков на пленуме. — *Мы поняли, что экономическая политика румынских товарищей считается [в Москве] неправильной. Считается ненормальным тот факт, что нет ни одного серьезного показателя улучшения положения народных масс по сравнению с предвоенным временем».* Червенков сообщил, что румынских «товарищей» критиковали за чрезмерно высокие темпы индустриализации без учета реальных возможностей страны и непременного условия — улучшения положения трудящихся, за ошибочное и экономически необоснованное решение о строительстве канала Дунай — Чёрное море, за отсутствие подлинного рабоче-крестьянского союза. Маленков призвал румын решительно изменить экономическую политику, сократить промышленное строительство, вложив освободившиеся средства в сельское хозяйство и мероприятия по подъему материального и культурного благосостояния масс. При этом действовать надлежало «спокойно», не допуская развития событий по германскому сценарию[52].

Важно отметить, что болгарский руководитель ехал в Москву не с пустыми руками. 4 июля 1953 г., за несколько дней до поездки, Политбюро ЦК БКП единогласно приняло решение № 111 о проверке результатов наиболее важных мероприятий в промышленности, сельском хозяйстве, интеллектуальной сфере и пр.[53]. И именно основные положения решения Червенков довел до сведения Маленкова, Молотова, Хрущёва и Микояна на встрече в Москве.

При анализе этого документа обращают на себя внимание достаточно радикальные формулировки предстоявших задач, отдельные конкретные экономические показатели, отразившие снижение темпов индустриализации и, наконец, призыв в духе Маленкова — действовать «спокойно, трезво, без шума и колебаний». В решении подчеркивалось, что предстояло уточнить, а, возможно, даже отменить некоторые постановления правительства, скорректировать методы руководства, проверить, «как внедряем советский опыт, не копируем ли его механически и т.д.?». Особое внимание уделялось планам второй

пятилетки (1953–1957 гг.), которые предполагалось привести в соответствие с реальными возможностями страны и задачей повышения материально-культурного уровня трудящихся. Практически вдвое, по сравнению с первой пятилеткой, намечалось сократить среднегодовой прирост промышленной продукции (12–13% против 24%) и капиталовложений (соответственно 10–11% против 22%), увеличить капиталовложения в сельское хозяйство, жилищное строительство, культурно-бытовую сферу, обеспечить рост производства товаров широкого потребления (конкретные цифры не назывались: вероятно, их ещё предстояло определить).

Информация Червенкова была встречена в Москве благосклонно: особых замечаний болгарам советские товарищи не сделали, но посоветовали сократить отдельные показатели второй пятилетки, чтобы уже в текущем 1953 г. ощутимо улучшить положение трудящихся. *«Этот совет наша партия должна принять»*, — подчеркнул Червенков[54].

Очевидное сходство решения Политбюро с наставлениями Маленкова восточноевропейским лидерам не ускользнуло от внимания исследователей. В. Мигев, например, указывает на более высокий «статус» документа — именует его «общей концепцией курса на обновление страны»[55]. Ученый считает, что якобы ещё во время похорон Сталина в марте 1953 г. Червенков понял, что московское руководство настроено на некоторое смягчение действовавшей системы[56], и отреагировал, инициировав появление «концепции» нового курса. Видимо, не случайно решение Политбюро № 111 было 11 июля 1953 г. *одобрено пленумом ЦК БКП*. И. Марчева предполагает, что болгарское руководство либо заранее знало о настроениях советских лидеров, либо «действовало молниеносно»[57]. Вероятно, следует учитывать обе возможности, но, на наш взгляд, решение Политбюро от 4 июля дорабатывалось задним числом, с учетом услышанного в Москве. О «более поздней редакции» решения № 111, датируя её 11 июля, пишет и Марчева[58].

На спешно проведенную доработку документа указывают отдельные формулировки, которые стилистически несколько

выпадают из текста и возвращают к «димитровскому» периоду (например, о «возможности сравнительно безболезненного развития, которое предпочитают мелкобуржуазные массы»). По неясной причине Червенков, информируя участников пленума о московской встрече, ни разу не упомянул о решении № 111, ограничился лишь скупым пояснением, что намеченные мероприятия сочли в Москве «правильными и своевременными», и что «некоторые из них уже 2–3 дня проводятся» (!)[59]. Обсуждения «концепции» не было, процедуру голосования заменили «голоса» одобрения из зала: участники пленума поручили руководству проводить задуманное в жизнь[60].

Вскоре страны «социалистического лагеря» узнали о принципиальной смене экономической политики в Советском Союзе — «новом курсе». На пятой сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. Маленков сформулировал «неотложные задачи в области промышленности и сельского хозяйства и меры по дальнейшему улучшению материального благосостояния народа». Советский руководитель напомнил, что индустриализация страны начиналась с развития тяжелой промышленности — «основы основ нашей социалистической экономики», что длительное время именно в эту отрасль и транспорт направлялись значительные капиталовложения. Но сейчас, отметил Маленков, сложились условия, позволяющие «организовать крутой подъем производства предметов народного потребления» и в течение ближайших двух-трех лет «значительно увеличить вложения средств на развитие легкой, пищевой… промышленности, на развитие сельского хозяйства»[61].

«Новый курс» был неоднозначно воспринят в странах «социалистического лагеря»: предстоящий пересмотр экономической стратегии рождал массу вопросов, трудностей и неясностей. Болгарскому руководству предстояло осуществить резкий поворот: ведь только весной 1953 г., ориентируясь по «совету» Сталина на создание автаркической модели экономики, оно одобрило внесение в проект плана второй пятилетки новых пунктов, соответствовавших форсированному развитию группы «А». Туда планировалось направить 88,8% всех инве-

стиций в промышленность, в то время как отраслям группы «Б» выделялись всего 11,2%[62]. Теперь же следовало, образно говоря, перевернуть «песочные часы»: быстро переориентироваться на развитие сферы потребления, легкой, пищевкусовой промышленности, увеличение инвестиций в сельское хозяйство. Другие варианты не обсуждались, что лишний раз подтверждает не только дисциплинированность руководства компартии, его готовность жить «по московскому времени», но и намерение Червенкова незаметно сменить имидж и из болгарского «маленького Сталина» превратиться в «болгарского Маленкова»[63], заняв позицию умеренного реформатора.

18 августа 1953 г. Политбюро ЦК БКП постановило организовать изучение доклада Маленкова в парторганизациях[64]. Был принят ряд важных экономических решений: сокращалось промышленное строительство, увеличивались инвестиции в жилищное строительство и систему охраны труда, ставилась задача уменьшения государственных поставок и повышения закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и т.д. Однако в Софии испытывали явное замешательство, слабо представляя себе, как практически увязать «новый курс» с планом на вторую пятилетку, традиционно исходившим из приоритетного развития тяжелой промышленности, и быстро стимулировать при этом развитие сферы потребления. В октябре 1953 г. болгарская сторона попросила принять её делегацию в Москве: «...Мы бы очень хотели посоветоваться»[65]. Согласие было получено, и в конце декабря 1953 г. Вылко Червенков, Антон Югов, Георгий Чанков, Райко Дамянов прибыли в советскую столицу. К тому времени советская сторона тщательно проанализировала проект директив по пятилетнему плану с позиций «нового курса» и подготовила конкретные рекомендации. Они касались как ключевого вопроса перенацеливания капиталовложений путем увеличения их доли в сельском хозяйстве за счет промышленности, так и более частных советов по росту выпуска шерстяных и хлопчатобумажных тканей, обуви и иных товаров широкого потребления. Советских экспертов насторожило стремление к гран-

домании, выразившееся в увлечении болгар строительством объектов энергетики в объемах, превышавших потребности страны, или в намерении возвести вторую очередь металлургического комбината при отсутствии собственного коксующегося угля и т.п.[66]. Болгарским «гостям» пришлось выслушать критику за хозяйственные упущения, особенно в сельском хозяйстве, однако, вопреки их ожиданиям, в центре внимания «хозяев» оказались политические вопросы. Задававший на встрече тон Н.С. Хрущёв, в сентябре 1953 г. возглавивший КПСС, счел нужным найти виноватого. Им, по его мнению, был Червенков, «под руководством которого сельское хозяйство откатилось назад, по сравнению с капиталистической Болгарией», а крестьяне «живут гораздо хуже…», чем до народной власти. Но главное заключалось в другом: болгарскому руководителю вменялись в вину не только проявления собственного культа личности, но и насаждение в стране культа личности Сталина[67]. Психологическое состояние «гостей» сам Червенков позднее, в своих воспоминаниях передал так: «Нас позвали в Москву, чтобы поставить на вид за то, что мы с усердием стремились учиться на опыте КПСС»[68]. Вряд ли Хрущёв не знал о рекомендациях Сталина ориентироваться на автаркическую модель. Не случайно Маленков, явно имея в виду следование болгар советским «советам», констатировал по ходу встречи: «Патент не ваш, патент — наш»[69]. Но это не спасло положения. Хрущёв не захотел проявить свою осведомленность, а «наезд» на Червенкова, видимо, объяснялся тем, что Хрущёв считал его «человеком» Маленкова, против которого в то время он начинал новый раунд борьбы за власть.

Рекомендации Москвы были учтены, в том числе и в отчетном докладе Червенкова на VI съезде БКП (февраль-март 1954 г.)[70]. Однако записанное на бумаге разительно отличалось от полученных конкретных результатов. Результаты новой болгарской экономической политики в 1954 г. следует признать провальными: не удалось достичь ни повышения уровня потребления, ни подъема сельского хозяйства; внешняя торговля не смогла обеспечить импорт промышленной

продукции и необходимого сырья. Более того, неблагоприятными были прогнозы и на 1955 г.: предусматривалось снижение запланированных показателей в 16 из 28 имевшихся отраслей легкой промышленности[71].

Следование «новым курсом» заставило власти прибегнуть к очередному внутреннему займу в 300 млн левов, предназначенному на развитие сельского хозяйства, а также к дальнейшей перекачке в эту отрасль средств за счет промышленного строительства. До конца 1955 г. в стране пять раз снижались розничные цены на товары широкого потребления. Хотя снижение сопровождалось активными пропагандистскими акциями, призванными отразить ликование народа по этому поводу, но осуществлялось на основе государственных дотаций, а отнюдь не явилось результатом уменьшения себестоимости продукции, как первоначально рассчитывали. В результате увеличились свободные средства у населения при товарном дефиците. Возникший рост бюджетного дефицита обозначил новый виток экономических проблем, которые предстояло устранять.

К середине 1950-х годов обозначился очередной зигзаг в советской экономической стратегии, обусловленный геополитическим и военным факторами: присоединением ФРГ и Италии к Западному союзу (октябрь 1954), отменой оккупационного статуса ФРГ, началом ремилитаризации страны и её вступлением в НАТО (май 1955), сорвавшим планы СССР по созданию единого, демилитаризованного и нейтрального германского государства. «Продовольственный курс» Маленкова в этих условиях был обречен, получив при этом уничижительный ярлык «потребительского социализма» как антипода коммунистических идеалов. Хрущёв вернулся на прежний путь милитаризации советской экономики, акцентировав внимание на тяжелой, военной и добывающей промышленности[72]. Это не могло не отразиться на процессах в болгарской экономике, зависевшей от СССР во внешнеторговых операциях по экспорту и импорту. В 1955 г. впервые с середины 1940-х годов удельный вес СССР во внешней торговле Болгарии не достиг 50%[73].

Из-за сокращения советской стороной болгарского импорта особо уязвимыми оказались пищевкусовая, текстильная, кожевенная, обувная отрасли. Неблагоприятно для Болгарии складывалась и ситуация в Совете экономической взаимопомощи. Острые дискуссии выявили скептическое отношение партнеров по СЭВ к техническому уровню продукции болгарского машиностроения. Соотнесение качества болгарских изделий с мировыми техническими стандартами во многом было продиктовано наступившими изменениями международного характера, в частности, Женевскими соглашениями (1955 г.) между СССР, Великобританией и Францией о разоружении и запрещении атомного оружия. На первый план выдвинулись идеи экономического соревнования двух систем, что обусловило внимание участников советского блока к техническому прогрессу и применению достижений науки в производстве. От болгар, например, венгерские представители в СЭВ потребовали изготовлять, ни много ни мало, последнюю швейцарскую (!) модель электрокаров. Но если «старая партийная гвардия» в лице Цолы Драгойчевой была возмущена «придирчивостью» партнеров по СЭВ, то один из молодых партийцев (в будущем глава правительства) — Станко Тодоров считал такой вариант легко реализуемым: достаточно получить швейцарский образец, разобрать его на детали и копировать[74]. К счастью, восторжествовали здравый смысл и понимание, что предложенный Тодоровым путь не столь прост и легок. А главное — уязвим с точки зрения перспектив развития болгарского машиностроения.

Касаясь проблем СЭВ, нельзя не отметить и такое явление, как национальный эгоизм его членов. Руководствуясь собственными интересами, партнеры рассматривали Болгарию как аграрный придаток, как поставщика необходимого сырья и рынок для своей промышленной продукции. Подобные настроения особенно отчетливо проявились при согласовании долгосрочных, до 1960 г., хозяйственных планов развития. Спрос на болгарские товары широкого потребления был незначителен, партнеры из Чехословакии и ГДР предпочи-

тали закупать у болгар не готовую продукцию пищевкусовой промышленности, а полуфабрикаты (жмых масличных растений; непереработанные консервированные ягоды и фрукты (пульпу); семена подсолнечника; прошедший первичную послеуборочную обработку (вяление, сушку) табак; свежее мясо и пр.). Невыгодность подобной специализации для Болгарии очевидна. К тому же в Софии болезненно воспринимали сугубо «экономический» подход партнеров, поскольку считали СЭВ «особой» организацией, основанной, в первую очередь, на «интернационалистском» принципе взаимопомощи, особенно отсталым странам. Эти сюжеты достаточно подробно изучены, но первопроходцем по праву можно считать *Господинку Никову*, ученицу экономисторика *Златю Златева*. Никова обратилась к проблематике СЭВ в неблагоприятных для исследователя условиях — крайней ограниченности источниковой базы, но, тем не менее, её работы не утратили своего научного значения и в наши дни[75].

К концу 1955 г. подоспели новые установки Хрущёва, касавшиеся развития болгарской экономики. Свои соображения советский руководитель изложил в письме в ЦК КПСС от 27 октября (в ЦК БКП оно поступило месяцем позже, 24 ноября). Хрущёв видел в Болгарии полигон для воплощения в жизнь своего представления о том, какой может быть «витрина социализма» в стране, соседями которой являлись члены НАТО — Турция и Греция. На примере Болгарии Хрущёв намеревался подтвердить марксистско-ленинский постулат, согласно которому кооперирование деревни являлось закономерностью социалистического строительства. Отсюда негативное отношение Хрущёва к планам развития в стране промышленных отраслей, особенно металлургии и машиностроения. В соответствии со своими идеями Хрущёв предлагал форсировать и полностью завершить в ближайшие 2–3 года кооперирование сельского хозяйства, сократить производство в тяжелой промышленности, ограничиться развитием неметаллоемких производств в машиностроении (часы, велосипеды, электромоторы). По традиции была обещана советская по-

мощь. Считалось, что она могла быть особенно эффективной в механизации земледелия, развитии легкой промышленности и отдельных производств в машиностроении.

Хрущёвский план вступал в противоречие с расчетами болгарского руководства на масштабное промышленное развитие. Об этом свидетельствуют материалы прошедших 6–7 и 29 декабря 1955 г. пленумов ЦК БКП, на которых в ходе острых дискуссий выявилось несогласие многих участников с рекомендациями советского лидера. Однако окончательные решения оказались в их духе[76]. Открыто возражать Москве болгары не решились.

Тем не менее, действительность быстро подтвердила правоту болгарских оппонентов хрущёвских установок: форсированное кооперирование сельского хозяйства и сокращение производства в тяжелой промышленности, как и предполагалось, привели к значительному росту безработицы. Так, к 1956 г. число безработных в промышленности, строительстве и на транспорте достигло 117 165 чел., или 18,3%. Ситуация осложнялась также наличием скрытой безработицы в городах, которая вела к удорожанию продукции и консервации низкой производительности труда[77]. Экономические трудности неизбежно рождали социальное напряжение, выражавшееся в различных формах протеста тружеников текстильной, табачной, пищевкусовой отраслей. Рабочие-машиностроители выражали недовольство снижением доходов на 20–30%, вызванным пересмотром норм выработки, крестьяне-кооператоры — низкими трудоднями, особенно в хозяйствах, созданных в процессе форсированной коллективизации.

Возможность списать возникшие трудности в экономике, как и авторитарные методы управления с сопутствовавшей им репрессивной политикой, на руководителя партии Червенкова и его культ была реализована на апрельском пленуме ЦК БКП 1956 г. Примером для подражания стал только что прошедший XX съезд КПСС. При очевидном отсутствии у болгар собственной концепции либерализации многократно возрастала и становилась определяющей роль внешнего

лимитирующего фактора в лице Советского Союза. Отсюда резкие повороты в политике, вызывавшие противоречия и напряженность в высших властных эшелонах, частый пересмотр оценок, понятные в таких условиях отставание и слабая результативность пропагандистской и разъяснительной работы среди партийной массы и населения. Как следствие, болгарская общественность испытывала сильный соблазн спрямленно объяснять многие события международной и внутренней жизни нажимом или «происками» югославов, реализовывавших свою особую модель «самоуправленческого социализма». Так, на соседей возлагалась вина не только за события 1956 г. в Польше и Венгрии, но и за возвращение городу Сталину прежнего названия — Варна.

Плоды развернувшейся по подобию и при поддержке Москвы первой волны десталинизации в полной мере удалось пожать Тодору Живкову[78]. Персонифицированный в его лице политический фактор стал главным мотором реализации дальнейших проектов модернизации экономики и общества, направленных на поиск адекватных экономическим задачам политических решений. Этому способствовало начавшееся оформление режима личной власти Живкова и подмеченное И. Марчевой его особое желание обрести имидж руководителя национальной экономики[79].

Кризисный 1956 год обусловил рост внимания к социальной политике в странах советского блока. Болгарское руководство предприняло комплекс мер, направленных на улучшение положения населения: была отменена карточная система снабжения хлебом непроизводительного населения (это удалось сделать в результате экстренного предоставления советской стороной натурального займа зерном); увеличены размеры минимальных зарплат и пенсий низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих, ежемесячных пособий на детей; введен сокращенный рабочий день в субботние и предпраздничные дни; государство взяло на себя накладные расходы в рабочих столовых, благодаря чему цены в них снизились на 25%; был принят закон о пенсионном обеспечении

крестьян-кооператоров; сделаны первые шаги к полной отмене платы за обучение в вузах; проведена денационализация жилья; снижены цены на лекарства и пр. В болгарской историографии эти вопросы обстоятельно освещены *В. Мигевым*[80].

В сельском хозяйстве были снижены темпы кооперирования села: в 1955–1958 гг. размер кооперированных земель увеличивался в среднем на 10% в год. Но общие статистические итоги впечатляли: к 1958 г. кооперативы занимали 93,2% земельных площадей[81]. Однако в сельском хозяйстве так же, как и в промышленности, имело место сокращение инвестирования механизации отрасли, что неблагоприятно отразилось на урожайности интенсивных культур. В 1956 г. в результате низких урожаев существенно уменьшились поступления в государственный бюджет средств от производства табака, хлопка, подсолнечника, конопли, шелкопряда. Снизился объем производства мяса, шерсти, кожи, следствием чего стал неблагоприятный прогноз на развитие связанных с их переработкой промышленных отраслей в 1957 г. Сокращение производства, в свою очередь, вызвало дальнейшее увеличение числа безработных, поскольку введения в строй новых производственных мощностей в 1957 г. не предвиделось. Во внешней торговле шел рост пассивного сальдо (особенно это касалось западных партнеров: на их долю из общего пассивного сальдо в 38 млн левов приходилось 37 млн)[82].

Установки Хрущёва на умеренный курс промышленного развития Болгарии с учетом ситуации в СЭВ закреплялись в решениях пленума ЦК БКП в декабре 1956 г. Глава правительства А. Югов сформулировал задачу «более правильного и плавного сочетания индустриализации нашей страны, развития *отдельных* отраслей (а не всех форсировано) с постоянным улучшением материального и культурного положения трудящихся». Отказ от любой тенденции к самообеспечению (то есть от автаркической модели), он обосновал тем, что Болгария развивается не изолированно от других стран «социалистического лагеря» и что собственные экономические возможности необходимо сочетать с позицией партнеров по СЭВ[83].

Вместе с тем признание членами СЭВ слабости технического развития Болгарии и предъявляемые справедливые требования к качеству промышленной продукции подвели болгарское руководство к выводу о необходимости в ближайшие четыре года догнать ведущие страны СЭВ, совершить с этой целью «большой скачок» в развитии национальной экономики. Председатель Государственной плановой комиссии (ГПК) Г. Чанков говорил в ЦК партии: «Если мы [сейчас] упустим эту возможность, будет трудно ликвидировать отставание»[84].

1958–1960 гг.: болгарский «большой скачок» и его последствия

Озабоченность в связи с кризисами 1956 г. в Польше и Венгрии плюс наличие нерешенных социально-экономических проблем диктовали болгарскому руководству необходимость продолжить следование «новым курсом»: добиваться снижения потребительских цен и развивать легкую промышленность. Однако Живков использовал любую благоприятную возможность, чтобы продемонстрировать свою позицию в пользу индустриализации страны и создания экономики советского типа. Во время визита болгарской партийно-правительственной делегации в Москву в феврале 1957 г. Живков, подчеркнув, что в Болгарии развитие получат обеспеченные собственным сырьем отрасли — горнодобывающая (руда, уголь), цветная металлургия, химическая, электроэнергетическая, сумел добиться согласия советской стороны на проведение работ по обогащению железной руды из Кремиковского месторождения, строительство коксохимического комбината и углеобогатительной фабрики, что означало попытку болгар самостоятельно получать дефицитный кокс. Обговаривалась также перспектива расширения металлургического завода в Перник и строительство там же нового — сталепрокатного. Хрущёв фактически отказался от прежней рекомендации болгарам сосредоточиться, главным образом, на развитии сельского хозяйства, обещал предоставить на строительство про-

мышленных объектов ряд кредитов на общую сумму 560 млн руб. (Кстати, в те годы по объему кредитования Болгария уступила лишь «посткризисным» Венгрии (750 млн только в 1957 г., из них 200 млн в валюте) и Польше (700 млн в 1957–1960 гг.). Полученная болгарами советская помощь превышала предоставленные кредиты другим странам «социалистического лагеря»: Румынии — 270 млн руб., ГДР — 340 млн руб. Албании были списаны долги по ранее предоставленным кредитам на сумму 378 млн руб., а предприятия, построенные на эти кредиты, были объявлены даром советского народа албанскому. Готовилось также списание албанского долга в 74 млн руб.)[85].

Ключевым направлением индустриализации болгарское руководство по-прежнему считало развитие тяжелой промышленности. По ходу подготовки третьего пятилетнего плана на 1958–1962 гг., которой занималась ГПК, констатировалось, что Болгария сильно уступает по основным показателям не только развитым Чехословакии и ГДР, но и Польше, Венгрии и Румынии. Доклад комиссии, представленный Живкову весной 1958 г., фиксировал низкие темпы развития промышленности в первой половине — середине 1950-х годов: «Болгария не только не догнала, но в указанный период отстала от промышленного развития европейских стран народной демократии, за исключением Албании». В 1953–1957 гг. капитал, выделенный в фонд накопления и инвестиций, расходовался неэффективно, в частности, в новые мощности внедрялись устаревшие технологии и технические средства[86].

Хотя авторы доклада не обошлись без дежурных пафосных фраз об укреплении производственно-технической базы народного хозяйства, росте национального дохода и улучшении материального положения трудящихся, основной вывод звучал тревожно. Возможность преодолеть во второй пятилетке отставание от развитых стран восточного блока вызывала серьезные сомнения. Более того, прогнозировалось увеличение отставания, если не будут обеспечены более высокие темпы роста производства во всех отраслях народного хозяйства[87].

Признавая роль «советского фактора» как важного инструмента решения многих актуальных экономических проблем, болгарская сторона неоднократно обращалась за помощью к Москве, в свою очередь, неизменно поддерживая разного рода советские предложения и инициативы. Так, в частности, болгарам удалось заручиться поддержкой советской делегации при обсуждении в СЭВ в мае 1958 г. спорного вопроса о ценообразовании, но в ответ они заняли советскую сторону в дискуссии о специализации стран в военном производстве и пр. После майских дискуссий в СЭВ болгары, что называется «по горячим следам», договорились с Москвой по вопросу о перспективах размещения своих товаров на советском рынке и помощи в дальнейшем промышленном строительстве. В целом, пишет И. Марчева, «болгарскую стратегию поддерживать советские предложения, когда возникали спорные моменты в СЭВ, с тем, чтобы ответно получить поддержку болгарских предложений, следует признать успешной»[88].

Заметим, что на прагматизм болгарского руководства исследователи указывали многократно, подчеркивая его основу, а именно: получение материальных выгод в обмен на верность[89]. Проявилось это и на VII съезде БКП (июнь 1958 г.), утвердившем отчет по итогам хозяйственного развития в 1953–1957 гг. и экономические директивы на следующее пятилетие. Разделяя советские установки об этапах построения социализма, партийный форум с подъемом объявил о «полной победе [в Болгарии] социалистических производственных отношений»[90]. Важно отметить, что съезд также решил серьезную политическую задачу — продемонстрировал солидарность с советской позицией по югославскому вопросу, в частности, дал отпор обвинениям в адрес КПСС в «гегемонизме», «воспел» советскую модель, подверг остракизму концепцию «национальных путей к социализму». В отчетном докладе Живков подчеркнул, что «развитие Народной Республики Болгария к социализму идет не каким-то “особым”, “национальным” путем, принципиально отличным от пути советского народа и других социалистических стран, а таким же путем, по которому развиваются и

они». Однако Болгария не следует механически опыту СССР, не пренебрегает национальными особенностями развития[91]. К числу последних болгарский лидер отнес национальный опыт индустриализации, согласно которому она охватила те отрасли промышленности, для развития которых имелись условия. (Напомню, что болгарское руководство только в конце 1956 г. отказалось от автаркической модели.) Это соответствовало позиции СЭВ и самого Хрущёва и, естественно, не могло не ласкать слух советского руководителя. «Творческим» применением советской модели была также объявлена и выплата ренты собственникам земли при кооперировании сельского хозяйства[92], хотя её значение в формировании доходов крестьян несколько преувеличивалось. Призыв Живкова не спешить с отменой ренты был, совершенно очевидно, заранее известен и одобрен советской стороной. Во всяком случае, уже в приветственном слове на съезде Хрущёв, заочно оппонируя югославам, заявлявшим о стагнации теоретической мысли в контролируемом Москвой международном коммунистическом движении, подчеркнул вклад китайских коммунистов («большой скачок») и «особенно опыт БКП по переустройству сельского хозяйства на социалистических началах», имея в виду, не только кооперирование, но и ренту[93].

Общая тональность съезда, направленная на противопоставление югославскому «ревизионизму», делала неуместными какие-либо критические замечания и тем более намеки (даже осторожные) на отставание Болгарии от передовых стран «социалистического лагеря». Подчеркивание успехов должно было доказать преимущества советской модели по сравнению с югославским «путем».

Но на практике болгарские руководители сосредоточили свое внимание на преодолении отставания в экономическом развитии страны. В октябре 1958 г. на пленуме ЦК БКП было объявлено об ускорении темпов экономического развития, а месяцем позже, в ноябре, очередной пленум принял решение не просто о сокращении сроков третьей пятилетки (1958–1962 гг.), а о «скачке в развитии […] страны», который, по словам Живкова, позволит шагнуть «на 10 лет вперед»[94].

При этом определяющим становился расчет на советскую помощь сырьем и кредитами, а также на возможность поставлять на емкий советский рынок неконкурентоспособные болгарские товары. По оценке советского посольства, именно благодаря кредитам страна покрывала разницу между распределенным и произведенным национальным доходом и «жила не по средствам»[95]. Положение становилось критическим: в 1958 г., к началу болгарского «большого скачка», долг Болгарии Государственному банку СССР достиг 1,5 млрд долларов. Предстояло также погашать западные кредиты, долг по которым постепенно накапливался. Поиски выхода привели болгарское руководство к отчаянному шагу — продаже золотого запаса страны, о чём будет сказано ниже.

Поставленная на внеочередном XXI съезде КПСС (январь-февраль 1959 г.) задача выравнивания экономического и культурного развития социалистических стран и их «более-менее одновременного перехода к коммунизму» заставила болгар замахнуться на запредельную высоту — догнать партнеров по СЭВ, в том числе Чехословакию, ГДР, Венгрию. Ответ на вопрос, каким путем двигаться к вершинам социализма, болгарское руководство нашло в советском хозяйственном опыте в духе «большого скачка» и китайском варианте «ускорения». Связанные с этим сюжеты рассмотрены в работах *Искры Баевой, Евгении Калиновой, Йордана Баева, Владимира Мигева*[96].

Выступая в мае 1957 г. на зональном совещании работников сельского хозяйства, Хрущёв призвал «догнать и перегнать Америку» в ближайшие годы по производству мяса, молока и масла на душу населения. Инициированные им мероприятия (их называют также «хрущёвскими реформами») обещали путем «прыжка вперед» достичь заманчивые цели. Но ни переход к территориальной системе управления промышленностью через создание совнархозов, ни попытки образования мощных «колхозных союзов» при одновременном роспуске МТС и передаче колхозам их техники как начальном этапе индустриализации сельского хозяйства, ни сворачивание личных подсобных хозяйств, ни, наконец, «кукурузная

эпопея» не дали в итоге значимых позитивных результатов. «Соревнованию» с Америкой положила конец так называемая рязанская катастрофа — провал проявленной руководством Рязанской области инициативы за один год утроить государственные заготовки мяса. Поддержанная «центром» и широко разрекламированная кампания обернулась разоблачением масштабных приписок, массовым забоем мясного и молочного скота для получения дутой отчетности. Секретарь Рязанского обкома КПСС А.Н. Ларионов покончил жизнь самоубийством. Развитию имевшихся в некоторых начинаниях Хрущёва, как, например, в той же системе управления через совнархозы, рациональных элементов, мешали проявления присущего ему стиля руководства. Как вспоминал впоследствии антагонист хрущёвских реформ председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков, поиски новых путей и форм хозяйствования велись подчас «сумбурно и поспешно», перестройка управления народным хозяйством отличалась импульсивностью, «бестолковой стихийностью действий», непродуманностью, бесконечными реорганизациями[97]. По мнению советского экономиста акад. Л.И. Абалкина, считать реформами волюнтаристские установки «большого скачка вперед» нельзя в силу их спонтанности и отсутствия четко сформулированных конкретных целей[98]. В конечном счете, намерения Хрущёва решить хозяйственные задачи сугубо управленческими методами закончились провалом[99].

В целом интенсификация «по Хрущёву» отвечала сталинским методам модернизации с использованием мобилизационного потенциала системы, расчета на возможность прийти к обществу изобилия через очередное напряжение сил и ограничение потребления. Но понятно, что дающиеся с исторической дистанции ретроспективные оценки, особенно критические, должны учитывать обстановку и настроения тех лет, когда болгарское руководство готовилось перенять советский опыт и в отношении экономического рывка.

Соответствующий настрой болгарских «верхов» получил новый импульс, благодаря китайскому эксперименту под лозун-

гами «большого скачка» и «народных коммун». Постепенно превращаясь в доминирующие во внутриполитической жизни КНР, они предлагались мировому сообществу как новый (китайский) путь социалистического развития. На побывавшие в конце сентября 1958 г. в стране болгарские делегации (одну, парламентскую, возглавлял Червенков, а другую — софийского городского совета (СГНС) — Георгий Костов) увиденное в стране произвело сильное впечатление. Много позднее Червенков вспоминал: «[Китайцы] провезли нас по коммунам, предприятиям и большим металлургическим заводам-гигантам, показали разбросанные в полях миниатюрные чугуноплавильные печи. И мы были свидетелями действительно огромного подъема [населения], колоссальных надежд на рост развития страны. Нас захватили энтузиазм и уверенность, царившие вокруг...»[100]. Побывав в Китае, болгарские парламентарии выехали в Северную Корею, Северный Вьетнам и Монголию, а делегация СГНС вернулась на родину. Предположительно, именно от Костова Живков услыхал о «большом скачке» и загорелся желанием внедрить китайский опыт в Болгарии[101]. Выступая спустя несколько дней на окружном совещании во Враце, он говорил о необходимости «скачков» в экономическом развитии, и, более того, попытался теоретически обосновать идею «скачкообразного развития общества»[102]. В ноябре 1958 г. уже с высокой трибуны, на расширенном пленуме ЦК БКП, на котором присутствовал и вернувшийся в страну Червенков, болгарский руководитель отнес «скачки» к «объективным закономерностям» социалистического развития, которые так же необходимы и неизбежны, как и постепенное, эволюционное развитие. В трехчасовой речи, посвященной болгарскому «большому скачку», Живков увлеченно говорил о необходимости прервать постепенное медленное развитие, стремительно двинуться вперед, путем рывка максимально приближая болгарское общество к «порогу коммунистического строительства»[103]. Появившиеся в январе 1959 г. на страницах *Работническо дело* статьи Червенкова «Восход КНР» и «Народные коммуны в Китае», в которых тот с восхищением отозвался о китайской

модели, пришлись явно ко двору. Вышедшие накануне пленума ЦК БКП (15–17 января) эти публикации наделали много шуму, и, по всей вероятности, укрепили намерение Живкова стать «теоретиком» болгарского «скачка»[104]. Думается, что при этом Живков решал и важную для себя задачу — не допустить какого-либо роста популярности Червенкова и перевести стрелку на себя, представ в качестве лидера-новатора. Не случайно заведующий канцелярией Живкова Нико Яхиель отметил, что, благодаря такому «маневру» Живкову удалось «выбить почву» из-под ног Червенкова[105].

По китайскому примеру скачок «по-болгарски» предполагал огромный рост показателей. Так, производство в сельском хозяйстве должно было возрасти в 1959 г. вдвое, а в 1960 г. — втрое; национальный доход к 1961 г. предстояло увеличить за счет развития промышленности, транспорта, торговли и строительства на 15 млрд левов, по сравнению с предусмотренным на этот период показателем в пятилетнем плане. Трудно определить, в какой мере болгарские лидеры опирались на экономические расчеты, но, несомненно, что на вооружение были взяты энтузиазм населения, его идеологическая обработка как главная мотивация производительного труда, поиск «скрытых резервов» ускорения путем перевыполнения планов и сокращения сроков выполнения пятилетки (в сельском хозяйстве — за три года, в промышленности — за четыре, а где нет возможности — за четыре года и три месяца). Вскоре по советскому примеру было заявлено о введении болгарского «ускорения» в рамки семилетки 1959–1965 гг. Предлагавшееся укрупнение сельскохозяйственных кооперативов имело под собой рациональное основание, в частности, объективные потребности более эффективного использования техники, но было проведено вместо ранее предусмотренных трех лет в два-три месяца. Возникло множество трудно решаемых проблем, а созданные в Пловдивском округе и Добруджанском крае огромные кооперативы оказались фактически неуправляемыми. Понятно, что спешно предпринимавшаяся перестройка, требовавшая внимательного анализа, новых под-

ходов, разработок четких и конкретных критериев и планов действия, обернулась организационной «горячкой», усиливала директивную практику.

По всей вероятности, Живков не учел, а, возможно, и не знал, что в Москве постепенно складывалось критическое отношение к китайской практике как к «левацкой», хотя решено было не выражать эту позицию публично, чтобы не подвергать испытанию советско-китайскую дружбу и сотрудничество[106].

Как вспоминал Хрущёв, увлечения теорией «скачкообразного экономического развития» в странах Восточной Европы сильно его беспокоили. Он, в частности, указал на «поток нелепых статей» о китайской модели, опубликованных в болгарской печати (имелись в виду упомянутые выше статьи Червенкова), критиковал болгар за укрупнение «до невероятных размеров» ТКЗХ и за необдуманные колоссальные инвестиции в тяжелую промышленность[107]. Не исключено, что на Хрущёва повлияла и отмеченная выше претензия Живкова подвести под идею «большого скачка» теоретическую базу. И в состоявшейся после закрытия внеочередного XXI съезда КПСС (27 января — 5 февраля 1959 г.) беседе с Хрущёвым болгарскому руководителю пришлось выслушать критику и предупреждение о том, что «большой скачок» может поставить Болгарию в «угрожающее положение»[108]. В литературе указано, что болгарские новации вызвали серьезные сомнения среди других членов «социалистического лагеря», в частности поляков. В Варшаве отнеслись к объявленному «скачку» как к необдуманной инициативе, чреватой экономическими и социальными потрясениями[109]. Но, справедливости ради, заметим, что имелись и другие примеры: Живкову удалось увлечь своим энтузиазмом президента Чехословакии Антонина Новотного, поверившего в реальность высоких темпов развития Болгарии и даже пытавшегося убедить в этом Владислава Гомулку[110]. Правда, безуспешно.

Вплоть до обострения советско-китайских отношений болгарское руководство считало свою ориентацию на «большой скачок» свидетельством соответствия магистральному направ-

лению экономического развития по пути социализма, шагая в ногу с такими крупными державами, как Советский Союз и Китай. Безусловно, энтузиазм Живкова был искренним, тем более что по своей натуре, как отмечает И. Баева, он был склонен верить в экономические «чудеса», обещавшие быстрые результаты»[111]. Пример тому — ставка на новые «инициативы» в сельском хозяйстве: посадка кукурузы в предварительно подготовленные ямки (по месту внедрения этого метода в окрестностях г. Лома они получили название «ломские ямки») или высаживание рассады ранних помидоров и хлопка (!) в горшочки с удобрениями. Учитывая большие земельные площади, отводимые под эти культуры (под хлопок, например, — 30 тыс. гектаров), наивные, не имевшие никакого отношения к агротехнике «почины» были нереализуемы и заранее обречены на провал.

Внимательно отслеживая обстановку в стране, советские дипломаты, работавшие в Болгарии, информировали Москву об «увлеченности [Живкова] всевозможными перестройками, реорганизациями, экспериментами и другими новшествами» в руководстве народным хозяйством[112]. Не давали себя обмануть и западные наблюдатели. Британский журнал *The Economist* («Экономист»), сообщая о болгарских планах, писал о «скачке в неизвестность», «утопии», «напрасных титанических усилиях». А в одной из аналитических справок ЦРУ от 11 августа 1959 г., посвященной политической стабильности советских сателлитов в Европе, справедливо отмечалось: *«Болгарский "скачок вперед" включает формулировки астрономических показателей в экономике, административно-экономическую организацию* [речь шла о новом административном делении страны, закрепившем территориально-отраслевое управление по примеру советских экономических районов. — *Т. В.*], *заимствование характерных черт совнархоза и китайской коммуны и вообще отражает идеологическую непримиримость, не встречающуюся ни в одной другой стране-сателлите. Всё ещё испытывая влияние главным образом советской модели, болгарские лидеры в той или иной степени воодушевлены драконовскими мерами и амбициозными программами ки-*

тайских коммунистов [...] Как правило, чрезмерно усердные [в копировании чужого опыта], они находятся под воздействием своего желания продемонстрировать преимущество перед другими сателлитами в построении социализма»[113]. Показательно совпадение оценок: комментируя болгарский «большой скачок», Хрущёв с иронией констатировал, что *«болгары захотели всех переплюнуть»*[114].

На критику советского руководителя болгарские представители отреагировали болезненно[115]. Но присутствовавший на упомянутой выше встрече болгар с Хрущёвым во время XXI съезда КПСС глава правительства Югов успокоил «хозяина», заверив, что соратники «немного увлекшегося» Живкова помогут ему «преодолеть эти свои увлечения»[116]. В ближнем кругу, однако, Живков, вспоминая этот эпизод, со смехом говорил, что рекомендации Хрущёва по разукрупнению сельскохозяйственных кооперативов полностью не выполнены: «...только кое-где [цифры] немного подправили»[117]. Но уловка не удалась. Советский руководитель отметил в воспоминаниях, что Москве истинное положение дел у «братушек» было известно: многие укрупненные сельские кооперативы, охватывавшие иной раз целые околии, реорганизация не затронула[118].

Предупреждение Хрущёва о возможных нежелательных последствиях «большого скачка», к сожалению, сбылось. Уже итоги 1959 г., по сообщению из советского посольства в Софии, свидетельствовали о неблагополучных явлениях в экономике, главным образом, якобы из-за «слабости в планировании», а во второй половине 1960 г. темпы пришлось снизить. В средствах массовой информации и партийной пропаганде лозунг «скачка» стал звучать всё реже и реже, а потом и вообще сошел на нет. Его сменила нейтральная установка на «ускоренное экономическое развитие страны»[119]. Однако, поскольку болгарскому обществу надо было всё же представить результат «скачка», власти заявили, что третий пятилетний план по основным показателям выполнен досрочно. И. Марчева отмечает в связи с этим «жонглирование цифрами». Исследовательница подчеркивает: в промышленности стоимость произ-

веденной продукции на 84 млрд левов не дотянула до запланированных показателей, что фактически означало провал «большого скачка»[120].

К тому времени практически до предела обострился вопрос о внешнем долге Болгарии. Получение новых долгосрочных кредитов было невозможно без погашения прежних. По данным министерства финансов, обеспечить выполнение хозяйственного плана в 1960 г. было возможно только в случае получения долгосрочных кредитов на сумму 1 млрд 314 млн левов (711 млн от СССР и других стран «социалистического лагеря» и 603 млн от капиталистических стран). Руководство было проинформировано, что соцстраны были готовы предоставить кредиты на сумму 405 млн левов, а запад — всего на 20 млн левов[121].

Вопрос о внешнем долге относился к строго секретным и ни разу не обсуждался на заседаниях Политбюро. Помимо Живкова о реальном состоянии дел знали ещё четыре человека: заместитель председателя Совета министров Живко Живков, председатель Государственного комитета по планированию Апостол Пашев, министр финансов Димитр Попов, председатель Болгарского народного банка Кирилл Несторов. Именно этой «пятерке» были ведомы истинные масштабы катастрофы. Тот факт, что в 1960 г. Болгария фактически оказалась неплатежеспособной, оставался неизвестным вплоть до 2007 г. Приоритет в освещении указанных сюжетов принадлежит журналисту болгарской газеты *Днéвник* Христо Христову, изучившему материалы Главной прокуратуры о причинах экономической катастрофы Болгарии (знаменитое многотомное дело № 4/1990 г.)[122]. «Завинчивать гайки», прибегать к тотальной экономии, как это сделало позднее румынское руководство, болгары не стали, опасаясь реакции населения. Живков пошел на беспрецедентный шаг: обратился в Москву с предложением купить золотой запас Болгарии. В обмен он просил предоставить новые кредиты и отложить погашение прежних на пять лет. Хрущёв дал согласие на покупку болгарского золотого запаса, но в предоставлении новых кредитов и отсрочке

выплат отказал, подчеркнув, что финансовая политика проводится болгарами неразумно, что допускаются неоправданно большие расходы.

В мае 1960 г. сделка состоялась, и золотой запас Болгарии перешел в собственность СССР*. В литературе говорится также и о продаже 50 тонн серебра[123]. После проведенного в Новосибирске аффинирования** вес золота сократился на 14 кг и составил 20,1 тонны. В июле 1960 г. советская сторона продала металл на международных золотых биржах в Лондоне и Цюрихе, выручив от продажи около 23 млн долларов. Эта сумма целиком ушла на погашение просроченных болгарских долгов Москве[124]. Только после завершения операции с золотым запасом Хрущёв санкционировал массированные вложения в экономику болгарского союзника: в ноябре 1960 г. был отпущен кредит в 600 млн руб. и отсрочено погашение прежнего кредита с набежавшими процентами (всего 210 млн руб.), что позволило болгарам временно преодолеть серьезный долговой кризис. Напряжение в экономике, однако, сохранялось, явившись существенным поводом к оформлению Живковым идеи «16-й советской республики»[125].

1960-е годы: «по московскому времени»

Казалось бы, неудача «большого скачка» могла стать важным уроком для болгарских руководителей. Однако этого не случилось. Более того, возникло очередное искушение новым «скачком», на сей раз уже почти прямо в коммунизм. Под влиянием принятой на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.) новой партийной программы, определившей задачу построения в Советском Союзе к 1980 г. коммунистического общества и

* С 1959 г. золотой запас Болгарии по просьбе болгарской стороны находился на хранении в Советском Союзе. Причина, по которой драгоценный металл был вывезен из страны, — строительство нового хранилища, поскольку здание Болгарского народного банка, по мнению болгар, «не могло выдержать прямого попадания фугасной бомбы или ударной волны атомного взрыва».

** Аффинирование, аффинаж — технологические процессы по глубокой очистке драгоценного металла от посторонних примесей в соответствии со стандартами международных золотых бирж в Лондоне и Цюрихе.

всё большего сближения социалистических наций[126], болгарское руководство, следуя блоковой дисциплине, поручило плановым органам разработку перспективной программы экономического развития страны до 1980 г. Объявив на ноябрьском пленуме ЦК БКП 1961 г. о том, что программа КПСС является для болгарских коммунистов их программой, руководством к действию[127], «верхи» озаботились тем, чтобы и готовившиеся в Государственной плановой комиссии директивы четвертой пятилетки (1961–1965 гг.) отражали новые веяния. Однако ни один из пяти вариантов директив не был утвержден. По аккуратно сформулированной в советском посольстве оценке, в проекте «не сходились концы с концами», в частности не были предусмотрены резервы для обеспечения населения продовольствием и промтоварами, а промышленности — сырьем[128].

«Эхо» второй волны десталинизации в Советском Союзе, итогом которой стало укрепление позиций Хрущёва, быстро докатилось и до Болгарии. На упомянутом выше ноябрьском пленуме ЦК БКП экономические трудности в стране, провал «продовольственного курса» и «большого скачка» были целиком и полностью списаны на Червенкова, превращенного общими усилиями соратников в «козла отпущения».

Тон задал Живков. В установочном докладе он обвинил Червенкова в чрезмерной, «дошедшей до предела» централизации руководства страной, следствием чего явились процветание бюрократизма и узковедомственный подход к решению проблем, а также порочные методы работы с кадрами и значительные недостатки планирования[129]. Примечательно, что, по существу, Живков указал на недостатки действовавшей в Болгарии модели, которые критиковало и от которых стремилось избавиться югославское руководство, разрабатывая принципы «самоуправленческого социализма».

В выступлениях на пленуме подчеркивалось, что назначение Червенкова руководителем болгарской делегации, посетившей Китай, было ошибкой, что в целом поездка сыграла «пакостную роль», что китайский опыт был неоправданно восхвален и принес Болгарии вред, что в Китае Червенков нашел

единомышленников, которые в известной степени его «направляли», в том числе и на путь «большого скачка»[130]. Подводя итоги обсуждения, Живков в заключительном слове суммировал набор обвинений, среди которых значились некритическое восприятие китайского опыта, неправомерное признание Пекина «центром творческой теоретической мысли», приписывание китайскому руководству заслуг в развитии теории перманентной революции, в «правильном» прочтении Ленина и его теоретических установок. Живков напомнил, что на заседании Политбюро после возвращения из Китая Червенков заявил о возможности для этой страны совершить «скачок» в коммунизм через «военный коммунизм», что китайские коммуны — лучшая для КНР форма организации общества для перехода от коллективной к общественной собственности, от социализма к коммунизму, что китайцы правильно оценивают роль материальных стимулов и пр. Появление статей Червенкова в газете *Работническо дело* в январе 1959 г. Живков, вопреки истине, представил как результат его настойчивости и нарушение договоренности не публиковать «китайские» материалы без рассмотрения руководством[131]. (На самом деле, это было полуправдой: в отсутствие Живкова текст статей Червенков согласовал с секретарями ЦК БКП Димитром Ганевым и Митко Григоровым, входившими в близкий круг Живкова и, естественно, знавшими о предстоявшей их публикации.)

«Чистка» рядов старых соратников на пути к абсолютному лидерству (вслед за Червенковым настала очередь премьер-министра Югова) открыла перед Живковым, уже сосредоточившим в своих руках партийную, а с ноября 1962 г. и государственную власть, оперативный простор для новых экономических инициатив. При этом он получил возможность снова продемонстрировать готовность идти в ногу с Москвой и жить по её времени.

В начале 1960-х годов в Советском Союзе и странах восточного блока, в условиях падения экономического роста, возникли реформаторские настроения. Начинало складываться понимание необходимости серьезных перемен в экономиче-

ском базисе социализма, в корректировке централизованной плановой системы, в частности путем введения рыночных элементов. Импульсом для болгарских руководителей стал и на этот раз советский пример: публикация в *Правде* новаторской статьи харьковского экономиста Е.Г. Либермана «План. Прибыль. Премия», предлагавшего пересмотреть механизм хозрасчета, и развернувшаяся на её основе экономическая дискуссия в СССР, вызвавшая противостояние «централистов» и «рыночников»[132].

С весны 1963 г. содержание национальной хозяйственной реформы (она именовалась «новой системой руководства и планирования народного хозяйства») неоднократно обсуждалось на заседаниях ЦК БКП. Постепенно определялись приоритетные «узлы» нового экономического механизма: ограничение административных методов руководства народным хозяйством, укрепление экономических рычагов, создание государственных хозяйственных объединений, обеспечение их финансовой независимости, сокращение числа спущенных из центра плановых показателей и пр.[133].

Но эти новаторские веяния, соотносимые с югославским и чехословацким опытом, уживались с прежним соблазном одним прыжком достичь невиданных высот развития. Не случайно болгарские исследователи говорят о «настоящем “большом скачке”», датируя его концом 1962 г., когда на VIII съезде БКП (ноябрь 1962 г.) была принята сверхамбициозная программа развития страны до 1980 г.[134]. Повторяя решения XXII съезда КПСС, болгары рассчитывали к указанному времени полностью создать материально-техническую базу социализма и перейти к построению коммунизма. Масштабная индустриализация должна была преодолеть полуремесленный характер перерабатывающей промышленности, создать крупные производственные мощности. Даже после корректировки первоначальных показателей в сторону понижения запланированные цифры поражали воображение: рост промышленности в 6–7 раз, машиностроения — в 16–17 раз, химической отрасли — в 25 раз и т.д. В сообщениях советских дипломатов

из Софии в связи с этим отмечался «волюнтаристский подход» болгарских руководителей к экономическим проблемам, стремление решать их за счет Советского Союза, очевидная ставка на доверительные отношения с первыми лицами в советском руководстве и, в связи с этим, настроения самоуспокоенности и, что хуже, иждивенчества[135].

Исследуя болгарскую реформу, авторы отметили её нацеленность на ускоренную модернизацию по советской модели, пришедшуюся на 1960-е — 1970-е годы. В рамках СЭВ за Болгарией был закреплен достаточно широкий отраслевой диапазон производства. Предполагалось, что развитие машиностроительной отрасли поспособствует решению острой проблемы безработицы и занятости молодежи. Но, несмотря на значительные усилия, превратить машиностроение в структурообразующую отрасль болгарской экономики с акцентом на сравнительно высокий уровень автоматизации, специализации, типизации и серийности производства во всех сферах народного хозяйства не удалось. Только некоторые отрасли (производство электрокаров, электронно-вычислительная техника, кораблестроение) смогли превратиться в основу будущей новой стратегии ускорения и модернизации[136].

Исключительно важный момент, характеризующий настроения болгарского руководства, был отмечен в ходе подготовки нового Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ весной 1967 г. Фактически речь шла о попытке создать прецедент для формирования в рамках СЭВ особого режима благоприятствования для Болгарии. Болгарская сторона предлагала отказаться в договоре с СССР от формулировки о взаимовыгодной основе двустороннего сотрудничества. Мотивировала она это тем, что Болгарии выполнить такую договоренность не по силам, а реальная выгода для советской стороны будет невелика. Но подтекст заключался в том, что, ссылаясь на договор с СССР, болгары могли отказаться от подобной формулировки в будущих договорах с Венгрией, Чехословакией, Польшей. Однако руководитель советской делегации заместитель министра иностранных дел

СССР Л.Ф. Ильичёв решительно отклонил предложение. Хотя «формулировка о принципе взаимности, может быть, и не будет отражать истинного положения дел в буквальном смысле слова, но она соответствует характеру наших двухсторонних отношений и смыслу социалистического интернационализма», — констатировал он[137].

Намерение извлекать максимальную выгоду от сотрудничества, прежде всего, с СССР особенно ощутимо проявилось в связи с событиями «Пражской весны»[138]. Живков в очередной раз сделал выбор в пользу безоговорочной поддержки Советского Союза, подтвердив намерение следовать политике Москвы, обеспечивая своей позицией решение экономических проблем Болгарии. Это обусловило свертывание болгарской реформы, отказ от изучения опыта Белграда и Праги, победу «централистов». На официальном уровне «рыночные» тенденции вытеснялись точным следованием советской модели, расчетами на постоянную и масштабную помощь Москвы. Понимание роли Болгарии как стратегического партнера Советского Союза на Балканах рождало в болгарских «верхах» расчет на стабильный рост объема экономической помощи Москвы «младшему брату». При этом, как следует из документов, возникали настроения по принципу «чем хуже, тем лучше». Министр химической и металлургической промышленности Болгарии Георгий Павлов в беседе 6 октября 1969 г. с советским послом А.М. Пузановым откровенничал: «…У нас некоторые говорят — надо сделать так, чтобы положение в стране в экономическом и политическом отношении было хуже, тогда СССР будет давать больше»[139]. Вряд ли здесь нужен комментарий.

В апреле 1969 г. советские наблюдатели в стране зафиксировали ещё одну «инициативу» болгар. На очередной встрече с Павловым посол Пузанов дал понять, что ему известно о продаже в Австрию 280 тыс. тонн советской нефти, полученной для нужд болгарского народного хозяйства. Оправдываясь, министр сообщил, что правительство уже «строго указало» ему на недопустимость подобных действий[140]. Понятно, одна-

ко, что решение о реэкспорте советской нефти принималось не на уровне министерства, а гораздо выше. И впоследствии реэкспорт советской нефти продолжался. При Л.И. Брежневе сложилась неравноправная система двустороннего сотрудничества, когда за важное стратегическое сырье — электроэнергию, нефть, стальной прокат и пр., поставлявшееся из СССР в огромных объемах и по ценам, значительно ниже мировых, Болгария расплачивалась продуктами сельского хозяйства и промышленной продукцией, не имевшей спроса на мировых рынках из-за неконкурентоспособности. Живков в узком кругу позволял себе в шутку сравнивать Болгарию с «колониальным государством», интерпретируя этот «статус» по-своему: из своей «колонии» — Советского Союза вывозит сырье, а продает туда машины и оборудование[141].

Подытоживая действие в Болгарии советской модели «догоняющей» модернизации, отмечу, что её применение нельзя рассматривать лишь как давление внешнего, советского, фактора или результат политической конъюнктуры. Как нельзя трактовать и результаты модернизационного проекта с высоты сегодняшнего дня, в русле критики всего социалистического прошлого Болгарии. Советская модель отразила преемственность социально-экономических процессов в стране, оказалась пригодной для того, чтобы разрушить традиционную социально-экономическую (мелкособственническую) структуру и к концу 1960-х годов преобразовать Болгарию, превратить её в индустриально-аграрную страну, а общество — в преимущественно городское. Но вместе с тем «самоцельная», по определению болгарских авторов, индустриализация[142] ради следования советскому образцу несла в себе слабости, в том числе застой в сельском хозяйстве, дефицит и низкое качество продукции, слабое развитие сферы услуг, низкий жизненный уровень населения. Командно-административная модель организации хозяйства способствовала экстенсивному развитию и исчерпала себя к концу 1960-х годов на новом этапе научно-технического прогресса, именуемом информационным этапом модернизации, когда предстояло отвечать на актуальные вызовы времени[143].

Изученный материал свидетельствует, что Советский Союз не являлся блокатором или сдерживающим реформы фактором. Напротив, начиная с 1950-х годов, он предлагал союзникам определенные модернизационные схемы, в которых просматривались и позитивы НЭПа, и элементы западных экономических теорий того времени. Болгарские экономисты и технократы отслеживали и анализировали иностранный опыт, формулировали идеи реформ. Однако существовавшие объективные политические условия — первостепенная задача укрепления советского блока на основе незыблемости власти компартий и монополия государственной собственности в экономике — становились ограничительными «красными флажками». Москва опасалась, что болгары вступят на путь «югославских ревизионистов». Известные основания для этого имелись: в Софии, действительно, не обходили своим вниманием опыт балканской «соседки», сконцентрировавшийся позднее в югославской общественно-экономической реформе 1965 г. Опасения внешнего влияния на болгар ещё более усилились в связи с утвержденными в 1966 г. на XIII съезде КПЧ «Принципами ускоренного внедрения новой системы руководства производством», зафиксировавшими курс на его либерализацию. Новая чехословацкая хозяйственная система должна была включить некоторые югославские черты (самостоятельность предприятий в решении вопроса о разделении дохода на зарплату и инвестиции), но её апологеты смотрели дальше. Один из ведущих реформаторов Ота Шик именно на XIII съезде поднял вопрос о политической демократии в обществе. В Венгрии по ходу реализовывавшейся с 1957 г. коррекционной политики постепенно формировался задел будущей реформы экономического механизма, которая, помимо поиска новых форм управления хозяйством, предполагала определенные изменения или даже перестройку части политической системы[144].

Реформы в Болгарии на том этапе предстают как часть общего процесса либерализации экономической жизни в «социалистическом лагере». В середине 1960-х годов все стра-

ны «социалистического лагеря» стояли на пороге глубокого реформирования экономики[145]. Резонно задаться вопросом, размышляли ли болгарские руководители о демократизации политической жизни в стране? Сведения на этот счет крайне скупые, и хронологически они относятся к кануну вторжения армий стран Варшавского договора в Чехословакию. В апреле 1968 г., Живков, находясь в Праге, куда он прибыл для подписания нового договора о дружбе и сотрудничестве, на встрече с сотрудниками болгарского посольства критически говорил о недостатках функционирования политической системы в стране. Советник Райко Николов вспоминал, в частности, резкую оценку Живковым деятельности Народного собрания как «пародии»: являясь по конституции верховным органом власти, парламент практически был лишен возможности влиять на деятельность правительства[146]. Но если Живков и допускал возможность реформирования политсистемы, то, скорее всего, дозированного: только на основе незыблемого принципа руководящей роли партии в этом процессе.

Подводя итоги, нельзя обойти вниманием вопрос о результатах реализации в Болгарии советского модернизационного проекта. Отбрасывая крайности в виде чрезмерной апологетики или сугубо негативных оценок советской модели, следует признать, что путем «догоняющей» модернизации, осуществленной по советскому образцу и «под советским зонтиком»[147], в Болгарии было создано современное индустриальное общество, высокого уровня достигла урбанизация, изменился социальный статус граждан, некогда отсталая аграрная страна вошла в число среднеразвитых стран мира[148]. Однако болгарскую модернизацию, лишенную важнейшей составляющей — эффективной системы управления (её реальное состояние, определяемое марксистским понятием «социалистическая демократия», достаточно хорошо известно), вряд ли можно считать завершенной, как, впрочем, и советскую, «сталинскую», в СССР[149]. В условиях «государства-партии» результаты незавершенной модернизации не могли впоследствии стать основой для перехода к следующему, «постмодернизационно-

му», этапу развития, потребовавшему принципиально новых адекватных решений. И в этом заключается одна из причин краха политического режима в Болгарии в конце 80-х годов прошлого века.

Примечания

[1] См., например: *Гаспарян А., Куликов Д., Саралидзе Г.* Оттепель. Как это было? СПб.; М., 2019. С. 114.

[2] *Батюк В., Евстафьев Д.* Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995. С. 208.

[3] *Никова Г.* Българо-съветските икономически отношения след Втората световна война (1949–1960) // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 250.

[4] См., например: *Божилов И., Мутафчиева В., Косев К., Пантев А., Грънчаров Ст.* История на България. София, 1998. С. 499 (автор соответствующего раздела — Ст. Грынчаров); *Луджев Д.* Град на две епохи. История на обществените групи в българските градове в средата на XX век. София, 2005. С. 7, 217.

[5] *Марчева И.* Съветският модел в българската икономика //България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 258.

[6] *Арон Р.* Избранное. Введение в философию истории. М.; СПб., 2000. С. 499.

[7] *Хлевнюк О.В.* Уроки обобщения // Вопросы истории КПСС. 1989. № 8. С. 123.

[8] *Луджев Д.* Град на две епохи… С. 33, 217; *Он же.* Двойната модернизация на България. XIX–XX вв. // Историята — професия и съдба. В чест на член-кореспондент д.ист.н. Георги Марков. София, 2008. С. 114; *Иванов М.* Чудото на зачатието или как България бе «обременена с комунизъм» // Социологически проблеми. 2007. № 39. Кн. 3–4. С. 305–307, 332–333.

[9] *Аврамов Р.* Стопанският XX век на България. София, 2001. С. 29.

[10] Болгария в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003. С. 214.

[11] Записка П.Н. Дурново императору Николаю II (февраль 1914 г.) // Красная новь. 1922. № 6. С. 195–196. (URL: ruthenia.ru/sovlit/j/407.html (дата обращения: 30.11. 2019)).

[12] *Иванов М.* Чудото на зачатието или как България бе «обременена с комунизъм» // Социологически проблеми. 2007. № 39. Кн. 3–4. С. 305–307, 332–333.

[13] *Баева И.* Още веднъж за Девети септември 1944 година // Понеделник. Списание за теория, политика и култура. 2009. Год. XII. № 7/8. С. 98.

[14] *Марчева И.* Съветският модел в българската икономика… С. 258.

[15] Там же. С. 259.

[16] Подробный анализ нового мифотворчества см.: *Димитрова П.* Между «двойным освобождением» и оккупацией: болгарское общество об итогах Второй мировой войны // Славяне и Россия. Проблемы государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.) / отв. ред. С.И. Данченко. М., 2020. С. 410–433.

[17] Социализм: между прошлым и будущим. История и современность. Современность и история / ред.-сост. В.П. Киселёв, И.М. Клямкин. М., 1989. С. 47–48.

[18] *Бакланов В.* Восточноевропейская модель некапиталистической модернизации во второй половине XX века. Общее и особенное (URL: historick.ru/view_post/php?id=270&cat=3 (дата обращения: 09.03.2022)).

[19] *Проданов В.* Догонваща модернизация и насилие (Опит за обяснение на покушенията, насилието и политиката в България. 1878–1947 г.) // Историята — професия и съдба. В чест на член-кореспондент д.ист.н. Георги Марков. София, 2008. С. 35–60.

[20] Там же. С. 59–60.

[21] *Марчева И.* Съветският модел в българската икономика…С. 258–259.

[22] См., например: *Лельчук В.С.* Социалистическая индустриализация СССР и её освещение в советской историографии. М., 1975; *Орлов И.Б.* Сталинизм и индустриальный «рывок»: основные тенденции советской и постсоветской историографии // Историография сталинизма. Сб. статей / под ред. Н.А. Симония. М., 2007. С. 108–137.

[23] *Поппетров Н.* За интерпретацията на българската история на новото и най-новото време // Историкии. Научно изследване в чест на доцент д-р Стоян Танев по случай неговата 70-годишнина. Шумен, 2007. С. 815.

[24] *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 2008. (URL: intelros.ru/subject/fugures/valentina-fedotova/9900-modernizacija-drugoj-evropy (дата обращения: 09.03.2022)).

[25] *Суздалева Т.Р., Фёдоров К.В.* «Догоняющая» модель модернизации: теоретические и историографические аспекты // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана: электронный журнал. 2013. № 5. С. 2. (URL: http://hmbul.ru/articles/67/67.pdf (дата обращения: 23.08.2022)).

[26] *Водолазов Г.Г.* Что делать и чего не делать? (Уроки истории) // Демократия и социализм XXI. (Общественно-политический журнал). Октябрь 2020. № 9. С. 45.

[27] *Ленин В.И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 34. М., 1969. С. 198.

[28] *Он же.* Государство и революция // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 33. М., 1969. С. 101.

[29] *Он же.* О кооперации // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 45. М., 1970. С. 376.

[30] *Он же.* О продовольственном налоге (Значение новой политики, её условия) // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 43. М., 1970. С. 229.

[31] XI съезд РКП(б) (27 марта — 2 апреля 1922 г.). Политический отчет ЦК РКП(б) // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., 5-е изд. Т. 45. М., 1970. С. 85.

[32] *Исусов М.* Сталин и България. София, 1991. С. 144.

[33] *Марчева И.* Съветският модел в българската икономика… С. 260.

[34] Подробнее см.: *Волокитина Т.В.* Болгария: феномен народной демократии как альтернативной модели в оценках прошлого и настоящего // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки / отв. ред. А.С. Аникеев. М., 2020. С. 28–36.

[35] *Сталин И.В.* О задачах хозяйственников. Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 39.

[36] *Димитров Г.* Политически отчет на ЦК на БРП(к) пред Петия конгрес на партията. 19 декември 1948 г. // *Димитров Г.* Съчинения. Т. 14. София, 1955. С. 314, 322.

[37] Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 36. Л. 84, 89.

[38] *Мигев В.* Колективизацията на българското село (1948–1958 г.). София, 1995. С. 48.

[39] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 36. Л. 102–107, 281–284.

[40] Там же. Л. 83.

[41] *Сталин И.В.* Ответ товарищам колхозникам. Вологда, 1930. С. 9. (URL: booksite.ru//fulltext/lgoty/text.pdf (дата обращения: 19.05.2022)).

[42] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 41. Л. 47.

[43] Там же.

[44] *Марчева И.* Политиката за стопанска модернизация в България по време на Студената война. София, 2016. С. 94.

[45] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 88. Л. 36–37.

[46] См., например: *Ханин Г.И.* «Оттепель» и «перестройка» начались… при Сталине? (в порядке гипотезы) // ЭКО. 2005. № 9. С. 70–100 (URL: src-h.slav.hokudai.ac.jp/pdf_seminar/050826khahin.pdf (дата обращения: 13.08.2022)); *Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля. М., 2002. С. 567–568; *Пыжиков А.В.* Хрущёвская «оттепель». М., 2002. С. 15–17; *Рыбас С.* Загадка XIX съезда (URL: portal-kultura.ru/articles/history/861-zagadka-xix-sezda (дата обращения: 13.08.2022)).

[47] *Касьян А.А., Демичева Т.Н., Куревина С.В., Логунова Т.В., Петрова Н.Е.* Дискуссии советских ученых середины XX века: центр — регион // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия «Социология, Психология, Философия». 2009. № 5. С. 305–311.

[48] Ответы товарища Сталина на вопросы редакторов американских провинциальных газет. 2 апреля 1952 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Том 16. М., 1997. С. 224.

[49] *Мотревич М.П.* «Новый курс» в сельском хозяйстве СССР (К 60-летию аграрной реформы 1953 г.) // Аграрный вестник Урала. Екатеринбург, 2013. № 8 (114). С. 36–37.

[50] XIX съезд ВКП(б) (5–14 октября 1952 г.). Документы и материалы. С. 382. (URL: istmat.org/files/uploads/52189/19_sezd_.pdf (дата обращения: 13.08.2022)).

[51] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 121. Л. 24.

[52] Там же. Л. 28.

[53] Там же. Л. 43–52.

[54] Там же. Л. 31.

[55] *Мигев В.* Колективизацията на българското село (1948–1958 г.). София, 1995. С. 162.

[56] Там же. С. 161.

[57] *Марчева И.* Политиката за стопанска модернизация в България… С. 108.

[58] Там же.

[59] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 121. Л. 39.

[60] Там же. Л. 40.

[61] *Маленков Г.М.* Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР. 8 августа 1953 г. М., 1953. С. 6, 8, 9.

[62] *Марчева И.* Политиката за стопанска модернизация в България… С. 107.

[63] *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта. Политика и икономика в България. 1953–1964 г. София, [2000]. С. 31.

[64] Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 28. Д. 16. Л. 89–90.

[65] Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 64. Д. 275. Л. 64.

[66] Подробнее см.*: Волокитина Т.В.* Начало болгарской «оттепели» и общественные настроения в стране в 1950-е годы // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. / отв. ред. Н.М. Куренная. М., 2011. С. 289.

[67] *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта… С. 80.

[68] Вълко Червенков засебе си и своето време. София, 2000. С. 75.

[69] Там же. С. 74.

[70] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 132. Л. 72–89.

[71] *Марчева И.* Политиката за стопанска модернизация в България… С. 113; *Златев Зл.* Българо-съветски икономически отношения. 1944–1958 г. София, 1986. С. 127.

[72] *Терещенко Ю.Я.* История России XX — начала XXI в. М., 2010. С. 276–279.

[73] *Марчева И.* Политиката за стопанска модернизация в България… С. 114.

[74] Там же. С. 123.

[75] *Никова Г.* Научно-техническото сътрудничество на България със страните от Съвета за икономическа взаимопомощ (1949–1956) // Исторически преглед. 1977. № 2. С. 47–58; *Она же.* Сътрудничеството между страните-членки на СИВ в планирането и стопанското развитие на България (1949–1960) // Исторически преглед. 1984. № 5. С. 3–23*; Она же.* СИВ и България. 1949–1960. София, 1989. С. 104–106.

[76] *Марчева И.* Съветският модел в българската икономика… С. 261.

[77] *Она же.* Политиката за стопанска модернизация в България… С. 116, 118.

[78] Подробнее в отечественной историографии см.: *Волокитина Т.В.* Борьба за политическое лидерство в СССР и Болгарии. 1953–1956 годы: исторические параллели // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2008. С. 109–146; *Она же.* Апрельский пленум ЦК БКП (1956 года) в контексте процесса либерализации политического режима в Болгарии // Studia balcanica. К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 294–322.

[79] *Марчева И.* Политиката за стопанска модернизация в България…С. 120.

[80] См., например: *Мигев В.* Отзвуки венгерской революции 1956 года в Болгарии (Некоторые аспекты проблемы) // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2008. С. 285–297.

[81] *Марчева И* .Политиката за стопанска модернизация в България… С. 121.

[82] Там же.

[83] Там же. С. 121–122.

[84] Там же. С. 124.

[85] Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: в трех томах. Том первый. Становление «реального социализма». 1945–1965. М., 2000. С. 372–373.

[86] *Марчева И.* Политиката за стопанска модернизация в България… С. 128.

[87] Там же. С. 129.

[88] Там же. С. 133.

[89] Например, см.: *Баева И.* България и Съветският съюз след Втората световна война — прагматизмът на българската позиция // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. София, 2000. С. 425–433.

[90] VII конгрес на БКП. Резолюции, директиви, решения. София, 1958. С. 15.

[91] *Живков Т.* Отчетен доклад на VII конгрес на БКП. София, 1958. С. 130.

[92] Там же. С. 137.

[93] Седми конгрес на БКП. Стенографски протокол. София, 1958. С. 140.

[94] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 357. Л. 140.

[95] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 074. Оп. 60. П. 255. Д. 15. Л. 47, 78.

[96] *Баева И., Калинова Е.* Българските преходи. 1939–2010. София, 2010. С. 148; *Баев Й.* Другата студена война. Съветско-китайският конфликт и Източна Европа. София, 2012. С. 81–91; *Мигев В.* Отражението в България на политиката на Китайската комунистическа партия за «Големия скок» (1958–1960) // Минало. 2012. № 1. С. 75–79 и др.

[97] *Байбаков Н.М.* От Сталина до Ельцина // *Байбаков Н.М.* Собр. соч. в 10 томах. Том 5. М., 2011. С. 131, 143, 146.

[98] *Абалкин Л.И.* Экономическая история СССР. Очерки. М., 2007. С. 40–41.

[99] Подробнее см.: *Коваленко С.Г.* Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х –1970-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 42–43.

[100] Червенков видя «големия скок» в Китай, Живков го пробва в България (URL: pan.bg/view_article-58-444859-chervenkov-vidya-golemiya-skok-v-kitaj-zhivkov-go-probva-v-bulgariya.html (дата обращения: 25.08.2022)).

[101] Там же.

[102] *Яхиел Н.* Тодор Живков и личната власт. Спомени, документи, анализи. София, 1997. С. 112–122.

[103] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 356. Л. 4, 6.

[104] Там же. А.е. 362. Л. 276–277.

[105] *Яхиел Н.* Тодор Живков и личната власт. София, 1997. С. 112–113.

[106] *Баев Й.* Другата студена война… С. 81–82.

[107] *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть. Воспоминания в 4-х кн. Книга третья. М., 1999. С. 66, 67.

[108] Там же. С. 66.

[109] *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939–2010. София, 2010. С. 149.

[110] *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта…С. 195.

[111] *Баева И.* Тодор Живков. София, 2006. С. 50.

[112] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 60. П. 257. Д. 27. Л. 239.

[113] Цит. по: *Баева И.* България от 50-те години през погледа на ЦРУ // Модерна история. Сборник исторически изследвания в чест на 65-годишнините на професор д-р Величко Георгиев и академик Илчо Димитров. София, 1999. С. 359.

[114] Цит. по: *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта… С. 195.

[115] *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть… С. 67.

[116] *Баев Й.* Другата студена война… С. 82.

[117] *Яхиел Н.* Тодор Живков и личната власт… С. 233.

[118] *Хрущёв Н.С.* Время. Люди. Власть… С. 68.

[119] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 53. П. 234. Д. 36. Л. 74.

[120] *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта… С. 211–212.

[121] *Христов Хр.* Тодор Живков. Биография. София, 2009. С. 350–351, 354.

[122] *Он же.* Тайните фалити на комунизма. София, 2007.

[123] См., например: Тодор Живков продаде българския златен резерв на СССР // Блиц. 01.04.2010. (URL: https://www.blitz.bg/article/17369 (дата обращения: 24.08.2022)).

[124] *Христов Хр.* Тодор Живков. Биография. С. 355, 357.

[125] Подробнее см.: *Баева И., Калинова Е.* 16-та република ли? Изследвания и документи за българо-съветските отношения след Втората световна война. София, 2017; *Волокитина Т.В.* Болгария — 16-я республика СССР: замыслы и действительность. 1960-е годы // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 36–51; *Она же.* Тодор Живков: «…НРБ станет единым целым с Советским Союзом…» (О планах превращения страны в «16-ую республику СССР») // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е… Экономика, политика, культура. Сб. статей. М., 2013. С. 240–274.

[126] XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 276.

[127] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 478. Л. 55.

[128] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 52. П. 228. Д. 6. Л 102.

[129] ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 478. Л. 78, 80.

[130] Там же. Л. 171–178, 250–253.

[131] Там же. Л. 282, 284–285.

[132] Подробнее см.: *Лисовицкий В.Н.* Евсей Либерман — идеолог «косыгинской» хозяйственной реформы // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 433–452; *Лазарева Л.Н.* Экономическая дискуссия 1962–1964 годов: выработка идеологии «косыгинской» реформы // Там же. С. 453–466.

[133] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 53. П. 234. Д. 36. Л. 74.

[134] *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1939–2010. С. 151.

[135] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 60. П. 255. Д. 15. Л. 13.

[136] *Баева И.* Болгария в 60-е годы XX века: ответ на вызовы меняющегося мира // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии. Сб. статей / ред.: Литаврин Г.Г., Гришина Р.П., Волокитина Т.В. М., 2008. С. 440.

[137] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 58. П. 250. Д. 13. Л. 21.

[138] Подробнее см.: *Волокитина Т.В.* «Братская помощь» в болгарской интерпретации // 1968 год. «Пражская весна»: 50 лет спустя. Очерки истории / отв. ред. Волокитина Т.В. М.; СПб. 2021. С. 120–148.

[139] АВП РФ. Ф. 074. Оп. 60. П. 254. Д. 8. Л. 196.

[140] Там же. Л. 63.

[141] *Гартхоф Р.* Свидетелства за студената война. Посланикът на САЩ Реймънд Гартхоф за българо-американските отношения (Непубликувани спомени и документи). София, 2001. С. 83–84.

[142] *Даскалов Р.* От Стамболов до Живков. Големите спорове за новата българска история. София, 2009. С. 411–412.

[143] *Марчева И.* Българският път към Европа през втората половина на XX век. Социално-икономически щрихи // Исторически преглед. 2000. № 56. Кн. 5–6. С. 150, 164–165.

[144] Подробнее см.: *Желицки Б.* Венгерская экономическая реформа 60-х — начала 70-х годов XX века: социальные аспекты. М., 2017. С. 288, 290–293.

[145] Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: в трех томах. Том первый. Становление «реального социализма». 1945–1965. М., 2000. С. 370.

[146] *Николов Р.* Български посланик разказва. София, 2009. С. 16.

[147] *Марчева И.* Модернизацията преди 1989 г е бърза, защото е под «съветски чадър» (URL: duma.bg/?go=news@p=detail@nodeId=147816 (дата обращения: 18.12.2021)).

[148] *Проданов В.* Реформи, преврати, революции и контрареволюции през призмата на философията на историята на XX век // Реформи и реформени инициативи в България през XX век. София¸ 2018. С. 31.

[149] Подробнее см.: *Дудник С.И.* Сталинская модернизация как исторический опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. Том 35. №. 3 (2019). С. 394–405.

Глава 5

БАЛКАНЫ — ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

DOI 10.31168/7576-0477-0.5.1

Евгения Петкова
ТРОЕВА-ГРИГОРОВА

Этногенез болгар: историографические траектории и массовая культура

Исследование развития теорий об этногенезе болгар позволяет выявить их динамику в историографии, а также проследить их отголоски в широких общественных кругах. Память о «предках» модифицируется и трансформируется в соответствии с общественно-политическими условиями конкретного исторического периода. В публичном пространстве появляются различные гипотезы о происхождении болгар, и со временем одни из них развиваются дальше, другие отпадают и появляются новые. На вопрос об этническом происхождении в контексте европейского Средневековья ответы дает Священное Писание, в котором, помимо прочего, содержится и описание племен и народов. Если в средневековых легендах о происхождении различных этносов преобладает миграционный мотив, то с рождением национальной идеи появляется понятие автохтонии[1]. В граднарративе об истории нации отражено стремление найти глубокие корни этноса, узаконивающие право владения определенной территорией на протяжении веков. Этнолингвистический критерий определения нации, как указывает Хобсбаум, стал ведущим только на поздней стадии развития национализма[2]. Именно тогда получило распространение представление о том, что народы, принадлежащие к одной и той же языковой группе, имеют общее этническое происхождение[3]. Таким образом, начиная с XIX в., классификация народов на основании принадлежности их языка к той или иной языковой семье стала особенно популярной, что однозначно поместило болгар в группу индоевропейских народов и, в частности, в их славянскую ветвь.

В настоящем исследовании прослеживается история представлений о болгарском этногенезе, подчеркивается её динамический характер и обусловленность конкретными историческими факторами.

Включение болгарских земель в Османскую империю в конце XIV в. усилило важность религиозной принадлежности, которая была основным маркером идентичности, особенно в первые века османского владычества. В XVI–XVII вв. историографические сведения о происхождении болгар принадлежат в основном иностранцам. Исторические сочинения, изданные на немецком, чешском и русском языках, были переведены на болгарский язык, благодаря чему предлагавшиеся в них гипотезы о происхождении болгар приобрели популярность среди болгарской интеллигенции. На представления о болгарском этногенезе повлияла так называемая иллирийская теория, первым идеологом которой был венецианский историк монах-доминиканец Винко Прибоевич (? — после 1532 г.) В своей книге 1532 г. о «славенах» Прибоевич прослеживает родословное древо славян, относя его первую ветвь к сыну Ноя Иафету и его младшему сыну Тиросу, от которых произошли фракийцы, а от них, в свою очередь, и славяне[4]. В «Царствии славян» (1601 г.) далматинский священник Мавро Орбини (1550–1614) причисляет болгар вместе с другими славянскими народами к потомкам Иафета[5]. Далее эти представления были заимствованы болгарским народным будителем, православным монахом-таксидиотом Паисием Хилендарским (1722–1773) и нашли отражение в его труде «История славяно-болгарская» (1762 г.), в котором он возводит происхождение славян к сыну Ноя Иафету и сыну Иафета Мосхосу (Мосоху)[6]. Паисий также относит (прото)болгар к славянам, однозначно отзываясь о них как о славянском племени[7]. Созданная в тот же период анонимная Зографская «История вкратце о болгарском народе народе словенском»[8] (на основе сочинений Цезаря Бария и А. Катича) также описывает болгар как славян[9].

В конце XVIII — начале XIX вв. паисиева «История» формировала представление о прошлом болгар благодаря много-

численным спискам и редакциям[10]. Похожие взгляды были популярны и в России. В своем сочинении 1768–1769 гг. автор первого монументального труда по истории России Василий Никитич Татищев (1686–1750) относит античных галлов, гетов, фракийцев, даков, иллиров к славянским племенам[11]. Историк объединяет древних болгар с чувашами, а их самоназвание возводит к топониму — реке Волге, а задунайских болгар уверенно считает славянами[12]. В «Истории» иеросхимонаха Спиридона (1792 г.) славяне определены как потомки сына Иафета Мосоха, а болгары представлены как славянский народ, первым царем которого был Иллирик[13]. Версия Спиридона по поводу этногенеза болгар находит свое отражение и в «Царственнике» (1844 г.) учителя и писателя периода Болгарского национального возрождения Христаки Павловича (1804–1848), по мнению которого, болгары были потомками Мосоха; их также называли иллирами, пришедшими с севера, а Иллирик был первым королем болгар[14].

В конце XVIII — первой половине XIX вв. особую популярность приобрела «История всех славянских народов» сербского архимандрита Йована Раича (1726–1801), в которой происхождение славян возводится к библейскому потомку Ноя Мосоху, а (прото)болгары представлены как племена, пришедшие в Европу из Азии: третий сын хана Кубрата Аспарух пересек Дунай и завоевал славинов[15]. Переработанная сербом Атанасом Нешковичем болгарская часть четырехтомной истории Раича была опубликована в 1801 г. в Будапеште и является первой печатной книгой, посвященной болгарскому прошлому, которая выдержала четыре издания менее чем за полвека[16]. Представление о болгарах как о потомках Мосоха, проживавших в древности на Балканах и добившихся значительных успехов на разных поприщах, было популяризировано в болгарском обществе в 1840-х годах благодаря трудам Константина Фотинова (ок. 1790–1858) в журнале *Любословие*[17]. Таким образом, идеи раннего иллиризма, начиная с иеросхимонаха Спиридона и далее, их развитие при участии Фотинова, проникли в болгарскую книжность[18]. В период болгарского

Возрождения иллирийское происхождение болгар изучается также и в школах[19].

Расцвет славистики в России в XIX в., во многом обусловленный растущим политическим интересом Российской империи к европейскому юго-востоку, усилил интерес и к балканским славянам[20]. В науке актуальна прежняя традиция считать протоболгар славянским племенем. В 1829 г. русский и болгарский историк Юрий Иванович Венелин (1802–1839) опубликовал книгу «Древние и нынешние болгаре», в которой он отнёс современных ему болгар, а также их предков, к славянам, критикуя сторонников татарской теории происхождения болгар и отмечая, что болгары (имея в виду протоболгар) также были славянами и жили в Поволжье[21]. Книга «Критические исследования об истории болгар», изданная в Москве в 1849 г. уже после смерти Венелина (в переводе на болгарский язык вышла отдельным изданием в 1853 г.), также отражает заключение автора о славянском характере (прото)болгар[22].

Болгарский просветитель и издатель Васил Априлов (1686–1750), следуя теории Раича и Венелина об общем славянском происхождении протоболгар и славян[23], также внес свой вклад в формирование возрожденческих болгарских знаний о прошлом. Известный болгарский интеллектуал Добри Войников (1833–1878) на страницах опубликованной в 1861 г. «Краткой болгарской истории» утверждал, что болгары Аспаруха, переместившись к югу от Дуная, объединились со своими «соплеменниками» — славянами, которые проживали на той территории[24]. Болгарский писатель и политический деятель Гаврил Крыстевич (1817–1898) опубликовал в 1869 г. «Історію болгарску», в которой утверждал: *болгары* и *унны* были одним и тем же народом, не татарами или монголами, а *чисто* славянским этносом[25]*. Происхождение болгар комментируется и в произведениях болгарского писателя и одного из круп-

* В российской науке к такому же выводу пришел выдающийся историк, археолог и коллекционер Иван Егорович Забелин (1820–1908), считавший «уннов» (гуннов) «восточной или прибалтийской ветвью славян» (*Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Часть первая. Доисторическое время Руси. 2-е издание. М., 1908. С. 438–452) (прим. редколлегии).

нейших деятелей-возрожденцев Любена Каравелова (1834–1879). В них славяне представлены как древние жители Балкан, именуемые фракийцами, мезийцами, даками, скифами. По Каравелову, болгары были первыми славянами, создавшими свое государство, так как они приняли протоболгар как славян[26]. В переведенной на болгарский язык монографии о происхождении дунайских болгар (1875 г.) русский историк Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920) также придерживался тезиса о том, что (прото)болгары — это славяне, которые в VII в. поселились на Балканах, где к тому времени уже проживали родственные им племена. По его мнению, болгары «*не есть какой-то там смешанный переходный тип, а целостный достойный славянский народ*»[27].

Другой значимый подход к вопросу о происхождении древних болгар, оформившийся во второй половине XVIII в., — тюрко-татарская теория, разработанная в немецкоязычной среде Августом Шлёцером, Иоганном Тунманном и Иоганном Энгелем[28]. Немецкий историк Шлёцер (1735–1809) называет дунайских болгар «черными болгарами», обитавшими между Дунаем и Балканскими горами[29]. По мнению шведского ученого Тунманна (1746–1778), древние болгары — не славяне, а тюрки, сродни кочевникам *кутригурам* и венграм, которые после переселения в Мезию смешались со славянами и восприняли их язык[30]. Древние болгары часто также считаются уграми, а хан Кубрат представлен как правитель уногондуров, приравненных к венграм[31]. Энгель (1779–1814) описал создание Булгарии Аспаруха как процесс, в котором пять сыновей Кубрата разделились и разошлись во время нападения родственных им хазар: далее каждый из них занял свои земли, в то время как Аспарух завоевал и вытеснил славянские племена. Создание нового народа австрийский историк представляет как смешение аспаруховых болгар с существовавшими в этих землях «романо-даками» и славянами[32]. Это одно из первых предположений о смешанном происхождении болгар, берущем своё начало от слияния протоболгар с позднеантичным балканским населением и славянами.

Тезис о неславянском происхождении болгар также поддерживался и выдающимся чешским филологом-славистом Павлом Шафариком (1795–1861). В «Славянских древностях» (1837 г.) он определяет протоболгар как «урало-финские» племена, родственные гуннам, а точнее *кутургурам*[33]. Идеи Шафарика стали известны болгарам через перевод книги «Цветособрание старославянской книжности в Болгарии» (1849 г.), составленной дьяконом Хрисантом Йовановичем[34].

Идею более позднего превращения болгар в славян отстаивал и русский историк, археолог и нумизмат Александр Дмитриевич Чертков (1780–1858). В своем комментарии к древнеболгарскому списку Манасиевой хроники (1842 г.) он писал, что болгары, вторгшиеся на балканские территории Византийской империи в конце V и начале VI в. были «еще не словенами», но частью племени гуннов. Чертков утверждает, что болгары стали «словенами», когда поселились в Мезии, где «словени» жили с древности. Тогда их называли иллирийцами, македонянами, фракийцами. Создание Болгарского государства Чертков связывает с приходом с Волги «малой» булгарской орды на территорию семи славянских племен, но, по его мнению, Болгарское царство стало могущественным только после присоединения всех славян к болгарам[35]. Ученый считает, что древние болгары говорили на языке, принадлежавшем к финской языковой группе, и вели кочевой образ жизни, в отличие от славян, которых он характеризовал как оседлых и миролюбивых[36]. Чертков также высказывает версию о том, что древнее балканское население, приравненное к славянам, было вынуждено эмигрировать на северо-восток под натиском римлян[37]. Впоследствии этот тезис будет периодически актуализироваться в болгарской историографии.

Русский историк-славист и фольклорист Александр Фёдорович Гильфердинг (1831–1872) в 1868 г. также описывает протоболгар как сородичей гуннов, покоривших славян в Мезии. Гильфердинг утверждал, что орда Аспаруха была финского происхождения, но с тюркскими элементами, воспринятыми аварами[38].

Суждения о миграции славян, в частности А.Д. Черткова, оказали влияние и на взгляды выдающегося деятеля болгарского национально-освободительного движения, историка, этнографа, поэта Георгия Раковского (1818–1866)[39]. По его мнению, болгары — это славяне, выходцы из Индии, переселившиеся на Балканы раньше греков[40]. В «Ключе болгарского языка» (Одесса, 1880) Раковский ставит знак равенства между многочисленными «фракийскими народами», описанными древними авторами, и современными славянами на Балканах[41]. Идеи Раковского разделял один из его друзей — писатель и просветитель Цани Гинчев (1835–1894), считавший, что болгары — это фракийцы, которые изначально являлись славянами[42].

Во второй половине XIX в. появились первые болгарские исторические труды научного характера. На представления болгар о генезисе Болгарского государства повлияла монография российского и болгарского историка, длительное время находившегося на административной службе в Российской империи, Спиридона Николаевича Палаузова (1818–1872) — «Век болгарского царя Симеона» (СПб., 1852). В книге представлена история Болгарии при правителе Кубрате (?–642), рассказывается о переселении его сыновей[43]. Опираясь на труды византийских авторов, Палаузов пишет, что Аспарух, несмотря на малочисленность своей орды (примерно 15–20 тыс. чел.), вторгся в пределы Византийской империи, покорил семь славянских племен и заложил основы Болгарского государства[44].

Теорию о происхождении болгарского народа развивал болгарский и российский историк, филолог и дипломат Марин Степанович Дринов (1838–1906). В его книге «Взгляд на происхождение болгарского народа и начало болгарской истории» (1869 г.) протоболгары предстают как чудское или финское племя, ассимилированное славянами. Дринов разделял мнение Шафарика о характере отношений славян и протоболгар, но не считал современных болгар потомками последних: он полагал, что они лишь приняли их имя, а предками болгар являлись славянские племена[45]. Дринов критиковал теорию славянского происхождения фракийцев и иллирийцев, а так-

же и «волжскую теорию» происхождения современных болгар от болгар Аспаруха[46].

Значительное влияние на болгарскую историографию оказал труд чешского историка Константина Иречека (1854–1918) «История болгар» (1876 г.). Критикуя своих предшественников, в основном средневековых авторов, считавших славян коренными жителями Балкан, Иречек защищал идею их миграции к югу от Дуная[47]. Автор относил протоболгар к племенам финских или тюркских кочевников, отрицал какое-либо родство между древними и современными болгарами, а предками болгар считал славян[48].

Таким образом, в доосвободительный период формируется несколько конкурирующих между собой теорий о происхождении болгар: автохтонная или миграционная гипотеза комбинируются с моноэтническим или гетероэтническим подходом[49]. В то время взгляд на славянское происхождение болгар пользуется неизменной популярностью в широких кругах общественности. В учебниках истории народ представлен как устоявшаяся гомогенная общность, сохраняющая свое ядро в процессе исторического развития от самого далекого прошлого до настоящего. При этом рассказ о Средневековье неизменно питал национальную гордость и предлагал аргументы в пользу актуальных политических притязаний[50].

Представления об истории в этот период популяризировались через формирующуюся систему образования, прессу, были визуализированы в первых театральных постановках, а также в распространенных гравюрах на исторические сюжеты. Накануне Освобождения, например, появились картины Николая Павловича «Хан Аспарух переходит Дунай» (1867–1869) и «Аспарух переходит Дунай и поселяется в Мезии» (1870–1876)[51].

Постосвободительный период

После Освобождения в молодом болгарском государстве создается ряд институций, призванных проводить политику по формированию и поддержанию национальной идентич-

ности. Центральное место в этом процессе занимала система образования. В учебниках был представлен тезис о славянском этногенезе болгар в версии Марина Дринова и подчеркивалось растворение протоболгар в славянском субстрате[52]. Однако в этой общей картине можно было заметить и «вкрапления» других теорий. Так, например, в конце XIX в. основатели болгарской археологии братья Карел и Герман Шкорпилы, чехи по национальности, рассматривали болгарский этногенез как смешение славян с «фракийцами», а затем и с «уральскими болгарами» Аспаруха[53]. Автохтонный тезис получил наибольшую популярность благодаря антиковеду и медиевисту Ганчо Ценову (1870–1949), который в своей книге «Происхождение болгар и начало болгарского государства и болгарской церкви» (1910 г.) настаивал, что болгары являются потомками готов и гуннов, а те, в свою очередь, — наследниками даков, причем все эти племена, вместе взятые, можно считать исконным населением Балкан[54].

В этот период наиболее полное изложение и анализ источниковедческой базы и историографии по вопросу о происхождении протоболгар представил литературовед и этнограф Иван Шишманов (1862–1928). Отвергая встречающееся в некоторых исследованиях смешение финно-угров с «тюрко-татарами», он поддерживал «тюрко-татарскую» гипотезу генезиса протоболгар[55].

Информацию о наступавших изменениях в представлении о национальных предках дает нам сочинение Владимира Котлянина[56], опубликованное в 1910 г. В нем автор пишет, что если спросить современного жителя о происхождении болгар, «*он не только признает, что мы, болгары, имеем чисто татарское происхождение, что у нас было татарское (болгарское) царство на Волге, которое постепенно перекинулось за Дунай и распростерлось аж до Белого моря, он скажет даже больше — будет хвалить татар как воинственный народ… И вообще на сегодняшний день болгарская “интеллигенция” твердо убеждена, что у нас татарские корни*»[57]. Котлянин защищает гипотезу автохтонного славянского происхождения

болгарского народа, заселившегося на Балканы «*как минимум тридцать веков назад*»[58].

В свой учебник по истории болгарского народа (первое издание – 1917 г.) историк Никола Станев (1862–1949) впервые включает сведения о прошлом Балкан до прихода славян и протоболгар, о «фракийцах», живших в древности на болгарских землях, и об их наследии[59].

После Балканских войн и Первой мировой войны на волне разочарования болгарского общества в политике славянских государств усилилось внимание ученых к роли протоболгар в этногенезе и в создании болгарского государства[60]. В межвоенный период филолог-славист, литератор Борис Йоцов (1894–1945) опубликовал исследование по славистике, в котором утверждал, что славянское самосознание болгар угасало в XV–XVIII вв., чтобы постепенно возродиться под влиянием славянской литературы XIX столетия[61]. Особо внимательно Йоцов анализирует столкновение идей славянского единства с политическими реалиями первой половины XX века[62].

По мнению наиболее авторитетного историка-медиевиста того времени Васила Златарского (1866–1935), древние болгары были частью племен гуннов, и орда Аспаруха вступила в союзные отношения с оседлыми славянскими племенами[63]. Болгарская народность, считал ученый, была создана славянами и протоболгарами. Вкладом первых в этот процесс были численность и сила, а вторых — государственная «организация» и название новой народности. Важно отметить, что такой этнический дуализм длился почти два века[64]. В межвоенный период известный болгарский языковед Стефан Младенов (1880–1963) популяризировал тезис о принадлежности языка протоболгар к тюркской языковой группе[65]. Населяющее данные территории романизированное фракийское население как фактор болгарского генезиса рассмотрено историком-медиевистом, учеником К. Иречека Петром Никовым (1884–1938). В своих лекциях он поддерживал тезис о ведущей роли славян в этом процессе, предостерегал от переоценки роли протоболгар, настаивал на их тюркском происхождении[66].

Особо следует упомянуть о распространении исторического знания, популяризации официальных, установочных оценок, соответствующих национально-государственным интересам, естественно, в понимании властей предержащих. В Болгарии эти задачи было призвано решать основанное в 1901 г. Болгарское историческое общество (БИД). Важной инициативой БИД явилось издание серии «Болгарская историческая библиотека» (1928–1933 гг.) под редакцией Васила Златарского и Петра Никова[67]. Тогда же была предпринята попытка при поддержке государственных учреждений популяризировать современные исторические знания, интерпретации и гипотезы об историческом прошлом болгар через издание библиотеки исторических романов «Древняя Болгария» братьев Карапетровых[68]. Поначалу в болгарских исторических романах, которые начали появляться в середине 1920-х годов, истоки Болгарского государства связывались со славянами; позже в этой серии появились произведения, отражавшие концепцию «синтеза» славян и протоболгар. А в конце 1930-х годов славяне полностью исчезли со страниц беллетристики: их место прочно заняли гунны, авары, протоболгары как основатели государства[69].

В межвоенный период многие турецкие названия поселений сменились на болгарские, а в Северо-Восточной Болгарии предпочтение отдавалось именам прославившихся средневековых правителей и военачальников, таких как Безмер (старое название Авдула), Белгун (Дюранлар), Войсил (Кара Башлы), Кардам (Харман куюсу), Телериг (Кюселер), Тервел (Куртбунар)[70], Исперих (Кемаллар)*.

* *Безмер* (? — 690) — хан Великой Болгарии, старший сын (по другим версиям — племянник или двоюродный брат) хана Кубрата. После распада Великой Болгарии отдаленные потомки Безмера («чёрные булгары») пользовались автономией в составе Хазарского каганата и, по воспоминаниям императора Константина VII Багрянородного, считались серьезной военной силой; *Белгун* (мудрый) — прозвище болгарского царя Ивана Асеня I (1190–1195) — основателя Второго Болгарского царства (1185–1396); *Войсил* — представитель знатного болярского рода, один из высших военачальников Византийской империи, деспот Мизии (1322); *Кардам* — хан Болгарии (777–802), разгромивший византийские войска на р. Струма, отвоевав захваченные визан-

Археологическая ассоциация *Българска старина* (болг. Болгарская древность) сыграла значительную роль в изучении и популяризации исторического прошлого болгар Северо-Восточной Болгарии. Это объединение было основано по инициативе жителей Варны, Шумена, Нови Пазара и Плискова (Абоба)* 23 марта 1924 г. в Варне. Ассоциация стремилась «сохранять, поддерживать и выставлять на обозрение известные к настоящему времени болгарские и иные древности, вести поиск новых древностей, изучать болгарскую историю по всем имеющимся в стране и за её пределами источникам», а также «проводить народные собрания в исторических местах Восточной Болгарии»[71], например, в Плискове, Мадаре и Преславе. В 1937 г. адвокат Димитр Сасалов сформировал элитный кружок с целью популяризации протоболгарского прошлого. Годом позже на его основе была создана консервативная организация *Болгарская Орда*, которая предлагала вернуться к традициям предков[72].

В межвоенный период известный художник Димитр Гюдженов (1891–1979), в творчестве которого центральное место занимала военная и историческая живопись, создал немало полотен, посвященных первым болгарским ханам, в том числе, Круму, Омуртагу, Тервелю, Телеригу, Аспаруху[73]. Иллюстрации его картин часто помещали в школьных учебниках по истории средних веков и энциклопедиях. Во второй половине 1930-х годов с появлением радио — нового в жизни болгар

тийцами области Македонии; *Телериг* — хан Болгарии в 768–777 гг., преодолевший длительный внутренний кризис Болгарского государства, заключив мир с императором Византии Константином V; *Тервель* — хан Дунайской Болгарии (ок. 700–721), сын хана Аспаруха, внук хана Кубрата, оказавший приют бывшему императору Юстиниану II и спасший его от преследований императора Апсимара. Впоследствии вернувшийся на престол Юстиниан жаловал хана Тервеля титулом цезаря; *Исперих (Аспарух)* (ок. 640–700) — основатель болгарского ханства на Балканах — Дунайской Болгарии, считающейся первым государством современной Болгарии — Первым Болгарским царством (ок. 681–1018). Ханы Безмер, Тервель и Аспарух — выходцы из протоболгарского рода Дуло, ставшего основой ханской династии. Созданное ханом Кубратом в 632 г. в Приазовье Болгарское ханство возглавлялось династией Дуло (прим. редколлегии).

* Абоба, в 1925–1947 гг. — г. Плисков; с 1947 г. носит современное название — Плиска (прим. редколлегии).

средства массовой информации — в эфире началась трансляция цикла бесед «От хана Исперихa…», посвященных выдающимся историческим личностям[74]. Популярный взгляд на болгарское прошлое предлагал в те годы историк-медиевист Петр Мутафчиев (1873–1943). В двухтомной «Истории болгарского народа» (1943 г.) ученый утверждал, что после нескольких столетий варварских вторжений в середине VII в. Балканский полуостров уже был «славянской страной», а коренное балканское население сильно сократилось. Протоболгар Мутафчиев этнически относил к туранским кочевым народам[75].

Социалистический период

После 1944 г. историческая наука вступила в сложный период переосмысления прежних научных концепций в контексте утверждения марксистско-ленинской идеологии. Новая политическая ориентация государства на Советский Союз непосредственно отразилась на состоянии национального пантеона предков: в частности, акцент вновь перемещается с протоболгар на славян. В первые годы новой власти актуализируется концепция советского филолога-слависта и историка Николая Севастьяновича Державина (1877–1953), который реабилитировал автохтонную теорию о славянском происхождении болгар, пренебрегая при этом ролью протоболгар[76]. В академических «Историях Болгарии» 1954 и 1961 гг. отстаивается следующий взгляд на историческое прошлое: несмотря на то, что население Балкан сильно пострадало от многочисленных варварских нашествий, славяне всё же встретили на полуострове «значительное по численности население», которое впоследствии влилось в «*славянское море*»[77]. Относительно протоболгар в обоих изданиях закреплена версия их тюркского происхождения[78]. В учебниках тех лет подчеркивается ведущая роль славян в формировании Болгарского государства. В социалистический период студентам внушалось, что славяне на Балканах имели свое государство, а протоболгарский хан Аспарух только помог им объединиться[79]. В 1961 г. в се-

рии «Наше героическое прошлое» была опубликована научно-популярная книга археолога профессора Станчо Станчева Ваклинова (1921–1978), согласно которой *«болгарская нация в её современном понимании является прямой наследницей древних славян»*[80].

В 1970 г. состоялся Первый съезд Болгарского исторического общества, обсуждавший вопрос о формировании болгарской нации. Констатировалось, что в большинстве исторических исследований отражен сложный процесс объединения фракийцев, славян и протоболгар, в котором ведущую роль играли всё же славяне[81]. Таким образом, концепция, согласно которой в основе болгарской нации лежат три указанных этнических компонента[82], соединила автохтонную теорию этногенеза болгар с миграционной. Одновременно с этим в «национальный гранднарратив» возвращается национализм[83]. В сборнике статей и докладов «Этногенез и культурное наследие болгарского народа», опубликованном в 1971 г. в издательстве БАН, идея симбиоза славян, протоболгар и фракийцев была конкретизирована путем акцентации роли фракийского «фактора». В докладе болгарского лингвиста Владимира Георгиева (1908–1986), например, говорилось о том, что в болгарскую нацию, в основе своей «несомненно славянскую», влились и другие этнические группы, причем «основным субстратом» «славянской массы» были фракийцы[84]. В 1972 г. эпиграфист Георгий Михаилов (1915–1991) опубликовал монографию о фракийцах, отразив в ней подход к истории древнего народа как к «началу нашей (болгарской, *ред.*) истории, а не доистории»[85]. В том же 1972 г. вышло монографическое исследование Евгения Теодорова (1903–1980) о древнем фракийском наследии в болгарском фольклоре. Изучив некоторые характерные особенности болгарской духовной культуры, восходящей к фракийцам, автор подчеркивает право современных болгар считаться «прямыми наследниками» одной из самых древних культур человечества[86].

Согласно другому изданию того же периода, возникновение в 681 г. Болгарско-славянского государства стало возмож-

ным благодаря взаимовыгодным интересам болгар-туранцев, славян-антов и славянозированных фракийцев, впоследствии образовавших единую болгарскую нацию[87]. Все они внесли свой вклад в новое государство: славяне — язык и трудолюбие, болгары — способности к организации и воинскую доблесть, а фракийцы — «неисчерпаемую энергию и творческий пламень»[88]. В 1977 г. был издан один из основополагающих трудов по формированию древнеболгарской культуры. В нем археолог Станчо [Станчев] Ваклинов, скорректировавший свой вывод 1961 года, утверждает, что при своем возникновении болгарское государство создает благоприятные условия для формирования болгарской народности, в которую входят «славяне, протоболгары и некоторые остатки исконного балканского населения», а вновь созданная древнеболгарская культура имеет славянский характер[89]. В 1971 г. Димитр Ангелов (1917–1996) опубликовал книгу «Формирование болгарской народности». В нем автор раскрывает свой взгляд на болгарский этногенез, в котором участвуют три основных компонента: местное балканское население (в основном фракийцы), славяне и протоболгары[90]. В 1981 г. вышло в свет второе исправленное и дополненное издание книги Димитра Ангелова «Формирование болгарской народности», в котором этот процесс представлен как последовательное поглощение одной этнической группы другой, а в случае с Болгарией налицо была победа славянского компонента, ассимилирующего фракийский и протоболгарский субстраты[91].

К отмечавшемуся в 1981 г. 1300-летию Болгарии было приурочено издание монографии историка, филолога и эпиграфиста Веселина Бешевлиева (1900–1992) о «первоболгарах»[92] и монографии Петра Петрова (род. 1924 г.) о становлении Болгарского государства, в которой автор отстаивает версию тюркского происхождения протоболгар[93].

В 1986 г. свет увидело исследование археолога и историка Станислава Станилова (род. 1943), который определяет древнюю болгарскую культуру как, несомненно, славянскую, особо подчеркивая роль славян в средневековой Болгарии, а прото-

болгар характеризует как смесь тюркского, сарматского и славянского населения[94].

В 1970-е — 1980-е годы в стране появляются краеведческие исследования, переносившие повествование о ключевых моментах национальной истории на конкретные территории и в конкретные поселения. Важность таких исследований на локальном уровне трудно переоценить.

В 1970-е годы, в период подготовки к празднованию 1300-летия основания Болгарского государства (1981 г.), отмечен всплеск интереса к исторической прозе. Появляются произведения о важнейших событиях и личностях национальной истории, в том числе о первых болгарских правителях: «Хан Аспарух» Евгения Константинова (1969 г.), «Хан Крум» (1973 г.) и «Ювиги хан Омуртаг» (1974 г.) Димитра Мантова. Вера Мутафчиева написала роман «Так предсказала Пагане» (1980 г.; переведен на русский яз. в 1983 г.), который лег в основу сценария фильма «Хан Аспарух», а Антон Дончев выпустил серию исторических повествований под названием «Сказание о хане Аспарухе»[95].

Юбилей вызвал бум монументальной репрезентации. Особое внимание уделяется средневековым болгарским столицам — Плиске и Преславу; в Шумене возводится мемориальный комплекс «Создатели болгарского государства» (1981 г.). В честь юбилея были открыты мемориальный комплекс хана Аспаруха в Добриче (1981 г.), памятник «Воин Аспаруха» близ Плиски (1974 г.), памятники хану Круму в Крумовграде (1981 г.) и в Тырговиште. Нельзя упускать из виду тот факт, что это районы с компактно проживающим мусульманским населением, которое в 1980-е годы подвергалось усиленному давлению с точки зрения идентичности. В одном из действующих центров просвещения (читалище) идея этногенеза болгар представлена фреской «Фракийцы, славяне, протоболгары» (Борино в Смолянской области, 1982 г.)[96].

В 1980-е годы в условиях роста национализма в стране к истории возникновения болгарского государства и наиболее значимым периодам его раннего развития обратились кине-

матографисты. Исторические фильмы «Хан Аспарух» (1981), «Князь Борис» (1984–1985), «Золотой век» (1984) и «Величие хана» (1984) смотрели миллионы зрителей[97], что не могло не повлиять на формирование массового видения исторического прошлого. Социалистическое государство в своей политике использовало средневековое прошлое как символический капитал, необходимый для конструирования представлений о непрерывности традиций, идентичности и национальной гордости болгарских граждан. Свою роль в формировании исторической памяти и идентичности играют также созданные в населенных пунктах Болгарии музеи и историко-документальные композиции.

Период постсоциалистических трансформаций

После политических перемен 1989 г. представление об этногенезе болгар было пересмотрено: акцент постепенно переносится со славянского и фракийского субстрата на протоболгарский компонент[98]. Популярный образ (прото)болгар уже не связан с их тюркским происхождением: обществу предложена версия, согласно которой протоболгары суть индоевропейский народ с высоким уровнем культуры. Новый концепт призван стимулировать чувство национального достоинства в трудные годы социального и политического перехода[99]. Выявились нашедшие отражение в историографии попытки отказаться от причисления болгар к славянским народам. Так, например, историк Пламен Цветков (1951–2015) отстаивал тезис о неславянских, протоболгарских корнях болгарской нации[100]. Идеи об индоевропейском происхождении протоболгар, отстаиваемые экономистом Петром Добревым (род. 1942), особенно популярны в любительских исследованиях протоболгарского субстрата. По мнению Добрева, который в основном опирался на языковые данные, древних болгар следует относить к скифо-сарматской группе народов, прародина которых находилась в районе Памира. Современная болгарская нация, утверждает Добрев, возникла при ассимиляции болгар

и славян в средневековой Болгарии[101]. Подобные идеи восточного, нетюркского происхождения болгар распространяются организацией *Тангра ТанНакРа*, публикующей множество книг и профинансировавшей экспедицию по поиску прародины болгар на Памире и в Афганистане (2008 г.). Фильм о работе экспедиции был показан в 2009–2010 г.[102].

В то же время в начале нового тысячелетия была предпринята попытка переосмысления версий о предках болгар. Его инициатором стал историк средств массовой информации Росен Милев, предложив так называемый Готский проект Балканской академии средств массовой информации (2002–2011). Ученый является составителем и автором Введения к сборнику исследований, в котором рассматривает наследие древнегерманского племенного союза готов не только как важный элемент общеевропейского прошлого, но и этногенеза болгар и фактора болгарской истории в целом[103].

С новой силой начинает звучать автохтонная теория. Её сторонником являлся, например, заявивший о дешифровке им древней фракийской письменности Стефан Гайд (1960–2013), утверждавший, что болгары — это фракийцы[104]. Стефан Гайд и его брат Цветан (в соавторстве они публиковались как братья Стефан и Цветан Гайдарские) настаивали на сходстве фракийского языка с языком современных болгар, подчеркивали глубинную связь фракийского культа Орфея с православным христианством, усматривая сходство между фракийской религиозно-философской традицией и древнеегипетскими обычаями и ритуалами. Их идеи противоречат утверждениям академического сообщества[105].

Круг желающих сказать своё слово в продолжающейся дискуссии достаточно широк и не ограничивается специалистами-профессионалами (историками, этнографами, лингвистами, эпиграфистами и пр.). Популярный писатель и сценарист Антон Дончев (род. 1930) утверждает: «*Мы — потомки, наследники фракийцев*»[106]. Вновь ставшее в последние годы популярным суждение о фракийцах, славянах и протоболгарах как о родственных племенах одного корня, говорящих на

схожих языках, поддерживает писатель-фантаст Илия Джерекаров[107]. Исследователь-любитель Иван Иванов актуализирует идею сарматского происхождения протоболгар[108]*.

Так, насаждается мнение, что «Кубер и Аспарух, царственные представители фракийско-скифско-сарматских народов, вернулись сюда к своим родственникам по крови»[109]. В своей книге «Происхождение древних болгар» (2006 г.) археолог Андрей Киряков представил тезис о том, что болгарский народ был создан значительным субстратом местного (фракийского) населения и пришедшими в эти земли после VI в. болгарами и славянами, которые были близкими родственниками исконного балканского населения[110]. Искусствовед Асен Чилингиров (1932–2022) критикует «великогерманскую идею и панславизм» и миграционный переселенческий тезис о заселении Балкан славянами и протоболгарами[111]. Согласно Чилингирову, готы, пришедшие в Причерноморье в IV в., были гетами, ранее эмигрировавшими на север, а их духовный учитель *Урфила* перевел текст Библии на их язык[112]. Археолог Петр Георгиев считает создателями черняховской культуры II–IV вв. беженцев, покинувших Балканы и Карпаты в результате римского завоевания[113]. Иными словами, находит подтверждение гипотеза историка-балканиста Чавдара Бонева о движении на север фракийцев, впоследствии ставших славянами и вернувшихся в прежние области к югу от Дуная[114]. Александр Мошев, историк по образованию, в научно-популярных работах отстаивает аналогичные идеи, излагая дискуссионные вопросы из ранней истории современных болгарских земель. Его работы являются своеобразным мостом между академическими, построенными на источниках сочинениями, и любительскими умозаключениями. По мнению Мошева, «сегодняшние болгары являются духовными и

* К числу «новых документов» автор относит «не известную у нас (болгарских историков, *ред.*)» древнерусскую Велесову книгу, описывающую исход Кия, Щека, Хорива и их отца Ария из области Памира — Семиречья. В российской исторической науке Велесова книга, или Книга Велеса, еще в 1960-е годы была признана фальсификацией, созданной в XIX или, вероятнее, в XX в. и имитирующей праславянский язык (прим. редколлегии).

биологическими наследниками древнего местного населения на Балканах»[115]. Время от времени на книжном рынке появляются и исторические романы, посвященные раннему периоду истории болгар[116].

Своеобразной реабилитацией автохтонной теории можно считать монографию американского историка румынского происхождения, археолога Флорина Курты (опубликована в Болгарии в 2009 г.). Утверждая, что «славяне не приходят с севера, а становятся славянами при соприкосновении с римской границей», Курта рассматривает возникновение славянского этноса в контексте строительной политики императора Юстиниана на Дунае и на Балканах[117].

После нескольких лет экономического кризиса на рубеже XX–XXI вв. на фоне всё более активно акцентируемого протоболгарского начала страна переживает бум монументальной пропаганды: возводятся памятники хану Круму в Пловдиве (2007); царю Борису I в Плиске (2007); хану Кубрату (2012) и хану Аспаруху (2015) на аллее болгарских ханов в городе Левски, причем в постаменты была замурована горсть земли из их предполагаемых захоронений, обнаруженных на Украине[118]. В постамент памятника Аспаруху в Стрелче, установленного в 2011 г., тоже замурована горсть земли из предполагаемой могилы хана[119]. В Софии в 2016 г. была установлена мемориальная доска хану Тервелю с благодарственной надписью за спасение Европы от арабского вторжения.

Тема первых болгарских владетелей отразилась и в творчестве современных художников. Назовём картины Александра Алексиева-Хофарта («Кубрат» и «Кубрат со своими сыновьями»), Васила Горанова («Кубрат показывает путь своим сыновьям», «Клятва сыновей Кубрата», «Кубрат», «Хан Аспарух»), Николая Донкова («Кубрат со своими пятью сыновьями»). Под девизом «Испытайте силу своих предков!» в мае 2019 г. в Шумене стартовало национальное турне выставки *Историческое величие*[120]. Мероприятие включало в себя вернисаж из более 40 картин, а также лекции и исторические реконструкции, которые были представлены в областных

центрах страны. Экспонаты являются частью экспозиции выставочного зала строящегося Исторического парка возле села Неофит Рильский[121]. Во время выставки организовывались школы болгарских воинов: дети осваивали навыки стрельбы из лука, владения мечом, топором и саблей. Эти инициативы отвечают патриотическим миссионерским амбициям и свидетельствуют о тенденциях исторической реконструкции в Болгарии в начале нового тысячелетия.

Репрезентация прошлого в современности проявляется в самых разных форматах: художественных реконструкциях, «живой истории», в исторических фестивалях и инсценировке фрагментов прошлого, формирующих отдельный сегмент развлекательной индустрии и культурно-исторического туризма. А их популяризация находит благоприятную почву в современных электронных источниках и социальных сетях[122]. Одной из первых попыток было восстановление протоболгарского поселения в Аспаруховом парке в Варне, в нескольких метрах от знаменитого Аспарухова вала. Комплекс *Фанагория* действует с 2001 г. и ориентирован в основном на подростков. «Поселение» представляет собой реконструкцию протоболгарского стана VI–VIII вв., в котором размещены несколько юрт в уменьшенном масштабе и ремесленные мастерские. В первой столице Болгарии, Плиске, с 2012 г. проводится фестиваль *Дни предков*[123], организованный варненской Ассоциацией восстановления и сохранения болгарских традиций — Авитохол (по имени первого правителя булгар и мифического родоначальника династии Дуло. По одной из версий Авитохола отождествляют с правителем гуннов Аттилой). Реконструкторы воспроизводят конную традицию (прото)болгар, именуемых «нашими (болгарскими, *ред.*) предками». Помимо *Авитохола*, реконструкцией жизни протоболгар занимаются и несколько других организаций — Старозагорская протоболгарская школа выживания *БагаТур* и клуб *Багачин* из г. Лом[124]. Воспроизведение событий древней истории коммерциализируется, включается в культурный и исторический туризм. Так, в Плиске в 2015 г. был открыт культурно-исторический комплекс *Древ-*

няя Плиска и уникальный Двор кириллицы со скульптурами Свв. Кирилла и Мефодия, царя Бориса I, с фигурами болгарских правителей периода VII–X вв. и постоянной экспозицией картин, посвященных истории крещения болгарского народа и введению кириллицы. В некоторых городах страны продаются «амулеты предков», которые заимствуют символы (знаки) фракийцев и протоболгар.

Представления об этногенезе болгар навязываются общественному сознанию и массовой культуре через систему образования, академические исследования, литературу, искусство, учреждения культуры, социальные сети, исторические реконструкции, фестивали и создаваемые исторические достопримечательности. Современные информационные технологии обеспечивают желающим быстрый доступ к обширной информации о древности и этногенезе, в которой неспециалисту сложно отличить исторически обоснованные гипотезы от умозрительных заключений и фантастики. Устраняя противоречия между автохтонным и миграционным подходами к вопросу об этногенезе болгар, популярный исторический нарратив «редактирует» болгарскую историю в желаемом направлении, «углубляя» корни прошлого и придавая ему исключительную ценность. Былые и современные дискуссии об этнических предках болгар свидетельствуют о непреходящей актуальности темы.

Примечания

[1] *Pohl W.* Narratives of Origin and Migration in Early Medieval Europe // The Medieval History Journal. 2018, 2, 192–221. P. 214.

[2] *Хобсбом Е.* Нации и национализъм от 1780 до днес. Програма, мит, реалност. София, 1996. С. 111.

[3] *Detchev St.* Who are the Bulgarians? “Race,” science and politics in fin-de-siècle Bulgaria // We, the People: Politics of National Peculiarity in Southeastern Europe / ed. D. Mishkova. Budapest, 2009, 237–269. P. 245.

[4] *Pribojević V.* O podrijetlu i slavi Slavena. I. Zagreb, 1997. P. 137–138.

[5] *Орбини М.* Славянское царство. М., 2010.

[6] *Паисий Хилендарски*. История славянобългарска. Зографска чернова. Предадена на съвременен език от Петър Динеков. София, 1998. С. 165.

[7] *Цанев Д.* Българската историческа книжнина през Възраждането XVIII — първата половина на XIX век. София, 1989. С. 50.

[8] История вкратце о Болгаросло̀венском народе (Анонимна Зографска история). Издадена от Й. Иванов. Препис на новобългарски Н. Колев. Адаптирал на съвременен български език Ал. Мошев. [София], 2020.

[9] *Данова Н.* Проблемът за националната идентичност в учебникарската книжнина, публицистика и историографията през XVIII — XIX век // Балкански идентичности. Т. 4. 2003. (URL: https://balkansbg.eu/bg/content/b-identichnosti/129-problemat-za-natzionalnata-identichnost-v-uchebnikarskata-knizhnina-publitzistikata-i-istoriografiyata-prez-xviii-xix-vek.html (дата обращения: 30.08.2022)).

[10] Там же.

[11] *Татищев В.* Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Книга первая. Часть первая. М., 1768. С. 127, 129, 134.

[12] Там же. Книга первая. Часть вторая. М., 1769. С. 317, 348, 458.

[13] *Спиридон йеросхимонах.* История во кратце о болгарском народе словенском. Стъкми за издание В. Златарски. София, 1900 [1792].

[14] *Павлович Хр.* Царственник или исторіа болгарская. Будим, 1844. С. 7–9.

[15] *Раич И.* Исторія разныхъ славенскихъ народовъ, наипаче болгаръ, хорватов, сербов. Виена, 1794.

[16] *Цанев Д.* Българската историческа книжнина през Възраждането XVIII — първата половина на XIX век. С. 69, 89.

[17] *Данова Н.* Проблемът за националната идентичност в учебникарската книжнина, публицистика и историографията през XVIII — XIX век.

[18] *Кайчев Н.* Илирия от Варна до Вилах. Хърватското национално възраждане, сърбите и българите (до 1848 г.). София, 2015. С. 219.

[19] *Лилова Д.* Възрожденските значения на националното име. София, 2003. С. 155–156, 204.

[20] *Палаузов С.* Избрани трудове. Том 1. Изследвания по история на България и Европейския югоизток през средновековието / ред. В. Гюзелев, Хр. Коларов. София, 1974. С. 7–73, 34.

[21] *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Историко-критические изыскания. Т. I. М., 1829. С. 1, 27–28, 55, 66, 69.

[22] Критические исследования об истории болгар Ю.И. Венелина с прихода болгар на Фракийский полуостров до 968 года, или покорения Болгарии Великим Князем Святославом. М., 1849. С. 147.

[23] *Цанев Д.* Българската историческа книжнина през Възраждането XVIII — първата половина на XIX век. С. 116, 118.

[24] *Войников Д.* Кратка българска исторіа. Виена, 1861. С. 34.

[25] *Кръстевич Г.* Історія блъгарска. Т. 1. Цариград, 1869. С. XVII–XVIII.

[26] *Данова Н.* Проблемът за националната идентичност в учебникарската книжнина, публицистика и историографията през XVIII — XIX век.

[27] *Иловайски Д.* За славянското происхождение на дунавските бѫлгаре. Букурещ, 1875. С. 43, 49.

[28] *Nikolov Al.* The Phenomenon of "Parahistory" in Post-Communist Bulgaria: Old Theories and New Myths on Proto-Bulgarians // A Quest for a Suitable Past: Myths and Memory in Central and Eastern Europe / eds. Cl.-Fl. Dobre, Cr. Em. Ghita. Budapest, New York, 2017, 135–147. P. 137.

[29] *Schlötzer A.* Allgemeine Nordische Geschichte: Aus den neuesten und besten Nordischen Schriftstellern und nach eigenen Untersuchungen beschrieben. Halle, 1771. S. 254, 537.

[30] *Thunmann J.* Untersuchungen über die Geschichte der östlichen Europäischen Völker. Teil 1. Leipzig, 1774. S. 36–37.

[31] *Gebhardi L.* Geschichte des Reichs Hungarn und der damit verbundenen Staaten. Teil 1. Leipzig, 1778. S. 331.

[32] *Engel J.Chr.* Geschichte des Ungrischen Reichs und seiner Nebenländer. Halle, 1797. S. 262–263.

[33] *Šafárik P.J.* Slawische Alterthümer. Leipzig, 1844. S. 152, 163.

[34] *Цанев Д.* Българската историческа книжнина през Възраждането XVIII — първата половина на XIX век.

[35] *Чертков А.* О переводе Манассииной летописи на словенский язык по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар, доведенной до XII века. М., 1842. С. 44–45.

[36] Там же. С. 49–51.

[37] Там же. С. 54.

[38] *Гильфердинг А.* Собрание сочинений. Т. 1. 1. История сербов и болгар. 2. Кирилл и Мефодий. 3. Обзор чешской истории. СПб., 1868. С. 20–27.

[39] *Фролова М.* К вопросу о влиянии исследований Ю.И. Венелина и А.Д. Черткова на исторические воззрения Г.С. Раковского // Маршрути на книжовно общуване между източните и южните славяни (XI–XX век). Международна научна конференция, 21–22 ноември 2019 г., София / съст. А. Милтенова, И. Калиганов. София, 2020. С. 189–206.

[40] *Раковски Г.* Съчинения. Том 4. Езикознание, етнография, фолклор / ред. Св. Гюрова. София, 1988. С. 369.

[41] Там же. С. 253.

[42] *Лилова Д.* Възрожденските значения на националното име. С. 214–215.

[43] *Палаузов С.* Избрани трудове. Том 1. Изследвания по история на България и Европейския югоизток през средновековието. С. 91.

[44] Там же. С. 92–93.

[45] *Дринов М.* Поглед върху происхождението на българския народ и началото на българската история. Пловдив-Русчук-Велес, 1869. С. 41, 43.

[46] Там же. С. 83–84.

[47] *Иречек К.* История Болгар. Одесса, 1878. С. 89–90.

[48] Там же. С. 103.

[49] *Хранова А.* Историография и литература. За социалното конструиране на исторически понятия и Големи разкази в българската култура XIX–XX век. Т. 2. София, 2011. С. 234.

[50] *Данова Н.* Проблемът за националната идентичност в учебникарската книжнина, публицистика и историографията през XVIII — XIX век.

[51] *Божков Ат.* Българската историческа живопис. Втора част. София, 1978. С. 80, 91, 102, 104.

[52] *Радева М.* Училищното историческо образование в България (1878–1944): методико-исторически анализ. София, 2008. С. 52–53, 61–62.

[53] *Шкорпил*, *братя*. Могили. Пловдив, 1898. С. 119.

[54] *Ценов Г.* Произходът на Българите и начало на българската държава и българската църква. София, 2014 [1910]. С. 86, 366.

[55] *Шишманов Ив.* Критичен преглед на въпроса за произхода на прабългарите от езиково гледище и етимологиите на името «българин» // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. XVI–XVII. София, 1900. С. 649, 744.

[56] Подробнее о В. Котлянине см.: URL: https://berberian11.tripod.com/kotlyanin_ethnolinguistics.htm (дата обращения: 30.08.2022).

[57] *Котлянин В.* Ний Българите. Произхождението и името ни, развитието на езикят ни, нравите и обичаите ни, народните ни умотворения и пр. Книга 1. София, 1910. С. 5.

[58] Там же. С. 23, 37, 41.

[59] *Станев Н.* История на българския народ с 18 карти и 42 образа. София, 1917; *Радева М.* Училищното историческо образование в България (1878–1944): методико-исторически анализ. С. 112–113, 131.

[60] *Нягулов Бл.* Деконструкции на митове от националните истории: България и Румъния в сравнителен контекст // История, митология, политика / съст. Д. Колева, К. Грозев. София, 2010. С. 417–436, 426.

[61] *Йоцов Б.* Славянството и Европа. София, 1992. С. 15.

[62] Там же. С. 42–43.

[63] *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. Т. 1. Първо българско царство. Част 1. Епоха на хуно-българското надмощие. Второ фототипно издание. София, 1994 [1918]. С. 133, 143–144, 198.

[64] Там же. С. 2.

[65] *Nikolov Al.* The Phenomenon of “Parahistory” in Post-Communist Bulgaria: Old Theories and New Myths on Proto-Bulgarians. P. 140.

[66] *Даскалов Р.* Големите разкази за Българското средновековие. София, 2018. С. 182–183.

[67] *Минкова Н.* Българско историческо дружество // Пътеводител на Централния държавен архив. Учрежденски фондове (до 1944 г.). II. Стопански, културни, политически и обществени организации и учреждения / съст. К. Анчова, В. Маринова, П. Миланов, Й. Желев, Св. Костова. София, 2006. С. 163–164.

[68] *Хранова А.* Историография и литература. За социалното конструиране на исторически понятия и Големи разкази в българската култура XIX–XX век. Т. 1. С. 234–235.

[69] *Стоянов Ст.* Разказът за историята — цели, задачи, герои // История. Истории. Наративи. Българска историческа проза от втората половина на XX в. / ред. Ив. Радев. Велико Търново, 2002. С. 41–42.

[70] *Назърска Ж.* Преименуване на населени места и местности в Шуменския регион (1878–1944) // Оттука започва България. Материали от втората национална конференция по история, археология и културен туризъм «Пътуване към България» — Шумен. 14–16.05.2010 година / ред. В. Гюзелев. Шумен, 2011. С. 582.

[71] Устав на Археологическо сдружение «Българска старина» в гр. Шумен. Наредба-Закон. Правилник. Шумен, 1938. С. 3–4.

[72] *Поппетров Н.* Социално наляво, национализмът — напред: програмни и организационни документи на български авторитаристки националистически формации. София, 2009. С. 751–752.

[73] Подробнее см.: *Ангелов А.* Димитър Гюдженов. Монографичен очерк. София, 1969; *Божков А.* Българската историческа живопис. Втора част.

[74] *Даскалов Р.* Българското общество 1879–1939. Т. 2. София, 2005. С. 415.

[75] *Мутафчиев П., Мутафчиева В*. История на българския народ от наченките на човешки живот по нашите земи до Българското възраждане. София, 1995. С. 55, 57, 66.

[76] *Nikolov Al.* The Phenomenon of "Parahistory" in Post-Communist Bulgaria: Old Theories and New Myths on Proto-Bulgarians. P. 141.

[77] *Милчев Ат., Данов Хр., Димитров Д., Бурмов Ал., Ангелов Д., Гандев Хр., Снегаров Ив., Димитров М., Митев Й*. История на България. Т. 1. София, 1954. С. 57; *Они же*. История на България. Т. 1. София, 1961. С. 52.

[78] *Они же*. История на България. Т. 1. София, 1954. С. 57; *Они же.* История на България. Т. 1. София, 1961. С. 53.

[79] *Хранова А.* Историография и литература. За социалното конструиране на исторически понятия и Големи разкази в българската култура. XIX–XX век. Т. 2. Животът на три понятия в българската култура: възраждане, средновековие, робство. София, 2011. С. 248–249.

[80] *Станчев Ст. [Ваклинов Ст.].* Нашите прадеди — славяните. София, 1961. С. 5.

[81] Държавен архив. Шумен. Ф. 862. Оп. 1. А.е. 6. Л. 48–49.

[82] *Iliev I.* The Proper Use of Ancestors // Ethnologia Balkanica. Sofia, 1998.Vol. 2, 7–17. P. 7.

[83] *Даскалов Р.* Големите разкази за Българското средновековие. С. 7.

[84] *Георгиев Вл.* Генезисът на балканските народи // Етногенезис и културно наследство на българския народ / ред. Хр. Гандев, Ив. Коев, Ст. Стойкова. София, 1971, 9–19. С. 9–10, 14.

[85] *Михаилов Г.* Траките. София, 1972. С. 8.

[86] *Теодоров Ев.* Древнотракийско наследство в българския фолклор. София, 1999 [1972]. С. 5.

[87] *Богданов Ив.* Хан Аспарух: Книга за неговите прадеди и неговото време. София, 1975. С. 185, 204.

[88] Там же. С. 206.

[89] *Ваклинов Ст. [Станчев Ст.].* Формиране на старобългарската култура. VI–XI век. София, 1977. С. 9–10.

[90] *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1971.

[91] *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1981.

[92] *Бешевлиев В.* Първобългарите. Бит и култура. София, 1981.

[93] *Петров П.* Образуване на българската държава. София, 1981.

[94] *Станилов Ст.* Славяните в първото царство. Второ допълнено и преработено издание. Първо издание 1986. София, 2002. С. 68, 113.

[95] Подробнее см.: *Пенчев Г.* Българският исторически роман: писатели, произведения, проблеми. София, 2012.

[96] Съвременно българско монументално изкуство. 1956–1986 // Ред. Стефанов Хр., Киров М. София, 1986.

[97] *Янакиев Ал.* Синема. Bg. София, 2003. С. 306.

[98] *Brunnbauer U.* Illyrer, Veneter, Iraner, Urserben, Makedonen, Altbulgaren … Autochthonistische und nichtslawische Herkunftsmythen unter den Südslawen // Zeitschrift für Balkanologie, 2006, (42). S. 39, 55–56.

[99] *Нягулов Бл.* Деконструкции на митове от националните истории: България и Румъния в сравнителен контекст. С. 417–436, 426.

[100] *Цветков Пл.* Славяни ли са българите? София, 1998.

[101] *Добрев П.* Сага за древните българи. Прародина и странствания. София, 2005. С. 23, 32, 121.

[102] Експедиция «Българи — Прародина» (URL: https://tv.dir.bg/tv_movie_info.php?id=1277 (дата обращения: 30.08.2022)).

[103] Готите и старогерманското културно-историческо присъствие по българските земи / съст. Р. Милев. София, 2003; *Милев Р.* Въведение // Там же. С. 3.

[104] Въведение кратък преглед на историческото съдържание на «тракийските хроники» и тяхната актуалност от Стефан Гайд (URL: http://thethracianchurch.com/%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8-%D1%81%D1%8A%D0%B1%D0%BE%D1%80/%D0%B2%D1%8A%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%85%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%84%D0%B0%D0%BD-%D0%B3%D0%B0%D0%B9%D0%B4/ (дата обращения: 30.08.2022)).

[105] См.: *Мошев А.* В търсене на Biblia Bessica — съвременни аспекти на един стар проблем // Библиотека. 3. 2017. С. 261–266 (URL: https://www.nationallibrary.bg/wp/wp-content/uploads/2018/07/Biblioteka_br3_2017.pdf (дата обращения: 30.08.2022)); *Буцев Х.* Промоция на секта // Култура. 14.04.2006. № 14. (URL: https://newspaper.kultura.bg/bg/article/view/11669_1 (дата обращения: 30.08.2022)); Гайд С. Открито писмо до Българската научна и културна общественост. 19.04.2006 (URL: http://institutet-science.com/otkrito-pismo-do-bulgarskata-nauchna-i-kulturna-obshtestvenost/ (дата обращения: 30.08.2022)).

[106] Акад. Антон Дончев: От траките сме наследили вътрешното си непокорство // Българска Телеграфна Агенция. 25.11.2015 (URL: https://www.bta.bg/bg/videos/2331 (дата обращения: 30.08.2022)).

[107] Например, см.: *Джерекаров Ил.* Българи ли сме ние, българите? // Литернет. № 8 (81). 27.08.2006. (URL: http://liternet.bg/publish14/i_dzherekarov/bylgari.htm (дата обращения: 30.08.2022).

[108] *Иванов Ив.* По пътя на българския етноним. Стара Загора, 2005. С. 6. (URL: https://www.academia.edu/34613380/Etimologiya_i_semantika_PO_PATYA_NA_BALGARSKIYA_ETNONIM (дата обращения: 02.09.2022)).

[109] *Момчев Ив.* Изкуплението. Духовна матрица и произход на българите до IX век. София, 2015. С. 90

[110] *Киряков А.* Произход на древните българи. София, 2006. С. 144.

[111] *Чилингиров А.* Готи и гети // Готи и гети I. Изследвания / съст. А. Чилингиров. Второ допълнено издание. София, 2008. С. 43, 47–48.

[112] Там же. С. 68.

[113] *Георгиев П.* Стара Велика България. София, 2019.

[114] *Бонев Ч.* Праславянските племена. Част 1. София, 2007.

[115] *Мошев Ал.* Скритата българска история и археология. Bessica. София, 2020. С. 8.

[116] См., например: *СамБат Имен* (псевд.). Книга на Бълг-Арите Кн. 1: В мъглите на времето. Свитък 1: Началото на нашето начало. София, 2018.

[117] *Курта Фл.* Създаването на славяните: История и археология на Долнодунавския регион ок. 500–700 г. София, 2009. С. 9.

[118] Откриха паметник на хан Аспарух в алеята на българските ханове в Левски // Darik news. 17.09.2015 (URL: https://dariknews.bg/regioni/pleven/otkriha-pametnik-na-han-asparuh-v-aleqta-na-bylgarskite-hanove-v-levski-1500953 (дата обращения: 30.08.2022)).

[119] Пръст от гроба на хан Аспарух носят в Стрелча // Kmeta.bg. 14.08.2013 (URL: https://kmeta.bg/prust-ot-groba-na-han-asparuh-nosyat-v-strelcha/ (дата обращения: 30.08.2022)).

[120] «Историческо величие» гостува на Шумен и «Телепол» до събота // INFOSHUMEN.info (URL: http://infoshumen.info/novina/-istorichesko-velichie-gostuva-na-shumen-i-telepol-do-sybota (дата обращения: 30.08.2022)).

[121] Исторически парк (URL: https://ipark.bg/ (дата обращения: 30.08.2022)).

[122] *Троева Е.* Исторически реконструкции и преживяване на миналото: «прабългарите» // Семинар БГ, 2020. Бр. 19. На терен в културата: автентично, зрелищно, не(видимо) (URL: https://seminar-bg.eu/spisanie-seminar-bg/broy19/item/590-istoricheski-rekonstrukcii-i-prezhivyavaniya-na-minaloto-prabalgarite.html (дата обращения: 30.08.2022)).

[123] *Troeva E.* The “Reborn” of the “First Capital” of the Bulgarian State in the National Cultural Memory // Revue des Études Sud-Est Européennes. Bucarest, 2019, 1–4, P. 105–116.

[124] Изучение фестивалей и реконструкций Средневековья, проводившихся в Плиске, Преславе, Мездре, Мадаре и Старой Загоре, автор настоящей статьи осуществляла в рамках проекта «Сопережить прошлое. Исторические реконструкции как феномен культуры», Институт этнологии и фольклора с Этнографическим музеем (ИЕФЕМ, Болгарской академии наук) (финансирован Фондом научных исследований).

DOI 10.31168/7576-0477-0.5.2

Татьяна Георгиевна
БИТКОВА

Балканы ли Румыния? Мнения политиков, экспертов, ученых и образы повседневной жизни

На протяжении всего XX века историки и политики Румынии пытались ответить на вопрос, принадлежит ли их страна к Балканскому региону[1]. Чтобы доказать, что Румыния — не Балканы, призывали на помощь и географию, и историю, и культуру. Что касается географического измерения, то большинство специалистов, как подчеркивают в Румынии, согласны с тем, что Балканский полуостров расположен к югу от Дуная. Следовательно, Румыния, почти целиком расположенная к северу от него, географически не входит в число балканских стран. Но на самом деле речь шла и идет не только и не столько о географии.

Среди современных политиков, прямо высказывавшихся против причисления Румынии к Балканскому региону, был экс-президент Ион Илиеску, который говорил: «Формула “Балканы+ Румыния” не соответствует действительности. Румыния принадлежит к центрально-европейскому региону, но имеет интересы и чувствует ответственность за события на Балканах»[2].

Что Румыния не Балканы, утверждал в 1930-е годы самый авторитетный и почитаемый в Румынии историк Николае Йорга*. В историческом ракурсе «Балканы и Румыния представ-

* Николае Йорга (1871–1940) — автор обширных трудов по истории Румынии, Турции, Балкан, византинист, видный литературовед. Посвятив часть своей политической карьеры поддержке легионерского движения, Йорга был одним из создателей националистической Национально-демократической партии, в 1931–1932 гг. — премьер-министром, министром народного образования. В 1930 г. был председателем сената Румынии. Разочаровавшись в идеях и действиях участников «Железной гвардии», выступил их жестким критиком. В 1940 г. был убит легионерами.

ляют собой разные сущности», доказывал он[3]. Рассуждения Йорги сводились к следующему. Балканы некоторое время находились под властью византийских императоров. Затем вожди славян, болгар, сербов следовали их примеру в своем правлении. Новая государственная система, хотя и не была централизованной, состояла из разрозненных общностей, находившихся в постоянном контакте с центральной властью, поэтому сохранила старый имперский характер.

На Карпатах империя отсутствовала; здесь не было установлено никакой формы варварского правления, которое могло бы осуществлять власть, аналогичную власти Византии. По этой причине города исчезали, выжили только сельские поселения. Крестьяне, жившие в них, пользовались патриархальной автономией, но имели представление о властителе, что придавало некоторую сплоченность этим разрозненным социальным ячейкам.

На Балканах место христианского правления заняла последняя ипостась Рима — Мусульманский Рим тюрков. При этом старая система была сохранена новыми хозяевами, без существенных изменений.

На левом берегу Дуная, после принятия турецкого сюзеренитета, не была разрушена полная автономия феодалов Молдавии и Валахии, подчеркивал Йорга. Остались те же правители, наделенные полномочиями, равными с полномочиями императоров старых времен, как будто корона византийских кесарей, защитников восточной Церкви, была оставлена им. Турки заняли только дунайские крепости, которые считались завоеванными султанами. В происходившее в пределах румынских земель турки не вмешивались.

С этнографической точки зрения различия не столь очевидны, признавал историк. В первую очередь обнаруживается сильное сходство между разными народами, обусловленное временами еще доосманских завоеваний. И всё же Румыния, как полагал Йорга, «определенно представляет собой категорически отличную сущность»[4].

Сегодняшние румынские политики также обращаются к истории с целью доказать, что Румыния — не Балканы. В меж-

военный период и до конца «холодной войны», писал, в частности, Лауренциу Ребега, делающий сегодня успешную политическую карьеру (в том числе в структурах Евросоюза), было принято относить к Балканскому региону Грецию, Турцию, Болгарию, Албанию и Югославию. «Но не всем нравилась такая "композиция". Многие западные державы (включая Германию) считали, что Румыния также является частью Балкан. Румыния же, а точнее ее политический класс, всегда отвергали такое представление. Эти споры казались многим несущественными, но их смысл был глубоко геополитический. Дискутировать о "Балканах" как зоне проблемной означало придерживаться вывода, что этот регион требует внешнего вмешательства»[5]. Последнее и не устраивало политических деятелей Румынии, активно строивших расширенное после Первой мировой войны государство — «Великую Румынию».

Однако некоторые румынские политологи и историки всё же включают в Балканы и Румынию. На протяжении нескольких веков она также подвергалась османскому влиянию, и следы этого очевидны и сегодня. К тому же через Балканы пришло в Румынию византийское православие.

Видный румынский историк и культуролог Лучиан Бойа полагал, что Румынию нельзя рассматривать вне Балкан. Он писал: «Не только земля, горы и реки определяют цивилизационное пространство. Румыния в значительной мере страна балканская благодаря своей истории, благодаря многочисленным человеческим и культурным связям. Дунай скорее объединяет, нежели разделяет Румынию и Балканы»[6].

Но историческим фактом является и то, что современная культура Румынии формировалась, начиная с середины XIX в., под непосредственным влиянием культуры западноевропейской, подхватывая стили и развивая течения последней. Уже с начала XIX в. значительная часть румынских элит стремилась найти способы включения страны в западноевропейский контекст, а это предполагало ментальное отторжение от так называемой «балканской специфики» — представления, распространившегося на Западе в отношении стран Балканского

полуострова в последние годы существования Османской империи, а затем после ее распада.

Речь шла о политической слабости и коррупции, с одной стороны, и жестоких битвах между небольшими независимыми государствами, рожденными в результате разрушения Османской империи, — с другой. По этой причине румыны и не хотели, чтобы их ассоциировали с Балканами. «Оба явления, — писал Нягу Джувара*, — переплетаются, придавая определению "балканский" пеструю окраску, переходящую в цвет темно-серый»[7].

Румыния стала идентифицироваться в Европе как балканское государство с начала XX в., к тому же она участвовала во Второй Балканской войне (1913 г.), а в 1934 г. присоединилась к Балканской Антанте.

И сегодня в румынском общественном сознании присутствует ощущение балканской принадлежности. Именно по этой причине румынам неприятно, что существует термин «балканизация», который отождествляется с исключительно отрицательными историко-культурными реалиями.

Так, Н. Джувара подчеркивал, что негативное отношение к Балканскому региону со стороны Запада абсолютно незаслуженно и неоправданно. Запад и Юго-Восток Европы просто жили в разных исторических условиях: «Западноевропейцы развивали свою великолепную и динамичную цивилизацию в укрытии, созданном оборонительной стеной византийцев сначала от арабов, а затем от турок, а также заслона, созданного болгарами, сербами, румынами, венграми, поляками, русскими. Такое положение дел привело к трехсот-четырехсотлетней задержке развития Восточной Европы […] Поэто-

* Нягу Джувара (1916–2018) — ученый-историк, дипломат, общественный деятель, университетский профессор, участник военных действий Румынии на территории СССР во Второй мировой войне и сотрудник западных спецслужб, готовивших добровольцев-десантников для заброски в послевоенную коммунистическую Румынию, — таков диапазон его жизненных перипетий. Прожив долгую жизнь, испытал сложные политические и интеллектуальные искания: от увлечения Железной гвардией до либерального парламентаризма и антикоммунизма. Вернувшись после длительной эмиграции на родину, он активно включился в научную и общественную жизнь страны.

му было бы целесообразно немного соотносить исторические суждения с реалиями: балканские народы не являются "внутренне предрасположенными" к нестабильности, неуправляемости, одним словом более "дикими", чем западноевропейцы на аналогичном этапе исторического развития»[8].

Негативное восприятие Балкан на Западе с огорчением отмечал и румыно-французский писатель Матей Вишнек*. Он полагал, что сегодня это особенно неприятно для балканцев, к каковым он причислял и себя. По его мнению, на Западе не понимают проблемы и относятся к ней поверхностно. Немногие регионы земного шара, писал он, породили такие глубоко негативные понятия. Запад, в его понимании, относится к Балканам свысока.

М. Вишнек собрал целую коллекцию негативного употребления термина в мировой прессе. Так, например, в интервью, опубликованном в начале мая 2018 г. в газете *Le Figaro* («Фигаро»), французский философ Реджис Дебрэ сетовал, что «глобализация, которая должна была стать счастливым событием, в конечном итоге превратилась в бурную балканизацию». «Опасность балканизации Испании и Европы реальна, — писала *Le Monde* («Мир») 11 октября 2017 г.[9]

Вишнек возмущенно восклицал: «Какое-то концептуальное проклятие давит на эту область Европы, от имени которой я протестую: термин "балканизация" отражает только недостатки мышления и информации у тех, кто его использует»[10].

Но почему же Запад не отпускает Балканы в свободное плавание? Вишнек справедливо заключал, что причина в том, что «этот странный и непослушный ребенок […] рискует быть захваченным другими: Россией, Турцией, Китаем […], ибо Балканы являются идеальным плацдармом для некоторых

* Матей Вишнек — современный румыно-французский писатель, поэт и самый значительный, по мнению критиков, драматург после Эжена Ионеско, автор 20 пьес, поставленных более чем в 30 странах мира. Вишнек дебютировал как поэт. С 1977 г. начал писать пьесы, но ни одна из них не была допущена цензурой к публикации и постановке. В 1987 г., приглашенный во Францию, попросил политического убежища. С 1993 г. являлся гражданином Франции.

великих держав, которые находятся в ожидании, что европейское здание, уже взломанное, рухнет навсегда»[11]. Иначе говоря, причины — геополитические.

Н. Джувара, обращаясь к культурно-исторической стороне проблемы, напоминал, что хотя западное влияние феодального типа проявляется в Дунайских княжествах еще во времена их возникновения, последующая эволюция (из-за связи их церкви с Константинопольским православием, с одной стороны, и из-за растущего подчинения османской власти, — с другой) показывает, что история Валахии и Молдовы, по сути, является всё же частью истории Балкан.

Молдова*, по его мнению, меньше подверглась «балканизации» из-за удаления от Константинополя и бóльшего влияния западной культуры, особенно через Польшу.

В Трансильвании связь с Юго-Восточной Европой осуществлялась только через церковь, через славянский обряд, через частые контакты с румынами из-за гор. «Это продолжалось даже в период, когда в течение полутора веков Трансильванское княжество оставалось в зависимости от Порты, но влияние турок здесь было заметно слабее в повседневной жизни населения. Когда же Банат и Трансильвания, а затем Буковина попали под власть Габсбургов, румынское население на севере Дуная стало частью другой системы, другого мира», — делал заключение Н. Джувара[12].

Дунайские княжества быстро вестернизируются лишь после того, как они освободились от «туркократии», после эпохи фанариотов. Но долгое время это явление остается только феноменом элиты, что признают многие румынские историки.

Однако не все исследователи в Румынии придерживаются такого взгляда на прошлое. Историки-традиционалисты утверждают, что «национальная специфика», определяющая культурно-историческую суть этих земель, самодостаточна: она изначально и мистически перешла из глубины веков в наши дни, а западное влияние было вредным и несущественным

* Автор не имел в виду восточную часть княжества Молдова — Бессарабию, которая с 1812 г. была российской территорией.

для них. При этом они не связывают «национальную специфику» и с особенностями Балканского региона, а также с тем очевидным фактом, что Румыния культурно разделена невидимой чертой, отделяющей бывшее «Старое королевство» от Трансильвании.

Если Валахия и Молдова несут в себе черты упомянутого «балканизма», то Трансильвания по-прежнему сохраняет многие черты региона центрально-европейского. Об этом свидетельствуют не только культурологические исследования, но и социологические опросы.

«Идея о том, что мы, румыны, составляем часть Балкан, что мы какие-то “балканцы”, вызывает обычно негативную реакцию у сограждан. Даже наша принадлежность к юго-востоку Европы воспринимается без энтузиазма», — отмечал также Р. Попа[13]. «Некоторые румыны не согласны с таким подходом, утверждая, что их страна скорее центрально-европейская: “латинский остров посреди славянского моря”»[14].

Итак, историки и политологи, трезво оценивающие социально-политическую специфику современной Румынии, убеждены, что нельзя отрицать наличия в Румынии явлений общественной жизни, которые ассоциируются с «балканизмом», и нельзя закрывать на это глаза: «Мы думаем, если мы громко кричим, что географически мы не являемся частью Балкан, то мы избежим этого определения?»[15].

Современная Румыния восприняла многое из институциональной системы Западной Европы, привела национальное законодательство в соответствие со стандартами ЕС, но при этом она находится под неусыпным оком Евросоюза, поддерживающего режим внешнего контроля над степенью реализации реформ (мониторинг «Механизм сотрудничества и проверки»). Эта программа принята в момент вступления Румынии в Евросоюз в 2007 г. и была рассчитана на три года, но действует и сегодня.

Действительно, нельзя не видеть, что Румыния обладает в значительной мере особенностями так называемого «балканизма». «Несколько часов экзальтации в декабре 1989 г.,

казалось, спасли нас от жгучей проблемы нашей идентичности[…] Идентичность всех нас, казалось, определилась окончательно. Она воплотилась в том, что до тех пор было желанием или пропагандистским клише, — в Румынии героической, прозападной, демократической, для которой ее балканская суть была только случайностью, изгнанием и незаслуженным наказанием. Однако с этих пор реальность разрушала эту иллюзию каждодневно…»[16].

И самым очевидным пороком румынского общества, тормозящим его дальнейшее продвижение по европейскому пути, является эндемическая, глубоко укоренившаяся коррупция, которую исследователи феномена связывают именно с традиционным «балканизмом», и которая, как феникс из пепла, возрождается, несмотря на, казалось бы, нечеловеческие усилия покончить с ней на всех уровнях, в первую очередь во властных структурах.

Да, действительно, всякую как мелкую, так и крупную услугу можно здесь без труда купить (что, впрочем, весьма удобно). И это с непривычки поражает. Кто же может искоренить эти «балкано-османские» нравы? Возможно, никто, даже программы Евросоюза.

Уникальная и одновременно забавная ситуация с «балканским» уклоном возникла в связи с предоставлением условно досрочного освобождения высокопоставленным коррупционерам. В разгар антикоррупционной кампании был принят новый закон 240/2013. В соответствии с ним заключенные могли уменьшить срок пребывания в заключении на один месяц за каждое полезное для общества сочинение, которое должно быть опубликовано.

Отклик предприимчивых высокопоставленных зэков не заставил себя долго ждать. После 2013 г., когда был принят упомянутый закон, численность тюремных «ученых» и «писателей» резко возросла. Если в 2007 г. автором, отбывающим срок, была издана всего лишь одна книга, то в 2014 г. были опубликованы уже 90 творений. В 2015 г. эта цифра достигла 340. Поток тюремной литературы оказался столь обширным,

что у властей начало закрадываться подозрение в плагиате, найме «литературных рабов» или мошенничестве. В 2015 г. в СМИ был публикован список из 73 имен высокопоставленных чиновников и бизнесменов, развернувших в тюрьме кипучую литературную и научную деятельность.

Миллиардер Иоан Никулае, оказавшийся в заключении в апреле 2015 г., до конца августа того же года сумел представить пять трудов по различным технологическим проблемам. Как было подсчитано, каждые 29 дней он завершал один труд. Адвокат бизнесмена даже сравнил его по продуктивности творчества с Бальзаком[17]. Возможностью уменьшить себе срок воспользовались и некоторые ведущие политики. Экс-премьер Адриан Нэстасе вышел по УДО, в том числе, в связи с опубликованием книги.

Таким образом, как бы элиты и гражданское общество ни стремились на Запад и сколько бы политики ни отрицали «балканизм», он продолжает жить внутри самого общественного жизнеустройства. К тому же Балканы рядом. Поэтому Румыния не может не чувствовать свою причастность к жизни соседей. Наряду с ними она участвует в разнообразных программах сотрудничества в Юго-Восточной Европе.

Проблемы Балкан (речь идет, прежде всего, о Западных Балканах) воспринимаются здесь как, хотя и внешние, но очень важные. Очевиден факт, что в отличие от Югославии Румынии удалось после свержения Чаушеску избежать массового межэтнического кровопролития, хотя предпосылки к тому были, ибо местные кровопускания всё же имели место, а напряженные отношения с венгерской диаспорой угрожали стране распадом. Хотя румынскому руководству удалось тогда справиться с нараставшей напряженностью, но ситуация и сегодня остается непростой, осложняя румыно-венгерские отношения в целом.

* * *

Размышление о том, является ли Румыния страной балканской, будет, на мой взгляд, выглядеть более основательно, если обратиться к картинкам видимой, повседневной жизни.

Зачастую прилетая куда-то впервые, если это, конечно, не какой-то международный хаб, мы сразу же ощущаем атмосферу места, и, как правило, первое впечатление нас не обманывает. Путешественник, который попадает в бухарестский международный аэропорт Отопень, не может не почувствовать милой и спокойной обстановки. Пограничник вполне может спросить, как дела и чем вы вообще занимаетесь. А уж если вы немного понимаете по-румынски, неспешный светский разговор ожидаем.

И вот вы уже очарованы домашним, сердечным шармом, который будет сопровождать вас, пока вы не покинете этот край. Невозможно не удивиться, как люди здесь близки к каким-то добрым и естественным истокам простого межличностного общения, которые мы воспринимаем сегодня как нечто очаровательно патриархальное. Уж не в этом ли балканская специфика?

Важными ценностями румынской повседневной жизни, как на селе, так и в городе, являются бережное отношение к дому, вкусная еда. Очарование домашнего уюта, непременное наличие домотканых ковриков и традиционной вышивки, запасы самодельного виноградного вина и различных заготовок создают аромат жизненного пространства румынской семьи. Ни одна уважающая себя хозяйка не купит, например, готовый майонез в магазине. Она сделает его сама и по любимому рецепту, чтобы гости ощутили особенность её домашней кухни. В этом проявляется колорит частного мира, бережное отношение к близким и гостям, преемственность своеобразной и утонченной культуры питания. И что удивительно, хозяйки и сегодня рассуждают между собой о региональных особенностях приготовления блюд, хотя сами давным-давно обитают в столице.

Добродушие домашнее простирается и на публичное пространство, о чем уже упоминалось вначале. Просто на улице, в любом общественном месте мужчина непременно обращается к незнакомой женщине со словами приветствия «Целую ручку!». Но если на улице или в транспорте возникает кон-

фликт или недоразумение, мгновенно поднимается невероятный шум и гам, но ссоры не злы и быстро утихают.

Румыния входит в так называемый винный пояс, который охватывает южные районы Европы. Вино исторически играет здесь важную роль в обыденной жизни. Румыны не просто любят свое вино, они обожают его изготавливать. Практически каждая семья не только на селе, но и в городе стремится запастись на зиму самодельным вином.

Это относится даже к столичным жителям. Тем более что в Бухаресте сохранились с довоенных времен целые кварталы небольших частных домов с прилегающими к ним закрытыми двориками, которые не были национализированы с наступлением времен социалистических. Здесь не только произрастают в обязательном порядке виноград и фруктовые деревья, тут порой стоит столик для трапезы, собачья будка, отсюда ранним утром слышится «ку-ка-ре-ку!». И это может быть в самом центре города рядом с широкой многолюдной улицей, запруженной автомобильным транспортом.

В провинции, и не только на селе, по праздникам встречаются прогуливающиеся группы людей в народных костюмах. У женщин — это белая холщовая рубаха или короткая кофта, цветная шерстяная юбка, узкий пояс и два фартука, надеваемые спереди и сзади. Мужская одежда, как правило, включает рубаху, безрукавку, белые штаны. Часто присутствуют широкий шерстяной пояс и безрукавка из овчинного меха или сукна, украшенная вышивкой или аппликацией. Исследователи видят серьезные региональные различия в народном костюме, но есть нечто общее: яркость, сочетание красного, черного и белого, вышивка.

В обычные рабочие дни в поселках и маленьких провинциальных городках можно встретить прохожих, одетых в современную городскую одежду в сочетании с ее национально-историческими элементами. Так, порой на обычное женское платье надевают безрукавку из национального наряда.

Несмотря на то, что в народной одежде отмечаются региональные особенности, в целом, согласно сегодняшним пред-

ставлениям, румынский народный костюм в общих чертах восходит к одежде дакийцев, изображение которой сохранилось на памятнике из Адам-Клисси (Добруджа) и на колонне Траяна в Риме, где на барельефах видны некоторые элементы, схожие с деталями народной одежды, сохранившейся до наших дней. Многие исследователи при этом ссылаются на труды историка, этнографа, археолога и государственного деятеля Александру Одобеску (1834–1895), который обратил внимание на это сходство. А. Одобеску писал в 1874 г.: «Когда мы видим на колонне одежды, которые носили даки: их рубаху с рукавами, собранную в средней части, с разрезом на обеих сторонах полы; узкие белые штаны и кожаную обувь, которая покрывает их ноги; пушистый капюшон или накидку, наброшенную на плечо; длинные волосы воинов и в особенности шапка, которая надета на голове их предводителей “зарабов”, как их называет Иордан, не можем не признать в них ту же самую одежду наших мунтян»[18].

Вместе с тем особенности народного костюма могут восходить и к временам более отдаленным, ибо в нем видны общие черты и мотивы, свойственные всему Балканскому региону, включая современные Румынию и Молдавию. «В генезисе одежды восточно-романских народов выявляется ряд древних пластов, восходящих к культуре индоевропейской этнической общности, и в частности к ее варианту, развивавшемуся в Юго-Восточной Европе, в ареале Балканского полуострова и Карпат. Особый интерес представляет так называемый балканский субстрат — общность элементов культуры, свойственных многим народам Балканского полуострова»[19]. Еще А. Одобеску заметил, что наряду с романскими заимствованиями в одежде румын имеются славянские, венгерские и «восточные»[20].

Из славянских заимствований в румынском костюме — женские юбки, состоящие из двух частей: передней и задней, свадебные женские головные уборы разных типов, кожаные пояса с металлическими накладками. Также некоторое влияние оказали тюркские кочевые народы, кочевавшие на терри-

тории современных Молдавии и Румынии в IX–XIII вв. Наиболее заметное турецкое влияние отмечается в Валахии.

Что касается повседневной культуры, нельзя не выявить и здесь общебалканские корни. «У православных южных славян, — писал болгарский исследователь Валентин Тодоров Михайлов, — сильны традиции патриархальной культуры, высоко ценится гостеприимство, соседские отношения, принципы солидарности и взаимопомощи. К сожалению, в списке их ценностей труд не занимает слишком высоких позиций, что объясняет их незавидное экономическое положение»[21].

Всё это, нельзя не заметить, относится и к румынам. «Романская цивилизация представлена на Балканах, прежде всего, румынами. Они отличаются по языку, но одновременно имеют очень много общего со славянами — православие, исторический общий противник (венгры и турки), схожие традиции, фольклор и кухня»[22].

Действительно, если говорить о балканских чертах румынской повседневной жизни, то речь идет не в последнюю очередь и об османском владычестве, которое оставило отпечаток и на кухне, и на архитектуре, и на румынском языке, и на нравах — не решающий отпечаток, но всё же заметный.

Нельзя не согласиться с общим заключением Михаила Гусмана, который в 2008 г. брал интервью у президента Траяна Бэсеску: «Здесь живет гостеприимный сердечный и жизнерадостный народ, ощущающий свое историческое родство с большой европейской семьей и, в то же время, помнящий о своих национальных корнях. Здесь, как и 500, как и 300 лет назад, в деревнях создают прекрасную вышивку, знаменитый румынский орнамент. Шьют национальные костюмы, в том числе, и из овечьей шкуры — исстари славились скорняки! Испокон веков обжигают горшки — в них хранили и хранят молоко, воду, зерно. Сквозь века, сохраняя свою культуру, этот народ сохранил самобытность, свое неповторимое лицо. И когда над горами и полями несется волшебная мелодия скрипки, любой распознает в ней бешеный ритм румынского танца»[23].

Какие еще черты повседневной жизни румын, кроме перечисленных, можно было бы отнести к балканской специфике? Повседневная жизнь румын устроена таким образом, что с самых низов начинаются взяточничество и коррупция, но выглядят они обыденно и естественно, просто как норма жизни. В этом, безусловно, есть какой-то восточно-балканский колорит.

Один из российских путешественников очень достоверно описывал нравы румынской железной дороги: «Лично мне не хотелось задерживаться даже на лишние десять минут для стояния в очереди за билетом, посему я сел в свой поезд “Бухарест–Стамбул” без билета вовсе. Зачем? Это Румыния или нет? Первая страна ЕС по уровню коррупции. Вот мы сейчас и проверим опытным путем, как здесь решают безбилетные нюансы […] Милый балканский менталитет — это совсем другое. Это не наглое вымогательство последних крох, а это нежная процедура на взаимовыгодной основе. Я разумно предположил, что в поезде заплачу меньше. Так и вышло. […] На этом поезде я ездил многократно и пришел к выводу, что это самый колоритный поезд Европы и, возможно, всего мира. Тут мало кто покупает билеты, тут почти всегда платят проводнику, поезд почти всегда опаздывает, он всегда наполовину пуст, вагоны всегда старые и ностальгические. Такое ощущение, что поезд сей — дотационный, с целью поддерживать железнодорожные традиции Балкан»[24]. Хотелось бы добавить, что поезд этот не уникален.

Приходилось и мне использовать железную дорогу сходным образом, и вовсе не из экономии. На рубеже 1990-х и 2000-х годов билеты до Бухареста на проходящий поезд из горного курорта Синая можно было купить только в момент появления этого поезда, и стоял он не более трех минут. Желающие выехать образовывали толпу, мною невиданную. Кассирша объясняла, что билетов нет. Помучившись, пошла к начальнику станции. Безрезультатно. На моем попечении — трое западноевропейских студентов, которые смотрели на всё с ужасом. И я сказала: «Все идёте за мной без разгово-

ров, когда будет следующий поезд». И вот мы в вагоне. Милая дама-проводник всё поняла. Я вышла с ней в тамбур и заплатила что-то совершенно символическое. Мало того, она провела нас с благодарностью в вагон первого класса, который был совершенно пуст.

А вот несколько заметок об организации театральной жизни Бухареста. Если в кассе нет билетов на спектакль, достаточно многозначительно посмотреть на кассира, и билет быстро найдется, но уже в два раза дороже. Никто не смутится при этом, всё происходит естественным образом. Могут также сказать, совершенно не понижая голоса: «Идите прямо в зал. Вы же одна, вам найдут место».

Спонтанное выражение эмоций в публичном пространстве, открытая взаимовыручка, минуя официальные каналы и т.д., характеризуются в социо-культурных анализах как поведение традиционалистского, читай балканского, типа. Исследователи находят его даже в офисной среде нарождающегося среднего класса.

Иностранные специалисты, работающие в компаниях вместе с румынскими сотрудниками, выражают крайнее удивление по поводу авторитарного стиля взаимоотношений в профессиональной среде безо всякой на то мотивации (такие взаимоотношения, по мнению исследователей, являются продуктом именно патриархального общества). Вместо того, чтобы заменить персонал, как это делается на Западе, начинается выяснение отношений. При этом иностранцы почему-то сами начинают включаться в такой тип взаимоотношений.

Но если искать в особенностях стиля жизни и поведения глубокие корни, выявляющие национальную идентичность либо балканскую принадлежность, то в румынском случае мы не можем хотя бы кратко не остановиться на цыганах, которые составляют здесь многочисленную этническую группу (по разным оценкам — от 2,5 до 11% всего населения).

Не раз приходилось слышать от соотечественников и не только, что румыны, кажется, и есть цыгане. Действительно, цыгане здесь не пришельцы нового времени. Они осели в нижнем Поду-

навье, как объясняют историки, еще в XIII–XIV вв. Значительная их часть подверглась румынизации. Но в Румынии, как и в других географических зонах, их подавляющее большинство живет совершенно изолированно от основного населения.

Однако следы цыганской субкультуры, как полагают некоторые наблюдатели, обнаруживаются и в жизни самих румын. Так, например, в народных мелодиях румынских (впрочем, как и венгерских) скрипачей ощущается значительное влияние цыганского фольклора. Если и можно предположить, что цыгане оказали какое-то воздействие на менталитет румын, то в культуре образованных слоев, в том числе городской культуры — бытовой и повседневной, совершенно очевидно влияние других образцов. Еще с середины XIX в. в быт дворянства и городской буржуазии стали проникать особенно интенсивно обычаи, нравы, мода из западноевропейских стран, в первую очередь из Франции. Французский, как и у нас, тогда стал языком общения высших слоев общества.

* * *

Не только повседневная жизнь обнаруживает, наряду с проникновением образцов западноевропейских, дух так называемого балканизма, впитавшего византийские и османские традиции. Особенно очевидно это заметно в архитектуре Валахии. В первую очередь речь, конечно, идет о храмовой архитектуре. Православных церквей, построенных в византийском стиле, в Румынии, как и в других географических зонах православия, в том числе на Балканах, достаточно много.

В качестве примера можно привести Успенский архиерейский собор и церковь Николая Чудотворца монастыря Куртя-де-Арджеш (1517 г.). Собор считается жемчужиной византийской архитектуры в Румынии и включен в список Всемирного культурного наследия. В XVI в. он был главным храмом Валахии. Выглядит он вполне по-византийски, но есть в нем своя изысканность и легкость. Малые барабаны собора украшены винтообразной резьбой. Это придает строению бóльшую воздушность и затейливость, нежели в классическом визан-

тийском храме. Стены украшены изящными и одновременно причудливыми узорами, в которых угадывается и османское влияние.

По классической модели византийских церквей типа «греческий вписанный крест» построена более ранняя церковь Николая Чудотворца этого же монастыря, её строительство относится ко второй половине XIV в. (1352–1369 гг.). «Строителями храма Николая были, по всей видимости, византийские мастера: об этом говорит и техника кладки, и такие столичные византийские формы, как “фестончатый” изнутри барабан и гранёные апсиды. Но византийцы в данном случае работали для сурового господаря полудикой страны, а потому формы константинопольского палеологовского стиля, нежного и хрупкого, они использовали очень ограниченно (тот же фестончатый барабан), тогда как в основном они выражали идеи строгости и силы. Это было сделано посредством устройства необычных, почти абсолютных гладких фасадов (наличники окон поздние, реставрации 1750 г.), а также с помощью использования в интерьере квадратных в сечении мощных столбов, а не мраморных колонн. В подражание Константинополю, как до этого в Болгарии и на Руси, в западной части храма были устроены хоры, на которые князь и его семья попадали по внутристенной лестнице»[25].

С историей монастыря связана знаменитая румынская легенда о мастере Маноле, который был вынужден замуровать в стену монастыря любимую жену, чтобы строения монастыря стояли вечно (период полулегендарного воеводы Раду Негру, конец XIII в.).

Визитной карточкой старой румынской архитектуры, безусловно, является так называемый брынковянский стиль, который сформировался в конце XVII — начале XVIII вв. Его вдохновителем был господарь Константин II Брынковяну, который вписал яркую страницу в историю Румынии. Построенные по его повелению дворцы, церкви, монастыри, больницы и др. сооружения создали этот уникальный и гармоничный стиль, соединивший традиции византийских зодчих и Ренессанса Северной Италии с исламскими мотивами.

«Храмы украшались фресками выдающихся иконописцев — греком Константиносом, Пырву Муту и др. Константинос при поддержке правителя организовал художественную школу, обучавшую искусству фрески, мозаики, рисунка. Некоторые росписи сохранились поныне — в храме Свв. императоров Константина и Елены (Хорезу), в храме Успения Божией Матери (Рымнику-Сэрат), в церкви Св. Георгия Нового (Бухарест) и др.»[26].

Брынковянский стиль отличается огромным количеством резных украшений, веранд, лоджий, галерей, изящных резных колонн с арками, декоративных росписей. Образцов этого стиля в Румынии множество, в том числе в Бухаресте, который и стал столицей Валахии благодаря воле и усердию Константина II Брынковяну. Помимо строительного бума, Валахия обязана ему основанием Академии, многих школ и библиотек; открытием четырех типографий. Князь особо заботился о развитии литературы на румынском языке.

Наиболее ярким и гармоничным примером брынковянского стиля называют обычно монастырь Хорезу, входящий в список всемирного культурного наследия (в 183 км на северо-запад от Бухареста). Ярким примером этого стиля является храм Георгия Победоносца этого монастыря.

Та же стилистика отражена в строениях чудесного монастыря Бынковяну, который находится в Трансильвании на склонах гор Фэгэраш в селе Сымбэта-де-Сус.

В современной архитектуре также зачастую используются эти мотивы. В качестве казуса приведем пример церкви во внутреннем дворике тюрьмы, куда отправляются на временное жительство вип-персоны — коррупционеры (ведущие политики, высшие чиновники, крупные бизнесмены). По-видимому, предполагается, что созерцание брынковянских форм должно помогать перевоспитанию вип-заключенных[27].

* * *

Архитектурные памятники средневековой Молдовы, если обратиться к наиболее выдающимся, отличаются в целом от валашских. Ислам не оказал «большого влияния на архитектуру

Молдовы, за исключением декора аристократических домов и некоторых зданий общественного назначения»[28].

В деталях строений церквей и их декоративном оформлении чувствуется, как полагают специалисты, готическое влияние, проникавшее в Молдавию из Трансильвании и Польши. Появляется здесь и самобытная конструкция — «молдавский купол», состоящий из двух ярусов арок.

«Молдавская культовая архитектура отличается и своеобразием внешнего оформления, которое достигалось применением в наружной отделке цветных изразцов и чередованием каменной и кирпичной кладки»[29].

С XVI в. внешние стены храмов украшались яркими цветными фресками на библейские темы. Церкви того периода венчали высокие остроконечные крыши с большим выносным карнизом.

Один из самых знаменитых храмов в Румынии — Церковь Св. Георгия Победоносца монастыря Воронец. Она, говорят источники, была построена в 1488 г. менее чем за четыре месяца. Но это, возможно, легенда. Никакая иллюстрация не может передать магнетическую силу этого волшебного творения.

Полная изящества, простоты и очарования, церковь получила мировую известность благодаря фрескам, нанесенным как внутри, так и снаружи храма. За уникальную роспись XVI в. на внешних стенах соборного храма Георгия Победоносца монастырь Воронец называют Сикстинской капеллой Востока.

Фрески выполнены очень яркими, интенсивными цветами, на них изображены сотни фигур святых, грешников и животных. Преобладающий цвет фона фресок — ярко-голубой — получил особое название — «воронецкая голубизна».

Мы остановились на архитектуре Валахии и Молдовы, но Румыния — это не только Валахия и Молдова. По сути, страна состоит из двух крупных ареалов, особенности которых обусловлены их разным прошлым и разным этническим, культурным и социальным наполнением. Это различие оказывает влияние и на облик людей, и на характер культуры повседневной жизни, проявляется, в том числе, в архитектуре.

Одна часть Румынии — это так называемое Старое королевство: Валахия с центром в сегодняшней столице Бухарест и примыкающие к ней на северо-востоке земли Молдовы с центром в Яссах.

Другая — это Трансильвания (или Ардял), расположенная на северо-западе. Последняя стала частью Румынии только после Первой мировой войны. Хотя румыноговорящее население обитало здесь издавна, но этническую группу, определяющую жизненный уклад господствующих и образованных слоев, составляли венгры. Другой, когда-то большой и компактно проживающей общностью в этом регионе остаются этнические немцы (саксы).

Румынские власти на протяжении XX в. вели политику культурно-этнического размывания этой особой многонациональной территории, где сложился и существовал особый культурно-исторический слой, обусловленный историческими причинами. С XI по XVI вв. Трансильвания была автономией в составе Венгерского королевства, в XVI–XVII вв. — суверенным многоэтническим княжеством (хотя формально была вассалом Османской империи), а затем, с XVII в., находилась в составе монархии Габсбургов. То, что и сегодня Трансильвания по-прежнему отличается от Старого королевства, признаю́т и румынские исследователи.

Ардяльцы, будь они румыны, венгры или немцы, отличаются какой-то большей собранностью и четкостью. Сторонний наблюдатель не может не заметить, что Трансильвания внешне кажется более благоустроенной и благополучной, нежели восточные районы страны. Умиляют, в частности, важного вида пожилые дамы с аккуратными завитыми прическами (такие встречаются на улицах Мюнхена). Они вовсе не походят на скромных и непритязательных сельских старушек из Старого королевства. Общее ощущение сугубо центрально-европейской среды усиливается тем, что Трансильвания богата городами, которые представляют собой настоящие архитектурные памятники немецкого Средневековья.

Самый известный готический храм Румынии — Чёрная церковь в городе Брашов. Это лютеранская церковь Св. Марии,

построенная трансильванскими саксами. Точное время начала строительства неизвестно. Вероятно, это произошло между 1383 и 1385 гг., закончен храм был только в 1476 г.

Здание представляет собой типичный образец поздней готики. Так выглядят и соборы Германии, откуда были родом большинство архитекторов и строителей. Церковь была значительно разрушена пожаром во время Великой Турецкой войны (1683–1699), отчего стены ее потемнели. С тех пор церковь и получила название Чёрной.

Черная церковь имеет много общих черт с церковью св. Михаила в городе Клуж-Напока.

Этот римско-католический храм был воздвигнут в период между 1350 и 1487 гг. С церковью св. Михаила связано много исторических событий, в ней неоднократно короновались великие князья Трансильвании.

Второй по численности после трансильванских немцев / саксов является группа дунайских швабов, переселившихся в Банат, когда им владела Австро-Венгрия. Столица этого края — Тимишоара — знаменита своей архитектурой в стиле барокко. Местные жители называют город «маленькой Веной». Самые старые здания исторического центра были воздвигнуты в XVIII в.

Завершая краткий обзор художественно-культурных реалий, мы не можем не утвердиться во мнении, что Румыния — страна, несущая достаточно выраженные черты общебалканской культуры, с её византизмом и наследием османского присутствия, но, в первую очередь, мы имеем в виду исторические территории бывших княжеств Валахия и Молдова. С Трансильванией сложнее. Здесь весьма ощутимо присутствует наследие первых выходцев из германских земель и Австро-Венгрии. И не только в архитектуре, но и в образе жизни.

Особенно очевидно несоответствие культурно-цивилизационных форм проявляется в постоянных конфликтах бухарестской власти с венгерским меньшинством, компактно проживающим в ряде уездов Трансильвании. Многие венгры не желают даже на ментальном уровне встраиваться в румын-

ский контекст и требуют по этой причине территориальной автономии уездов, где они составляют большинство населения. Вопрос о румынском балканизме имеет, таким образом, значение и внутриполитическое.

* * *

Как отмечалось вначале, несмотря на желание Румынии выглядеть страной небалканской, ее руководители проявляли и проявляют интерес к странам Балканского региона, ибо они их близкие соседи. Наибольшее внимание уделяется Западным Балканам и, в первую очередь, Сербии.

В 1999 г. румынское руководство, несмотря на публичные протесты со стороны собственного общества, поддержало натовские бомбардировки Югославии. Это не способствовало взаимопониманию, но время лечит.

Оставаясь в отношении проблем Западных Балкан исключительно на стороне западных держав, официальный Бухарест всемерно поддерживает евро-атлантические устремления стран этого региона. Только самопровозглашенная в 2008 г. независимость Косова по-прежнему не вызывает поддержки со стороны Румынии.

Румыния, имея свои собственные межэтнические проблемы, не расположена поддерживать какой-либо сепаратизм. По этой причине она демонстрирует поддержку Сербии, не признающей суверенитет Косова. Румынское экспертное сообщество, впрочем, как и власти, правда, прекрасно понимает, что на самом деле Румыния не сможет помочь Сербии без изменения подхода Запада к проблеме.

Балканский конфликт оказал, как известно, пагубное влияние на экономику региона. После завершения Косовского кризиса постепенно реанимировалась торговля Румынии с балканскими соседями. Западные Балканы представляют для Румынии не только экономический интерес. Здесь внимательно следят за политическими баталиями между западными державами и Россией, претендующими на преобладающее влияние в этом регионе. Румыния, имея очень сложные отно-

шения с РФ, с опаской отмечает действия России по закреплению своих позиций на Балканах. В первую очередь речь идет о Сербии.

Сербия заявляет, что не ставит цели стать членом НАТО, но всё же имеет статус «очень важного партнера» Альянса и стремится вступить в Евросоюз. При этом она продолжает тесное сотрудничество с Россией, в том числе и в военной сфере, а также выступает против западных санкций в отношении нашей страны, что, конечно, создает трудности во взаимодействии Румынии с Сербией.

В целом позиция Румынии в отношении Западных Балкан, с одной стороны, определяется поддержкой евро-атлантических устремлений стран этого региона, а с другой — опасениями усиления здесь как российского, так и турецкого влияния в свете продвигаемой сегодня Стамбулом политики неоосманизма и продвижения культуры «тюркского мира».

Подводя итог размышлениям о том, является ли Румыния страной балканской, следует подчеркнуть, что на протяжении последнего столетия этому вопросу придавалось здесь, в первую очередь, значение политическое. Культура и исторические традиции вписывались, как правило, в этот контекст. Тем более, что наличие двух культурно-цивилизационных ареалов внутри единого государства придавало и сегодня придает проблеме принадлежности к Балканам особую политическую остроту. В Валахии, где расположены центральные власти и основные государственные структуры, а также очевидны автохтонные традиции повседневной культуры и общественного бытия, в наибольшей мере просматриваются черты так называемой балканской специфики, однако политики не желают называть свою страну балканской, объявляя ее государством центрально-европейским, которое, начиная с середины XIX в. и по настоящее время, всё ещё проходит сложный путь «европеизации».

Примечания

[1] Темы, затронутые в данной работе, отражены также в уже опубликованных статьях автора: *Биткова Т.Г.* Повседневные черты румынской действительности: Потребительские предпочтения, привычки, взаимоотношения // Повседневная жизнь в странах Восточной Европы в начале XXI в. М., 2011. С. 81–102; *Она же.* Коррупция и антикоррупция в Румынии / Страны Восточной Европы: Власть, бизнес, коррупция. М., 2018. С. 37–58; *Она же.* Румыния и Балканы. Политические и историко-культурные аспекты // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 2. С. 233–252.

[2] *Iliescu I.* Interviu acordat de domnul Ion Iliescu, Preşedintele României pentru saptamanalul "Puls" din Scopje — Macedonia, 23 febr., 2001 // Preşedintele României. 2001. (URL: http://old.presidency.ro/index.php?_RID=det&tb=date_arhiva&id=1444&_PRID=arh (accessed: 05.09.2019).

[3] *Iorga N*. E oare România un stat balcanic? (URL: http://secolul21.ro/wp-content/uploads/2015/12/cap1.pdf (accessed: 05.07.2022)). Текст представляет собой отредактированный автором перевод на румынский язык выступления на конференции, состоявшейся 17 февраля 1930 г. в Университете Западного резервного района, Кливленд, США.

[4] Ibidem.

[5] *Rebega L.* România din România şi România din Uniunea Europeană: O încercare de a defini naţionalismul în era globalizării. Bucureşti, 2018. P. 51–52.

[6] *Boia L.* România, ţara de frontieră a Europei. Bucureşti, 2015. P. 5.

[7] *Djuvara N*. Sîntem ori nu în Balcani? // Dilemaveche. 21.04.2010. (URL: https://dilemaveche.ro/sectiune/dileme-on-line/articol/sintem-ori-nu-in-balcani (accessed: 20.01.2021)).

[8] Ibidem.

[9] *Vişniec M.* Balcanizare şi pavlovizare // Dilema veche. Bucureşti, 2018. N 745. 31 mai — 6 iunie. (URL: https://dilemaveche.ro/sectiune/pe-ce-lume-traim/articol/balcanizare-si-pavlovizare (accessed: 24.04.2020)).

[10] Ibidem.

[11] Ibidem.

[12] Ibidem.

[13] *Popa R.* Europa Est-Central-Sud Răsăriteană // Revenirea în Europa. Idei şi controverse româneşti, 1990–1995. Craiova, 1996. P. 241.

[14] Preambul: ce ţări aparţin Balcanilor? // Observator cultural. 09.05.2020 (URL: https://www.observatorcultural.ro/articol/preambul-ce-tari-apartin-balcanilor/ (accessed: 20.01.2020)).

[15] *Djuvara N*. Sîntem ori nu în Balcani?…

[16] *Mungiu-Pippidi A*. Identitate politica românească şi identitate europeană // Revenirea în Europa. Idei şi controverse româneşti, 1990–1995. Craiova, 1996. P. 281.

[17] *Cocolos C., Mitran L*. Lista cărţilor scrise în închisoare de Voiculescu, Niculae, Copos sau Becali // Gândul. 2016. 4 ian. (URL: http://www.gandul.info/stiri/lista-cartilor-scrise-in-inchisoare-de-voiculescu-niculae-copos-sau-becali-14954781 (accessed: 05.10.2018)).

[18] Цит. по: *Зеленчук В.С.* Некоторые проблемы этнической истории народов Юго-Восточной Европы (Балканский субстрат в традиционной одежде восточнороманских народов) // Балканские исследования. Вып. 9. Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 411.

[19] Там же. С. 409–410.

[20] Там же.

[21] *Тодоров Михайлов В.* Балканы как пространство проблемной наднациональной идентичности // Перспективы. 21.02. 2014 (URL: https://www.perspektivy.info/print.php?ID=263165 (дата обращения: 30.07.2022)).

[22] Там же.

[23] *Гусман М.* Траян Бэсеску, президент Румынии // ТАСС. 21.06. 2008. (URL: https://tass.ru/arhiv/640412 (дата обращения: 20.03.2021)).

[24] Как я ездил на поезде из Румынии в Болгарию смотреть музей паровозов // Livejournal. 13.09. 2010 (URL: http://puerrtto.livejournal.com/112732.html?thread=4222300 (дата обращения: 20.02.2022)).

[25] Куртя-де-Арджеш. Церковь Николая Чудотворца // Соборы. Ру. (URL: https://sobory.ru/article/?object=36339 (дата обращения: 20.06.2022)).

[26] *Ломов В.* Брынковянский стиль Константина II Брынковяну // Проза.ру. (URL: https://proza.ru/2015/02/04/2026 (дата обращения: 20.06.2022)).

[27] Фото церкви см.: *Stoca I.* Dragnea n-a fost la cina si a stat singur in prima noapte la Rahova. Ce pot face detinutii si de ce facilitati se bucura (Galerie foto) // Ziare.com. 28 Mai 2019 (URL: https://ziare.com/liviu-dragnea/dna/dragnea-n-a-fost-la-cina-si-a-stat-singur-in-prima-noapte-la-rahova-ce-pot-face-detinutii-si-de-ce-facilitati-se-bucura-galerie-foto-1563281 (дата обращения: 01.09.2022)).

[28] Архитектура // Электронная энциклопедия (URL: http://kurskonb.ru/our-booke/geo/ethnos/moldova/86-culture-architecture.html (дата обращения: 02.09.2022)).

[29] Там же.

DOI 10.31168/7576-0477-0.5.3

Михаил Валерьевич БЕЛОВ

Историческая политика в странах бывшей Югославии: некоторые итоги исследовательского проекта

В 2019–2021 гг. при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований реализовывался научный проект «Историческая политика в странах бывшей Югославии». В работе над проектом принимали участие сотрудники Института славяноведения РАН (А.А. Силкин, Н.С. Пилько, Г.Н. Энгельгардт), Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (М.В. Белов, С.В. Кузнецова), МГИМО-Университета МИД РФ (Я.В. Вишняков), Санкт-Петербургского государственного университета (Е.А. Колосков) и Белградского университета (А.Ю. Тимофеев).

30 лет, отделяющие нас от падения коммунистических режимов, и 20 лет после окончания вооруженных конфликтов на территории бывшей Югославии — это значимая временна́я дистанция для выработки отношения не только к недавнему прошлому, но и более удаленным периодам истории, в которых обычно ищут и находят причины катастрофы или же возможные альтернативы. Настало время и для анализа причин, обусловивших устойчивость доминирующих оценок, и способов их оспаривания. Не случайно одновременно с нашим проектом реализовывался ряд других. Например, один из них (М. Попович, Н. Майсовой) предполагал проведение структурированных интервью (с акцентом на саморефлексию) с рядом ведущих экспертов из всех стран-наследниц бывшей Югославии, занимающихся проблематикой *memory studies*[1].

Политика памяти / историческая политика в странах бывшей Югославии активно изучалась в рамках страноведческих (ограниченно компаративных) исследований[2]. Рассматривались определенные аспекты или инструменты такой политики: преподавание истории в основной школе и учебники[3], историографические нарративы[4], коммеморативные практики, связанные с национальными праздниками[5]. В широком сравнительном плане обсуждалось меняющееся отношение национальных сообществ бывшей Югославии к знаковым событиям истории XX века[6].

Результаты, полученные при реализации нашего проекта, характеризуются, прежде всего, комплексным подходом к изучению разных проявлений исторической политики в странах-наследницах СФРЮ в компаративной перспективе. Не претендуя на исчерпывающий охват всех сюжетов, относящихся к теме, участники проекта сочетали сопоставительный анализ страновых ситуаций в определенных аспектах (институты исторического знания, государственная символика, монетарные коммеморации, официальный календарь) с детальным анализом наиболее резонансных событий в исторической политике, притом таких, которые отражали бы реализацию противостоящих стратегий в обращениях к прошлому на национальном и межгосударственном уровнях. В этом смысле наиболее близким по замыслу, хотя и несколько иным по исполнению, является недавняя работа международного коллектива исследователей «Национализм и политизация истории в странах бывшей Югославии»[7]. В центре внимания авторов — модели трансформации и инструментализации исторического знания под влиянием националистической политики. Сборник тематически не структурирован, но содержит страноведческие статьи, в которых каждый национальный случай рассмотрен в общерегиональном, общеевропейском или мировом контексте.

Особенностью нашего исследовательского проекта является, помимо прочего, подход к исследователям исторической политики (политики памяти) и критикам националистиче-

ской инструментализации истории в постъюгославских странах не только как к аналитикам, но и как к акторам такой политики. Благодаря этому при реализации проекта нашла подтверждение двойственность *memory studies* в сочетании междисциплинарных научных исследований и активистских социальных практик, влияющих на объект своего изучения.

В научной литературе термины «историческая политика» и «политика памяти» до сих пор выступают как конкурентные понятия при обсуждении одних и тех же феноменов[8]. Сопоставление подходов показывает высокую степень синонимичности данных понятий, при том, что одни авторы склонны включать историческую политику в политику памяти, а другие — наоборот, считают политику памяти частью исторической политики. Сохраняя за собой возможность использования обоих терминов в зависимости от контекста высказывания, авторы проекта избрали в качестве приоритетной предметной области «историческую политику» с учетом следующих особенностей постъюгославской группы стран: высокая степень вовлеченности (не)профессиональных историков в актуальную политику и межпартийную борьбу, использование трудного / спорного /конфликтного прошлого в националистических и военных мобилизациях конца 1980-х и 1990-х годов, сплетение травматического опыта вооруженных конфликтов, сопровождавших распад Югославии, с тенденциозными толкованиями более ранних страниц истории в военной пропаганде и стихийной мифологии (переполненной фобиями памяти).

Используя в модифицированном виде формулировки Е.Ю. Мелешкиной[9], можно выделить следующие факторы, определяющие контуры исторической политики в странах бывшей Югославии:

- этнорелигиозный состав населения (степень его гомогенности / разрозненности) и характер взаимоотношений большинства и меньшинств того или иного социума в общебалканском контексте;
- наличие или отсутствие доюгославской государственности, опыт, в том числе и конфликтный, национального дви-

жения на старых имперских территориях, противоречия периодов мировых войн и способ выхода из Федерации, степень и продолжительность участия в межэтнических конфликтах 1990-х и начала нулевых годов;

- интеграция в европейские структуры или же интенсивность стремления к ней, международные аспекты урегулирования балканского кризиса (включая отношение к НАТО и США, решениям Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), наличие неурегулированных территориально-статусных споров) и взаимодействие с альтернативными мировыми игроками, которые могут использовать, кроме прочего, «мягкую силу»;
- (не)успехи посткоммунистической трансформации, сложившиеся партийно-политические системы и поляризация публичного пространства, ресурсы и институты научно-образовательной, просветительской среды, а также масс-медиа.

В то же время конфигурации исторической политики в постъюгославских странах нельзя рассматривать в изоляции друг от друга. Напротив, они находятся во взаимной зависимости, особенно заметной, если страны были ранее вовлечены в кровопролитные конфликты. Чем более острый и продолжительный характер они имели в прошлом и чем тяжелее были их последствия, тем более конфронтационными являются доминирующие модели политической инструментализации взаимных исторических обид и претензий.

Актуальные толкования национальной истории и соответствующие им варианты воздействия на историческую память в странах бывшей Югославии складывались в результате разрыва с господствовавшей прежде установкой о «братстве и единстве» югославянских народов. В период крушения Федерации на рубеже 1980-х — 1990-х годов погребенные под слоем этой идеологической установки болезненные воспоминания, враждебные стереотипы, мистифицированные версии вышли на поверхность, что привело к торжеству псевдоистории. Некоторые аналитики утверждали даже, что именно химеры прошлого породили национальную мобилизацию

и войны 1990-х годов[10]. По мере снижения градуса военной конфронтации, при перспективе вступления в евроатлантические структуры возникла проблема интеграции конфликтных исторических моделей в европейскую и глобальную память. Впрочем, возможности корректировки ограничивались последствиями катастрофического распада Югославии. При поддержке местных политических элит гуманитарии соревновались в утверждении европейской идентичности «своей» нации, в перенесении исключительной ответственности за истребительное насилие мировых войн, локальные этноциды 1990-х или коммунистическую диктатуру на соседей, а, следовательно, и в доказательстве патриотического тезиса о нации-жертве. Вопреки внешнему сходству некоторых аспектов подобных построений с общеевропейским проектом памяти о жертвах тоталитаризмов, такой подход в корне противоречил его замыслу — преодолению национальных границ.

Универсальный смысл общеевропейского мемориального проекта содержит в себе важное гуманистическое послание и политически оправдывает демократический порядок, однако обобщение жертв тоталитаризмов в ряде случаев позволяет недобросовестно использовать его для манипулирования памятью о трагическом или преступном прошлом. Тогда преступники одних «тоталитаризмов» превращаются в жертв другого, а сами преступления замалчиваются или приуменьшаются. Уравнивание преступлений нацизма (фашизма) или профашистских диктатур и коммунистических режимов послевоенного времени позволяет сосредоточить внимание именно на преступлениях последних. Культивирование памяти о жертвах коммунизма в национально ориентированных нарративах противоречиво увязано с интернациональным характером его проекта будущего, который в принципе отрицается. Впрочем, из-за неприятия интернационализма в других случаях возникают трудности при усвоении ценностей, декларированных объединенной Европой. А правые популисты, традиционалисты и консерваторы трактуют эти европейские установки как схожие с коммунистическими.

Хотя именно распад Федерации и конфликты 1990-х составляют формирующую рамку исторической политики в постъюгославских государствах, на неё, несомненно, оказывают влияние главенствующие тренды европейской и мировой динамики. Следует говорить о наложении и переплетении между собой внутренних и внешних тенденций, тем более что югославский кризис был интернационализирован уже в самом его начале. Мировое сообщество в лице ЕС и США сыграли важную роль при распаде Федерации и признании новых независимых государств, а затем использовали разнообразные методы «принуждения к миру», включая неоднократную военную интервенцию и оккупацию.

Одним из важных потенциальных факторов, нормирующих отношение к конфликтам 1990-х и военным преступлениям того времени, стала деятельность созданного мировым сообществом МТБЮ. Однако, как показывают многочисленные исследования, эффективность влияния его приговоров на восприятие тяжелого наследия 1990-х в вовлеченных в конфликты странах крайне низка. Причины этого кроются в организационных и программных изъянах деятельности МТБЮ как института «переходной юстиции» и в сопротивлении «совиновной» (по выражению А. Ассман) коллективной памяти, чем с большей охотой пользуются политики правого толка.

Однако внешнее воздействие на динамику социальной / культурной памяти и стратегии исторической политики в странах бывшей Югославии нельзя свести только к всестороннему вмешательству мирового сообщества в замирение региона. Кризис неолиберальной модели экономического развития и «демократии для элит», поворот к правому популизму в ЕС и США сплетаются с ранее наметившимся разочарованием восточноевропейских «имитаторов» (И. Крастев) в идеализированном на момент падения коммунизма «цивилизованном Западе». Подъем неонационализма и миграционный кризис середины 2010-х годов реактуализируют печальный опыт распада Югославии. Этическая повестка левых активистов встречает сопротивление в косной среде «молчаливого большинства» (что

блокирует их инициативы в исторической политике). А у искушенных публичных интеллектуалов левого толка из стран бывшей Югославии проскальзывают нотки злорадства по отношению к прекраснодушию либеральных западных элит.

Ряд обстоятельств сближает ситуацию постъюгославских государств в сфере исторической политики с другими посткоммунистическими странами. Взяв курс на евроинтеграцию, они приспособили главенствующий тренд европейской политики памяти, базирующийся на доктрине прав человека и сосредоточенный на жертвах геноцида (в центре внимания — трагедия Холокоста) под местные обстоятельства и интересы. Память о Холокосте нередко поддерживается ритуально как витрина для иностранных наблюдателей или как воспоминание, прикрывающее участие «своей» нации в жестоких преступлениях Второй мировой войны и других военных конфликтах (показательный пример — памятник жертвам Холокоста в Загребе). С другой стороны, подобная модель применяется в гипертрофированных формах при добровольном принятии на себя роли жертвы (самовиктимизации), что ведет к нагнетаемой конкуренции жертв в тех странах, которые прошли через конфликты 1990-х. Так, исследователи насчитали около десяти геноцидов в жертвенном нарративе бошняков, что превращает всю историю новой нации в бесконечную трагедию и, по существу, обессмысливает её[11].

Изменения в европейской политике памяти, инициированные новыми членами ЕС, потакали этим тенденциям, уравнивая нацизм /фашизм с коммунизмом как две разновидности тоталитарных режимов. Если в других странах подобные обвинения адресовались «носительнице» внешней агрессии — «восточной империи» (СССР), то в бывшей Югославии, где советский военный фактор не играл значительной роли при утверждении новой власти в 1945 г., а после 1948 г. был нивелирован (хотя опыт советской социалистической реконструкции 1930-х годов активно заимствовался югославами), весь обвинительный антитоталитарный потенциал обращен к общему прошлому в составе коммунистической Федерации.

Тем самым укрепляются старые центробежные, националистические и криптофашистские тенденции, явно несовместимые с ценностями прав человека.

Проводники исторической политики, начиная с кризисных 1980-х, перекладывали вину за преступления коммунистических властей на соседей по Федерации, представляя «свои» народы жертвами чужих преступлений, или же на демонизированный Коминтерн с его печальным наследием. Всё это отражается и на памяти о Второй мировой войне, которая сопровождалась жестким противостоянием в обществе и масштабной Гражданской войной на территории бывшей Королевской Югославии. Её трагедия, в свою очередь, стала избирательной матрицей для осмысления новой этногражданской бойни 1990-х годов, увенчавшей падение или националистическую трансформацию коммунизма. Взаимные обвинения в «фашизме» превращались в популярные и принятые на официальном уровне исторические проекции.

Свидетельством сомнений в адекватности утвердившихся после распада Югославии и войн 1990-х годов канонов национальной памяти явились усиливающиеся споры об «историческом ревизионизме», где обнажается утилитарное и идеологически мотивированное отношение к прошлому[12]. Продолжающаяся дискуссия отражает и уже упомянутые отличия от восточноевропейского тренда в исторической политике. «Особый путь» к социализму и внеблоковое положение Югославии во время «холодной войны» обусловили возложение ответственности за тоталитарный режим в странах бывшей Югославии на отступников от национальной миссии или его трактовку как результат «трагической ошибки». Мифологема антифашистской борьбы национализировалась, а интернациональный компонент из воспоминаний о ней элиминировался.

В центре полемики о (не) приемлемости «исторического ревизионизма» находятся события Второй мировой войны, когда на территории Югославии развернулась трагедия Гражданской войны. Свыше 70% её жертв — подданных Королевства Югославия пали от рук своих сограждан[13]. С конца 1980-х годов

всё более широкое распространение получает эмигрантская литература с полярными трактовками на националистической основе. Основные постулаты этой литературы с середины 1990-х становятся частью официальной историографии в Сербии, Хорватии, возможно, в меньшей степени в Словении, поскольку после падения однопартийной системы прежняя официальная память о Второй мировой войне была окончательно обесценена.

В частности, в Хорватии это выразилось в совмещении «блайбургского мифа» о пособниках нацистов — усташах как жертвах коммунистического режима[14] с новым основополагающим мифом хорватской государственности — героическим рассказом об Отечественной войне 1991–1995 гг., который несет в себе неустранимый конфронтационный потенциал. Схожий жертвенный сюжет используется в Словении, где завершение Второй мировой войны и расправа партизан над домобранцами (бойцами полицейско-военных формирований) предстают как результат революционной войны, повлекшей за собой истребление соотечественников по идеологическим соображениям.

В Сербии с 1990 г. систематически организуются празднества у мемориала четнического движения на Равной горе. В 2004 г. ветераны-четники были уравнены в правах с партизанами, а в 2015 г. их лидер Дража Михайлович был реабилитирован Верховным судом Сербии, отменившим приговор 1946 г. Определенный вклад в реконструкцию национальной памяти внесли и последователи коллаборантов Недича и Льотича. Речь идет о распространении взглядов на повстанческое сопротивление оккупантам как на бесполезную авантюру[15].

Подобные стратегии официальной памяти пользуются государственной поддержкой, массово одобряются «в низах», хотя одновременно усиливаются и критические голоса. С углублением экономических, демографических, социальных проблем нарастает усталость от эксплуатации исторических мифов на фоне игнорирования реальных общественных проблем. Споры и конфликты стимулируют, в частности, усилия властей (или связанных с ними организаций) по закреплению официальной памяти путем ландшафтного и архитектурного

оформления «мест памяти», преобразования мемориальных пространств и объектов. В некоторых случаях такие усилия оборачиваются своего рода «войной памятников» на межнациональном уровне[16].

Милитаризация памяти, тесно связанная с жертвенной стигмой, особенно заметна в Сербии и Хорватии, что проявляется наглядно, например, в календаре праздников и памятных дат. Хотя события Второй мировой войны (Независимое государство Хорватия, Ясеновац и Блайбург) остаются в зоне активного общественного внимания, всё более актуальными для официальных акторов исторической политики становятся войны 1990-х годов. Именно здесь к меланхолическим жертвенным нарративам добавляются элементы героического мифа о национальном заступнике, тем более что это место оказалось вакантным после деконструкции антифашистского «партизанского мифа» времен коммунистической Югославии. Доктрина национально-освободительной борьбы пересоздается в Хорватии в образе Отечественной войны, как именуются здесь события 1991–1995 гг., а в Сербии последнего десятилетия активно продвигается «фермопильская легенда» о Кошарском сражении на югославско-албанской границе (1999): фильм о нем на You Tube просмотрен уже 6,9 млн раз[17].

В отличие от некоторых посткоммунистических стран, в государствах бывшей Югославии не были созданы особые, постоянно действующие институты с отдельным финансированием, которые бы разоблачали преступления коммунизма. Тем не менее, разумеется, мемориализация военного прошлого контролируется и направляется. Например, в Сербии её патронируют министерство обороны и специальная правительственная комиссия по сохранению традиций освободительных войн, а в Хорватии – министерство ветеранов и Почетный блайбургский взвод*, действующий под эгидой парламента. Роль рупо-

* Почетный блайбургский взвод (ПБВ) — учрежден в 1953 г. в среде хорватских эмигрантов в связи с событиями мая 1945 г., когда британская военная администрация передала югославским партизанам Тито сдавшихся хорватских усташей, словенских домобранов и др. коллаборационистов. По некоторым

ров исторической политики берут на себя и некоторые институции исторического (социального) знания, преобразованные или вновь созданные в начале 1990-х.

Обращение к более давним эпизодам прошлого как центральным в исторической политике особенно характерно для менее вовлеченных в конфликты 1990-х годов стран. Ярчайший пример тому — проект «Скопье-2014» (с его стратегиями «македонизации» и «антиквизации»), во многом вдохновленный долголетним спором с властями Греции о названии бывшей югославской республики Македония[18]. Здесь в предельно карикатурном виде обнажились модели мифотворчества и национального строительства, характерные отчасти и для других стран региона. Сами эти модели, взятые напрокат у эпохи «национального возрождения» XVIII–XIX вв., но поддержанные щедрым государственным финансированием, разоблачают себя как провинциальные анахронизмы, не оправдывая вложенные в них средства.

Еще одним сквозным сюжетом в стратегиях исторической политики, общим для многих посткоммунистических стран, испытывающих противоречивое воздействие евроинтеграции, стремящихся к ней или разочаровывающихся в данной перспективе, является поиск в прошлом периодов или исторических фигур, воплощавших идеал национальной версии либеральной демократии. Стремление преувеличить успехи модернизации в «беге за Европой» «своей» нации реализуется в контексте противопоставления соседям («нецивилизованным Балканам»), если речь идет о странах, чьё территориальное ядро не входи-

сведениям, их общее число составило около 26 тыс. чел. Акт передачи состоялся на Блайбургском поле (австрийская область Каринтии), где сразу же состоялись первые партизанские «народные суды» и казни. Массовые расстрелы имели место и на всем пути переданных лиц в Югославию. К настоящему времени обнаружены более 120 мест захоронений и примерно 1 000 братских могил. ПБВ был создан с целью организации памятных мероприятий на Блайбургском поле и ухода за могилами на кладбище «Унтер-Лойбах». Ежегодные мемориальные мероприятия превратили Блайбург в «самое массовое собрание неофашистов» в современной Европе. 30 апреля 2020 г. австрийский парламент принял резолюцию, призывающую министра внутренних дел официально запретить памятные мероприятия в Блайбурге (прим. редколлегии).

ло или раньше выпало из сферы влияния Османской империи. Однако включенность в имперское пространство (Габсбургскую монархию), а также в многонациональную, первую, и федеративную, вторую, Югославию создаёт препятствия для вычленения «правильной» версии национальной истории.

Если опыт первой, королевской, Югославии по большей части предается забвению, то отношение к коммунистической Федерации — не столь однозначно, поскольку опирается на воспоминания активных поколений, а модернизационный эффект преобразований того времени очевиден. Югофобия и югоностальгия — две взаимосвязанные полярные тенденции в политике памяти, при том, что зависимость фобической версии от своего соперника-двойника гораздо сильнее. Югоностальгия широко распространена в потребительской и массовой культуре[19], тогда как в политическом словаре на неё активно навешиваются негативные ярлыки. Левые активисты, в свою очередь, надеются использовать эмансипационный потенциал югославского эксперимента в противостоянии неолиберализму и национализму, отрицая югоностальгию как слабую «реакцию возврата» или дань консюмеризму.

Повышенная ритуальность и тривиальность коммеморативных практик правящих элит подвергается систематической критике со стороны интеллектуальных меньшинств, широко использующих возможности старых и новых медиа. Цифровизация памяти и исторической политики предлагает новые возможности и для высказываний ранее «молчаливого большинства» (например, в комментариях под интернет-публикациями или в социальных сетях). Здесь мемориальные конфликты переплетаются с актуальной повесткой дня. В свою очередь, медиа используют скандалы (в том числе мемориальные) и столкновения в социальных сетях для наращивания собственных ресурсов. Но всё это лишь дополнительно фрагментирует общественную дискуссию и не приводит к заметным переменам в стратегиях акторов исторической политики или в балансах социальной / культурной памяти. Мнения критиков доминирующих версий отношения к прошлому,

как правило, нивелируются указаниями на причастность к некоммерческим организациям, получившим финансирование из-за рубежа, хотя это не сокращает численность их базовой аудитории.

Несмотря на частоту обращений к прошлому в старых и новых медиа, сложившиеся сценарии взаимодействия ведущих акторов исторической политики (включая тех, кто выступает в роли её критиков и «внешних» экспертов) выглядят удивительно устойчивыми, если не безнадежными, поскольку поддерживают высокую степень конфликтности между мемориальными общностями и внутри них. Тому, помимо прочего, способствуют проблемы социально-экономического развития, подтачивающие оптимизм в отношении будущего. Серьезные сдвиги в исторической политике стран бывшей Югославии будут зависеть от способности преодолеть депрессию и застой, а также от развития событий на международной арене.

Примечания

[1] Ландшафты памяти в (пост)Югославии // Историческая экспертиза. 2020. № 4. С. 59–209.

[2] *Karačić D., Banjeglav T., Govedarica N.* Revizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine. Sarajevo, 2012; *Gordy E.* Guilt, Responsibility, and Denial: The Past at Stake in Post-Milosevic Serbia. Philadelphia, 2013; *Đurašković S.* The Politics of History in Croatia and Slovakia in the 1990s. Zagreb, 2016; *Morrison K.* Nationalism, Identity and Statehood in Post- Yugoslav Montenegro. London, New York, 2018; *Đureinović J.* The Politics of Memory of the Second World War in Contemporary Serbia: Collaboration, Resistance and Retribution. London and New York, 2020.

[3] Clio in the Balkan. The Politics of History Education / ed. by C. Koulouri. Thessaloniki, 2002; Nationhood and Politicization of History in School Textbooks: Identity, the Curriculum and Educational Media / ed. by G. Ognjenović and J. Jozeli. Palgrave Macmillan, Springer International Publishing, 2020.

[4] (Re)Writing History*:* Historiography in Southeast Europe after Socialism / ed. by U. Brunnbauer. Munster, 2004.

[5] Transforming National Holidays: Identity discourse in the West and South Slavic countries / ed. by L. Šarić, K. Gammelgaard, K. Rå Hauge. Amsterdam–Philadelphia, 2012.

[6] 1918: Kultura sjećanja. Povijesni lomovi i svladavanje prošlosti / ur. T. Cipek, O. Milosavljević. Zagreb, 2007; Kultura sjećanja: 1941. Povijesni lomovi i svladavanje

prošlosti / ur. S. Bosto, T. Cipek, O. Milosavljević. Zagreb, 2008; Kultura sjećanja: 1945. Povijesni lomovi i svladavanje prošlosti / ur. S. Bosto, T. Cipek, O. Milosavljević. Zagreb, 2009; Kultura sjećanja: 1991. Povijesni lomovi i svladavanje prošlosti / ur. T. Cipek. Zagreb, 2011.

[7] Nationalism and the Politicization of History in the Former Yugoslavia / ed. by G. Ognjenovic, J. Jozelic. Palgrave Macmillan, Springer International Publishing, 2021.

[8] Ср., например: *Миллер А.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей / под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012. С. 22–23; *Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.–СПб., 2018. С. 31–33; *Сыров В.Н., Головашина О.В., Аникин Д.А. и др.* Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск, 2019. С. 66–67; *Касьянов Г.* Украина и соседи: историческая политика 1987–2018. М., 2019. С. 34–36; *Белов М.В.* «Политика памяти» или «историческая политика»: в чем разница? // Всеобщая история и историческая наука в XX — начале XXI века: Сборник статей и сообщений: в 2 т. / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань, 2020. Т. 1. С. 304–307.

[9] *Мелешкина Е.Ю.* Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ // Политическая наука. 2018. № 3. С. 227.

[10] *Stojanović D.* Tumačenja istorije, sistem vrednosti i kulturni obrazac // Ulje na vode. Ogledi iz istorije sadašnosti Srbije. Beograd, 2010. S. 125–157.

[11] *Kasapović M.* Bocšnjačke politike povijesti: genocid kao sudbina // Anali Hrvatskog politološkog društva: časopis za politologiju. 2021. Br. 1. S. 0–33. https://doi.org/10.20901/an.18.04.

[12] *Белов М.В.* «Исторический ревизионизм» в критике постъюгославских историков // Славяноведение. 2020. № 5. С. 43–56.

[13] *Тимофеев А.Ю.* Корни исторического ревизионизма и сохранение исторической памяти о гражданской войне 1941–1945 гг. в современной Сербии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 5. С. 136–150.

[14] *Белов М.В., Кузнецова С.В.* «В память о невинных жертвах…»? Блайбург — спорное «место памяти» Хорватии // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 4. С. 157–177.

[15] *Тимофеев А.Ю.* Корни исторического ревизионизма… С. 141–144.

[16] *Тимофеев А.Ю.* Столетие Первой мировой войны в Сербии: война памятников // Славянский альманах. 2020. № 3–4. С. 127–149.

[17] Politika sećanja na ratove devedesetih u Srbiji. Istorijski revizionizam i izazovi memorijalizacije. Beograd: Fond za humanitarno pravo, oktobar 2021. S. 29. Фильм «Ratne priče sa Košara» (URL: https://www.youtube.com/watch?v=UtjXfop64d8 (accessed: 01.09.2022)).

[18] *Колосков Е.А.* От Бухареста до Преспы: греко-македонский спор о государственном наименовании Македонии в 2008–2018 гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 207–232.

[19] *Perica V., Velikonja M.* Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i popkulture. Beograd, 2012.

DOI 10.31168/7576-0477-0.5.4

Войн Константинов БОЖИНОВ

Имперские амбиции Реджепа Тайипа Эрдогана на Балканах. Возможно ли появление новой Османской Турции?

За последние 15 лет во всех сферах общественной жизни Турецкой республики произошли значительные перемены. Политическую и экономическую нестабильность 1990-х годов сменило сравнительно устойчивое экономическое развитие. Этому способствовали авторитарные взгляды Реджепа Тайипа Эрдогана — политика, открывшего новую эру в истории своей страны. На наших глазах возник и нашел зримое подтверждение феномен личности, могущей стать двигателем политико-экономического развития. И если классики марксизма-ленинизма утверждали, что основой важных исторических процессов являются массы, то в «турецком случае» можно с уверенностью констатировать: один человек коренным образом изменил облик Республики.

Что же удалось сделать Эрдогану за годы своего правления в качестве председателя Совета министров (14 марта 2003 — 28 августа 2014 г.) и президента (с 28 августа 2014 г.)? При нём была полностью изменена политическая система Турции — создана авторитарная президентская республика, основанная на традициях ислама, но без формальной отмены заложенного Кемалем Ататюрком светского характера государства. Секуляризм всё ещё определяет жизнь турецкого общества, но религия уверенно осваивает новые пространства на политической сцене[2]. Этому способствует и постепенная исламизация армии, считающейся основным стержнем «светскости» Турецкой

республики[3]. После длительной борьбы с военными Эрдогану удалось справиться с кемалистами в армии, а попытка «переворота» в 2015 г. стала своеобразным пиком в этой схватке. Победа главы государства была представлена проправительственной пропагандой как «триумф демократии»[4]. Что касается политической оппозиции, то она ещё продолжает оказывать сопротивление президенту, о чём свидетельствует победа на последних, ставших резонансными, выборах в Стамбуле*. Но не следует забывать, что крупнейший турецкий город гораздо более свободен в проявлении своих симпатий и антипатий, нежели глубокая периферия, где трудно вытеснить феодализм эрдогановского типа, связанный с разного рода региональными факторами различными формами коллаборации.

Политическую стагнацию и единоличную власть Эрдогану удалось замаскировать достижениями в экономической сфере и мегапроектами в строительстве, хотя и вызвавшими подозрения в гигантской по своим масштабам коррупции. В первые годы пребывания Эрдогана на посту главы правительства турецкая экономика достигла пика своего развития. Мировой экономический кризис 2008 г. почти не отразился на ней, и в то время как экономика ведущих стран стагнировала, турецкая демонстрировала высокие темпы роста — 6–7%[5]. Кроме того, турецкий лидер начал и завершил строительство гигантских объектов инфраструктуры. Были построены три новых моста — над проливами Босфор и Дарданеллы и над Измитским заливом; европейскую и азиатскую части Стамбула соединили два туннеля — железнодорожный и автотранспортный; турецкий мегаполис обзавелся новым огромным аэропортом, самым крупным в мире; быстрыми темпами расширилась сеть метро в Стамбуле и Анкаре и т.п. Задумано осуществление ещё одного проекта — сооружение так называемого стамбульского канала — водного пути, параллельного Босфору, что позволит не только разгрузить сообщение по проливу, но и обойти ста-

* 31 марта 2019 г. на выборах мэра в Стамбуле победила оппозиционная Республиканская народная партия. Лидер партии Экрем Имамоглу занял пост стамбульского градоначальника (прим. переводчика).

тьи подписанной в 1936 г. в Монтрё конвенции, ограничивающие права Анкары в мореплавании в районе Проливов.

На первый взгляд, всё вышеперечисленное кажется чудом. Даже для такой большой страны, как Турция, подобные мегапроекты требуют серьезных финансовых вложений. И, действительно, с течением времени выяснилось, что строительные достижения Эрдогана — весьма дорогостоящие и крайне негативно отражаются на турецкой экономике. Хорошие времена для неё закончились из-за чрезмерных амбиций главы государства. По предварительным подсчетам только стамбульский канал обойдется казне примерно в 10 млрд долларов, а по завершении строительства его реальная стоимость окажется ещё выше. Подобная трата денег, сопровождаемая характерными для Востока коррупционными практиками в миллиарды долларов, привела к тому, что ныне экономика Турции переживает трудный период, а обесценивание лиры ведет к обеднению населения. Этим негативам способствуют и болезненные внешнеполитические амбиции Эрдогана, решившего восстановить международный авторитет, а, может быть, в некоторой степени и территориальные границы Османской Турции. Подобные стремления ещё больше напрягают финансовые ресурсы страны и способствуют появлению негативных последствий в экономике.

Чтобы отвлечь внимание от экономических трудностей и удовлетворить свои амбиции стать влиятельным международным лидером, Эрдоган начал проводить агрессивную внешнюю политику не только в отношении соседних стран, но и Ливии, где вмешался в гражданскую войну, вспыхнувшую после убийства в октябре 2011 г. Муаммара Каддафи[6]. Идеологической опорой для такой политики стала теория неоосманизма, оформленная впавшим ныне в политическую немилость бывшим премьер-министром Ахметом Давутоглу[7]. Вкратце главная идея неоосманизма сводится к тезису, согласно которому Турция существует в границах султанской империи. В первую очередь это касается Балкан, Ближнего Востока и Кавказа. Особо сильный интерес Анкара прояв-

ляет к бывшим османским провинциям Балканского полуострова — малым и часто беззащитным странам, не обладающим, в отличие от Турции, сильным военным потенциалом. Стремясь расширить своё влияние в Юго-Восточной Европе, Анкара использует наличие компактных турецких / мусульманских масс в Болгарии, Республике Северная Македония, Косово, Албании, Сербии и, разумеется, в Боснии и Герцеговине. Наряду с этим, представители турецкой политической элиты открыто говорят о территориальных претензиях Анкары в регионе. Не случайно Давутоглу заявил о «несправедливом» разделе островов Эгейского моря после Первой мировой войны*, сильно ущемляющем турецкие национальные интересы[8].

Какие механизмы использует Турция, чтобы реализовать свои имперские амбиции, которые можно обозначить как возрождение Pax Ottomana? Следует подчеркнуть, что Анкара оказывает значительную моральную и материальную помощь политическим организациям и духовным объединениям турецкого / мусульманского населения в вышеназванных странах. Они представляют собой прекрасный инструмент для вмешательства во внутренние дела государств «ближнего зарубежья». Хороший пример тому — Болгария, где партия турок — Движение за права и свободы является влиятельным политическим фактором, поскольку этнический характер предоставленной ей парламентской квоты гарантирует постоянное присутствие партии в Народном собрании. Сильное влияние Анкары испытывает и мусульманская конфессия в Болгарии. Впрочем, в духовной сфере турецкая сторона не жалеет средств для поддержки муфтийства во всём балканском регионе. Показательно, что большая часть бюджета Комите-

* По Лозаннскому мирному договору от 24 июля 1923 г., подписанному между Великобританией, Францией, Италией, Грецией, Японией, Румынией, Югославией, с одной стороны, и Турцией, с другой, все острова Эгейского моря, фактически опоясывающие турецкое побережье, отошли к Греции. Приближение окончания срока действия договора (24 июля 2023 г.) обостряет вопрос о принадлежности островов и, следовательно, двусторонние греко-турецкие отношения (прим. переводчика).

та по религиозным вопросам Турции (Дианета), равного примерно 2 млрд долларов, отводится турецким / мусульманским общностям за границей для реставрации мечетей и молитвенных домов и содержания исламских учебных заведений[9].

Испытания, переживаемые турецкой экономикой в последние годы, известным образом скорректировали доктрину Анкары по сохранению и укреплению турецкого влияния на Балканах. Кризис привел к сокращению финансовых потоков, направленных на реставрацию османского материального наследия на полуострове, и заставил Турцию перейти к другому способу действия — активизации религиозной пропаганды. Она требует меньших затрат, так как прежде всего опирается на человеческий фактор, а именно на преданных исламу и превратившихся в посредников между турецким государством и так называемыми внешними турками людей. Эти «проповедники» уже не распространяют кемалистский пантюркизм, который Эрдоган считает не только устаревшей, но и в некоторой степени опасной для его власти доктриной, а целиком и полностью привержены консервативному исламу. При этом наблюдается формирование тенденции его радикализации, если к тому возникнет необходимость. По расчетам Анкары, именно религиозный фактор, а отнюдь не турецкий национализм должен способствовать возвращению Турции на Балканы. Следует признать правоту такого подхода, поскольку значительное турецкое меньшинство в регионе сосредоточено лишь в Болгарии, и если Турция желает стать гегемоном на Балканах, ей следует опираться и на мусульман, не говорящих на турецком языке. В силу этого ислам остается ключом к усилению турецкого влияния на полуострове.

В этой канве рассуждений не следует пренебрегать фактом усиления милитаризации Турции. На военные статьи Анкара выделяет 2,1% своего валового внутреннего продукта (ВВП), что позволяет в течение десятилетий содержать вторую в НАТО по численности армию, насчитывающую 355 тыс. военнослужащих[10]. Государство обладает колоссальным арсеналом оружия, который, благодаря мощному военно-промыш-

ленному комплексу, находится в очень хорошем состоянии. Кроме того, ВПК способен производить самые современные виды вооружения — самолеты последнего поколения, дроны, высокоточное оружие, тяжелую цепную (гусеничную) технику и т.п. Турецкие военные близки к созданию своими силами подводной лодки, которая может быть запущена в серийное производство. Также быстрыми темпами продвигается создание легкого турецкого авианосца, наподобие универсального десантного корабля-авианосца «Хуан Карлос I», состоящего на вооружении военно-морских сил Испании. По расчетам военных, турки в состоянии построить и второй авианосец такого типа. Все эти факты свидетельствуют о намерении Анкары обеспечить своё военное превосходство в бассейне Чёрного моря и Восточном Средиземноморье и о возможности турецких военно-морских сил сформировать две авианосные группы, между тем как государства, способные на это, можно пересчитать по пальцам. Таким способом будет исправлена «ошибка» 90-х годов XX в., когда анкарская элита открыто выражала недовольство, что не может вмешаться в военные действия в Боснии из-за ограниченных возможностей турецких военно-воздушных сил, вынужденных пользоваться иностранными военными базами. Ещё 20 лет назад о подобном исправлении «ошибки» не могло быть и речи.

Итак, обобщая сказанное, заметим, что в успешные с точки зрения финансовой стабильности времена Эрдогану удалось создать своего рода духовную Османскую империю. Он очертил и её границы: любая территория, где только можно увидеть минарет, является для турецкого президента частью воображаемой империи. Но до некоторой степени эта империя имеет и зримые очертания — особенно в тех регионах Балкан, в которые вернулось столь характерное для Османской Турции феодальное право, умело прикрываемое в наши дни избитыми фразами «культурная идентичность», «право на самоопределение» и пр. Таким образом, глядя на десятилетия вперед, Эрдоган создал основу для возвращения османизма на Балканы, и, судя по всему, если не воздвигнуть ему на этом

пути преграду, амбиции турецкого президента рано или поздно будут реализованы.

В Болгарии турецкое влияние по-прежнему является сильным, но, покуда вступление в Европейский союз остается стратегической целью Анкары, определенные гарантии территориальной целостности страны у Софии имеются. И в этом — один из немногих позитивных моментов членства Болгарии в ЕС. Разумеется, при этом актуальны вопросы, сколько продлится существование союза и перед какими политическими вызовами он окажется в будущем? Когда речь заходит о так называемой европейской солидарности, болгарский народ должен ясно иметь в виду, что западные державы всегда смотрели на Болгарию с презрением. В историческом плане убедительный пример тому — решения Берлинского конгресса 1878 г. Не следует исключать и такой вариант, что когда-нибудь болгары могут вновь оказаться перед воротами Спасской башни… Но весь вопрос в том, откроются ли они перед ними на сей раз?

Перевела с болг. яз.
Т.В. Волокитина

Примечания

1 *Lashnits T.* Recep Tayip Erdoğan. Chelsea House Publishers, 2005.

2 *Rabasa A.* The Rise of Political Islam in Turkey. Santa Monika, 2008.

3 Islamization of Turkey Under the AKP Rule. Routledge, 2011.

4 The Triumph of Turkish Democracy. The July 15 Coup Attempt and its Altermath. Istanbul, 2016.

5 *Çağaptay S.* The Rise of Turkey. The Twenty-first Century′s First Muslim Power. Potomac Books, 2014.

6 *Fuller G.* Turkey and the Arab Spring. Leadership in the Middle East. Bozorg Press, 2014.

7 History, Politics and Foreign Policy in Turkey. SETA, 2011.

8 *Давутоглу А.* Стратегическа дълбочина. Мястото на Турция в международните отношения. София, 2015.

9 The European Union, Turkey and Islam. Amsterdam University Press, 2004.

10 *Davis B.* NATO Forcea. Blandford, 1988.

DOI 10.31168/7576-0477-0.6.1

Вместо заключения

Балканы — самобытное, политико-экономическое пространство, отдельный культурный субконтинент Европы. Регион представляет собой важный конфессиональный «узел» православия, католицизма и ислама, объект пересечения противоречивых культурно-исторических влияний, столкновения идеологий и «национализмов», не единожды за свою историю вовлекавшийся в процесс глобализации. «Балканский фактор», в котором аккумулировались национальные, социокультурные, общественно-политические, военные устремления стран региона, часто становился катализатором деформаций в европейской международной политической системе. Именно на Балканах взорвалась «мина» Первой мировой войны. Однако не будем при этом забывать, что Балканы — это ещё и пространство тысячелетнего диалога…

Авторы представленных в коллективном труде очерков не претендуют на систематическое изложение истории региона. Руководствуясь методом познания от частного к общему и представив сравнительно узкие конкретные разработки, они стремятся внести свой посильный вклад в изучение основных векторов исторического развития Балкан в XVIII–XXI вв.: национально-освободительные движения балканских народов и формирование национальных идей; попытки «европеизации» Балкан; создание новых государств на обломках Османской и Австро-Венгерской империй; традиция и модернизация; территориальные проблемы во взаимоотношениях балканских стран; войны на Балканах как способ территориального переустройства; великие державы — внешний лимитирующий фактор; балканские страны в системе международных отношений после двух мировых и в период «холодной войны»; вре-

мя социалистического «эксперимента»; постсоциалистические режимы. Многие вопросы из этого перечня являются дискуссионными.

Проходят столетия, меняются эпохи и кумиры, а Балканы по-прежнему остаются неспокойным пространством, что многократно усиливает актуальность изучения его истории, поиска в прошлом корней многих явлений дня сегодняшнего.

Т.В. Волокитина

Аннотации

Ольга Евгениевна ПЕТРУНИНА

Церковь и национальная идея в Греции в XIX — начале XX вв.

Аннотация

В работе исследуется положение и деятельность Элладской православной церкви в контексте её взаимоотношений с одним из ключевых векторов новогреческой истории — греческой национальной (Великой) идеей в период бурного развития последней. Анализ важных для политической и церковной истории событий и фактов раскрывает, как руководимые греками Восточные Церкви, а также ставшая автокефальной Элладская православная церковь из носителей наднационального, вселенского начала постепенно превратились в инструменты реализации Великой идеи.

Ключевые слова

Великая идея, Элладская православная церковь, Константинопольская патриархия, Халкинская богословская школа, новогреческие исследования, внешняя политика России в XIX — начале XX вв.

Румяна Илиева ПРЕШЛЕНОВА

Славянофильство болгарских купцов-экспатриантов, образование и национальные идеи в XIX в.

Аннотация

В работе показано, как интересы формировавшейся болгарской нации в середине XIX столетия влияли на отношение болгарских купцов-экспатриантов к некоторым славянским образовательным центрам Габсбургской монархии и их деятельности. Исследование основано на архивных источниках XIX в., а именно на частично сохранившихся документах двух болгарских благотворительных организаций за границей — Болгарского патриотического общества «Прогресс» (Вена) и благотворительного общества в Бухаресте.

Ключевые слова

Болгария, Балканы, славянофильство, болгарские купцы-экспатрианты, образование, национальные идеи, XIX век

Пётр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

Великий Восточный кризис 1875–1878 гг. и национальные идеи у балканских народов

Аннотация

Исследование посвящено проблематике национальных идей и движений у балканских народов в конце XIX — начале XX вв. В центре внимания автора — история Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг. и его последствий для судеб региона. Особое внимание уделено генезису балканских кризисов.

Ключевые слова

Россия, Балканы, великие державы, международные отношения, национальные движения

Симеон Андонов СИМЕОНОВ

Служить нации, представлять империю: консулы России на Балканах (1774–1878 гг.)

Аннотация

Под влиянием идеи англо-ирландского политолога Бенедикта Андерсона большинство историков «долгого XIX века» продолжают определять нации как «воображаемые политические сообщества» и рассматривать нацию и империю как два несовместимых или даже противоположных явления. В отличие от традиционной интерпретации, новейшая историография ставит вопрос о том, как создание новых государств на Балканах повлияло на имперскую геополитику и подвергалось ли оно обратному влиянию. Сосредоточив внимание на широко распространенном и хорошо изученном институте консульства, автор работы утверждает, что этот институт позволил местной балканской элите начала XIX в. сочетать свои национальные устремления с имперской геополитикой. Из-за уникального положения Российской империи после Кючук-Кайнарджийского договора (1774 г.) российские консулы на Балканах превратили консульства в настоящие имперские лаборатории, а также в инкубаторы национальной независимости.

Ключевые слова

Империя, национализм, консульство, Балканы, геополитика, глобализация

Николай Николаевич СТАНКОВ

К истории становления отношений между СССР и королевской Югославией в 1923–1928 гг. (по документам советских миссий в Праге)

Аннотация

В статье на основе рабочих дневников и донесений представителей СССР в Чехословакии рассматриваются неофициальные переговоры между советскими и югославскими дипломатами в Праге, начиная с первых контактов осенью 1923 г. до конца 1928 г. Значительное внимание уделяется раскрытию роли руководителей бюро печати миссий Р.О. Якобсона и С. Клюича в установлении и поддержании этих контактов. Благодаря им советское представительство регулярно получало информацию о внутриполитической ситуации в Королевстве СХС, ее международном положении, происходил зондаж на предмет признания СССР и установления официальных отношений.

Ключевые слова

Советско-югославские отношения, признание СССР, В.А. Антонов-Овсеенко, К.К. Юренев, Р.О. Якобсон, С. Клюич, Л.Нешич, Б. Лазаревич

Александр ЖИВОТИЧ

СССР и правительство Королевства Югославия в изгнании: от разрыва дипломатических отношений до военного союза (май–август 1941 г.): историографические акценты

Аннотация

Работа посвящена ключевым событиям советско-югославских отношений на протяжении весны-лета 1941 г. Несмотря на твердые гарантии военной помощи, зафиксированные в договоре о дружбе и ненападении между двумя странами от 5 апреля 1941 г., Советский Союз не отреагировал на нападение Германии на Югославию, а ограничился осуждением участия Венгрии в агрессии. 9 мая 1941 г., спустя всего месяц после подписания договора, советское руководство,

по-видимому, под сильным давлением Германии, приняло решение о разрыве дипломатических отношений с эмигрантским королевским правительством. В исследовании отмечено, что, несмотря на относительно мягкую форму разрыва, он отличался ярко выраженным брутальным характером. Однако нападение Германии на СССР изменило ситуацию кардинальным образом: дипотношения с Югославией были восстановлены, и в середине июля 1941 г. посланник Милан Гаврилович снова прибыл в Москву. Хотя впоследствии СССР и Югославия сражались против фашизма единым фронтом, драматический эпизод временного разрыва отношений, инициированный страной, считавшейся братской, славянской и союзной, оставил тяжелый след в истории двусторонних отношений: май 1941 г. стал тем хронологическим рубежом, на котором была остановлена совместная борьба против фашизма.

Ключевые слова

СССР, Югославия, договор о дружбе и ненападении, дипломатические отношения, историографические оценки

Анатолий Семёнович АНИКЕЕВ

У истоков движения неприсоединения: югославский фактор. 1953–1961 гг.

Аннотация

В работе рассматриваются основные этапы процесса формирования движения неприсоединения, роль и место Югославии в его организации, отношение к югославскому внешнеполитическому выбору в Москве, а также позиция советской дипломатии накануне проведения в Белграде первой конференции неприсоединившихся стран 1–7 сентября 1961 г. В контексте обострения международной обстановки, прежде всего, германской проблемы, рассмотрена попытка советской стороны навязать участникам кремлевскую повестку. Добиваясь поддержки со стороны участников конференции — стран третьего мира, в первую очередь тех, которые в той или иной степени политически и экономически зависели от СССР, московское руководство рассматривало такую поддержку как дополнительный аргумент в отстаивании советских позиций перед «коллективным» Западом.

Ключевые слова

Движение неприсоединения, роль Югославии, Й. Броз-Тито, Н.С. Хрущев, советская дипломатия, А.А. Епишев, Белградская конференция 1961 г., германская проблема

Александр Сергеевич СТЫКАЛИН

Историческая политика режима Чаушеску: усиление националистических тенденций и реакция Москвы

Аннотация

Автор анализирует разногласия между СССР и Румынией, проявившиеся с начала 1960-х годов в официальных подходах каждой из сторон к ключевым событиям в истории русско-румынских отношений. Это в первую очередь коснулось таких событий, как присоединение Бессарабии к Российской империи в 1812 г., переход этого края под румынскую юрисдикцию в 1918 г., включение Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР летом 1940 г. Разногласия проявлялись также в оценке межвоенной румынской политики в Бессарабии, которая, по советским оценкам, основывалась на дискриминации населения этого края. С румынской стороны всё более открыто демонстрировалось неприятие советского проекта создания в СССР самостоятельной молдавской социалистической нации, отличной от румын. Именно разногласия в бессарабском вопросе (признание румынскими историками и идеологами исторических прав Румынии на Бессарабию) давали Москве повод для подозрений в сохранении территориальных претензий Румынии к СССР, что вносило дополнительную напряженность в советско-румынские отношения. Советская сторона длительное время старалась избегать публичной полемики с представителями союзнической страны по вопросам, касающимся общей истории соседних государств, однако, как показано в работе, до некоторой степени скорректировали свою тактику в 1980 г. Это было связано с проведением в Бухаресте международного конгресса историков, который был использован хозяевами для донесения до мирового исторического сообщества своих националистических нарративов и в том числе румынского взгляда на историю взаимоотношений румын с соседними народами.

Ключевые слова

Советской Союз, Румыния, Молдова, Бессарабия, Л.И. Брежнев, Н. Чаушеску, историческая память, международный конгресс историков 1980 г.

Александра Димитрова МИЛАНОВА

Опера и формирование национального пантеона героев в Румынии в XIX в.

Аннотация

В работе предпринята попытка проследить и проанализировать взаимосвязь оперы как культурной практики и создания национального пантеона героев в Румынии в XIX в. Исследуется значение оперы в процессе формирования румынского национального самосознания. Анализ наиболее значимых национальных оперных произведений XIX в. вписан в контекст основных стратегий национального развития и позволяет выявить заложенные в них репрезентации реальности.

Ключевые слова

Опера, Румыния, национальные герои

Марина Михайловна ФРОЛОВА

Болгарские четы в Ловченском крае в 1877 г.: мифы историографии и реалии опубликованных источников

Аннотация

В исследовании отражена попытка демифологизировать отдельные эпизоды русско-турецкой войны 1877–1878 гг., связанные с формированием и деятельностью болгарских вооруженных отрядов (чет) в Ловченском крае. На основе изучения документальных источников автор стремится восстановить объективную картину исторического прошлого. Им пересмотрены некоторые устоявшиеся в марксистской историографии выводы, направленные на героизацию и значительное преувеличение деятельности чет в районе Ловчи. Опровергаются былые утверждения о массовом вступлении болгарского населения в вооруженные отряды и создании партизанского движения в крае, а также об активном содействии четников отряду генерала П.П. Карцова при переходе через Троянский перевал и их деятельном участии в сражении с турецким гарнизоном. Причинами, как доказано в работе, являлись неуверенность болгар в победе русских и страх перед неминуемым возмездием со стороны турок.

Ключевые слова

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., четы (болгарские вооруженные отряды), Ловча (Ловеч), Троянский перевал, М.А. Хитрово, Д.Г. Анучин, П.П. Карцов

Никита Сергеевич ГУСЕВ

Записки русских путешественников о Македонии 1878–1913 гг. в оценках отечественной и зарубежной историографии

Аннотация

Работа посвящена отражению в российской, болгарской и македонской историографии путевых заметок русских путешественников, журналистов, писателей и ученых о Македонии в период после Берлинского конгресса 1878 г. и до окончания Балканских войн 1912–1913 гг. Отмечено политизированное отношение к этим источникам на Балканах и выявлены тенденции их использования исследователями, связанные с отсутствием консенсуса по македонскому вопросу. Автор констатирует, что научный потенциал русских травелогов далек от исчерпанности, однако требует иного, нежели принят сейчас, подхода к указанным источникам, а именно их рассмотрения в контексте биографий авторов и общественно-политической ситуации вокруг Македонии.

Ключевые слова

Македония, македонский вопрос, историография, травелоги, Милюков, Амфитеатров, Башмаков, Риттих

Юра Тотева КОНСТАНТИНОВА

Наследство Зафира Сароглу — личные, региональные, национальные и имперские аспекты

Аннотация

В работе идет речь о завещании купца Зафира Сароглу, которое в 80-е годы XIX в. стало предметом спора между его наследниками, проживавшими в Греции. Рассмотрение вопроса о последней воле

Зафира Сароглу позволяет выявить некоторые аспекты греко-болгарского национального противостояния и различные представления о значении России для населения Балканского региона. Зафир Сароглу нажил свое состояние в России, что дает возможность пересмотреть некоторые устоявшиеся в историографии стереотипы и попытаться воссоздать объективную картину сложных политических, экономических и идеологических процессов на Балканах во второй половине XIX в.

Ключевые слова

Болгария, Греция, Россия, национальная идея, идентичность, купцы

Леонид Валерьевич ЕРМИШИН

«Оранжевая гвардия» БЗНС — абрис политического портрета

Аннотация

В 1919 г. одна из политических партий Болгарии — Болгарский земледельческий народный союз — создала нелегальную военизированную организацию, получившую у современников название «оранжевая гвардия». Придя к власти в 1920 г., БЗНС вместо опоры на официальные силовые структуры — армию, жандармерию и полицию — продолжил развитие собственной парамилитарной структуры. Документов, раскрывающих её состав, численность, задачи и конкретную деятельность, крайне мало. Информация в научной литературе, несмотря на непосредственное участие гвардии во внутриполитической борьбе того периода, также недостаточна и фрагментарна. Во время Второй мировой войны в распоряжение советского командования в качестве военного трофея попал архив Межсоюзнической военной контрольной комиссии, выполнявшей в 1919–1927 гг. надзорные функции за выполнением Болгарией военных статей Нёйиского мирного договора. В РГВИА автором выявлены материалы, относящиеся к деятельности Комиссии. В работе проанализирован документ, который предположительно является проектом положения о комплектовании «оранжевой гвардии».

Ключевые слова

Болгария, Межсоюзническая военная контрольная комиссия, Болгарский земледельческий народный союз, А. Стамболийский, Р. Даскалов, «оранжевая гвардия», армия, внутренняя политика, оружие

Тина Николаева ГЕОРГИЕВА

Движение казаков-самостийников и их деятельность в Болгарии в 30-е годы XX века

Аннотация

В работе рассматривается деятельность вольно-казачьего движения в Болгарии. Особое внимание уделено лидеру болгарских казаков-националистов Павлу Кудинову, который активно участвовал в жизни казачьей эмиграции и некоторое время даже был руководителем одного от основных центров «самостийничества» в Праге. Исследование основано на новых документах Центрального государственного архива Республики Болгария, а также материалах из журналов «Казакия» и «Вольный Дон», издававшихся во второй половине 1930-х годов болгарскими «самостийниками».

Ключевые слова

Казачество, «Казакия», эмиграция, самостийничество, Павел Кудинов, «Вольный Дон», национализм

Юлия Владимировна ЛОБАЧЁВА

Женщина в Сербии во второй половине XIX — начале XX вв.: к историографии вопроса

Аннотация

Основная идея данной работы — остановиться подробнее на обзоре современных (начиная с 1990-х годов) сербских и российских исторических исследований, в которых положение и жизнь женщины в Сербии во второй половине XIX — начале XX вв. рассматривается в связи или в контексте изучения процессов модернизации в Сербии во второй половине XIX — начале XX вв.

Ключевые слова

Сербия, сербское общество, модернизация, сербская женщина, история женщин, женский вопрос, историография

Ксения Валерьевна МЕЛЬЧАКОВА

Реформы Османской империи в области просвещения в Боснийском вилайете в оценках российских дипломатов

Аннотация

В работе анализируются события активной фазы реформ в Османской империи в середине XIX столетия, затронувшие в том числе и сферу просвещения. В Органическом законе 1869 г. провозглашалось введение всеобщего обязательного образования. Поскольку большая часть жителей Боснийского вилайета оставалась неграмотной, население края остро нуждалось в учреждении и развитии сети школ. Организацией работы школ для православного населения занимались церковно-школьные комитеты. Российские консульства, начавшие работу в Боснии в 1857 г., собирали сведения о состоянии школьного дела в регионе и занимались организацией доставки помощи православному населению для поддержания и открытия учебных заведений. В исследовании на основе донесений российских консулов дается характеристика и оценка просветительской деятельности османских властей в Боснийском вилайете.

Ключевые слова

Боснийский вилайет, Османская империя, Танзимат, А.Н. Кудрявцев, Я.П. Славолюбов, церковно-школьные комитеты, Органический закон о просвещении 1869 г.

Татьяна Васильевна НИКИТИНА

Модернизация и национализм в Греции. 1910–1932 гг.

Аннотация

В работе анализируется процесс модернизации Греции в 1910–1932 гг., его взаимосвязь с национализмом. Назревшие перемены в греческом обществе после Балканских войн 1912–1913 гг. обусловили проведение политики реформ правительства Э. Венизелоса под лозунгом возрождения «Великой Греции». Превращение страны в современное развитое европейское государство предполагало существенные изменения в политической, военной, аграрной, нало-

говой, образовательной сферах, индустриализацию страны, принятие рабочего законодательства. Национальная идея являлась эффективным инструментом объединения общества в период реформ. Национализм как один из элементов традиционализма стал идеологией в период перехода от традиционного к современному обществу. Автор рассматривает также причины незавершенности либеральных реформ в Греции.

Ключевые слова

Греция, модернизация, национальная идея, национализм, либералы, Э. Венизелос, политическая, аграрная, военная, налоговая, образовательная, индустриальная реформы, рабочий вопрос, традиционализм, европейское государство, великие державы

Татьяна Викторовна ВОЛОКИТИНА

Советская модель в Болгарии как социалистический модернизационный проект (1950-е – 1960-е годы)

Аннотация

В работе анализируется действие советской модели «догоняющей» модернизации в Болгарии. Установлено, что советская модель оказалась пригодной для разрушения традиционной социально-экономической структуры. Путем «догоняющей» модернизации к концу 1960-х годов в Болгарии было создано современное индустриальное общество, высокого уровня достигла урбанизация, изменился социальный статус граждан, некогда отсталая аграрная страна вошла в число среднеразвитых стран мира. Однако к этому времени, на новом, информационном этапе модернизации командно-административная модель организации хозяйства, способствовавшая экстенсивному развитию, исчерпала себя. В долгосрочной перспективе советский модернизационный проект, опирающийся на силу и мощь «партии-государства», оказался неэффективным и требовал поиска новых адекватных решений.

Ключевые слова

«Догоняющая» модернизация, «болгарский социализм» как модернизационный проект, этапы реализации советской модели в Болгарии

Евгения Петкова ТРОЕВА-ГРИГОРОВА

Этногенез болгар: историографические траектории и массовая культура

Аннотация

В работе представлена эволюция взглядов на этногенез болгар с XVII по XXI вв. Исследованы историографические традиции изучения проблемы, изменения историографической ситуации в контексте политических трансформаций, а также взаимодействие между официальным историческим нарративом и массовой культурой.

Ключевые слова

Историография, этногенез, болгары, массовая культура

Татьяна Георгиевна БИТКОВА

Балканы ли Румыния? Мнения политиков, экспертов, ученых и образы повседневной жизни

Аннотация

Принадлежность Румынии к Балканскому региону является вопросом спорным с точки зрения румынских политиков, экспертов и историков. Многие из них полагают, что Румыния не является частью Балкан ни географически, ни политически. Однако очевидно, что культурно-исторически Румыния всё же несет черты так называемого «балканизма», обусловленного общим с Балканским полуостровом османским прошлым. Эти особенности актуальны и для сегодняшней социально-политической ситуации, и для повседневной жизни.

При изучении архитектурного наследия современной Румынии обнаруживаются и османские, и византийские корни, что соотносит его с балканской культурой. В наибольшей степени это выражено в Валахии и в известной мере в Молдове. Трансильвания известна памятниками немецкой средневековой готики, а также австро-венгерского барочного искусства. Таким образом, визуальное искусство Трансильвании (как и Баната) трудно соотнести с «балканизмом».

Несмотря на желание представить Румынию страной небалканской, ее руководители проявляют интерес к странам Балканского

региона, находясь с ними в тесном сотрудничестве. Наибольшее внимание уделяется взаимоотношениям с Западными Балканами и, в первую очередь, с Сербией. Позиция Румынии в отношении Западных Балкан определяется поддержкой евро-атлантических устремлений стран этого региона, однако Румынии не безразлично влияние здесь России и Турции. Заключение: вопрос о принадлежности Румынии к Балканам имеет для ее правящей элиты, в первую очередь, политическое значение. Многообразие культуры и исторических традиций она пытается вписать в этот контекст.

Ключевые слова

Румыния, «балканизм», византийско-османские традиции, Валахия, Молдова, Трансильвания, повседневная жизнь, искусство, политика

Михаил Валерьевич БЕЛОВ

Историческая политика в странах бывшей Югославии: некоторые итоги исследовательского проекта

Аннотация

В случае государств-наследников Югославии соединение истории и политики усугублялось кровопролитными этногражданскими конфликтами 1990-х годов. Глубокие травмы того времени до сих пор оказывают формирующее воздействие на «горячую» память о недавнем прошлом. А она в свою очередь оказывается фильтром для восприятия более давних событий, процессов и лиц. Научная новизна проекта обусловлена комплексным, многоуровневым, компаративным исследованием исторической политики в странах бывшей Югославии. В ходе реализации проекта были выявлены общие парадигмы и специфика каждой национальной ситуации, а также конкурентные модели при обращении к общему прошлому. При этом контекстные рамки исследования учитывают конфликтные зоны памяти за пределами прежнего югославского пространства и роль внешних акторов. Результатом проекта стала качественная экспертиза исторической политики в странах бывшей Югославии, вписанная в региональный и европейский контекст.

Ключевые слова

Политика памяти, Сербия, Черногория, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Македония, Косово

Войн Константинов БОЖИНОВ

Имперские амбиции Реджепа Тайипа Эрдогана на Балканах. Возможно ли появление новой Османской Турции?

Аннотация

В работе анализируются основные направления внутренней и внешней политики 12-го президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в контексте реализации его имперских амбиций путем возвращения османизма на Балканы. Рассмотрены принципиальные установки неоосманизма как основной идеологической опоры режима. Представлены факты, свидетельствующие о территориальных претензиях Анкары к бывшим османским провинциям Балкан и использовании компактных турецких / мусульманских групп населения в Болгарии, Боснии и Герцеговине, Албании, Косово, Сербии и пр. в целях расширения своего влияния в Юго-Восточной Европе. Раскрыты преобразования в экономике, приведены конкретные сведения об усиленной милитаризации Турции. Делается вывод о сравнительно благоприятной перспективе для возвращения османизма в Балканский регион и, следовательно, для удовлетворения имперских амбиций турецкого президента.

Ключевые слова

Реджеп Тайип Эрдоган, Балканы, Болгария, неоосманизм, экономика, исламский фактор, милитаризация, Pax Ottomana

Abstracts

Chapter 1

National ideas and Balkan kinds of nationalism

Olga E. PETRUNINA

The Church and the national idea in Greece in the 19th — early 20th centuries

Abstract

The paper examines the Orthodox Church from the point of view of its relationship with one of the key vectors of modern Greek history, i.e. the Greek national idea (or Megale Idea) during the period of the latter's rapid development. The analysis of events and facts important for political and ecclesiastical history reveals how the Eastern Churches led by the Greeks, as well as the Church of Greece, which became autocephalous, being providers of a supranational, universal principle gradually transformed into tools for implementing the Megale Idea.

Keywords

The Megale Idea, the Church of Greece, the Patriarchate of Constantinople, the Theological School of Halki, Modern Greek Studies, Russian Foreign Policy (19th — early 20th c.)

Rumiana I. PRESHLENOVA

Slavophilism of Bulgarian expatriate merchants, education and national ideas in the 19th century

Abstract

The text examines the attitude of Bulgarian expatriate merchants to some Slavic educational centers in the Habsburg monarchy through the prism of the educational needs of the emerging Bulgarian nation since the middle of the 19th century. The research is based on archival sources of the 19th century, namely on partially preserved documents of two Bulgarian charitable organizations abroad — the Bulgarian Patriotic Society "Progress" (Vienna) and the Charitable Society in Bucharest.

Keywords

Bulgaria, Balkans, Slavophilism, Bulgarian Expatriate Merchants, Education, National Ideas, 19th Century

Petr A. ISKENDEROV

The Great Eastern Crisis of 1875–1878 and national ideas among the Balkan peoples

Abstract

The research is devoted to the national ideas and movement among the Balkan peoples at the end of 19th — beginning of the 20th centuries. The author pays particular attention to the Great Eastern Crisis of 1875–1878 and its aftermaths for the region. The genesis of Balkan problems is also under consideration.

Keywords

Russia, Balkan Peninsula, Great Powers, international relations, national movements

Chapter 2

Foreign policy challenges of the time and the Balkan "response"

Simeon A. SIMEONOV

To Serve the Nation, to Represent the Empire: Russian Consuls in the Balkans (1774–1878)

Abstract

Being under the influence of the Anglo-Irish political scientist Benedict Anderson, most historians studying the so-called "long 19th century" continue to define nations as "imagined political communities," and regard nations and empires as two incompatible or even conflicting entities. In contrast to this traditional interpretation, current historiographical contributions raise new questions about the way in which the creation of new nation-states in the Balkans influenced, and was influenced by, imperial geopolitics. Focusing on the widespread and well-studied institution of the consulate, this research argues that this institution allowed local Balkan elites of the early nineteenth century to combine their national aspirations with imperial geopolitics. Due to the unique position of the Russian Empire following the Treaty of Küçük Kaynarca (1774), local Balkan consuls transformed Russian consulates into imperial laboratories as well as incubators of national independence.

Keywords
Empire, nationalism, consulship, Balkans, geopolitics, globalization

Nikolai N. STANKOV

On the history of the formation of relations between the USSR and the Kingdom of Yugoslavia in 1923–1928 (according to the documents of the Soviet missions in Prague)

Abstract

Based on the official diaries and reports of representatives of the USSR in Czechoslovakia, the research examines informal negotiations between the Soviet and Yugoslav diplomats in Prague, from the first contacts in the autumn of 1923 to the end of 1928. Considerable attention is paid to revealing the role of the heads of the press bureau in Roman Jacobson and Stevo Klyuich missions in establishing and maintaining these contacts. Thanks to these connections, the Soviet mission regularly received information about the internal political situation in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, its position in the international arena, and moreover there was probing for the recognition of the USSR and the establishment of official relations.

Keywords

Soviet-Yugoslav relations, recognition of the USSR, V.A. Antonov-Ovseenko, K.K. Yurenev, R.O. Jacobson, S. Klyuich, L. Neshich, B. Lazarevich

Alexandr ZIVOTIĆ

The USSR and the Government of the Kingdom of Yugoslavia in exile: from the break-off of diplomatic relations to the military Alliance (May–August 1941): historiographical highlights

Abstract

The paper is devoted to the key events in the Soviet-Yugoslav relations during the spring and summer of 1941. Despite the firm guarantees of military assistance, stipulated in the treaty of friendship and

non-aggression between the two countries signed on April 5, 1941, the Soviet Union did not react to the German attack on Yugoslavia, but limited itself to condemning Hungary's participation in aggression. On May 9, 1941, just a month after the signing of the treaty, the Soviet leadership, apparently under strong pressure from Germany, decided to break off diplomatic relations with the emigrant royal government. The study noted that, despite relatively mild form of the break-off, it was of rather brutal character. However, Germany's attack on the USSR changed the situation dramatically: diplomatic relations with Yugoslavia were restored, and in mid-July 1941, Ambassador Milan Gavrilovich arrived in Moscow again. Although the USSR and Yugoslavia subsequently fought against fascism together, the dramatic episode of the temporary break-off of relations initiated by a country that was considered fraternal, Slavic and allied, left a heavy mark on the history of bilateral relations: May of 1941 became a chronological landmark at which joint struggle against fascism stopped.

Keywords

USSR, Yugoslavia, treaty of friendship and non-aggression, diplomatic relations, historiographical assessments

Anatoliy S. ANIKEEV

At the onset of the Non-Aligned Movement: the Yugoslav factor. 1953–1961

Abstract

The research discusses the main stages in the process of formation of the Non-aligned movement, the role and place of Yugoslavia in the organization of the movement, the attitude of Moscow to the Yugoslav foreign policy choice, as well as the position of the USSR diplomacy, i.e. the Soviet embassy in Yugoslavia, that tried to impose the Kremlin agenda on the participants of the first conference of Non-aligned countries in Belgrade which took place from September 1st to September 7th, 1961. The preparation and opening of the conference coincided with the aggravation of the German problem, the refusal of the Western powers to comply with Moscow's ultimatum demands to urgently sign an agreement with two German states, which meant the recognition of the GDR. The situation in Berlin sharply worsened, where, in accordance with the Soviet recommendation, the regime of Walter Ulbricht erected a wall in mid-August, dividing the city into two parts. The Soviet leadership decided to get support for its plans and actions from the

third world countries gathered at the conference, primarily from those that were politically and economically dependent on the USSR to one degree or another. Moscow believed that such support from the world community could become an additional argument in defending the Soviet position in front of the "collective" West.

Keywords

Non-Aligned Movement, the role of Yugoslavia, Josip Broz Tito, Nikita Khrushchev, Soviet diplomacy, A. Epishev, Belgrade Conference 1961, German problem

Alexandr S. STYKALIN

The politics of history of the Ceauşescu regime: strengthening of nationalist tendencies and Moscow's reaction

Abstract

Since the mid-1960s, as relations between the USSR and Romania became more complicated, disagreements in the official approaches of each of the parties to key events in the history of Russia-Romania relations became increasingly apparent. This primarily affected such events as the annexation of Bessarabia by the Russian Empire in 1812, the transfer of this region to Romanian jurisdiction in 1918, the incorporation of Bessarabia and Northern Bukovina into the USSR in the summer of 1940. Disagreements also manifested themselves in the assessment of the interwar Romanian policy in Bessarabia, which, according to Soviet estimates, was based on discrimination against the population of this region. From the Romanian perspective, rejection of the Soviet project of creating an independent Moldovan socialist nation in the USSR, which was different from the Romanians, was demonstrated more openly. The disagreements on the Bessarabian question (the recognition by Romanian historians and ideologists of Romania's historical rights to Bessarabia) gave rise to suspicions of maintaining Romania's territorial claims against the USSR, which introduced additional tension in Soviet-Romanian relations. For a long time, Moscow tried to avoid public polemics with representatives of the allied country on issues related to the common history of neighboring states. But it to some extent adjusted its tactics in 1980, which was associated with an international congress of historians held in Bucharest, which was used by the hosts to inform the world historical community about the Romanian nationalist narratives and in particular the official Bucharest view of the relationship of Romanians with neighboring peoples.

Keywords

Soviet Union, Romania, Moldova, Bessarabia, Brezhnev, Ceauşescu, historical memory, international congress of historians

Chapter 3

The Balkan political palette: facts, actors, myths of historiography and realities

Alexandra D. MILANOVA

Opera and the creation of a national pantheon of heroes in nineteenth-century Romania

Abstract

This research aims to present and analyse the link between opera as a cultural practice and the creation of a national pantheon of heroes in nineteenth-century Romania. On the one hand, the importance of opera art in the process of building Romanian national (self-) consciousness will be explored. On the other hand, the most significant national operas of the 19th century will be considered, and analysing which will enable us to outline the main national strategies and representations embedded in them.

Keywords

Opera, Romania, national heroes

Marina M. FROLOVA

Bulgarian Chets *(armed detachments) in the Lovech region in 1877: myths of historiography and the realities of published sources*

Abstract

The study of published sources, which was a common practice in the Marxist historiography, enables us to reveal what the formation and activity of the Chets (Bulgarian armed detachments) in the Lovech region during the Russo-Turkish War of 1877–1878 looked like in reality.

Local population did not join chets en masse, and the reason for this was the uncertainty about the victory of Russians and the fear of the inevitable retribution from returning Turks. The partisan movement never emerged, as claimed in Marxist historiography. Hopes for active assistance of the chets to the detachment of General P.P. Kartsov when crossing and in the battle with the Turkish garrison were not fulfilled. It's important to mention that in the Marxist historiography glorification and significant exaggeration of chets activities in the Lovchensky region were common.

Keywords

Russo-Turkish War of 1877–1878, chets (Bulgarian armed detachments), Lovcha (Lovech), Troyan Pass, M.A. Khitrovo, D.G. Anuchin, P.P. Kartsov

Nikita S. GUSEV

Notes of Russian travelers about Macedonia 1878–1913 assessed by Russian and foreign researchers

Abstract

The research highlights the use of travel notes by Russian travelers, journalists, writers and scientists about Macedonia in the period after the Congress of Berlin and before the end of the Balkan Wars of 1912–1913 in Russian, Bulgarian and Macedonian historical research. A number of trends related to the politicized attitude towards these sources in the Balkans due to the lack of consensus on the Macedonian issue was noted. It is also stated in the paper that the scientific potential of Russian travelogues is far from exhausted, but requires a different approach from one which is currently accepted, i.e. consideration of sources in the context of biographies of authors and the socio-political situation around Macedonia.

Keywords

Macedonia, the Macedonian question, historiography, travelogues, Milyukov, Amphitheatrov, Bashmakov, Rittich

Yura T. KONSTANTINOVA

Zafir Saroglu's Legacy: Personal, Regional, National and Imperial Aspects

Abstract

The research traces the desires and dreams of Zafir Saroglu, described in his will. In the 1880s it became the subject of a legal dispute between Bulgaria and the heirs of a wealthy merchant who lived in Greece. Nevertheless, the question of his will shows us not only the Greek-Bulgarian national confrontation, but also a very different point of view on the significance of Russia for the peoples of the Balkan region. Zafir Saroglu accumulated his fortune in Russia, which allows us, tracing his history, to debunk some of the stereotypes established in historiography and to present the complex political, economic and ideological realities of the Balkans in the second half of the 19th century.

Keywords

Bulgaria, Greece, Russia, national idea, identity, merchants

Leonid V. ERMISHIN

The Orange Guard of the Bulgarian Agrarian National Union, outline of a political portrait

Abstract

In 1919, one of the political parties in Bulgaria — the Bulgarian Agrarian National Union (BZNS) — created an illegal paramilitary organization, which was called the "Orange Guard" by its contemporaries. Having come to power in 1920, the BZNS, instead of relying on official power structures such as the army, gendarmerie and police, continued to develop its own paramilitary structure. There are very few documents revealing its composition, number of members, tasks performed and their specific activities. Despite direct participation of the Guard in the internal political struggle of that period, the information about them in scientific literature also is scarce and fragmentary. During the Second World War, the archive of the Military Inter-Allied Commission of Control, which in 1919–1927 performed supervisory functions over Bulgaria's implementation of the military articles of the Treaty of Neuilly-sur-Seine, came at the disposal of the Soviet command as a

military trophy. In the Russian State Military Historical Archive, the author found the materials related to the activities of the commission. The paper analyzes a document that is supposedly a draft regulation on the recruitment to the "Orange Guard".

Keywords

Bulgaria, Military Inter-Allied Commission of Control, Bulgarian Agrarian National Union, A. Stamboliysky, R. Daskalov, Orange Guard, army, internal politics, weapons

Tina N. GEORGIEVA

The Free Cossacks movement and its activity in Bulgaria in the 1930s

Abstract

The research examines the development and activities of the Free Cossack movement in Bulgaria. Special attention is paid to the leader of the Bulgarian Cossacks, Pavel Kudinov, who actively participated in the life of the Cossack émigrés and for a certain period of time was even in charge of one of the main centres of Cossacks National Movement (called also "samostiinichestvo") located in Prague. The paper was written on the basis of new documents from the Bulgarian State Archive, as well as materials from the journals "Kazakia" and "Vol'niy Don" which were issued in the second half of the 1930s by Bulgarian Free Cossacks.

Keywords

Cossacks, Kazakia, Emigration, samostiinichestvo, Pavel Kudinov, Volniy Don, nationalism

Chapter 4

Modernization processes in the Balkans

Yuliia V. LOBACHEVA

Woman in Serbia in the second half of the 19th – early 20th centuries: historiography on the issue

Abstract

The main aim of this research is to have a closer look at the review of modern (since the 1990s) Serbian and Russian historical studies,

in which women's position and their life in Serbia in the second half of the 19th — early 20th centuries are considered in connection with or in the context of studying the processes of modernization in Serbia in the second half of the 19th — early 20th centuries.

Keywords

Serbia, Serbian society, modernization, Serbian woman, women's history, women's question, historiography

Ksenia V. MELCHAKOVA

Educational reforms in the Ottoman Empire in the Bosnian Vilayet in the assessments of Russian diplomats

Abstract

The paper analyzes the events of the active phase of reform process in the Ottoman Empire in the middle of the 19th century, which also affected the sphere of education. The Organic Law of 1869 proclaimed the introduction of universal compulsory education. Since most of the inhabitants of the Bosnian Vilayet remained illiterate, the population of the province was in dire need of establishing and developing a network of schools. The organization of the work of schools for the Orthodox population was carried out by church and school committees. The Russian consulates, which started working in Bosnia in 1857, collected information about the state of affairs at schools in the region and organized the delivery of aid to the Orthodox population to maintain and open educational institutions. The research is based on the reports of the Russian consuls and it characterizes and evaluates educational activities of the Ottoman authorities in the Bosnian Vilayet.

Keywords

Bosnian Vilayet, Ottoman Empire, Tanzimat, A.N. Kudryavtsev, Ya.P. Slavolyubov, church and school committees, Education Act of 1869

Tatiana V. NIKITINA

Modernization and Nationalism in Greece. 1910–1932

Abstract

The research analyzes the process of modernization of Greece which was closely linked to nationalism during the period from 1910 to 1932.

After the Balkan Wars of 1912–1913 the Greek state, the territory and population of which grew twice, needed changes. The changes in Greek society took place due to reforms conducted by the administrations of liberals led by the well-known Greek politician E. Venizelos. The modernization announced under the slogan of revival of Great Greece was determined to transform Greece into a modern and developed European state. It included political, military, agrarian, tax and educational reforms, industrialization of the country and adoption of labour legislation. The national idea appeared to be extremely effective in terms of unifying the society during the reformation period. Nationalism as one of the elements of traditionalism was what became the ideology during the period of transfer from traditional to modern society. The mutual influence of modernization and nationalism, as well as the reasons for incompleteness of liberal reforms in Greece, are considered in the paper.

Keywords

Greece, modernization, national idea, nationalism, liberals, E. Venizelos, political, agrarian, military, tax, educational and industrial reforms, labour issue, traditionalism, European state, Great Powers

Tatiana V. VOLOKITINA

Soviet model in Bulgaria as a socialist Modernization project (1950s – 1960s)

Abstract

The research analyzes the impact of the Soviet model of so-called "catching up" modernization in Bulgaria. It has been proved that the Soviet model turned out to be suitable for the destruction of the traditional socio-economic structure. Under the "catching up" modernization a modern industrial society was created in Bulgaria by the end of the 1960s, the social status of citizens changed, once agrarian country became one of the mid-developed countries of the world. However, by that time, in the new, information stage of modernization, the command and administration model of the economy organization, contributing to extensive development, had exhausted itself. In the long term, the Soviet modernization project, based on the strength and power of "the party-state", turned out to be inefficient and demanded the search for new adequate solutions.

Keywords

"Catching up" modernization, "Bulgarian Socialism" as a modernization project, stages of the implementation of the Soviet model in Bulgaria

Chapter 5

The Balkans today

Evgeniia P. TROEVA-GRIGOROVA

Ethnogenesis of Bulgarians: historiographic trajectories and popular culture

Abstract

The paper presents the study of the evolution of the idea of the Bulgarians ethnogenesis from the 17th to the 21st century. It reveals the main historiographical traditions on the topic, commenting on historiographical changes in the context of political transformation, as well as the interaction between the official historical narrative and popular culture.

Keywords

Historiography, ethnogenesis, Bulgarians, popular culture

Tatiana G. BITKOVA

Does Romania belong to the Balkans? Opinions of politicians, experts, scientists and images of everyday life

Abstract

Romania's belonging to the Balkan region is a controversial issue from the point of view of Romanian politicians, experts and historians. Many of them believe that Romania is not part of the Balkans neither geographically nor politically. However, it is obvious that culturally and historically Romania still bears the features of the so-called "Balkanism", due to the Ottoman past shared with other countries of the Balkan Peninsula. These features are relevant both for today's socio-political situation and for everyday life.

When studying the architectural heritage of modern Romania, both Ottoman and Byzantine roots are revealed, which links it to the Balkan culture. This is most pronounced in Wallachia and to a certain extent in Moldova. Transylvania is famous for monuments of German medieval Gothic, as well as Austro-Hungarian Baroque art. Thus, the visual art of Transylvania (as well as the Banat) is difficult to correlate with "Balkanism".

Despite the desire to present Romania as a non-Balkan country, its leaders are interested in the countries of the Balkan region, being in close cooperation with them. The greatest attention is paid to relations with the Western Balkans and, first of all, with Serbia. Romania's position in the Western Balkans is determined by the support of the Euro-Atlantic aspirations of the countries of this region, but Romania is not indifferent to the influence of Russia and Turkey here. Summing up all the factors mentioned above we may draw a conclusion that the question of Romania's belonging to the Balkans has, first of all, political significance for its ruling elite. They try to fit the diversity of culture and historical traditions into this context.

Keywords

Romania, "Balkanism", Byzantine-Ottoman traditions, Wallachia, Moldova, Transylvania, everyday life, art, politics

Michael V. BELOV

Politics of history in the countries of the former Yugoslavia: some results of the research project

Abstract

In the case of the successor states of Yugoslavia the combination of history and politics was aggravated by the bloody ethnic and civil conflicts of the 1990s. The deep injuries inflicted by the armed struggle still have an impact on the memory of the recent past. In its turn it becomes a filter for the perception of previous events, processes and persons. The novelty of the project is determined by an integrated, multilevel, comparative study of politics of history in the states of the former Yugoslavia. The embodiment of the plan is complicated by the contradictory memories about the tragic circumstances of the collapse of the Communist federation. During the implementation of the project, common paradigms and specificity of each national situation, as well as competitive models of referring to the common past, were identified. At the same time, the contextual framework of the study takes into account the conflict zones of memory outside the former Yugoslavian space and the role of external actors. The result of the project is a qualitative examination of politics of history in the states of the former Yugoslavia inscribed in both the regional and European contexts.

Keywords

Politics of memory, Serbia, Montenegro, Croatia, Slovenia, Bosnia and Herzegovina, Macedonia, Kosovo

Vojn K. BOZHINOV

Recep Tayyip Erdoğan's imperial ambitions in the Balkans. Is the emergence of a new Ottoman Turkey possible?

Abstract

The paper analyzes the main directions of domestic and foreign policies of the 12th President of Turkey Recep Tayyip Erdoğan in the context of the realization of his imperial ambitions by returning Ottomanism to the Balkans. The fundamental attitudes of neo-Ottomanism as the main ideological support of the regime are considered. The facts testifying to Ankara's territorial claims to the former Ottoman provinces of the Balkans and the use of compact Turkish/Muslim population groups in Bulgaria, Bosnia and Herzegovina, Albania, Kosovo, Serbia, etc. in order to expand its influence in Southeastern Europe are presented. The transformations in the economy are revealed, specific information about the intensified militarization of Turkey is also provided. The conclusion is made about a relatively favorable prospect for the return of Ottomanism to the Balkan region and, consequently, to satisfy the imperial ambitions of the Turkish president.

Keywords

Recep Tayyip Erdoğan, Balkans, Bulgaria, neo-Ottomanism, economy, Islamic factor, militarization, Pax Ottomana

Сведения об авторах

Аникеев Анатолий Семёнович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Россия, Москва.

Белов Михаил Валерьевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород.

Биткова Татьяна Георгиевна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Россия, Москва.

Божинов Войн Константинов — доктор истории, главный ассистент, Институт исторических исследований, Болгарская академия наук, Болгария, София.

Волокитина Татьяна Викторовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны, Институт славяноведения РАН, Россия, Москва.

Георгиева Тина Николаева — доктор истории, доцент, Софийский университет им. Св. Климента Охридского, исторический факультет, Болгария, София.

Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Института славяноведения РАН, Россия, Москва.

Ермишин Леонид Валерьевич — аспирант кафедры истории южных и западных славян исторического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва.

Животич Александр — доктор исторических наук, профессор, Белградский университет, философский факультет, Сербия, Белград.

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Россия, Москва.

Константинова Юра Тотева — доктор исторических наук, доцент, Институт балканистики с Центром фракологии, Болгарская академия наук, Болгария, София.

Лобачёва Юлия Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Россия, Москва.

Мельчакова Ксения Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Россия, Москва.

Миланова Александра Димитрова — доктор истории, главный ассистент, научный координатор, Институт балканистики с Центром фракологии, Болгарская академия наук, Болгария, София.

Никитина Татьяна Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, Россия, Москва.

Петрунина Ольга Евгениевна — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН; профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, Россия, Москва.

Прешленова Румяна Илиева — доктор истории, профессор, директор, Институт балканистики с Центром фракологии, Болгарская академия наук, Болгария, София.

Симеонов Симеон Андонов — доктор истории, Брауновский университет, Провиденс, США.

Станков Николай Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Россия, Москва.

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Россия, Москва.

Троева-Григорова Евгения Петкова — доктор истории, доцент, Институт этнологии и фольклористики с Этнографическим музеем, Болгарская академия наук, Болгария, София.

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Россия, Москва.

The Balkans, familiar and unfamiliar: events, personalities, narratives. The 18th–21st centuries

The collective work was prepared by the scholars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences and it continues the tradition of studying various aspects of the history of the peoples of the Balkan Peninsula in Early Modern times and Modern times. The attention of researchers from Russia, Bulgaria and Serbia is focused on highlighting some trends and key vectors of the historical development of this complex region. The following topics are touched upon in the work: the formation of national ideas, modernization processes, foreign policy challenges and domestic political development in the 18th–21st centuries, the politics of history of the countries of the Balkan Peninsula nowadays.

The book is of great interest to specialists in the history of the Slavic and Balkan peoples, as well as to a wide range of readers.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

БАЛКАНЫ ЗНАКОМЫЕ И НЕЗНАКОМЫЕ: СОБЫТИЯ, ЛИЧНОСТИ, НАРРАТИВЫ. XVIII–XXI ВВ.

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 5 заседания Ученого совета
ФГБУН Институт славяноведения РАН от 25.10.2022)

Ответственный редактор
Т.В. Волокитина

Редактор-корректор
С.И. Данченко

Компьютерная верстка
П.Н. Морозов

Дизайн обложки
П.К. Донской

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

На обложке:

Фотография Э. Шнеевайса «Танцующие коло».
Мужчины и женщины (католики) в традиционной одежде танцуют коло на улице.
Миле, недалеко от Яйце, Босния и Герцеговина.
Не позднее 1915 г.

© Австрийский музей фольклора
(Инв. № ÖMV/pos/3921).

Creative Commons [CC BY-NC-ND 3.0].

Фото подверглось незначительным изменениям
(коррекция цвета, растягивание изображения)

Источник: https://gams.uni-graz.at/o:vase.2691

On the cover:

Photo by Dr. E. Schneeweis “Dancing Kolo”.
Catholic men and woman wearing traditional clothes are dancing the kolo outdoors.
Mile, near Jajce, Bosnia and Herzegovina.
Not after 1915.

© Österreichisches Museum für Volkskunde
(Inv. No.: ÖMV/pos/3921).

This picture is licensed under
Creative Commons [CC BY-NC-ND 3.0].

The photo has undergone minor changes
(color correction, image stretching)

Source: https://gams.uni-graz.at/o:vase.2691

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 20.12.2022. Формат $60\times90^{1}/_{16}$.
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 37,75.
Объем 37,75 печ. л.

Заказ № 92.

Тираж 500 экз.